

Юрий ЖУКОВ

Из архивов
Политбюро

ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ СТАЛИНА

Жуков Юрий Николаевич (1938).
Доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник Института российской
истории РАН.
Автор восьми монографий
по истории СССР.

Книга «Первое поражение Сталина» рассказывает о начале политической карьеры будущего общепризнанного лидера Советского Союза. О том, как в годы революции и гражданской войны он пытался сохранить единство России, не допустить ни ее распада, ни развала на национальные республики. О том, кто ему в этом противостоял, почему Сталин так и не смог одержать победу в жестокой и бескомпромиссной борьбе.

Книга создана на основе уникальных архивных документов, большинство из которых лишь недавно рассекречено и предлагает совершенно новый взгляд на события тех бурных лет.

Она по-новому отвечает на вопросы, крайне болезненные и сегодня, убедительно доказывает, казалось бы, невероятное:

- взгляды Сталина – в 1917 году третьего человека в большевистской партии – и Милюкова – вождя кадетской партии и идеолога «белого движения» – полностью совпадали в вопросе о том, какой должна быть страна;
- начало распада России еще весной 1917 года положили сепаратистские устремления украинской Центральной рады;
- весной 1919 года Сталина удалили из Москвы, отрешив его до конца гражданской войны от участия в руководстве партией и государством;
- в 1920 году никаких серьезных оснований для признания независимости прибалтийских республик не было;
- СССР в той конституционной форме, которую утвердили в декабре 1922 года и которая сохранялась вплоть до декабря 1991 года, был создан вопреки возражениям Сталина в угоду леворадикальным утопиям, которые отстаивали Ленин, Каменев, Зиновьев, Троцкий.

ISBN 978-5-905024-02-3

9 785905 024023

Юрий ЖУКОВ

ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ СТАЛИНА
1917-1922 годы
ОТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ – К СССР

Юрий ЖУКОВ

ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ СТАЛИНА
1917-1922 годы
ОТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ – К СССР

www.atbooks.ru
Издательский центр
«Аква-Терм»
Москва-2011

Знать – чтобы предвидеть,
предвидеть – чтобы избегать.

Огюст Конт

УДК 94(45+57)1933/1937
ББК 63.3(2)615
Ж 86

Жуков Ю.Н.

Ж 86 Первое поражение Сталина 1917-1922 годы от Российской Империи – к СССР/Юрий Жуков – М.: Издательский центр «Аква-Терм», 2011. – 672 с.

ISBN 978-5-905024-02-3

Книга «Первое поражение Сталина» рассказывает о начале политической карьеры будущего общепризнанного лидера Советского Союза. О том, как в годы революции и Гражданской войны он пытался сохранить единство России, не допустить ни её распада, ни раздела на национальные республики. И о том, кто ему в том противостоял, почему Сталин так и не смог одержать победу в жестокой и бескомпромиссной борьбе.

Книга рекомендована к печати Учёным советом Института российской истории РАН.

УДК 94(45+57)1933/1937
ББК 63.3(2)615

Охраняется законом РФ об авторском праве

ISBN 978-5-905024-02-3

© Жуков Ю.Н., 2011
© Издательский центр «Аква-Терм», 2011
www.atbooks.ru

В марте 1913 года в Петербурге вышел из печати и поступил в продажу очередной, третий, номер легального большевистского журнала «Просвещение». Среди прочих материалов он содержал и статью Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия». Статью столь пространную, что её пришлось публиковать в трех номерах, а год спустя – из-за большого к ней интереса – даже издать отдельной брошюрой под несколькими именами: «Марксизм и национальный вопрос».

Этой статьёй автор, до того известный только в узких партийных кругах как функционер регионального масштаба, главным образом по двум работам («Вкратце о партийных разногласиях» и «Анархизм или социализм»), напечатанным на грузинском языке, ибо имели значение прежде всего для кавказских организаций РСДРП, заявил о себе как о серьёзном, зрелом теоретике. Обратившись к вопросу, разрабатывавшемуся европейской социал-демократией начиная с Четвёртого (лондонского) конгресса Второго Интернационала, и выдвинувшем лозунг «право наций на самоопределение», трактуемый как политическая или культурная автономия.

Новая работа Сталина стала результатом и глубокого, тщательного изучения более чем актуальной, начиная с революции 1905 года, для России проблемы, и знакомства с нею на практике во время первой зарубежной поездки – три с половиной месяца с начала ноября 1912 года по февраль 1913-го он провёл в Австро-Венгрии. Жил сначала в Кракове, а потом в Вене.

Злободневность избранной проблемы и для Российской Империи, и для большевистской партии Сталин объяснил далеко не сразу. Для начала, в чём сразу же проявил чисто научный подход, объяснил своё понимание термина «нация», чему посвятил первый из семи разделов работы. Последовательно, используя широкий круг примеров, полемизируя с виднейшими лидерами австрийской социал-демократии Отто Бауэром и Карлом Рен-

нером, писавшими под псевдонимами Шпрингер, Синоптикус, указал:

«Нация есть исторически сложившаяся, устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». И тут же подчеркнул – «только наличие всех признаков, взятых вместе, даёт нам нацию».

Затем подвёл читателя к следующему тезису. «Нация, – указал Сталин, – является не просто исторической категорией, а исторической категорией определённой эпохи». Раскрыл такое объяснение следующим образом: «В западной Европе... образование наций означало... превращение их в самостоятельные национальные государства». Не стал при этом углубляться в историю, напоминая, что появились они с 1648 года, со времени завершения охватившей весь континент Тридцатилетней войны и подписания Вестфальского мира. Счёл более важным донести до читателей иное:

«В то время как на Западе нации развивались в государства, на Востоке сложились межнациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия. В Австрии наиболее развитыми в политическом отношении оказались немцы – они и взяли на себя дело объединения австрийских национальностей в государство. В Венгрии наиболее приспособленными в государственной организованности оказались мадьяры... В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы». А далее сказал то самое важное, что, по его мнению, и породило национальный вопрос:

«Ворвавшись в спокойную жизнь оттеснённых национальностей, капитализм взбудораживает последние и приводит их в движение. Развитие прессы и театра, деятельность Рейхсрата в Австрии и Думы в России способствует усилению «национальных чувств». Народившаяся интеллигенция проникается «национальной идеей» и действует в том же направлении. Но приступившие к самостоятельной жизни оттеснённые нации уже не складываются в независимые национальные государства. Они встречают на своём пути сильнейшее противодействие со стороны руководящих слоёв командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!»

Вслед за тем Сталин пояснил: «Так складывались в нации чехи, поляки и т.д. в Австрии, хорваты и прочие в Венгрии, латыши, литовцы, украинцы, грузины, армяне и прочие в России. То, что было исключением в Западной Европе (Ирландия), на Вос-

токе стало правилом... Так складывались обстоятельства, толкавшие молодые нации востока Европы на борьбу... Борьба началась и разгорелась, собственно, не между нациями в целом, а между господствующими классами командующих и оттеснённых наций...

Стеснённая со всех сторон буржуазия угнетённой нации, естественно, приходит в движение. Она апеллирует к «родным низам» и начинает кричать об «отечестве», выдавая своё собственное дело за дело общенародное... И «низы» не всегда остаются безучастными к призывам, собираясь вокруг её /буржуазии – **Ю.Ж.**/ знамён: репрессии сверху задевают и их, вызывая в них недовольство. Так начинается национальное движение...

Но тут же Сталин растолковывает, конкретизирует: «Из сказанного ясно, что национальная борьба в условиях поднимающегося капитализма является борьбой буржуазных классов между собой».

Только прочно обосновавшись на единственно бесспорном для всех без исключения марксистов классическом положении – фундаменте, Сталин и продолжил развитие своей мысли. «Поэтому, – резюмирует он, – социал-демократия всех стран провозглашает право на самоопределение». Но что же стоит за таким лозунгом? И даёт ему собственное толкование, коренным образом отличавшееся от того, на котором настаивали теоретики австрийской социал-демократии и лидеры «Бунда» – партии, объединявшей российских евреев.

Право на самоопределение, утверждает Сталин, означает, что «только сама нация имеет право определять свою судьбу. Никто не имеет права **насильственно** вмешиваться в жизнь нации, **разрушать** её школы и прочие учреждения, **ломать** её нравы и обычаи, **стеснять** её язык, **урезать** её права».

Правда, сразу же последовала оговорка, и весьма принципиальная. «Это, конечно, не значит, – подчеркнул Сталин, – что социал-демократия будет поддерживать все и всякие обычаи и учреждения нации. Борясь против насилий над нацией, она будет отстаивать лишь право нации самой определить свою судьбу».

Далее же Сталин впервые высказал то, что на протяжении последующего десятилетия будет повсюду отстаивать, пытаться осуществить на практике. Нация, по его твёрдому убеждению, «имеет право устраивать свою жизнь на началах автономии,.. вступать с другими нациями в федеративные отношения,.. совершенно отделиться... Но это ещё не означает, что она должна делать это при всяких условиях, что автономия или сепарация везде и всегда будут выгодны для нации, то есть для её боль-

шинства, то есть для трудящихся слоёв». И сразу же задаётся важнейшим вопросом: «какое решение более всего совместимо с интересами трудящихся масс – автономия, федерация или сепарация?»

Ответ следует незамедлительно: «Экономические, политические и культурные условия: – таков единственный ключ к решению вопроса о том, как именно устроится та или иная нация, **какие формы** должна принять её будущая конституция». Только затем Сталин позволил себе перейти от общего к частному. От поиска ответа – как же решать национальный вопрос, не вообще в Восточной Европе, а в России.

«В России, – съехидничал он, – во-первых, «слава богу, нет парламента». Во-вторых, и это главное, остью политической жизни России является не национальный вопрос, а аграрный. Поэтому судьба русского вопроса, а, значит, и «освобождения» наций связываются в России с решением аграрного вопроса, то есть с уничтожением крепостнических остатков, то есть с демократизацией страны... Не национальный, а аграрный вопрос решает судьбы прогресса в России. Национальный вопрос – подчинённый».

Следующие два раздела работы Сталин посвятил целенаправленной критике культурной автономии. Ещё раз категорически отверг её, под каким бы флагом она не выступала, ибо для него такое решение «противоречит всему ходу развития наций. Она, – пояснил Сталин, – даёт лозунг организовать нации, но можно ли их искусственно спаять, если жизнь, если экономическое развитие отрывает от них целые группы и рассеивает последние по разным областям?»

Наконец, вернулся к наиглавнейшему – как же решать национальный вопрос в России. И начал с наиболее хорошо знакомого ему. «На Кавказе, – объяснил Сталин, – имеется целый ряд народностей с примитивной культурой, с особым языком, но без родной литературы». К таковым относились мингрелы, абхазы, аджарцы, сваны, лезгины, кобулетцы, ингуши, осетины, ингилойцы, закавказские татары (азербайджанцы)... «Как быть с такими народностями?... К каким нациям их отнести? Возможно ли их «организовать» в национальные союзы?» – задал он риторические вопросы, и сам же ответил на них:

«Национальный вопрос на Кавказе может быть разрешён лишь **в духе вовлечения запоздалых наций и национальностей в общее русло высшей культуры**. Только такое решение может быть прогрессивным и приемлемым для социал-демократии. Областная автономия Кавказа потому и приемлема, что она

втягивает запоздалые нации в общее культурное развитие, она помогает им вылупляться из скорлупы мелконациональной замкнутости, она толкает их вперёд и облегчает им доступ к благам высшей культуры».

Завершил же Сталин работу конкретным предложением. Правда, заимствованным у Мартова. Точнее, из сказанного тем ещё в 1903 году на II съезде РСДРП и включённого в программу партии. Наиболее разумной формой решения национального вопроса должно стать «областное самоуправление для тех окраин, которые по своим бытовым условиям и составу населения отличаются от собственно русских областей». Но далеко не для всех.

«Единственно верное решение, – указал Сталин, – областная автономия. Автономия таких определившихся единиц, как Польша, Литва, Украина, Кавказ и т.д.

Преимущество областной автономии состоит, прежде всего, в том, что при ней приходится иметь дело не с фикцией без территории, а с определённым населением, живущим на определённой территории. Затем, она не межует людей по нациям, она не укрепляет национальные перегородки. Наоборот, она ломает эти перегородки и объединяет население».

Так, вводя альтернативу культурной автономии областной, Сталин и сделал её «необходимым пунктом в решении национального вопроса». Но понимая, что предлагаемые им области не являются моноэтническими, оговорил и такую проблему. «Можно опасаться поэтому, что меньшинства будут угнетаемы национальными большинствами. Но опасения имеют основания лишь в том случае, если страна останется при старых порядках».

...Когда Сталин писал «Марксизм и национальный вопрос», он не мог даже помыслить, что всего через четыре года его статья потеряет чисто теоретический, отвлечённый характер.

Часть I

ЯЩИК ПАНДОРЫ

Глава I.

НОВАЯ ВЛАСТЬ – СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

С отречением Николая, а вслед за тем и Михаила, появилось, казалось бы, долгожданное, столь чаяемое либералами ответственное, пусть и назвавшее себя временным, правительство. Ответственное, перед продолжавшей существовать никем не распущенной Думой, сессию которой при желании можно было возобновить в любой день. Той самой Думы, «по почину» которой якобы Временное правительство и возникло. На самом деле всё оказалось далеко не так просто.

Только что вступивший в должность министра иностранных дел П.Н.Милюков на первой же официальной встрече с французским послом Морисом Палеологом откровенно объяснил: «Мы сосредоточили в своих руках все виды исполнительной власти, в том числе и верховную. Мы, следовательно, не ответственны перед Думой».¹ Уточнять – а перед кем всё же ответственно Временное правительство? – почему-то не стал.

Позиция всех новых министров (в том числе, и премьера) основывалась на тексте отречения, подписанного Михаилом. А в том прямо указывалось, что Временное правительство облечено ВСЕЮ властью. Следовательно, не только исполнительной, но и законодательной. Правда, всего лишь на время до созыва Учредительного собрания. И вот такая деталь вскоре и породила несколько позже названное тем же Милюковым «перерывом в праве».

Сознательный отказ от ответственности перед Думой породил и иное. Неизбежное в самом близком времени усиление значения Совета рабочих и солдатских депутатов просто как единственного в стране органа выборного. Уже в силу только того призванного подменить собой и формально существующую, но бездействующую Думу, и пока не существующее Учредительное собрание, с выборами в которое не очень торопились.

Словом, странная, необъяснимая позиция Временного правительства сама по себе вела к неизбежному в таких обстоятельствах двоевластию.

Между тем, все, абсолютно все – и народ страны, и союзники – ждали от Временного правительства, ибо ждать больше было не от кого, ответа на самый важный, воистину судьбоносный вопрос. Сможет ли новая Россия не просто продолжать воевать, всего лишь удерживая фронт, но и по договорённости, достигнутой в октябре минувшего года, перейти в наступление. Совместно с французскими, английскими и итальянскими силами нанести Германии и Австро-Венгрии последний, решающий и сокрушительный удар.

Только потому Временному правительству и пришлось первой же декларацией, от 6 марта, заверить Париж, Лондон и Рим в верности данным прежде обязательствам. Заявить, что «будет верно соблюдать все союзы и сделает всё, от него зависящее, чтобы обеспечить армии всё необходимое для ведения войны до победного конца».² Оговорку же – «всё, от него зависящее» – допустили далеко не случайно. Из-за неуверенности в боеспособности «полученных в наследство» вооружённых сил.

Худшие опасения подтвердились слишком скоро.

«Запасов в стране, – констатировала записка Ставки, направленная всего три недели спустя в МИД, – для полного довольствия армии **недостаточно**... Вследствие недостатка угля, металла, расстройства транспорта и переживаемых событий производство снарядов (крупных калибров), патронов, ружей и орудий значительно понизится... Укомплектование людьми в ближайшие месяцы подавать на фронт в потребном числе нельзя, ибо во всех запасных частях происходят брожения... Укомплектование лошадьми будет задержано, так как по условиям внутреннего транспорта и необходимости не ослаблять полевые /сельскохозяйственные – **Ю.Ж.**/ работы, все реквизиции лошадей задержаны. Железнодорожный транспорт находится в значительном расстройстве, и, даже при условии отыскания запасов, мы не можем подавать одновременно на фронт запасы для ежедневного довольствия и для образования запасов, без наличия которых хотя бы на двухнедельную потребность нельзя начинать каких-либо операций».

«Армия, – продолжала записка, – переживает болезнь. Наладить отношения между офицерами и солдатами удастся, вероятно, лишь через два-три месяца. Пока же замечается упадок духа среди офицерского состава, брожение в войсках, значительное дезертирство. Боеспособность армии понижена, и рассчиты-

вать на то, что в данное время пойдёт вперёд, очень трудно».

Далее же следовал неутешительный вывод:

«1. **Приводить** ныне в исполнение намеченные **весной активные операции недопустимо**. 2. Не рассчитывая на Балтийский флот, надо организовать оборону Финляндии и подступов к Петрограду, что потребует усиления Северного фронта. 3. На всех фронтах, до восстановления порядка в тылу и образования необходимых запасов, необходимо перейти к обороне. 4. Необходимо принять самые энергичные меры для уменьшения едоков на фронте. Для этого необходимо убрать с фронтов всех инородцев и военнопленных и решительно сократить число людей и лошадей во всех тыловых учреждениях. 5. Надо, чтобы правительство всё это совершенно определённо и ясно сообщило нашим союзникам, указав на то, что **мы теперь не можем выполнить обязательства, принятые на конференциях в Шантильи и Петрограде**»³ /о совместном и одновременном наступлении не позже апреля 1917 года – **Ю.Ж.**/.

Итак, оборона вместо наступления... Но не только. Ставке, пока особо не подчёркивая, пришлось отметить и иное. Солдаты стали выражать своё отношение к войне самым простым и наглядным способом – дезертирством. Нараставшим, ширившимся с каждым днём бегством с фронта. Спустя всего год Н.Д.Набоков так объяснял происходившее: «Трёхлетняя война осталась чуждой русскому народу, он ведёт её нехотя, из-под палки, не понимая ни значения её, ни целей, он ею утомлён, и в том восторженном сочувствии, с которым была встречена революция, сказалась надежда, что она приведёт к скорому окончанию войны».⁴

Но не только дезертирство изрядно поубавило оптимизма у власти. Требовала самого срочного решения ещё одна проблема. По всей стране начались, всё усиливаясь, «аграрные беспорядки», как привычно называли крестьянские волнения. Разгром имений и «чёрный», то есть исключительно на свой страх и риск, раздел помещичьей земли. Пахотной, которой никогда не хватало тем, кто её обрабатывал, луговой – для сена, шедшего на прокорм скоту.

Временное правительство уже 19 марта признало: решение земельного вопроса «составляет самую серьёзную социально-экономическую задачу переживаемого периода», является «основным требованием всех демократических партий». Правда, тут же оговорило – вопрос о земле «станет на очередь в предстоящем Учредительном собрании»⁵. Не раньше. Но на некоторые меры правительство всё же отважилось. 16 марта национализировало земли удельного ведомства, то есть принад-

лежавшие царской семье в совокупности. Более 7 миллионов гектаров. А спустя десять дней новым постановлением добавило к национализированным и земли кабинета бывшего императора. На том имитация земельной реформы завершилась. Крестьяне так и не получили от государства ни одной десятины.

На том беды и несчастья, с которыми пришлось столкнуться новой власти, не ограничились. К коллапсу экономики и транспорта, к бегству солдат из окопов, к крестьянским волнениям добавилось и то, чего прежде ещё не было. То, что угрожало распадом страны, безразлично, выиграет ли она войну, или проигрывает. Громогласно, требовательно заявил о себе сепаратизм.

1. Автономии!

Избавиться разом хотя бы от внутренних проблем премьер Г.Е.Львов попытался самым, как он полагал, простым, радикальным и вместе с тем демократическим способом. 7(20) марта он направил во все административные центры России циркулярную телеграмму, подписанную лишь им одним.

«Придавая самое серьёзное значение, – гласило распоряжение Львова, – в целях устройства порядка внутри страны и для успеха обороны государства, обеспечению безостановочной деятельности всех правительственных и общественных учреждений, Временное правительство признало необходимым устранить губернаторов и вице-губернаторов от исполнения обязанностей, передав управление председателям губернских земских управ в качестве правительственных комиссаров».⁶

Трудно вообразить, чтобы автоматическая полная замена одних чиновников царского министерства внутренних дел другими, также занимавшими свои посты по назначению, смогла что-либо изменить к лучшему. Однако Львов не ограничился лишь такой мерой. На следующий день было опубликовано с ним интервью, которым премьер только усилил им самим и порождённый административный хаос. «Назначать, – вдруг заявил премьер, противореча смыслу собственной телеграммы, – никого правительство не будет. Это вопрос старой психологии... Пусть на местах сами выберут».⁷ И тем поставил накануне назначенных комиссаров в ложное положение. Чётко указал, что их пребывание в должности – весьма кратковременное. Следовательно, безответственное. Так, вмиг разрушил пусть плохую, даже очень плохую, но всё же хоть как-то ещё действовавшую систему управления. Усугубил же ситуацию одновременный роспуск полиции и жандармерии как органов порочного самодержавия.

За такими решениями и последовала неизбежная, легко предсказуемая смута, прежде всего проявившаяся на национальных окраинах. Ускорили же её два постановления Временного правительства, на деле означавшие добровольный отказ от двух наиболее развитых в промышленном отношении, наиболее культурных регионов.

Первым стал принятый 7 (20) марта акт «Об утверждении конституции Великого Княжества Финляндского и о применении её в полном объёме». По сути ставший выражением взглядов и Прогрессивного блока, высказанных ещё в августе 1915 года, и царского правительства, признавшего в конце 1916 года, под давлением обстоятельств, неприемлемым жёсткий курс по отношению к Финляндии.

В Петрограде полагали такой акт вполне достаточным, дабы снять все накопившиеся за годы войны противоречия с Гельсингфорсом. И получить, наконец, столь необходимый займ в размере 200 миллионов финских марок, призванный компенсировать отсутствие в Великом Княжестве воинской повинности. И увеличить поставки молока, масла, мяса для нужд столицы, испытывавшей острейшую нужду в продовольствии, а также фуража для армии. И пресечь всё нараставшее «егерское движение» – нелегальный отъезд в Германию молодёжи призывного возраста для военного обучения и последующей службы в рядах немецкой армии на её восточном фронте, то есть против России. Словом, наконец-то избавиться от постоянного страха перед финским вооружённым восстанием, которым российские власти давно уже сами себя настойчиво запугивали.

Возвратить насильственно отнятые законные права великому княжеству не составляло особого труда. Зато сразу же тот, кто сделал бы это, представал в глазах всего мира подлинным демократом, решительно порвавшим с тяжким наследием самодержавия. Вместе с тем, акт от 7 (20) марта призван был и послужить не вполне ясным, неотчётливым обещанием всем политическим кругам Финляндии – пророссийски пока ещё социал-демократам; старофиннам, являвшимся сторонниками ориентации на Германию и Швецию; младофиннам, решительно настроенным в пользу Антанты – той самой широкой автономии, на деле означавшей чуть ли не полную независимость, которой те и добивались.

Однако непродуманность, непоследовательность политики Временного правительства выразились буквально в первой же фразе столь важного документа. Практически повторившей традиционную формулу всех императоров при вступлении на престол, лишь несколько изменив её чисто стилистически: «Об-

лечённые всей полнотой власти, мы сим утверждаем и удостоверяем...»

Разумеется, акт включил всё то, что стало необходимым, являлось порождением насущных требований времени. Полное перечисление законов Российской Империи, изданных почти за три десятилетия, и ограничивших автономию Финляндии, а потому и отменяемых отныне. Объявление полной амнистии осуждённым по политическим мотивам, подразумевавшее, прежде всего, высылку в Томскую губернию П.Э.Свинхувуда, получившую слишком шумную огласку в Европе. Разрешение созвать избранный в июле 1916 года сейм, права которого предполагалось значительно расширить, и обещание представить на его утверждение законопроекты о независимом Верховном суде Великого Княжества, о свободе печати, о союзах. Но ни слова не было сказано о расквартированном в Финляндии 42-м отдельном корпусе, по численности приближавшемся к армии. Видимо, подразумевалось, что его пребывание вполне оправдано войною.

Завершался же акт 7 (20) марта более чем патетически: «Мы торжественно сим актом подтверждаем финляндскому народу, на основе его Конституции, незыблемое сохранение его внутренней самостоятельности, прав его национальной культуры и языков /финского и шведского – **Ю.Ж.**/. Мы выражаем твёрдую уверенность, что Россия и Финляндия будут отныне связаны уважением к закону ради взаимной дружбы и благоденствия обоих свободных народов».⁸

Итак, обещана была всего лишь **внутренняя** самостоятельность. Не более. Только то, чем и без того обладала Финляндия даже при самодержавии.

Подписывая акт, и премьер Львов, и все министры твёрдо полагали – всё население Великого Княжества вполне удовлетворится всего лишь восстановлением своих старых прав, а вековая уния двух государств сохранится и в будущем. Но ошиблись депутаты сейма, возобновившего свои заседания 21 марта (2 апреля), уже не захотели довольствоваться «внутренней самостоятельностью». Возжелали – революция, так революция! – гораздо большего.

Социал-демократ Мякелин заявил: «Автоматический переход власти монарха к Временному правительству означал бы, что русская революция произвела изменение финских основных законов. Если мы приняли манифест 7 марта и санкционировали созыв сейма, из этого не следует, что мы признали за Временным правительством право решать внутренние во-

просы Финляндии»⁹. А другой депутат, от Шведской народной партии, Хурнборг пошёл в своих требованиях ещё дальше. «Финляндия, – торжественно возгласил он с трибуны сейма, – и пусть это знает весь мир, будет настаивать на признании её самостоятельности».¹⁰

17 (30) марта Временное правительство сделало ещё один шаг на пути к скорому и неизбежному, как становилось очевидным, распаду страны. Выпустило «Воззвание к полякам», попытавшись выразить в нём как бы своё собственное отношение к давно «перезревшему» польскому вопросу. Решилось, наконец, на то, к чему фактически уже подошло Особое совещание по разработке основных начал будущего государственного устройства Польши всего месяц назад, 12 февраля.

Вынуждала же к тому настоятельная необходимость каким-либо образом сделать то, что лишь намеревалось царское правительство. Необходимость отреагировать, пусть и со значительным запозданием, на провозглашение 5 ноября 1916 года независимости Польши. Воссоздание её Центральными державами, но только из исключительно российских губерний с преобладающим польским населением, да и то далеко не всех. И, кроме того, постараться предотвратить формирование польской армии численностью чуть ли не в миллион человек. Появление той силы, которая вполне могла оказаться решающей в грядущих сражениях на германском фронте.

«Старая власть, – назидательно растолковывало воззвание населению Привислинского края, два года назад оставленного русскими войсками, – дала вам лицемерные обещания, которые могла, но не хотела исполнять. Срединные державы /Германия и Австро-Венгрия – **Ю.Ж.**/ воспользовались её ошибками, чтобы занять и опустошить ваш край. Исключительно в целях борьбы с Россией и с её союзниками они дали вам призрачные государственные права, и притом не для всего польского народа, а лишь для одной части Польши, временно занятой врагами. Этой ценой они хотели купить кровь народа, который никогда не боролся за сохранение деспотизма».

Далее же манифест чуть ли не слёзно взывал о самом важном. Но не для Польши, а для русского Генерального штаба: «Не пойдёт и теперь польская армия сражаться за дело угнетения свободы, за разъединение своей родины под команду своего векового врага». Подразумевалось, что поляки должны вступать, постоянно пополняя, в действовавшую в составе российских вооружённых сил дивизию Польских стрелков, развёрнутую

только что, 24 января 1917 года, из образованной ещё в октябре 1915 года Польской бригады.

Лишь затем говорилось об основном. «Временное правительство считает, – без обиняков указывало воззвание, – создание независимого Польского государства, образованного **из всех земель, населённых в большинстве польским народом** / выделено мной – **Ю.Ж./**, надёжным залогом прочного мира в будущей обновлённой Европе». И пояснялось: «Освобождённый и объединённый польский народ сам определит государственный строй свой, высказав волю свою через Учредительное собрание, созданное в столице Польши и избранное всеобщим голосованием... Российскому Учредительному собранию предстоит... дать своё согласие на те изменения государственной территории России, которые необходимы для образования свободной Польши из всех трёх ныне разрозненных частей её». ¹¹

Так, решительно и бесповоротно, Временное правительство распорядилось частью территории собственной страны. Понадеялось на непременною, как оно полагало, поддержку такого решения всею «революционной демократией» – как всех политических партий, так и будущих депутатов столь же будущего Учредительного собрания. Было твёрдо уверено, что раз и навсегда избавилось от будоражившей страну столетие самой острой из всех национальных проблем. Однако «Воззвание к полякам» вместе с актом от 7 (20) марта привело к обратному результату. Породило «эффект домино» – требования территориальной автономии чуть ли не во всех национальных окраинах. И прежде всего там, где они оказались спровоцированными самой властью.

...С 24 апреля 1915 года, когда германская армия захватила Либаву, военное положение в Прибалтике практически не менялось. Немцы продолжали удерживать Ковенскую, Виленскую и Курляндскую губернии, а фронт вот уже два года проходил несколько южнее Двины, превратив тем самым Ригу в важнейший для обороны Петрограда стратегический пункт русской армии.

Столь же неизменной всё это время оставалась и официальная антинемецкая государственная политика для края. Суть же её выражали не столько демонстративные действия – повсеместное закрытие немецких школ, запрет говорить по-немецки в общественных местах, эвакуация Дерптского университета вглубь России с одновременным переименованием его в Юрьевский, – сколько иное, более основательное. Поиск форм ликвидации сословной обособленности немецкого рыцарства (дворянства) Прибалтийского края и его многовековых привилегий.

Но если до февраля выдвижение такого вопроса являлось делом исключительно правительства, то теперь, после революции, его обсуждение взяло на себя местное коренное население. Уже 13 (26) марта в Риге по сути самовольно собралось губернское Земское собрание – в отличие от ещё юридически не ликвидированного немецкого дворянского ландтага состоявшее только из латышей. Оно и потребовало, практически поддержав ноябрьскую, 1916 года, инициативу бывших министра внутренних дел А.Д.Протопопова и премьера Б.В.Штюрмера о разделе Лифляндской губернии по этническому признаку.

Правда, теперь, после революции, ещё никем не санкционированный местный орган самоуправления скорректировал недавнее предложение, не изменив притом его чисто националистической сути, потребовал объединить все территории Прибалтийского края, населённые латышами, в единую административную единицу – Латвию. Согласно первому пункту резолюции Земского собрания, её должны были составить Курземе-Курляндская губерния; Видземе-Рижский, Вольмарский, Валкский, Венденский уезды Лифляндской губернии (её южная часть); Латгалия – Люцинский, Режицкий и Двинский уезды Витебской губернии.

Второй же пункт резолюции недвусмысленно гласил: «Латвия должна быть автономной и нераздельной провинцией России с широкими правами самоопределения».¹²

Рижское Земское собрание не сомневалось, что Временное правительство непременно удовлетворит хотя бы первую часть резолюции, и не ошиблось. Ещё бы, ведь за ним, в его пользу было не только антинемецкое настроение, выражавшееся в шпиономании и доносительстве. Главной своей заслугой латыши полагали создание добровольческой Латышской стрелковой дивизии, насчитывавшей к началу 1917 года 39 тысяч человек. Её восемь полков, входивших в состав 12-й армии, и сдерживали немцев под Ригой, прикрывая значительный участок фронта, протянувшегося от Балтики до Двинска.

Действительно, всего две недели спустя, 30 марта (12 апреля) Временное правительство утвердило двумя постановлениями национальное размежевание Лифляндской губернии. Отделило её северные уезды (Неоновский, Феллинский, Юрьевский (Дерптский), Веросский и Эзельский), включив в состав Эстляндской губернии. Кроме того, оба постановления – по Лифляндии и Эстляндии порознь – предусматривали в самом ближайшем будущем упразднение существовавших губернских органов местной власти – правлений, присутствий, а также только что

созданной должности губернского комиссара по крестьянским делам, и замену их выборными Земскими советами.¹³

Однако очень скоро достигнутого латышским политикам показалось недостаточным. Всего через месяц крупнейшая в Латвии партия, Крестьянский союз, поспешила сформулировать более радикальные требования к Временному правительству. В программе, принятой на съезде, прошедшем в Валке 29 апреля, потребовала:

«Для России – демократической федеративной республики (союза, народов – государств), возглавляемой: а) коллегиальным органом – Президиумом, члены которого выбираются на три года, из среды Палаты депутатов на общем её заседании; б) Советом представителей отдельных государств».

Для самой же Латвии предусматривалось, что она должна иметь «с Россией: а) общую дипломатию с правом в случае надобности иметь за границей особых хозяйственных агентов; б) общие морские и сухопутные войска (народную милицию)... в) общие таможи и таможенные пошлины... г) общие деньги». И твёрдо указала: «основные законы Латвии вырабатываются и принимаются Учредительным собранием Латвии».¹⁴

Ну а Латышская национал-демократическая партия пошла в своих устремлениях ещё дальше. В изданной ею и распространяемой по всей стране брошюре «Латышское государство» открыто призывала к отделению от России не только Латвии, но и Литвы, Эстонии, Финляндии, Украины.¹⁵

Наконец, появившаяся на картах только благодаря жгучему желанию латышей воссоединиться Эстония также поспешила заявить о своём стремлении к обособлению. 2 июля Эстонский национальный конгресс, проходивший в Ревеле, практически без каких-либо серьёзных изменений утвердил как собственную резолюцию программу Эстонской радикально-демократической партии, принятую в конце мая.

На словах высказав поддержку Временному правительству, конгресс, тем не менее, заявил, что он «в настоящее переходное время стремится всеми силами к тому, чтобы в среде Соединённых Штатов республиканской России возник полноправный Эстонский Штат, который, являясь частью нераздельной России, сосредоточил бы в своём ведении все касающиеся Эстонского края дела. Заодно конгресс высказал и территориальные претензии, первые такого рода в стране. Потребовал присоединить к Эстонии город Валку, расположенный на новой административной границе с Латвией, и населённую русскими Нарву.¹⁶

Идея сепаратизма в различных формах – от требования отделения до предоставления минимальной автономии – начала распространяться по России как эпидемия. Так, уже в конце марта газета грузинской партии социал-федералистов «Сахал-ко пурцели» воззвала к населению:

«Требуйте автономии Грузии!.. Беспредельное доверие и любовь национальностей России к Временному правительству будут бесконечны только в том случае, если революционное правительство судьбу этих национальностей разрешит в революционном смысле... Мы сами должны выработать законы свободной Грузии. Мы требуем не только грузинского демократического правительства, но и законодательства. Не только грузин-чиновников, но и грузин-правителей и грузинских депутатов грузинского парламента». Газета же «Сакартвело» потребовала всего-навсего немедленно выслать из Грузии «пришельцев», то есть русских.¹⁷

Тем всё нараставшее националистическое движение отнюдь не ограничилось. Продолжало охватывать один регион за другим. 6 (19) марта самообразовавшийся во Владикавказе и никого фактически не представлявший Временный Центральный Комитет объединённых горцев Северного Кавказа единодушно высказался «за выделение горских общин в отдельную автономную единицу». 25 марта (7 апреля) столь же нелегитимно возникший в Бахчисарае Крымо-татарский курултай (съезд) выдвинул боевой лозунг – «Крым для Крымцев». Месяц спустя религиозный по сути Туркестанский мусульманский Центральный Совет счёл самым актуальным для народов Средней Азии добиваться автономии края.¹⁸

И всё же, весной 1917 года наибольшую угрозу для целостности страны представляла стремительно развивавшаяся ситуация в Киеве. Там 4 (17) марта местные политические лидеры, давно мечтавшие хоть о какой-нибудь власти, поспешили воспользоваться шансом, предоставленным им революцией.

М.С.Грушевский, С.А.Ефремов, В.В.Дорошенко – от Союза украинских автономистов-федералистов (ещё накануне – поступовцы); В.К.Винниченко, М.В.Порш, С.В.Петлюра – от Украинской социал-демократической рабочей партии; Н.Ковалевский, Л.Ковалёв, П.А.Христюк – от Украинской партии социалистов-революционеров решили срочно образовать собственный «национальный» центр. С этой целью в тот же день собрали по городу представителей всевозможных профсоюзных и общественных организаций – от Товарищества техников и агрономов до руководителей церковных хоров – и от их имени объявили

о создании Украинской Центральной Рады (Совета). Председателем её избрали того, кого совсем недавно освободили из тюрьмы за антиправительственную пропаганду в пользу Австро-Венгрии, кого с почтением начали величать «отцом украинской истории».

Уже 5 (18) марта Рада громогласно заявила о себе. Выпустила обращение «К украинскому народу» и направила в Петроград две телеграммы. Премьеру Львову, в которой кратко отметила: «Уверены, что справедливые требования украинского народа и его демократической интеллигенции будут удовлетворены». И министру юстиции А.Ф.Керенскому, чуть приоткрыв ей сущность своих требований: «Верим, что отныне не будет обездоленных народностей и что недалеко уже время полного осуществления наших давнишних стремлений к свободной федерации свободных народов».¹⁹

Не дождавшись от Временного правительства ответа, который можно было бы толковать как официальное признание, Рада организовала 19 марта (1 апреля) в Киеве многотысячную манифестацию. На Крещатике, перед зданием городской Думы, Грушевский призвал участников шествия бороться за широкую автономию Украины. А на Софийской площади собравшиеся как бы голосованием одобрили резолюцию, предложенную Радой:

«Требуем от Временного правительства тесно связать вопрос автономии Украины с интересами нового строя и побудить население Украины ко всяким жертвам /подразумевалось продолжение войны – **Ю.Ж.**/ путём немедленного издания декларации, которой была бы признана необходимость широкой автономии украинской земли».²⁰

Петроград вновь не отреагировал, и тогда Грушевский счёл необходимым ещё жёстче выразить цели националистов. Выступил в газете «Нова Рада» со статьёй, ультимативно повторив откровенно сепаратистские планы Рады. «Появилась настоятельная необходимость, – писал бывший профессор университета города Лемберг, как в Австро-Венгрии называли «свой» Львов, – обеспечить украинскому народу государственные права федерированием с Россией, а если потребуется, то и полной независимостью... Зная независимости Украина развернёт в тот момент, когда российские централисты захотели бы вырвать из наших рук стяг широкой украинской автономии в федеративной и демократической Российской Республике».²¹

Объяснение же того, что националисты понимают под «широкой» автономией, последовало чуть позже, из Харькова. Там, на местном «украинском» съезде, и уточнили: Украина нуждается

в автономии, аналогичной финляндской.²² Иными словами, со своими парламентом и правительством, денежной системой и таможенными границами, армией...

Не добившись от Временного правительства и на этот раз не только признания, но и вообще какой-либо реакции на свои заявления, Центральная Рада сделала следующий ход. Чисто пропагандистский. Собрала 6 (19) апреля в Киеве так называемый Украинский национальный съезд. Правда, не использовала необходимую для того демократическую процедуру – выборы. Поступила проще. 28 марта (13 апреля) объявила, что своих представителей на съезд могут присылать все без исключения политические, просветительские, профессиональные, иные организации и общества. Но при обязательном условии – **стоящие на платформе широкой национально-территориальной автономии Украины.**²³

Съехавшихся в Киев из близлежащих сёл и местечек крестьян, учителей, агрономов, солдат не спрашивали, кого и на каком основании они представляют. Просто выдавали каждому мандат «делегата». Таким образом, заранее обеспечили поддержку с их стороны всего того, что бы ни предложили организаторы. И действительно, все полторы тысячи собравшихся (почти половина их проживала в Киеве) дружно проголосовали за резолюцию, в которой столь нуждалась Центральная Рада:

«1. Украинский национальный съезд, признавая за Российским Учредительным собранием право санкции нового государственного порядка России, а также автономии Украины и федеративного устройства Российской Республики, полагает, однако, что до созыва Российского Учредительного собрания приверженцы нового порядка на Украине не могут оставаться пассивными, но в соглашении с меньшими народностями создавать неотложно основания её автономной жизни.

Идя навстречу желаниям Временного правительства в деле организации и объединения общественных сил, признаёт неотложной потребностью организацию Краевого совета из представителей украинских областей и городов, народностей и общественных слоёв, к чему инициативу должна взять Украинская Центральная Рада.

2. Украинский конгресс, признавая право всех наций на политическое самоопределение, полагает: а) что границы между государствами должны быть установлены согласно с волею пограничного населения; б) что для обеспечения сего необходимо, чтобы были допущены на мирную конференцию, кроме предста-

вителей воюющих держав, и представители тех народов, на территории которых происходит война, в том числе и Украина...

5. Украинский национальный конгресс поручает Центральной Раде проявить как можно скорее инициативу в деле создания прочного союза тех народов России, которые, как и украинцы, требуют национально-территориальной автономии на основаниях демократической Российской Республики.

Украинский национальный конгресс постановляет: поручить Центральной Раде организовать из своих делегатов и представителей национальных меньшинств комитет для выработки проекта автономного статута Украины, после чего этот статут будет предложен на утверждение конгрессу Украины, организованному так, чтобы он выражал волю населения всей территории Украины. Санкция автономного строя Украины признаётся за российским Учредительным собранием...²⁴

Вот так, не меньше, и не больше. Участие в мирной конференции, установление границ, да ещё и инициатива в создании «союза требующих национально-территориальной автономии» народов страны! Уже только подобный призыв в любой цивилизованной демократической стране повлёк бы немедленное уголовное преследование. Арест и суд за попытку развала государства, да ещё ведущего войну. Однако Временное правительство смолчало. Не обратило оно ни малейшего внимания и на формирование конгрессом краевых органов власти. Инсценировку избрания нового состава всё той же Центральной Рады численностью в 150 человек, нечто вроде парламента, её председателем – Грушевского и заместителями – Ефремова и Винниченко.

Одновременно сепаратисты явочным порядком приступили и к тому, что называли «украинизацией» российских вооружённых сил. Пренебрегая тем, что шла война, решили создавать из находившихся на фронте дивизий и корпусов собственные национальные формирования.

Ещё 5 (18) марта несколько офицеров киевского гарнизона объявили себя Войсковой Радой. Именно она и приступила, не без пока молчаливой поддержки Центральной Рады, к набору добровольцев в Первый украинский полк имени гетмана Богдана Хмельницкого. Решительный протест, но столь же неправомерного Комитета депутатов войск Киевского военного округа, последовал 16 (29) апреля. Он постановил:

«1. Всякое переформирование частей войск не может не отразиться на боевой мощи всей армии. 2. Формирование отдельного украинского полка потребует по техническим условиям значительного времени. 3. Формирование украинских частей

может дать толчок требованиям выделения всех украинских элементов из общей русской армии. 4. Вопрос должен быть поставлен на обсуждение Фронтового /Юго-Западного фронта – **Ю.Ж.**/ съезда 20 апреля... 6. Обратиться к Киевской Войсковой Украинской Раде с просьбой склонить 3000 украинцев /выразивших желание служить в полку имени Хмельницкого – **Ю.Ж.**/ немедленно отправиться в армию в общем порядке».

Решение Комитета поддержали – а иначе и не могло быть – командующий Киевским военным округом генерал-лейтенант Н.А. Ходорович и начальник штаба округа генерал-майор Н.Э.Бредов, рассматривавшие самовольное формирование полка как вопиющее нарушение воинской дисциплины, а также Киевский Совет рабочих депутатов.²⁵ Но что-либо изменить они так и не смогли.

Временное правительство знало о происходившем. Во всяком случае, должно было знать, ибо о том кричали все петроградские газеты. Знали, но бездействовали. Бездействовал премьер, он же министр внутренних дел Г.Е.Львов. Бездействовали министры, военный – А.Н.Гучков, юстиции – А.Ф.Керенский. Видимо, уповали на правительственную декларацию от 27 марта (9 апреля), которая в самой общей форме пообещала:

«Цель свободной России – не господство над другими народами, не отнятие у них национального достоинства, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов».²⁶

2. На полпути к решению

Столь же безучастными к целостности страны оказались и все основные партии России – кадеты, эсеры, меньшевики. Более всего их беспокоили только два вопроса: обоснование их собственной поддержки Временного правительства да сохранение верности союзникам, и для того продолжение войны любой ценою. Все остальные проблемы, требовавшие незамедлительного решения, оставляли на будущее, на волю Учредительного собрания.

Лишь большевики поспешили, ещё не выработав новый взгляд на события, сделать достоянием широкой гласности свой старый, довоенный, документ. Опубликовали по инициативе В.М.Молотова 17 (30) марта в «Правде» (тираж 85 тысяч экземпляров) выработанную Сталиным резолюцию по национальному вопросу. Принятую давным-давно, ещё летом 1913 года. Ею же напомнили об отрицательном отношении к проявлению национализма в любой форме:

«1. **Необходима... широкая автономия** и вполне демократическое местное самоуправление, при определении границ самоуправляющихся и автономных областей, **на основании учёта самим местным населением хозяйственных и бытовых условий**, национального состава населения и т.д... 2. Разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства, безусловно, вредно...» /выделено мною – Ю.Ж./.

Затрагивая всё же вопрос о праве наций на самоопределение, большевики вроде бы признали его – «с.-д. партия, безусловно, должна отстаивать это право». Но тут же следовала серьёзнейшая оговорка, вернее, фактическое отрицание такого права: «5. Вопрос о праве наций на самоопределение... непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития... Социал-демократия должна при этом иметь в виду, что помещики, попы и буржуазия угнетённых наций нередко прикрывают националистическими лозунгами стремление разделить рабочих и одурачить их, заключая за их спиной сделки с помещиками и буржуазией господствующей нации в ущерб трудящимся массам всех наций».²⁷

Последний пункт и делал дореволюционную резолюцию крайне актуальной. Яснее выразить отношение ко всевозможным поползновениям националистов было невозможно.

Вот в такую обстановку и пришлось окунуться 12 (25) марта Сталину. Сошедшему в Петрограде с поезда, привёзшего его из далёкого провинциального сибирского города Ачинска.

Пять дней поездки чуть ли не через половину России, да ещё в вагоне третьего класса, общем – не разделённом на купе, без постельного белья, на жёстких деревянных полках – само по себе оказалось весьма неприятным испытанием. И всё же оно стало для Сталина предвестником счастья. В последнюю минуту вместо призыва на воинскую службу, отправки на фронт в серой солдатской шинели, его подхватил вихрь революции, о которой он мечтал не одно десятилетие. Да ещё принёс в самый центр бурных событий, в столицу. Туда, где его сразу же ввели в руководство партии, действовавшей отныне открыто, свободно. Из ссыльного он превратился в гражданина, который может не только влиять на происходящее, но и на будущее. Если сумеет, изменить жизнь так, как ему мечталось в Новой Уде и Сольвычегодске, в Туруханском крае. Так, как подсказывали знания, опыт профессионального революционера.

Уже в день приезда Сталина ввели в ЦК. Пока самообразовавшегося, никем не избранного – не было для того условий. Включавшего восемнадцать человек, среди которых отсутствовали будущие вожди – Ленин, Зиновьев, Каменев, Троцкий. А три дня спустя Сталина сделали и членом Президиума ЦК – временного высшего руководящего органа большевистской партии. Вместе с ещё четверыми – П.А.Залуцким, А.Г.Шляпниковым, М.К.Мурановым, Е.Д.Стасовой. Всеми теми, кто и много лет позднее будет оставаться в руководстве партии либо бросать ему вызов, переходя в оппозицию.

Всё? Оказалось, ещё нет. 15 (28) марта Сталина ввели и в редакцию газеты «Правда», возобновлённой всего за десять дней перед тем В.М.Молотовым. Дали поручение, значившее в тех условиях не меньше, чем в далёком будущем – избрание членом Политбюро. Ведь из примерно 24 тысяч большевиков только около тысячи находились в Петрограде. И потому им, а не кому-либо иному, предстояло самостоятельно, в самые ответственные дни, вырабатывать партийную линию. Пропагандировать её. Нести в самые широкие массы – рабочим, солдатам страны – своё видение революции. Организовывать эти массы, убеждая именно в своей правоте, вести за собою в жарких политических баталиях.

Мало того, 18 (31) марта ЦК делегировал Сталина и в состав Исполкома Петросовета. Казалось бы, теперь ему следовало сосредоточиться, отдавая все силы, только там. Ведь оттуда скорее всего можно было начать восхождение к вершине власти. Однако Сталин отказался от такого пути. Предпочёл публицистику и стал регулярно писать для «Правды». Чуть ли не ежедневно – за девятнадцать мартовских дней – семь статей. Острых, злободневных, нелицеприятных. Простых по стилю, почему и понятных малограмотным читателям, очень далёким от политики.

Первая статья увидела свет 14 марта. О самом важном, по мнению большевиков, – «О советах рабочих и солдатских депутатов». Вторая, 16 марта, – «О войне», третья и четвёртая, 17 и 18 марта, – о власти нынешней и власти будущей – «На пути к министерским портфелям», «Об условиях победы русской революции». И только пятую и седьмую Сталин посвятил тому, что интересовало, волновало его больше всего. Тому, что внезапно, но только не для него, начало приобретать судьбоносное значение – национальному вопросу, перераставшему на глазах в национализм, и сразу же в сепаратизм. Заговорил же о том первым из лидеров всех без исключения российских партий.

Информационный повод нашёлся быстро. 20 марта (2 апреля) Временное правительство приняло постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений».²⁸ Если судить только по названию – решение раз и навсегда слишком давно перезревшей, весьма болезненной проблемы. Но стоило только внимательно вчитаться в текст документа, как становилось ясным – он затрагивает интересы лишь... евреев, и никого более. К тому же, сам текст подготовили столь стыдливые люди, что ухитрились ни разу прямо не упомянуть тех, для кого и отменяли черту оседлости, кому предоставляли права, равные всем остальным гражданам страны – возможность заниматься общественной деятельностью, учиться в любых, средних и высших учебных заведениях, поступать на гражданскую службу.

«Всё это очень хорошо, – вроде бы соглашался Сталин с постановлением в статье «Об отмене национальных ограничений». Но было бы непростительной ошибкой думать, что декрет этот достаточен для обеспечения национальной свободы, что дело освобождения от национального гнёта доведено уже до конца. Прежде всего, декрет не устанавливает национального равноправия в отношении языка».

Почему же Сталин прежде всего затронул вопрос о языке, точнее – о национальных языках? Да только потому, что в отличие и от авторов постановления Временного правительства, и от тех, кто срочно возжаждал автономии, и не меньшей, чем обладала Финляндия, помнил о наиважнейшем. О том, что в стране слишком много народов, говорящих на своём языке. Более того, подавляющее большинство их неграмотно, почему любые рассуждения о возможном разделе территории России по национальному признаку мгновенно превратят её в новую Вавилонскую башню, которая непременно рухнет. Развалится.

«Как быть, – растолковывал Сталин, сознательно выходя за рамки комментируемого документа и преднамеренно обостряя проблему, – с областями с компактным большинством не из русских граждан, говорящих не на русском языке (Закавказье, Туркестан, Украина, Литва и пр.)? Нет сомнения, что там будут свои сеймы /автор имел в виду органы местного самоуправления – **Ю.Ж.**/, а значит и «дело-производство» (отнюдь не частное!), как и преподавание в учебных заведениях (не только в «частных»!) – всё это, конечно, не только на русском, но и на местных языках». И тут же предложил собственную программу действий. Давно продуманную, обоснованную, выстраданную самой жизнью в царской России.

«Кто хочет, – писал Сталин, – установить действительное национальное равноправие, тот не может ограничиться отрица-

тельной мерой об отмене ограничений, – он должен от отмены ограничений перейти к положительному плану, обеспечивающему уничтожение национального гнёта. Поэтому необходимо провозгласить:

1. политическую автономию (не федерацию!) областей, представляющих целостную хозяйственную территорию / выделено мной – Ю.Ж./ с особым бытом и национальным составом населения, с «делопроизводством» и «преподаванием» на своём языке;

2. право на самоопределение для тех наций, которые по тем или иным причинам не могут оставаться в рамках государственного целого».²⁹

Не трудно заметить, – как и четырьмя годами ранее, Сталин продолжал решительно отвергать даже мысль о федерации. Считал необходимым и вместе с тем вполне достаточным лишь автономию, то есть самоуправление областей. Но таких, чью территорию определит наиважнейшее с его точки зрения – экономические связи, сложившиеся, как можно предположить, довольно давно. И лишь на третье (!) место при определении таких областей ставил национальный состав.

Говоря же о самоопределении, вернее, отделении от России, то такую возможность Сталин явно предусматривал только для Финляндии и Польши. Он достаточно хорошо понимал, что под воздействием событий как мировой войны, так и падения самодержавия, они обязательно будут продолжать добиваться и непременно добьются полной независимости. Тем более что Временное правительство безрассудно потворствовало тому.

Но обоснования, мотивировку своего плана Сталин сразу же посчитал совершенно недостаточными. Уж слишком много говорили и писали о необходимости раздробления России на обособленные только по национальному признаку области, не встречая ни малейшего возражения ни от кого. Потому и счёл важным и своевременным развить свою главную мысль в ещё одной статье для «Правды». Подчёркнуто вызывающе назвал её: «Против федерализма».

Сталин не стал полемизировать с латышскими и эстонскими, украинскими и грузинскими автономистами. Поступил иначе. Объектом критики избрал путанные рассуждения некоего И.Окулича, опубликованные эсеровской газетой «Дело народа». Следовательно, взгляды, разделяемые и поддерживаемые этой самой популярной тогда в стране партией. Как выяснилось, не просто заигрывавшей с политиками окраин, но без боя, малейшего сопротивления капитулировавшей под давлением националистов.

«Пусть федеральное Российское государство, – возглашал безответственно Окулич, – примет от отдельных областей (Малороссия, Грузия, Сибирь, Туркестан и т.д.) атрибуты суверенитета... Но да даст оно отдельным областям внутренний суверенитет. Да будет создан предстоящим Учредительным собранием «Российский союз областей». И для подтверждения такого взгляда приводил как пример для подражания образование Соединённых Штатов.

Вот тут-то Сталин и «поймал» незадачливого писака. Напомнил и ему, и всем эсерам, и читателям «Правды» азбучные истины. Что США создали отдельные до того колонии, что то же самое ранее произошло в Швейцарии, а позже – в Канаде, на обстоятельства возникновения которых также ссылался Окулич.

«О чём же говорят эти факты? – риторически вопрошал и сам же отвечал Сталин. – Только о том, что в Америке, как в Канаде и Швейцарии, развитие шло от независимых областей через их федерацию к унитарному государству, что тенденция развития идёт не в пользу федерации, а против неё. Федерация есть переходная форма... Мы не можем не считаться с этой тенденцией, если не берёмся, конечно, повернуть назад колесо истории. Но из этого следует, что неразумно добиваться для России федерации, самой жизнью обречённой на исчезновение».

Далее Сталин стал развивать высказанную мысль, обосновывая её. «Для всех ясно, – указал он, что области в России (украины) **связаны** с Центральной Россией экономическими и политическими узами, и чем демократичнее Россия, тем прочнее будут эти узы... Для того чтобы превратить Россию в федерацию, пришлось бы **порвать** уже существующие экономические и политические узы, связывающие области между собой, что совершенно неразумно и реакционно».

Не ограничив тем аргументацию, Сталин продолжал, приведя не менее, а может, и более значимое доказательство своей правоты. «Америка, – возобновил он школьный урок, – так же, как и Канада, и Швейцария, разделяется на штаты (кантоны) не по национальному признаку, а по географическому». Растолковывал: в США сорок восемь штатов на семь-восемь национальных групп, в Швейцарии при трёх национальных группах – двадцать пять кантонов.

«Не то в России, – пояснял он. – То, что принято в России называть областями, нуждающимися, скажем, в автономии (Украина, Закавказье, Сибирь, Туркестан и др.), есть не простые географические области вроде Урала или Поволжья, а определённые

уголки России с определённым бытом и (не русским) национальным составом населения... Автономию (или федерацию) областей России для того, собственно, и предлагают, чтобы поставить и решить национальный вопрос в России, ибо в основе разделения России на области лежит национальный признак».

И чтобы ни у кого не оставалось ни малейшего сомнения в сути его взглядов, Сталин категорически заявил: «Не ясно ли, что **федерализм в России не решает и не может решить национальный вопрос** /выделено мной – Ю.Ж./, что он только запутывает и усложняет его донкихотскими потугами повернуть назад колесо истории?» И далее повторил предложенный двумя днями ранее план, несколько скорректировав его применительно к новым обстоятельствам.

«Решение национального вопроса, – настойчиво предлагал Сталин, – должно быть настолько же жизненным, насколько радикальным и окончательным, а именно:

1. право на отделение /в первой статье он ещё использовал весьма неопределённое понятие «самоопределение» – Ю.Ж./ для тех наций, населяющих известные области России, которые не могут, не хотят остаться в рамках целого;

2. политическая автономия в рамках единого (слитного) государства с едиными нормами конституции, для областей, отличающихся национальным составом и остающихся в рамках целого.

Так, и только так должен быть решён вопрос об областях России!»³⁰

Здесь не могут не возникнуть два естественных вопроса.

Почему же Сталин изменил порядок всего двух пунктов своей прежней программы, почему внёс существенные сокращения в прежде устойчивое определение понятия «область»?

Не может вызвать сомнения, первым пунктом он сделал самое серьёзное и в то же время неизбежное – отпадение Финляндии и Польши. Только их, ибо при перечислении в обеих статьях областей с «компактным нерусским населением» именно они и не были упомянуты.

Ответ на второй вопрос не может быть таким же безусловным. Скорее всего, Сталин исключил три из четырёх характеристик областей, которые могли бы в принципе претендовать на автономию, – «целостная хозяйственная территория», «особый быт», «делопроизводство и преподавание на своём языке» – лишь потому, что счёл излишним повторять их, а кроме того, решил привлечь внимание читателей только к одному аспекту сложной проблемы, чисто национальному.

После статьи «Против Федерализма» Сталину пришлось на время отказаться от выражения собственных взглядов на будущее административное устройство России. Поступить так потому, что возвращение 3 (16) апреля в страну В.И.Ленина заставило всех находившихся в Петрограде большевиков срочно заняться выработкой новой программы партии. Вернее, обсуждать её основные положения, предложенные Лениным как «Апрельские тезисы», положенные в основу изданной уже 10 (23) апреля работы «Задачи пролетариата в нашей революции».

Естественно, Ленин прежде всего уделил первостатейное место таким вопросам, как соотношение классовых сил, двоевластие, внешняя и внутренняя политика Временного правительства, возможное перерастание революции буржуазно-демократической в социалистическую. Национальный же у него оказался только четырнадцатым из девятнадцати. И изложил он его весьма своеобразно. Наметил как бы два взаимоисключающих друг друга, вроде бы противоречивых варианта решения.

Первый – при сохранении существующего политического положения. В таком случае предложил партии «отстаивать, прежде всего, провозглашение и немедленное осуществление полной свободы отделения от России всех наций и народностей, угнетённых царизмом, насильственно присоединённых или насильственно удерживаемых в границах государства, т.е. аннексированных».

Как альтернативу высказал Ленин и иное воззрение. «Пролетарская партия, – писал он, – стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к сближению и дальнейшему слиянию наций, но этой цели она хочет достигнуть не насилием, а исключительно свободным братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций».

Для того же, чтобы снять кажущееся противоречие между двумя положениями, Ленин предлагал: «Чем демократичнее будет республика российская, чем успешнее организуется она в республику Советов рабочих и крестьянских депутатов, тем более могуча будет сила добровольного притяжения к такой республике трудящихся масс всех наций».³¹

Итак, по Ленину – либо аннексии и распад страны, либо республика Советов. Третьего не дано.

Как для первого, так и для второго варианта возможного решения ключевым, помимо «советов», являлось ещё и такое понятие, как «аннексия». Насильственное присоединение или удержание какой-либо территории. Понятие, которое вот уже

почти год не сходило с уст руководителей (как стран Антанты, так и Центральных держав). Стало расхожим оно и для членов Временного правительства. Все они без исключения дружно открепивались от «аннексий», предлагая взамен её «самоопределение».

Своё представление и об аннексии как таковой, и о том, как же относиться к ней при начавшемся распаде России, Ленин выразил 17 (30) апреля на заседании солдатской секции Петросовета, при ответе на вопрос о судьбе Курляндии. Фактически аннексированной Германией, но в то же время постановлением Временного правительства объявленной составляющей нового территориально-административного образования – Латвии, неразрывной и неотъемлемой части страны.

Отношение Ленина к бесспорному с правовых позиций курляндскому вопросу оказалось, мягко говоря, весьма своеобразным. Ведь основывалось оно не на собранных им самим специально исчерпывающих данных, нет. Под влиянием лишь отрывочной информации, случайно почерпнутой из швейцарских, немецких да французских газет, далёких от объективности. Ещё бы, идёт война!

– Отвоевание Курляндии, – пренебрегая даже видимостью логики, толковал Ленин солдатам, не желавшим ехать либо возвращаться на фронт, – аннексия, так как в таком случае Германия имеет право на отвоевание своих колоний. Нужно предоставить право народу самому решать, как он хочет жить... Воевать за Курляндию не стоит, но стоит воевать за свободное решение Курляндии присоединиться, куда она хочет.³²

Так какой же путь из двух намеченных Лениным следовало избрать большевикам? Первый ли – с Временным правительством, довольствуясь достижениями буржуазно-демократической революции, которые закрепит Учредительное собрание? Но в таком случае последует неизбежный распад России и от неё сохранится ничтожнейшая часть, чуть больше Московского княжества первой половины 16 века. Или второй путь – дальнейшее развёртывание революции с установлением республики Советов, единственное, что и позволит, по мысли Ленина, сохранить целостность страны. Более того, послужит и достижению следующей цели – победе пролетариата если не сразу во всём мире, то для начала в Европе. Иначе зачем слова и о «более крупном государстве», и о не названных «всех нациях»...

Сталин прежде никогда не связывал напрямую единство России с победой мировой революции. Не видел никакой зависимости между ними. Потому и оказался перед сложной лично для

него моральной дилеммой. Открыто не согласиться с Лениным, решительно отстаивая собственную оценку событий и прогнозируя их развитие, внося тем самым смуту в и без того далеко пока не стройные партийные ряды в наиболее ответственный момент. Либо, скрепя сердце, признать хотя бы на словах правоту человека, перед которым он всегда преклонялся, забыв на время о своих убеждениях, принципах.

Выбирать Сталину предстояло вместе со всей партией. На её Всероссийской конференции, открывшейся 24 апреля (6 мая). Впервые проходившей в стране открыто, легально.

Форум большевиков собрал 149 депутатов, представлявших (но только по ничем не подкрепленным словам председателя мандатной комиссии Г.И.Бокия) 79 тысяч членов партии. При этом половину их составляли организации всего четырёх промышленных районов – Петрограда, Москвы, Урала и Донецкого бассейна. Они, как и прежде, в период подполья, по всем без исключения вопросам имели собственные взгляды. Потому-то поначалу отказались принять как абсолютно верные положения, изложенные Лениным в первом же, основополагающем и ключевом докладе – «О текущем моменте». Сводившиеся к одному-единственному, по сути, требованию: Советы рабочих и солдатских депутатов должны незамедлительно взять всю власть в свои руки. Потребовали содоклада одного из лидеров партии Каменева, настаивавшего на ином: «рано говорить, что буржуазно-демократическая революция исчерпала все свои возможности».³³

И всё же, Ленину, но только благодаря настойчивой поддержке Зиновьева, удалось убедить депутатов в своей правоте. Добиться от них полной поддержки всех им предложенных резолюций. И о переходе власти к Советам, и о незамедлительной конфискации всей помещичьей земли и её национализации, и об отказе в поддержке Временного правительства. Совершенно иначе прошло девятое заседание, вечером 29 апреля (11 мая), на котором обсуждали поставленный отдельно в силу значимости и злободневности национальный вопрос.

Выступал по нему докладчиком Сталин. Уже не просто делегат конференции, но член ЦК, избранный утром того же дня с третьим по поданным голосам результатом. В.И.Ленин получил 104 голоса, Г.Е.Зиновьев – 101, И.В.Сталин – 97, Л.Б.Каменев – 95, В.П.Милютин – 82, В.П.Ногин – 76, Я.М.Свердлов – 71, И.Т.Смилга – 53, Г.Ф.Фёдоров – 48.

Выходя на трибуну, Сталин уже принял решение. Он знал, как ему поступить. Не стал полемизировать с Лениным, вроде бы

проигнорировав его высказывания. Начал речь с самого простого примера, не должного вызвать разногласий. Впервые прямо назвал ту область, с отделением которой от России полностью соглашался, даже всячески поддерживал.

– Первый вопрос, – обратился Сталин к депутатам, – как устроить политическую жизнь угнетённых наций? На этот вопрос следует ответить, что угнетённым народам, входящим в состав России, должно быть предоставлено право самим решать вопрос, хотя ли они оставаться в составе Российского государства или выделиться в самостоятельное государство. Сейчас перед нами конкретный конфликт между финляндским народом и Временным правительством. Представители финляндского народа, представители социал-демократии требуют от Временного правительства возвращения народу тех прав, которыми он пользовался до присоединения к России. Временное правительство отказывает в этом, не признавая финляндский народ суверенным. На чью сторону мы должны стать? Очевидно, на сторону финляндского народа, потому что немыслимо признание насильственного удержания какого бы то ни было народа в рамках единого государства. Выставляя принцип права народов на самоопределение, мы поднимаем тем самым борьбу против национального гнёта на высоту борьбы против империализма, нашего общего врага.

Отдав, таким образом, неременный долг генеральной идее марксизма, Сталин поспешил вернуться к своей.

– Вопрос о праве наций на самоопределение, – преднамеренно и настойчиво повторяясь, продолжил он, – непозволительно смешивать с вопросом об обязательности отделения наций в тот или иной момент. Этот вопрос партия пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, в зависимости от обстановки.

Признавая за угнетёнными народностями право на отделение, право решать свою политическую судьбу, мы не решаем тем самым вопроса о том, должны ли в данный момент отделиться такие-то нации от Российского государства. **Я могу признать за нацией право отделиться, но это ещё не значит, что я её обязал это сделать** /выделено мной – Ю.Ж./...

С нашей стороны остаётся, таким образом, свобода агитации за или против отделения, в зависимости от интересов пролетариата, от интересов пролетарской революции... Я лично высказался бы, например, против отделения Закавказья, принимая во внимание общее развитие в Закавказье и в России...

Я думаю, что девять десятых народностей после свержения царизма не захочет отделиться. Поэтому партия предлагает

устройство областных автономий для областей, которые не захотят отделиться и которые отличаются особенностями быта, языка, как, например, Закавказье, Туркестан, Украина. Географические границы таких автономных областей определяются самим населением сообразно с условиями хозяйства, быта и проч.

Сталин достаточно хорошо понимал; необходимо предложить не только цель – целостность страны, но и то, каким же образом обеспечить её. И потому поспешил воспользоваться самым естественным и простым. «Мы должны, – сказал он, заранее уверенный в единодушной поддержке, – ещё решить вопрос, как организовать пролетариат разных наций в одну общую партию... Практика показала, что организация пролетариата данного государства по национальностям ведёт только к гибели идеи классовой солидарности. **Все пролетарии всех наций данного государства организуются в один нераздельный пролетарский коллектив**» ³⁴/выделено мной – Ю.Ж./.

Ещё в ходе выступления Сталин зачитал подготовленный им проект резолюции по национальному вопросу. Проект, оказавшийся на редкость эклектичным, чисто механически соединившим ультрареволюционные идеи Ленина и его собственные, по сути, государственнические. Зато позволивший выйти из невероятно сложного положения, в котором он оказался на конференции как делегат, да ещё и член ЦК.

«За всеми нациями, – провозглашал проект, – входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и образование самостоятельного государства». Затем следовало то, что должно было послужить подтверждением данного постулата: «Конфликт, возникший в настоящее время между Финляндией и русским Временным правительством, особенно наглядно показывает, что отрицание права на свободное отделение ведёт к прямому продолжению политики царизма».

Далее без какого-либо смыслового перехода либо логического обоснования проект фактически утверждал прямо противоположное: «Вопрос о праве на свободное отделение непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации в тот или иной момент». Вместо подталкивания России к распаду проект Сталина вновь предлагал областные автономии, границы которых следовало устанавливать «на основании учёта самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения». Но тут же, строго по Ленину, их следовало сделать «широкими», с отсутствием «надзора сверху», да ещё и с отменой «обязательно-

го государственного языка», что отнюдь не способствовало бы сохранению целостности России. Кроме того, необходимо было отказаться от «культурно-национальной автономии, т.е. изъятия из ведения государства школьного дела и т.п., и передачи его в руки своего рода национальных сеймов».

В заключение, как гарантию от распада страны, но формально – во имя «победоносной борьбы с международным капитализмом и буржуазным национализмом» – резолюция потребовала «слияния рабочих всех национальностей России в единых пролетарских организациях – политических, профсоюзных, кооперативно-просветительских и т.д.». ³⁵

Не удивительно, что явная противоречивость проекта вызвала острую полемику. В ней же выхлестнулись сдерживаемые полтора десятка лет – со Второго съезда РСДРП (и принявшего лозунг «право наций на самоопределение»), со времён революции 1905 года – разногласия по национальному вопросу.

Первым из оппонентов докладчика выступил делегат от Киевской организации Г.Л.Пятаков. Один из членов секции, образованной конференцией за двое суток перед тем для выработки обсуждаемого документа. Он бесцеремонно обвинил Сталина в консерватизме и идеализме. Тот, мол, поставил «вопрос чисто метафизически, говоря о воле наций, а не о воле класса», порвал с революционной линией социал-демократии Германии, Польши, Нидерландов, других европейских стран.

– В настоящее время, – сформулировал Пятаков свою позицию, – национальное государство является уже пройденным моментом, и борьба за него является в настоящее время реакционной борьбой, ибо под этим флагом будет вестись борьба против социализма.

Затем киевский делегат, которому каждодневно приходилось сталкиваться с воинствующим национализмом Центральной Рады, стал развивать свою мысль:

– В 1905 году сепаратистские движения не были так сильны, но они были революционны, а в настоящее время «национальная» буржуазия развивает эти движения как движения борьбы против социалистической революции, они стали реакционными...

– Мы против сепаратистских движений, против лозунга национальных государств, и ведём борьбу против таких движений. Раз это так, то «право наций на самоопределение» теряет реальную почву под ногами,.. является бессодержательным...

– Все социал-демократии ведут определённую борьбу против насильственного удержания наций в пределах государства

российского, но это ещё не значит, что если мы ведём такую борьбу, то мы видим в праве наций на самоопределение положительный лозунг...

– Товарищ Сталин говорил, например, что он лично против отделения татар /подразумевалось высказывание о Закавказье – **Ю.Ж.**/. Но политическая партия не может полагаться на то, что каждый отдельный товарищ будет высказывать своё личное мнение...

— Мы должны иметь конкретную формулировку того, что мы хотим, а не ограничиваться формулировкой абстрактного права на самоопределение, формулировкой, способной сыграть на руку мелкобуржуазной реакции.³⁶

От имени семерых из девяти членов секции Пятаков и предложил иной вариант проекта резолюции. Во многом схожий с прочитанной Сталиным. Та же областная автономия с теми же её характеристиками, тот же отказ от культурно-национальной автономии. Но всё это – **во имя предотвращения «раздробления крупных государственных образований на мелкие национальные государства»** /выделено мной – **Ю.Ж.**/. Однако действенным средством такого решения проблемы «семёрка» сочла не единую партию, а социалистическую революцию под новым, привлекательным для многих радикальным лозунгом «Долой границы!». И предложила отказаться даже от упоминания «права наций на самоопределение».³⁷

Такого Ленин стерпеть не смог. Ринулся в бой, но не столько для критики высказанного Пятаковым, сколько того, о чём умолчал Сталин, но подразумевал, вынудив высказаться семерых. Открыто поставить вопрос – должна ли Россия оставаться наднациональным государством или стать чисто национальным, сохранив в своих границах территорию, населённую лишь русскими.

– Почему мы, великороссы, угнетающие большее число наций, чем какой-либо другой народ, должны отказаться от признания права на отделение Польши, Украины, Финляндии? – патетически воззвал Ленин к делегатам конференции.

В пылу спора он «забыл» о Британской, Французской, Германской империях, которые в своих колониях угнетали несоизмеримо большее число народов. «Забыл», что о Польше речи не могло и быть, ибо полгода она фактически являлась независимой от России. Да и Финляндия, как бы Временное правительство не пикировалось с сеймом, находилась буквально накануне обретения полного суверенитета.

– Надо в России налегать на свободу отделения угнетённых наций, а в Польше подчёркивать свободу соединения, – упорно толковал всё об одном и том же Ленин. Уповал же на весьма призрачную классовую солидарность да на силу своей диалектики. И продолжал настаивать на чреватом страшными последствиями:

– Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны. Если Финляндия, если Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист...

– Мы хотим братского союза всех народов. Если будет Украинская Республика и Российская Республика, между ними будет больше связи, больше доверия. Если украинцы увидят, что у нас республика Советов, они не отделятся, если у нас будет республика Милюкова, то отделятся...

В выступлении Ленина не хватало лишь одного. Объяснения, что же общего между независимой Польшей, автономной более ста лет Финляндией и той неопределённой территорией, которую вслед за Центральной Радой он называл Украиной.

Столь же резким, категоричным в суждениях оказался и Дзержинский, поддержавший Пятакова:

– Речь товарища Ленина меня не убедила. В его речи не было того ответа, какой товарищ должен был бы дать. Я скажу, что если товарищ Ленин упрекает польских товарищей в шовинизме, то я могу его упрекнуть в том, что он стоит на точке зрения польских, украинских и других шовинистов. Не знаю, что лучше...

– Товарищ Ленин сказал, что русские должны быть по отношению к сепаратистскому движению совершенно нейтральны, а польские социал-демократы должны с ним бороться. Какая это социал-демократическая точка зрения? Наши позиции должны быть одинаковыми...

– В каждом конкретном отдельном случае надо проанализировать, какие силы двигают и питают сепаратистское движение, и в каждом отдельном случае надо дать определённый ответ. И когда польские рабочие ждут от вас определённого ответа, каким образом решить финляндский вопрос, польский, украинский, вы отвечаете – правом наций на самоопределение. Значит, вы определяете их волю? А что такое нация? Разве нация есть нечто единое?

– Почему подняли голову сепаратистские стремления в своих углах? Дали ли вы в резолюции /Дзержинский отлично понимал, кто является истинным автором документа – **Ю.Ж.**/ анализ этому движению? Почему именно теперь оно разразилось?

– Построение в настоящий момент (национальных) границ есть стремление к классовому господству... Наша сила, сила рабочего класса, заключается в том, что наше хозяйственное целое объединяет весь мир, нас всех объединяет уничтожение границ ...

– Наш конкретный ответ: национальный гнёт может быть уничтожен только при полной демократизации государства борьбой за социализм. Сепаратистские же стремления есть стремления борьбы с социализмом. Мы конкретно высказываемся против права наций на самоопределение...

Дзержинского попытался опровергнуть Зиновьев. Со столь же чисто теоретических, как и Ленин, позиций марксизма, весьма далёких от российской действительности. Возражал не по существу – просто играл терминами. Но, главное, как и Ленин, подгонял всё к достижению заветной цели – победе мировой революции:

– Человек, который ставит вопрос так, как Пятаков, стоит на точке зрения национализма... Именно потому вопрос национальный ставится в такой острой форме, что он осложняется вопросом о колониях. Мы должны стоять за самоопределение, за право на отделение. Поскольку мы говорим о колониях, мы ставим этот вопрос в связи с империализмом...

– Социалистическая революция будет складываться из целого ряда конфликтов, столкновений в самых различных областях. Мы видим, что в ходе этой войны в нашу революцию привходят много других моментов, в особенности, национальный. Мы видим, например, частые восстания французских колоний в Африке...

– Для того чтобы усиливать, разжигать социальную революцию, для того, чтобы поднять весь Восток, чтобы поднять угнетённые народы на помощь мировой революции, мы должны дать такой ответ: «прочь империалистов из колоний, и притом без всякого выкупа». Так мы ставим вопрос о социалистической революции!

Делегат Тифлисской организации Ф.М.Махарадзе попытался вернуть участников конференции из горних высей мировой революции, проблем африканских и азиатских колоний на землю. Российскую:

– Национальный вопрос – вопрос в высшей степени сложный, запутанный и вместе с тем серьёзный. К сожалению, я должен сказать, что конференция не имела возможности в должной мере осветить этот вопрос. Но, с другой стороны, я глубоко убеждён в том, что конференция не примет поспешного решения ввиду

того, что этот вопрос в той плоскости, в какой он здесь поставлен товарищами Лениным и Зиновьевым, в легальной прессе до сих пор ещё не обсуждался...

– Разве из принципа «признание прав наций на самоопределение» само собой вытекает всё, что только можно предположить, и прежде всего полное политическое отделение известного народа от государства, которому он подчинён? И вот я и говорю, что такое именно понимание в настоящее время является для нас совершенно неприемлемым. По крайней мере, для тех, которые являются представителями именно этих мелких угнетённых национальностей...

– В настоящее время нам предлагают решить национальный вопрос в такой плоскости: установление признания права нации на полное отделение от государства без всяких оговорок... Товарищи, выдвигающие это требование, не могут, однако, последовательно его отстаивать. Они говорят: «установление этой формулы ещё не означает полного отделения...» Я прошу вас вдуматься в это второе положение. Разве оно вытекает из первого? Ничего подобного. Под вторым положением я подписываюсь обеими руками...

– В той части резолюции, где рассматривается абстрактное голословное положение, резолюция товарища Сталина теряет свою убедительность. Это положение является камнем преткновения...

– Хорошо провозглашать общие лозунги, но прежде следовало бы подумать о том, как их проводить в жизнь. Мы теряем почву под ногами, под нами будет подрублен тот сук, на котором мы сидим...

– Если мы обещаем (независимость) Финляндии, почему мы не будем обещать Украине, татарам, грузинам и т.д.? Что же тогда получится? У нас получится настоящее столпотворение, получится такая каша, которую трудно будет расхлебать. Поэтому я просил бы товарищей, чтобы они не принимали поспешного решения по этому вопросу...

– Единственное правильное решение национального вопроса – это самая последовательная демократизация общественного строя. Национальное государство в настоящее время относится к прошлому, а не к будущему.³⁸

И всё же Ленин с Зиновьевым сумели убедить делегатов конференции в своей, а не чьей-либо, правоте. Настояли на своём, добились утверждения резолюции, предложенной Сталиным (или Лениным?), 56 голосами при 16 высказавшихся против из 18 воздержавшихся.

3. Кануны

В те самые дни, когда большевики столь безуспешно обсуждали национальный вопрос, произошло то, чего и следовало ожидать. Возвестившее об очень близком, неумолимо приближавшемся распаде России. Её фактическом разделе – по воле сепаратистов, исходивших из ставшего пресловутым «права наций на самоопределение». Началось непредвиденное – ни Лениным с Зиновьевым, ни пошедшими за ними делегатами конференции.

29 апреля «Петроградская громада» – всего лишь столичное землячество украинцев – получила для вручения Временному правительству документ вызывающего содержания – «Памятную записку об областном управлении украинских губерний». Подписанная членами Центральной Рады А.Лотоцким, П.Зайцевым и А.Шульгиным, она демонстрировала нарочитое пренебрежение интересами страны. В отличие от латышских и эстонских националистов, пока удовлетворившихся административным размежеванием да полученным самоуправлением, киевские потребовали не более и не менее как изменить государственное устройство России. Коренным образом и немедленно.

«Организовать управление страной, – настаивал меморандум, – можно лишь на основе государственной децентрализации, построенной, притом, по национально-территориальному принципу». Иными словами, в разгар войны, пусть народ и стремился к её скорейшему прекращению, следовало приступить, не дожидаясь созыва Учредительного собрания и его решений, к созданию федерации. Тем самым разрушить страну, действуя в интересах только противника – Германии и Австро-Венгрии, Турции.

Стремлением расчленить Россию Центральная Рада не ограничилась. Жаждала контрфронтации, загодя отвергая всё то, что могло бы послужить основой возможных переговоров с Временным правительством о границах автономии. «Для украинских губерний, – безапелляционно утверждал меморандум, – необходимость областного самоуправления выступает с особенной силой **независимо от живущих в крае исторических и национальных традиций** /выделено мной – Ю.Ж./».

Такая формулировка была использована в документе далеко не случайно. Под «Украиной» Центральная Рада понимала отнюдь не Волынскую, Подольскую, Киевскую, Черниговскую и Полтавскую губернии. Территорию, издавна сложившуюся из земель как воссоединённых с Россией в 1654 году, так и при-

соединённых при разделах Польши в 1793 и 1795 годах, почему и обладавших экономической, бытовой и языковой общностью.

Для Центральной Рады только Юго-Западный край показался слишком маленьким, и она без каких-либо обоснований предъявила права ещё и на Херсонскую, Екатеринославскую губернии – Новороссию, завоёванную у турок «Россией во второй половине 18 века и тогда же колонизованную переселением туда русских, украинцев, немцев, сербов, болгар, греков. Сочла Рада своей и Харьковскую губернию с абсолютным преобладанием русских, с самого начала её заселения, на рубеже 16 – 17 веков, принадлежавшую России как Слободская Украина (окраина).

А далее при раскрытии понятия «Украина» следовало вообще маловразумительное. Притязания на «прилегающие части» (почему-то без указания конкретных уездов, как то было в случае с Лифляндией и Эстляндией) Таврической, Воронежской и Бессарабской губерний и даже... на Кубанскую область.

Всё это убедительно демонстрировало, что федерализация России на основе столь непомерных желаний вполне может привести не только к территориальным, но и межэтническим конфликтам.

Претендуя на контроль над огромной территорией, киевские сепаратисты вроде бы изъявили готовность поделиться ещё не обрётённой властью. «Организацию общественной жизни, – поясняли они, – легко могла бы взять на себя Центральная Рада». Пригрозив тем, авторы меморандума тут же как бы шли на уступку: «Сохраняя за собой руководство национальной жизнью края, (Рада) полагает необходимым организовать областное управление при помощи специально избранного коллектива /областного совета – **Ю.Ж.**/, облечённого надлежащими от Временного правительства полномочиями». Вместе с тем, Центральная Рада милостиво соглашалась принять у себя присланного из Петрограда областного комиссара.

Завершался же меморандум ультиматумом, форма которого была бы уместна лишь при дипломатической переписке двух независимых стран. Отказ от предложенного в документе, предупреждали его авторы, приведёт к «значительным осложнениям в настроении украинских общественных кругов и народных масс, которые получили бы основание для неблагоприятных выводов об отношении Временного правительства к украинской народности и её ближайшим интересам».³⁹

Премьер Львов на шантаж не поддался. Оставил «Памятную записку» без внимания. Потому и не оставалось сомнений в том, что правительство не только не признаёт Центральную Раду, но

и решило просто не замечать её существования. Однако такая реакция властей не обескуражила киевских сепаратистов. Они не отказались от своих далеко идущих намерений. Лишь изменили тактику.

Руководство Рады понимало: ему пока не найти достаточно широкой поддержки в городах. Ведь там преобладали русские и поляки. Да и на селе чаяли не «широкой автономии», а более прозаических земли и мира. Оставалось одно – опереться на «человека с ружьём». На солдат, прежде всего, запасных полков, отнюдь не горевших желанием оказаться в окопах, под вражескими пулями и снарядами. Вот от их-то имени и был собран 5 (18) мая в Киеве так называемый Украинский войсковой съезд. Собирище тех, кто готов был поддержать любого, кто избавил бы их от отправки на фронт.

Президиум съезда преднамеренно образовали по принципу не партийному, но некоего представительства. От «армии» – С.В. Петлюра, помощник главного интенданта Западного фронта от Объединенного комитета Земского и Городского союзов. От «тыла» – Н.Михновский, давно известный своими шовинистическими заявлениями провинциальный политик. От Первого украинского полка им Б.Хмельницкого – его командир полковник Ю.Капкан. И от Центральной рады – писатель В.К.Винниченко. Сообща им и удалось предельно просто добиться принятия в последний день работы съезда, 8 (21) мая, именно такой резолюции, которая позволяла продолжить давление на власть.

Разумеется, прежде всего в документ включили старые, не раз выдвигавшиеся положения. По смыслу – основополагающие.

«Украинский войсковой съезд, – отмечалось в первом разделе резолюции, – считает необходимой потребностью требовать от Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов немедленного провозглашения особым актом принципа национально-территориальной автономии Украины». Вслед за тем Центральная Рада была объявлена «единственным компетентным органом, призванным решать все вопросы, касающиеся Украины в целом и её отношения к Временному правительству». Настойчиво подчёркивалось: «на мирной международной конференции была представлена Украина в лице своих депутатов от организованного украинского народа во всей СВОЕЙ совокупности» /видимо, включая население австрийских Восточной Галиции и Буковины – **Ю.Ж./**.

Включила резолюция и неперенные в те дни популистские лозунги. Пообещала украинцам землю – но после Учредитель-

ного собрания, и мир – только после победы. Но главным её содержанием стало иное. Совершенно новое требование, изложение которого заняло более половины текста документа. Раздел «Об украинизации армии»:

«Съезд признаёт немедленную национализацию армии на национально-территориальном принципе. В частности съезд объявляет необходимость украинской национальной армии. В этом деле съезд признаёт: а) что в существующих военных единицах в тыловых частях все украинские воины, как офицеры, так и солдаты, должны быть немедленно выделены в отдельные части; б) в военных единицах на фронте выделение должно производиться постепенно, в зависимости от тактических и других военных условий, постольку поскольку такое выделение не будет вносить дезорганизацию на фронтах.

Что касается флота, то съезд по тем же мотивам считает возможным и необходимым: а) в Балтийском флоте скомплектовать некоторые корабли исключительно из команд украинской национальности; б) что касается Черноморского флота, то принимая во внимание то обстоятельство, что этот флот и в настоящее время состоит в подавляющем большинстве из украинцев, съезд признает необходимым в дальнейшем пополнять его исключительно украинцами.

Для практического осуществления принятых постановлений Украинский войсковой съезд решает создать временный Украинский Войсковой Генеральный Комитет при Центральной Украинской Раде, который будет вести украинскими военными делами и работать в тесном контакте с российским Генеральным штабом».⁴⁰

Это был вызов, не ответить на который Временное правительство не могло. Тем более что в Петроград неделю спустя прибыла делегация Центральной Рады, включавшая обоих заместителей её председателя, В.К.Винниченко и С.А.Ефремова, а также представителей краевых националистических объединений и организаций – украинских партий, социал-демократической, социалистов-революционеров, социал-федералистов, Крестьянского союза, только что образованного Войскового Генерального Комитета.

16 (29) мая они посетили Г.Е.Львова и вручили ему новый вариант своих домогательств. Весьма возросших, по сравнению с теми, что содержались в «Памятной записке», и изложенных в более категорическом тоне. Правда, не включавших оказавшимися слишком болезненными вопросы о границах края:

«1. Ввиду настойчивого и единодушного требования автономии Украины, выставляемого украинской демократией, от Времен-

ного правительства ожидается выражение в том или ином акте принципиально-благоприятного отношения к этому лозунгу...

3. Для всестороннего осведомления правительства о настроениях на Украине и потребностях украинского населения, а равно и для практического содействия правительству в проведении различных мероприятий, вызываемых особенностями жизни края, необходимо учредить при Временном правительстве должность особого комиссара по делам Украины.

4. Для объединения правительственных мероприятий во всех губерниях с украинским населением требуется учреждение на Украине должности особого комиссара с областным при нём советом».

Повторила Рада в «Записке» и положения, только что утверждённые Войсковым съездом:

«2. Неизбежность постановки украинского вопроса на международной конференции в связи с судьбой Галичины и частей украинской территории, занятой германцами, вынуждает ныне же принципиально решить в положительном смысле вопрос об участии в этой конференции представителей украинского народа, ибо такое участие требует немедленно предпринять подготовленные практические шаги по сношению с зарубежной Украиной...

5. В интересах поднятия боевой мощи армии и восстановления дисциплины необходимо проведение в жизнь выделения украинцев в отдельные воинские части как в тылу, так, по возможности, и на фронте».

Требованиями прямого участия, пусть и по весьма узкому кругу проблем, во внешнеполитической деятельности страны и создания собственной национальной армии делегация не ограничилась. Сочла возможным ещё и настаивать на финансировании нескрываемо сепаратистской работы:

«8. Для удовлетворения национально-культурных потребностей, подавленных при старом режиме, необходимо предоставить из Государственного казначейства в распоряжение Центральной Рады соответствующие средства».

Последним же пунктом делегация решила добиться фактической реабилитации лиц, высланных из края за проавстрийскую пропаганду, а также сосредоточить на подконтрольной Раде территории австрийских пленных – украинцев:

«9. Необходимо разрешить выезд на родину тем зарубежным украинцам, которые неправомерно выселены из мест своего постоянного жительства, а также облегчить участь пленных украинцев галичан, разместив их в украинских губерниях». ⁴¹

На этот раз премьер не уклонился от обсуждения, но и не стал с ним торопиться. Передал записку с требованиями Рады по принадлежности – заместителю министра внутренних дел Д.М. Шепкину, который и подготовил ответ, опубликованный 2 (15) июня в «Вестнике Временного правительства» как официальный документ:

«Все вопросы, связанные с автономией как Украины, так и других местностей государства, могут быть разрешены лишь Учредительным собранием».

Тем временем к пока довольно осторожным, по сравнению с украинскими, просьбам Ревеля, Риги, Тифлиса о предоставлении им автономии, прибавилась более серьёзная, настоятельная. Из Елизаветполя (Гянджи), губернского центра, населённого, в отличие от соседнего Баку, исключительно азербайджанцами. Там еще 15 (28) апреля состоялся Учредительный съезд Тюркской партии федералистов. Её же программа как основную задачу поставила осуществление:

«1. демократической республики на национально-территориально-федеративных началах вообще и в России в частности; 2. территориальной автономии Азербайджана, Туркестана, Киргизии и Башкирии; а также: 3. национальной автономии поволжских и крымских татар и всех вообще тюркских народностей».⁴²

А три недели спустя те же цели подтвердил и прошедший в Москве Всероссийский мусульманский съезд. Он постановил «признать, что формой государственного устройства России, наиболее обеспечивающей интересы мусульманских народностей, является демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах, причём национальности, не имеющие определённой территории, пользуются культурной автономией».⁴³

Ставшие общими и господствующими представления политиков национальных окраин о будущем устройстве страны обязательно как федерации подводили к неизбежному. К признанию властью многочисленных автономий. Но автономий, если судить по требованиям финского сейма и Украинской Центральной Рады, всего лишь как вынужденного компромисса. Как промежуточной стадии при переходе России от былой унитарности к возникновению на её месте множества независимых государств. Пусть не сразу, через несколько лет, но непременно.

Такая ситуация требовала от Временного правительства и ведущих общероссийских партий срочного принятия решений.

О самых жёстких мерах по отношению к наиболее рьяным сепаратистам. И о том, какой же России быть после Учредительного собрания, на котором депутаты-националисты вполне могли оказаться в большинстве. Однако почти все, кто и являлся властью – партии, представленные во Временном правительстве, ставшем с 6 (19) мая коалиционным, включавшем шесть министров эсеров и меньшевиков, – опьянённые воздухом революции, воздухом никогда прежде не испытанной свободы, продолжали видеть всё в розовом свете.

Полное непонимание происходившего продемонстрировало правое крыло социал-демократии – меньшевики всех групп и организаций. Делегаты её объединительной конференции, проходившей в Петрограде с 7 (20) по 12 (25) мая, не стали вникать в сущность национального вопроса. Судя по результатам, ограничились повторением давнего положения, внесённого в программу РСДРП ещё в далёком 1903 году. Без дискуссий, споров включили в свою новую предвыборную программу то, что сочли необходимым для новой России:

«Широкая политическая автономия для областей, отличающихся как национальными и этнографическими, так и культурно-историческими и социально-экономическими особенностями. Границы этой автономии и взаимоотношения между автономными областями устанавливаются Учредительным собранием, причём российский пролетариат будет отстаивать условия, обеспечивающие единство и успешность классовой борьбы и наиболее благоприятствующие развитию производительных сил как отдельных областей, так и России в целом».⁴⁴

Словом, не предложили ничего отличного от резолюции большевиков. Лишь отказались от прямого упоминания права наций на самоопределение, но исходили из него, да оставили все конкретные решения за Учредительным собранием.

Практически ту же по содержанию резолюцию принял и Третий съезд самой многочисленной и популярной тогда партии, социалистов-революционеров. Только – в силу заботы исключительно об интересах крестьянства – исключили из неё упоминание о единстве пролетариата России. Единодушно, даже без какого бы то ни было обсуждения, высказались «за форму федеративной демократической республики с территориально-национальной автономией в пределах этнографического расселения народностей и с обеспечением основными законами страны как прав национальных меньшинств в местностях со смешанным населением, так и вообще публичных прав всех языков, на которых говорят трудящиеся массы в России».⁴⁵

Только кадеты, переименовавшие себя в партию народной свободы, заняли отличную от прочих позицию. Выступая 9 (22) мая при открытии Восьмого съезда, П.Н.Милюков признал: во внутренней политике перед страной стоят «два вопроса – аграрный и национальный». Однако прежде всего остановился на национальном.

«Задачи широкой децентрализации страны, – признал он, – сейчас ставятся шире, чем они ставились раньше, и партия народной свободы попытается найти решение, которое, давши возможность местностям России создать у себя местную автономию на началах местного законодательства, в то же время **не разрушили бы государственного единства России. Партия народной свободы для настоящего момента не считает правильным разрешение вопроса в смысле организаций национально-территориальных, но ОНА не исключает возможность для существующих исторических территориальных делений (губерний) впоследствии искать для себя путь к объединению, где соседние территориальные единства / губернии – Ю.Ж./ населены одинаковыми народностями, и даже к соответственному изменению границ**».⁴⁶ /выделено мной – Ю.Ж./

Так обнаружилось если не полное тождество, но необычайная близость взглядов Милюкова и... Сталина. Людей, представлявших не только противоположные, но и предельно враждебные политические партии. Первый – по принятой тогда терминологии – буржуазную, второй – социалистическую. Объединило же их, но лишь при подходе к национально-территориальному вопросу, только одно – забота о целостности страны. То, о чём почему-то почти все забыли.

Правда, Милюков, впрочем, как и Сталин, не стал углубляться в тему. Предоставил возможность аргументировано, теоретически обосновать собственную позицию Ф.Ф.Кокошкину. Своему старому соратнику и бессменному члену руководства партии, блестящему знатоку права – в прошлом приват-доценту Московского университета. А ещё и автору брошюры «Автономия и федерация», только что изданной как материал для обсуждения на съезде.

Кокошкин же в докладе напрочь отказался от любых недомолвок. Начал с категорического утверждения, что такие понятия, как национально-территориальная автономия и федеративное устройство государства никоим образом не взаимосвязаны, не обуславливают друг друга. Напомнил общеизвестные факты. Существующие федерации – Швейцария, Соединённые Штаты

Америки, Южно-Африканский Союз – построены отнюдь не по национальному признаку. Более того, даже отвергают его. Вместе с тем, такие полиэтнические страны, как, к примеру, Бельгия, являются унитарными государствами.

Только затем Кокошкин выдвинул веские возражения против превращения России в федерацию, о какой грезил политики окраин. Прежде всего, подчеркнул докладчик, препятствует такому административному преобразованию «крайняя неравномерность численности всех национальностей,.. неравномерность занимаемой ими территорий». Обращаясь как к читателям брошюры, так и к участникам съезда, задал риторический вопрос – какой же оказалась бы Россия, став федерацией? И сам же ответил:

«В неё вошла бы Великороссия в количестве около 80 миллионов населения, Украина – я не настаиваю на точных цифрах, а беру грубо-приблизительно – в количестве 25-30 миллионов населения, а затем ряд средних и мелких национальностей, включительно до самых мелких, насчитывающих лишь несколько сот тысяч членов в своей среде... Тут прежде всего возникает вопрос о той компетенции /правах – **Ю.Ж.**/, которая должна принадлежать составным частям этой федерации – национально-территориальным автономным штатам». И обозначил все возможные юридические решения.

Первое – если «будет принят масштаб провинциальных автономий компетенций составных частей федерации». Но это явно не удовлетворит более крупные национальные группы. Второе – «если в пределах федерации для каждой составной части России компетенцию отмерить широко, как это соответствовало бы величине наиболее крупных национальностей, то, надо сказать, компетенция центральной власти оказалась бы сведённой почти к нулю».

«Можно, – продолжал рассуждать Кокошкин в присущей ему академической манере, – отмерить компетенцию составных частей России неравно, можно большим национальностям дать широкие права автономии, а мелким... узкие». И тут же пояснил, что тогда всё зайдёт в «государственно-правовой тупик».

«Если, – продолжал Кокошкин, – крупным национальностям будут отмерены широкие права, то тем самым крупные национальности будут решать обособленно, независимо друг от друга, у себя дома целый ряд важнейших дел, а меньшие национальности таких важнейших дел у себя дома решать не будут, и эти важнейшие дела мелких национальностей будут подлежать рассмотрению общегосударственного парламента... Но тогда

мы будем иметь самую чистую и одиозную форму опеки крупных национальностей над мелкими».

«Тем самым, – пояснил Кокошкин, – будет отвергнут самый существенный принцип федерации – равное участие её составных частей в управлении государством».

Рассмотрел докладчик и ещё один, четвёртый по счёту вариант построения федерации. Тот, при котором всем автономиям предоставлялись бы равные права. Рассмотрел детально и тут же категорически отверг из-за полной его несостоятельности. «Мыслимо ли это дело, – воскликнул он, – чтобы в решении важнейших государственных дел восьмидесятимиллионный великорусский народ имел такой же голос, как любая национальность, насчитывающая несколько сот тысяч членов? Это, конечно, немыслимо. И такая федерация была бы заранее осуждена на смерть с самого своего начала».

Казалось, Кокошкин разобрал уже все возможные варианты переустройства страны на национально-территориальных началах. Но нет, привёл пример ещё одного, наиболее опасного, по его мнению, и потому неприемлемого, как и все остальные. Тот, при котором предполагалось одновременное введение как национально-территориальной, так и ПРОСТО территориальной автономии. «По этим планам, – объяснил правовед, – великорусская национальность должна распасться на целый ряд автономных областей /он подразумевал Урал, Сибирь и т.д. – Ю.Ж./, а Литва, Украина, Белоруссия и другие должны составить целые этнографические объединённые единицы». И заключил: «этот план практически неосуществим».

Продолжая анализ, докладчик подытожил: «Разделение России по национальному признаку логически ведёт в лучшем случае не к федерации, ... а к так называемому союзу государств, к конфедерации... свободному союзу суверенных государств, соединённых на началах международного договора». Только потом подвёл окончательный итог: «Если бы **конфедерация народностей** и была осуществлена в России, нужно ПРЯМО сказать, что она **ведёт к распадению России, к разрушению государственного единства, и образованию союза самостоятельных национальных суверенных государств**» – /выделено мной – Ю.Ж./.

Не забыв об уже возникших непримиримых разногласиях из-за разграничения национальных областей, предупредил: «эти междунациональные споры... могут дойти, может быть, даже до вооружённого столкновения».

Однако не следует считать, что в выступлении Кокошкин лишь отвергал всё, на чём только ни настаивали политики окраин.

Предложил он и позитивный план. Да, воспользоваться идеей **автономии**, но «совершенно иного типа, **чисто территориальной, поставленной в зависимость от всей совокупности экономических, этнографических, бытовых и других условий** /выделено мной – **Ю.Ж.**/...так, чтобы губернии могли сливаться в более обширные области, если это соответствует желанию местного населения, или, напротив, разделяться на составные части». ⁴⁷

В последовавших за докладом прениях все выступившие кроме двух участников съезда (от Чернигова и оккупированной Литвы) поддержали взгляды Кокошкина. Потому-то резолюция или новая редакция программы партии и закрепила следующее:

«24. Высшим территориальным самоуправляющимся союзам (губернским или областным земствам) должны быть предоставлены права провинциальной автономии (издание местных законов) в определённых сферах местной хозяйственной, культурной и национально-культурной жизни...

25. При установлении Конституции Российской Республики упомянутые уже в предыдущем параграфе права местной автономии предоставляются органам самоуправления губерний и соответствующих им территориальных делений (ныне существующих областей). Вместе с тем, Конституция должна открыть закономерный путь к удовлетворению желаний местного населения относительно слияния установленных территориальных единиц в более обширные области, разделения их на меньшие единицы и изменения их границ и компетенции». ⁴⁸

4. Вызов Киева

Так, да и то лишь к середине мая, обозначились, наконец, позиции главных политических сил России по вопросу о судьбе национальных окраин. На одной стороне оказались кадеты, отстаивавшие целостность страны и потому напрочь отвергавшие её федерализацию. На другой – эсеры и меньшевики, сохранившие старую приверженность «праву наций на самоопределение». А между ними оказалась единственная оппозиционная партия, большевики. Так и не сумев ПРИЙТИ К единому понятному мнению, в равной степени и поддерживавшие, и отвергавшие требования автономистов.

Временное правительство в силу того, что включало не только кадетов, но и эсеров с меньшевиками, так и не смогло выработать общую линию. Практически уклонилось от принятия каких-либо определённых решений. Тем самым, отдалось на волю ре-

волюционной стихии, нисколько не заботясь о последствиях. И продолжало по-прежнему уповать на Учредительное собрание. Мол, оно соберётся и всё рассудит.

Между тем, стремление сепаратистов использовать исключительно в своих целях неоднозначно понимаемое центром и окраинами, ставшее одиозным «право наций на самоопределение», нарастало. Всё более и более усложняло и без того запутанную ситуацию, особенно на оккупированных Германией территориях России. Ведь толковалось такое «право» в обоих военных лагерях на собственный лад.

Хотя Временное правительство и поспешило признать независимость Польши, тем мало чего добилось. Поляки и так ещё в январе 1917 года создали в Варшаве, под эгидой Германии, правительство с премьером Я.Кухажевским. Располагали и собственными вооружёнными силами. Правда, оказавшимися по разную сторону фронтов из-за различной ориентации польских политических кругов. Под австрийскими знамёнами – тремя бригадами, сформированными полковником В.Сикорским. Под русскими – дивизией, вскоре развёрнутой в корпус, под командованием генерал-лейтенанта Ю.Довбор-Мусницкого, и под французскими – отдельной армией генерала Ю.Галлера. А потому теперь больше всего заботило поляков не столько признание уже обрётённой суверенности, сколько определение будущих границ государства.

В непомерных устремлениях обе польские политические группировки, делавшие ставку на победу как Антанты, так и Центральных держав, на востоке не собирались довольствоваться только десятью губерниями Привислинского края. Рассчитывали распространить власть ещё и на Ковенскую, Виленскую, Гродненскую и Холмскую. Тем более что они были обещаны им Берлином и Веной в самом начале войны – в надежде на поддержку. Однако весной 1917 года в планы Германии больше не входило потворствование намерениям поляков. Благо, находившиеся в Вильне лидеры местных националистических партий А.Вольдемарас и А.Сметона подали командующему Восточным фронтом принцу Макс Баварскому петицию. В ней же выражался – разумеется, от имени «всех литовцев» – категорический протест против игнорирования права наций на самоопределение. Высказывалась надежда, что Берлин поможет Литве в пределах Ковенской, Виленской и Сувалкской губерний обрести независимость.

Такое пожелание, да ещё и идущее якобы «снизу», лучше всего отвечало классическому принципу «разделяй, чтобы властвовать», которому Берлин решил следовать. И потому 5 апре-

ля участники совещания командования германской армии, на котором присутствовал представитель канцлера, поспешили использовать, скорее всего, ими же и инспирированную петицию. Признали желательным и возможным создать в границах рейха Литовское королевство. Жители его, как несколько позже объяснял начальник оперативного управления германского Генерального штаба генерал Эрих Людендорф, «могли бы сохранить под покровительством Германской Империи свою национальную самобытность».⁴⁹ Во исполнение такого замысла Макс Баварский и позволил 30 мая созвать литовский сейм.

В свою очередь, политики, заявившие, что они представляют интересы литовцев, эвакуированных из Ковенской, Виленской и Сувалкской губерний вглубь России в конце 1914 – начале 1915 годов, поспешили еще 13 (26) марта образовать ориентированный на Антанту собственный Национальный совет (та-рибу). Он-то и созвал в Петрограде 1 июня Литовский сейм, в первые же часы работы расколовшийся на практически равные две части. 140 его участников представляли правые союзы – Национальный и Национальной свободы, партии – Христианско-демократическую и Национального прогресса. 128 участников являлись членами левых партий – Социал-демократической и Народников-социалистов (лаудининки).

Правые 4 (17) июня приняли свою, бескомпромиссную сепаратистскую резолюцию. «Сейм постановил: – гласила она, – 1. Вся этнографическая Литва должна стать независимым государством, навсегда нейтральным. 2. Её нейтралитет должен быть гарантирован на международной мирной конференции. 3. На этой конференции должны принять участие представители литовского населения. 4. Образ правления во вновь образованной Литве и внутреннее её устройство должно установить созванное на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования Учредительное собрание Литвы».

Левая часть сейма в тот же день сформулировала собственные, более умеренные требования.

«Будущая международная конференция, – констатировала их резолюция, – должна будет санкционировать право подчинённых народов выделяться, буде они сами того пожелают, из государств, в состав которых они входят, а выделившимся народам обеспечить международные гарантии свободного самостоятельного бытия. Вместе с тем, сейм единодушно постановил: обратиться к Временному правительству России, а также ко всем союзным и нейтральным государствам с требованием признать право литовского народа на самоопределение, разрешение сво-

ей политической судьбы в Учредительном собрании Литвы».⁵⁰

Легко заметить, что требования обеих групп Литовского сейма не очень-то разнились. И правая, и левая его фракции дружно настаивали на созыве собственного учредительного собрания, на непременно провозглашении независимости страны, которую должна гарантировать будущая мирная конференция. Только первые заявляли о необходимости признания суверенитета Литвы незамедлительно, а вторые готовы были дожидаться окончания войны.

Ничем не прикрытый сепаратизм сразу же стал сопровождаться взаимными территориальными претензиями. Так, поляки считали своими литовские Ковенскую и Виленскую губернии, а литовцы – Сувалкскую, входившую в Привисленский край, где преобладало польское население. Мало того, обозначилась и третья сторона неизбежного, судя по всему, конфликта. Созданный 27 марта (9 апреля) в Минске Белорусский национальный комитет поспешил заявить и о своих территориальных претензиях: «Ядром /только ядром! – **Ю.Ж.**/ Белоруссии являются губернии Минская, Могилёвская, Витебская, Гродненская и Виленская».⁵¹

Однако заниматься явно бессмысленными до окончания войны распрями Временное правительство не спешило. Тревога осознавая – сначала следует освободить от неприятеля и Польшу, и Литву, и только потом выступать арбитром в спорах националистов. То же полное равнодушие проявила власть и к положению, складывающемуся в Курляндии. Там немецкая часть населения решила, как и все, воспользоваться «правом на самоопределение» и воссоединиться с фатерландом. Германское командование, давно вынашивавшее такие же планы, поддержало горячее стремление немцев оккупированной российской губернии. 30 (17) мая разрешило созвать не только сейм несуществующего Литовского королевства, но и ландтаг исчезнувшего с политической карты Европы ещё в 1795 году Курляндского герцогства.

И хотя о замысленном отделении Курляндии сразу же стало известно в Риге, столица немецкие поползновения оставила без малейшего внимания. Точно так же, как и полгода назад – сообщение о создании Польского королевства. Серьёзно беспокоило Временное правительство иное, действительно могущее повлиять на положение в стране, помешать начать уже согласованное по срокам с союзниками наступление на Юго-Западном фронте. На том самом, который и намеревались взорвать, разложив и дезорганизовав, киевские сепаратисты.

Между тем, политический кризис, вот уже два месяца потрясавший Россию, перетряхнул, наконец, и Временное правительство. 5 (18) мая прежде однородное, буржуазное, оно было преобразовано в Первое коалиционное – шесть министров от эсеров, меньшевиков, народных социалистов; пять – от кадетов; четверо – беспартийных. На следующий день оно выступило с официальной декларацией. С программой, которой подтверждало прежний курс власти.

«Временное правительство, – указывала, она, – твёрдо верит, что революционная армия России не допустит, чтобы германские войска разгромили наших союзников на западе и обрушились всей силой своего оружия на нас. Укрепление начал демократической армии, организация и укрепление боевой силы её как в оборонительных, так и в наступательных действиях будут являться главнейшей задачей Временного правительства».⁵²

Сочтя одну только декларацию недостаточной, на следующий день Г.Е.Львов, сохранивший пост премьера, счёл очень важным лично для себя ещё раз заверить Париж и Лондон в верности Петрограда принятым перед Антантой обязательствам. «Установившееся на фронте фактическое перемирие, – заявил он журналистам, – давшее основание германскому канцлеру высказать позорное для России предположение о возможности сепаратного мира, должно быть прекращено. Страна должна сказать своё властное слово и послать свою армию в бой». Львову вторил и новый министр иностранных дел М.И.Терещенко: «Свободная Россия должна доказать, что она верно выполнит взятое на себя обязательство объединённой борьбы и взаимной помощи».⁵³

Слова эти, более похожие на заклинание, не были лишь обещанием на будущее. В большей мере они являлись извинением за то, что уже произошло. За так и не начатое наступление русской армии весной одновременно с союзниками, которые, тем не менее, попытались прорвать «Линию Зигфрида» и вытеснить немцев с французской территории, выйдя к бельгийской границе. Франко-английские силы, надеясь на согласованную загодя поддержку на Восточном фронте, начали 9 апреля операцию, через месяц завершившуюся для них тяжким поражением. Потерей 340 тысяч человек, в том числе и 5 тысяч из состава Русского экспедиционного корпуса. Настоящим разгромом, в котором не без серьёзных оснований винили Петроград, его неспособность добиваться наиважнейшего в дни войны.

И вот теперь, уже в июне, предстояло вновь попытаться совместными усилиями всё-таки нанести решающий, окончатель-

ный удар. Принудить Германию капитулировать. Потому-то Керенский, сменивший А.И.Гучкова на посту военного и морского министра, патетически пообещал: «Я уезжаю на фронт и – я уверен – буду иметь полное основание рассеять тот пессимизм, который сейчас очень распространён даже среди некоторых начальственных лиц». ⁵⁴

Керенский действительно выехал на фронт – уже 9 (22) мая. Объявил его от севера до юга. Побывал в Гельсингфорсе, Риге, Двинске, Минске, Каменец-Подольске, Одессе, Севастополе. Посылал отовсюду в адрес правительства телеграммы, полные экзальтированного восторга и эйфорической уверенности. Заодно обратился к армии с воззванием, призвав её готовиться к наступлению. «Вы понесёте, – писал он выпендренно, – на концах штыков ваших мир, правду и справедливость. Вы пойдёте вперёд, скованные дисциплиной долга и беззаветной любви к революции и родине». ⁵⁵

На обратном пути в столицу Керенский 18 (31) мая остановился в Киеве, чтобы встретиться с членами Центральной Рады. Потребовать от них в столь трудную для страны минуту отказаться от своих намерений и поддержать правительство. Не препятствовать подготовке наступления, о котором громогласно трубили все газеты.

Однако киевские националисты, чтобы укрепить своё положение в глазах общественности, схитрили. Постарались сообщить о беседе министра с Грушевским так, чтобы она выглядела как чуть ли не полная поддержка Керенского предложений Центральной Рады:

«**Керенский** заявил, что во Временном правительстве существует стремление сделать в вопросе об автономии всё, что возможно «по долгу и совести». Положение правительства осложняется тем, что ему приходится считаться с интересами и взглядами всей России. «Вы говорите о санкционировании Учредительным собранием готового факта, а мы хотели бы, чтобы Учредительное собрание положило бы начало этому факту».

Грушевский – Украинцы хотят лишь национально-территориальную автономию в федеративной Российской республике. Мы не добиваемся независимости, мы имели свою государственность. Документ о ней вырван у нас Романовыми. Мы хотим, чтобы Временное правительство провозгласило, что оно возвращает наше право на национально-территориальную автономию, а Учредительное собрание это санкционирует.

Шульгин /А.Шульгин – член Центральной Рады от украинской партии социалистов-федералистов – **Ю.Ж.**/ считает, что только децентрализация России может её спасти, иначе она погибнет.

Грушевский – Украинское движение не угроза для России, а твёрдая опора. На него должно опереться Временное правительство, если оно желает спасения России.

Керенский – Я вижу угрозу не в движении, а в нетерпеливости, с которой мне приходится бороться и в рядах русской демократии. Во всяком случае, я остаюсь вашим другом и сделаю всё, что будет возможно.

Грушевский указывает, что откладывать удовлетворение требований украинского народа нельзя и Центральная Рада не могла бы отвечать за последствия, если бы переданные центральному правительству желания украинского народа не были выполнены».⁵⁶

Так выглядело содержание беседы, опубликованное еженедельником «Вестник Украинской Центральной Рады». Вроде бы обо всём – готовности Керенского удовлетворить пожелания Киева, угрозы Грушевского, но ни слова о том, что заставило военного министра сделать непредусмотренную ранее остановку в центре Юго-Западного края. Вынудило его заявить об отнюдь не благоприятном для украинских националистов – переформирование армии по национальному признаку во время войны недопустимо. Решительно выступить против всего, «что может разорвать связи между национальностями» России. Весьма твёрдо, решительно подчеркнуть – требования не только создания собственной армии, но и автономии вообще Временное правительство поддерживать не собирается.⁵⁷

Столь резкая отповедь, данная руководству Рады, не являлась самодеятельностью Керенского, превышением им своих полномочий. К тому дню Временное правительство уже образовало Особое совещание «для выслушивания доклада представителей украинской общественности». (Весьма примечательно: даже в названии своего кратковременного органа правительство не пожелало упоминать не признаваемую им Центральную Раду!) Включило в него председателем – товарища (заместителя) министра юстиции Д.М. Щепкина, и членами от Министерства внутренних дел – С.А.Котляревского и Н.Н.Авилова, от Военного – Л.С.Туган-Барановского, от постоянного юридического совещания при Временном правительстве – Н.И.Лазаревского.

Оба заседания Особого совещания, 21 и 22 мая (3 и 4 июня) проходили в присутствии находившихся в Петрограде членов Рады В.К.Винниченко, С.А.Ефремова, Н.Н.Ковалевского, А.М.Пилькевича и П.Я.Стебницкого. По сути представляли открытую дискуссию с ними.

В первый день члены совещания «ввиду неопределённости термина «автономия» предложили делегатам Рады в дополнительной записке точно указать Временному правительству – в каких формах им представляется возможной и желательной, **не нарушающей единства государства** /выделено мной – **Ю.Ж.**/ автономия для Украины». Вместе с тем высказало и положительное суждение.

Согласилось с участием украинских представителей в международной мирной конференции, но лишь при обсуждении судьбы Галиции. И не стало возражать против «сношения» российских и австрийских украинцев, но только как сугубо частных лиц.

Выразили члены совещания своё мнение и по военному вопросу. В ходе обсуждения поначалу допустили в принципе «в некоторых случаях возможность выделения украинцев в отдельные воинские части». Правда, тут же отметив «технические трудности, вызываемые осуществлением такой меры». Вместе с тем, категорически высказались «против формирования в настоящее время украинских полков». Мотивировали это тем, что «такая мера может не поднять, а лишь ослабить боеспособность армии». В конце концов, пришли к окончательному выводу: «совершенно недопустимо образование особой украинской армии, а равно и «украинизации» Черноморского Флота как могущих лишь ослабить боевую силу государства».

Во второй день члены совещания рассмотрели остальные требования Рады. «По вопросу о выезде на родину зарубежных украинцев», то есть возвращения в Галицию австрийских подданных, предложили обратиться в **МИД**, однозначно отклонили настоятельную просьбу «о размещении пленных украинцев-галичан в украинских губерниях».⁵⁸

Получив столь однозначно отрицательный ответ, Центральная Рада всё же решила настаивать на своём. Для создания же видимости того, что откровенно сепаратистские, иными словами, преступно антигосударственные требования являются якобы «общенародными», объявила о созыве второго Войскового съезда. Намеревалась на нём от имени «солдат-украинцев» уже не просить, а прокламировать и автономию, и создание национальной армии.

Ответ Керенского, на этот раз не кулуарный, а официальный, последовал незамедлительно. 28 мая (10 июня) он направил в Киев телеграмму следующего содержания: «По военным условиям считаю украинский съезд несвоевременным ввиду невозможности в настоящее время отвлекать солдат и офицеров от выполнения их прямого долга перед отечеством. Вопрос о на-

циональных войсках спешно вносится на рассмотрение Временного правительства».

Но так как Центральная Рада отказалась выполнить данное предписание, Керенский вынужден был 1 (14) июня повторить свой запрет – «Всякий солдат и офицер может осуществлять все права свободного гражданина, поскольку долг службы не препятствует этому. В настоящее время считаю долгом всякого солдата оставаться в рядах армии. Поэтому всякие обращения о разрешении съездов, не входящих в систему общевойсковой организации, вынужден отклонить».⁵⁹

Не довольствуясь приказом только военного министра, петроградские власти решили подкрепить его уже и от своего имени. 2 (15) июня официоз «Вестник Временного правительства» опубликовал сообщение: «31 мая Временное правительство заслушало заявление Украинской Центральной Рады. Товарищ министра внутренних дел Д.М.Шепкин представил подробные соображения: «Все вопросы, связанные с автономией как Украины, так и других местностей государства, могут быть разрешены лишь Учредительным собранием».⁶⁰

А день спустя, 3 (16) июня, последовало более обстоятельное «Правительственное сообщение об отклонении украинских требований». «Центральная Украинская Рада, – уведомляло оно, – представила правительству свои постановления о будущем устройстве Украины. Эти пожелания распадаются на три группы. Первая касается установления автономии Украины с изданием правительством особого акта принципиального значения; вторая – немедленного выделения для особого административного управления 12 губерний с украинским населением, с учреждением краевого совета и особого комиссара по делам Украины при правительстве, и третья – учреждение особого украинского войска...

Устанавливая основные положения своего постановления, правительство обратило внимание на следующие принципиальные соображения.

Возможно ли признавать Центральную Украинскую Раду правомочной в смысле признания её компетенции по выражению воли всего населения местностей, которые эта Рада желает включить в число 12 губерний, в территорию будущей автономной Украины? Так как эта Рада не избрана всенародным голосованием, то правительство едва ли может признавать её выразительницей точной воли всего украинского народа. Поэтому правительство считает, что как с формальной, так и с тактической стороны вопрос об установлении автономии Украины мо-

жет решить только Учредительное собрание. Поэтому явилось бы затруднительным для правительства издание акта по этому вопросу, ибо это имело бы предрешающее значение. Кроме того, без точного определения содержания понятия автономии Украины издание такого акта повело бы к недоразумениям в территориальном и других отношениях. Отрицательное решение по вопросу об издании акта об автономии Украины принято правительством единогласно.

Точно так же правительство признало, что оно не в праве устанавливать новое административное устройство Украины и учреждать особых комиссаров, ибо это всецело подлежит компетенции Учредительного собрания.

По вопросу о самостоятельном украинском войске правительство признало возможным временное разрешение этого вопроса лишь в объёме, указанном военным министром украинским организациям в Киеве.

Вместе с тем, правительство подчёркивает, что оно признаёт национальные особенности, своеобразные условия жизни Украины и необходимость разрешения вопроса о будущем устройстве Украины, которое принадлежит Учредительному собранию». ⁶¹

Мало того, накануне премьер-министр дал интервью В.В. Шульгину, депутату 2-й, 3-й и 4-й Государственных дум от Волынской губернии, теперь считавшейся «украинской», самому известному русскому националисту. Интервью, опубликованное в наиболее распространённой на юге газете «Киевская мысль» 3 (16) июня и фактически повторившее всё содержащееся в «Правительственном сообщении», но в более конкретной и резкой форме.

«Отвечая на мои вопросы, — писал Шульгин, — князь Львов сказал, что правительство ни в коем случае не даст согласия на украинские притязания до Учредительного собрания. Автономия Украины — это дело всего русского народа. Временное правительство получило власть от всей нации, и взять на себя ответственность за расчленение России не может. Если народы и племена России пожелают размежеваться, то это их дело. Но такой акт от имени Временного правительства, которому вручена цельная российская держава, был бы ничем не оправдываемой растратой вручённого охране правительства. Это тем более не может быть сделано во время войны, которая объявлена России, всем её частям, а Малороссии грозит, может быть, больше, чем Великороссии.

Если украинцы желают провозгласить автономию до Учредительного собрания, значит, они опасаются, что Учредительное

собрание на автономию не согласится. Значит, они хотят это сделать не в порядке соглашения, а против воли остальной России. Но у правительства нет даже уверенности в том, выражает ли действительные желания всего населения юга России та его группа, которая называет себя украинцами и проявляет большую активность.

Правительству совершенно неизвестно, как будет встречено Великороссией и другими племенами, если Киевскую, Подольскую, Волынскую, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую и Таврическую губернии украинцы объявят автономными, не пожелав даже спросить мнение остальной России. Весьма возможно, что это будет сочтено актом неуважения и такого непонимания общности интересов в прошлом и будущем, что вызовет в высшей степени враждебные чувства в отношении украинцев. А из этого враждебного отношения могут родиться величайшие осложнения. Поэтому правительство всемерно будет противодействовать поползновениям решить украинский вопрос до Учредительного собрания». ⁶²

Но ни «Правительственное сообщение», ни ясно выраженное мнение премьер-министра не охладили пыл сепаратистов. Напротив, подстегнули их горячее и неуёмное желание как можно быстрее если ещё не полностью отделиться, то предельно обособиться от страны. Уже 3 (16) июня Центральная Рада приняла опасную по последствиям резолюцию:

«Обсудив ответ Временного правительства российского на требования Украинской Центральной Рады и придавая значение тому, что признание права украинского народа на автономию соответствует его трудовым и национальным интересам, общее собрание Центральной Украинской Рады, пополненное Украинским Советом крестьянских депутатов и Войсковым Украинским Генеральным Комитетом, признало, что отклонение требования Центральной Рады Временное правительство сознательно пошло против интересов трудового народа на Украине и против им же (Временным правительством) объявленного принципа самоопределения национальностей. Ввиду этого собрание Центральной Рады признало необходимым:

1. Обратиться ко всему украинскому народу с призывом организовать и приступить к немедленному заложению фундамента автономного строя на Украине.

2. Центральная Украинская Рада считает нужным немедленно издать к украинскому народу Универсал, в котором имеет выяснить сущность требований украинской демократии, представленной Центральной Радой, а также те задания, которые стоят

перед ней в создании автономного строя на Украине совместно с другими национальностями украинской земли».⁶³

Тем самым, киевские сепаратисты не просто выразили неповиновение той власти, которую они, по их собственным словам, ещё как бы признавали. Они бросили открытый вызов Временному правительству, понадеясь на его слабость. И, чтобы если и не привлечь на свою сторону, а лишь завоевать симпатии собравшегося в тот же день в Петрограде Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, обильно уснастили свои незаконные требования псевдосоциалистической терминологией. Не поскупились на слова «демократия», «интересы трудового народа», «право наций на самоопределение». Заодно сослались и на то, что вместе с ними заодно действует и Украинский Совет крестьянских депутатов (его съезд Рада, избегая настоящих выборов, срочно провела буквально в канун принятия своей резолюции, с 29 мая (10 июня) по 2 (15) июня), и явная подмена Совета солдатских депутатов – Войсковой съезд.

Можно предположить и иное. Зная о предстоящем скором наступлении на Юго-Западном фронте – а о нём не знал разве что самый нелюбопытный, – попытаться таким образом шантажировать Петроград. Требовать автономию, к тому же весьма широкую, да ещё для той территории, которую Рада сама же и определила чисто произвольно, угрожая срывом боевых действий, окончательным развалом русской армии.

Решительно игнорируя законное право кого-либо иного представлять интересы населения края или хотя бы одной Киевской губернии, Рада неуклонно продвигалась к намеченной цели. Даже вопреки неожиданному единству взглядов большевиков и меньшевиков на объединённом заседании киевских Исполкомов, Советов рабочих депутатов, войск Киевского военного округа, коалиционного студенчества, прошедшем 2 (15) июня.

Так, Киевский комитет РСДРП(б) заявил: «Требование отделения Украины может быть поддержано партией в том случае, если за него выскажется всенародное голосование всего населения Украины». Меньшевики заняли ещё более твёрдую позицию. Их представитель прозорливо отметил: «Украинцы требуют от правительства не мнения, а санкции того, что авторитетный орган государственной власти автономию признает... Для чего нужны /Центральной Раде – Ю.Ж./ войска? В «Декларации» указывается, что это мероприятие необходимо для предупреждения развала армии. Но в действительности на всех съездах /нацио-

налистов – **Ю.Ж.**/ определённо указывается, что армия нужна Украине для защиты своих прав. Не предупреждение развала, а дезорганизация».

В целом же резолюция, принятая объединённым заседанием – не менее, а более представительным, нежели Рада, – гласила: «Стоя совершенно определённо на почве устройства России на принципах децентрализации и широкой автономии, мы вполне присоединяемся и готовы всей силой своего авторитета поддержать точку зрения правительства, что вопрос этот в смысле общих начал автономии, её объёма и фактического содержания может быть решён только Учредительным собранием. В настоящее время, по нашему убеждению, может быть речь лишь о подготовке вопроса к Учредительному собранию».⁶⁴

Но и такая оценка конфликта киевскими Советами Раду не остановила. Убедившись, что серьёзного противодействия со стороны Петрограда она не встретит и окончательно уверовав в собственную безнаказанность, провела с 5 (18) по 10 (23) июня то, что назвала Вторым Всеукраинским войсковым съездом. Провела только для того, чтобы лишний раз доказать свою уже несомненную силу или, вернее, полную неспособность Временного правительства отстаивать, защищать национальные интересы, целостность государства. Войсковой же съезд, как бы подталкивая Раду к новым незаконным действиям, принял резолюцию, практически не содержащую ничего нового, принципиального. Лишь в более агрессивной форме повторявшую всё не раз звучавшее из уст сепаратистов.

«– Украинский народ, – патетически провозглашала она, – равный со всеми культурными народами мира, имеет со времени уничтожения российского царизма полные права свободного народа, которые и будет защищать...

– Съезд поручает Генеральному украинскому войсковому комитету в самом непродолжительном времени разработать детальный план украинизации войск и принять все меры для немедленного проведения его в жизнь.

– Предлагает Центральной Раде в самом непродолжительном времени созвать территориальное собрание для соглашения с национальными меньшинствами и рассмотрения проекта статута автономии Украины».

Новое сборище солдат, не желавших отправляться на фронт, не ограничилось поручениями только Раде и Войсковому Комитету. Потребовало от Временного правительства:

«– Чтобы высшая русская, /так в тексте – **Ю.Ж.**/ войсковая власть /то есть военное министерство и лично Керенский

– Ю.Ж./ немедленно провела во всех приказах утверждение Украинского Войскового Генерального Комитета.

– Чтобы все обращения Украинского Войскового Генерального Комитета к высшей русской войсковой власти признавались и исполнялись ею обязательно». ⁶⁵

Использував эту резолюцию как формальное основание, – мол, вот он, глас народа! – в день закрытия съезда пятая сессия Рады приняла обещанный ею в «Декларации» Универсал (манифест) «К украинскому народу на Украине и вне ее территории». На следующий день М.С.Грушевский зачитал его на Софийской площади:

«Народ украинский. Народ крестьян, рабочих и трудящегося люда. Волей своей ты поставил нас, Украинскую Центральную Раду, на страже прав и вольностей украинской земли. Лучшие сыны твои, выборные люди от сёл, от фабрик, от солдатских казарм, от всех громад и обществ украинских избрали нас, Украинскую Центральную Раду, и поручили нам стоять и бороться за эти права и вольности.

Твои, народ, избранные люди заявили свою волю так:

Пусть будет Украина свободна. Не отделяясь от всей России, не порывая с державой российской, пусть народ украинский на своей земле имеет право сам распоряжаться своей жизнью. Пусть ПОРЯДОК и строй на Украине даст избранное всенародным, равным, прямым и тайным голосованием Всенародное украинское собрание (сейм). Все законы, которые должны дать этот строй здесь, у нас на Украине, имеет право издавать только наше украинское собрание...»

Перечислив далее те требования, которые украинская делегация предъявила Петрограду, которые «центральное российское правительство отвергло, провозгласил:

«Нас принудили самих творить свою судьбу. Мы не можем допустить наш край до разрухи и упадка. Если Временное российское правительство не может ввести ПОРЯДОК у нас, если не хочет приступить вместе с нами к большой работе, то мы сами должны взять её на себя. Это наш долг перед нашим краем и перед теми народами, которые живут на нашей земле.

И посему мы, Украинская Центральная Рада, издаём этот Универсал ко всему нашему народу и объявляем: отныне сами будем творить нашу жизнь... С этого времени каждое село, каждая волость, каждая управа городская или земская, которая стоит за интересы украинского народа, должна иметь самые тесные организационные сношения с Центральной Радой. Там, где по каким-либо причинам административная власть осталась

в руках людей, враждебных украинству, предписываем нашим гражданам /выделено мной – **Ю.Ж.**/ приступить к широкой, мощной организации и осведомлению народа, и после этого переизбрать администрацию...

Народ украинский, перед твоим выборным органом, Украинской Центральной Радой, стоит большая и высокая стена, которую ей надо опрокинуть, чтобы вывести свой народ на путь свободы. Нужны силы для этого. Нужны сильные, смелые руки. Нужен великий народный труд. А для успешности этой работы, прежде всего, нужны большие средства (деньги). До этого украинский народ все свои средства отдавал во Всероссийскую центральную казну, а сам не имел, да и теперь не имеет от неё того, что должен бы иметь за это. А посему мы, Украинская Центральная Рада, предписываем всем организованным гражданам сёл и городов, всем украинским общественным управлениям и учреждениям с 1 числа месяца июля обложить население особой податью на родное дело и точно и немедленно регулярно пересылать её в казначейство Украинской Рады.

Народ украинский! В твоих руках судьба твоя. В этот трудный час всемерного неустройства и развала докажи своим единомыслием и государственным умом, что ты – народ хлеборобов – можешь гордо и достойно стать наряду с каждым организованным державным народом как равный с равным».⁶⁶

Итак, Центральная Рада расставила, наконец, точки над «и». Провозгласила, не заботясь больше о последствиях:

1. Она якобы избрана всем народом края, правда, не указав, на какой же территории и когда прошли такие выборы; 2. Отныне народ Украины сам, без какого-либо вмешательства, но непременно в лице Рады, будет сам распоряжаться своей жизнью. 3. Больше не станет дожидаться всероссийского Учредительного собрания, а создаст собственный сейм. 4. Ещё до созыва такого сейма все местные органы власти края обязаны ей подчиниться, а если не сделают того, должны быть заменены на послушные. 5. Начиная с 1 (14) июня вознамерилась обложить население края собственным налогом.

Мотивировала Рада столь беспрецедентные, незаконные решения стремлением всего лишь не допустить распространения на Украину «разрухи и упадка», якобы воцарившихся вне её пределов. Такое чисто экономическое толкование как бы подчёркивалось тем, что Универсал обошёл две проблемы, совсем недавно являвшиеся для Рады принципиальными, хотя и вызвали наибольшие споры с правительством. Ни разу в акте не упомянули те самые двенадцать губерний, которые постоянно

и объявлялись Украиной. Ничего не говорилось и о формировании национальной армии. Видимо, авторы Универсала постарались избежать поводов для новой острой полемики.

И всё же, суть акта от 10 (23) июня явно выходила за рамки допустимого тогда дискуссией содержания понятия «автономия». Скорее свидетельствовала об ином – полной готовности провозгласить вскоре суверенитет края, к чему Рада явно решила идти напролом.

5. Путь в Каноссу

Опасения киевских сепаратистов, если они у них ещё и оставались, оказались напрасными. Ни Г.Е.Львов как премьер и министр внутренних дел, ни А.Ф.Керенский как военный министр, столкнувшись со столь неоспоримым фактом государственной измены – а именно так следовало квалифицировать в условиях военного времени Универсал – не отдали приказ о роспуске Рады и аресте её членов. Ограничились заведомо безрезультатной в сложившейся ситуации публикацией, да и то в одной только газете «Киевская мысль», весьма запоздалого «заключения» Юридического совещания при правительстве. Заключение, всего лишь повторявшего уже переданное украинской делегации три недели назад мнение Особого совещания.

«Временное правительство, – с олимпийским спокойствием констатировал своеобразный ответ на универсал, – не вправе разрешать вопросы об автономии Украины, подлежащие компетенции Учредительного собрания... По вопросу об участии украинцев в международной конференции совещание высказалось против его удовлетворения, ибо в международной конференции принимают участие государства, а не народы. Образование отдельных войсковых частей совещание признало делом военного министра».⁶⁷

Словом, заключение перечисляло всё то, что Временное правительство не собиралось делать, что оставляло на волю Учредительного собрания либо отдельных министров. Но не содержало наиглавнейшего – юридической оценки действий и Рады, и её универсала.

Потому-то Рада и поспешила воспользоваться очередной уступкой Петрограда – а его бездействие иначе трактовать было невозможно. 15 (28) июня сделала следующий шаг на пути к независимости Украины. Объяснила: отныне ей следует «стать национальным сеймом, в котором должны освещаться и разрешаться все те вопросы, которые выдвигает жизнь». Исполнитель-

ным же органом её станет Генеральный секретариат. Краевое правительство во главе с В.К.Винниченко, включающее одиннадцать генеральных секретарей (министров) – внутренних дел, финансов, юстиции, продовольствия, земледелия, иностранных дел, труда, путей сообщения, военного, торговли и промышленности, просвещения. Представлявших три основные украинские региональные партии – социал-демократическую рабочую, социалистов-революционеров, социалистов-федералистов.

Лишь теперь Временное правительство осознало прямую угрозу целостности страны, свою ответственность за происходящее. Однако и на этот раз предпочло прибегнуть только к словам. К ничего не менявшему воззванию.

«Братья-украинцы, – уговаривало оно без какой-либо веры в успех. – Не идите же гибельным путём раздробления сил освобождённой России. Не отрывайтесь от общей родины, не раскалывайте общей армии в минуту грозной опасности. Не вносите братоубийственной розни в народные ряды как раз тогда, когда напряжение всех сил народных необходимо для защиты страны от военного разгрома, для преодоления внутренних препятствий. В нетерпеливом стремлении теперь же закрепить формы государственного устройства Украины, не наносите смертельного удара всему государству и самим себе, ибо гибель России будет гибелью и вашего дела».⁶⁸

Тщетно. Центральная Рада не захотела прислушаться к крику души, к последнему аргументу. Своим упорством сыграла на руку противнику.

В тот же самый день, когда Временное правительство обратилось с воззванием к украинцам, 16 (29) июня, давно согласованное с союзниками наступление Юго-Западного фронта должно было начаться. С запозданием на три месяца. Несмотря на полное разложение русской армии – 7-й Сибирский корпус после отдыха в тылу отказался вернуться на позиции; 1-й Сибирский корпус и 2-я Кавказская гренадёрская дивизия объявили, что решили вернуться домой, в места формирования; несмотря на категорический запрет Керенского, началась самочинная украинизация 10-го, 26-го и 39-го корпусов...

И всё же наступление, призванное, прежде всего, продемонстрировать верность союзническому долгу, началось. По плану, разработанному Генштабом ещё в феврале и в мае одобренному главнокомандующим генералом от кавалерии А.А.Брусиловым, три армии Юго-Западного фронта прорвали австрийские укрепления, чтобы попытаться вновь занять Галицию с её административным центром Львовом.

Две недели наступление развивалось более или менее успешно. Позволило овладеть такими важными стратегически городами, как Галич, Stanislaw, Калуш. Однако противник сумел не только быстро оправиться от удара, но и, подтянув к району прорыва новые силы, перейти в контр наступление. А 6 (19) июля под Тарнополем нанести мощный удар. После него русские армии уже не оказывали ни малейшего сопротивления. Потеряв свыше 150 тысяч человек, стремительно, беспорядочно отступали вплоть до реки Збруч. Только там, на старой, довоенной границе, и остановились.

Смена командующего Юго-Западным фронтом 10 (23) июля (генерала Е.А.Гутора заменили генералом Л.Г.Корниловым, которого уже 19 июля (1 августа) повысили, назначив главнокомандующим) ничего не изменила. Солдаты больше не желали воевать, проливать свою кровь неведомо за что. Русская армия окончательно потеряла боеспособность.

Проигранное в Галиции сражение серьёзно осложнило положение и союзников. Полагаясь на поддержку Юго-Западного фронта, они также перешли в наступление. Во Фландрии, в районах Ипра и Вердена. Однако быстрый (слишком быстрый!) успех на востоке позволил немцам перебросить подкрепления на запад, сдержав англо-французские войска. Сражение во Фландрии затянулось до конца ноября, так и не принеся перевеса ни одной из сторон. Только британским дивизиям ценою огромных потерь удалось продвинуться на... 8 километров.

Продуманная, тщательно разработанная совместная операция во второй раз за 1917 год завершилась ничем. И снова Париж и Лондон винили в том свою союзницу, так и не оправдавшую надежд.

Между тем, в Петрограде ещё 3 (16) июня открылся Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Вторая, по общему мнению, власть в стране, которая из-за паралича воли Временного правительства с каждым днём обретала всё большую и большую силу, значимость.

Первым, а, следовательно, и самым важным из предложенных для обсуждения, неизбежно оказался вопрос о власти. Следует или нет поддерживать коалиционное правительство. Однако было вполне очевидным, что положительный ответ на него предрешён. Известен загодя, ибо эсеры, меньшевики, трудовики и народные социалисты, чьи представители согласились принять министерские посты, на съезде составляли большинство. Обладали 564 мандатами из 1090.

Так оно и оказалось. Тон задал выступивший первым лидер правых меньшевиков и вместе с тем министр почт и телеграфов И.Г.Церетели. Скучно, невыразительно призвал всех выразить полное доверие Временному правительству. И поступить так лишь на том основании, что ни все социалистические партии вместе, ни одна из них якобы ещё не готовы взять на себя ответственность за судьбы страны.

Вторым оратором – от большевиков – стал Ленин. Он же не только подверг уничтожающей критике политику правительства. Уверенно заявил, что уже сегодня вся власть должна перейти к Советам. А если потребуется, то его партия в состоянии взять на себя ответственность за будущее России. Выступая с докладом по столь широкой проблеме, Ленин, естественно, остановился и на не менее злободневном вопросе – о войне. Точнее, о «мире без аннексий и контрибуций», которого столь дружно вроде бы добивались все партии, представленные на съезде. Но вот тут-то он неожиданно затронул и иное – национальную проблему.

«Революционная демократия, – заметил Ленин, – это большие слова, но применяются они к правительству, которое мизерными придирками осложняет вопрос с Украиной и Финляндией, не пожелавшими даже отделяться, а лишь говорящими – не откладывайте до Учредительного собрания применение азбук демократии». Заодно, мимоходом – не подтверждая убедительными доказательствами – поддержал идею федерализации, которая, по его мнению, и должна исключить возможность угнетения какого бы то ни было народа. И многозначительно добавил, обращаясь к правительству: «Мир без аннексий и контрибуций нельзя заключить, пока вы не откажетесь от собственных аннексий».⁶⁹ Явно имел здесь в виду ситуацию с Финляндией и Украиной.

Но на конкретных отношениях власти с этими национальными окраинами останавливаться не стал. Счёл более важным озаботиться судьбами иных, нежели Россия, стран. Мексики – там с марта 1916 по февраль 1917 года хозяйничал американский экспедиционный корпус генерала Дж.Першинга. Албании – несколькими днями ранее её, нейтральную, оккупировала Италия, установив над ней протекторат. Греции – в ней франко-британские силы совершили государственный переворот, свергли короля Константина и вынудили новое правительство вступить в войну на стороне Антанты. Выразил Ленин и беспокойство судьбами Эльзаса и Лотарингии (кому в конечном счете достанется эта территория?), Ирана (что сделают с ним русские и британские войска, находящиеся там?).

С Лениным поспешил вступить в полемику А.Ф.Керенский. Естественно, защищая Временное правительство и его политику.

«Чтобы закрепить завоевания нашей русской демократии, — эмоционально воскликнул он, — нам говорят: покажите на примере собственного государства, что вы против аннексий, покажите сами внутри, что вы отказываетесь от завоеваний! Как же это мы можем сделать? Нам говорят: вот военный министр Керенский ведёт борьбу с Финляндией и Украиной. Я пользуюсь парламентским выражением и говорю: Это неправда!.. И в отношении Финляндии и Украины мы являемся горячими защитниками их автономии.

Мы говорим только одно.

Мы, как Временное правительство, не обладающее, не желающее иметь самодержавных прав, мы до Учредительного собрания не считаем себя вправе декретировать независимость той или другой части русской территории. Нам, товарищи, в этом месте нашей защиты — поддержка всей страны. Кто может, пока ещё не высказалась решительная воля русского народа, заниматься декретированием и перекройкой карты русского государства? Мы считаем, что это вне нашей компетенции, и этого делать мы не имеем права».⁷⁰

Словом, при всей своей категоричности, нежелании «перекраивать карту русского государства», не отверг такого рода домогательства национальных окраин. Просто отложил решение проблемы до созыва Учредительного собрания. Мол, «вот придет барин, барин и рассудит».

Продолжил прямой спор с Лениным и большевиками идеолог и вождь эсеров В.М.Чернов. Выступая на следующий день, 5 (18) июня, счёл для себя непременно остановиться на том же вопросе. Названном им «громадным» — «Об отдельных национальностях и о тех даже отдельных местах, о тех местных радикальных группах, которые при старом строе жили под ярмом тяжкой централизации и у которых поэтому отдача в сторону децентрализации, полной свободы, полной самостоятельности колоссальна».

Собственно, спором позицию Чернова назвать было трудно. Как и Ленин, он отстаивал всё тот же федерализм, который стал общим лозунгом всех националистов. Отлично осознававших, что открытое провозглашение отделения до Учредительного собрания может для них даже в революционной России, где свобода переходила в анархию, завершиться весьма печально.

Ведь накануне открытия съезда, 2 (15) июня, все газеты сообщали о восстановлении 129-й статьи ещё царского уголовного

уложения. Гласившей: «Виновный в (устном или печатном) призыве к учинению... насильственных действий одной части населения против другой, к неповиновению или противодействию закону или постановлению или распоряжению власти наказывается исправительным домом, крепостью или тюрьмой не свыше трёх лет». Наказанием за такое преступление применительно к воинским частям во время войны являлась уже каторга.⁷¹

Но о том Чернов и не помышлял. «Когда мы говорим, – обратился он к делегатам съезда, – что великий принцип децентрализации, автономизма, федерации должен лечь в основу организации России, мы говорим, что право самоопределения, согласное с потребностью кооперации, великого сотрудничества народов под свободною широкою кровлею, дающей полную свободу проявления каждой отдельной народности. Вот где решение, а не в этом сепаративистском пути, который, продолженный до своих логических последствий, я не знаю, что даст, ибо каждой мелкой народности будет поставлен вопрос. Или извольте отделяться, тогда совершенно отделитесь, или извольте подчиняться централизации и совершенной централизации. Этим мы обрекаем их на сепаратный путь».⁷²

Спустя четыре дня, выступая во второй раз, Ленин вернулся к национальному вопросу, и в том самом аспекте, в котором затронул его 4 июня. Снова бросил прежнее обвинение в адрес Временного правительства. Только теперь большую убедительность его речи придало сообщение из Гельсингфорса. Известие о прошедшем там чрезвычайном съезде обладавшей в сейме большинством Социал-демократической партии Финляндии. И о резолюции, принятой ею 6 (19) июня. Куда более радикальной, нежели киевский Универсал.

Пока ещё только партийная, а не от имени правительства Великого Княжества или его сейма, резолюция решительно отвергала право правительства России, в том числе и Временного, «утверждать финские законы, принятые сеймом», «распускать сейм Финляндии или назначать открытие или закрытие» его. Сейм, настаивала резолюция, «должен иметь неограниченное право решения относительно финансов и таможенных пошлин» Великого Княжества. Но, главное, требовал документ, «русское правительство не имеет права ни в каком отношении выступать в качестве высшей представительной власти по отношению к финскому народу».

Особо оговаривала резолюция отношение социал-демократов (но только их как партии) к вопросам военным. «В собственной постоянной армии, – указывала она, – финский на-

род даже и при своей полной самостоятельности вовсе не нуждается».

Подводя итог пока лишь пожеланиям, финские социал-демократы обращались «к социал-демократическим партиям всех стран, но прежде всего к товарищеским партиям России, апеллируя к ним и прося у них поддержки для достижения и обеспечения самостоятельности Финляндии».⁷³ И в том разительном отличались от также называвших себя социалистами членов Центральной Рады.

Вот теперь Ленин смог с гораздо большим основанием бросить упрек и Временному правительству, и представленным в нём партиям, к тому же составлявшим большинство на съезде Советов.

«Вы говорите, – обличал он собравшихся, – о войне против аннексий и о мире без аннексий, а в России продолжаете внутри политику аннексий. Это есть нечто неслыханное. Вы и ваше правительство, ваши новые министры на деле продолжаете с Финляндией и Украиной политику аннексий. Вы придираетесь к украинскому народу, воспрещаете его собрания через ваших министров. Это не есть аннексия?

Это – политика, которая представляет надругательство над правами народности, терпевшей мучения от царей за то, что дети их хотят говорить на родном языке. Это значит бояться отдельных республик. С точки зрения рабочих и крестьян, это не страшно. Пусть Россия будет союзом свободных республик».⁷⁴

Ленин, сославшись на запрет Керенским войскового съезда в Киеве, не пожелал вникнуть в существо случившегося. Ему потребовался убедительный пример антиреволюционных, но только с его точки зрения, действий правительства, и он использовал первый подвернувшийся. Главное посчитал только в запрете самом по себе, не более. Ну а Керенский (и подписавший телеграмму, о которой шла речь) расценил новое упоминание о нём как личный выпад. Поспешил подняться на трибуну, чтобы дать отповедь политическому противнику. Попытался разъяснить истинные причины запрета, опасность не только для страны, но и для революции сепаратистских устремлений Рады, однако утопил их в потоке излюбленного, привычного для него как адвоката прекраснословия.

«Я не буду отвечать, – вещал он, вступая в открытую полемику, – на обвинения по отношению к Финляндии и Украине. Никто и никогда не запрещал украинцам говорить на собственном языке с момента революции. Гражданин Ленин сказал: Мы боремся с украинской культурной автономией. Но мы боремся не с авто-

номией Украины... Вся русская демократия, вся армия говорит: во время войны невозможна генеральная перегруппировка воинских сил на принципе национальностей. Мы не можем допустить, чтобы во время войны, в самый острый военный момент мы могли делать перегруппировку сил по признаку той или иной национальности, ибо и солдаты, и офицеры понимают, что это невозможно тактически».

Затем, напомнив о резолюции финских социал-демократов, подразумевая прежде всего именно её, а потом и свой конфликт с Киевом, перешел к основному:

«Мы установили принцип автономии для всех. Мы только говорим: товарищи социал-демократы, в этот момент, когда всё будущее русской демократии и ваша собственная свобода зависят от успеха русской революции и торжества русской демократии, не вносите всеобщую борьбу тонов и слов, и приёмов, разлагающих единство братства, единство всех трудящихся. Идите вместе с нами, не увлекайтесь шовинистическими тенденциями о том, что необходим обязательно какой-то особенный украинский штык, чтобы создать свободу для всех народов России. Идите вместе с нами! Русский рабочий, солдат, русский крестьянин – такой же демократ. Возьмите его руку в руку и идите вместе!»⁷⁵

Как можно было легко предвидеть, препирательство лидеров фракций с участием Керенского ничего по существу не изменило. Не повлияло на проект резолюции, подготовленной секцией по национальному вопросу, ведь возглавлял её М.И.Либер, и только на том основании, что помимо партии меньшевиков представлял ещё и «угнетённый при царизме, гонимый еврейский народ». Немаловажным оказалось в данном случае и иное. То, что в секцию от большевиков включили не делегата съезда Сталина (вполне возможно, фракция не без оснований опасалась его самостоятельного, расходящегося с ленинским внезапного предложения категорически отказаться от федерирования страны), а А.М.Коллонтай, всю свою революционную деятельность посвятившую защите положения рабочих, но особенно – женщин; и Е.А.Преображенского, не успевшего зарекомендовать себя теоретиком в какой-либо отрасли марксизма.

Зачитанный Либером 20 июня (3 июля) текст проекта резолюции не принёс чего-либо неожиданного. Просто объединил, несколько упорядочив, всё ранее высказывавшееся на съездах и эсеров, и меньшевиков, и даже большевиков;

«В интересах закрепления завоеваний революции и сплочения трудовой демократии всех национальностей, революцион-

ная Россия должна немедленно вступить на путь децентрализации управления...

Для обеспечения прав национальностей свободной России революционная демократия будет добиваться в Учредительном собрании широкой политической автономии для областей, отличающихся этнографическими или социально-экономическими особенностями, с обеспечением прав национальных основными законами путём создания предварительных органов местного и общегосударственного характера».

А как более конкретные, практические меры, проект предлагал Временному правительству издать декларацию «о признании за всеми народами права самоопределения вплоть до отделения, осуществляемого путём соглашения во всенародном Учредительном собрании», а также образовать «Советы по национальным делам, куда входили бы представители всех национальностей России в целях как подготовки материала по национальному вопросу для Всероссийского Учредительного собрания, так и выработки способов регулирования самих национальных отношений и форм, предоставляющих нациям возможность разрешать вопросы внутренней жизни».

Особо оговорил документ наиважнейшее, самое актуальное: «Съезд высказывается против попыток разрешения национальных вопросов до Учредительного собрания явочным порядком, путём обособления от России отдельных её частей».⁷⁶

Словом, проект резолюции с одной стороны безоговорочно признавал право народов России не только на самоопределение, но и на отделение, полную независимость, но с другой – призывал не делать того немедленно, подождать до Учредительного собрания. Именно такую двойственность и отметила Коллонтай в своём выступлении. Предложила иной проект – от имени фракции большевиков. Ту самую формулировку, которую впервые использовал Сталин, которую повторила резолюция Апрельской конференции.

«Вопрос о праве наций на свободное отделение, – настойчиво взывала она, – непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации в тот или иной момент. Этот последний вопрос партия /здесь Коллонтай оговорилась, забыв, что речь идёт об акте съезда Советов – **Ю.Ж.**/ пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов классовой борьбы». И уточнила, что автономия должна предоставляться не нациям, а территориям, независимо от того, кто её населяет.⁷⁷

Большевистский вариант проекта делегаты съезда решительно отвергли. Как поспешивший заявить о том Либер, так и поддерживавший его единомышленник, одесский городской голова И.Н.Лодкипанидзе. Эсер, сугубо штатский человек, но, тем не менее, представлявший солдат 4-й армии Румынского фронта. «Каждая нация, — настаивал он, — должна получить национально-территориальную автономию».⁷⁸ Таким же стало и мнение большинства, проголосовавшего за предложенную Либером, а не большевиками, резолюцию.

Тогда в дискуссию вступил — впервые проявив себя, как истый политик — Е.А.Преображенский. В очень скором времени соавтор Н.И.Бухарина по «Азбуке коммунизма», этого букваря для совершенно не знакомых с марксизмом большевиков, автор теоретического труда «Первоначальное социалистическое накопление», послужившего основанием и для разработки первого пятилетнего плана, и для коллективизации деревни. Он воспользовался тем фактом, которым пренебрёг, так и не поняв его истинного смысла, Ленин. И чтобы попытаться переломить настроение благодушествовавшей аудитории, напомнил о грозной опасности распада, нависшей над страной и, следовательно, революцией.

Уже «произошёл ряд конфликтов, — напомнил Преображенский, — между правительством и Финляндией с одной стороны, и с Украиной с другой стороны... Перед нами, может, острый конфликт с украинской национальностью». Чтобы избежать его, предложил внести в только что одобренный проект такое дополнение:

«Съезд осуждает как антидемократическую, контрреволюционную политику Временного правительства, оттягивающую до сих пор разрешение насущных и неотложных вопросов, связанных с осуществлением национальных прав угнетённых народностей России, и слагает с себя всякую ответственность за последствия такой политики, приведшей к конфликтам с Финляндией и Украиной».

Предложил всего лишь отмежеваться от политики правительства, не более. Трудно понять, на что надеялся Преображенский и стоявшая за ним фракция большевиков, предлагая эсерам и меньшевикам, сидящим в зале заседания, осудить политику их же министров. Но всё же такой полемический ход вынудил съезд срочно принять не дополнение к прежней, а две новые, отдельные, резолюции. Одну — по финскому вопросу, всего лишь повторившую требования социал-демократов Великого Княжества. А вторую — по украинскому, более содержательную, но столь же непоследовательную, как и всё выходившее из-под пера Либера.

«Признавая, – констатировала она, – что украинская автономия может быть окончательно установлена лишь Всероссийским Учредительным собранием, съезд считает необходимым, в соответствии с пожеланиями, высказанными Центральной Радой, немедленное создание временного органа, представляющего демократию всех наций, населяющих Украину, для разработки начал автономного устройства края и для руководства всей подготовительной работой, в частности, по созыву съезда из представителей всего населения Украины.

Съезд предлагает Временному правительству войти в соглашение с органами украинской революционной демократии для организации указанного временного краевого органа для установления и проведения конкретных мер, необходимых для удовлетворения национальных потребностей украинского народа».⁷⁹

Преображенский попытался было объяснить, что имел он в виду совершенно иное. «Нами были выдвинуты требования, – уточнил он, – которые давали бы возможность украинскому пролетариату развить свою классовую **борьбу внутри украинского народа против всякого шовинизма**» /выделено мной – Ю.Ж./. Однако его слова остались гласом вопиющего в пустыне. Его так и не услышали. Не пожелали понять. Более чем разумные разъяснения отвергли, не вдумываясь в них.

– **Хараш**, объединение еврейских социалистических фракций: «Временное правительство должно признать право на национальную автономию за всеми населяющими Россию народностями.

– **Бер**, меньшевик-интернационалист: «Я полагаю, что то обстоятельство, что большевики выдвигают здесь другую резолюцию, даёт против этой резолюции оружие в руки украинских буржуазных националистов для борьбы с украинскими социалистами... Мне кажется, что это есть удар в спину украинским социалистам.

– **Зиновьев**, внепартийная фракция украинцев: «Мы полагаем, что осуществление всех демократических принципов возможно и до Учредительного собрания революционным путём... Политика Временного правительства,.. игнорируя все самые справедливые заявления и требования революционной демократии Украины, давала только почву для агитации шовинистов, для агитации национально-буржуазных групп. Эта политика правительства в данном случае не боролась с анархией, с сепаратизмом, а только давала лишний козырь в его руки... Поэтому, хотя данная резолюция, выработанная комиссией, в которой мы участвовали, может быть и не вполне нас удовлетворяет, но так как в ней есть шаги к соединению именно революционного про-

летариата и вообще всей российской демократии и демократии украинской,.. ввиду всего этого мы... со своей стороны к ней присоединяемся». ⁸⁰

Так, склоняя на все лады изрядно уже затасканные за четыре месяца слова «демократия», «революционный», «пролетариат», «шовинизм», «буржуазный национализм», спекулируя ими, потерявшими изначальный смысл, ставшими обязательными при произнесении речей, ни Либер, ни поддержавшие его делегаты так и не осознали – своей скоропалительной, непродуманной резолюцией они пускают волка в овчарню. Ведь украинские националисты даже не могли ожидать столь выгодного только для них предложения, к тому же освящённого высочайшей значимостью Всероссийского съезда Советов.

Ещё бы, они могли в тот же день уведомить Петроград о выполнении всех предложений. Временный орган? Так он уже существует в лице Центральной Рады и Генерального секретариата, в которых подавляющим большинством представлены именно братские социалистические партии. Те, что и ведут борьбу с шовинизмом. Русским. Не приходится вырабатывать и «начала автономии». Они готовы, не раз изложены как в обращениях Рады к Временному правительству, так и в Универсале. Что же касается «съезда всего населения Украины», то и его давно, 6 (19) апреля, провели.

Но нет, съезд ничего не желал о том знать. Дружным голосованием одобрил резолюцию по украинскому вопросу в редакции Либеры. Открыл тем дорогу сепаратизму. Заставил правительство отказаться от всех прежних отповедей Центральной Раде, забыть о категорическом противодействии попыткам решать вопрос автономизации до созыва Учредительного собрания (кстати, о том упоминала общая резолюция съезда по национальному вопросу, принятая двумя часами ранее).

Резолюция по украинскому вопросу вынудила Временное правительство совершить непоправимую ошибку. Смириться, как некогда, в 1077 году, германский император Генрих IV, униженно отправившийся на поклон папе Григорию VII в Каноссу. Вместо того чтобы вызвать в столицу представителей Рады для объяснений, оно незамедлительно направило в Киев собственную делегацию, чем и продемонстрировало воочию свою непозволительную слабость.

24 июня (7 июля) Всероссийский съезд Советов завершил работу, а уже вечером 28 июня (11 июля) в Киев прибыла правительственная делегация. Четверо министров: иностранных дел – М.И.Терещенко, военный – А.Ф.Керенский, путей сообщения – Н. В.Некрасов, почт и телеграфов – И.Г.Церетели, пред-

ставлявших весь политический спектр власти, от кадетов до меньшевиков. На следующий день они начали переговоры, оказавшиеся необычайно трудными из-за несговорчивости украинской стороны, с М.С.Грушевским и В.К.Винниченко.

Рада к встрече подготовилась необычайно тщательно. Постаралась подкрепить свои, в общем шаткие, позиции поспешной, хотя и чисто формальной, консолидацией со Всероссийским съездом. Загодя объявила, что «как орган украинской революционной демократии состоит, главным образом, из Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов».⁸¹ Потому-то своими требованиями всего лишь пытается выполнить только что утверждённые в Петрограде резолюции по национальному вопросу. Только почему-то, настаивая на прежних условиях автономии, больше не упоминала (пусть даже о чисто символических) связях с Россией. Зато вновь заговорила о создании своей, национальной армии. О том, что ещё 21 июня (4 июля) попытались отвергнуть и осудить большевики.

В отличие от большинства делегатов съезда Советов, Сталин практически не посещал его заседания, занимался другими делами. Написал опубликованную 20 июня (3 июля) в «Правде» небольшую статью, резко осуждавшую последние действия правительства – «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда». Среди очень многих обвинений содержащую и такое: «Вместо освобождения угнетённых народов – придирки к Финляндии и Украине, боязнь дать им свободу»⁸². 21 июня (4 июля) выступил на Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП (б) с пространном докладом «О национальном движении и национальных полках» (текст его, даже в газетном изложении, не сохранился). В нём же, если судить по подготовленной им же резолюции, попытался в какой-то мере сделать то, что так и не удалось Коллонтай и Преображенскому. В резолюции отмечалось:

«Конференция заявляет, что народы России имеют полное право на самоопределение и самостоятельное решение своей судьбы вплоть до отделения, что в частности Украина имеет полное право осуществить свою автономию, не дожидаясь Учредительного собрания». Судя по этой фразе, возможность предоставления независимости Сталин предназначал только Финляндии. Выделив же особо Украину, оговорил для неё лишь автономию, да ещё и не оговорил, какой она должна быть – национально-территориальной или только территориальной. Вместе с тем, в резолюции предельно ясно выразил отношение к попыткам Рады создать собственные воинские формирования.

«Конференция, – продолжала резолюция, – будучи убеждена в том, что образование национальных полков вообще не в интересах трудящихся масс, хотя, конечно, право на образование таких полков национальностью конференция не отрицает. Конференция выражает твёрдую уверенность, что пролетариат Украины вместе с пролетариатом всей России, заинтересованный в замене постоянной армии всенародной милицией, будет бороться против превращения национальных полков Украины в постоянную, отдельную от народа армию».

Завершалась же резолюция разъяснением генеральной линии – отстаивать Россию как единую страну, не допускать распада её на самостоятельные государства, образованные по национальному признаку:

Конференция чётко убеждена, что только решительное и бесповоротное **признание права наций на самоопределение**, признание на деле, а не на словах, могло бы укрепить братское доверие между народами России и тем **проложить дорогу действительному их объединению**, добровольному, а не насильственному, **в одно государственное целое.**»⁸³ /Выделено мной – Ю.Ж./

Сходную позицию по вопросу о национальных военных формированиях заняла на переговорах в Киеве и правительственная делегация. Так, Керенский отверг все поползновения Рады на свои права. Решительно заявил: «Время слов прошло. Мы настаиваем, чтобы приказы боевого значения исполнялись беспрекословно.

Всей мощью, которой располагает военный министр, не словами убеждения, а силой власти я заставляю этой воле революционной демократии и её велениям подчиниться». А командующий войсками Киевского военного округа, вошедший в состав правительственной делегации генерал К.М.Оберучев подкрепил такое жёсткое требование приказом о немедленной отправке на фронт 50 тысяч новобранцев-украинцев, которых Рада и предполагала использовать для национальных полков.⁸⁴

Столь же твёрдо отвергли министры и предложение украинской стороны, настаивавшей на том, чтобы Генеральный секретариат являлся ответственным только перед Центральной Радой – как именно её исполнительный орган, а не перед Временным правительством.

Слишком разнившиеся варианты соглашения, практически не сблизившиеся ни по одному пункту, завели переговоры в тупик. И тогда посланцы столицы решили согласовать свои предложения с действительно широкой демократической общественностью. С исполкомами краевых советов, не связанных с Радой. С местными комитетами всероссийских партий.

На этой встрече Церетели указал: «В настоящий момент, когда все силы страны направлены на борьбу с внешним врагом, окончательное решение украинского вопроса было бы несвоевременным». И добавил – единственно возможное сейчас, это образование краевого органа, занимающегося исключительно проблемами национальной культуры. Со своей стороны Керенский пояснил: «Мы считаем нашим гражданским и моральным долгом во что бы то ни стало – единство революционной власти, единство революционного удара». Подразумевал при этом только одно – успех наступления на Юго-Западном фронте. Наконец, Терещенко пояснил, что приблизить мир, закрепить завоевания демократии сможет лишь единство её стратегического и политического фронта.

Аналогичное мнение, как оказалось, разделяли и все местные партийные комитеты – и меньшевиков, и эсеров, и кадетов. В данный переходный период, единодушно полагали они, если на Украине и возможен какой-либо краевой орган, то только образованный с согласия Временного правительства, подчинённый ему и сформированный из представителей регионального Совета рабочих и солдатских депутатов и Центральной Рады на паритетных началах.

Прошедший в тот день областной съезд кадетов в силу сложившихся обстоятельств счёл своим долгом принять особую резолюцию по украинскому вопросу. Ею настаивал, чтобы законопроект об автономии Украины, подготовленный для внесения на рассмотрение Учредительного собрания, непременно разграничил бы компетенцию властей общегосударственной и автономии, никоим образом не нарушая силы власти государственной.⁸⁵

Столь же однозначной оказалась и резолюция киевской городской конференции большевиков. «Мы не поддерживаем сепаратистские тенденции, – гласила она. – Мы ведём агитацию не за отделение, а только за право отделения. В каждом же отдельном случае надо решать вопрос особо, не с точки зрения национальных интересов, а с точки зрения международной борьбы рабочего класса за социализм».⁸⁶

30 июня (13 июля) делегация Временного правительства заявила о достижении компромисса с Центральной Радой и о подписании с ней призванного примирить обе стороны соглашения. Текст его телеграфом направили в Петроград – на утверждение, а сами четверо министров утром следующего дня покинули Киев. Теперь оставалось лишь ждать известий о том, на чём же сошлись поначалу непримиримые стороны, кто и в чём уступил.

Долго ждать не пришлось.

6. Крах

В чём выразился компромисс, выяснилось 3 (16) июля. Из телеграммы на имя Винниченко, подписанной Керенским, Церетели и Терещенко. Только тогда и обнаружилось, что уступки, и по всем позициям, сделаны не Радой, а Временным правительством. Отказавшемся подтвердить собственные резкие отповеди украинским сепаратистам. Не желавшем прежде решать вопрос об автономии Украины до Учредительного собрания.

Соглашение, утверждённое правительством, установило:

«Назначить в качестве временного органа управления краевыми делами на Украине особый орган – Генеральный секретариат, состав которого будет определён правительством по соглашению с Центральной Украинской Радой... Через означенный орган будут осуществляться правительством мероприятия, касающиеся жизни края и его управления... Временное правительство отнесётся с сочувствием к разработке Центральной Радой проекта о национально-политическом положении Украины в том смысле, в каком сама Рада найдёт это соответствующим интересам края... Правительство считает возможным предложить содействовать более тесному национальному объединению украинцев в рядах самой армии в виде комплектования отдельных частей исключительно из украинцев».⁸⁷

Нет, это соглашение никак не походило на компромисс. Скорее выглядело полной и безоговорочной капитуляцией. Предательством национальных интересов, пособничеством в покушении на целостность страны, да ещё и в военное время. Именно о такой оценке документа руководством партии кадетов ещё накануне узнали в Петрограде. Узнали и о резком столкновении 2 (15) июля министров-кадетов с министрами-социалистами, поддержанными премьером. Стало известно, что Керенский, Церетели и Терещенко настаивали на одобрении унижительных для общероссийской власти уступок. И что все министры-кадеты (Н.В.Некрасов – путей сообщения, А.И.Шингарёв – финансов, А.А.Мануйлов – просвещения, Д.И.Шаховской – государственного призрения) требовали отвергнуть такое соглашение. Когда же большинством в семь голосов против четырёх именно этот текст был одобрен, подали в отставку, вызвав правительственный кризис.

Керенский, казалось, только того и ждал. Тут же объявил себя премьером, сохранив за собой и пост военного министра, а 4 (17) июля подписал ещё один акт – «Временную инструкцию Ге-

неральному секретариату». В ней, не имея на то полномочий, определил границы Украины – губернии Киевская, Волынская, Подольская и Черниговская, за исключением Мглинского, Суражского, Стародубского и Новозыбского уездов», а также «и другие губернии или части их в случае, если образованные в сих губерниях на основании постановления Временного правительства земские учреждения выскажутся за желательность такого распространения».

Определил Керенский и структуру украинского правительства, теперь уже де-юре, а не де-факто. В нём предусматривались генеральные секретари внутренних дел, финансов, земледелия, просвещения, торговли и промышленности, труда.⁸⁸ Иными словами, вне компетенции сепаратистов остались только дела иностранные, военные да юридические.

Киевские националисты откликнулись на столь выгодное только им соглашение сразу же и весьма восторженно. Редкостным для них по доброжелательному тону, даже предельно верноподданническим Вторым Универсалом. Не поскупились в нём на такие слова: «Мы, Центральная Рада, всегда за то, чтобы не отделять Украины от России».⁸⁹ Ещё бы, ведь они, наконец, добились того, на чём настаивали вот уже четыре месяца!

Добились лишь потому, что Керенский откровенно пошёл у них на поводу. Презрел собственные взгляды, выраженные всего месяц назад – «Организм русской армии не будет ослаблен, никакие организационные меры никогда не нарушат её единства... Выделение национальных войск... в настоящий тяжёлый момент растерзало бы её тело, подорвало бы её мощь и было бы губительно как для революции, так и для свободной России».⁹⁰

Трудно предположить, чем бы обернулись столь вызывающие, столь самовольные действия Керенского, да ещё и приведшие к падению правительства, если бы не последующие события.

Днём 3 (16) июля солдаты 1-го запасного пулемётного полка, расквартированного близ столицы, в Ораниенбауме, узнали о приказе расформировать – за полный развал дисциплины – их полк, находившийся на фронте. И о скорой отправке теперь уже их в основном тридцатипяти-сорокалетних, на передовые позиции. Потому и решили выразить протест. Громко, во всеуслышание заявить о желании поскорее вернуться в родные деревни, где шёл «чёрный», то есть самовольный, раздел помещичьей земли, а не оказаться в окопах. Приехали в Петроград и нестройными колоннами направились к Таврическому дворцу, где располагался Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК), избранный недавно прошедшим съездом Советов.

Возможно, всё прошло бы вполне обыденно, если бы мирную безоружную демонстрацию не обстреляли неизвестные лица. Слух о том тут же облетел весь город. К пулемётчикам начали присоединяться солдаты других запасных полков столичного гарнизона – Московского, Гренадёрского, Павловского, 180-го, 1-го. Все они пошли по Невскому, Литейному, требуя передачи всей власти Советам. Полагали уверенно – вот тогда-то и подпишут мир, а их демобилизуют.

Поначалу большевики, как и все остальные партии (кроме анархистов), никак не реагировали на солдатское шествие. Выразили своё отношение к происходившему весьма своеобразно. Направили во ВЦИК, как члена Бюро этого высшего советского органа, Сталина. Уведомить о своей полной непричастности к бурным событиям, незаинтересованности в них. И настойчиво посоветовать далее не медлить. Воспользовавшись на редкость благоприятной ситуацией, взять власть в свои руки.

Однако меньшевики и эсеры, составлявшие в Бюро подавляющее большинство, 39 членов из 48, растерялись. Отказались хотя бы вступить в переговоры с теми, интересы которых вроде бы представляли и выражали. Не нашли ничего лучшего, как срочно выпустить воззвание. Объявили в нём расформирование 1-го пулемётного полка вполне законным, ибо его санкционировал Керенский как военный министр, а протестующих объявили «изменниками и врагами революции».⁹¹

Разочарованные, оскорблённые таким отношением, солдаты не вернулись в казармы. Продолжали манифестацию до глубокой ночи. Утром 4 (17) июля вновь заполонили центральные улицы, ибо их ряды начали пополнять сначала вооружённые рабочие петроградских заводов, красногвардейцы, а затем и прибывшие из Кронштадта матросы с линкоров «Республика», «Петропавловск», «Слава». Поначалу чисто стихийное выступление всё отчётливее стало превращаться в целенаправленное. Неуклонно вести к общенациональному политическому кризису, что усугублялось отсутствием законного правительства и существованием демократически избранного ВЦИКа.

Только тогда лидеры и большевиков (Ленин, Зиновьев, Каменев), и близкой к ним межрайонной организации объединённых социал-демократов (Троцкий, Луначарский) с молчаливого одобрения вождя меньшевиков-интернационалистов Мартова, сочли не только возможным, но и необходимым, обязательным для себя возглавить движение масс. Направить его и добиться столь чаемой ими ликвидации двоевластия, ликвидации Временного правительства. Но с таким решением поспешили.

Не были готовы к дальнейшим действиям, не располагали хоть каким-нибудь стратегическим планом. А потому, даже не ввязавшись в драку, проиграли.

Керенский, меж тем, оправился от испуга. Распорядился вывести из казарм гвардейские полки, не принимавшие участия в манифестациях – Измайловский, Семёновский, Преображенский. Намеревался использовать их как полицейскую силу, для разгона демонстраций. К счастью, делать того не пришлось. Сильный ливень, внезапно обрушившийся на столицу, смёл с её улиц всех. Солдат запасных полков, матросов, рабочих, гвардейцев. Вооружённое восстание, как поспешила власть назвать события двух дней, завершилось, по сути так и не начавшись.

Спустя сутки, 6 (19) июля, Временное правительство, уже получившее официальную поддержку ВЦИКа, а потому и почувствовавшее себя сильным, отдало приказ об аресте Ленина, Зиновьева, Каменева, Коллонтай, Троцкого, Луначарского, некоторых иных большевиков и межрайонцев. Поступило так с одной-единственной целью: отвлечь внимание общественности, политиков от собственных противоправных действий. От того, что по-настоящему угрожало стране, её целостности:

- от подписанного с Радой позорного соглашения;
- от начатой вскоре, 19 июля (1 августа), и одобренной назначенным двумя днями ранее Верховным Главнокомандующим генералом-от-инфантерии Л.Г.Корниловым украинизации десяти дивизий и преобразования 34-го армейского корпуса, командиром которого был генерал-лейтенант П.П.Скоропадский, в 1-й Украинский;
- от, может быть, ещё более опасного отделения Финляндии, что создавало грозный прецедент.

В своих расчетах, если они и были, и Керенский, и Временное правительство, и ВЦИК не предусмотрели только одного. Того, что своим потворствованием Раде они породили цепную реакцию развала страны. Ведь буквально сразу же после публикации пресловутого соглашения, 5 (18) июля, сейм Великого Княжества принял закон «Об осуществлении верховной власти в Финляндии». Фактически провозгласил им независимость.

«За прекращением прав монарха, – прокламировал он, – согласно определению сейма Финляндии имеет силу следующее:

1. Сейм Финляндии единолично решает, утверждает и постановляет о приведении в исполнение всех законов Финляндии, в том числе касающихся финансового хозяйства, обложения и таможенных дел. Сейм окончательно определяет также о решении всех прочих дел Финляндии, подлежащих, согласно дей-

ствовавшим до сих пор законоположениям, решению Государя Императора и Великого Князя. Определения сего закона не распространяются на дела внешней политики, а также на военное законодательство и управление.

2. Сейм собирается в очередную сессию без особого созыва и определяет срок закрытия сессии. Впредь до издания новой формы правления Финляндии сейм осуществляет в порядке ст.18 сеймового устава право постановлять о производстве новых выборов и роспуске сейма.

3. Сейм определяет исполнительную власть Финляндии. Высшая исполнительная власть осуществляется временно Хозяйственным департаментом Финляндского Сената, члены которого назначаются и увольняются сеймом».⁹²

Неделю спустя, когда в Петрограде политические страсти, порождённые событиями 3-4 июля, несколько поутихли, председатель сейма К.Маннер и его заместитель В.Иокинен, оба социал-демократы, направили Временному правительству послание, предельно просто и коротко названное ими – «Адрес». В нём же, не скрывая иронии, так объяснили причины появления закона «Об осуществлении верховной власти». Мол, депутаты утвердили его, только внемля настоятельному призыву съезда Советов. Одобрившему решение Чрезвычайного съезда социал-демократической партии Финляндии и принявшему единогласно повторившую его содержание резолюцию.

«Всероссийский съезд представителей Советов рабочих и солдатских депутатов, – информировали Маннер и Иокинен социалистов России, – изъявил свою готовность поддерживать и требовать для Финляндии права полного самоопределения вплоть до политической независимости. Следовательно, русская революционная демократия, не терпящая сама угнетений, благородно взяла под своё покровительство упования нашего народа на достижение политической самостоятельности.

Однако названный съезд представителей полагал, что разрешение финляндского вопроса во всём его объёме может быть одобрено со стороны России лишь Всероссийским Учредительным собранием. Непосредственное же практическое значение должно признать за тем обстоятельством, что съезд представителей, предлагая Временному правительству безотлагательно принять необходимые меры к осуществлению полного самоуправления Финляндии, требовал признания прав сейма издавать и окончательно утверждать все касающиеся Финляндии законы, за исключением внешних сношений и военного законодательства и управления, а равно решать вопросы о созыве и

ропуске сейма, а также признания права Финляндии самостоятельно определять свою исполнительную власть.

В соответствии с сим сейм в принятом им ныне законе ограничился лишь установлением тех прав финского народа и народного представительства, безотлагательное признание и введение в действие коих необходимо в видах осуществления полного самоуправления Финляндии».⁹³

И сам закон, и разъяснение причин его принятия продемонстрировали наметившуюся крайне опасную тенденцию. Слишком щедро разбрасываемые необдуманные обещания власти – предоставить всем народам право на самоопределение вплоть до полной независимости, как бы предreshённое преобразование России из страны унитарной в федерацию – оборачивались страшной реальностью, неизбежным распадом.

Только тогда Временное правительство опомнилось. Хоть и с запозданием, только 18 (31) июля, но всё же жёстко откликнулось на появившийся закон Великого Княжества. Объявило «манифестом» о роспуске сейма. Немедленном, с того же дня. Мотивировало своё столь неожиданно твёрдое решение ничем иным, как заботой о соблюдении законности.

«Временное правительство, – напоминал «манифест», – всенародно приняв присягу о сохранении им прав народа державы российской, не может поступиться ими до решения Учредительного собрания. Продолжая почитать своим долгом и своею заботою охрану и развитие прав внутренней самостоятельности Финляндии согласно манифесту от 7 (20) марта с.г., им изданному, Временное правительство в то же время не может признать за финляндским сеймом право самочинно предвосхитить волю будущего российского учредительного собрания и упразднить уполномочия российской власти в делах финляндского законодательства и управления ...

Повелев посему произвести новые выборы в кратчайший срок, 1 и 2 октября нового стиля, текущего года, Временное правительство признало за благо созванный им 22 марта (4 апреля) с.г. очередной сейм распустить и назначить созыв нового сейма не позднее 1 ноября сего года».⁹⁴

Тем власти не ограничились. Вслед за «манифестом» последовал ещё один официальный акт. Постановление: «Заслушав доклад финляндского генерал-губернатора М.А.Стаховича и имея в виду, что ведётся усиленная агитация в пользу незаконного созыва сейма, Временное правительство уполномочило финляндского генерал-губернатора никоим образом не допустить явного пренебрежения интересами России, нарушения

государственного порядка и не остановиться в случае необходимости ни перед какими мерами для восстановления такового».⁹⁷ Заявление вице-премьера Н.В.Некрасова, вышедшего из кадетской партии ради того, чтобы вернуться во власть: «В финляндском вопросе правительство по-прежнему будет стоять на строго конституционной точке зрения и никакого умаления суверенных прав России не допустит».⁹⁶

Но чем настойчивее Временное правительство пыталось показать свою твёрдость, тем большее возникало ощущение его слабости, неуверенности. Сделав огромные, ничем не вызванные, а потому странные, даже преступные уступки Центральной Раде, оно постаралось оправдаться в глазах граждан, пойдя на неоправданные крайние меры по отношению к финскому сейму.

Действительно, правительство признало автономную Украину, да ещё и в неопределённых, расплывчатых границах, без учёта мнения населения края, разрешило создать украинскую армию. Допустило тем и «пренебрежение интересами России, нарушение государственного порядка», и «умаление суверенных прав России. Когда же в Гельсингфорсе вознамерились всего лишь сами установить срок созыва собственного, вполне законного сейма, в Петрограде почему-то возмутились, обрушились на Великое Княжество запретами, обещаниями наказания. И вызвали тем новую волну критики со стороны оппозиции. Прежде всего, кадетов, уже не раз выступавших со своим особым взглядом на решение национального вопроса.

На своём очередном, 9-ом, съезде, открывшемся в Москве 23 июля (5 августа), они естественно попытались, прежде чем принимать какие-либо решения, разобраться в ситуации, сложившейся в стране после провала наступления Юго-Западного фронта, солдатского выступления в Петрограде и падения первого коалиционного правительства. Оценка же оказалась однозначно отрицательной. Выражаемой одним-единственным словом – «хаос» Во всяком случае, именно так выразился лидер партии П.Н.Милюков.

Хаос в армии, – констатировал он, – хаос во внешней политике, хаос в промышленности, хаос в национальном вопросе, вызванный признанием Украинской Рады... К этому можно прибавить хаос на путях сообщения... Только усилиями наших товарищей, Шингарёва и его заместителя, не вышел наружу хаос финансов, и усилиями того же Шингарёва отсрочен хаос в области продовольствия».

Причину столь безотрадного положения старый политик и историк увидел в порочности политики и Временного прави-

тельства, и премьера. Отсутствия у них социальной ответственности. «Вы помните, – обратился к собравшимся Милюков, – эту сцену с солдатом, который сказал Керенскому: «Зачем земля и свобода, если я должен умереть?» И потом упал в обморок от крика Керенского: «Молчать, когда говорит министр!»? Вот в этой сцене сказался трагический конфликт государственной необходимости с теми несовершенными средствами, какими пыталось удовлетворить эту потребность Временное правительство второго состава. И, конечно, для всех было ясно, что победил солдат, а не Керенский».⁹⁷

Но весьма яркую речь лидера делегаты услышали только на третий день работы съезда. Начался же он с доклада М.М.Винавера о подготовке к выборам в Учредительное собрание. А вторым выступил профессор международного права, давний официальный советник (как ещё царского, так и революционного МИДа) Б.Э.Нольде. Свое выступление он посвятил «Национальному вопросу в России». Как и в начале мая у Кокошкина, речь Нольде оказалась предельно обоснованной, максимально развёрнутой, исходившей из опыта «разноплеменных», по его выражению, западных государств. Исходила и из бесспорной для него истины: «Я всё же не могу считать раздел России по национальностям единственно правильным и единственно возможным решением русской национальной проблемы. Такой раздел не имеет исторической опоры, ибо многие русские национальности /то есть народы России – Ю.Ж./ не знали собственного политического существования в прошлом, и русские губернии составлялись... из административных станций, к которым приписывались известные части территории».

Тем обоснование своей позиции не завершил. Продолжал: «Такому национальному разделу России могут оказать сопротивление могущественные факторы экономического характера, которые часто не позволяют дробить русскую территорию по этнографическим граням. Наконец, такое деление вызывает всекие сомнения и с точки зрения правильного построения всего русского государственного обихода. Национальный раздел вызывает опасность национальных империализмов».

Последней фразой выразил предвидение неперенных территориальных споров. На том счёл достаточно выраженной исходную позицию, а потому и перешёл к конкретным рекомендациям. Свёл их к трём обязательным положениям. Во-первых, «обеспечение равномерной доли участия всех национальностей в делах общего и местного государственного управления и самоуправления». Во-вторых, удовлетворение «требований на-

циональностей, касающихся языка, этого высшего символа и выражения национальности». При этом отметил непреложное. «Русский язык должен остаться языком центральных государственных учреждений, армии и флота, он должен, сверх того, (остаться) как единственно возможный в России международный язык».

В-третьих, указал Нольде, «разрешение национального вопроса следует проводить «на начале личном, а не местном» / то есть не территориальном – **Ю.Ж.** / «по отношению к положительным стремлениям национальностей в области их культурного национального строительства». Пояснил, что самый идеальный пример тому видит в положении армян. «Нет, – отметил он, – армянской национальной организации в пределах России, которая была бы приурочена к каким-либо губерниям и уездам с армянским большинством, но есть повсеместная национальная армянская организация /армяно-григорианская церковь – **Ю.Ж.** / с широкими культурными функциями». ⁹⁸

Профессора международного права поддержал профессор истории Милюков. Правда, остановился на одном лишь аспекте проблемы, волновавшем его более других. Ни словом не обмолвился о финском вопросе – видимо, полагал его всего только бурей в стакане воды. Сделал краткий доклад об автономии Украины. «Подобное самочинное отпадение от России, – указал он, – до решения Учредительного собрания в явочном порядке едва ли является правильным разрешением национального вопроса». Напомнил, что соглашение Временного правительства с Радой справедливо «вызвало протесты в среде партии народной свободы». Но вынужден был констатировать и иное. Свершившееся вынуждает «образовать специальную комиссию для разработки ко времени созыва Учредительного собрания законопроекта областной автономии Украины». ⁹⁹ И только так можно выйти из того тупика, куда власть завели.

В день закрытия, 28 июля (9 августа), съезд одобрил две близких по сути резолюции. По вопросу об автономии Украины принял без каких-либо изменений или пополнений предложение Милюкова о создании особой комиссии. А также по национальному вопросу, но лишь в предельно узком его аспекте – культурного строительства. То есть именно так, как и осветил его Нольде в докладе:

«Государство может передать национальностям, действующим в качестве единых нетерриториальных публично-правовых союзов, осуществление указываемых законом задач культурного управления (просветительных, религиозных, по обществен-

ному призрению, экономических и т.д.) в отношении всех лиц, признающих свою принадлежность к этим национальностям. Организация этих национальных союзов, предметы их ведения и степень власти, размеры производимых ими из средств государственного казначейства пособий и условия обложения участников, а равно и отношение союзов к государству определяются в порядке общегосударственного законодательства».¹⁰⁰

Другая партия, также находившаяся в открытой оппозиции к власти, только не справа, как кадеты, а слева (большевистская) после трагических для неё июльских дней на время полностью отрешилась от всего, что беспокоило, волновало страну. На своём 6-м съезде, проходившем в Петрограде с 26 июля по 3 августа (7-16 августа) без скрывавшихся на Карельском перешейке Ленина и Зиновьева, без находившегося в тюрьме Каменева занималась исключительно внутрипартийными проблемами. Даже Сталин, выступивший дважды с основными докладами (отчётным и по текущему моменту) ни разу не вспомнил, ни словом не обмолвился о столь волновавшем его ещё совсем недавно национальном вопросе.

Предельно схожую позицию как бы замалчивания проблем Украины и Финляндии, других национальных окраин, заняли и партии, представленные в правительстве – меньшевики и эсеры. Более всего их тогда заботил самовольный, принявший массовый характер, захват помещичьих земель. Сопровождавшее его уничтожение барских усадеб, но лишь после того, как из них растаскивали сельскохозяйственный инвентарь, мебель, даже посуду, уводили скот и лошадей. Ведь эсер В.М.Чернов должен был защищать, как министр земледелия, частную собственность, законность, препятствовать тому, что буржуазия называла разгулом анархизма. А как лидер партии – этих самых крестьян, всемерно помогать им решить, наконец, вековечный вопрос о земле.

И ещё волновала меньшевиков и эсеров не менее злободневная проблема – власти. Уже ни для кого не являлось секретом, что Временное правительство окончательно и бесповоротно утратило доверие всех. И населения, и политических группировок. Правых кадетов, монархистов, прогрессистов, для которых оно стало слишком мягким, безвольным, ведущим тем страну к гибели. Левых меньшевиков, эсеров, меньшевиков-интернационалистов посчитавших гонения на большевиков и анархистов не совместимыми с принципами демократии, революции.

Оказавшись в столь безвыходном положении, Временное правительство пошло на отчаянный шаг. Пытаясь снять с себя

дальнейшую ответственность, попыталось прикрыться волеизъявлением общественности. Самой широкой. Созвало в Москве 12 (25) августа Государственное совещание. По выражению его инициатора, Керенского – истинный русский «земский собор». Подчёркнуто не партийное совещание, участниками которого стали представители всевозможных организаций и обществ. От Союза георгиевских кавалеров, представителей всех казачьих войск, торгово-промышленных кругов, научных обществ до городских дум, земств, профсоюзов и ЦИКов Советов. Временное правительство наивно полагало: за решениями Государственного совещания сможет надёжно укрыться. Но ошиблось.

Открыл совещание Керенский. Сумбурной, как обычно, патетической речью попытался скрыть отсутствие какой бы то ни было программы действий. Зато пересыпал её маловразумительными угрозами всем без исключения политическим силам, и правым, и левым. Особенно же досталось депутатам финского сейма. Вознамерившимся пренебречь запретом Временного правительства и собраться на очередную сессию не когда-либо, а 16 (29) августа. Так и не сумевшим сделать того – по приказу из Петрограда здание сейма заняли солдаты. Пока же, предвосхищая только возможные события, Керенский пригрозил социал-демократам Финляндии в случае сопротивления, противодействия применить всю полноту власти.

Зато предельно мягко отозвался о тех, с кем подписал соглашение – о деятельности Центральной Рады. «Я не хочу, по родственному заметил он, – другой интимной и братской распри. Я верю, что многомиллионная трудящаяся, рабочая и городская масса наших братьев по крови и по общей судьбе, украинцев, не смотря на многие, может быть, по недоразумению происходящие обиды и взаимные расхождения, никогда не пойдут по пути, на котором мы могли бы сказать: «Почему же ты, брат, целуешь меня и кто дал тебе тридцать серебрянников?»¹⁰¹

Выступления других министров – И.Л.Авксентьева, Н.В. Некрасова (уже не кадета, а «радикального демократа»), С.Н.Прокоповича – не привнесли ничего нового. Оставили собравшихся в полном неведении относительно дальнейших намерений правительства, его программы.

Истинные настроения участников совещания стали раскрываться лишь на второй день. Именно тогда, хотя и вскользь, не став основной, определяющей, и прозвучала оценка отношения Временного правительства к происходящему на окраинах.

Самой мягкой из отрицательных оказалась декларация бывших депутатов Государственной Думы. «Сохранение единства

России, – выразил их коллективное мнение кадет В.Д.Набоков, – вполне совместимое с установлением местных автономий властью Учредительного собрания, является исторической задачей», но в трагическую ныне переживаемую минуту всякие попытки к расчленению нашего отечества должны быть осуждены как сознательная или бессознательная помощь врагу». ¹⁰²

Более решительно высказались бывшие депутаты Государственной Думы: «В вопросах национальных и социальных деятельность правительства и его местных органов не должна предрешать воли всего народа, выраженной в Учредительном собрании... В частности, в национальных вопросах **при полном сохранении прав** гражданского равенства **и национально-культурного самоопределения** /выделено мной – Ю.Ж./, завоеванных революцией, далее идущие стремления национальностей должны быть введены в пределы, совместимые с полным сохранением государственного единства России». ¹⁰³

Ту же позицию разделял и М.В. Родзянко. Председатель несуществующего Временного комитета Государственной Думы, и давшего жизнь Временному правительству. «Я с тревогой, – отметил он, – слушал заявление министра-председателя о тех поднимающихся сепаратистских тенденциях национальностей, населяющих нашу великую Россию, и в этом я вижу, что не государство слабо, а слаба та власть, которая не могла всею мощностью остановить все эти движения, которые грозят оторвать от нас коренные наши провинции». ¹⁰⁴

Противоположный политический лагерь, меньшевики и эсеры, выступавшие от имени ЦИКов Советов как рабочих и солдатских, так и крестьянских депутатов, продемонстрировали в отношении национального вопроса полную поддержку правительству. Сочли необходимым, явно идя на поводу у сепаратистов, повторить их неизменное требование: «Издание декларации Временного правительства о признании за всеми народами права на полное самоопределение, осуществляемое путём соглашения во всенародном Учредительном собрании... Образование при Временном правительстве Совета по национальным делам, куда входили бы представители всех национальностей России, в целях как подготовки материала по национальному вопросу для Всероссийского Учредительного собрания, так и выработки способов регулирования самих национальных отношений и форм, представляющих нациям возможность разрешать вопросы своей внутренней жизни». ¹⁰⁵

Мало того, представленный исключительно эсерами Всероссийский крестьянский союз выразился ещё более определённо.

Он «находит, – указала его декларация, – предпринимаемые Временным правительством меры соответствующими интересам государства как целого, и выражает надежду, что сами окраины не доведут русское государство до распада и гибели». ¹⁰⁶

Но все такого рода декларации и выступления только констатировали происходящее. Если и расценивали его отрицательно, то всё же не предлагали ничего, что помогло бы вывести страну из тупика. Потому-то и прозвучали диссонансом на совещании «Военной партии» речи Л.Г.Корнилова и избранного незадолго перед тем атаманом Всевеликого Войска Донского генерала-от-кавалерии М.А.Каледина. Не стеснясь в выражениях – мол, что с них, с фронтовиков, взять – они потребовали незамедлительного наведения порядка. Сначала в армии. И для того ликвидировать вносящие смуту все без исключения солдатские Советы и комитеты, а также систему правительственных комиссаров. Вместе с тем и восстановить былую дисциплину, возродив обязательную отдачу чести нижними чинами офицерам, смертную казнь.

Только такими методами, убеждённо говорили они, можно предотвратить поражение. Спасти страну. Каледин же решительно заключил: «Россия должна быть единой. Всяким сепаратным стремлениям должен быть поставлен предел в самом зародыше». ¹⁰⁷

Большевиков среди участников Государственного совещания не оказалось. Формируя на него делегацию, ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов исключил их из её состава. На всякий случай, опасаясь каких-либо эксцессов в связи с июльскими днями. Вынудили тем крайне левую оппозицию заявлять о своих взглядах, своём видении происходящего в стране не с высокой московской трибуны, а на газетных полосах. В петроградском «Пролетарии», московском «Социал-демократе», на время заменивших запрещённый властями центральный орган, «Правду».

Прежде всего большевики обрушились на Государственное совещание как таковое. Объявили его «контрреволюционным заговором против народа», попыткой подменить им и Учредительное собрание, и ВЦИК. Саркастически комментировали отдельные выступления, дабышний раз подтвердить собственную правоту. Комментировали и буржуазную прессу. Особенно блестяще сумели, и не раз, обыграть заявление финансового магната П.П.Рябушинского, не постеснявшегося или сделавшего то по глупости пообещать, если потребуется, задушить «костлявой рукой голода... демократические Советы и комитеты».

Не оставили большевики без внимания и национальный вопрос. Правда, не пытались предложить серьёзный ответ на него. Всего лишь использовали конфликт власти и окраин с одной-единственной целью. Привлечь на свою сторону (или заручиться просто поддержкой хотя бы на короткое время) Финский сейм, Украинскую Раду. Действовали согласно испытанному принципу: «враг моего врага – мой союзник».

Так, ещё 10 (23) августа член Московского областного комитета ЦК РСДРП(б) Н.Осинский (В.В.Оболенский) счёл нужным выразить в «Социал-демократе» свое мнение о событиях на Украине. В статье «Обманутые кредиторы» рекомендовал Раде и Генеральному секретариату:

«Вместо того, чтобы идти в ногу с коалиционным министерством и поддерживать его 3-5 июля (а это киевская Рада делала в те дни), надо было понять, что сделка с контрреволюционным по своему устремлению блоком приведёт только к разбитому корыту.

Орган Винниченко «Робитнича газета», по сообщению «Русского слова», пишет о том, что «правительство, очевидно, собирается спровоцировать Украину и задушить её войском вместе с Финляндией, либо, если поток крови не удастся, снова перейти к мошенничеству. Но, разумеется, добавляет «Робитнича газета», Центральная Рада не позволит себя спровоцировать.

Пожелаем, чтобы эти слова сбылись на деле и чтобы мелкая буржуазия Украины окончательно и ясно поняла, в каком направлении лежит путь к освобождению всех народов и за кем ей надо следовать на этом пути».¹⁰⁸

Сходные пожелания, адресованные на этот раз финским социал-демократам, выразил и М.И.Губельман, также член Московского областного бюро. В той же газете поместивший под псевдонимом «Ем. Яр-ий» статью «Судьба Финляндии». Только 18 (31) августа, уже после завершения работы Государственного совещания. «Наша точка зрения, – писал он, – финским товарищам ясна и хорошо известна. Мы не только не поддерживали Временное правительство в его репрессиях по отношению к русскому и финляндскому народу. Мы решительно и открыто протестовали против этих насилий и репрессий...

Наша партия, партия революционного пролетариата, может в эти дни, как и раньше, сказать, что узы международной солидарности народов Финляндии и России станут тем крепче, чем свободнее будет каждая страна в деле самоопределения».¹⁰⁹

Но лишь одна статья, в номере «Пролетария» за 13 (26) августа, оказалась глубокой, по своей сути – программой для партии. Статья Сталина «Контрреволюция и народы России».

Начал её Сталин примерно так же, как и Осинский: «Распускается сейм в Финляндии с угрозой «объявить Финляндию на осадном положении, если это потребуется» («Вечернее время», 9 августа). Открывается поход против Рады и Секретариата Украины с явным намерением обезглавить автономию Украины». И всё это предпринимается «с тем, чтобы, развязав контрреволюционно-шовинистические силы, потопить в потоках крови самую идею национального освобождения, вырыть яму между народами России и посеять между ними вражду на радость врагам революции.

Тем самым, наносится смертельный удар делу объединения этих народов в единую братскую семью. Ибо ясно само собой, что политика национальных «придинок» не объединяет, а разъединяет народы, усиливая среди них «сепаратистские» стремления. Ибо ясно само собой, что политика национального угнетения, проводимая контрреволюционной буржуазией, грозит тем самым «разложением» России, против которого так фальшиво и лицемерно вопиёт буржуазная печать».

Таким образом Сталин и развернул исходную для Осинского точку зрения. Развернул в ту позицию, которую отстаивал вот уже четыре месяца. Отстаивал необходимость единства страны, только теперь, после разгула мелкобуржуазного национализма, не прямо – «против федерализма», а приспособившись к реально существовавшей ситуации.

«Мы вовсе не против объединения народов в одно государственное целое, – обращался Сталин к кадетам, генералам. – Мы отнюдь не за дробление крупных государств на мелкие. Ибо ясно само собой, что объединение мелких государств в крупные является одним из условий, облегчающих дело осуществления социализма». Последней фразой, сделав полный поворот кругом, пояснял свою позицию уже всем социалистическим партиям. И тут же уточнил необходимое:

Но мы, безусловно, за то, чтобы объединение это было **добровольным**, ибо только такое объединение является действительным и прочным. Но для этого необходимо, прежде всего, полное и безоговорочное признание права народов России на самоопределение вплоть до отделения их от России... Необходимо, далее, это словесное признание подтвердить делом, предоставив народам теперь же определить свои территории и формы своего политического устройства на своих учредительных собраниях.

Только такая политика может усилить доверие и дружбу народов. Только такая политика может проложить дорогу делу действительного объединения народов».

Нет, Сталин не заигрывал, как то может показаться, с сепаратистами, не собирался идти на опасные по последствиям уступки. Просто проявил себя редкостным прагматиком, учитывающим все без исключения обстоятельства. И предлагал потому единственно возможный в тот момент способ сохранить единство страны — через власть Советов, через всепроникающую деятельность общероссийской большевистской партии, призванной объединить пролетариев без деления их по национальностям. Но таким образом ставил вопрос о власти:

«Либо народы России поддержат революционную борьбу рабочих за власть, и тогда они добьются освобождения, либо они её не поддержат, и тогда не видать им освобождения, как своих ушей». ¹¹⁰

О том, что ключом к решению всех накопившихся проблем является власть, понял не только Сталин. Поняли, и столь же хорошо, и генералы. Государственное совещание завершилось 15 (28) августа, а всего через неделю начался армейский мятеж. Начался благодаря откровенному попустительству и двуличному поведению Керенского и его заместителя по военному министерству Б.В.Савинкова. Эсера, знаменитого террориста, державшего в страхе царскую охранку. Начался со сдачи 21 августа (3 сентября) Риги и отхода частей Северного фронта почти на сто километров к северо-востоку. Открывая тем немцам дорогу на Петроград.

В тайне от остальных членов кабинета, Керенский дал согласие снять с фронта и ввести в столицу 3-й казачий корпус генерала А.М.Крымова. Якобы для охраны правительства, обеспечения в городе порядка и предотвращения восстания большевиков, о котором те пока и не помышляли. Помимо того, премьер согласился и с созданием некоей «Петербургской армии», должной вобрать 3-й казачий корпус и все части, расквартированные в Петрограде и его окрестностях, но подчинённой почему-то не командующему Северным фронтом генералу В.Н.Клембовскому, а непосредственно Ставке. То есть Л.Г.Корнилову и начальнику штаба Верховного Главнокомандующего генералу-от-инфантерии М.В.Алексееву.

Керенский отлично понимал, что дело идёт к государственному перевороту, и тем не менее одобрял все предложения «военной партии». Ничего не предпринимал даже тогда, когда 26 августа (8 сентября) корпус генерала Крымова, сопровождаемый купленными в Великобритании броневиками, двинулся на Петроград. Лишь узнав от В.Н.Львова, обер-прокурора Синода в первом составе Временного правительства, ставшего по-

средником между генералами и премьером, что будет вместе с остальными министрами арестован, испугался. За себя. Обратился за помощью к ВЦИКу и большевикам. Призвал именно их организовать оборону столицы, защитив демократию и революцию.

Мобилизация членов Красной гвардии, солдат запасных полков и моряков Кронштадта и Гельсингфорса началась 27 августа (9 сентября). На следующий день они выдвинулись на дальние подступы к Петрограду и заняли подготовленные позиции. Одновременно к казакам корпуса Крымова направили агитаторов-большевиков, сумевших распропагандировать мятежников и отказаться от дальнейшего движения. 30 августа (9 сентября), поняв, что путч провалился, генерал Крымов застрелился.

Но Керенский не подал в отставку. 1 (14) сентября объявил о двух важных решениях. Россию провозгласили Республикой и создали временный орган управления страной – Директорию. Включившую пять членов старого кабинета – самого Керенского и министров: М.И.Терещенко (иностранных дел), А.И.Верховского (военного), Д.Н.Вердеревского (морского), А.М.Никитина (почт и телеграфов). А накануне Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов подавляющим большинством голосов принял резолюцию «О власти». Потребовавшую создать рабоче-крестьянское правительство, отменить частную собственность на землю, ввести на предприятиях рабочий контроль, предложить всем воюющим странам заключить мир без аннексий и контрибуций. В знак протеста Президиум столичного Совета, состоявший только из эсеров и меньшевиков, подал в отставку. Совет тем не смутился и тут же избрал новый состав своего руководящего органа. Теперь уже – из большевиков и левых эсеров, а председателем утвердил Л.Д.Троцкого, вступившего перед тем в партию большевиков.

5 сентября ту же резолюцию принял и Московский Совет, также перешедший под полный контроль большевиков.

Глава II. ТРИ ФРОНТА БОРЬБЫ

Корниловский, точнее – военный мятеж, даже подавленный, коренным образом изменил политическое положение в стране. Устранил некую видимость равновесия во власти, выражавшуюся в надежде на прочность коалиционного правительства. Устранил и безосновательное представление, что союз социалистических партий эсеров и меньшевиков с цензовой буржуазией кадетами и служит надёжной гарантией от любых поползновений контрреволюции. Является той единственной силой, которая только и может отстоять завоевания революции и демократии. Правда, в чём конкретно выражаются эти самые завоевания, объяснить не мог никто. Ведь все давно назревшие, перезревшие вопросы Временное правительство упорно откладывало на разрешение Учредительного собрания. Уповало лишь на него.

Возможно, именно потому известный юрист, приват-доцент Петроградского университета, видный член кадетской партии (выдвинутый ею кандидатом в члены Учредительного собрания) К.Н.Соколов постарался развеять ложные иллюзии, призрачные надежды. Высказал неожиданный для многих, даже парадоксальный прогноз на ближайшее будущее. Заявил, что Россия находится на пороге гражданской войны. Только противоборствующими в ней силами станут не вроде бы очевидные противники – организованная демократия и сторонники старого режима, не буржуазия и социалистические партии, и даже не Временное правительство и Советы, как можно было предполагать. Нет.

«Отныне, – писал Соколов в самом распространённом еженедельнике той поры, «Ниве», – судьбу России решит борьба «контрреволюционеров разных оттенков» и большевиков».¹

Как и очень многие, в своих предположениях Соколов исходил прежде всего из безусловного, непреложного. Временное прави-

тельство больше никто уже не воспринимал как власть. Не считал таковой после корниловского мятежа, когда – не за помощью, нет, за спасением – оно обратилось к большевикам. К той самой партии, которую всего полтора месяца назад видело своим главным противником. Именно её обвиняло в попытке государственного переворота. Её, которая и спасла правительство.

Не могло считаться Временное правительство общероссийской властью и после бессмысленно развязанного конфликта с финским сеймом, после заигрывания с Центральной Радой.

Но раз эсеры и меньшевики составляли основу такого правительства, то и они никоим образом не могли представлять хоть какую-нибудь силу.

Тогда, может быть, силой явится долгожданное Учредительное собрание? Да, на него надеялись чуть ли не все. Даже большевики. И никто из ожидавших его как нового мессии, не задумывался что и оно окажется бессильным. Ничего не сможет разрешить по самой простой причине – не сумеет выразить интересы большинства населения страны. По одной предельно простой причине – те, кому предстояло участвовать в первых за всю историю России всеобщих выборах, ещё не доросли до понимания своей лишь на первый взгляд простой задачи.

В массе своей народ, выросший и сформировавшийся в условиях самодержавия, не мог представить себе, кого и зачем ему следует выбирать депутатом Учредительного собрания, что конкретно должно собрание сделать. Разве и без него нельзя выйти из войны, дать землю крестьянам?

Так кто же тогда мог реально претендовать на власть? Иными словами, принимать решения, беря на себя всю ответственность за них, за их последствия.

Разумеется, лишь тот, кто чётко и ясно представлял себе те задачи, которые следует решить прежде всего. Сделать всё возможное, дабы вывести страну из кризиса. Политического, экономического, финансового, военного. И сохранить при этом целостность страны. Решить же всё это как можно скорее, не откладывая пусть на близкое, но всё же будущее. Да ещё твёрдо знать, что принятые решения удовлетворят далеко не всех. Неизбежно вызовут возражения, осуждения, даже сопротивление.

Претендуя на власть, следовало знать и главное. При выборах в Учредительное собрание основными станут не голоса, набранные какой-либо партией где-нибудь в Туркестане. У неграмотных кочевников, не имеющих ни малейшего понятия о происходящем за пределами их степей. Или у народов, населяющих Кавказ, Поволжье, Сибирь. Никогда прежде не задумывавшихся

о политике, не представляющих смысла созываемого Учредительного собрания.

Самыми весомыми, решающими должны стать голоса почти семи миллионов солдат и матросов. И действующей армии, и тех, кого только что призвали в армию и готовили к отправке на фронт.

Вот потому-то несомненным претендентом на власть являлась прежде всего Ставка. Подчинённые ей корпуса и дивизии, находящиеся на линии, растянувшейся от Аландских островов до далёкой Персии. С также подчинёнными ей военными округами, охватившими всю страну. «Располагающими запасными полками, маршевыми ротами. Словом, с огромной вооружённой массой, приученной выполнять приказы, повиноваться командирам.

Но таким же претендентом выступали и большевики. Обладавшие по сравнению с другими партиями несомненным преимуществом. Жёсткой организационной структурой практически во всех губернских, во многих уездных городах. Членами партии, считающими своим прямым долгом безоговорочно выполнять, как свои, решения Центрального Комитета. Верящими в них. И к тому же, наравне со Ставкой, опиравшиеся на армию. Давно завоевавшие непререкаемый авторитет в солдатских Советах и комитетах. Верившими только большевикам, ибо именно они обещали немедленный мир и возвращение домой, где их ожидал раздел земли. Помещичьей, государственной, императорской семьи.

В своём прогнозе Соколов всё же допустил ошибку. Не учёл ещё одну, и немаловажную, силу. Успевшую к тому времени не раз проявить себя. Сепаратистов, грозивших не только серьёзно изменить расклад сил, но и нарушить все планы тех, кто будет им противостоять.

1. На переломе

Почти всё это, наконец, стали понимать и члены Директории, всё ещё подменявшие Временное правительство. Потому и попытались скрыть свою беспомощность, бессилие очередным всероссийским совещанием. Призванным принять необходимые решения, взяв на себя ответственность за них. Совещанием, на этот раз названным Демократическим, ибо на нём были представлены только Советы, профсоюзы да все без исключения социалистические партии, в том числе и большевистская.

Как общероссийские, так и краевые, чисто национальные. Украинские, белорусские, эстонские, латышские, литовские, молдавская, грузинские, армянская, мусульманские, даже киргизская и бурятская.

Демократическое совещание открылось в Петрограде 14 (27) сентября. По замыслу организаторов, должно было дать ответ на самый важный в те дни вопрос – о власти. Следует ли в правительстве сохранить коалицию с кадетами, или же сформировать однородный социалистический кабинет. Всё из тех же меньшевиков да эсеров.

Совершенно неожиданно вторым вопросом, чуть ли не все восемь дней работы совещания вытеснявшим первый, оказался иной. Национальный. А обсуждение его превратилось в своеобразный референдум о том, какой же отныне быть России. Остаться, как и прежде, унитарной, либо стать федеративной.

Поначалу к проблеме, и вполне закономерно, естественно, обратились на заседании рабочей группы национальных партий. Именно там, пока ещё в предельно узкой среде, игнорируя главный вопрос – о конструкции власти – и заговорили уже 15 (28) сентября. Делегаты из Армении, Грузии и Эстонии посчитали необходимым как можно быстрее провозгласить страну федеративной республикой. Лишь для того, чтобы поскорее покончить с той жёсткой централизацией государственного управления, которую они считали тяжёлым наследием старого режима.

Как тут же выяснилось, подобный взгляд разделяли далеко не все. Так, решительно против федерализации выступил представитель латышской социал-демократии. Тем не менее, буквально через день, уже на пленарном заседании Демократического совещания, о национальном вопросе заговорили многие.

Посланец Всероссийского мусульманского военного Совета (шуро), то есть солдат, призванных в армию из Татарии, Башкирии и Северного Кавказа, У.Токумбаев напомнил о корниловском мятеже. И чтобы избежать подобного в дальнейшем, предложил полностью перестроить все вооружённые силы. «Только национальная армия, – заявил он, игнорируя то, что под командой Крымова на Петроград шла и Туземная («Дикая») дивизия, – когда командный состав **близок по духу и крови** /выделено мной – **Ю.Ж.**/ солдатской массе,.. способна спасти родину от дальнейшего развала и распада».

Этот призыв подхватил Величко, делегированный на совещание Украинским Генеральным Войсковым Комитетом. Правда, начал он речь с настойчивого пожелания властям провести на-

зревшие, ожидавшиеся всем населением страны реформы как можно скорее, не дожидаясь Учредительного собрания. Затем возложил вину за корниловский мятеж на партии, стоявшие в те дни у власти. И из всего сказанного сделал нелогичный вывод. Обвинил «российскую революционную демократию» в нежелании поддержать лозунг о федеративном переустройстве страны и для того пойти навстречу «верховному революционному органу» украинского народа, Центральной Раде, в обретении автономии. Как бы мимоходом подчеркнул, что спасти Россию может только полный отказ от «бюрократического централизма».

Ту же программу действия огласил и Соболевский – от имени Белорусского войскового комитета. Организации эфемерной, ни ранее, ни впоследствии больше никак не проявившей себя. Соболевский также отметил, что армию следует формировать лишь по национальному признаку. А Л.Ф.Жилунович, представлявший национальную партию, Белорусскую социалистическую громаду, развил мысль земляка. Попытался шантажировать и совещание, и Директорию, заявив: если власть не провозгласит демократическую федеративную республику, она не сможет рассчитывать на доверие белорусской демократии.

Более осторожно высказался ещё один армейский делегат, Мачабели, от Грузинского военного совета. Вроде бы поддержал идею формирования национальных частей, но обосновал применительно к своему краю весьма своеобразно. «Грузины, – пояснил он, – как жители юга, как жители горной страны не переносят климат северных равнин и гибнут на них, не выполнив принятого на себя долга. Грузины-воины лишены возможности объединяться в /грузинские – **Ю.Ж.** / полки для того, чтобы там, на Кавказе, грудью защищать родные очаги». Столь же уклончиво выразил и отношение к федерации – мол, Грузия пока не требовала автономии только потому, что «не считает для себя возможным осложнять и без того непростое положение в стране».²

Подытожил все эти выступления от имени возникшего на совещании Совета национальных социалистических партий В.И.Нуцубидзе. Объявил о полной солидарности в вопросе о создании федерации одиннадцати партий из восьми регионов – Эстонии, Латгалии (восточная часть Латвии), Литвы, Белоруссии, Украины, Грузии, Осетии, Бурятии. И зачитал выработанную ими совместно декларацию. Ею же Директории либо вскоре созданному правительству предлагалось немедленно объявить Россию федеративной республикой. Для наиболее полного и свободного волеизъявления всех населяющих её народов дать им возможность созвать собственные Учредительные собра-

ния. Сочла столь же необходимым декларация и формирование национальных армий,³ которые почему-то оказывались непременным атрибутом автономии.

Фактически к декларации присоединился и делегат от Центрального молдавского Комитета Румынского фронта. Выразил твёрдую надежду на «положительное решение вопроса об автономии Бессарабии».⁴ Однако такое пожелание породило не столько стремление к самоуправлению, сколько боязнь поглощения края Украиной. Опасением, выраженным ещё 26 июня (9) июля в Киеве. На совещании губернских комиссаров и председателей губисполкомов, созванном Генеральным секретариатом. Под более чем благовидным предлогом – заблаговременно обсудить вопрос вполне возможной эвакуации с территорий, которые может захватить противник. Но со странным требованием – «чтобы губернские комиссары по всем вопросам управления губерниями подчинялись Генеральному секретариату».

Уже сам такой вызов заставил и.о. бессарабского губернского комиссара В.Г.Кристи поставить перед организаторами встречи вполне закономерный вопрос: является ли факт его приглашения «признаком того, что генеральный комиссариат включил Бессарабию в состав Украины, или в данном случае кроется недоразумение?». Не получив внятного ответа, Кристи – от имени двадцати политических, общественных и национальных организаций – решительно заявил: «Все вышеупомянутые организации и общегубернские съезды высказались за то, что Бессарабия, согласно с возведённым Временным правительством принципом самоопределения народов, не может быть включена в состав Украины, но должна образовать особую автономную единицу».

Примечательно, что на том же совещании категорически отказались подчиняться Киеву представители ещё трёх губерний – Херсонской, Екатеринославской и Харьковской. То есть всей южной и восточной части того, что Генеральный секретариат считал Украиной. Объяснили свою позицию тем, что население их «ещё не выразило своего отношения к Раде».⁵ Продемонстрировали – украинские националисты в лучшем случае могут рассчитывать на власть лишь в пределах Киевщины, Волыни, Подолии, Черниговщины и Полтавщины. Никак не более.

...Особую позицию на Демократическом совещании выразил представитель армянской партии Дашнакцутюн. Как и Мачабели (но в отличие от него достаточно твёрдо и прямо) отметил: «Армяне не будут выдвигать никаких национальных требований

до Учредительного собрания. Требований, которые могли бы создать затруднения для молодой республики в деле укрепления завоеваний революции».⁶

И всё же самое неожиданное, по меньшей мере, странное, если не просто провокационное, предложение сделал А.И Чхенкели. Один из лидеров грузинских меньшевиков, комиссар Временного правительства и член краевого органа гражданского управления – Особого Закавказского комитета. Не только потребовал восстановления былого самоуправления Грузии во всём его объёме. Выразил крайнее сожаление, что не увидел среди тех, кто выступал по национальному вопросу, русских.

Перед нами, – продолжил Чхенкели, – ведь стоит не только старый национальный вопрос о так называемых инородцах, а вопрос о русской нации. Вопрос, из-за которого вы тут сошлись, вопрос – роковой для всей страны и русской нации... Я бы хотел, чтобы и русские сказали, что и их государственное чувство очень мало отличается от национального чувства грузин».⁷ Иными словами, пусть и довольно туманно, намёками, посоветовал русским задуматься о собственном самоопределении, сделав тем первый шаг на пути к отделению от... собственной страны!

Как сигнал тревоги следовало воспринять и то, о чём поведал делегат от казачьих частей, находившихся на фронте, есаул В.А.Нагаев. По его словам, на конференции Донского, Кубанского и Терского казачьих войск, прошедшей в Екатеринодаре в начале сентября, была высказана поддержка федерализации России.⁸ Только ради того, чтобы обрести с её помощью особый административно-территориальный статут, весьма близкий автономии.

Никто из участников Демократического совещания не обратил на всё это никакого внимания. Волновало их лишь одно. То, ради чего они, собственно, и собрались, – организация власти. Следует ли и далее сохранять Временное правительство, а если и сохранять, то как однородное социалистическое или коалиционное. В ходе шестидневной дискуссии все, казалось, согласились с предложением большевиков, поддержанных меньшевиками-интернационалистами и левыми эсерами, лишить Временное правительство доверия, а всю власть передать Советам, ВЦИКу.

Однако И.Г.Церетели и В.М.Чернов всё же настояли на принятии иной резолюции. Сохранившей и Временное правительство, и коалицию с буржуазией. С очень небольшим перевесом – 766 голосов «за», 688 – «против» и 38 воздержавшихся. Именно её и приняло совещание 22 сентября (5 октября), в послед-

ний день своей работы. А перед тем – ещё одно, казавшееся весьма важным, решение. О выделении из состава совещания представительного органа – предпарламента или Временного Совета Российской Республики, перед которым до созыва Учредительного собрания и было бы ответственно правительство.

Керенский, воодушевлённый и ободренный тем, что ему удалось сохранить чуть было не выскользнувшую власть, поспешил уже 25 сентября (8 октября) сформировать новый кабинет, третий коалиционный. Включивший трёх эсеров, четырёх меньшевиков, пять кадетов, одного радикального демократа и четырёх беспартийных. А вскоре, 7 (20) октября, начал работать и предпарламент, председателем которого избрали одного из лидеров эсеров Н.Д.Авксентьева.

Но и тот и другой оставили, как и прежде, без ответа те вопросы, которые сами же считали первоочередными – о мире, о земле. Без ответа остался и национальный вопрос. Тот самый, из-за которого Россия за семь месяцев революции разительно изменилась, утратив и часть своей территории, и централизованную власть. Временное правительство

- признало независимость Польши;
- вернуло прежние права и без того полунезависимой Финляндии;
- установило этнические границы Эстонии и Латвии, дав им местное самоуправление;
- предоставило фактически широкую автономию Украине, утвердив 1 (14) сентября её правительство – Генеральный секретариат.

Правда, одновременно Временное правительство демонстрировало ставшие закономерными для него непродуманность и проистекавшую отсюда непоследовательность. Идя на значительные, зачастую безосновательные уступки, вскоре пыталось отменить их. Либо столь же поспешно разрешало недавно запрещённое. Так, спустив 18 (31) июля сейм Финляндии только из-за назначенной им даты выборов, уже 30 сентября (13 октября) объявило об их проведении в ранее установленное время, 19 октября (1 ноября). И добилось тем лишь одного. На этот раз в парламенте Великого Княжества большинство получили не лояльные Петрограду социал-демократы, а враждебно настроенные к нему младофинны.

Схожими стали и последствия неожиданного запрета продолжать украинизацию двух армейских корпусов, а также и приказа о роспуске самовольно создававшихся украинских полков с вызывающе антирусскими наименованиями – имени гетмана

Мазепы, полковника Орлика, сотника Гонты, профессора Грушевского, Запорожской Сечи.

Скорее всего, как своеобразный ответ на лишение её национальной армии, Центральная Рада провела в Киеве так называемый Съезд народов России. Проходивший с 8 (21) по 15 (28) сентября и собравший девяносто два человека, выдававших себя за представителей латышей, литовцев, поляков, молдаван, белорусов, грузин, эстонцев, евреев, русских, татар, турок и украинцев. Все они, неизвестно откуда приехавшие, дружно потребовали от Временного правительства признать независимость Литвы, предоставить широкую автономию Белоруссии, Латвии, казачьим областям Юго-Востока, начать федерализацию всей страны. Мало того, самозванный съезд ещё и образовал собственный, столь же неправомочный «исполнительный орган» – «Совет народов России» под председательством М.С.Грушевского.⁹ Орган, который при желании можно было использовать как своеобразную националистическую альтернативу только что собравшемуся Демократическому совещанию.

При этом саму Центральную Раду ничуть не смущало, что она сама, даже обрета некую легитимность, не пользовалась поддержкой населения той территории, на власть в которой претендовала. Убедительным примером тому послужили результаты прошедших в начале августа выборов в городские думы губернских центров. На них украинские националистические партии – социал демократическая, социалистов-революционеров и социалистов-федералистов – получили менее четверти мест. От пяти процентов в Одессе до двадцати – в Киеве. Только в Харькове, благодаря голосам скопившихся там солдат, им удалось провести 54 гласных из общего числа 116.¹⁰ Ни история с выборами в финский сейм, ни «Съезд народов России» так и не послужили серьёзным уроком Директории и сменившему её вскоре очередному Временному правительству. Не стали знаком неумолимо надвигающейся катастрофы. А между тем весьма опасная тенденция – настойчивое желание получить автономию – ширилась, как эпидемия, охватывая один за другим всё новые и новые края. Сопровождалось же оно чуть ли не непременным требованием раздела вооружённых сил страны по национальному признаку.

К заявлениям Центральной Рады под предлогом украинизации, разрушавшей и саму армию, и сдерживаемый ею пока германский фронт, добавлялись предельно схожие, ранее просто немыслимые, выступления других националистических организаций. К тому же нередко под флагом ислама.

«Война для нас, мусульман, – заявил председатель Всероссийского мусульманского воинского Совета У.Токумбетов, – закончилась, и мы не обязаны вмешиваться в чужие для нас – русские – дела, когда у нас есть свои цели, которые теперь надо осуществить».¹¹

В чём же выражались эти цели, красноречиво заговорили ещё в августе в Уфе. Там самочинно вознесшая «Комиссия по созыву 1-го мусульманского национального собрания» объявила о подготовке ею провозглашения автономии, но не столько национально-территориальной, сколько конфессиональной. Призванной объединить мусульман Казанской, Уфимской, Пермской, Оренбургской губерний и прилегающих к ним уездов Вятской, Симбирской, Саратовской и Астраханской.¹²

Если бы такой план удался, то вся Европейская часть России оказалась бы отрезанной от Сибири и Туркестана. Тех частей страны, где также всё настойчивее говорили о собственной автономии. Говорили давние сибирские областники – русские, к которым присоединились местные татары. Объединившиеся было на проведённом 4 (17) октября в Томске 1-м общесибирском мусульманском съезде, но почти сразу потерявшие хоть какой-нибудь интерес к национальному обособлению.

Откровенно радикальные и, вместе с тем, предельно конкретные предложения прозвучали на двух съездах, прошедших один за другим в Ташкенте. С 8 по 11 (21-24 сентября) – созванном Туркестанским краевым мусульманским Советом (несмотря на название, скорее светской, нежели религиозной политической организацией). И на ещё одном, состоявшемся 17-20 сентября (31 сентября – 3 октября), инициатором которого стали улемисты, движение, возглавляемое и направляемое исламскими теологами и юристами.

Участники обоих съездов независимо друг от друга пришли к общему решению. Как можно быстрее создать автономную Туркестанскую федеративную республику в пределах бывшего генерал-губернаторства – Сыр-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской, Семиреченской и Закаспийской областей. Республику со своим парламентом, особым законодательством (основанном на шариате), казначейством, милицией и вооружёнными силами, и для того приступить к выработке собственной конституции.

Вместе с тем, но лишь на съезде, проведённом улемистами, прозвучал призыв сплотить всё население края в рядах единой партии – Союза мусульман (Иттифак аль-муслимин) – и был провозглашён откровенно сепаратистский лозунг: «Туркестан принадлежит тюркам!»¹³

К таким решениям, неизбежно ведущим сначала к политическому обособлению, а затем и к отделению от России по национально-религиозному принципу, политиков края подталкивали непродуманные действия Временного правительства. Ещё 7 (20) апреля создавшего краевой Туркестанский комитет. Поначалу всего лишь для «установления прочного порядка и устройства», «разрешения на месте всех возникающих вопросов». ¹⁴ А пять месяцев спустя – наделённый более широкими и значительными полномочиями, в том числе и такими:

1. Рассмотрение законодательных предложений, касающихся Туркестанского края, возникающих в пределах края, и составление заключений по всем законодательным предположениям Временного правительства, относящимся к Туркестанскому краю.

2. Представление Временному правительству о неудобствах по местным обстоятельствам применения в крае тех или других мер, устанавливаемых законом...

3. Разработка мер к объединению деятельности местных правительственных учреждений и лиц по предметам, касающимся всего края. ¹⁵

Если данное постановление, подписанное Керенским 26 августа (7 сентября), и не давало пока Туркестану автономии, то, во всяком случае, постаралось подготовить его к автономии в правовом отношении.

Более настораживающие события происходили в Крыму. Там, в Симферополе, 1 (14) октября открылся Крымо-татарский мусульманский съезд. Созванный вроде бы только для избрания кандидатов в Учредительное собрание. На деле – для отчёта Крымо-татарского исполкома, образованного под председательством Ч.Челебиева ещё 25 марта (7 апреля), и выработки задач этого национального движения.

Председательствовавший и на съезде Челебиев отказался принимать во внимание, что Крым населяли не только татары, составлявшие менее трети его жителей, но и русские (почти пятьдесят процентов населения), болгары, греки, караимы, крымчаки, армяне, немцы, эстонцы. В докладе он исходил из интересов лишь своей национальной общины, ей требовал подчинить всю политическую деятельность на полуострове. И ссылался при этом, как на положительный пример, на достижения татар Поволжья и в ещё большей степени – Центральной Рады.

Потому, видимо, Челебиев и предложил участникам съезда одобрить, как самые важные и насущные, первоочередные следующие цели. Сплочение крымо-татарского народа, соз-

дание в рамках непременно федеративной России Крыма как национально-территориальной автономии, избрание для её управления курултая (сейма), формирование собственных воинских частей.

Как бы между прочим сообщил Челебиев о весьма многозначительном. «Перед нами, – поведал он, – встаёт новый вопрос, о границах. Мы нашли необходимым спросить у Рады, входит ли Крымский полуостров в пределы нашей автономии. С этой целью были отправлены в Киев делегаты». А затем Челебиев рассказал о том, что свидетельствовало об окончательной утрате Временным правительством не только какого бы то ни было авторитета, но и вообще власти. Оказалось, что ответа украинцев – «Мы поздравляем вас с Крымом» – делегатам оказалось недостаточно, и тогда они обратились к... Съезду народов России. И получили его «резолюцию»: «Можете управлять Крымом так, как вам заблагорассудится».

После того Челебиев многозначительно добавил: «Осуществление вышеприведённой резолюции Съезда народов о **самостоятельности Крыма** /выделено мной – Ю.Ж./ зависит от нас самих».¹⁶

Итак, теперь вопрос об автономии Крыма решался не в Петрограде. Не Временным правительством или будущим Учредительным собранием. Решался в Киеве. Центральной Радой и неким самозванным Съездом народов. Их согласия уже было достаточно для начала раздела страны.

Происшедшее отнюдь не скрывалось, из него не делали тайны. обстоятельно изложила ход съезда симферопольская газета «Голос татар». Тем не менее, военный министр А.И.Верховский, поддержанный исполняющим обязанности начальника Генерального штаба генерал-лейтенантом В.В.Марушевским, разрешил 7 (20) октября формировать отдельные мусульманские полки. В Симферополе (из крымских татар) – 32-й пехотный, в Казани (из приволжских татар) – 95-й, в Уфе (из башкир) – 144-й.¹⁷

Тогда же, осенью, наметилось стремление, но пока лишь обособиться, и на Северном Кавказе. Поначалу у горских народов – адыгов, карачаевцев, черкесов и абхазов. В середине августа их представители собрались неподалёку от Майкопа и пришли к решению просить Временное правительство выделить их территории в особые округа. Вместе с тем, чтобы не осложнять отношений с сильными соседями, выразили намерение заключить союз с казаками Кубани.¹⁸

Противоположные взгляды выявились на другом съезде горских народов, уже всего Северного Кавказа. На нём прозвуча-

ло предложение провозгласить Северо-Кавказский имамат во главе с муфтием Дагестана Н.Гоцинским. Но, не получив поддержки большинства, оно было отвергнуто. Поэтому на новой встрече – во Владикавказе – 21 августа (2 сентября), с участием казачества, возникла иная идея. Образовать Юго-Восточный союз казачьих войск (Донского, Кубанского, Терского, Астраханского), горцев Кавказа и вольных народов степей (калмыков и ногайцев). Тот самый союз, о котором на Демократическом совещании сообщил В.А.Нагаев.

Месяц спустя эта идея стала претворяться в жизнь. 25 сентября (8 октября) на встрече в Екатеринодаре было решено не позже чем через месяц сформировать правительство становившегося, по сути, автономным огромного региона, для которого избрали новое название – Союз Юго-Восточных федеративных областей. По замыслу его создателей ему предстояло после Учредительного собрания стать штатом Российской Федеративной Республики.¹⁹ Обособленной административной единицей, уже располагавшей не только готовой структурой управления, но и армейскими формированиями – четырьмя казачьими войсками. Казалось, происходившее в стране должно было вызвать немедленную отповедь Временного правительства. Принятие каких-либо решительных мер или хотя бы осуждение. Ведь для того имелись вполне законные основания. Прежде всего, постановление, принятое кабинетом ещё в июле. Дающее право министрам военному и внутренних дел «не допускать и закрывать всякие собрания и съезды, которые могут представлять опасность в военном отношении или в отношении государственной безопасности».²⁰ Но нет. Ни Керенский, ни Верховский не воспользовались предоставленными им правами. Даже не попытались пресечь сепаратистские поползновения Киева и Уфы, Симферополя и Ташкента, Екатеринодара.

Схожим образом повёл себя и Временный совет Российской Республики или Предпарламент, собравшийся в Петрограде 7 (21) октября. В те самые дни, когда положение на фронте стало катастрофичным. Немецкие войска 3 (16) октября захватили Эзель (Сааремаа), 5 (18) – Моон (Муху), а на следующий день – Даго (Хийумаа). Закрепившись на островах Рижского залива, они высадились в Пернове (Пярну) и Гапсале (Хаапсалу) и начали наступление на север, к Ревелю (Таллину). Создали тем непосредственную угрозу столице.

Потому-то члены Предпарламента и попытались установить наиважнейшие, требующие сиюминутного решения, ибо от того зависела судьба страны, проблемы. Однако ограничивались

почему-то лишь общими оценками да благими пожеланиями. Вели себя так, будто у них в запасе имелись, по крайней мере, месяцы.

В.К.Брешко-Брешковская (фракция эсеров), старейший член Предпарламента, известная как «бабушка русской революции». «Корень всего теперешнего положения – земельный вопрос. И если собрание действительно хочет помочь России выйти из бедственного положения, то оно должно решить этот вопрос согласно пожеланиям всей крестьянской России».²¹

Н.Д.Авксентьев (фракция эсеров), председатель Предпарламента. «Обстановка внутри страны – хозяйственная разруха, расстройство транспорта, финансовые затруднения, недостаток продовольствия. Решить их возможно только неотложным проведением законодательных актов, которые упорядочили бы хозяйственную, экономическую жизнь страны».²²

Л.Д.Троцкий (фракция большевиков), председатель Петросовета. «Петроград в опасности, революция и народ в опасности. Правительство усугубляет эту опасность, а правящие партии помогают ему. Только сам народ может спасти страну. Мы обращаемся к народу: Да здравствует немедленный честный демократический мир! Вся власть Советам! Да здравствует Учредительное собрание!».²³

А.И.Верховский, генерал-майор, бывший командующий Московским военным округом, военный министр. Уведомил членов Предпарламента о вынужденном сокращении армии на 59 дивизий, то есть 500 тысяч человек, благодаря чему на фронте и в непосредственном тылу останется 5,5 миллионов человек. Для чего? «Для достижения большего сокращения расходов». Чтобы хоть так сократить нехватку всего. Продовольствия (доставка муки по всем фронтам составила 26 процентов потребности, мяса – 50 процентов). Обуви (в январе заготовили 1.3 тысяч пар, в сентябре – всего 900 тысяч). Отметил «печальное состояние вымирающей авиации», автомобильного дела.²⁴

М.В.Алексеев, генерал-от-инфантерии, бывший Верховный Главнокомандующий. «Беспристрастная оценка положения скажет, что немедленное заключение мира явится гибелью России, физическим её разложением, неизбежным разделом её достоинства и уничтожением работы поколений трёх предшествовавших веков. Купленный такой тяжёлой ценой мир не улучшит нашего экономического положения, не восстановит нашего расстроенного хозяйства, не даст нам хлеба и угля, не облегчит нам тяжести личного существования не только в ближайшем будущем, но и в более отдалённом будущем».²⁵

О мире, вернее о безрассудстве заключать его при отчаянном положении на фронте, генерал Алексеев заговорил отнюдь не первым, и далеко не случайно. О том же, правда, несколько в ином ключе – о возможности хотя бы обороняться – говорили практически все выходившие на трибуну члены Предпарламента.

Говорил Керенский, вынужденный объяснять причины уже начатой эвакуации (или «разгрузки», как он предпочитал её называть) Петрограда и плана скорого переезда правительства в Москву. Говорил морской министр контр-адмирал Д.В.Вердеревский, напугавший слушателей страшным рассказом о положении на Балтийском флоте. Говорил начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал-лейтенант Н.Н.Духонин. Говорил министр продовольствия С.Н.Прокопович. Говорили многие, очень многие иные. Но никто из них даже не задался вопросом – а может ли вообще русская армия ещё воевать? Ведь о печальном состоянии, в котором она оказалась, свидетельствовали не только два выступления Верховского. О том же, только ярче, красочнее, сообщала и телеграмма, поступившая в Предпарламент. На имя Керенского и Авксентьева, от Двинского – комиссара 2-го гвардейского Сибирского корпуса.

Впервые за эту войну, – писал Двинский, – полевые хлебopекарни не работают по несколько дней подряд за неимением муки, а офицеры, солдаты на передовых позициях не могут нести службы из-за отсутствия обуви. Конский состав, не получая фуража, дошёл до такого состояния, что ни один батарейный командир не ручается за то, что его лошади вывезут орудия в случае необходимости совершить передвижение вне шоссейных дорог...

Я считаю своим долгом доложить Временному правительству, что разруха в деле снабжения армии порождает в войсковых массах глубокое недовольство, переносимое массой на командный состав и войсковые организации, бессильные что-либо сделать».²⁶

На вопрос, что же следует предпринять, чтобы армия обрела вновь былую боеспособность, ответил не Керенский, и не Алексеев. Ответил, как ни странно, Троцкий. И ответил весьма своеобразно.

«Правительство Российской Республики, – требовательно бросил он в зал, – через головы империалистических правительств должно обратиться ко всем фактически воюющим народам о немедленном прекращении войны и заключении мира. Мы верим, что народ ответит немедленным перемирием. Если же бы этого не случилось, то мы, большевики, стали бы самы-

ми ярыми оборонцами. И уж поверьте, мы бы повели войну по-настоящему...

Мы бы заставили всю страну напрячь всё своё внимание, отдать все свои силы и все средства для войны. Мы бы отобрали в тылу все сапоги и послали их на фронт. Мы бы оставили буржуйам корки хлеба, а хлеб отправили на фронт. Произвели бы строгую ревизию всего имеющегося в стране и строго его распределили».²⁷

Однако при всей важности дилеммы «мир или война», члены Предпарламента выяснением лишь того, как же удержать оборону, ограничиться не смогли. Неизбежно затронули и иные проблемы. Внешней политики, отношений с союзниками. Но, главным образом, содержание наказа М.И.Скобелеву, направляемому в Париж. На конференцию союзных стран, призванную загодя, еще до победы, решить все территориальные споры. Потому-то членам Предпарламента и пришлось коснуться национального вопроса. Вернее, того, как толковать, как понимать лозунг «право наций на самоопределение». Применительно к Европе вообще и к России в частности.

Вышедший на трибуну П.Н.Милюков раскритиковал и саму идею Стокгольмской конференции, и суть наказа. Повёл речь вроде бы о весьма далёком, мало касающемся судеб России. О будущей принадлежности Эльзаса и Лотарингии, итальянских областей Австро-Венгрии, её же Боснии и Герцеговины, Трансильвании, болгарской Добруджи. Только затем бросил авторам документа упрёк, более напоминающий тяжкое обвинение в отсутствии патриотизма – «Ведь наказ Скобелеву начинается с самоопределения Литвы и Латвии!».²⁸ Мол, русским социалистам будущее, что трёх русских губерний, что австрийских, то есть вражеских, провинций – всё едино.

Первым поспешил возразить бывшему министру иностранных дел Ф.И.Дан, один из лидеров РСДРП (м). Правда, чтобы выйти из неловкого положения, ему пришлось прибегнуть к формулировке своего идейного противника Сталина. Растилка, что позиция «революционной демократии», то есть меньшевиков и эсеров, относительно Литвы и Латвии состоит отнюдь не в отстаивании для них такой же независимости, какую возвестили для Польши. Самоопределение, подчеркнул он, не есть независимость. Для успеха классовой борьбы всем трудящимся выгодно связь с великой революционной Россией. И именно такая тактика и предполагается социалистами.

Не преминул Дан, воспользовавшись представившимся поводом упрекнуть самого Милюкова, переложив вину за проис-

шедшее в Вильне на его партию. «Когда литовский сейм, – напомнил он, – провозгласил желательность отделения Литвы от России, во главе этого движения оказались не трудящиеся классы Литвы, а кадет Ичас». И добавил, защищая свою позицию: «Революционная внешняя и внутренняя политика есть самое лучшее средство противодействовать отделению национальностей, поддержанному кадетом. Отделению, которым спекулирует Германия».²⁹

Следующим вступил в полемику видный деятель кадетской партии П.Б.Струве. Для начала всю ответственность за развал вооружённых сил, за тяжкое положение, в котором оказалась страна, целиком и полностью возложил почему-то на революцию. Пояснил: «Единственный инструмент мира – армия... Сейчас мы дальше от мира, чем были в начале революции. Наша программа – неприкосновенность и целостность нашей территории, и только власть, которая будет стоять на почве такого понимания войны, будет пользоваться нашим признанием».³⁰

Теперь отстаивать наказ пришлось старому вождю эсеров В.М.Чернову. Отстаивать путано, маловразумительно. Пытаюсь лишь с помощью софистики доказать недоказуемое. Что, с одной стороны, действительно, под самоопределением Польши следует понимать независимость, а Литвы и Латвии – также независимость. Но, с другой стороны, по твёрдому убеждению его однопартийцев, самоопределение якобы отнюдь не является неременным условием для отторжения или обособления, даже для независимости.³¹

На том непродолжительное обсуждение национального вопроса, уйдя в чисто теоретические дебри, завершилось. Так и не привело не то чтобы к оценке реальной ситуации на Украине, в Крыму, Поволжье, Туркестане, но даже просто к упоминанию о том. Обусловило же такую отрешённость пришедшее со слишком большим опозданием понимание того, что война для России закончилась.

Именно к такому заключению ещё в конце сентября пришли собравшиеся на квартире Г.Н.Трубецкого видные кадеты и прогрессисты А.А.Нератов, Б.Э.Нольде, М.В.Родзянко, Н.В.Савич, Н.А.Маклаков, М.А.Стахович, П.Б. Струве, В.Д.Набоков. Даже они, рьяные, непоколебимые, казалось, оборонцы, признали необходимым в дальнейшем во внешней политике ориентироваться только на всеобщий мир.³² А в десятых числах октября, на частной встрече только кадетов, П.Н.Милюков, А.М.Шингарёв, М.С.Аджемов, В.Д.Набоков, Ф.Ф.Кокошкин выслушали военного министра М.А.Верховского по его настоятельной просьбе.

«Верховский, – вспоминал Набоков всего полгода спустя, – заявил, что он хотел бы знать мнение лидеров к.-д. по вопросу о том, не следует ли немедленно принять все меры (в том числе воздействие на союзников) для того, чтобы начать мирные переговоры. Затем он стал мотивировать своё предложение и развернул отчасти знакомую нам картину полного развала армии, отчаянного положения продовольственного дела и снабжения вообще, гибель конского состава, полную разруху путей сообщения, с таким выводом: «При таких условиях воевать дольше нельзя, и всякие попытки продолжать войну только могут приблизить катастрофу».

«Милюков и Шингарёв, – продолжает Набоков, – сразу обрушились на Верховского. Мне пришлось молчать, тем более что как бы ни была обоснованна и доказательна аргументация Верховского, его собственная несостоятельность была слишком очевидна, и ожидать от него планомерной и успешной деятельности в этом сложнейшем и деликатнейшем вопросе было невозможно...

Разговор закончился тем, что Верховский спросил: «Таким образом, я не могу рассчитывать на вашу поддержку в этом направлении?», и, получив отрицательный ответ, встал и раскланялся. А на другой день в вечернем заседании комиссии по военным делам Совета республики /Предпарламента – **Ю.Ж.**/ повторил в дополненном виде свою аргументацию с теми же выводами». ³³

Второй, ещё более веской причиной, заставившей Предпарламент так и не принять решений по каким бы то ни было проблемам, стала его откровенная неуверенность в своих властных полномочиях. Начиная с середины октября, все столичные газеты стали писать о готовящемся выступлении большевиков. Об их твёрдом намерении созвать очередной съезд Советов, который и отрешит Временное правительство вместе с Временным советом Российской Республики от власти. Возьмёт её на себя.

Писали газеты, что созыв съезда наметили на 20 октября, но по какой-то причине отсрочили. Правда, совсем ненадолго, всего на несколько суток.

Днём 24 октября (6 ноября) на трибуну Предпарламента неожиданно для его членов поднялся Керенский. Всегда экзальтированный, взвинченный, истеричный, на этот раз – отрешённый, подавленный, как бы покорный судьбе. Произнёс слишком длинную, постоянно вдаваясь в малозначащие подробности, речь. Явно контрастирующую с тем, что по его же словам происходило в Петрограде.

В последнее время, – медленно говорил премьер, – вся Россия и, в особенности, население столицы было встревожено открытыми призывами к восстанию, которые делались со стороны безответственной, отколовшейся от революционной демократии, я бы сказал, крайней – не в смысле направления, но крайней – в смысле отсутствия разума, части демократии...

Призывы к восстанию ежедневно помещались в газетах «Рабочий путь» и «Солдат», и вместе с тем начались приготовления к действительной попытке ниспровержения существующего государственного строя путём вооружённого восстания».

Описав в мельчайших подробностях тех, кого он назвал «врагами народа», Керенский поведал столь же хорошо известное всем. Что после открытой пропаганды восстания и его подготовки «группа, именующая себя большевиками», приступила к действиям. Еще 21 октября (3 ноября) разослала некий приказ о неисполнении распоряжений командного состава и военных властей без утверждения их присланными в полки комиссарами Петроградского революционного штаба.

Военные власти, продолжал Керенский, признали это распоряжение преступным и потребовали в самый кратчайший срок отказаться от него. Кроме того, по его, Керенского, личному указанию военные власти, хотя и могли приступить к немедленным и решительным действиям, но сочли возможным дать большевикам время, чтобы отказаться от своих намерений. «Мы, – пытался маловразумительно объяснить глава правительства столь странное бездействие, – должны были сделать это ещё и потому, что никаких реальных последствий этого приказа в первые сутки его объявления в войсках не наблюдалось...»

«В настоящее время, – продолжал Керенский, – прошли все сроки, и мы того заявления, которое должно было быть сделано в полках, не имеем. Наоборот, имеется обратное явление, а именно, самовольная раздача патронов и оружия, а также вызов двух рот на помощь революционному штабу. Таким образом, я должен установить перед Временным советом полное, явное и определённое состояние, известное части населения Петербурга как состояние восстания...

В настоящее время, когда государство от сознательного или бессознательного предательства погибает, Временное правительство и я, в том числе, предпочитаем быть убитыми и уничтоженными, но жизнь, честь и независимость государства мы не предадим... Временное правительство могут упрекать в слабости и чрезвычайном терпении, но, во всяком случае, никто не имеет права сказать, что Временное правительство за всё вре-

мя, пока я стою во главе его, прибегало к каким бы то ни было мерам воздействия раньше, чем это грозило непосредственной опасностью и гибелью государству».³⁴

Продолжало Временное правительство бездействовать, проявляя редкостное, самоубийственное безволие и на следующий день, ставший для него, как и для Предпарламента, последним.

Утром 25 октября (7 ноября) в Петрограде повсюду появилось воззвание «К гражданам России». Оно уведомляло об уже свершившемся: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов – Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона».

К концу того же дня, в 22 часа 40 минут, открылся, наконец, Всероссийский съезд Советов. Второй по счёту. Прежде всего, объявил о взятии всей полноты власти в стране, а также принял собственное, программное воззвание:

«СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ

– предложит немедленно демократический мир всем народам и немедленное перемирие на фронтах.

Она обеспечит

– безвозмездную передачу помещичьей, удельной /бывшей императорской семьи – **Ю.Ж./** и монастырской земель в распоряжение крестьянских комитетов;

– отстоит права солдата, проведя полную демократизацию армии;

– установит рабочий контроль над производством;

– обеспечит созыв Учредительного собрания;

– озаботится доставкой хлеба в город и предметов первой необходимости в деревню;

– обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение».

Сразу же самое основное (то, что ждала страна с марта месяца, что обещали, только обещали, меньшевики и эсеры, что только что прокламировали) закрепили законодательно, в форме декретов – о мире, о земле.

Своё тридцатичасовое заседание съезд завершил избранием постоянно действующего органа – Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК). Многопартийного – включившего 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 меньшевиков-интернационалистов, 3 украинских социалистов и 1 эсера-максималиста. Сформировал однородное правительство Совет Народных Комиссаров, как решили теперь называть

министров. С председателем В.Ульяновым (Лениным). Одним из пятнадцати народных комиссаров – председателем по делам национальностей – утвердили И.В.Джугашвили (Сталина). Сочли именно его, и только его, наиболее отвечающим данному посту.

2. Первый фронт. Украинский

Казалось, вот теперь-то Сталин и сможет развернуться. Вполне самостоятельно, уже не оглядываясь на обязательные для него решения партии, станет отстаивать собственные взгляды, претворять их в жизнь. И по собственно национальному вопросу, и по его производной – административному устройству страны. Но так лишь казалось...

В отличие от всех без исключения остальных Наркоматов, только Сталин не получил готового министерского аппарата. Действовавшего бы прежде не один год, давно отлаженного. Пусть даже и с пока занимавшимися саботажем чиновниками. Только Наркомнац приходилось создавать на совершенно пустом месте. А потому вместо разработки основополагающего – следует ли народам России предоставлять автономию, а если и следует, то кому именно, в какой форме – Сталину предстояло, прежде всего, заняться скучной, рутинной административной работой.

К счастью, её удалось избежать. Свои услуги наркому предложил ставший его первым сотрудником С.С.Пестковский. Поляк по национальности. Примкнувший к революционному движению ещё во время учёбы в гимназии. К тридцати пяти годам прошедший каторжную тюрьму, ссылку, эмиграцию. В июне 1917 года вернувшийся в Россию и успевший поработать в Петроградском Совете профсоюзов, секретариате ЦК РСДРП(б). В октябрьские дни по поручению Военно-революционного комитета занявший столичный телеграф и десять дней остававшийся его комиссаром. Ещё три дня управлявший Государственным банком. И вот, 8 (21) ноября, сменивший место службы.

Позднее Пестковский вспоминал о тех днях:

«Я отправился к Сталину.

– Товарищ Сталин, сказал я, – вы – народный комиссар по делам национальностей?

– Я.

– А комиссариат у вас есть?

– Нет.

- Ну, так я вам «сделаю» комиссариат.
- Хорошо! Что вам для этого нужно?
- Пока только мандат на предмет «оказывания содействия».
- Ладно!

Здесь не любящий тратить лишних слов Сталин удалился в управление делами Совнаркома, а через несколько минут вернулся с мандатом». ³⁵

Пестковский нашёл в одной из комнат Смольного свободный стол и два стула и прикрепил на стене лист бумаги с надписью «Народный комиссариат по делам национальностей». Чуть позже, в декабре, сформировал и первые структурные части наркомата, названные предельно просто – комиссариаты польский, литовский. А спустя месяц – ещё и армянский, мусульманский, белорусский, еврейский.

Тем временем на свет появились два, весьма странных по содержанию, правительственных, но скорее пропагандистских, нежели законодательных, акта. Подписанных Лениным и Сталиным. Первый, от 2 (15) ноября – «Декларация прав народов России». Не содержащая ничего нового по сравнению с пунктом воззвания Второго съезда Советов, говорившем о праве наций на самоопределение. Всего лишь повторявшая соответствующую резолюцию Апрельской конференции РСДРП(б).

Начиналась «Декларация» с осуждения царской «позорной политики натравливания» одного народа на другой, которую отныне заменит иная – «политика добровольного и честного Союза народов России». А далее шло пояснение: «Только в результате такого союза могут быть спаяны рабочие и крестьяне народов России в одну революционную силу». Но столь выдержанное в духе марксизма чисто классовое толкование неожиданно сменялось исключавшими его лозунгами.

В основу деятельности, указывала «Декларация», Совет Народных Комиссаров решил положить следующие начала: «1. Равенство и суверенность народов. 2. Право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. 3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений».

Так, выборочно повторив резолюцию Апрельской конференции, «Декларация» почему-то обошла более важное положение. То самое, на котором всегда настаивал Сталин, которое вынуждены были принять, как собственное программное, меньшевики – право на самоопределение не означает обязательности, безусловности отделения.

Содержался в «Декларации» и ещё один необычный по изложению для её авторов пункт. «4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России».³⁶ Ведь без раскрытия того, что подразумевалось под «свободным развитием», вполне могло сложиться превратное впечатление. Мол, в правах восстанавливается та самая пресловутая национально-культурная автономия, против которой всегда решительно выступали и Ленин, и Сталин.

А две недели спустя, 20 ноября (3 декабря), за подписями опять же Ленина (главы правительства), и Сталина (наркома по делам национальностей), появился ещё один необычный для лидеров большевиков акт. Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Исходившее из грезившегося Г.Е.Зиновьеву ещё в апреле: «Истомлённые войной народы Европы уже протягивают нам руку, творя мир... А далёкая Индия, та самая, которую веками угнетали «просвещённые» хищники Европы, подняла уже знамя восстания, организуя свои Советы депутатов».

Обращение не ограничилось лишь столь фантастической картиной событий за рубежом, выдававшей желаемое за действительность.

«Мусульмане России, – призывало оно, – татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты /казахи и узбеки – **Ю.Ж.**/ Сибири и Туркестана, турки и татары /азербайджанцы – **Ю.Ж.**/ Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те, чьи мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России!

Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными.

Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно, вы имеете на это право».³⁷

Словом, вновь речь шла о той самой национально-культурной автономии. Только о ней, ни о чём более.

Легко заметить, что оба правительственных акта выглядели так, словно авторы их ничего не знали о происшедшем после марта 1917 года. В Эстонии и Латвии, на Украине и в Крыму, Поволжье и Туркестане, на Северном Кавказе. Там, где задолго до появления и «Декларации», и обращения местные националисты явочным порядком или при поддержке Временного правительства уже добились всего того, что теперь им только пообещали. Обрели либо самоуправление, либо такую автономию, за которой могло последовать лишь провозглашение полной независимости.

Не менее примечательна и ещё одна настораживающая особенность обоих документов. В них ни разу не упомянули ни об автономии, ни о федерации. О том, без чего все последние месяцы не обходилось ни одно заявление националистов. Не были упомянуты те самые понятия, которые, по сути, автоматически превращали Россию из унитарного государства в федеративное. В то самое, против которого решительно выступал Сталин. И отношения к которому он никак не мог не проявить, выразить в той или иной форме.

Столь странные особенности (или несуразности?) неизбежно вынуждают задать вопрос: а были ли подписавшие оба акта Ленин и Сталин действительно их авторами? А если нет, то кто же оказался столь неосведомлённым о поистине судьбоносных новостях? Ответ может быть только один – Ленин. Ведь он вместе с Зиновьевым с начала июля по конец октября скрывался, находился в глубоком подполье. Да, регулярно получал исчерпывающую информацию о планах и действиях партии. Но занимался, опять же вместе с Зиновьевым, исключительно научной работой. Писал теоретические труды, в частности объёмистую книгу «Государство и революция», не затрагивавшие национальные проблемы.

Сталин же, в отличие от Ленина, не просто находился в гуще событий. Изучал и постоянно анализировал новости. Свидетельство тому его публицистика, многочисленные статьи, пестрящие ссылками на газеты всех политических направлений. В том числе и на кадетскую «Речь», скрупулёзно следившую за положением на национальных окраинах, за всем, что могло свидетельствовать об угрозе распада страны.

Но теперь приходится отвечать на новый, также неизбежный вопрос. Почему же Сталин, зная обо всём происшедшем, либо стал соавтором обоих актов, либо просто поставил под ними подпись?

Для начала сделаем предположение. Скорее всего, текст «Декларации» и обращения готовил Зиновьев в соавторстве с Лениным. Слишком уж напоминает их содержание всё то, о чём оба они, но главным образом Зиновьев, и говорили на Апрельской конференции, и писали в более поздних статьях. Однако Зиновьев по ряду причин подписать акты никак не мог. Во-первых, он не вошёл в Совнарком. Оставался до конца года всего лишь членом ЦК. Во-вторых, после злосчастного инцидента – публикации в газете меньшевиков-интернационалистов «Новая жизнь» частного мнения (как его, так и Каменева) о желательности отсрочить взятие большевиками власти – видимо, счёл появление

своей подписи под официальными актами слишком нарочитым. Свидетельствующим о слишком поспешном желании «примазаться» к новому руководству, оказавшемуся правым в вопросе о дате революции.

Потому-то, как можно предположить с большой степенью вероятности, Ленин и Зиновьев упростили, уговорили Сталина поставить под написанными ими «Декларацией» и обращением своё имя. А так как акты никакого практического значения не имели, являлись откровенно пропагандистскими, Сталин и подписал их.

Такое, скорее всего нелёгкое, решение ставило Сталина в ложное положение. Не позволяло сразу и открыто отречься от сути документов. Вместе с тем не освобождало его как наркома и от необходимости чётко, предельно ясно сформулировать правительственную линию в национальном вопросе. Изложить соответствующие ей планы государственного устройства (если страна останется унитарной), или переустройства (при федерализации).

Чтобы избежать ненужных осложнений с товарищами по партии, Сталин прибёг к обычному в таких случаях приёму. Воспользовался первым предоставившимся поводом, которым стал съезд социал-демократической рабочей партии Финляндии. Приехал в Гельсингфорс, но не как нарком, а как член Политбюро ЦК РСДРП(б). Выступил 27 (14) ноября с короткой речью, в которой и объяснил, уточнил собственную позицию.

«Нас пугали, – начал излагать Сталин собственную «декларацию» по национальному вопросу, – развалом России, раздроблением её на многочисленные независимые государства. При этом намекали на провозглашённое Советом Народных Комиссаров право наций на самоопределение как на пагубную ошибку».

Именно так, используя безличную форму глагола «провозглашение», Сталин и отстранился (вполне демонстративно) от сути документа, под которым стояла и его подпись. А далее прояснил и иное, причину своего формального авторства «Декларации»: «Я должен заявить самым категорическим образом, что мы /здесь он уже не отделял себя от Совнаркома – **Ю.Ж.**/ не были бы демократами, я не говорю уже о социализме, если бы не признали за народами России права на свободное самоопределение».

Итак, Сталин использовал только термин «самоопределение», отказавшись дополнить его: «до отделения и образования самостоятельного государства». Собственно, то же самое он сказал

ещё и в первой фразе – «нас пугали развалом России». И тут же пояснил, о чьей же независимости вообще может идти речь.

«Я заявляю, что мы изменили бы социализму, если бы не приняли всех мер для восстановления братского доверия между рабочими Финляндии и России. Но всякому известно, что без решительного признания за финским народом права на свободное самоопределение восстановить такое доверие невозможно. И важно здесь не только словесное, хотя бы и официальное, признание этого права. Важно то, что это словесное признание будет подтверждено Советом Народных Комиссаров на деле, оно будет проведено в жизнь без промедления».

На том свои пояснения Сталин не закончил. «Добровольный и честный союз, – использовал он, наконец, слова. «Декларации», – финляндского народа с народом русским! Никакой опеки, никакого надзора сверху над финляндским народом! Таковы руководящие начала политики Совета Народных Комиссаров».³⁸

Вместе с тем выступление Сталина содержало и нечто странное, необъяснимое. Он, посланец только что победившей большевистской партии и один из её лидеров, не просто обещал, а гарантировал независимость стране, где всего полмесяца назад провалилась попытка пролетарской революции.

В ночь на 14 (1) ноября в Великом Княжестве началась всеобщая забастовка – по решению Гельсингфорского Совета рабочих организаций и Центрального революционного комитета Финляндии, за которыми стояли вожди социал-демократической партии. На рассвете отряды Рабочей (Красной) гвардии заняли все стратегические пункты финской столицы, но так и не решились разогнать «буржуазные» сейм и сенат, сформировать революционное правительство. Ограничились немногим. Потребовали исполнить закон верховной власти, принятый ещё 18 (5) июля, установить 8-часовой рабочий день и провести местные выборы.³⁹

Сталин не скрыл нежелания поддерживать революцию в Финляндии. А потому вскоре ему пришлось объяснять своё «классовое отступничество». Сказать 22 декабря (4 января) на заседании ВЦИКа: «Буржуазная печать заявляет, что мы привели страну к полному развалу, потеряли целый ряд стран, в том числе и Финляндию. Но, товарищи, мы её потерять не могли, ибо фактически она никогда не являлась нашей собственностью».

Обращаясь же к сторонникам леворадикального курса, мечтавшим о начале мировой революции хотя бы с Финляндии,

подчеркнул: «Нет на свете такой силы, которая заставила бы отказаться Совет Народных Комиссаров от своих обещаний. Это мы доказали тем фактом, что совершенно беспристрастно отнеслись к требованиям финской буржуазии и немедленно приступили к изданию декрета о независимости Финляндии».⁴⁰

Логично было бы ожидать от Сталина, а вместе с тем и Совнаркома, проявления такого же отношения к Украине. Тем более, что там у власти находились не буржуазные партии, а социалистические – эсеры и социал-демократы.

Ещё до того, как Временное правительство пало, в Киеве 20 октября (2 ноября) открылся Третий Всеукраинский войсковой съезд. Выступая при его открытии, М.С.Грушевский, предвосхищая события, объявил: главной задачей самого ближайшего времени станет провозглашение Украинской Народной Республики.⁴¹ А 25 октября (7 ноября), сразу же после получения из Петрограда известий о переходе власти к Советам, в Киеве самочинно возник некий Краевой комитет по охране революции. Объявил себя ответственным не перед Временным правительством, а почему-то перед Генеральным секретариатом.

Правда, все деяния неизвестно кем образованного комитета практически ограничились выпуском воззвания, провозгласившего объединение всех «украинских» губерний. Помимо Волынской, Подольской, Киевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, ещё и Екатеринославской, Херсонской, Таврической (но без Крыма), отныне обязанных подчиняться только Центральной Раде, к которой якобы перешла вся гражданская и военная власть.

28 октября (10 ноября) Комитет самораспустился, передав свои функции Генеральному секретариату. Вечером того же дня Третий войсковой съезд поспешно принял резолюцию, полностью отвечавшую призыву Грушевского, брошенному неделей ранее. «Исходя, – гласила она, – из принципа полного, ничем не ограниченного права наций на самоопределение, мы требуем от своего высшего органа, Центральной Рады, немедленно провозгласить Украинскую Демократическую Республику в этнографических границах Украины».⁴²

Между тем ещё накануне объединённое заседание киевских Советов рабочих и солдатских депутатов заявило о своей полной поддержке Второго Всероссийского съезда Советов и для закрепления его власти на Украине сформировало революционный комитет. В ответ командующий войсками Киевского военного округа генерал Квецинский, оставшийся верным Временному правительству, вызвал для «умиротворения» города и

«наведения порядка» в нём части Чехословацкого корпуса, расквартированные в губернии. Не дожидаясь их прибытия, решил ликвидировать угрозу большевистского переворота в зародыше и отдал приказ об аресте членов революционного комитета.

Однако арест привёл к иному, нежели ожидал Квецинский. К вооружённому восстанию сторонников Советов – красногвардейцев завода «Арсенал» и других предприятий Киева, солдат артиллерийского парка, понтонного батальона и даже двух рот украинского полка им. Хмельницкого. Не имея руководящего центра, не располагая хоть каким-нибудь планом действий, в течение трёх дней они сопротивлялись превосходящим силам гарнизона. Включавшим три юнкерских училища, школу прапорщиков и два полка донских казаков. Только слишком явное неравенство заставило повстанцев к концу 31 октября (13 ноября) сложить оружие.

Тем временем, воспользовавшись ситуацией, город незаметно заняли украинские части – полки им. Хмельницкого и им. Полуботка, батальон им. Шевченко и полк, срочно сформированный из делегатов Войскового съезда. Штаб округа, узнав о том и не без оснований опасаясь подхода выступившего из Жмеринки 2-го армейского корпуса неизвестной политической ориентации, отказался от борьбы. Передал Центральной Раде власть в Киеве.

Поначалу националисты не стали открыто проявлять свои намерения. 3 (16) ноября Генеральный секретариат уведомил:

«Центральное правительство всей России не имеет возможности управлять государственной жизнью. Целые края остались без руководящих центров. Поэтому растёт разруха политическая, хозяйственная и общественная... Компетенция Генерального секретариата расширяется на все те губернии, где большинство населения составляют украинцы. Поэтому Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии (без Крыма) включаются в территорию единой Украины...

Всякие слухи и толки о сепаратизме, об отделении Украины от России – это или контрреволюционная пропаганда, или обыкновенная обывательская неосведомлённость. Центральная Рада и Генеральный секретариат твёрдо и ясно заявили, что Украина должна быть в составе Российской Федеративной Республики как равноправное государственное тело. Современное политическое положение этого решения ничуть не меняет».⁴³

А неделю спустя, 7 (20) ноября, уже Центральная Рада выступила с точно таким же, по сути, заявлением, Третьим Универсалом. Практически ставившим Петроград перед свершившимся фактом – взятии ею всей полноты власти в пределах девяти губерний.

«Отныне Украина, – возглашал Универсал, – становится Украинской Народной Республикой. Не отделяясь от Российской Республики и сохраняя единство с нею /выделено мной – **Ю.Ж.**/, мы твёрдо встаём на земле нашей, чтобы собственными силами помочь всей России стать федерацией равных и свободных народов.

До Учредительного собрания Украины вся власть – творить согласие на землях наших, устанавливать законы и руководить – принадлежит нам, Украинской Центральной Раде, и нашему правительству, Генеральному секретариату. Имея силу и власть на родной земле, мы этими силой и властью встанем на охране законности и революции не только в нашей земле, но и во всей России:

Также извещаем:

К территории Украинской Народной Республики относятся земли, населённые, в основном, украинцами – Киевская, Подольская, Волынская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Екатеринославская, Херсонская, Таврическая (без Крыма) губернии. Окончательно границы Украинской Народной Республики с присоединением частей Курской, Холмской, Воронежской губерний и других смежных областей, где большинство населения составляют украинцы, будут установлены после выражения организованной воли народа».

Тем самым, Рада претендовала уже не только на широчайшую автономию, да ещё и на не мыслимой ранее огромной территории, но и на ведущую, руководящую роль при формировании нового государственного устройства всей страны.

Ещё один раздел Универсала заставлял усомниться в том, что речь идёт всего лишь об автономии:

«Четвёртый год на фронтах льётся кровь, и понапрасну гибнут силы всех народов мира. Волей и именем Украинской Республики мы, Украинская Центральная Рада, твёрдо стоим на том, чтобы мир был восстановлен как можно скорее. И потому решительно настаиваем на том, чтобы центральное правительство заставило бы и союзников, и противников немедленно начать мирные переговоры».

Завершался же Третий Универсал установлением дат выборов в украинское Учредительное собрание – 27 декабря (9 января), и созывом его – 9 (22) января 1918 года.⁴⁴

... Сталин вернулся из Гельсингфорса в Петроград 15 (28) ноября. Сразу же узнал не только о содержании «Уведомления» Генерального секретариата и Третьего Универсала. Узнал и о готовности наркома по просвещению А.В.Луначарского пере-

дать представителям Центральной Рады реликвий украинского народа – булав, полковых знамен, бунчуков, грамот, пушек. Словом, всего привезенного в столицу Российской Империи после упразднения Екатериной II гетманства. На следующий день Сталин поспешил сделать в Совнаркоме заявление. Предложил не торопиться с возвращением исторических ценностей, ибо оно стало бы фактическим признанием не только Центральной Рады, но и возникновения Украинской Народной Республики.

19 ноября (2 декабря) Сталин вновь выступил на заседании правительства. На этот раз – с аргументированным докладом, результатом которого стали три поручения, данные ему. Сформировать особую комиссию для переговоров с представителями Рады и ответа им – в неё, помимо Сталина, вошли нарком по иностранным делам Л.Д.Троцкий и Луначарский. Выяснить реальное положение дел на Украине, в случае необходимости воспользовавшись прямым проводом (телетайпом). И подыскать кандидата для поездки в Киев, как уполномоченного Совнаркома – наиболее подходящим для такой миссии сочли Г.Е.Зиновьева, уроженца Херсонской губернии.⁴⁵

29 ноября (12 декабря) особая комиссия Сталина внесла на рассмотрение ВЦИКа проект сразу же утверждённого решения, практически отклонившего возвращение исторических реликвий.

«Представители Всеукраинской Рады, – отмечала преамбула декрета, – просили, чтобы передача была сделана в их руки, однако в мандатах этих представителей не была предусмотрена сама передача, и не было нового обращения к Совету Народных Комиссаров как к законной верховной власти в России... Ввиду этого, а также и резкой формы, в которой представители Рады вели дальнейшие переговоры с народными комиссарами, принята следующая резолюция:

Дальнейшие переговоры о сроке и порядке передачи реликвий вести с украинской фракцией Центрального Исполнительного Комитета, и официальную передачу совершить в руки доверенного лица этой фракции».⁴⁶

Так стало окончательно понятно, что же имел в виду Сталин, выступая в Гельсингфорсе за две недели перед тем. Да, можно было согласиться с независимостью Польши, Финляндии. В конце концов они всегда являлись чужеродными для страны. Всегда стояли особняком, жили собственной жизнью, никогда не ощущая себя неотъемлемой частью России. Более того, всегда противились такому представлению. Но вот Украина...

Разумеется, вполне возможна определённая автономия для шести губерний, в основном сельскохозяйственных, с преобла-

данием крестьянского населения, говорящего на местном диалекте. С чересполосицей национальностей – украинцев (они же малороссы), поляков, русских, евреев. Но говорить не то чтобы о независимости, о даже минимальной территориальной автономии уже девяти губерний, да ещё при планах присоединить к ним по меньшей мере ещё три, где на власть претендовала Центральная Рада, было просто невозможно. Потому Третий Универсал и требовал незамедлительного ответа. Отнюдь не дипломатического, нет. Предельно жёсткого, волевого. Хотя бы для того, чтобы затея киевских сепаратистов не привела к цепной реакции таких же заявлений на всех национальных окраинах.

Своё отношение к событиям на Украине Сталин изложил 17 (30) ноября. В ходе переговоров по прямому проводу с Киевом. С С.С.Бакинским, членом бюро Юго-Западного областного комитета (объединял большевистские организации Киевской, Волынской, Подольской, Черниговской и Полтавской губерний), и с членом ЦК Украинской РСДРП, членом Центральной Рады и Генерального секретариата, секретарём труда Н.В.Поршем.

Начал Сталин с «признания за нациями права на полное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Но напомнил о том не ради того, чтобы поддержать позицию Центральной Рады, нет. Для иного. Чтобы растолковать – такие решения может принимать только народ, а отнюдь не политики, выступающие от его имени.

«Воля нации, – объяснял Сталин, – определяется путём прямого референдума или через национальные конституанты /учредительные собрания – **Ю.Ж.**/. Если воля нации выражается в пользу федеративной республики, то правительство /Совнарком – **Ю.Ж.**/ ничего против этого не может иметь». И добавил, повторив сказанное в Гельсингфорсе относительно Финляндии: «Что касается автономии, скажем – Украины, то она должна быть полной, не стеснённой комиссарами. Сверху недопустима никакая опека и никакой надзор над народом украинским».

Что же это – готовность признать положения Третьего Универсала? Ничуть. Как и прежде, в марте, Сталин отказывался от мысли о распаде страны. Только теперь, под давлением конкретных обстоятельств, вынужден был использовать для сохранения целостности России систему Советской власти. Повсюду, без малейшего исключения для какой-либо территории.

«Власть в крае /на Украине – **Ю.Ж.**/, – откровенно заявил Сталин, – как и в других областях должна принадлежать всей сумме рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, включая сюда и организации Рады... Мы /Совнарком – **Ю.Ж.**/ все думаем, что

абсолютно необходим съезд представителей рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины. Нам непонятно то недоверие, с которым тов. Порш относится к идее такого съезда. Мы полагаем, что вы – киевляне, одесситы, харьковчане, екатеринославцы и прочие – должны взяться за созыв такого съезда. Конечно, совместно с Центральной Радой. Если Центральная Рада откажется кооперировать с вами в этой области, что кажется нам маловероятным, то созвать его без Рады. Власть Советов должна быть принята на местах. Это та революционная заповедь, от которой мы не можем отказаться...

Ещё раз повторяю наше общее мнение: немедленно созвать краевой съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на Украине. Вопросы о Советской власти в центре и на местах не допускают никаких уступок. Иного способа образования краевой власти и иной её формы я себе не могу представить. Мне непонятно недоверие Рады к идее Советской власти».

Лишь после такого пояснения и вместе с тем прямого указания, как надлежит действовать, Сталин позволил себе дать политическую оценку Раде. Счёл её явно недемократическим учреждением. Это «понятно из того, – пояснил он, – что Центральная Рада сверху присоединяет к себе всё новые и новые губернии, не спрашивая жителей этих губерний, хотят ли они войти в состав Украины. Мы все здесь думаем, что в таких случаях вопрос должен и может быть решён лишь самим населением путём опросов референдума и проч. Поскольку Центральная Рада этого не делает, а совершенно произвольно и сверху аннексирует новые губернии, она сама разоблачает себя как организацию не демократическую».

«Съезд Советов Украины, – подвёл Сталин итог сказанному, – должен дать, между прочим, мнение о способе опроса населения по вопросу о принадлежности к той или иной области».⁴⁷ Иными словами, полагал нарком по делам национальностей, дело оставалось за небольшим – созывом съезда Советов на Украине. Он-то и позволит распутать тугой узел проблем, созданных киевскими сепаратистами. Ради чего, собственно, направили на юг Зиновьева, но что ему так и не удалось сделать своевременно.

Но в ещё большей степени помешали созвать съезд тогда, в середине ноября, события, разыгравшиеся в Могилёве, в Ставке. Изменившие общую ситуацию в стране, и не в лучшую сторону. Положившие, собственно, начало Гражданской войне.

Исполняя давнее желание народа, а вместе с тем и настойчивое требование к «центральной власти», выраженное в Тре-

тем Универсале, Совнарком направил 7 (20) ноября Верховному Главнокомандующему русской армии генерал-лейтенанту Н.Н.Духонину предписание обратиться к командованию германских и австро-венгерских вооружённых сил с предложением приостановить боевые действия. На следующий день, уже нотами Наркомата по иностранным делам, всем союзным странам было также предложено установить перемирие на всех фронтах и немедленно начать мирные переговоры. Тем Совнарком повторил (чуть ли не дословно) обращение папы Бенедикта XV, направленное им еще 1 августа ко всем воюющим народам.

Послы стран Антанты решили на ноты не отвечать и отныне в какие-либо официальные отношения с Совнаркомом не вступать. В свою очередь, руководители военных миссий при Ставке выразили Духонину протест в связи с нарушением Россией союзнических обязательств решать вопрос о перемирии только по взаимному соглашению. Правда, со своим демаршем они опоздали. За неисполнение предписания Духонина сместили с поста, заменив Н.В.Крыленко, одним из трёх «со-наркомов» по военным и морским делам.

Между тем, германское командование ухватило за возможность существенно облегчить положение хотя бы на одном своём, Восточном, фронте. Поспешило согласиться приступить к переговорам, начавшимся 20 ноября (3 декабря) в Брест-Литовске. В тот же день Крыленко занял Ставку и стал свидетелем зверской расправы сопровождавших его матросов с Духониным. Стало известно Крыленко и иное. Прежний главковерх позволил находившимся в тюрьме города Быхова (неподалёку от Могилёва) руководителям августовского мятежа генералам Корнилову, Деникину, Лукомскому, Эрдели и Маркову бежать в Новочеркасск. Под защиту Донского войскового правительства генерала А.Н.Каледина, ещё 25 октября (7 ноября) отказавшегося признать Советскую власть. У которого теперь появился новый, весьма веский повод для вооружённого противостояния Петрограду (видимо, для того он и отозвал с фронта пять казачьих дивизий) – переговоры с противником.

Тем самым, стратегическое значение территории, на которую претендовала Центральная Рада, резко возросло. Ведь для того, чтобы подавить мятеж на Дону, требовалось перебросить войска по железной дороге, и непременно через Харьков. Киевские же власти всё решительнее отстранялись от всего происходившего в России – 23 ноября (6 декабря) секретарь по военным делам Петлюра довёл до сведения Крыленко откровенно сепаратист-

ское постановление Генерального секретариата, принятое на основании резолюции Центральной Рады:

«События, совершившиеся в Ставке главковерха, нарушили оперативную связь с фронтом, что угрожает украинской территории опасностью. Принимая во внимание всякие возможности, вплоть до подписания условий мира, начатые переговоры о перемирии требуют объединения и координирования этого дела на всём Украинском фронте и единства его для соблюдения условий перемирия обеими воюющими сторонами. Только при этих условиях вся территория Украинской Народной Республики может быть действительно защищена.

Ввиду этого Генеральный секретариат объявляет фронты Юго-Западный и Румынский единым Украинским фронтом, входя по отношению к Румынскому фронту в соглашение с румынским правительством и автономной Молдавией, и ставя этот единый фронт во всём объёме задач и работ под общее своё руководство, уведомляя об этом Ставку главковерха для координирования Украинского фронта с остальными фронтами Российской Республики».

Так, Центральная Рада вполне сознательно и преднамеренно использовала то, на чём же сама настаивала. Под предлогом начавшихся переговоров (всего лишь о перемирии) сделала всё, чтобы осложнить задачу российской делегации в Брест-Литовске и вместе с тем облегчить роль немецкой стороны – разрушила, пусть и предельно слабый, не имеющий сил продолжать борьбу, но всё же единый, а потому и представляющий угрозу для Германии и Австро-Венгрии, фронт. Не довольствуясь тем, Рада поспешила предельно ослабить силы Северного и Западного фронтов русской армии.

«Генеральный секретариат, – продолжало его постановление, – уведомляет все украинские войсковые части на всех фронтах, что им принимаются все меры для перевода украинских частей с других фронтов на фронт Украинский, считаясь с общим положением фронта. Все части не украинские на Украинском фронте должны знать, что оборона Украинского фронта защищает также и единство всего фронта всей России и даёт возможность осуществить мир в интересах всех народов России.

Ввиду этого неукраинские войсковые части должны добросовестно и честно выполнять свои обязанности в отношении охраны Украинского фронта, ибо общая защита защищает общие интересы народов всей России. В этой общей работе по охране всего фронта будут принимать участие дружеская и братская румынская армия и части молдавских войск.

Объявляя перемирие на Украинском фронте именем Украинской Народной Республики, Генеральный секретариат считает необходимым дальнейшую работу в отношении немедленного осуществления мира вести в согласии с союзными державами». ⁴⁸

Таким откровенным по содержанию постановлением Рада давала понять всем, и особенно своим оппонентам, Сталину, Совнаркому, что отныне она больше не будет скрывать своих намерений. Начинает вести собственную политику. Без оглядки на Петроград. Активную. Сразу по нескольким направлениям.

Создавая (пусть лишь на бумаге) собственный «фронт», Рада сразу добивалась весьма многого. Для начала – того, на что прежде не только не могла надеяться, как бы того ей ни хотелось, но и не имела ни малейшего юридического основания. Получала право выступать на переговорах, становясь как бы воюющей державой. Признаваемой не только Берлином, Веной, Софией и Стамбулом. Ещё и румынским правительством. Потерявшим контроль над большей частью своей страны, оккупированной немецкими войсками. В военном и экономическом отношениях полностью зависевшим от сильного соседа, которым неожиданно стала Украина. Присвоившая управление тремя русскими армиями, составлявшими основу Румынского фронта, и Одесским военным округом, тылом этого фронта, где были расквартированы 25 запасных полков, то есть 6 дивизий.

Добилась Рада признания своей суверенности (хотя, всего лишь, де-факто), заодно приобретя и первого союзника, уже три дня спустя. 26 ноября (9 декабря) в Фонтанах, где генерал-лейтенант фон Морген (от имени Германии), генерал Лупеску (от имени Румынии) и генерал-лейтенант А.К.Келчевский (от имени Украины) подписали акт о перемирии на Румынском фронте. ⁴⁹ Первый – такого рода – с начала мировой войны.

Тогда же обозначилась и истинная внешнеполитическая ориентация Рады. Прокламированное ею в постановлении от 23 ноября намерение добиваться мира совместно с Антантой на деле обернулось явным подыгрыванием Берлину. Выразилось то в упорном стремлении ослабить силы Северного и Западного фронтов, оставленных Киевом Петрограду, и так с величайшим трудом противостоящих натиску немецких войск. Именно с такой целью и потребовал Петлюра ультимативно от Крыленко пропустить на юг 21-й корпус, заявивший о своём подчинении Раде. Вместе с тем, всячески препятствовал тот же Петлюра передислокации на северный, «русский» участок Германского фронта, тех частей, которые не пожелали «украинизироваться».

Подобная тактика оказывалась на руку только Германии, позволяя ей перебросить ненужные теперь дивизии с Восточного фронта на Западный.

Подобными методами Рада попыталась заодно и дискредитировать Совнарком перед Парижем и Лондоном. Превращала его в сознательного пособника, если не союзника, Берлина. Между тем А.А.Иоффе, председатель российской делегации в Брест-Литовске, и стремился к обратному. Выдвинул как неперемненное условие ведения переговоров, помимо «очищения островов Моонзунда», то есть отвода немецких частей на старые, дооктябрьские, позиции, ещё и «непереброску войск на другие фронты». Указывал, что для Советской России «дело идёт о перемирии на всех фронтах», и потому задачу свою он видит в «привлечении к переговорам правительств всех воюющих стран в целях обеспечения всеобщего мира». ⁵⁰

Не довольствуясь лишь тем, Рада одновременно попыталась объединить, а если получится, то и возглавить, все возникшие за последние месяцы на окраинах России националистические самозванные «правительства», представлявшие только себя. С этой целью 25 и 26 ноября (8 и 9 декабря) Генеральный секретариат направил ноты: Великой Белорусской Раде; молдавскому Совету края (Сфатул цэрий); Крымской Директории, сформированной татарским Курултаем; Юго-Восточному союзу казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, образовавшему 16 (29) ноября в Екатеринодаре своё правительство во главе с генерал-майором М.А.Богаевским; Закавказскому краевому комиссариату, преобразованному 15 (28) ноября из Закавказского особого комитета, детища Временного правительства. Не удовольствовавшись столь небольшим кругом адресатов, Генеральный секретариат направил ноту ещё и в Томск, где только что начала заседать Сибирская Областная Дума.

Всем им Рада предложила «образовать по принципу федеративному однородное социалистическое правительство». Предложила, по сути, начать раздел страны по национальному и, вдобавок ко всему, ещё и по территориальному признаку. Исходила притом из ложного представления о слабости Совнаркома, его неспособности (как, видимо, твёрдо верили в Киеве) противостоять неизбежному распаду России.

«В настоящее время, – бездоказательно утверждала нота, – когда совершенно определённо выяснилась невозможность нормальной работы Учредительного собрания, при отсутствии общепризнанной всероссийской власти, которая действовала бы правомерно, установление правительства, опирающегося на авторитет вновь возни-

кающих республик, равно как и на всю социалистически мыслящую демократию России, является крайне необходимым».

Понимая, что никто не станет «покупать kota в мешке», нота содержала и «основы будущего федеративного государства Российского», которые украинский народ мыслит обязательными для всех частей федеративной России;

«К числу таких общегосударственных основ Генеральный секретариат относит республиканское и действительно демократическое устройство каждого государства России, свободу совести, личности, слова, печати, собраний, стачек, неприкосновенность жилища и пр. В то же время Генеральный секретариат стоит на принципе полного взаимного невмешательства в политическую жизнь федерирующихся республик, поскольку таковые не выходят за пределы вышеуказанных основ.

Поэтому правительство Украинской Народной Республики считает преступными попытки сокрушить право на внутреннюю независимость каждой из республик России. Генеральный секретариат будет решительно бороться с узурпаторами чужих прав в случае, если попытки эти будут направлены против истинно демократических и свободных республик России.

Если таковое понимание основ федеративного строя разделяется всеми республиками, если и там мыслимо создание условий, вполне допускающих возможность немедленного действительного проведения в жизнь указанных политических свобод, то Генеральный секретариат не предвидит никаких реальных препятствий для деятельного строительства, совместно со всеми республиками России, нового федеративного правительства, имея в виду, в ближайшую очередь, создание благоприятных условий для работы Учредительного собрания, а также для скорейшего проведения в жизнь общеевропейского демократического мира».⁵¹

Положительный ответ Рада получила только от правительства Донской области.

3. Жребий брошен

Далеко не случайно на преступное по смыслу предложение Рады первым, но и последним, откликнулся генерал Каледин. Именно ему, как никому другому, союз с украинскими националистами сулил весьма многое, если не всё. Возможность снять с передовой пять казачьих дивизий, которые позволили бы ему обеспечить независимость Дона, если не от России, то, во всяком случае, от давления не признанного им Совнаркома, необхо-

димости выполнять его постановления и декреты. Обеспечивал проезд этих дивизий через территорию Украины, несмотря на неоднократные протесты Крыленко, призванного как главковерх отвечать за стабильность и боеспособность фронта, особенно во время начавшихся в Брест-Литовске переговоров. А ещё можно было совместно с Радой поделить Воронежскую губернию, на территорию которой претендовали и Киев, и Новочеркасск.

Центральная Рада от поддержки Дона также выигрывала, и немало. Обеспечивала себе надёжное прикрытие от вполне возможного наступления сил Совнаркома с востока. Получала, как ей казалось, время для создания настоящей армии. Призванной заменить подозрительно быстро «украинизировавшиеся», на деле деморализованные, распропагандированные большевиками полки и корпуса.

По приказу Петлюры с 20 ноября (3 декабря) одновременно начались и демобилизация солдат (русских), и формирование профессиональных – «сердюčkih» – дивизий. Двух пехотных и одной кавалерийской. В которых, как и в царское время, запрещался выбор комитетов, вводилась строжайшая дисциплина, устанавливалось единоначалие офицеров. Обнаружив острый недостаток в украинском по национальности командном составе, созданный тогда же Петлюрой собственный Генеральный штаб обратился с призывом к русским офицерам, и даже юнкерам, встать на защиту Украинской Народной Республики, вступив в её армию.

Несмотря на столь очевидно негативную для Петрограда ситуацию в Киеве, Совнарком всё ещё считал своими основными противниками мятежные казачьи области, Донскую и Оренбургскую. Но для установления там своего контроля правительство Советской России могло направить верные части только с фронта, причём непременно через территорию, где господствовала Рада. И потому Троцкий, уже взявший в свои руки вопросы не только внешней политики, но и обороны, потребовал от Крыленко «немедленно двинуть по направлению к Москве /главный железнодорожный узел – **Ю.Ж.**/, Ростову-на-Дону и Оренбургу такие силы, которые, не колебля наш фронт, были бы достаточно могущественны, чтобы в кратчайший срок стереть с лица земли контрреволюционный мятеж казачьих генералов». Поручил «запросить Украинскую Раду – считает ли она себя обязанной оказывать содействие в борьбе с Калединым, или же намерена рассматривать продвижения наших эшелонов на Дон как нарушение своих территориальных прав».

В тот же день, 24 ноября (7 декабря), Петлюра в разговоре по прямому проводу с советским главковерхом ушёл от прямого

ответа. «Вопрос о том, что же происходит на самом Дону, — заметил он, — следует проверить, дабы не вызвать лишних, а может быть и опасных конфликтов».⁵²

Тогда-то киевские большевики во второй раз образовали Военно-революционный комитет. Были уверены, что не только легко свергнут Раду, но и созовут, как их к тому настойчиво призывал Сталин, Краевой съезд Советов. Однако действовали столь беспечно, что о таких планах сразу же стало известно и Раде, и Генеральному секретариату. В ночь с 29 на 30 ноября (с 12 на 13 декабря) всех членов ревкома арестовали, председателя (Л.Л.Пятакова, брата Г.Л.Пятакова) зверски убили, а солдат гарнизона, принявших сторону ревкома, разоружили и вывезли из города.

Устранив потенциальную политическую оппозицию, Рада поспешно назначила на 4 (17) декабря съезд Советов, организовав его на свой лад. Делегировала в его состав 670 делегатов от националистического Крестьянского союза (Селянской спилки) и 950 — от «украинизированных» воинских частей. Они же послушно избрали своим председателем М.С.Грушевского и единодушно одобрили всё, что делала прежде и что намеревалась делать Рада.

Такие события и вынудили Совнарком к решительным мерам. 2 (15) декабря на его заседании выступил Сталин, после чего и было принято менявшее всё постановление: «1. Войска против Каледина продвинуть через Украину, не считаясь с последствиями. 2. Официально признать независимость Украинской Республики Советов с конфискацией земли у помещиков».⁵³

Ничего, разумеется, не зная о таком решении, Петлюра в свою очередь отважился на крайний шаг. 3 (16) декабря подписал «Обращение к украинским войскам Юго-Западного и Румынского фронтов». В нём же в очередной раз попытался оправдать сепаратизм, ставший основой всей политики Рады.

«Петроградское правительство народных комиссаров, — утверждал киевский военный министр, — с каждым днём показывает неспособность вести армию Российской Республики к миру и устроению жизни исстрадавшихся народов России. Солдаты в окопах и в тылу голодают, одежды не хватает, лошади падают от недостатка провианта. Неумелыми распоряжениями так называемых народных комиссаров окончательно расстроены пути сообщения, и нет надежды, чтобы Верховный Главнокомандующий смог наладить дело подвоза хлеба и фуража».

Нарисовав столь безрадостную и удручающую картину всеобщей разрухи, Петлюра не захотел объяснить, что досталась она

в наследство от царского режима и Временного правительства. Но лишь такой подтасовкой фактов он не ограничился. Вполне сознательно умолчал и о собственных, слишком настойчивых, требованиях «украинизации» армии. Ни слова не сказал и о своих домогательствах перемещать национальные части с одних фронтов на другие. В частности, о конфликте с Крыленко по поводу дислокации 21-го «украинского» корпуса. Сдерживавшего немецкие силы у Вольмара (Валмиеры) – последнего препятствия для противника на пути ко Пскову и Петрограду. Преднамеренно обвинял в том большевиков.

«От этого /нехватки продовольствия, фуража и обмундирования – **Ю.Ж.**/ голодные и мёрзнувшие солдаты принуждены бежать со своих постов и открывать фронт перед неприятелем, который ещё не заключил с нами перемирия /и опять Петлюра шёл на сознательный подлог, «забыв» и о сепаратном, «украинском», перемирии на Румынском фронте, и об общем, подписанном накануне советской делегацией в присутствии представителей Рады – **Ю.Ж.**/. Генеральный секретариат, как правительство Украинской Народной Республики, не может относиться к этому безучастно».

Далее министр повторил решение полуторанедельной давности об образовании из Юго-Западного и Румынского фронтов объединённого, Украинского. Подчинённого лишь Киеву. Только теперь не в военно-стратегических, а во внешнеполитических целях.

«Генеральный секретариат заявляет, – пафосно продолжал Петлюра, – что с этого дня берёт дело перемирия в свои руки и будет вести его самым решительным образом, причём будет иметь в виду интересы трудового народа, а также честь и достоинство революционных армий – украинской и всероссийской. Принимая во внимание единство фронта всей России и необходимость единообразия в условиях перемирия на всех фронтах, Генеральный секретариат будет употреблять все усилия, чтобы в этом важном для всей России деле быть в контакте со Ставкой Верховного Главнокомандующего как техническим центром всей российской армии. Однако Генеральный секретариат считает необходимым объявить войскам Украинского фронта, что всякие распоряжения Ставки Верховного Главнокомандующего могут иметь силу только при условии прохождения их через Генеральный секретариат Украинской Республики».

Вот так, не больше и не меньше! Ставка отныне – всего лишь «технический центр», а дело мира, дело перемирия, уже до-

стигнутого с огромным трудом в Брест-Литовске, полностью берёт на себя Генеральный секретариат и лично он, Петлюра. Не довольствуясь тем, военный министр Рады снова пошёл на сознательный обман – солдатской массы. Ничего не сообщая о начатом формировании сердюцких дивизий, пообещал тем, кто останется в рядах украинской армии, все блага «национальной демократии».

«Чтобы достигнуть достойного революционных войск перемирия, – растолковывал Петлюра, – а также для того, чтобы как можно скорее заключить демократический мир, необходим порядок на фронте, который, как всем известно, неумелыми распоряжениями народных комиссаров совершенно разрушен, отчего страдают больше всего солдаты. Генеральный секретариат в ближайшие дни издаст устав о реорганизации армии на новых, демократических началах, имеющих в виду равенство всех войсковых чинов, несущих тяжёлую службу защиты своей земли. До издания же устава, немедленно после оглашения сего, для координирования работы командного состава с выборными организациями должны быть организованы комиссариаты из представителей национальных и областных /т.е. украинских и неукраинских – **Ю.Ж.**/ войск. Военно-революционные комитеты должны незамедлительно передать этим комиссариатам свои полномочия».

В заключение Петлюра вернулся к тому, что действительно являлось самым главным, и не только для солдат. «Мир должен быть заключён, – настаивало «Обращение», – как можно скорее. Все вышеуказанные меры направлены к этой для всех дорогой и желанной цели, а потому Генеральный секретариат, как орган власти солдат, рабочих и крестьян Народной Украинской Республики, заявляет: кто будет препятствовать ему в осуществлении этой цели и намеченных мероприятиях, тот является врагом интересов солдат, рабочих и крестьян Украины, а с врагами демократии Генеральный секретариат умеет бороться».⁵⁴

Именно так, вполне преднамеренно извращая факты, Петлюра пытался заручиться поддержкой солдатской массы. Внушить тем, от кого в конечном счёте зависело не только будущее, но и само дальнейшее существование Рады, что именно она, Рада, и радеет об интересах народа. Только она стремится к скорейшему заключению мира, пытаясь сохранить для того стабильность фронта. Мешают же тому народные комиссары из далёкого и «чуждого» им Петрограда. А потому любую попытку Совнаркома или подконтрольного ему Крыленко вмешаться в события на Украине следовало рассматривать

как покушение на самое дорогое – возможность очень скоро заключить мир.

Тем временем Совнарком счёл необходимым довести до всеобщего сведения суть своего решения от 2 (15) декабря. Достаточно понятно сформулировать своё отношение к политике, проводимой Радой. 3 (16) декабря советское правительство поручило Ленину, Троцкому и Сталину подготовить немедленно, до конца заседания, необходимое заявление, названное, в конечном счёте, «Манифестом».

Хотя данный текст готовили трое, подписи под ним почему-то поставили только Ленин и Троцкий. Может быть, для придания большей категоричности содержавшимся в нём угрозам. И всё же авторство отдельных смысловых разделов «Ультиматума» установить довольно просто – по содержанию. Так, первые три абзаца, безусловно, подготовил Ленин. Повторил в них то, о чём именно он говорил и писал в последние месяцы.

«Мы, – щедро, как всегда, обещал премьер, – Совет Народных Комиссаров, признаём Народную Украинскую Республику, её право отделиться от России или вступить в договор с Российской Республикой на федеративных или тому подобных взаимоотношениях между ними. Всё, что касается национальных прав и национальной независимости украинского народа, признаётся нами, Советом Народных Комиссаров, тотчас же, без ограничений и безусловно».

Далее следовало два абзаца, в которых видна оригинальная позиция не кого-либо, а только Сталина. Та, что была высказана им недавно в Гельсингфорсе: «Против Финляндской Республики, которая остаётся пока буржуазной, мы не сделали ни одного шага в смысле ограничения национальных прав и национальной независимости финского народа, и не сделаем никаких шагов, ограничивающих национальную независимость какой бы то ни было нации из числа входящих и желающих входить в состав Российской Республики».

И сразу же, без малейшего логического перехода, повторялось недавнее заявление Сталина в разговоре по прямому проводу с Киевом: «Мы обвиняем Раду в том, что, прикрываясь национальными фразами, она ведёт двусмысленную буржуазную политику, которая давно уже выражается в непризнании Радой Советов и Советской власти на Украине. Между прочим, Рада отказывается созвать по требованию Советов Украины съезд украинских Советов немедленно».

Затем следовал текст, который, судя по решительности, в равной степени могли написать и Сталин, и Троцкий, но только не Ленин:

«Эта двусмысленная политика, лишаящая нас возможности признать Раду как уполномоченного представителя трудящихся и эксплуатируемых масс Украинской Республики, довела Раду в самое последнее время до шагов, означающих уничтожение всякой возможности соглашения.

Такими шагами явились:

1. Дезорганизация фронта. Рада перемещает и отзывает односторонними приказами украинские части с фронта, разрушая, таким образом, единый общий фронт до размежевания, осуществимого лишь путём организованного соглашения правительств обеих республик.

2. Рада приступила к разоружению советских войск, находящихся на Украине.

3. Рада оказывает поддержку кадетско-калединскому заговору и восстанию против Советской власти, ссылаясь заведомо ложно на автономные будто бы права Дона и Кубани».

Завершался же «Манифест» по всем правилам, присущим не такого рода документам, а лишь ультиматумам:

«В настоящее время, ввиду всех вышеизложенных обстоятельств, Совет Народных Комиссаров ставит Раде перед лицом народов Украинской и Российской республик следующие вопросы:

1. Обязуется ли Рада отказаться от попыток дезорганизации общего фронта.

2. Обязуется ли Рада не пропускать впредь без согласия Верховного Главнокомандующего никаких воинских частей, направляющихся на Дон, на Урал или в другие места.

3. Обязуется ли Рада оказывать содействие революционным войскам в деле их борьбы с контрреволюционным кадетско-калединским восстанием.

4. Обязуется ли Рада прекратить все свои попытки разоружения советских полков и рабочей Красной гвардии на Украине и возвратить немедленно оружие тем, у кого оно было отнято.

В случае неполучения удовлетворительного ответа на эти вопросы в течение сорока восьми часов, Совет Народных Комиссаров будет считать Раду в состоянии открытой войны против Советской власти в России и на Украине».⁵⁵

Легко заметить, что ни один из пунктов ультиматума не затрагивал политического положения на Украине, не ставил под сомнение право Рады на руководство краем. Более того, даже война, которая могла возникнуть, должна была считаться не между Россией и Украиной, а между Радой и Советской властью, как на Украине, так и в России.

Опубликовали ультиматум в официозе, газете «Известия», 6 (19) декабря, но ещё в ночь на 3 (16) декабря с пометкой «срочно» передали в Киев по радио. Поэтому ответ, но не Рады, а Генерального секретариата, то есть правительства правительству, поступил задолго до истечения предусмотренного срока – вечером 4 (17) декабря. Его демонстративно отправили не в Петроград, а в Ставку. На имя Верховного Главнокомандующего.

Авторы ответа, Винниченко и Петлюра, попытались воспользоваться тем, что им показалось «вопиющим противоречием» в «Манифесте». Они язвительно заметили: «Нельзя одновременно признавать право на самоопределение вплоть до отделения и в то же время грубо покушаться на это право навязыванием своих форм политического устройства самоопределившегося государства». Тем как бы предлагали Совнаркому прежде всего самому разобраться, добивается ли он осуществления им же отстаиваемого права на самоопределение, или стремится во что бы то ни стало установить Советскую власть в пределах всей России.

Винниченко и Петлюра даже не потрудились задуматься о достаточно давно и хорошо известном им. О том, что между провозглашением права на самоопределение и установлением суверенитета нового государства, признаваемого мировым сообществом, пролегает тернистый путь демократических процедур. Прежде всего – референдум, который только и даст возможность определить территорию, претендующую на автономию или независимость. Затем – всеобщее, равное, тайное, прямое, альтернативное голосование, выборы в верховный орган данной, пока ещё отнюдь не независимой территории. Потом – провозглашение сеймом (он же парламент) искомой независимости или автономии. И только потом – то, что называется «цивилизованным разводом». Согласованные действия по отделению.

Но тщательное исполнение такого рода процедур могло принести непредсказуемые результаты. Сузить территорию, на власть в которой Рада претендовала, до пяти, а может и меньшего числа губерний. Привести не к независимости, а только к автономии, да и то национально-культурной. Потому-то Винниченко и Петлюра вместо того, чтобы предложить Совнаркому собственный вариант решения вопроса, прибегли к весьма низкого пошиба препирательствам.

Не имея иных аргументов, попытались приписать чуть ли не всему русскому народу украинофобию. «Центральной Радой, – безосновательно утверждали они, – не удовлетворены велико-

русские элементы черносотенного, кадетского и большевистского направления, которым, вероятно, более желателен был бы иной национальный состав Рады». И, усугубляя свою предельно шовинистическую позицию, добавили: «Генеральный секретариат представляет полную возможность указанным элементам выехать из Украины в Великороссию, где их национальное чувство будет удовлетворено».

Задав такой тон своему ответу, документу сугубо официальному, чуть ли не дипломатическому, Винниченко и Петлюра уже не смогли нормально ответить ни на один из поставленных перед ними вопросов. Нисколько не сообразуясь с фактами, даже собственными прежними Универсалами и обращениями, продолжали настаивать на своём:

«Генеральный секретариат не находит возможным единственно силами украинских частей охранять всю громадную линию фронта, поэтому он уводит с Северного и Западного фронтов украинские войска на Украинский фронт».

«Генеральный секретариат... признаёт право на самоопределение каждой национальности или области вплоть до отделения, поэтому навязывать Великороссии, Дону, Уралу /Уральскому казачьему войску – **Ю.Ж.**/, Сибири, Бессарабии либо кому другому своё понимание политического управления... не находит логичным и возможным... Предлагает добровольное соглашение всех областей и народов Великороссии, Кавказа, Кубани, Дона, Крыма и др. на следующих условиях: правительство должно быть однородно социалистическим, от большевиков до народных социалистов; должно быть федералистским».

«На территории Украинской Народной Республики власть принадлежит демократии Украины. Всякое покушение вооружённой силы на эту власть будет подавляться той же силой, поэтому Генеральный секретариат, во избежание братоубийственной войны, предлагает Совету Народных Комиссаров отозвать большевистские войска из Украины... Генеральный секретариат избегает кровавых способов разрешения политических и государственных вопросов, но если народные комиссары Великороссии, принимая на себя все последствия грядущих бедствий братоубийственной войны, принудят Генеральный комиссариат принять их вызов, то Генеральный секретариат нисколько не сомневается, что украинские солдаты, рабочие и крестьяне, защищая свои права и свой край, дадут надлежащий ответ народным комиссарам».⁵⁶

Не удовлетворившись подчёркнуто вызывающим отклонением всех требований СНК, киевские сепаратисты пошли ещё дальше. Вознамерились, явно идя на обострение и без того

сложной ситуации, добиться любой ценою давно желанного. Переподчинить части и соединения Юго-Западного и Румынского фронтов Генеральному секретариату по военным делам, то есть лично Петлюре. Начиная с 4 (17) декабря стали планомерно и последовательно захватывать штабы – двух фронтов, армий, корпусов, дивизий, полков. Одновременно арестовывали всех членов военных комитетов, отказывавшихся признать власть Рады, а заодно и вообще всех большевиков.

5 (18) декабря Петлюра попытался продолжить развал русской армии, ничуть не задумываясь о том, как это повлияет на ход мирных переговоров в Бресте. В телеграмме «украинскому комиссару» уже Северного фронта безапелляционно потребовал:

«Приказываю никаких распоряжений ни прапорщика Крыленко, ни его комиссаров, ни большевистских комитетов не исполнять. Все украинцы Северного фронта подчинены Вам и войсковой фронтовой Раде через самые ближайшие свои рады. Получивши сей приказ, немедленно организуйте украинский командный состав и прочее и займите соответствующую позицию по отношению к большевистским революционным комитетам, а также по отношению к так называемым народным комиссарам, и докажите, что тот, кто поднимает руку на молодую Украинскую Народную Республику и её благополучие, найдёт в воинах-украинцах фронта решительный и твёрдый отпор. Поручаю Вам для проведения всего этого в жизнь пользоваться всеми способами, какие вызываются Вашим географическим положением по отношению к Петрограду, откуда надвигается на Украину большая угроза. Необходимо, чтобы Вы эту угрозу удержали возле Петрограда».⁵⁷

Иными словами, Петлюра потребовал от ещё даже не созданных украинских частей перейти к боевым действиям и блокировать Петроград. Расценить такой приказ иначе, как развязывание войны, да ещё и на территории России, как оказание своеобразной помощи германским войскам, и без того стоявшим чуть ли не у порога столицы, было невозможно. И потому в тот же день Троцкий телеграфом известил главковерха Крыленко об отношении Совнаркома к происходившему. Правда, проявляя свою склонность к военному руководству, оценил события только с внутриполитической позиции. Забыл, что, прежде всего, он – нарком по иностранным делам, ведущий нелёгкие переговоры с командованием вооружённых сил Германии и Австро-Венгрии.

«Мы не можем, – сообщал Троцкий в Ставку, – допустить безнаказанно такие провокационные действия... Противоречия

между нами и Радой лежат не в национальной, а в социальной области... Мы не можем сейчас ни на минуту ослабить нашу борьбу с контрреволюцией под влиянием протестов Рады... Нельзя позволить Раде безнаказанно прикрывать социальную корниловщину знаменем национальной независимости. Мы ждём от Вас решительных действий в том смысле, чтобы обезопасить наши войска на Украине от контрреволюционных посягательств Рады. Завтра мы выработаем формальное заявление по этому вопросу, но в области практических действий Вам незачем дожидаться официальной декларации». ⁵⁸

Однако решение Совнаркома последовало не «завтра», как полагал Троцкий, а в тот же день, 5 (18) декабря, и было сформулировано достаточно жёстко и решительно.

«Признав ответ Рады, – отмечало оно, – неудовлетворительным, считать Раду в состоянии войны с нами. Поручить комиссии в составе товарищей Ленина, Троцкого и Сталина принять соответствующие активные меры по сношению со Ставкой и выпустить два воззвания – к украинскому народу и солдатам. Считать эту комиссию полномочной действовать от имени Совета Народных Комиссаров». Кроме того, было решено «предоставить тов. Антонову /-Овсеев – **Ю.Ж.**/ согласно его просьбе поездку в Ставку... Прямой же задачей тов. Антонова должна явиться организация борьбы и боевых действий с Радой». ⁵⁹

Вместе с тем, уже на следующий день, как и обещал Троцкий Крыленко, в Ставку направили решение Совнаркома в несколько ином, более откровенном варианте: «Ответ Центральной Рады считаем недостаточным, война объявлена, ответственность за судьбы демократического мира, который срывает Рада, падает целиком на Раду. Предлагаем двинуть дальше беспощадную борьбу с каледицами. Мешающих продвижению революционных войск ломайте неуклонно. Не допускайте разоружения советских войск. Все свободные силы должны быть брошены на борьбу с контрреволюцией». ⁶⁰

Именно эта телеграмма, судя по стилю, скорее всего написанная Лениным, предельно ясно выражала и задачу, вставшую перед Совнаркомом, и способ её решения. Главное – переговоры в Брест-Литовске. Переговоры, которые смогут стать успешными только в том случае, если Россия сумеет хоть как-то удержать фронт, сохранив армию. И только второе – подавление мятежа на Дону. Контрреволюционного выступления, которое стало центром притяжения всех тех, кто отказывался признать власть Совнаркома. Прежде всего, генералов и офицеров, устремившихся с фронта в Новочеркасск. Но быстро сломить

сопротивление мятежников, опять же, мешали киевские сепаратисты.

Незначительный диссонанс в чёткую программу боевых действий на юге внесло кратковременное вмешательство Троцкого, на этот раз выступившего в роли уже наркома по иностранным делам. 6 (19) декабря к нему обратился почему-то всё ещё существовавший орган солдат-украинцев столичного гарнизона, Петроградская Войсковая Рада, передавшая срочное послание Генерального секретариата. Винниченко и Петлюра, хотя и были твёрдо уверены в безмерной слабости Совнаркома, всё же попытались выиграть время, несколько оттянув начало войны с Россией, и потому предложили тем, кого они отказывались признавать, «мирно урегулировать конфликт».

Нарушив договорённость от 5 декабря о коллективном принятии всех решений по Украине, Троцкий единолично не только подготовил ответ Раде, но и, воспользовавшись отсутствием Сталина на заседании правительства, утвердил его как решение Совнаркома.

Очередной документ выглядел весьма странно. Прежде всего, содержал совершенно излишние в данном случае рассуждения о чисто теоретическом положении – имеющем «принципиальный характер» условия Рады, и, в частности, то, что «право на самоопределение не составляло и не составляет предмета спора или конфликта». Источником же разногласий Совнаркома с Генеральным секретариатом Троцкий назвал только «поддержку Радой буржуазной кадетско-калединской контрреволюции». А потому признал вполне возможным соглашение с Киевом после «заявления Рады об её готовности немедленно отказаться от какой бы то ни было поддержки» мятежа на Дону.⁶¹ Тем самым Троцкий вводил и Крыленко, и Антонова-Овсеенко в заблуждение относительно целей их немедленных действий. Задерживал выступление советских сил, чего, собственно, и добивался Генеральный секретариат.

И всё же российско-украинское военное столкновение отсрочил более чем на месяц отнюдь не документ, подготовленный Троцким, и не его, мягко говоря, своеобразная позиция в данном вопросе, а иное.

Прежде всего, ещё одна попытка Винниченко использовать Петроградскую Войсковую Раду, которой он и поручил начать от имени Генерального секретариата официальные переговоры с так и не признанным им Совнаркомом. 7 (20) декабря добровольные посредники обратились на этот раз к Сталину с просьбой принять их. Однако нарком от беседы с ними уклонился и

поспешил о происшедшем уведомить правительство. И тут же получил указание – вместе с Троцким всё же встретиться с доморощенными дипломатами. Лишь встретиться, но ни в коем случае не вступать с ними в переговоры и, тем более, не давать им какой-либо ответ или обещания.⁶²

Сталин своё отношение к Раде скрывать ни от кого не собирался. Уже 8 (21) декабря официальный орган ВЦИК газета «Известия» опубликовала его небольшую статью – «Украинская буржуазия и контрреволюция. Предельно откровенную, нелестную, ибо выражала позицию не правительства, а личное мнение одного из её членов. В ней Сталин, как недавно и ультиматум Совнаркома, и Троцкий, соединил оба гордиева узла – киевский и новочеркасский. Счёл наиболее приемлемым разорубить их одним ударом.

«Выставлять принцип самоопределения, – указал Сталин, – для того, чтобы поддержать бесчинства Каледина и политику разоружения революционных советских войск, как это делает теперь Генеральный секретариат, это значит издеваться над самоопределением и элементарными принципами демократии... В угоду врагам революции, столпившимся теперь на юге, Генеральный секретариат Рады не пропускает революционные войска против Каледина и Родзянко /бывший председатель Четвёртой Государственной Думы и – в первых числах марта – её Временного комитета в то время находился на Дону – Ю.Ж./.

Только в этом дело.

Между народами России, между русским и украинским народами нет никакого конфликта. Вместе боролись они против царизма и керенщины, вместе же доведут они нынешнюю революцию до полной победы... Конфликт существует только между Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Генеральным секретариатом Рады. Этот конфликт должен быть разрешён во что бы то ни стало. Но он может быть разрешён лишь совместной борьбой русского и украинского народов против контрреволюционных элементов в Центральной Раде».

Таким своим объяснением ситуации предвосхитил смысл и даже отчасти содержание документа принципиального значения, появившегося днём позже. Утверждённого на совместном заседании Совнаркома и ВЦИКа одного, вместо предусмотренных ранее двух, воззвания – «Украинским рабочим, солдатам, крестьянам, ко всему украинскому народу». Воззвания, поставившего, наконец, точку в слишком затянувшейся бессмысленной и бесплодной дискуссии между Киевом и Петроградом.

Вместо переговоров, которые, по мнению Генерального секретариата, должны были стать для начала фактическим признанием и равноправного по отношению к России правового положения Украины, и её властного органа, Центральной Рады, воззвание с первых же слов утверждало прямо противоположное – единство страны.

«Братья-украинцы! – отмечало воззвание. – Враги вашей и нашей свободы хотят разъединить нас. Центральная Рада примкнула к врагам Советской власти в России».

А далее объяснялись причины, и породившие конфликт, возникший не по вине Совнаркома: «Контрреволюционное движение, начатое на Дону черносотенным генералом Калединым, Центральная Рада в насмешку над здравым смыслом объявляет движением в пользу «самоопределения Дона»... Рада пошла ещё дальше... Центральная Рада ночью напала на советские революционные войска, разоружила их и выслала из Киева».

Лишь затем, как бы мимоходом, воззвание перешло к чисто юридической проблеме. К тому, что менее всего интересовало, затрагивало чувства простых людей, но весьма болезненно волновало интеллигенцию края: «Братья-украинцы! Вас уверяют, будто мы выступаем против самоопределения Украины. Это ложь. Ни на минуту не помышляем мы покушаться на права Украины. Революционный пролетариат один только заинтересован в том, чтобы за всеми народами было обеспечено право на самоопределение вплоть до отделения».

Отдав лишь тем дань привычной, даже неперменной в те дни риторике по пресловутому вопросу (в том, несомненно, сказавшись на настойчивость одного из соавторов документа, Сталина), воззвание перешло к наиважнейшему.

«Украинские рабочие! – растолковывало оно. – Ваши интересы предают капиталистам. Украинские солдаты! Вас восстанавливают против общероссийской солдатской семьи. Вас втягивают в преступную междоусобную войну в интересах украинских помещиков. Украинские крестьяне! Вы не увидите земли, не увидите воли, если отделитесь от рабочих и солдат России...

Центральная Рада делает всё возможное, чтобы посеять рознь между нами и украинцами. Но мы и в этот момент ещё раз заявляем вам – Советская власть стоит на страже национальных свобод ваших, как и всех народов, населяющих Россию».

Воззвание не только констатировало сложившееся положение и оперировало лозунгами классовой борьбы. Предлагало оно и конкретный план действий трудящимся южного края.

«Требуйте, – советовало оно, – немедленного переизбрания Рады. Требуйте перехода всей власти на Украине к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пусть в Советах преобладают украинцы. Пусть и у вас укрепится Советская власть, единственно способная обеспечить интересы рабочих, солдат и крестьян».⁶³

Петроград не ограничивался словами. Ещё в разгар полудиبلوماسية переписки, 6 (19) декабря, началось формирование трёх военных отрядов, что по требованию Ставки ни в коем случае не должно было оголить ни один из участков Германского фронта. Первого Минского, Р.И.Берзиня – включившего 17-й, 19-й, 60-й стрелковые полки, 37-й запасной, 132-й отдельный артиллерийский дивизион и три пулемётных команды. Северного летучего, Р.Ф.Сиверса – полторы тысячи солдат из различных запасных полков с шестью орудиями и тремя броневидами. Первого Петроградского сводного, Ховрина – матросы и красногвардейцы на двух бронепоездах.

Двинулись они не на Киев, кратчайшим путём (с Западного фронта – через Чернигов, с Северного – через Брянск и Бахмач), а в обход тех губерний, которые Рада полагала частью Украинской Республики, на Харьков. Для того чтобы как можно скорее установить контроль над железными дорогами, связывающими фронт с Доном. И тем воспрепятствовать уходу с передовых позиций казачьих полков, устремившихся в родные станицы, и групп офицеров, отказывавшихся признавать советскую власть.

9 (22) декабря три отряда, объединённые в Южный революционный фронт с главнокомандующим В.А.Антоновым-Овсеенко и начальником штаба полковником М.А.Муравьёвым, заняли Харьков. Находившиеся там 2-й Украинский и Чигиринский полки, а также расквартированный в Купянске, в ста километрах от губернского центра, Запорожский полк не оказали сопротивления и сдались без боя. В последующие дни советские войска продолжили наступление по линии железной дороги Харьков – Лозовая – Синельниково – Александровск (ныне Запорожье), завершив блокаду Донской области с севера и запада.⁶⁴

Успешные действия частей Южного революционного фронта, отрезавших Раду от её потенциального союзника – Войска Донского, не заставили её хоть сколько-нибудь смягчить непримиримую сепаратистскую позицию, и потому напряжённость между Петроградом и Киевом ничуть не ослабевала. Красноречиво подтверждала то опубликованная 13 (26) декабря в «Правде» большая статья Сталина «Ответ товарищам украинцам в тылу и на фронте».

Появление статьи свидетельствовало и об ином. О том, что Сталина в те дни проблема Украины волновала более других. Ей ведь он посвящал вторую за неделю публикацию. Сознательно, явно преднамеренно, иногда – даже дословно, повторил, пункт за пунктом, содержание недавнего «Воззвания». Только сделал то в развёрнутой форме, предельно просто, чуть ли не разговорным языком, чтобы вернее донести свои мысли до всех.

Ни словом Сталин не упомянул ни о собственно автономии Украины, ни о её территории, которую центральная власть могла бы признать. Только – о самом главном. О возможности подавить мятеж на Дону:

«Между украинским и русским народами нет и не может быть конфликта... Конфликт возник не между народами Украины и России, а между Советом Народных Комиссаров и Генеральным секретариатом Рады».

«Мы за самоопределение народов, но мы против того, чтобы под флагом самоопределения протаскивали контрабандой самодержавие Каледина, ещё вчера ратовавшего за удушение Финляндии».

«Вопрос о централизме и самоопределении не имеет отношения к конфликту с Радой... Конфликт начался с приказов фронту члена Генерального секретариата Петлюры, грозивших полной дезорганизацией фронта... Конфликт начался приказами Петлюры, был обострён политикой Генерального секретариата, начавшего разоружение Советов депутатов Украины. Конфликт дошёл до высшей точки, когда Генеральный секретариат наотрез отказался пропустить революционные войска Советов против Каледина».

Завершил же Сталин статью несколько иначе, нежели «Воззвание».

«Говорят, – писал он, – о необходимости соглашения Совета Народных Комиссаров с Генеральным секретариатом Рады. Но разве трудно понять, что соглашение с нынешним Генеральным секретариатом есть соглашение с Калединым и Родзянко? Разве трудно понять, что Совет Народных Комиссаров не может пойти на самоубийство?..

Одно из двух:

либо Рада порвёт с Калединым, протянет руку Советам и откроет дорогу революционным войскам против контрреволюционного гнезда на Дону, и тогда рабочие и солдаты Украины и России закрепят свой революционный союз новым взрывом братания,

либо Рада не захочет порвать с Калединым, дорогу революционным войскам не откроет, и тогда Генеральный секретариат

Рады добьётся того, чего тщетно добивались враги народа, т.е. пролития крови братских народов».⁶⁵

Однако накануне публикации статьи неожиданно пришёл третий вариант ответа, не предусмотренный Сталиным. И пришёл не из Киева, а из Харькова.

...Ещё 4 (17) декабря Генеральный секретариат имитировал «съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины». Подобрал для него две с половиной тысячи воинствующих националистов, готовых своим именем подтвердить полномочия Рады. Те не только не замедлили выразить поддержку и самой Раде, и её политике, но ещё и приняли вызывающе оскорбительную резолюцию:

«Мы осуждаем централистские намерения Московского (Великорусского) правительства, которое, ведя дело к войне между Московщиной /так в тексте! -Ю.Ж./ и Украиной, грозит разорвать федеративные связи, к которым стремится украинская демократия».⁶⁶

130 действительно избранных, а не подобранных депутатов – большевики и левые эсеры – в знак протеста покинули Киев и уехали в Харьков. Крупнейший промышленный центр края, где 11 (14) декабря открывался 3-й съезд Советов Донецкого и Криворожского бассейнов (то есть Харьковской и Екатеринославской губерний). Включились в его работу, почему с общего согласия съезд областной и переименовали во Всеукраинский. Тот же поспешил избрать как высший орган власти края временный ЦИК во главе с украинским социал-демократом И.Г.Медведевым и принял манифест «Ко всем рабочим, крестьянам и солдатам Украины». В нём возвестил о лишении всех прав как Рады, так и её Генерального секретариата. Ни словом пока не упомянув ни о формах будущих взаимоотношений с Петроградом, ни о той территории, на которую собирался распространить свою юрисдикцию, возвестил лишь о том, что счёл самым важным. О намерении» обратиться к Совету Народных Комиссаров с заявлением, что войны между Украиной и Россией быть не может».⁶⁷ И сделал то уже на следующий день, 13 (26) декабря, радиотелеграммой:

«Вновь созданная народная власть Народной Украинской Республики ставит своей неперемнной задачей не только избежать столкновения, вызванного прежней Радой, но и направить все силы на создание полного единения украинской и великорусской демократий». А далее уточнялось: «ответ, данный прежней Радой 4 декабря на ультиматум Совета Народных Комиссаров, дан ею не от имени украинского народа, а от имени лишь тех не-

значительных кругов украинской буржуазии, интересы которых она защищала... Центральный Исполнительный Комитет Советов Украины уверен, что дело не дойдёт до пролития крови, что шовинистическо-националистический угар, созданный Радой, прекратится».⁶⁸

Но перед тем, 12 (25) декабря, съезд наконец посчитал необходимым всё же прояснить свои отношения с Петроградом. Резолюцией «Об организации Советской власти» поручил ЦИКу «немедленно распространить на всей территории Украинской Республики все декреты и распоряжения рабоче-крестьянского правительства федерации /т.е. Совнаркома -Ю.Ж./, имеющие общее для всей федерации значение». Иными словами, тем признал вхождение Украины в состав Российской Федеративной Советской Республики. И уточнил: «установить между рабоче-крестьянским правительством Российской Федерации, а также правительствами отдельных частей России и рабоче-крестьянским правительством Украины полную согласованность целей и действий, необходимую в интересах рабочих и крестьян, народов Российской Федерации, исходя из принципа, что правильными и нормальными эти взаимоотношения могут быть только в случае, если правительства всех частей России будут органами власти рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».⁶⁹

Во второй резолюции, «О самоопределении Украины», утверждённой в тот же день, разъяснил принципиальную разницу между взглядами своими и Рады. «Съезд, – провозглашал документ, – будет бороться за самоопределение Украины в интересах рабочих и крестьян, за их господство, за отмену всяких национальных ограничений, всякой национальной вражды и ненависти, за Украинскую рабоче-крестьянскую республику, основанную на тесной солидарности трудящихся масс Украины, независимо от их национальной принадлежности, с трудящимися массами всей России».⁷⁰

Тем самым съезд безоговорочно признал и поддержал идеи, изложенные не столько в «Декларации прав народов России», сколько в разговоре Сталина по прямому проводу 17 (30) ноября с Н.В.Поршем и С.С.Бакинским, ставшим в советском правительстве края, Народном секретариате, ответственным за межнациональные дела.

Однако о территории уже советской, рабоче-крестьянской Украины, о том, какие же губернии составляют её, на съезде так и не было сказано ни слова. Случайно ли?

Столь благоприятные вести из Харькова позволили Ленину, Троцкому и Сталину вздохнуть с облегчением. Ещё бы, ведь

теперь у Рады появился не менее опасный, с её точки зрения, противник, нежели Россия. Противник, столь же законно, как и она сама, претендующий на власть в Киеве и всём крае. Зато у Петрограда появилась свобода политического манёвра. И потому он, не порывая окончательно с Генеральным секретариатом, занял предельно осторожную позицию в своём ответе харьковскому ЦИКу.

«Совет Народных Комиссаров, – говорилось в нём, – обещает новому правительству братской республики полную и всестороннюю поддержку в деле борьбы за мир, а также в деле передачи всех земель, фабрик, заводов и банков трудящемуся народу Украины».⁷¹

4. Эффект домино

В декабре 1917 года вполне обоснованное беспокойство Совнаркома вызывало положение не только на Украине, но и на других национальных окраинах (оказавшихся в равной степени как по эту, так и по ту сторону германского фронта), так или иначе влиявшее на ход переговоров в Бресте.

Некоторые трения между Петроградом и Гельсингфорсом возникли при официальном признании независимости Финляндии. Дело заключалось в том, что ещё в октябре непродуманная, конфронтационная политика Временного правительства привела к победе на октябрьских выборах в сейм Финляндии младофиннов. Получивших 112 мест из 200 и сразу же образовавших новую правую партию – Национально-коалиционную. Не удовлетворявшуюся гарантией признания независимости страны.

6 (19) декабря сейм не только принял постановление о государственной независимости Финляндии, но и ультимативно потребовал от Совнаркома незамедлительного вывода русских войск с отныне суверенной территории.⁷² Всех. И расквартированных в Великом Княжестве задолго до революции: 62-го армейского корпуса (четыре дивизии с приданной им артиллерией); гарнизона крепостей (и прежде всего Свеаборгской, расположенной неподалёку от Гельсингфорса); кораблей, стоявших в порту столицы, одной из баз Балтийского флота. И введённых после захвата немца и Моонзундского архипелага и сдачи Корниловым Риги: бригады 45-й дивизии, 5-й Кавказской казачьей дивизии, штаба 1-го конного корпуса. А заодно и отрядов Отдельного корпуса пограничной стражи, расположенных вдоль шведской границы.

Сейм, тем самым, не афишируя свою ориентацию на Берлин, пытался помочь германскому командованию. Создать возможность для высадки немецкого десанта на южном побережье Финляндии и «взять в клещи» Петроград. Нарушить и без того зыбкое равновесие на фронте, благодаря чему диктовать свою волю на переговорах в Бресте. Понимая всё это, Совнарком не просто отклонил такое требование. Поручил Наркоминделу «ответить, чтобы Финляндия ультиматумов не предъявляла, так как иначе будет наказана».⁷³

Мало того, несколько депутатов сейма от третьей по величине фракции, Аграрного союза, впервые в истории взаимоотношений с Российской Империей выразили, хотя и в весьма мягкой форме, недовольство существовавшей с 1809 года линией границы. Предложили Петрограду вернуть якобы некогда входившие в состав Великого Княжества Восточную Карелию, западную часть Мурманского полуострова и даже Аландские острова, испокон века населенные одними шведами.⁷⁴

Не могла улучшить только что начавшиеся отношения соседних государств и небрежность, допущенная – сознательно или невольно, по незнанию – премьером П.Свинхувудом в судьбоносном для финского народа документе. Привезённой 16 (29) декабря делегацией сейма в Петроград просьбе признать независимость Финляндии. В ней почему-то были использованы два наименования того органа, к которому и было адресовано обращение – и Совет Народных Комиссаров, и Российское правительство.

Но такой огрех оказалось устранить очень легко. Совнарком поручил своему управляющему делами В.Д.Бонч-Бруевичу «словесно довести до сведения делегации финляндского сейма о возникших в Совете Народных Комиссаров затруднениях и просить их внести в Совет новое обращение, с более ясно сформулированным обращением к Совету Народных Комиссаров как к Российскому правительству».⁷⁵

Свинхувуд не стал упорствовать, почему уже 18 (31) декабря вопрос был разрешён. Принятый в тот день Совнаркомом декрет гласил: «Войти в Центральный Исполнительный Комитет с предложением: а) признать государственную независимость Финляндской Республики; б) организовать, по соглашению с финляндским правительством, особую комиссию из представителей обеих стран для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России».⁷⁶

Спустя четыре дня, 22 декабря (4 января) ВЦИК утвердил этот декрет Совнаркома. Теперь следовало приступить к являвшимся неременной формой ««цивилизованного развода» предусмотренным «практическим мероприятиям». Одним же из них предстояло стать согласование границы. Сохранение её по прежней линии либо внесение каких-либо уточнений, серьёзных или незначительных изменений. Однако решение данной задачи началось не сразу. Лишь в феврале 1918 года, да к тому же ещё и с представителями нового, революционного правительства...

Совершенно иначе сложилось положение на неоккупированной территории Прибалтики. Действовавшие там избранные при Временном правительстве Земские советы Эстонии и Латвии пока ещё не требовали независимости. Довольствовались обрётённой национально-территориальной автономией и с момента образования занимались весьма прозаическими, но необычайно важными делами. Упрочением своей администрации и своеобразным культурным возрождением – переводом делопроизводства и школьного образования на соответственно эстонский и латышский языки. И дожидались созыва Учредительного собрания, которое, как все полагали, и разрешит проблему конструирования страны из полусамостоятельных «штатов». В том числе – Эстонского и Латвийского.

Поначалу умиротворяющую роль во взаимоотношениях Земских советов с Совнаркомом сыграло то, что Петроград способствовал завершению формирования Эстонии и Латвии в тех этнических границах, к которым они стремились. 16 (29) ноября советское правительство согласилось с предложением Нарвской думы. Утвердило «присоединение к городской территории всех прилегающих к городу населённых местностей и мануфактур», «образование Нарвского уезда» и «присоединение его к Эстляндской губернии».⁷⁷ Не стал возражать Совнарком и получив просьбу, впервые выраженную ещё 13 (26) марта, о выделении Режицкого, Люцинского и Двинского уездов, то есть Латгалии, из Витебской губернии и присоединения их к Лифляндской.⁷⁸

Относительно мирно до конца декабря складывались отношения обоих Земских советов и с явными конкурентами. С также претендовавшими на власть в обеих губерниях исполкомами – Советом рабочих и воинских депутатов Эстонии, Советом рабочих, солдатских и безземельных депутатов Латвии. Тому способствовали веские причины.

Во-первых, оба исполкома в ноябре ещё являлись частями своеобразной структуры – Северо-Западного областного объединения, охватывавшего Эстляндскую, Лифляндскую, Новгородскую и Псковскую губернии. Одного из тринадцати такого рода существовавших тогда в стране. Созданных после 29 марта (12 апреля) исключительно для оказания центром помощи в организации Советов на местах и их большевизации. Чисто классового органа, далеко не случайно в деталях повторявшего строение РСДРП(б). Почему опиравшегося не столько на пролетариат, сколько на солдатскую массу. В данном случае – на полки, корпуса и дивизии 12-й, 1-й и 5-й армий Северного фронта.

Во-вторых, Земские советы и исполкомы до некоторой степени объединяла общая застарелая ненависть к проживавшим в крае немцам. Не одно столетие угнетавшим местных жителей, хотя остававшимся национальным меньшинством. В Эстляндии и Лифляндии проживало всего 141 тысяча немцев, то есть 8% жителей обеих губерний. Тем не менее, только они могли избирать и быть избранными в ландтаги – органы местного самоуправления, существовавшие триста лет. Только они являлись крупными землевладельцами и составляли подавляющую часть горожан. Ко всему этому, с началом мировой войны в шовинистическом угаре их считали теми, кого спустя двадцать лет назовут «пятой колонной».

Наконец, до поры до времени сдерживало открытое противостояние Земских советов и исполкомов ещё и то, что националисты только начали создавать собственные вооружённые силы, на которые при необходимости и могли бы опереться. 1-й, 2-й, 3-й запасной эстонские полки и незаконные отряды милиции «Самооборона» («Омакайтсе») начали формировать лишь в конце сентября, и в начале декабря они вместе насчитывали не более 10 тысяч человек. А о поддержке Земского совета Латвии заявило всего несколько батальонов в девяти полках латышских стрелков. Оба же исполкома через Северо-Западное областное объединение фактически контролировало все три армии Северного фронта.

Лишь через месяц после победы революции Эстляндский и Лифляндский исполкомы сочли нужным стать органами власти не только советскими, но и национально-территориальными. Поступили так вынужденно, реагируя на вызывающие в канун созыва Учредительного собрания действия Земских советов. Эстонского, 15 (8) ноября провозгласившего себя «единственным носителем власти в губернии».⁷⁹ И Латышского, тогда же

объявившего о преобразовании во Временный национальный совет.

Первым сделал шаг в том же направлении Ревельский (Таллиннский) городской Совет рабочих и воинских депутатов. Принял 1 (14) постановление о выходе из Северо-Западного объединения, объявив семимесячное пребывание в нём «случайностью». Пояснил: «Эстонский край резко отличается от всех губерний области по национальным, этнографическим особенностям, а также в аграрнохозяйственном и промышленном отношениях».⁸⁰ Готовя такой акт, предварительно, 5 (18) ноября, объявил о роспуске Земского совета, а 19 ноября (2 декабря) – и его исполнительного органа, Губернской земской управы.⁸¹

Только 23 декабря (4 января) Совет рабочих и воинских депутатов Эстонии принял подготовленное губернским комитетом РСДРП(б) воззвание, которым, в частности, провозглашалось: «Посредством объявления государственной независимости Эстонии /имелось в виду ещё не сделанное – **Ю.Ж.**/ буржуазия надеется избавиться от правительства трудящихся... Не отделение от России, а самый тесный и братский союз с трудящимися России – таков в противоположность этому наш лозунг».⁸² А 31 декабря (13 января) Исполком Эстонского совета заявил, что в интересах и революции, и самого эстонского народа целесообразно оставаться «в самом тесном государственном единении с рабочим правительством России».⁸³

Аналогичное решение вскоре было принято и в Латвии. Проходивший 16-18 (29-31) декабря в Вольмаре (Валмиере) Губернский съезд Советов как итоговый документ принял декларацию. В ней, помимо наиважнейшего (о разделе помещичьей земли, о рабочем контроле, национализации банков) шла речь и об автономии. Такой, которая «не выходит за рамки принципов декретов пролетарской диктатуры России и в то же время обеспечивает самое широкое самоопределение трудовой демократии Латвии».⁸⁴ Вместе с тем, съезд потребовал: «Следует самым решительным образом бороться с любой другой властью /подразумевался Временный национальный совет – **Ю.Ж.**/, которая попыталась бы утвердиться помимо Советов или выступить от имени населения Латвии».⁸⁵

Наконец, 24 декабря (6 января) последовала и «Декларация о самоопределении Латвии». «Исполнительный Комитет Советов рабочих, солдатских и безземельных депутатов, – провозглашала она, – облечённый доверием масс, заявляет, что пролетариат Латвии никогда и нигде не выражал стремления отделиться от России, прекрасно понимая, что самостоятельность такого не-

большого народа, как латышский, в окружении империалистических держав является просто иллюзией, которая будет раздавлена как мыльный пузырь». ⁸⁶

Как Земские советы, так и исполкомы Эстонии и Латвии не без оснований дружно опасались восстановления политической и экономической власти немцев. Восстановления весной ликвидированных сословных средневековых органов, которые и позволяли национальному меньшинству сохранять своё привилегированное положение в крае. Убедительным подтверждением тому стало положение, сложившееся в Курляндии после оккупации её германскими войсками.

В октябре майор фон Гослер, исполняя приказ командующего Восточным фронтом принца Леопольда Баварского, созвал в Митаве (Елгаве) в соответствии с Курляндскими статутами 1617 года Земский совет (ландрат). Из немецкого рыцарства (дворянства), но с приглашением и латышей. 21 (9) сентября ландрат торжественно открылся принятием верноподданейшего адреса, которым просил Вильгельма II взять на себя защиту края и принять для того корону герцога Курляндского. Император противиться не стал. Ещё бы, ведь митавский адрес «почему-то» до деталей совпадал с его собственной программой. Одобрённой, ко всему прочему, на совещании Верховного командования армии при участии канцлеров Германии и Австро-Венгрии. Ещё 23 (10) апреля, в Кройцнахе, ставке Гинденбурга. С той самой программой, пункт 12-й которой гласил: «Курляндия присоединяется к нам, возможно, в форме автономии». ⁸⁷

Решением судьбы одной только губернии Прибалтийского края программа Вильгельма и его генералов не ограничивалась. Надеюсь на скорый и неминуемый полный разгром России, предreshала будущее и остальных двух: «Эстляндия и Лифляндия – автономии с правом /? – **Ю.Ж.**/ позже принять решение о присоединении к нам». ⁸⁸ А чтобы подготовить такую аннексию, 22 (9) декабря оккупационные власти собрали дворянство Лифляндии (точнее, только южной её части), Эстляндии (вернее, лишь островов Даго и Эзель), а также бюргеров Риги. Те и приняли столь нужное Берлину решение – об отделении от России всей Лифляндии.

Сходную судьбу Германия предуготовила и Литве – в соответствии со всё той же программой Вильгельма. Ей также предстояло стать составной частью Германской Империи. И для политических манипуляций в таких целях оккупационные власти поначалу создали откровенно марионеточный, не представлявший никого Совещательный совет Литвы. Только убедившись в

его полной неработоспособности, провели в Вильне, с 18 по 22 (5 – 9) сентября конференции представителей оставшихся в крае лидеров политических региональных партий. На нём и был избран как орган управления Виленской, Ковенской и Сувальской губерний Литовский совет (тариба) с председателем Президиума А. Сметоной. Три месяца спустя, 24 (11) декабря Тариба приняла декларации о воссоздании Литовского государства и аннулировании всех связей с Россией. Но о независимости столь важный акт не упоминал никоим образом. Вместо того «просил у Германии помощи и защиты», высказывался за «весомые, твёрдые союзнические связи Литовского государства с Германией, которые, прежде всего, должны получить выражение в конвенциях – военной, в области связи и путей сообщения, в общности пошлин и валюты».⁸⁹

Настойчивое стремление аннексировать часть территории России несколько позже генерал Людендорф объяснял весьма прозаически. «Если бы мы в будущую войну, – писал он в 1921 году, – опять оказались бы предоставленными самим себе, то с помощью Курляндии и Литвы нам бы удалось разрешить продовольственный вопрос несравненно удовлетворительнее... Население Литвы и Курляндии давало бы Германии новый прирост живой силы».⁹⁰

Вот такая, весьма непростая, проблема – будущее, самое ближайшее будущее и Прибалтики и Литвы – и стала не просто главным, а чуть ли не единственным вопросом мирных переговоров Российской Советской Республики с Центральными державами. Официальных переговоров, начавшихся 22 (9) декабря на оккупированной немцами территории, что, несомненно, давало Германии моральное преимущество. В 200 километрах к западу от линии фронта, в том же самом Брест-Литовске, где всего неделю назад уже подписали соглашение о перемирии.

При открытии переговоров глава советской делегации А.А.Иоффе чётко сформулировал цели Петрограда. Заявил, что стремится «добиться заключения всеобщего демократического мира». Но не просто мира, а непременно без аннексий и контрибуций. И сразу же разъяснил, что понимает под аннексией Совнарком:

«Всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности».

А затем объяснил, чтобы ни у кого не осталось ни малейшего недопонимания, ещё раз:

«Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей... не предоставляется право свободным голосованием, при полном выводе войск присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о форме государственного существования этой нации, то присоединение её является аннексией или захватом и насилием».⁹¹

Тем самым, Иоффе прямо указал на оккупированные Германией земли Польши, Литвы, Курляндии. Был уверен, как и всё руководство большевистской партии, как все члены Совнаркома, что при свободном волеизъявлении население данных территорий, безусловно, выскажется в своём большинстве в пользу советской власти и тем самым за воссоединение с революционной Россией. Только потому ещё раз повторил формулировку позиции Петрограда:

«1. Не допускаются никакие насильственные присоединения захваченных во время войны территорий. Войска, оккупирующие эти территории, выводятся оттуда в кратчайший срок.

2. Восстанавливается во всей полноте политическая самостоятельность тех народов, которые во время настоящей войны были этой самостоятельности лишены /в данном случае речь шла, как то ни покажется странным, о Бельгии – **Ю.Ж.**/.

3. Национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, гарантируется возможность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или иному государству или о своей государственной самостоятельности путём референдума. Этот референдум должен быть организован таким образом, чтобы была обеспечена полная свобода голосования для всего населения данной территории, не исключая эмигрантов и беженцев.

4. По отношению к территориям, со-обитаемым несколькими национальностями, право меньшинства ограждается специальными законами, обеспечивающими ему культурно-национальную самостоятельность и, при наличии фактической к тому возможности, административную автономию...

В дополнение к этим пунктам, российская делегация предлагает договаривающимся сторонам признать недопустимыми какие-либо косвенные стеснения свободы более слабых наций со стороны наций более сильных, как то: экономический бойкот, подчинение в хозяйственном отношении одной стороны другой при помощи навязанного торгового договора, сепаратные таможенные соглашения, стесняющие свободу торговли третьих

стран, морскую блокаду, не преследующую непосредственно военных целей, и тому подобное.

Вот те основные принципы, одинаково для всех приемлемые, без признания которых делегация Российской Республики не представляет себе возможности заключения всеобщего мира». ⁹²

Три дня спустя, на первом же пленарном заседании руководитель германской делегации, министр иностранных дел Р.Кюльман дал Иоффе довольно странный, двусмысленный ответ. «Делегации Четверного союза, сказал он, – согласны немедленно заключить общий мир без насильственных принуждений и контрибуций. Они присоединяются к русской делегации, осуждающей продолжение войны ради чисто завоевательных целей». Но сразу же выдвинул совершенно неприемлемые для данных переговоров, двусторонних, а не всеобщих, условия: «Предложения русской делегации могли бы быть осуществимы лишь в том случае, если бы все причастные к войне державы без исключения и без оговорок, в определённый срок обязались точнейшим образом соблюдать общие для всех народов условия».

Не ограничившись тем, продолжил: «В планы и намерения союзных держав /Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции – **Ю.Ж.**/ не входит насильственное присоединение захваченных во время войны территорий». Но тут же поспешил практически отклонить собственную позицию заведомо невозможным: «Вопрос о принадлежности к тому или иному государству национальных групп, не имеющих политической самостоятельности, по мнению держав Четверного союза, не может быть решен международно. Он в каждом отдельном случае должен быть решён самим государством вместе с его народами путём, предусмотренным данной конституцией». ⁹³

Иначе говоря, объяснил – если Россия захочет вернуть Литву и Курляндию, то она должна сделать это лишь на основе того, чем она не обладает – на основе конституции. И никакой речи о референдумах и быть не может. Следовательно, вопрос снимался с обсуждения как бы сам по себе. Вынудил тем Иоффе настойчиво повторить российское предложение о своеобразном размене: «Россия выводит свои войска из занимаемых ею частей Австро-Венгрии, Турции и Персии, а державы Четверного союза – из Польши, Литвы, Курляндии и других областей России».

Тут же вернулся к проблеме решающей роли населения оккупированных территорий: «Населению этих областей дана будет

возможность вполне свободно, в ближайший, точно определённый срок, решить вопрос о своём присоединении к тому или другому государству или об образовании самостоятельного государства. При этом в самоопределяющихся областях недопустимо присутствие каких-либо войск, кроме национальных или местной милиции. Впредь до решения этого вопроса управление этими областями находится в руках избранных на демократических началах представителей самого местного населения».

Но между участниками переговоров уже возникла глухая стена. В ответ члены русской делегации услышали нечто невообразимое. То, ради чего, собственно, оккупационные власти и создавали подконтрольные им во всём марионеточные режимы, лишь весьма условно именуемые «национальными».

Если «российское правительство, – объявил Кюльман, – провозгласило для всех без исключения народов, входящих в состав Российского государства, право на самоопределение вплоть до полного отделения, то оно примет к сведению заявления, в которых выражена воля народов, населяющих Польшу, Литву, Курляндию и части Эстляндии и Лифляндии, об их стремлении к полной государственной независимости и выделении из Российской Федерации». ⁹⁴

Уже в тот самый день можно было понять, что переговоры, едва начавшись, практически завершились. Зашли в тупик. И действительно, весь дальнейший диалог сторон мгновенно превратился в бессмысленное жонглирование одним-единственным термином («самоопределение»), только по форме, и то весьма отдалённо, напоминая дипломатическую дискуссию. Перешёл из поиска взаимоприемлемых условий заключения мира в резкое, открытое столкновение милитаристов с романтиками-революционерами.

Германская делегация упорно отстаивала позицию, заведомо зная о её полной неприемлемости для российской. Более того, преднамеренно усугубляла её, сознательно идя на разжигание разногласий. Окончательно же стал ясен несомненный провал переговоров 27 (14) декабря. После по сути провокационного выступления Кюльмана. Ничуть не смущаясь абсурдностью своего заявления, он настойчиво предложил России... **«вывести свои оккупационные войска из Лифляндии и Эстляндии / выделено мной – Ю.Ж./**, чтобы дать местному населению возможность, без давления со стороны военной силы и на широких демократических началах, изъявить своё неоднократно выраженное желание соединиться со своими одноплеменниками, ныне живущими в занятых областях». ⁹⁵

Да-да, именно так, а не иначе. Российские войска, находящиеся на Германском фронте вместе с латышскими и эстонскими национальными полками, защищавшими свою отчизну – «оккупанты»! Ну, а национальное меньшинство края, остзейские немцы (к тому же далеко не все восемь процентов его населения, а всего лишь «рыцарство» двух островов Моонзундского архипелага да двух уездов Лифляндской губернии) – «местное население»! Зато благодаря такой словесной эквилибристике Кюльман превращал Совнарком в агрессора, аннексирующего собственную территорию. Не составляло труда догадаться, что Берлин вместе с Веной таким путём пытался «мирно», без кровопролитных боёв и сражений, оттеснить российские армии к Петрограду. Получить благодаря тому стратегическое преимущество, как военное, так и политическое.

Как тут было не вспомнить о мартовском предупреждении Сталина! Его статьи об опасности федерализма, основанного на национальной основе, об опасности многозначного лозунга самоопределения. Но теперь уже было поздно радикально менять, пересматривать и программу партии, и основные положения внутренней политики. Только потому большевистское руководство решило продолжать явно бесцельные переговоры. Тянуть время, уповая теперь только на невольную помощь союзников – на разгром ими Германии на Западном фронте.

Иоффе, последний день остававшийся главой советской делегации (его должен был сменить глава внешнеполитического ведомства России Л.Д.Троцкий), 27 (14) декабря вынужден был сохранять внешне холодное спокойствие даже тогда, когда в дискуссию вмешался начальник штаба командующего Восточным фронтом генерал М.Гофман. Неожиданно заинтересовавшийся тем, что его, как военного консультанта германской делегации, никак не касалось.

Не скрывая ближайших целей Берлина, для начала спросил: «В какой степени находится вопрос о самостоятельности Финляндии?» Услышав ответ Иоффе – «На Финляндию российское правительство распространяет свой принцип полного права каждой национальности на свободное самоопределение», обратил своё профессиональное любопытство и на южные территории России. «Получено телеграфное сообщение, – задал Гофман очередной вопрос от Украинской Центральной Рады, – что Центральная Рада будет считать себя связанной мирными переговорами только тогда, когда в этих переговорах будет участвовать её делегация. **С точки зрения Германского Верховного командования** /выделено мной – Ю.Ж./ мне будет интересно

узнать: если таковая делегация прибудет, то каким именно путём, для того, чтобы позаботиться установлением телеграфной связи и прочим».⁹⁶

Тем недвусмысленно дал понять А.А.Иоффе о весьма многом. О значительном расширении сферы интересов его как начальника штаба командующего Восточным фронтом, не довольствующегося отныне только Литвой да Прибалтикой. Что между Берлином и Киевом существуют прямые негласные контакты. Что Германия против появления украинских сепаратистов ничего не имеет. И, главное, что у неё в любой момент может появиться ценный союзник, который сведёт шансы успеха России на переговорах чуть ли не до нуля.

Осведомлённость генерала Гофмана подтвердилась на следующий же день, 28 (15) декабря. Подтвердилась появлением в Брест-Литовске делегации во главе с министром иностранных дел Рады, украинским эсером В.А.Голубовичем. Вручившей ноту, обращённую «ко всем воюющим и нейтральным державам». В преамбуле пытавшейся объяснить свой приезд без чьего-либо приглашения.

«Украинская Народная Республика, – указывала она, – в лице Генерального секретариата становится на путь самостоятельных международных отношений до того времени, **пока не будет создана общегосударственная федеративная власть в России** /выделено мной – Ю.Ж./ и не будет разделено международное представительство между правительствами Украинской Республики и федеративным правительством будущей федерации». Иными словами, Рада в очередной раз заявляла о непризнании Совнаркома как органа общероссийской власти. Лишь на том, весьма неубедительном основании решившая самостоятельно заняться внешней политикой.

«Украинская Народная Республика, – детализировала нота, – имея на своей территории Украинский фронт и выступая самостоятельно в делах международных в лице своего правительства, которое должно охранять интересы народа украинского, должна принять участие, наравне с другими державами, во всех мирных переговорах, конференциях и конгрессах.

Власть Совета Народных Комиссаров не распространяется на всю Россию и, в том числе, не распространяется и на Украинскую Народную Республику. Поэтому мир, который может быть заключён в результате переговоров с воюющими с Россией державами станет только тогда обязательным для Украины, когда условия этого мира будут приняты и подписаны правительством Украинской Народной Республики.

Мир от имени целой России может быть заключён только тем правительством (правительством, притом, федеральным), которое будет признано всеми республиками всех областей России, а если такое правительство в ближайшее время не будет сконструировано, то только объединённым представительством этих республик и областей». ⁹⁷

Как и следовало ожидать, германская делегация поспешила высказать своё полное одобрение содержания документа. Кюльман заявил: «С большим интересом мы выслушали сделанное украинской делегацией заявление. Я предлагаю ноту украинской делегации, как важный исторический документ, приобщить к делам конференции. Представители Центральных держав приветствуют, как это было сделано в телеграмме от 26 (13) декабря 1917 года /вот когда и как Гофман узнал о предстоящем визите из Киева – **Ю.Ж.**/, представителей украинской делегации».

Но сразу же сделал оговорку, чтобы сохранить в будущем за собой свободу манёвра. «Представители Центральных держав, – добавил Кюльман, – оставляют за собой право высказаться впоследствии по поводу оглашённых здесь заявлений украинского народа». И сразу же поспешил уточнить у участвовавшего первый день в переговорах Троцкого: «Намерен ли он и его делегация и впредь быть здесь единственными дипломатическими представителями всей России?». ⁹⁸

А далее... Далее последовало не поддающееся никакому объяснению. Уезжая из Петрограда, Троцкий великолепно знал мнение по украинскому вопросу Ленина. Размышлявшего, гадавшего ещё 17 (30) декабря (до начала пленарных заседаний переговоров) – «Можно ли надеяться, что рознь с украинцами ослабнет или даже сменится дружным соглашением при известии об аннексионизме немцев, или же возможно ожидать, что украинцы воспользуются более трудным положением великороссов для усиления своей борьбы против великороссов?». А на следующий день, исходя из худших предположений, потребовал «усиления агитации против аннексионизма немцев», перенесения переговоров в Стокгольм, «пропаганду и агитацию за необходимость революционной войны». ⁹⁹

Не мог не знать Троцкий о постановлении Совнаркома, принятом 19 декабря (1 января), за которое он же и голосовал. Постановлении, предложившем «Раде переговоры о соглашении», но только в том случае, если бы она «признала контрреволюционность Каледина и не мешала войне против него». Постановлении, включившем поправку Сталина – «только Советы укра-

инской бедноты, рабочих и солдат могут создать на Украине власть, при которой столкновение между братскими народами будет невозможным». Тексте постановления, которое предусматривало только после успешных переговоров с Радой признание независимости Украинской Республики.¹⁰⁰

Как член ВЦИК, голосовал Троцкий 19 декабря (1 января) и за резолюцию этого высшего органа власти страны. Ту самую, в которой отмечалось:

«Свободное волеизъявление населения Польши, Литвы, Курляндии и всех прочих оккупированных областей невозможно при оставлении в этих областях чужеземных войск, до возвращения эвакуированной части населения. Ссылка германской делегации на то, что воля народов в указанных областях будто бы уже выражена, явно несостоятельна... Документы, на которые могло бы сослаться германское правительство, в лучшем случае могут свидетельствовать только о волеизъявлении отдельных привилегированных групп, а не народных масс данных территорий.

Мы заявляем:

Русская революция остаётся верной своей международной политике. Мы стоим за действительное самоопределение Польши, Литвы, Курляндии. Мы никогда не признаем справедливым навязывание чужой воли каким бы то ни было народам».¹⁰¹

Троцкий пренебрёг всеми этими программными руководящими указаниями. Счёл, что может не исполнять волю высших органов Советской власти, не прислушиваться к мнению ни Ленина, ни, тем более, Сталина, а поступать по-своему. И совершил роковую ошибку. Не только давшую преимущество германской делегации, но и приведшую вскоре к срыву самих переговоров.

«Заслушав, — сказал он в ответ на вопрос Кюльмана, — оглашенную украинской делегацией ноту Генерального секретариата Украинской Народной Республики, русская делегация в полном соответствии с признанием за каждой нацией права на самоопределение вплоть до полного отделения, заявляет, что со своей стороны не имеет никаких возражений против участия украинской делегации в мирных переговорах». Тем самым, используя лишь свою должность наркома по иностранным делам, единолично, ни с кем не согласуя своё решение, признал де-факто Украину.

Не довольствуясь кратким ответом, Троцкий на следующий день разразился речью, более подходящей для конгресса европейских социал-демократов, нежели переговорам с противником, с которым его страна находилась в состоянии войны. Пустился в глубокомысленные рассуждения о том, «когда именно

на международной арене появляются новые государственные единицы», пространно остановился на теоретическом смысле понятия «Самоопределение», и только потом вернулся к сути обсуждаемого.

«Что касается Украины, – ещё раз пояснил Троцкий, – то там такого рода /он имел в виду Финляндию – **Ю.Ж.**/ демократическое самоопределение ещё не закончилось. Но на Украине нет иностранных войск, а русские войска удалятся с украинской территории /ещё никем не определённой! – **Ю.Ж.**/ и не будут и не могут чинить никаких препятствий к самоопределению Украины. Так как это чисто технический, а не политический вопрос, то мы не видим решительно никаких препятствий к тому, чтобы самоопределение украинского народа происходило на почве признания независимости Украинской Республики».¹⁰²

Говоря так, нарком не придавал ни малейшего значения тому, на какие же именно губернии распространяется власть Рады. Зато о рубежах несуществующего государства поспешил поинтересоваться Кюльман. «Украинская делегация, – попросил уточнить он, – говорит от имени областей, границы которых нам **приблизительно** /выделено мной – **Ю.Ж.**/ указала... В эти области входит, между прочим, и область, прилегающая к Чёрному морю». Однако ответ он получил не от Голубовича, а от Троцкого. Такой, какой ни в коем случае нельзя было ожидать от главы внешнеполитического ведомства России: «Что касается границы той области, от имени которой говорит украинская делегация, то по самому существу положения этот вопрос не может считаться решенным, так как Украинская Республика находится сейчас именно в процессе самоопределения».¹⁰³

Много лет спустя, в мемуарах «Моя жизнь», Троцкий не вспомнил об этом обмене любезностями. Оценку делегации Рады отнёс к последнему этапу переговоров, январскому. Только там дал нелицеприятную оценку ей. «Главным козырем в руках Кюльмана и Чернина, – писал ярый противник Сталина, – явилось самостоятельное и враждебное Москве выступление Киевской Рады. Её вожди представляли собой украинскую разновидность керенщины. Они мало чем отличались от своего великорусского образца. Разве лишь были ещё более провинциальны. Брестские делегаты Рады были самой природой созданы для того, чтобы любой капиталистический дипломат водил их за нос».¹⁰⁴

Троцкий не вспомнил главное. И не объяснил, что если бы он тогда, 28 декабря (10 января), отказался признать правомочность, законность делегации Украины (с неопределённой, к тому же, территорией), потребовал бы её удаления с переговоров, то

многого бы удалось избежать. Перед Совнаркомом не возникла бы в начале марта неразрешимая проблема, заставившая капитулировать его в конце концов. А партию большевиков не постиг бы первый, после победы революции, достаточно серьёзный раскол. И, вполне возможно, удалось бы избежать и гражданской войны. Во всяком случае, в том её размахе, который она приобрела летом 1918 года.

Пока же, 28 декабря (10 января) в Петрограде поспешили исправить положение. Попытались воспользоваться перерывом, наступившим в работе конференции с 29 декабря (11 января) по 5 (18 января).

5. За Советскую Украину!

Ни ВЦИК, ни Совнарком не считали боевые действия в Харьковской и Екатеринославской губерниях вооружённым конфликтом с Радой по двум причинам. Прежде всего, в Петрограде всё ещё так и не признали официально, декретом, ни автономии, ни, тем более, независимости Украинской Народной Республики. Поддерживали контакты только с ВуЦИКом и его исполнительным органом – Народным секретариатом. Вместе с тем, обе советизированные губернии до проведения в них на демократических основах референдума, о чём постоянно говорил и писал Сталин, никак нельзя было рассматривать украинской территорией.

Наконец, начиная с 16 (29) декабря (с признания Совнаркомом Советского правительства Украины, к концу года распространившего свою власть как на Харьковскую, так и на Екатеринославскую губернии), Троцкий просто был обязан рассматривать происшедшее на Левобережье продолжением революции. А заодно учитывая и то, что стало известно ему накануне отъезда в Брест-Литовск. Содержание ответа Киева на предложение Совнаркома начать переговоры на основе, практически, одного-единственного условия – признания режима Каледина контрреволюционным. Того самого ответа, которым Генеральный секретариат выдвинул встречные собственные условия. Во-первых, немедленный вывод советских войск с так и не согласованной с Петроградом территории Украинской Народной Республики. И, во-вторых, собственную оценку мятежа на Дону. «Определение контрреволюционности, – вызываяще излагал Киев своё мнение, – не должно быть навязано одной какой-либо стороной. Признание буржуазности и контрреволюционности

за всяким, кто не принадлежит к большевистскому течению и не разделяет политики народных комиссаров, Генеральный секретариат решительно отвергает». ¹⁰⁵

Проигнорировал народный комиссар по иностранным делам и прямое указание. Постановление Совнаркома, принятое 30 декабря (12 января) по докладу Сталина и сформулированное Лениным. ¹⁰⁶

«Совет Народных Комиссаров, – констатировало оно, – признаёт ответ Рады настолько неопределённым и уклончивым, что он граничит с издевательством... Прямая или косвенная поддержка Радой калединцев является для нас безусловным основанием для военных действий против Рады...

Уклонение Рады от ответа на вопрос о том, прекращает ли она прямую и косвенную поддержку калединцев, срывает начатые нами мирные переговоры и возлагает на Раду всю ответственность за продолжение Гражданской войны, которую подняли буржуазные классы разных наций и которая совершенно безнадёжна, ибо подавляющее большинство рабочих, крестьян и армия решительно стоит за Социалистическую Советскую Республику». ¹⁰⁷

Постановление больше не оставляло сомнений ни для кого, кроме Троцкого, что теперь переговоры с Радой больше невозможны. Следовательно, невозможно и её дипломатическое признание, даже де-факто.

Тем временем территория, изначально подконтрольная Генеральному секретариату, стремительно сокращалась. В те дни, когда непримиримый марксист, революционер и большевик Троцкий защищал, признавая, украинских сепаратистов, на Киев началось наступление сразу по нескольким направлениям. С запада и юга – 2-го гвардейского корпуса, от Ровно на Житомир, от Одессы на Вапнярку. С севера – главных сил, которыми командовал М.А.Муравьёв. Семи тысяч штыков, 1-го конного полка Червонного казачества при поддержке двадцати пяти орудий, двух бронепоездов, трёх броневиков, разделённых на две колонны. Основную (левого эсера, полковника царской армии А.И.Егорова) и вспомогательную (Р.И.Берзиня).

За десять дней нового, 1918 года советские войска заняли Чернигов, Сумы, Нежин, Конотоп, Бахмач, Полтаву, Кременчуг, Винницу, практически завершив окружение Киева. Заняли огромную территорию, не встречая сопротивления объявивших себя «нейтральными» частей, подчинявшихся Раде.

Опасаясь скорого краха, Генеральный секретариат» отдал 2 (15) января приказ о разоружении рабочих киевских заводов –

«Арсенала», «Аэро», Снарядного, Проводного, Судостроительного, механических мастерских железнодорожного управления. Не удовольствовавшись тем и, пытаясь хоть как-то усилить своё положение, объявил два дня спустя о замене С.В.Петлюры на посту военного министра Е.Г.Поршем, о полной демобилизации старой армии, которую посчитал полностью большевизированной, советской. Надеялся, что теперь солдаты прекратят наступление на Киев и разбегутся по домам.

Зная обо всём происходившем, Сталин уведомил советскую делегацию в Брест-Литовске:

«В руках ЦИК /Украины – **Ю.Ж.**/ – Харьковская, Екатеринославская губернии, две трети Полтавской, весь Донецкий бассейн, Черниговская, почти вся Херсонская с Одессой и Николаевым и все прибрежные города за исключением Ростова и Таганрога, входящих в состав Донской области. В руках Рады – только Киевская губерния и некоторые кусочки прилегающих губерний, день за днём уходящие от Рады. Дело ясное – Рада данного состава не может быть названа правительством Украины... С гораздо большим правом может и должен быть привлечён к мирной делегации ЦИК /Украины – **Ю.Ж.**/». ¹⁰⁸

Веские основания для такого предложения уже имелись. 30 декабря (12 января) Всеукраинский ЦИК принял решение об участии в мирных переговорах с Центральными державами. Сформировал собственную делегацию во главе с Е.Г.Медведевым, которая, однако, сумела прибыть в Брест-Литовск только 21 января (2 февраля). После того, как на переговорах разгорелась жаркая дискуссия о... территориальной целостности России. Дискуссия, спровоцированная безответственным заявлением Троцкого.

«Из факта принадлежности оккупированных областей к составу бывшей Российской Империи, – сказал нарком, – российское правительство не делает никаких выводов, которые налагали бы на население этих областей какие-либо государственно-правовые обязательства по отношению к Российской Республике.

Старые границы бывшей Российской Империи, границы, созданные насилием и преступлениями против народов и, в частности, против народа польского, пали вместе с царизмом. Новые границы братского союза народов Российской Республики и народов, которые пожелают выйти из её пределов, должны быть определены свободным решением соответствующих народов...

Российское правительство считает своей основной задачей ведущихся переговоров не отстаивание каким-либо образом

дальнейшего насильственного причисления указанных областей к пределам Российского государства, но лишь обеспечение этим областям действительной свободы самоопределения по вопросам их внутреннего государственного устройства и международного положения».

На столь униженное заявление Троцкого последовал вполне предсказуемый ответ. Необычайно жёсткое предложение, высказанное членом австро-венгерской делегации фон Визнером.

«В связи с этим следует возбудить вопрос – на каком «юридическом основании нынешнее российское правительство признаёт за собой право и считает своим долгом добиваться действительной свободы самоопределения этих областей всеми силами, даже, при известных обстоятельствах, продолжением войны. Если факт прежней принадлежности оккупированных местностей к территории бывшей Российской Империи не налагает на население этих местностей никаких обязательств по отношению к Российской Республике, то с первого взгляда непонятно, на чём Российская Республика со своей стороны основывает свои права и обязанности по отношению к этому населению».

Венскому дипломату показалось мало продемонстрировать Троцкому, что он угодил в собственную ловушку. Фон Визнер продолжил ужесточать позицию Центральных держав.

«Если же, однако, встать, как это делает русская делегация, на ту точку зрения, что Российская Республика обладает таким правом, то возникает целых четыре вопроса, подлежащих разрешению, а именно:

1. вопрос об объёме территории;
2. вопрос о политических предпосылках, необходимых для осуществления права на самоопределение;
3. вопрос о переходном режиме;
4. вопрос о форме волеизъявления.

Вот те четыре пункта, по которым нужно достигнуть соглашения».

И сразу же пояснил, какой конкретно смысл вкладывают Центральные державы в каждый из них. Не стесняя себя дипломатической риторикой, иносказанием, откровенно высказал далеко не новые цели Германии и Австро-Венгрии, которые, он полагал, были практически достигнуты:

К пункту 1-му – «Утверждение, что право на самоопределение принадлежит целым нациям, а не, равным образом, и частям наций, не соответствует нашему пониманию права на самоопре-

деление. И части наций вполне правомочны решать вопрос о своей самостоятельности и своём отделении. Это, однако, не означает, что границы оккупации должны иметь решающее значение при определении границ этих частей. Курляндия, Литва и Польша составляют и с исторической точки зрения национальное целое...»

К пункту 2-му – «Вывод войск до окончания мировой войны невозможен... Что касается возвращения беженцев и лиц, эвакуированных в течение войны, то мы обещаем благожелательное отношение в каждом отдельном случае...»

К пункту 3-му – «По мере постепенного приближения к всеобщему миру избранным представителям населения данной области должно быть предоставлено право участия в делах управления во всё больших и больших размерах».

К пункту 4-му – «Союзнические делегации в принципе согласны присоединиться к мнению, что волеизъявление народа, организованное на широких основаниях, должно будет санкционировать решения по вопросу о государственной принадлежности этих областей. Нам кажется, однако, непрактичным одностороннее требование референдума. Точно так же, по мнению союзнических делегаций, достаточно волеизъявления представительного органа, избранного или пополненного на широких основаниях. Следует упомянуть, что и признанные правительством народных комиссаров государственные образования в пределах бывшей Российской Империи, как, например, Украина и Финляндия, возникли не путём референдума, а по решению национальных собраний, избранных на широких основаниях».¹⁰⁹

Именно таким образом профессиональный дипломат из Вены наглядно показал Троцкому, сколь зыбка та почва теории, на которой народный комиссар по иностранным делам и пытался утвердить свою позицию. Доказал фон Визнер и иное – сколь наивно вести переговоры, используя, как главный для них, принцип «право наций на самоопределение вплоть до отделения». Что такой принцип можно трактовать как угодно, ибо он более чем двусмысленен. Зависит его осуществление не от воли всего народа, а лишь от того, кто первым получил возможность его использовать. Он – всё ещё не общепризнанная норма международного права, которую, кстати, может диктовать только победитель побеждённому.

Оказавшись обороняющейся стороной, Троцкий и вообразить не мог, что сам же загнал себя в тупик. Ведь всего за две недели до появления его в Брест-Литовске делегации Германии и Австро-Венгрии были готовы к разумному компромиссу и до-

статочно серьёзным уступкам. Готовы были согласиться на создание комиссии, которая бы занялась «детальной разработкой проекта очищения оккупированных областей, плебисцитом». ¹¹⁰ А вынудило их к тому отчаянное положение с продовольствием.

Глава австро-венгерской делегации, министр иностранных дел двуединой монархии сообщал в те самые дни императору Карлу 1:

15 (21) января – «Мы стоим непосредственно перед продовольственной катастрофой. Положение... ужасно, и я боюсь, что сейчас уже слишком поздно, чтобы задержать наступление катастрофы, которая должна произойти через несколько недель... Остановится наша военная промышленность и наше железнодорожное сообщение, снабжение армии станет невозможным, её ожидает катастрофа. Её падение увлечёт за собой Австрию и, следовательно, Венгрию». 16 (3) января – «Положение у нас становится критическим. Что касается продовольственного вопроса, то мы можем избежать кризиса лишь... при условии получения временной помощи из Германии... Но (эта перспектива) очень мрачная, так как сама Германия страдает от серьёзных лишений».

А затем Чернин всё же находит иную возможность спасения, о чём и пишет в дневнике. 17 (4) января: «надеюсь со временем обеспечить страну запасами, вывезенными из Украины». 20 (7) января: «Зейдлер /премьер-министр Австрии – **Ю.Ж.**/ телеграфирует, что если украинский хлеб не прибудет, в ближайшем будущем неминуема катастрофа». 21 (8) января: «Украинцы больше не обсуждают вопросы, они диктуют свои требования».

Что же это были за требования? Поначалу украинские дипломаты в Брест-Литовске (как плату за лояльность Центральным державам и поставки продовольствия) настаивали на присоединении Восточной Галиции и Закарпатья. Получив решительный отказ, сочли возможным удовольствоваться всего лишь образованием из Восточной Галиции и Буковины отдельной провинции Австрии, наделённой, как и другие, самоуправлением. «Принятие украинского требования, – отмечает Чернин в дневнике за 22 (9) января, – должно иметь тяжёлые последствия при дальнейшем развитии австро-польского вопроса. Но зато украинцы должны оказать нам громадную услугу в смысле немедленного подвоза муки». ¹¹¹

И всё же, тогда спасение для Германии и Австро-Венгрии пришло отнюдь не из Киева. Пришло от Троцкого, благодаря его признанию и права участия украинских дипломатов в обсуждении мирных условий, и – де-факто – независимости Украины. Тем самым нарком по иностранным делам и подтолкнул Гене-

ральный секретариат к сепаратным переговорам с Центральными державами, которые, при полной отрешённости России, смогли вполне законно рассчитывать на поддержку и помощь столь внезапно и необычно возникшего в Брест-Литовске государства. Помощь и дипломатическую, и продовольственную.

Осведомлённый о продолжающемся победном наступлении советских войск на Украине Троцкий всё же продолжал упорно отстаивать занятую позицию. Более того, демонстративно не придавал никакого значения хотя бы приблизительному установлению территории страны, которую сам же вызвал к жизни. Ещё на пленарном заседании 18 (5) января безмятежно констатировал: «Самоопределение Украинской Республики ещё не достигло того пункта, когда границы, отделяющие нас от нового государства, оказались бы проведёнными с согласия обеих сторон». И равнодушно добавил: «Вопрос этот не создаёт практических затруднений».¹¹²

От своей позиции (не столько затягивания переговоров, на чём так настаивал Ленин даже 11 (24) января на заседании ЦК,¹¹³ сколько необъяснимого потворствования аннексионистским устремлениям Германии) Троцкому всё же пришлось отказаться, но отнюдь не по своей воле. Только после поездки в Петроград для участия в работе 3-го Всероссийского съезда Советов. Положившего конец революционным экспериментам и административной самодеятельности на местах. Ставшего, вместе с тем, и началом оформления государственности, оказавшейся и неизбежной, и насущной. Продемонстрировавшего общее стремление к восстановлению единства страны.

6. Федерация по названию

Открывая 10 (23) января съезд, председатель Президиума ВЦИК Я.М.Свердлов предложил вниманию делегатов только два вопроса. О выходе из войны и ещё один, «наболевший», по его выражению, – национальный. Но мотивировал необходимость обсудить последний тем, что «Советом Народных Комиссаров издан декрет о независимости Финляндии, декрет об отделении Украины, и вы, товарищи, и в этом направлении должны вынести своё решение».¹¹⁴

На деле же оказалось, что чуть ли не все делегаты более всего стремились говорить об ином. Не менее важном, но более злободневном событии – о роспуске за три дня перед тем Учредительного собрания.

Практически никто, если не считать относительно мягкой по тону критики меньшевика-объединёнца Ю.О.Мартова, не возражал и тем более не протестовал против происшедшего. Общее же мнение съезда выразил выступивший от имени фракции эсеров-максималистов М.А.Рыбаков. «Не так давно, – с пафосом произнёс он, – в этом зале было сказано: Государственная Дума умерла, да здравствует Учредительное собрание! Мы говорим теперь: Учредительное собрание умерло, да здравствует власть Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!»¹¹⁵

И обсуждение национального вопроса также началось отнюдь не строго по повестке дня. О нём заговорил В.Л.Затонский, представлявший Всеукраинский ЦИК, в первый же день работы. В тот день, когда с трибуны зала заседаний Таврического дворца звучали традиционные приветствия. Не ограничившись общими фразами, Затонский счёл важным поведать о происходящем на Украине.

«Рада, – рассказывал он, – первое время пользовалась популярностью в массах, благодаря внешнему сходству /Затонский имел в виду тождество русского слова «советы» и украинского «рада» – **Ю.Ж.**/ Разжигая националистические страсти, поднимая украинский народ против русских рабочих, крестьян и солдат, Рада всемерно поддерживала Каледина... И только недавно, после издания ею земельного закона,... народ прозрел и увидел всю правду. Сейчас идёт раскол, как в войсках, так и в рабочих массах». Заметил: «возможно, что вскоре придёт сообщение об окончательном падении Рады».

Закончил же выступление несомненным призывом к воссоединению: «От имени Украинских Советов приветствую данный съезд как верховный орган не только Великобритании, но и всей Федеративной Российской Республики!»¹¹⁶

Подверг критике Раду не только её естественный враг, большевик Затонский, член Народного секретариата Советской Украины. То же сделал Троцкий в своем втором докладе съезду 13 (26) января. Говоря строго по повестке дня – о проблемах войны и мира.

«Мы знали, – сказал он, – о том, что украинская делегация имела целый ряд тайных совещаний с немецкой и австрийской делегациями, и мы заявили украинцам, что мы обязуемся вести все наши переговоры с делегациями Четвертого союза при участии украинской делегации, что мы обязуемся сообщать протоколы всех тех заседаний, на которых она, по тем или иным причинам, не присутствовала или не будет присутствовать. Но что мы требуем такого же отношения к нам и со стороны украинской

делегации. Нам ответили, что сделают соответствующий запрос у киевского правительства, но ответа мы до сих пор не получили, несмотря на наши многократные напоминания.

Тактика украинской делегации и Киевской Рады – это, в сущности, перевод на украинский язык тактики правительства Керенского. Слабость Украинской Рады лишила её возможности вести самостоятельную политику, честную и открытую, и история зло подшутила над теми, кто видел свою опору против «предательства» большевиков и левых эсеров в Украинской Раде... Киевская Рада уже вступила в сепаратные и тайные переговоры, как вступила бы и та часть Учредительного собрания, которая несколько дней тому назад добивалась здесь власти».

Однако Троцкий попытался хоть как-то оправдать свою позицию в Брест-Литовске. В полном противоречии со всем ранее им же самым сказанным, сделал безосновательное предположение:

«Германия не питает, очевидно, намерения аннексировать все занятые её войсками территории. Это значило бы включить в состав Германии широкие массы «мятежников», а при социальном значении такого акта трудно ввести в заблуждение кого бы то ни было в Германии».

Используя карту, Троцкий попытался доказать, что Берлин стремится достичь только военно-политической цели, хотя и признал: «наши военные специалисты утверждают, что наметенная германскими империалистами граница с Россией является для нас положительно губительной». Опровергая мнение профессионалов, настаивал: «Германцы, очевидно, преследуют не только эту цель, но и хотят создать в оккупированных ими странах невыносимый переходный режим, который явился бы самым лучшим средством для подавления революции в столь близкой к пределам самой Германии территории».

Далее же, как самый веский довод в пользу своих взглядов, изложил собственное представление о самом близком будущем: «Те десять дней перерыва, – убеждал Троцкий делегатов съезда, – которые мы у них потребовали, прошли не бесследно». И голословно заявил, что будто бы в Австро-Венгрии и Германии «политический кризис достиг той критической точки, где начинается его падение». А затем поведал о своих дальнейших планах: «Мы будем стремиться к пробуждению западного пролетариата, к организации его сил, к обоснованию его политических стремлений». Иными словами, к подготовке мировой революции. «И параллельно с этим мы неуклонно будем проводить в

жизнь две существеннейшие задачи момента – демобилизацию армии и продолжение переговоров». ¹¹⁷

Троцкий не объяснил только одно – как он сумеет совместить такие взаимоисключающие цели.

Не только Троцкий находился в эйфории, порождённой слишком быстрым и необычайно лёгким переходом власти к большевикам. Грезили наяву, не видя реальности, чуть ли не все делегаты съезда. Без каких-либо на то оснований полагали, что мировая революция не за горами. Вот-вот охватит Европу. Только потому, обманывая сами себя, принимали голодные бунты и демонстрации в Вене и Будапеште за начало восстания австрийского и венгерского пролетариата.

Задал же тон таким настроениям не только Троцкий, но и председатель Президиума ВЦИК Я.М.Свердлов. Именно он, и вполне официально, оценил «политический курс рабочего и крестьянского правительства Российской Советской Республики как курс, верно взятый на мировую революцию». ¹¹⁸ О том же, только более пространно, говорил в заключительном слове и Ленин.

«Можно сказать с неоспоримым основанием, – развивал он мысли Троцкого и Свердлова, – что Третий съезд Советов открыл новую эпоху всемирной истории, и **ныне, в условиях мировой революции** /выделено мной – Ю.Ж./, всё значение этого съезда начинает сознаваться всё более и более... Мы уже не одиноки. За последние дни произошли знаменательные события не только на Украине и Дону, не только в царстве наших Калединых и Керенских, но и в Западной Европе. Вы уже знакомы с телеграммами о положении революции в Германии. Огненные языки революционной стихии вспыхивают всё сильнее и сильнее над всем прогнившим мировым старым строем... Мы, создав Советскую власть, вызвали к жизни такие же попытки и в других странах. Ибо, повторяю, иного выхода у трудящихся из этой кровавой бойни не было. Ныне эти попытки уже осуществляются в прочные завоевания международной революции». ¹¹⁹

Ленину вторил Л.Б.Каменев, только что вернувшийся из Бреста, где участвовал в переговорах. «С тех пор, – растолковывал он свои взгляды, – как только в мировой истории появились государства, войны заканчивались лишь такими переговорами, в которых выяснялось, какая часть обагрённой кровью страны отходит от одного господина к другому. У нас же речь шла не об этом. Мы сразу же заявили, что границы, созданные всеми предыдущими насилиями царизма, пали, и отныне в свободной России в тесном братском союзе будут жить только те народы,

которые этого свободно пожелают, что для нас существует лишь одно обязательство, продиктованное не силою меча, а сознанием международной солидарности: «пролетарии всех наций, соединяйтесь». Вся Европа поняла нашу позицию, и если теперь до нас доносятся сведения о том, что в Праге провозглашена Чешская Народная Республика, то мы с удовлетворением можем констатировать, что в этом деле имеется доля и нашего участия». ¹²⁰

То же утопическое видение самого близкого будущего выразил и ещё один большевик, делегат от Балтийского флота А.В.Баранов: «Не может быть никакого сомнения, что русская революция будет по-прежнему вести самую решительную борьбу за демократический мир, объединяя под своим знаменем все народы Европы, которые постепенно присоединяются к русскому пролетариату, сбрасывая свои оборонческие верхушки. У нас нет основания сомневаться в победе, ибо из Венгрии и Австрии уже приходят к нам подкрепления, и скоро к нам подойдут подкрепления и из Германии, Франции, Англии и всех других стран цивилизованного мира». ¹²¹

Ну, ладно, так думали, так говорили большевики. Но в плену тех же грёз оказались и левые эсеры. Один из их лидеров, В.Д.Камков – член Президиума ВЦИК – также предавался несбыточным фантазиям: «Победа мировой революции неизбежна. Она идёт и развивается с невероятной быстротой. И нет сомнения, что мы стоим на грани эпохи низвержения капитализма. И тот, кто верит в торжество социализма, тот знает, что вся программа, предначертанная нам историей, будет, в конце концов, совместно с международным пролетариатом выполнена до конца, и с победой мировой революции восторжествует, наконец, великая Европейская Федерация Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». ¹²²

Даже меньшевик Л.Мартов, давний идеологический противник и большевиков, и эсеров, на этот раз поддержал их. «Нет сомнений, – заявил он в прениях, – что условия, предъявленные немецким империализмом, совершенно неприемлемы для революционных народов России, ибо принятием этих условий наносится не только тяжёлый удар самому существованию русского народа, но и ставится на карту судьба международного пролетариата. Нет сомнения, что российская революция не пойдёт на этот шаг и не принесёт в жертву алчности германского хищничества ни польский, ни эстляндский, ни латышский народы. И на вопрос – что же теперь нам делать – мы скажем только, что товарищ Троцкий и товарищ Каменев совершенно правиль-

но говорят, что только восстание угнетённого международного пролетариата даст толчок для всеобщего демократического мира и для дальнейшего развития шагов по пути к братству». ¹²³

После выступления Мартова оба вопроса – о выходе из войны и национальный – окончательно сплелись в единый. Так, меньшевик-интернационалист Г.Д.Линдов, комментируя доклад Троцкого, заметил: «Мы все знаем, какую позорную роль сыграла Украинская Рада во время брестских переговоров, когда Рада, учитывая, с каким нетерпением Германия ждёт от Украины помощи хлебом и ради этого готова пойти на уступки в переговорах с украинцами, пользовалась этим самым предательским образом, попирая принципы интернациональной борьбы демократии». ¹²⁴ И тем сделал предсказуемым появление общих, по сути, хотя и совершенно разных, документов в один и тот же день, 14 (27) января.

В оглашённой на съезде Декларации социал-демократии Польши и Литвы предельно чётко указывалось:

«Принимая русскую формулу «без аннексий и контрибуций, с правом самоопределения народов» на словах, германский империализм на деле стремится и к захватам, и к контрибуциям, и к насилиям над волей народов. Ярким доказательством этого служит оккупированная немецкими войсками Польша. Ничем иным, как замаскированной аннексией, является кюльмановское «самоопределение» края под видом помещичье-буржуазной власти, навязанной польскому народу (Регентский совет), или проявление «воли» польского населения представительством, избранным под опекой оккупационных войск, или, наконец, частичный только, по мере стратегической возможности, вывод немецких войск из края...

Пролетариат Польши непоколебимо верит, что русская революция, отбросив все компромиссы с империализмом, даст ему достойный революционный отпор трудящихся масс и, верная до конца своим принципам, ускорит международный пролетарский штурм против господства капитала – виновника варварской бойни, гнёта и эксплуатации». ¹²⁵

Вторым документом стала принятая единогласно резолюция «По вопросу о мире», предложенная Троцким. Выражая наметившуюся тенденцию, она, в частности, гласила:

«Центральные империи завладевают поляками, литовцами, половиной латышей, частью украинцев, белорусов и эстонцев и, лишая их права на действительное самоопределение, насильственно утверждают в их среде господство привилегированных и имущих верхов. Таким образом, военная оккупация, которую

Центральные империи намерены сохранить и после заключения всеобщего мира, прямо направлена против осуществления демократического мира на началах, провозглашённых российской революцией.

Всероссийский съезд выражает свою глубокую уверенность в том, что эта аннексионистская политика (контрреволюционные меры) окажется бессильной отрезать трудящиеся массы России от трудящихся масс Германии.

В могущественном протесте рабочих Вены, Нижней Австрии и Венгрии против аннексионистского мира, в пробуждающемся революционном движении пролетариата Германии Всероссийский съезд усматривает лучшую гарантию против империалистического мира, основанного на порабощении и насилии и замаскированной контрибуции». ¹²⁶

В таком, оказавшемся тщетным, уповании на поддержку извне европейского пролетариата утонуло, оказалось незамеченным выступление, которое должно было бы стать предметом самого серьёзного обсуждения. Робкий протест делегатов – членов Белорусской социалистической партии – против разгона в Минске 17 (30) декабря 1917 года, то есть ещё до вторжения немецких войск, Белорусской Рады. Вернее, Всебелорусского съезда, единственной резолюцией которого стало предложение сделать Россию федеративной республикой. Съезда не самозванного, а вполне законного, санкционированного наркомом по делам национальностей Сталиным.

Отреагировал на протест лишь один делегат. Тот, кто и осуществил жёсткую акцию – председатель СНК и нарком внутренних дел Западной области и фронта К.И.Линдер. Объяснил свой поступок некими «махинациями, при помощи которых Белорусская Рада пыталась фальсифицировать политическую организацию Советов в Белоруссии и при помощи которых она пыталась вступить в борьбу с действительной властью рабочих, солдат и крестьян Западной России». ¹²⁷

Иными словами, на съезде вскрылось «опасное явление, характерное и для Украины. Естественная конкуренция в борьбе за руководство местными и областными советами между большевиками и социалистами. То, что вскоре и привело к затяжной, кровопролитной гражданской войне Центра с социалистами, становившимися сепаратистами.

...С докладом по второму вопросу повестки дня съезда – национальному – выступил Сталин. Он строго придерживался существа проблемы. Не обмолвился ни о мирных переговорах, ни о мировой революции. Но не преминул воспользоваться предо-

ставившейся возможностью, чтобы повторить всё то, о чём писал, о чём говорил ещё весной 1917 года.

Почему же Сталин смог так поступить? Да только потому, что неожиданно для себя обрёл, наконец, поддержку. В первый раз – 11 (24) января, за четыре дня до доклада, на заседании ЦК. Когда мрачно комментировал явно неудачно для партии развивавшиеся события в Европе.

«В октябре, – пессимистически констатировал он, – мы говорили о священной войне против империализма потому, **что нам обещали, что одно слово «мир» поднимет революцию на Западе. Но это не оправдалось** /выделено мной – Ю.Ж./». ¹²⁸

Во второй раз Сталин ощутил свою несомненную правоту накануне доклада на съезде Советов. Тогда, когда представил, что являлось обязательным, проект резолюции на рассмотрение своей, большевистской фракции.

Выступая там, подчеркнул основной тезис. С одной стороны, вроде бы нельзя не признавать демократический принцип самоопределения. Однако с другой – приходится учитывать и его реакционную роль, что столь явно продемонстрировала политика Украинской Рады. Потому и надо установить – принцип этот не должен быть фетишем. Использовать его следует только в интересах социализма.

Далее Сталин заметил, что многие товарищи уже признали принцип самоопределения явно устаревшим. Поняли – настало время противостоять подобной тенденции, ибо ведёт она к крайне вредной децентрализации страны. К тому, что чуть ли не каждая губерния пытается объявить себя самостоятельной республикой. Учитывая же важность незамедлительной централизации советской власти, необходимо решительно возражать против подобной формы переустройства. Необходимо укреплять и объединять советские элементы в федерируемых регионах. Ограничить для них принцип самоопределения лишь согласием съездов республик на вхождение в Российскую Федерацию. ¹²⁹

И вновь Сталин ничьих возражений не услышал.

Уже на трибуне съезда Сталин, для большей убедительности, подтверждения своей правоты, проанализировал политические события последних месяцев, сделав единственно возможным, как он полагал, вывод: «Корень всех конфликтов, возникших между окраинами и центральной Советской властью, лежит в вопросе о власти. И если буржуазные круги тех или иных областей стремятся придать националистическую окраску этим конфликтам, то только потому, что им это выгодно».

Как и большинство выступавших перед ним делегатов, Сталин, как самый отрицательный пример, привёл действия Рады. Тем вновь напомнил основной тезис доклада – «принцип самоопределения был использован буржуазно-шовинистическими кругами Украины в своих собственных целях». И пришёл к логическому заключению: принцип самоопределения следует рассматривать как «право на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной нации. Принцип самоопределения должен быть средством борьбы за социализм и должен быть подчинён принципам социализма». ¹³⁰

Иначе говоря, предложил ставший пресловутым принцип в его привычной трактовке полностью отвергнуть. Раскрыл же эту мысль текстом подготовленного им проекта резолюции, названной весьма неожиданно – «О федеральных учреждениях Российской Республики».

В ней, но не акцентируя на том внимания, несколько изменил существо двух статей уже принятой съездом 12 (25) января «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Первой статьёй предложенная Свердловым «Декларация» провозглашала Россию «республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», учреждённой «на основе свободного **союза свободных наций как федерация советских национальных республик** /выделено мной – **Ю.Ж./**». А четвёртая уточняла – предоставляется «рабочим и крестьянам **каждой нации** /выделено мной – **Ю.Ж./** принять самостоятельное решение на своём полномочном съезде: желают ли они, и на каких основаниях, участвовать в Федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях». ¹³¹

Подобная формулировка юридического документа, да ещё являвшегося «установлением коренных начал федерации советских республик», создавала опасный по далеко идущим последствиям прецедент. Хорошо, если «полномочный съезд» подтвердит своё участие в федеральных органах власти. А если нет? Что это будет означать – готовность просто подчиниться, или отделение от России?

Потому-то Сталин в проекте своей резолюции решительно отказался использовать столь двусмысленное, неопределённое положение. И отказался не только от него. Вроде бы повторил первый пункт «Декларации» – «Российская Социалистическая Советская Республика учреждается на основе добровольного союза народов России как федерация со-

ветских республик». Повторил, выбросив всего только одно слово – «национальных», принципиально изменив сущность создаваемой федерации. Вслед за тем использовал уже предлагавшуюся структуру:

«Способ участия советских республик отдельных областей в федеральном правительстве, **областей, отличающихся особым бытом и национальным составом**, равно как разграничение сферы деятельности федеральных и **областных** учреждений Российской Республики определяется немедленно по образованию **областных советских республик** /выделено мной – **Ю.Ж.**/ Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Центральными Исполнительными Комитетами этих республик». ¹³²

Только теперь становилось понятным, что Сталин не изменил своим убеждениям. Как был, так и остался сторонником унитарного государства. Слово же «федерация» использовал в чисто декоративных целях. Лишь для того, чтобы убажить всех тех представителей власти на местах (и прежде всего – на национальных окраинах), которые непременно включали в свои решения и постановления это слово, нисколько не задумываясь о том, как же такая форма государственного устройства станет осуществляться на практике и будет ли она жизнеспособна, особенно в сложившихся, весьма непростых условиях полураспада страны.

Сколь ни было предложение Сталина противоречившим традиционным взглядам на национальный вопрос, большинство делегатов съезда вполне сознательно его одобрило.

Львович-Давидович, фракция эсеров: «Вся речь Сталина проникнута централистской политикой, которая сквозит в каждом его слове».

Ю.А.Ге, фракция анархистов-коммунистов: «Этот закон до того понятен, что не подлежит никакому обсуждению и не должен вызвать никаких прений на этом съезде... Для нас, анархистов, было всегда ясно, что о вопросе о национальном самоопределении не может быть и речи, ибо у нас должен быть на очереди один вопрос – вопрос о классовом самоопределении».

В.Е.Трутовский, фракция левых эсеров: «Рассматривая вопрос национальный, мы должны иметь в виду то обстоятельство, что в данный момент перед нами уже имеется целый ряд единств, которые существуют и формируются в единства, уже вполне самоопределившиеся... Ввиду серьезности национального вопроса (надо) создать специальный Совет

из представителей Советских Национальных Республик, ибо вероятно, что в будущем решения съезда могут стать источником конфликта».

Ю.А.Мартов, фракция меньшевиков-интернационалистов: «На Украине к партии Винниченко принадлежит значительное количество рабочих и крестьян, и это необходимо иметь в виду при разрешении проблем в национальной области. Необходимо всем национальностям, в том числе и украинскому пролетариату, предоставить самоопределяться так, как они пожелают сами, не ограничивая их никакими рамками условий. Вы хотите, чтобы народы России строили везде не демократические, а исключительно советские республики, но, на наш взгляд, предоставьте это им самим. Для Украины, например, необходим созыв украинского Учредительного собрания для того, чтобы путём голосования дать возможность этой стране выявить, наконец, окончательно своё отношение к Украинской Раде».

Е.А.Преображенский, фракция большевиков: «Национальное движение только тогда является исторически прогрессивным, когда оно направлено против империализма, когда оно протекает в обстановке буржуазно-капиталистического строя... Большевики потому сочувствовали /до революции – **Ю.Ж.**/ движению, возглавлявшемуся украинскими эсерами и социал-демократами, хотя последние мало чем отличаются от русских социалистов-соглашателей, что их движение преследовало одну, общую для них и русского трудового народа, цель – свергнуть буржуазное правительство Керенского.

Теперь же, поскольку украинская буржуазия руками господ Винниченко, прячущихся за ярлычком социалистов, стремится использовать принцип самоопределения для борьбы с Советской властью как у себя, так и вне пределов Украины, поскольку гражданская борьба объективно революционна и неизбежна...

Нас упрекают в том, что мы навязываем, насильно навязываем самоопределяющимся народностям советскую организацию власти в границах их самостоятельных территорий. Нам указывают, что в этом отношении мы противоречим своим же принципам. Товарищ Мартов удивляется, почему в то время, как мы в отношении Польши, Литвы, Курляндии и т.д. перед лицом Германии требуем референдума, то есть всеобщего голосования как способа изъяснения народом своей воли, в то же время мы у себя, внутри России, навязываем Украине, Кавказу, Финляндии и т.д. советские федерации...

Для каждой области существует два периода в её политическом развитии. Покуда западные окраины России ещё не сбросили с себя цепей монархического порабощения, требовать от них советской организации власти является невозможным, ибо им предстоит ещё чисто-демократическая революция, в результате которой должно последовать падение царизма».

Селиванов, фракция эсеров-максималистов: «Если сепаратизм российских окраин до октябрьского переворота ускорил развязку с правительством буржуазной коалиции, увеличивая степень недовольства этим правительством и ослабляя его опору, то те формы, которые теперь приняло национальное движение, грозят самому существованию Советской власти...

В основу самоопределения национальностей (теперь, когда Россия является Социалистической Республикой и носителем великих идеалов всемирного освобождения угнетённых классов, которым нет надобности бежать от Великороссии, нет тех оснований для сепаратизма, которые питались желанием освободиться от империалистического гнёта раньше) должен быть положен принцип краевого самоопределения, принцип культурной автономии, но не отмежевания по национальному признаку..»

Лозунг самоопределения наций как таковых, а не одних лишь их угнетённых элементов, должен быть отвергнут в Советской России». ¹³³

Вот всё, абсолютно всё, что сказали делегаты съезда во время прений по национальному вопросу. И позволили Сталину окончательно утвердиться в своей правоте, выступая с заключительным словом.

С первых же слов Сталин позволил себе то, о чём умолчал, представляя проект: «Предложенная резолюция не является законом, а намечает лишь общие основы будущей Конституции Российской Федеративной Республики. Пока ещё не кончилась борьба между двумя политическими течениями – националистической контрреволюцией с одной стороны, и Советской властью с другой, – до тех пор не может быть речи об отчеканенной Конституции, ясно и точно определяющей все детали государственного устройства советских республик. Резолюция содержит лишь общие основы Конституции, которые будут переданы для подробной разработки Центральному Исполнительному Комитету и представлены на окончательное утверждение ближайшему съезду Советов».

Завершая выступление, Сталин вернулся к тому, о чём говорил в основном докладе.

«Приходится продолжать, – сказал он, – так называемую гражданскую войну, являющуюся, по сути дела, борьбой между течением, стремящемся утвердить на окраинах власть коалиционную, соглашательскую, и другим течением, борющимся за утверждение власти социалистической... Вот в чём содержание и исторический смысл тех острых конфликтов, которые возникают между Советом Народных Комиссаров с одной стороны, и окраинными буржуазно-националистическими коалиционными правительствами – с другой. Ссылки этих правительств на то, что они ведут борьбу для того, чтобы отстоять национальную независимость, являются не более как лицемерным прикрытием ведущегося против трудового народа похода».¹³⁴

Теперь заменим в данной цитате прилагательные «коалиционный», «соглашательский», «буржуазный» на иное слово – «сепаратистский», а «социалистический» – на «унитарный». И только тогда поймём, что же хотел сказать Сталин, вынужденный использовать подобный флёр, чтобы добиться своего, не вызывая возмущения делегатов, представлявших все без исключения социалистические партии страны.

Уловка почти удалась. Против выступили лишь меньшевики – Добронацкий, Д.Ф.Жилунович и А.С.Мартынов. Правда, обрушились они не на Сталина и предлагаемую им форму государственного устройства. Настаивали на восстановлении диктатуры истинной демократии и её олицетворения – Учредительного собрания. Делегаты от остальных фракций – анархистов-коммунистов, левых эсеров, эсеров-максималистов – безоговорочно поддержали докладчика. Правда, дополнили проект. В формулировку «Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» внесли слово «и казачьих». Да ещё присовокупили к резолюции два пункта, лишь усилившие её смысл:

«6. Все местные дела решаются исключительно местными советами. За высшими советами признаётся право регулирования отношений между низшими советами и решение возникающих между ними разногласий. Центральная Советская власть обязана следить за соблюдением основ федерации и представлять Российскую Федерацию Советов в её целом. На центральную власть возлагается также проведение мероприятий, осуществимых лишь в общегосударственном масштабе, причём, однако, не должны быть нарушаемы права отдельных, вступивших в федерацию, областей.

7. Разработка этих основных положений Конституции Российской Федеративной Республики поручается Центральному Исполнительному Комитету Советов для внесения на следующий съезд Советов». ¹³⁵

Начиная с этого момента, Российская Советская Республика хотя и оставалась федеративной, но только по названию, неумолимо превращаясь в унитарную. В административном отношении разделённую на области, они же – областные объединения или областные республики. Теперь оставалось столь же юридически окончательно определить и границы государства. Решить: сохранятся ли они прежними – разумеется, без Польши и Финляндии – или станут иными. Но ответ на такой вопрос можно было получить лишь по завершению переговоров в Брест-Литовске.

Глава III. НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Австро-Венгрия, участвуя в Брест-Литовских переговорах, стремилась лишь к одному – обеспечить безопасность своей восточной границы наискорейшим подписанием мира с Россией. Наискорейшим, ибо продолжать войну она больше не могла. Оценивая её возможность сопротивляться в начале 1918 года, генерал Людендорф писал:

Её «армия вымоталась, она потеряла около 1.800.000 пленными и у неё не хватало пополнений. Боеспособность армии была ограниченной, но для действий против Италии в существенных чертах достаточной. Если выход из войны России станет фактом, то можно будет надеяться, что и в дальнейшем австро-венгерская армия справится с выполнением своих задач. В том, что ей удастся освободить силы для других целей, было сомнительно.

Нам следовало подготовиться к тому, что в 1918 году австро-венгерское правительство вновь заявит, как и в 1917 году, что его армия больше воевать не может. Действительно, бросалось в глаза, что военные силы Австро-Венгрии были на исходе. Не приходилось сомневаться в том, что в случае выхода Австро-Венгрии из войны политическое равновесие не удержится ни на один час. Двуетапная монархия держалась лишь армией».

Возможности собственных вооруженных сил немецкий генерал представлял в более радужных тонах. «В Германии, – продолжал он, – настроение, по-видимому, было лучше, чем у наших союзников, но также оставляло желать лучшего.

Мы пережили 1917 год, но выяснилось, что при столь невероятном количестве боеприпасов, которые расходовала Антанта, нельзя было быть уверенным в том, что Западному фронту удастся удержаться, продолжая пассивную оборону. Нам приходилось отступать и нести тяжёлые потери даже при нормальных тактических условиях... Оборона стоила нам боль-

ших потерь, чем наши хорошо организованные наступательные операции. Хорошо вооружённый противник легко сокрушал нашу оборону. И это явление становилось совершенно очевидным по мере того, как мы теряли убитыми и ранеными лучших солдат, и падение дисциплины в наших рядах становилось всё чувствительнее...

Насколько оборона угнетала войска, настолько наступление поднимало их дух... На западе войска жаждали наступления, и ждали его после развала России с огромным воодушевлением... Войска считали: войну можно завершить только наступлением. В том же смысле высказывались и очень многие генералы, в том числе и значительнейшие военачальники».

Сепаратистские действия националистического Киева как нельзя лучше способствовали планам Германского Верховного командования, планам Людендорфа.

«Переброска войск, — с явным удовлетворением отмечал он, — из Галиции и Буковины /после создания «Украинского фронта» — **Ю.Ж.**/ во Францию и Бельгию уже началась в широких масштабах. Было действительно необходимо решить, какие войска подлежат переброске с Балканского полуострова и с Восточного фронта. Но предварительно нам необходимо было выяснить, во что выльются наши отношения с Россией и Румынией, и какую позицию займёт большевизм по отношению к Антанте и Четверному союзу не только как воюющая, но и революционная держава. Мы должны были заблаговременно разобраться в обстановке — нам предстояли ещё обширные переброски войск».¹

Всё ещё достаточно сильная Германия пыталась в Брест-Литовске, используя непримиримо-наглую дипломатию милитаристов, «убить одним выстрелом двух зайцев». Не только добиться вывода России из войны, но и вместе с тем ещё и извлечь из того максимальную выгоду. Тем или иным способом закрепить за собой Литву, Курляндию, а если получится, то и Лифляндию с Эстляндией. Использовать для того пресловутый принцип самоопределения, которым столь неумеренно оперировал в наступлениях на переговорах Троцкий.

Советская Россия, даже не способная уже вести полноценные боевые действия, всё ещё оставалась стратегически важным участником большой геополитической игры. Той самой, что называлась мировой войной. Оставалась, но только до тех пор, пока не подписала мир с Германией и Австро-Венгрией. Именно поэтому Ленин и настаивал на максимальном затягивании переговоров. Потому и Сталина столь возмущали, приводили в негодование явно сепаратистские действия Рады.

Оба политика, лидеры большевиков, понимали очевидное даже для профанов: чем дольше немецкое Верховное командование не сможет перебросить все боеспособные дивизии с Восточного фронта на Западный, тем скорее Антанта сможет, накопив силы, одним или несколькими ударами завершить разгром Германии. А тогда переговоры в Брест-Литовске исчерпают себя, прекратятся, став бессмысленными. И Советская Россия сможет спасти – нет, не мировую революцию, о ней пора было забыть, а страну. Спасёт от неминуемого (в противном случае – окончательного) распада. Спасёт от гибели.

Отказывались понимать очевидное только Троцкий да остальные члены советской делегации в Брест-Литовске – Иоффе, Каменев, Радек, Покровский. Те, кому Совнарком, ЦК партии и доверили судьбы страны.

1. Нож в спину

Троцкий уехал из Брест-Литовска 18 (5) января. Людендорф откровенно отметил в воспоминаниях:

«23 января на совещании в Берлине генерал-фельдмаршал (Верховный главнокомандующий вооружёнными силами Германии Пауль фон Гинденбург – **Ю.Ж.**/ по моей просьбе заявил, что нам необходимо точно выяснить положение на востоке, так как пока этого не будет сделано, придётся держать там хорошие дивизии, вполне пригодные для действий на западе. Если русские и дальше будут затягивать переговоры, то надо их прервать и возобновить военные действия. Это приведёт к свержению большевистской власти, а всякое другое правительство будет вынуждено подписать мир».²

Под «другим правительством» немецкий генерал подразумевал, прежде всего, Киевскую Раду. Именно её.

30 (17) января Троцкий вернулся в Брест-Литовск. Вернулся, имея на руках резолюцию 3-го Всероссийского съезда Советов «По вопросу о мире», фактически – инструкцию, согласно которой он только и мог теперь действовать.

В тот же день нарком по иностранным делам сделал заявление, которое вполне могло бы изменить ход переговоров в пользу Петрограда. Троцкий уведомил оппонентов, что в составе российской делегации теперь находятся представители Советской Украины – председатель ВуЦИК И.Г.Медведев и народный секретарь по военным делам В.М.Шахрай. Пояснил причину того:

«Весь Донецкий угольный бассейн, Екатеринославская промышленная область, Харьковская и Полтавская губернии находятся всецело под управлением Украинской Советской власти. В других частях Украинской Республики борьба характеризуется всё возрастающим значением Советов и убывающим влиянием Киевской Рады. В день нашего отъезда нам сообщили в Петроград по прямому проводу из Киева, что киевский Генеральный секретариат, тот самый, который был представлен здесь делегацией под председательством г. Голубовича, подал в отставку. В настоящий момент мы не знаем, чем кончится этот кризис».

Попытался иначе трактовать свою прежнюю позицию:

«Я заявлял, что ввиду того, что Украина ещё не отмежевалась территориально, одностороннее соглашение Центральных империй с киевской делегацией по вопросу о границах как предмете мирного договора не может иметь силы, если оно не будет скреплено делегацией Совета Народных Комиссаров. Сейчас, когда в Петрограде заседает Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, где представлены также и влиятельные украинские Советы и где единодушно устанавливаются федеративные основы Российской Республики, участие представителей Украинского Центрального Исполнительного Комитета в составе нашей делегации отвечает действительному положению вещей в Российской Республике».

И всё же, Троцкий не смог удержаться и сделал реверанс Раде. «Если, – продолжил он, – делегация г. Голубовича по-прежнему имеет мандат от киевского Генерального секретариата, то мы по-прежнему не возражаем против её дальнейшего участия в мирных переговорах».

Кюльман не стал торопиться с выводами. Ответил предельно уклончиво: «Никем не оспаривается существование свободной Украинской Республики, но две самостоятельные делегации утверждают, что они правомочны представлять эту республику в международных вопросах. Вопрос этот настолько серьёзен, что союзнические делегации обсудят его с интересом и внимательно».³ Тем, не без согласия на то Троцкого, сохранил присутствие посланцев Рады.

Делегации Центральных держав далеко не случайно не стали торопиться с решением возникшей задачи. Ведь уже через сутки, 1 февраля (19 января) в Брест-Литовске появился новый руководитель делегации Рады – А.А.Севрюк. Сразу же получив слово на пленарном заседании, он прежде всего постарался максимально выгодно использовать прежние высказывания Троцкого в ходе мирных переговоров.

«В заседании политической комиссии 14 (1) января, – напомнил Севрюк, – председатель русской делегации г. Троцкий сказал:

– Я указал в одном из наших заявлений, что те конфликты, которые у нас имелись с Украинской Радой и которые, к сожалению, ещё не ликвидированы, ни в каком отношении не могут ограничить право украинского народа на самоопределение и ни в коем случае не препятствует нашему признанию независимой Украинской Республики...

Мы вполне согласны с г. Троцким, что в государственной жизни Украины произошли изменения, но эти изменения совершенно иного порядка, нежели те, на которые указывает г. Троцкий. Они по существу связаны с Четвёртым Универсалом Украинской Центральной Рады от 24 (11) января».⁴

И Севрюк огласил этот весьма примечательный документ, появившийся на свет ради одного – юридически обосновать своё право подписать сепаратный мирный договор с Центральными державами. Документ, официально провозгласивший независимость Украины без каких-либо обещаний в некоем будущем установить федеративные связи с Россией. Универсал, принятый Радой, узурпировавшей тем права так и не созванного Украинского Учредительного собрания, которое как предполагалось, только и могло принять такой акт.

«Учредительное собрание, – указывал Универсал, – намеченное на сегодня и призванное принять от нас верховную революционную власть на Украине для утверждения законов народной республики и формирования нового правительства, не может быть созвано». По какой причине? Да всё из-за тех же происков «извечных врагов», русских: «Совет Народных Комиссаров в Петрограде объявил Украине войну в целях поставить под свой контроль свободную Украинскую Республику...

Мы, Украинская Центральная Рада, сделали всё, что в наших силах, для предотвращения братоубийственной войны между двумя соседними народами, но правительство в Петрограде отказалось рассматривать наши предложения и продолжает вести кровавую войну против нашего народа и республики. Более того, тот же самый Петроградский Совет Народных Комиссаров начинает пренебрегать миром и зовёт к новой войне, которую называет священной».

Так, более чем своеобразно, авторы Универсала интерпретировали обмен посланиями между Совнаркомом и Генеральным секретариатом. Сделали вид, что никому кроме них эти документы не известны. Никто их не читал, хотя они и были опу-

бликованы не только в российских, но и в украинских газетах. Пытаясь любым способом представить себя пострадавшей стороной, оправдать измышлениями о происках Совнаркома, упорно называемого всего лишь «петроградским» правительством, запамятовали о самом важном. До той поры остававшемся единственным пунктом разногласий – отказе Рады признать мятеж на Дону контрреволюционным, и потому для его подавления пропустить советские войска через территории, которую Рада менее месяца назад ещё контролировала.

Столь же легко и просто обошлись авторы Универсала и с тем, что Рада была далеко не единственной краевой властью. Не захотели вспомнить о Всеукраинском Центральном Исполнительном Комитете. О том, который, хотя и при поддержке Петрограда, и вёл отнюдь не «кровавую» борьбу с вооружёнными силами, подчинявшимся Генеральному секретариату. Солдаты, не интересовавшиеся своей национальностью, зато разделявшие цели Совнаркома, чаще всего без боя вытесняли украинские национальные части из губернских и уездных центров, из железнодорожных узлов. Воевали не из-за некоей «украинофобии». Ради подавления мятежа на Дону, уже перекинувшегося на Кубань, Северный Кавказ.

Сочтя такие грубые искажения, умолчания, подтасовки весьма убедительными доводами, авторы Универсала обращались к населению края. Призывали его встать на защиту и Рады, и Генерального секретариата, поспешно переименованного в Совет Народных Министров:

«Что касается так называемых большевиков и других агрессоров, которые грабят и разоряют нашу страну, то мы поручаем правительству Украинской Народной Республики начать жестокую и решительную борьбу против них. Мы обращаемся ко всем гражданам нашей республики с призывом защищать благосостояние и свободу нашего народа, даже ценой собственной жизни. Наше украинское народное государство следует очистить от агрессоров из Петрограда, которые попирают права Украинской Республики».

И вновь авторы Универсала лукавили. Лучше других они знали, что до сих пор не только население края, но и национальные части даже не пытались их защищать. А теперь уж и подавно делать того не будут. Неопровержимым доказательством тому являлась та крохотная территория – всего лишь Киев с окрестностями, – на которую пока ещё распространялась власть Рады. И не потому ли в Четвёртом Универсале так и не вспомнили, не назвали слагающие Украинскую Народную Республику губер-

нии. Те самые восемь, не считая более чем проблематичных Бессарабии, материковой Таврии да ещё и Кубани, на которые националисты претендовали с весны 1917 года.

Раде было великолепно известно, что никакой властью она уже не обладает. Но знала и иное, более важное – у кого она найдёт и признание, и надёжную вооружённую защиту. Однако о том сообщила в Универсале весьма неохотно. Не вдаваясь в подробности, бегло:

«Мы поручаем правительству нашей республики, Совету Народных Министров, вести с этого дня совершенно независимо начатые прежде мирные переговоры с Центральными державами, довести их до конца, не взирая ни на какие препятствия или возражения со стороны какого-либо образования бывшей Российской Империи, и достичь мира для того, чтобы наша страна могла развивать свою экономику в полной гармонии и спокойствии».⁵

Обосновав только Четвёртым Универсалом обретение Радой права подписать сепаратный мирный договор, Севрюк на том не остановился. Попытался, как то уже делал прежний глава украинской делегации Голубович, ставший премьером, ещё и отказать Совнаркому в признании его общероссийской власти – мало ли существует «образований бывшей Российской Империи»! А на появление в Брест-Литовске делегации ВуЦИК среагировал весьма характерно. Заметил, что если он в таком случае не может выражать интересы Украины, то и российская делегация «должна сложить свои полномочия, ибо в её состав не вошли ни представители Молдавии, ни крымские татары, ни донские казаки, ни кавказские народы, ни Сибирь».⁶ Выразил тем своё весьма своеобразное представление о том, что же есть федерация.

Выступление представителя Рады не могло не породить дискуссии. Но дискуссии заведомо бесплодной, и потому бессмысленной, ибо на переговорах давно уже всё было предрешено. В том числе и отсутствие реакции на заявление из любезности получившего слово Г.Е.Медведева. Он же от имени ВуЦИК попытался втолковать оппонентам:

«Украинский народ стремится к скорейшему миру. Но этот мир он хочет заключить совместно со всей Российской Федеративной Республикой, в братском единении с её трудящимся населением... Глубоко ошибаются те, кто полагает, что только цепи царизма связывали Россию с Украиной. Эти цепи пали, но глубокая экономическая и культурная связь между братскими народами осталась, и в настоящее время эта связь закрепляет-

ся на основах свободного согласия. Мы считаем своим долгом предупредить народы Австро-Венгрии и Германии, что всякие попытки противопоставить Украину России и на этом противопоставлении построить дело мира покоятся на ложном основании и потому обречены с самого начала на неудачу».⁷

Не остался в стороне и Троцкий. Но сразу же допустил неправимую ошибку. Вместо безоговорочного признания правомочности участия в переговорах только делегатов ВуЦИК, он поспешил свести возникшую проблему к наименее значимому. К отсутствию общепризнанных, и в первую очередь Петроградом, границ Украины. «Всякое соглашение, – отметил нарком, – между делегацией Киевской Рады и Центральными империями, соглашение, в силу неопределённости границ этих государств вызывающее возражение со стороны российской делегации, тем самым лишается своего значения».

А вслед за тем произнёс немыслимое – для одного из руководителей большевистской партии, члена Совнаркома. Того, кто руководил в октябре минувшего года Петроградским Военно-революционным комитетом и обеспечил передачу государственной власти Советам. Ничуть не смущаясь, Троцкий счёл возможным заявить, что ни Харьковский съезд Советов Украины, ни ВуЦИК, ни принятые теми документы не играют (во всяком случае, лично для него) никакой роли. Снова вольно или невольно подыграл противникам – и Центральным державам, и Киевской Раде, чей посланец только что низвёл Совнарком до уровня чисто русской власти.

«Все ссылки, – произнёс нарком, – на внутренние перемены в политической жизни украинского народа, разумеется, не могут иметь решающего значения, это мы готовы признать, но именно вследствие отсутствия определённого положения и юридической оформленности интересующих нас вопросов, мы неизбежно должны подойти к ним с практической точки зрения. Только поэтому я позволю себе сослаться на фактические отношения, явившиеся результатом **борьбы двух организаций, претендующих на государственную власть на Украине** /выделено мной – Ю.Ж./».

«Вопрос, стоящий на очереди, – продолжал опомнившийся и попытавшийся несколько поправить себя Троцкий, – вопрос исторический. Центральные империи, как и другие государства, заинтересованы в определении своего отношения к Украине по существу. Они также заинтересованы в том, чтобы не принимать мнимые величины за действительные. Именно поэтому я должен указать на то, что в некоторых кругах имеется, быть мо-

жет, тенденция к переоценке силы и значения сепаратистских устремлений, существующих в революционной России...

По мере утверждения власти Советов во всей стране имущие группы переносят свои сепаратистские устремления всё дальше и дальше на окраины... Наиболее яркие проявления сепаратизма замечаются в настоящее время в помещичьих верхах казачества, то есть в тех именно группах, которые в прошлом являлись носителями железного централизма. Если мы на минуту допустим победу этих групп в нынешней России, то для всякого реально мыслящего политика ясно, что они снова станут носителями централизма».

Однако столь отвлечённая оценка ситуации, когда вместо Рады стыдливо упоминалось казачество, никого убедить не могла. Ведь Троцкий вновь вернулся на прежние позиции. Зачем-то добавил: «До тех пор, пока делегация Киевской Рады сохраняет свой мандат, мы не возражаем против её самостоятельного участия в переговорах».⁸ И породил тем поспешный, пока Троцкий не одумался, ответ Чернина от имени Центральных держав: «У нас нет оснований отказываться от признания украинской делегации или ограничить это признание... В настоящее время мы вынуждены признать Украинскую Народную Республику как свободное, суверенное государство, вполне правомочное вступать в международные отношения». А на следующем пленарном заседании, 3 февраля (21 января) тот же министр иностранных дел Австро-Венгрии с изрядной долей иронии ещё раз бросил Троцкому: «Мы признаём правительство Украинской Рады, следовательно, оно для нас существует».⁹

Тогда советский нарком и не пытался возражать. Только 9 Февраля (27 января) наконец произнёс то, что следовало сказать во всеуслышание задолго перед тем. «Власть Совета Народных Комиссаров, – сообщил он участникам переговоров новость, – распространяется и на ту территорию, от имени которой говорит правительство (Рады), единственной территорией которого является Брест-Литовск».¹⁰

Действительно, и Рада, и её Совет Народных Министров 8 февраля (26 января) бежали из Киева. Через день добрались до Житомира, откуда ненадолго ушли советские войска, но встретили в городе части чехословацкого корпуса, не пожелавшего приютить австро- и германофилов. Тем не менее, представители Рады, не обладавшей властью в пределах хотя бы одного уезда, 9 февраля (27 января) поторопились подписать с делегатами Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции мирный договор. Собственный. Сепаратный. Выгодный лишь Берлину и Вене.

Его статья 2-я зафиксировала границу Украины. Только западную – с Австро-Венгрией по линии прежней русско-австрийской до города Тарнограда (ныне Тарногруд, Польша). А далее – почти строго на север до Пружан (ныне Белоруссия) – неизвестно с кем. То ли с Германией, то ли с подконтрольной той Польшей. О северной, восточной и южной границах Украины речи почему-то не было.

Но самой важной статьёй договора стала 7-я, рассматривавшая экономические вопросы. В соответствии с ней Рада обязывалась до 31 июля поставить в Германию и Австро-Венгрию «излишки» своей сельскохозяйственной продукции: 113,5 тысяч тонн зерна, муки, кукурузы, фуража; 3,3 тысячи тонн масла, жира, и сала; 1,8 тысяч тонн растительного масла; 1,2 тысячи тонн рыбы и мясных консервов; 105,5 тысяч голов крупного рогатого скота, 96 тысяч лошадей; 3 тысячи тонн солонины; 75 тысяч ящиков яиц, 67 тысяч тонн сахара.¹¹

Происходившее в Брест-Литовске беспокоило Сталина, вызвало его справедливое возмущение. Днём 10 февраля (28 января), всё ещё не получив сведений о подписании сепаратного мира, он телеграфировал Антонову-Овсеенко, отвечавшему за военные операции на юге:

«Делегация старой Рады получает ложные сведения от бежавшего с поля боя Голубовича о поражении советских войск в Киеве, а наши милые товарищи из Харькова и Киева глубоко-мысленно молчат, не информируют Троцкого, и тем самым молчанием подтверждают сплетни Голубовича, укрепляя тем самым положение несуществующей Рады... Если они такого сообщения не дадут, немцы не замедлят заключить мир с несуществующей Радой для того, чтобы обеспечить себе вмешательство в дела жизни Украины».¹²

Надежды Сталина что-либо изменить даже сообщением о полном разгроме националистов оказались тщетными. Троянский конь из Киева уже сделал своё дело. Накануне одним росчерком пера под договором Севрюк развязал руки Германскому Верховному командованию. Большая часть Восточного фронта – к югу от Брест-Литовска – для них перестала существовать. Гинденбург и Людендорф могли, наконец, перебросить боеспособные дивизии на Западный фронт. Готовить, благодаря тому, давно задуманное большое наступление во Фландрии, призванное по замыслу привести их к победе. Могли теперь обеспечить и население страны, и армию столь необходимым продовольствием, заодно поддержав и войска Австро-Венгрии. Следовательно, с российской делегацией можно было больше не це-

ремонтиться. Ультимативно потребовать и заключения мира, и согласия на аннексию как можно большей территории.

Таких же мер потребовал и Вильгельм II. «Троцкий, – указал он 9 февраля, – должен до восьми часов вечера завтрашнего дня, 10-го (об этом доложить в это время сюда, в Хомбург) подписать без проволочек мир на наших условиях с немедленным отказом от Прибалтики до линии Нарва – Псков – Двинск без права на самоопределение... В случае отказа или попыток затяжек и проволочек и прочих отговорок в восемь часов вечера прерываются все переговоры, прекращается перемирие».¹³ Правда, почти сразу же согласился отсрочить предъявление столь значительных требований.

Волю кайзера, но в несколько смягчённом виде, поручили выразить генералу Гофману. Именно он, а не дипломаты, и объявил – какой должна стать северо-западная граница Российской Республики. Без Польши, Литвы, Курляндии, юга Лифляндии, островов Эзель, Даго, Моон, и без того оккупированных немецкими войсками.

Троцкий стушевался. Уступил место военным консультантам своей делегации. Прежде всего, контр-адмиралу В.М.Альтфатеру. Не ставшему вдаваться в детали трактовки принципа самоопределения. Просто объяснившему, почему Россия не может принять такие условия. Ведь захват даже одного Моонзундского архипелага, указал он, позволит Германии «перенести базирование своих морских вооружённых сил в центральный район Балтийского моря и тем самым продвинет зону боевых действий в непосредственную близость к берегам России... Пользуясь превосходством своих морских сил и базируясь на островах, развить широкие наступательные операции, как чисто морские, так и смешанные, вглубь Финского залива, к столице России – Петрограду».

Сказал Альтфатер и о том, что вроде бы выходило за рамки его компетенции: аннексия Риги «фактически передаст в руки Германии по крайней мере четвертую часть нашей внешней торговли и вместе с тем отстранит нас от Балтийского моря».¹⁴

Второй военный консультант российской делегации, капитан Липский, также выразил возмущение предложенной Гофманом линии границы: «Она отрезает большую часть Латвии... от меньшей... Отсекает от «России часть Белоруссии... Новое начертание границы не только не согласуется с принципом неделимости территории, населённой одной народностью, но и, наоборот, в нём скорее можно усмотреть стремление создать искусственную полосу между территорией Германии и России и изолировать от последней молодое Польское государство».

Продолжая, Липский указал на то, о чём следовало сказать не кому-либо, а прежде всего Троцкому: «Новая граница создаёт неотвратимую опасность нашему северу, грозит оккупацией Лифляндии и Эстляндии, угрожает столице Российской Республики Петрограду... Проектируемая Германией граница обрекает Россию в случае войны с Германией на потерю новых территорий в самом начале войны и, вместе с тем, указывает на агрессивные намерения противной стороны».¹⁵

Но немцев какое-либо мнение российской делегации перестало интересовать. Г.Грац, заместитель Кюльмана и начальник экономического отдела германского МИДа, исполняя волю кайзера, безапелляционно ответил: «В намеченной нами границе нельзя будет ничего изменить». Добавил, смягчая жёсткость произнесённого: «Я предлагаю собраться ещё раз сегодня в четыре часа для того, чтобы обсудить этот отчёт /о границе – **Ю.Ж.**/ и зафиксировать его. Таким образом, мы выявим, возможно ли соглашение, которое необходимо для достижения желаемого в принципе обеими сторонами мира».¹⁶

10 февраля (28 января), ставшего последним днём переговоров, Ф.Розенберг, первый заместитель главы германской делегации, объявил, наконец, то, на чём настаивал Вильгельм II. «Россия обязуется, – потребовал Розенберг, – по заключении мира немедленно очистить Лифляндию и Эстляндию от русских войск».¹⁷

И снова вместо Троцкого попытался возражать М.Н.Покровский. «Русская делегация, – силился он отстоять позицию Петрограда, – неоднократно заявляла, и я это могу повторить, что Российская Федеративная Республика решила предоставить как эстонскому, так и латышскому народам полное право на самоопределение вплоть до отделения. Само собой разумеется, российское правительство не только не может дать какие-либо гарантии, но оно не берёт на себя смелость высказать даже какое бы то ни было предположение относительно стремления этих областей, то есть подавляющего большинства эстонского и латышского народов, к более тесному сближению с Германией, нежели с Россией – я не могу выразиться точнее.

Насколько нам известны взгляды отдельных, но многочисленных представителей латышских и эстонских народных масс, например, десятков тысяч латышских стрелков, входящих в состав русской армии, можно ожидать обратного результата, а именно того, что эти народы пожелают войти в состав Российской Федеративной Республики».

Всё оказалось тщетным. Грац констатировал сложившееся положение предельно просто: «Соглашение не достигнуто», имея в виду переговоры в целом.¹⁸ В тот же день, но лишь часом позже, к тому же выводу пришёл и Троцкий. Выражая его, не учёл лишь одного – словами противостоять военной силе невозможно.

А потому его ответное заявление оказалось не просто бессмысленным, но и, по сути, преступным. Ведь отвечало оно только интересам Берлина, помогало ему достичь столь желанной цели.

«Правительства Германии и Австро-Венгрии, – объявил Троцкий, – хотят владеть землями и народами по праву военного захвата. Пусть они своё дело творят открыто. Мы не можем освящать насилия. Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказать от подписания мирного договора, в связи с этим заявлением я передаю объединённым союзническим делегациям следующее письменное и подписанное заявление.

«Именем Совета Народных Комиссаров – правительства Российской Федеративной Республики, настоящим доводим до сведения правительств и народов воюющих с нами союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия со своей стороны объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращённым. Российским войскам одновременно отдаётся приказ о полной демобилизации по всему фронту».¹⁹

Лучшего подарка сделать Берлину и Вене было нельзя.

2. Насильственный и унижительный мир

Поначалу в Петрограде не осознали страшной опасности, созданной заявлением Троцкого. По инициативе Свердлова ВЦИК 14 февраля (с введением в России григорианского календаря даты с 1 по 13 февраля не использовались) «вполне одобрил действия своих представителей в Бресте». Заодно посчитал необходимым, что, впрочем, не играло ни малейшей роли, расценить «поведение делегации бывшей Украинской Рады актом измены и предательства», а потому признал «недействительным тот договор, который заключили с германским правительством агенты украинской буржуазии».

Подтвердил ВЦИК и иное, более важное: «старая русская армия» демобилизуется, хотя и «необходима новая армия», Красная рабоче-крестьянская, организация которой «является

одной из самых важных задач». Столь стоическое равнодушие к обороне объяснялось упованием леворадикалов на очень близкую мировую революцию. На то, что «австро-германские рабочие и солдаты... выполнят свой долг перед угнетёнными классами всего мира и доведут начатую в Берлине и Вене борьбу» до победы.²⁰

Всё начало меняться лишь после того, как члены Совнаркома узнали о принятом в Германии 16 февраля решении возобновить военные действия – а его породило ничто иное, как противоестественное и предельно безответственное по существу заявление Троцкого об одностороннем выходе России из войны. В ночь с 17 на 18 февраля Советское правительство поспешило направить в Берлин телеграмму. В ней, хотя и выразило протест в связи с германским вторжением, но и вынужденно согласилось «подписать мир на тех условиях, которые были предложены делегациями Четверного союза».²¹ Однако такая готовность слабого слишком запоздала. Армии противника уже начали поход на Восток. По всему больше не существующему фронту, от Рижского залива до Чёрного моря, поход, на который они успели получить дополнительные веские основания. Вроде бы вполне законные.

18 февраля делегация Рады, всё ещё пребывавшая в Брест-Литовске, ибо вернуться ей было просто некуда, подписала с представителями Берлина и Вены военное соглашение. В соответствии с ним немецкие и австро-венгерские войска и получали возможность занять Украину для обеспечения на её территории «мира и порядка». А также для поддержания дальнейшего существования самой Рады и её правительства.

19 февраля вооружённые силы Центральных держав, главным образом, лансвер (резервные части), а также две дивизии, сформированные из пленных украинцев (в Германии – «Синяя», в Австро-Венгрии – Казацко-стрелецкая или «Серая»), начали оккупацию давно вожаделенного ими края.

Лишь 27 февраля Рада объявила о границах той территории, которую решила считать «своей». Вернее, таким образом определяла пределы германо-австрийского захвата. Как и год назад, посчитала, что исторически и этнографически «чисто украинскими» являются Волынская, Черниговская, Киевская, Полтавская, Харьковская, Подольская, Херсонская и Екатеринославская губернии, четыре уезда Воронежской и два – Курской, Кубанская область без Новороссийска. Посчитала, что того недостаточно (для себя или Германии с Австро-Венгрией?) и потребовала от России при подписании с ней мирного договора ещё и заведо-

мо невозможного – губерний Черноморской и Ставропольской, а также Ростовского и Таганрогского округов области Войска Донского.²²

А накануне вторжения на Украину, 18 февраля, немецкие войска перешли линию фронта и в Прибалтике. За две недели достигли установленного кайзером рубежа: 18 февраля заняли Двинск, 28 – Псков, 4 марта – Нарву.

Немцы очень хорошо знали, когда надо начать наступление.

Тогда, когда таявшая буквально на глазах из-за объявленной демобилизации русская армия вынуждена была не столько сдерживать противника, сколько по мере сил подавлять мятежи на Дону, в Оренбурге, Уральске, изгонять изменническую Раду из Украины. И хотя в те дни решалась судьба страны, её целостность, удерживать фронты – Северный, Западный, Южный революционный – больше было некому.

И тогда, когда для России хотя и возникла смертельная угроза, руководство большевистской партии раскололось. Из него выделилась группа «левых коммунистов». Тех, кто вслед за Троцким полагал – мировая революция стоит у порога, её лишь нужно подтолкнуть. Как? Да просто, начав антиимпериалистическую войну, которая и сметёт прогнившие режимы буржуазной Европы.

Такую позицию в те дни заняли члены и кандидаты в члены ЦК Н.Н.Бухарин, А.С.Бубнов, А.М.Коллонтай, Н.Н.Крестинский, М.С.Урицкий, А.Ломов (Г.И.Оппоков), Л.А.Преображенский, В.Н.Яковлева, председатель ВСНХ В.В.Осинский (И.Оболенский), нарком финансов И.И.Скворцов-Степанов, председатель Московского областного СНК М.Н.Покровский, многие иные. Их безоговорочно поддержали крупнейшие большевистские организации – Московская областная, Петроградская, Уральская. Они-то и потребовали незамедлительно прекратить переговоры в Бресте, отклонить все требования Берлина. А в заседании СНК 20 февраля, заслушав доклад наркома по военным делам Н.В.Крыленко и командующего морскими силами республики бывшего контр-адмирала В.М.Альтфатера о положении на фронте, предложили утвердить проект подготовленного ими воззвания. Документ, в котором, в частности, говорилось:

«Товарищи и граждане!

Наступают тяжёлые минуты. Наступают дни тяжчайших испытаний, дни величайшей опасности, которая когда-либо за всё время угрожала Советской власти, рабочему классу и крестьянству России, рабочему классу и крестьянству Европы, всем угнетённым и эксплуатируемым...

Под знаменем мира было поднято восстание 25 октября, и первым шагом Советской власти было объявление перемирия и предложение начать мирные переговоры о прекращении войны... Так или иначе, но с мировой бойней покончено. Так думали мы все, никто из нас не сомневался в этом со дня заключения перемирия со дня революции в октябре, со дня утверждения власти Советов. Под этим знаком было начато перемирие, и шли два месяца переговоры. Переговоры не привели ни к чему. К новому обману, к новой попытке удушения революции привели переговоры...

Мы отказались подписать мир, но мы отказались и продолжать войну. Мы объявили войну прекращённой, мы начали демобилизацию армии... Без выстрела немцы заняли Двинск и продвигаются дальше. Они идут теперь уже не ради завоеваний, они идут, чтобы задушить революцию. Генерал Гофман прямо говорит в своей прокламации, что он идёт навести порядок, чтобы спасти Европу от заразы революции, чтобы предотвратить революцию на Западе...

Мы послали немцам ещё одно предложение мира. Товарищи, нам нет выхода, если оно будет отвергнуто. Нам нет выхода кроме одного – беспощадной революционной войны не на жизнь, а на смерть. Война за революцию, за власть народа, за самостоятельное управление своими делами, за торжество мировой революции, за социализм. Нет выхода иного нам, кроме беспощадной борьбы. Мы должны показать, что мы умеем в крайнем случае умирать, как умирали всегда революционеры».²³

Совнарком большинством голосов отклонил воззвание, хотя никто из членов правительства не сомневался в скором пришествии мировой революции. Мир же с немцами, мир вынужденный, ибо воевать просто было некому, понимали как временную отсрочку.

В тот же день Ленин выступил перед латышскими стрелками – бойцами последней сохранившей дисциплину и боеспособность дивизии русской армии. Объяснял им, что договор в Бресте нужно подписать потому, что «русская революция перекатится в ближайшее время не только в Германию, но и в другие воюющие страны. Под влиянием мировой социальной революции германский империализм будет вынужден отказаться от своих завоеваний».²⁴

Правда, вслед за тем, всё тщательно обдумав, в статье для «Правды» он несколько иначе характеризовал положение, в котором оказалась страна. Настаивал на категорическом отказе от революционной войны. «Старой армии нет, – писал Ленин,

– Новая только начинает зарождаться». А далее следовало более важное, полностью опровергающее сказанное латышским стрелкам: «Одно дело – быть убеждённым в созревании германской революции... Другое дело – заявлять, прямо или косвенно, открыто или прикрито, что немецкая революция уже созрела». И заключил, что «серьёзное военное столкновение заведомо без сил, заведомо без армии есть авантюра».

Но что же Ленин предложил? Лишь одно – «Мы идём на невыгодный договор и сепаратный мир, зная, что теперь мы ещё не готовы на революционную войну, что надо выждать... пока мы будем крепче. Поэтому, если можно получить архиневыгодный сепаратный мир, его надо обязательно принять в интересах социалистической революции, которая ещё слаба, ибо к нам, русским, ещё не пришла на помощь зреющая революция в Германии».²⁵

Ленин, в конце концов, сумел настоять на своём.

Начав наступление, германское правительство 21 февраля предъявило ультиматум, лицемерно названный «условиями мира». Его первая статья выражала то, к чему Берлин стремился любой ценой ещё в августе 1914 года: «Германия и Россия объявляют о прекращении состояния войны. Оба народа готовы впредь жить в мире и дружбе».

Казалось бы, что ещё нужно немцам? Восточный фронт ликвидируется окончательно. Все дивизии оттуда, как свои, так и австро-венгерские, можно будет направить на запад. Благодаря тому и будет достигнута если не победа, то почётное перемирие. Но нет, германское командование не желало отказываться от своих давних планов. Решило – сейчас или никогда – отодвинет границу рейха как можно дальше на восток. Заполучит, помимо Украины, ещё и Прибалтику – старый немецкий Остзейский край, а заодно и Финляндию. И потому следующими тремя статьями ультиматум потребовал:

«2. Области, лежащие западнее сообщённой русским уполномоченным в Брест-Литовске линии, входившие ранее в состав Российской Империи, не подлежат больше территориальному суверенитету России. В области Двинска эта линия протягивается до восточной границы Курляндии. Из факта прежней принадлежности этих областей к Российской Империи не происходит для них никаких обязательств по отношению к России. Россия отказывается от всего вмешательства во внутреннюю жизнь этих областей. Германия и Австро-Венгрия намерены определить будущую судьбу этих областей в согласии с их населением».

Маловразумительная суть данной статьи однозначно раскрывалась в следующей, и являвшейся фактически основной: «Лифляндия и Эстляндия немедленно очищаются от русских войск и Красной гвардии и заменяются немецкими полицейскими войсками до тех пор, пока местные власти не в состоянии будут гарантировать спокойствие и не будет восстановлен общественный порядок». Наконец, четвёртая статья ультиматума значительно расширяла территориальные требования Берлина. «Россия, – отмечала она, – тотчас же заключает мир с Украинской Народной Республикой, а Финляндия без промедления очищается от русских войск и Красной гвардии».²⁶

Итак, России предстояло «добровольно» отказаться от огромной по размеру территории. Значительно большей, нежели той, которую требовала германская делегация в Бресте за две недели перед тем. До того, как Троцкий «хлопнул дверью», сформулировав безумную позицию – «ни мира, ни войны». Если поначалу Германия претендовала на давно уже оккупированные ею Польшу, Литву, Курляндию, южную часть Лифляндии и Моонзундский архипелаг, то теперь она пожелала получить вдобавок Северную Лифляндию и всю Эстляндию. А помимо того, ещё и Украину, Финляндию.

Для ответа на столь жёсткие требования давалось 48 часов. Ещё не получив этот ультиматум (его доставили в Петроград лишь на рассвете 23 февраля), Совнаркому пришлось реагировать на возобновившееся наступление. Первой его реакцией стало издание 21 февраля воззвания, написанного Лениным. Правда, не наступительного, как у «левых коммунистов», а чисто оборонительного характера. Содержавшего призыв к населению подняться против захватчиков:

«Социалистическое отечество в опасности! Чтобы спасти изнурённую, истерзанную страну от новых военных испытаний, мы пошли на величайшую жертву и объявили немцам о нашем согласии подписать их условия мира.

Наши парламентёры 20 (7) февраля вечером выехали из Режицы в Двинск, и до сих пор нет ответа.

Немецкое правительство, очевидно, медлит с ответом. Оно явно не хочет мира. Выполняя поручение капиталистов всех стран, германский милитаризм хочет задушить русских и украинских рабочих и крестьян, вернуть земли помещикам, фабрики и заводы – банкирам, власть – монархии.

Германские генералы хотят установить свой «порядок» в Петрограде и Киеве.

Социалистическая Республика Советов находится в величайшей опасности.

До того момента, как поднимется и победит пролетариат Германии, священным долгом рабочих и крестьян России является беззаветная защита Республики Советов против полчищ буржуазно-империалистической Германии.

Совет Народных Комиссаров постановил:

1. Все силы и средства страны целиком представляются на дело революционной обороны.

2. Всем Советам и революционным организациям вменяется в обязанность защищать каждую позицию до последней капли крови...

Да здравствует социалистическое отечество!

Да здравствует международная социалистическая революция!»²⁷

Итак, снова – только о социальных завоеваниях, об ожидании революции в Германии, которая лишь и спасёт Россию от всех бедствий, и ни слова об утрате чуть ли не половины европейской части страны. Почти всех национальных окраин... Так мыслил Ленин, большинство членов ЦК большевистской партии. Исключение составил Сталин. На следующий день, в разговоре по прямому проводу с правительством Украинской Советской Республики, он позволил себе предложить несколько иной выход из ставшего критическим положения.

«Мы, – объяснял Сталин, – благодаря медленному темпу революционного движения на Западе, неустойчивости наших войск и неслыханному хищничеству немецких империалистов попали временно в лапы чужеземного империализма, против которого мы должны теперь же готовить силы для организации **отечественной войны** /выделено мной – Ю.Ж./ в надежде на развёртывание революционных сил на Западе».²⁸

Да, как и все большевики, левые эсеры, Сталин пока ещё верил в европейскую революцию, которая вспыхнет как неизбежный ответ народов на мировую войну с её миллионами жертв. Но всё же понял и иное. Что вторжение иноземных захватчиков, стремящихся отторгнуть от России огромные территории, должно послужить началу войны отечественной, то есть всенародной, а не классовой, будь она оборонительной либо наступательной.

Тем временем, получив текст ультиматума, в половине пятого утра 23 февраля СНК (точнее – от его имени ЦК РКП(б)) капитулировал. Постановил: «Условия, предлагаемые германским правительством, принять и выслать делегацию в Брест-Литовск».²⁹ И тут же известил о том Берлин.

Такое, не терпящее отлагательств, решение уже через сутки, в три часа утра 24 февраля, было рассмотрено на заседании ВЦИК. Точка зрения Ленина победила. 116 голосами «за» при 85 – «против» и 26 – «воздержавшихся» (ими были, главным образом, «левые коммунисты») безоговорочное принятие условий Берлина было одобрено. И об этом правительство Германии тут же уведомили. Не сообщили, правда, только то, что в знак протеста в отставку со своего поста подал Троцкий, а вслед за ним ещё пятеро наркомов: социального обеспечения – А.М.Коллонтай, финансов – И.И.Скворцов-Степанов, торговли и промышленности – А.Г. Шляпников, продовольствия – А.Г.Шлихтер, председатель ВСНХ – В.В.Осинский.

Однако немецкое командование воспользовалось тем, что в «условиях мира» преднамеренно не оговаривались сроки прекращения наступления. Германские войска неумолимо продолжали поход по Украине и Белоруссии. Ещё 18 февраля заняли Луцк, 20 – Ровно. После отправки ультиматума, 21 февраля вошли в Минск и Новоград-Волынский, 22 – в Коростень. А получив ответ СНК, 24 февраля захватили Житомир, 26 – Бердичев, 11марта – Киев. В те же дни начала наступление и 2-я австро-венгерская армия. От Тарнополя, вблизи которого несколько месяцев проходил «Украинский» фронт, вдоль железной дороги Жмеринка-Вапнярка-Одесса.

При создавшемся положении в наиболее сложных условиях оказались только что образованные по инициативе местных властей три областных объединения Российской Федерации, именовавших себя по обычаям тех лет республиками. Отвечшие верховную власть, как Рада, так и ВЦИК. Одесская – с 17(30) января, включавшая Херсонскую, Бессарабскую и южную часть Подольской губернии. Донецко-Криворожская – с 27 января (9 февраля), Харьковская и Вкатеринославская губернии. Таврическая – с 7 марта, только Таврическая губерния.

Чтобы защитить себя, чтобы отразить нашествие врага, им пришлось срочно формировать отряды, пафосно названные армиями, хотя каждая из них по численности соответствовала всего лишь полку. Все они, поначалу действовавшие самостоятельно, в первых числах марта были объединены с такими же армиями УССР. Их возглавил В.А.Антонов-Овсеенко, утверждённый Верховным Главнокомандующим военных сил южных советских республик. И им, более напоминающим партизанские отряды, удалось более месяца сдерживать наступление врага. Только под натиском превосходящих, регулярных, имевших боевой опыт дивизий противника, они оставили Одессу 14 марта, Нико-

лаев – 17, Херсон – 19, Харьков – 31, Екатеринослав – 3 апреля, а в Крым вынуждены были пропустить немцев аж 18 апреля.

Между тем, российская мирная делегация, возглавляемая на этот раз членом ЦК РКП(б) Г.Я.Сокольниковым, которого сопровождали заместитель наркома по иностранным делам Г.В.Чичерин, нарком по внутренним делам Г.И.Петровский и член ВЦИК Л.М.Карахан, 28 февраля прибыли в Брест. Но начали переговоры с официального протеста. «Продвижение германских войск, – указывалось в нём, – не было приостановлено с момента принятия Россией германских условий. Российская делегация требует немедленного прекращения наступательных действий».³⁰

Но немецкая сторона не спешила с ответом. Пыталась максимально использовать время для предельно возможного расширения зоны оккупации. По той же причине она отказалась допустить на переговоры делегацию УССР во главе с представителем Народного секретариата в СНК РСФСР В.П.Затонским. Действительно, зачем иметь дело с людьми, присланными подлинной властью Украины, когда в распоряжении и Берлина, и Вены имеется послушная марионетка – Рада!

Только в пять часов вечера 3 марта всё было готово к подписанию мирного договора Российской Республики и Центральных держав. Вынужденные силой оружия ставить свои подписи, члены российской делегации всё же выступили с декларацией, призванной оправдать себя перед своей совестью, перед собственной страной.

«Мир, который ныне заключается в Брест-Литовске, – отмечал документ чисто риторический, не нужный тем, к кому был обращён, ни на что не влияющий, – не есть мир, основанный на свободном соглашении народов России, Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Этот мир продиктован с оружием в руках. Это – мир, который, стиснув зубы, вынуждена принять революционная Россия. Это – мир, который под предлогом «освобождения» российских окраин на деле превращает их в немецкие провинции и лишает их права на свободное самоопределение...

Но этого мало. Всё под тем же предлогом водворения порядка Германия силой оружия занимает области с чисто русским населением и устанавливает там режим военной оккупации и дореволюционного строя...»³¹

Не помогло... Договор пришлось подписать. Тот, в основу которого легли, практически без изменений, «условия мира» правительства Германии от 21 февраля. В соответствии с которым

России пришлось отказаться от своих суверенных прав на территорию, лежащую к западу от линии: Нарва – Псков – Смоленск – Могилёв – Курск – Миллерово – Новочеркасск. Такую границу фиксировали статьи III (общая) и VI (конкретная). Русская армия и Красная гвардия должны были немедленно оставить, если там ещё находились, Эстляндию, Лифляндию, район Пскова, Финляндию, Аландские острова и Украину.

Помимо этого, в тот же день российской делегации пришлось подписать ещё и дополнительный договор – с Турцией. Фактически повторивший, только более пространно, содержание IV статьи Брестского мира, предусматривавший вывод русских войск не только с занятых ими в ходе войны земель Османской Империи – Турецкой Армении, но и из округов Ардаган, Карс и Батум.³² Тех, что были присоединены к России по Сан-Стефанскому договору 1878 года, подведшему итог русско-турецкой войны 1877 - 1878 годов и принёсшему независимость Болгарии.

Выполняя достигнутую договорённость, 4 марта нарком по военным делам Н.В.Крыленко приказал немедленно «прекратить военные действия, оставаясь на занимаемых в настоящий момент позициях».³³ А на следующий день завершились боевые действия между перешедшей 9 декабря 1917 года на сторону Центральных держав Румынией и Одесской Республикой. Бухарест, так и не сумевший добиться победы, вынужден был очистить от своих войск захваченную Бессарабию,³⁴ признав её неотделимой частью Российской Республики.

И всё же, складывалось впечатление, что война для России закончилась полным поражением, и ей остаётся только смириться. В действительности Петроград тут же стал готовиться к будущим сражениям. Так, буквально накануне подписания мирного договора, Ленин подготовил проект «Приказа всем совдепам». Идущий вразрез со взятыми СНК на себя обязательствами: «Демобилизацию красноармейцев затягивать; подготовку подрыва железных дорог, мостов и шоссе усилить; отряды собирать и вооружать; эвакуацию продолжать ускоренно; оружие вывозить вглубь страны».

А уже 5 марта, в статье, опубликованной «Правдой», выражал полную уверенность в возможности очень скоро отказаться от навязанных кабальных условий: «Мы заключили Тильзитский мир. Мы придём и к нашей победе, к нашему освобождению, как немцы после Тильзитского мира 1807 года пришли к освобождению от Наполеона в 1813 и 1814 годах. Расстояние, отделяющее

наш Тильзитский мир от нашего освобождения, будет, вероятно, меньше, ибо история шагает быстро».³⁵

Взгляды вождя партии и страны начали кардинально меняться. Пусть мировая революция и не за горами, но будущим России приходится заниматься сегодня, думая о завтрашнем дне. Такое же настроение возобладало и на Четвёртом Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов, созванном 14 марта только для ратификации Брестского договора. Правда, резкое неприятие его прозвучало в со-докладе от имени фракции левых эсеров, сделанном Б.Д.Камковым. Привычной критикой политики СНК занялся и вечный оппозиционер, меньшевик Л.Мартов. Но всё же слова Ленина для делегатов прозвучали более убедительно.

Съезд договор ратифицировал. «За» проголосовало 784 делегата, «против» – 261, в подавляющем большинстве левые эсеры (их представители в Совнарком, наркомы В.А.Карелин – государственных имуществ, А.Л.Колегаев – земледелия, П.П.Прошьян – почт и телеграфов, И.З.Штейнберг – юстиции демонстративно вышли из состава правительства, протестуя тем против отказа от революционной войны), воздержалось – 199, главным образом, «левых коммунистов», так и не посмевших пойти открыто против воли своей партии.

Благодаря такому итогу голосования иначе, нежели прежде, выглядело и постановление о ратификации Брестского договора.

«Съезд признаёт, – отмечало оно, – правильный образ действий Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров, постановивших заключить данный, невероятно тяжёлый, насильственный и унижительный мир ввиду неимения нами армии и крайнего истощения войною сил народа...

Съезд признаёт также безусловно правильным образ действий мирной делегации, которая отказалась войти в подробное обсуждение германских условий мира, ибо эти условия навязаны нам явным ультиматумом и неприкрытым насилием...

Российская Советская Федеративная Республика, отныне единодушно осуждая грабительские войны, признаёт своё право и свою обязанность защиты социалистического отечества против всех возможных нападений со стороны любой из империалистических держав».

Традиционная же риторика, правда, уже без выражения надежды исключительно на германский пролетариат, всё-таки прозвучала, но лишь в последнем абзаце документа. Отказаться от неё так и не смогли – «Съезд глубочайше убеждён, что международная рабочая революция не за горами, и что полная победа социалистического пролетариата обеспечена, несмотря на то,

что империалисты всех стран не останавливаются перед самыми зверскими средствами подавления социалистического движения». ³⁶

В последний день работы съезда, 16 марта, была зачитана декларация ВуЦИК. Выразившая и оценку происшедшего, и видение будущего.

«Протестуя, – возвещала она, – перед лицом Всероссийского съезда и перед рабочим классом всего мира, против насильственного – при помощи немецких штыков – **отторжения Украины от общероссийской Федерации** /выделено мной – **Ю.Ж.**/, мы не осуждаем наших российских товарищей, вынужденных под давлением печальной необходимости, надеемся – на время, разорвать федеративную связь с нами и предоставить нас собственным силам в нашей отчаянной борьбе с украинской и поддерживающей её международной реакцией...

Условия мирного договора насильственно отрывают нас от общесоветской Федерации. Мы вынуждены проститься с вами, но не навсегда, надеемся – ненадолго. Наступит час, когда в результате упорной борьбы и неизбежной, конечно, победы украинского, российского и мирового пролетариата мы снова будем членами единой Социалистической Федерации». ³⁷

Так завершился первый этап в жизни дореволюционной России. Завершился печально – потерей практически всех национальных окраин, отторгнутых только потому, что страна не могла защитить себя. Утратила ещё летом 1917 года свою армию, преступно разрушенную украинскими сепаратистами и столь же преступным приказом Корнилова.

Отныне предстояло жить в иных, нежели прежде, условиях.

3. Самоопределение по-брестски

Чтобы попытаться навечно закрепить за Германией оккупированные земли Российской Республики, Берлин использовал тот самый принцип, на который столь ошибочно уповал Троцкий в ходе мирных переговоров. Принцип самоопределения.

Германское командование в Прибалтике повсеместно имитировало «свободное волеизъявление» населения, которое, правда, выражали преимущественно только остзейские немцы. Пылавшие яростью и гневом, жаждавшие отплатить коренным жителям за все унижения и дискриминацию военных лет. Особенно – эстонцам. Ведь именно Исполком Эстонского Совета 27 января (10 февраля) в связи с угрозой германского вторжения

ввёл осадное положение на территории края и постановил выслать, как потенциальных пособников врага, более пятисот эстляндских дворян, то есть немцев.³⁸

8 марта, всего через пять дней после подписания Брестского мира, курляндское дворянство в строгом соответствии с давним-давно упразднёнными статутами 1617 года, созвало в Митаве (ныне Елгава) расширенный, иными словами – с привлечением прогермански настроенных латышей – ландтаг, Земское собрание. Он-то и принял два решения, выгодных только Германской Империи. О воссоздании Курляндского герцогства, ликвидированного в 1795 году в связи с присоединением к Российской Империи. И второе – о приглашении на вакантный трон, из-за пресечения рода Биронов, Вильгельма II.

Через неделю кайзер подписал акт лишь о признании нового государства.

Сочтя достигнутое явно недостаточным, оккупационные власти собрали 12 апреля в Риге ещё один ландтаг. На этот раз – из представителей дворянства Курляндии, Лифляндии, Эстляндии и острова Эзель (ныне Саарема). Земский совет, и прокламировавший отделение этих трёх губерний (немцы отказывались признавать образование Латвии и Эстонии) от Российской Республики, создание на их территории Балтийского герцогства. Заодно избрали и монарха – брата кайзера, принца Генриха Гогенцоллерна.

А чуть раньше, 23 марта, Вильгельм II утвердил, наконец, повторное обращение (первое последовало ещё 11 декабря 1917 года, но осталось без ответа) Литовского совета (тарибы). Включавшего представителей двух политических партий, христианских демократов и народников, возглавляемого А.Сметоной. О признании независимости Литовского государства, неразрывно связанного прочными узами с Германской Империей. (4 июня та же тариба провозгласила Литву королевством и пригласила на трон вюртембергского принца Вильгельма фон Ураха под именем Миндаугаса II).

Но на том передел захваченных земель не кончился. 25 марта самозванная Белорусская Рада, проявившая себя прежде дважды (17 – 30 декабря 1917 года, когда собрала в Минске Всебелорусский съезд, и 9 марта), объявив об образовании Белорусской Народной Республики, с согласия оккупационных властей провозгласила независимость Белоруссии. Включающей территорию Минской, Могилевской, Гродненской губернии и уездов Виленской, Витебской, Смоленской и Черниговской.³⁹

Одновременно направила Вильгельму II верноподданническую телеграмму с просьбой принять новосозданное государство

под своё покровительство. Но на этот раз Берлин решительно выступил «против». Не только отклонил прошение, но и отказался признать существование Белоруссии. После войны её территория должна была быть поделена между Польшей, Литвой и Украиной.

Вслед за тем Берлин приступил к полной реорганизации существовавшей на Украине власти.

7 марта Рада, вернувшаяся в Киев в обозе командующего германской оккупационной армией генерал-фельдмаршала Г. фон Эйхгорна, обратилась к населению с оправдательным воззванием. Утверждала, что немецкие войска заняли Украину «на ограниченное время, как друзья и помощники, в трудный момент нашей жизни... У них нет намерений изменять наши законы и постановления». ⁴⁰ Надеялись, что будет именно так, но про считались.

На состоявшемся полтора месяца спустя, 24 апреля, в Киевском совещании послы Германии (Ф.Мумм) и Австро-Венгрии (А.Форгаш), при участии представителей военного командования, пришли к неутешительной мысли о невозможности дальнейшего сотрудничества с Радой. Не сумевшей в должной мере обеспечить поставки продовольствия. И потому пять дней спустя были приняты надлежащие меры. «Съезд украинских крестьян», подобранный так же, как в своё время и «войсковые», единодушно провозгласил П.П.Скоропадского, генерал-лейтенанта царской службы, недавно смещённого с должности командира 1-го Украинского корпуса за попытку государственного переворота, гетманом Украины. По сути – диктатором, уже не связанным в своей деятельности даже видимостью контроля со стороны распущенной Рады.

А чуть ранее пришла очередь стать вассалом Германии и Финляндии. Страны, пережившей за время переговоров в Брест-Литовске серьёзнейшие политические изменения.

После признания Совнаркомом независимости бывшего Великого Княжества в Гельсингфорсе установилось некое подобие двоевластия. С одной стороны, все законные права на власть имели сейм, в котором большинством располагали правые партии, и образованный ими Сенат, правительство. Но с другой – столь же легально существовали и созданные оппозиционной социал-демократической партией вооружённые отряды Рабочей и Красной гвардии. Кроме того, в стране присутствовала ещё и третья сила – 62-й корпус русской армии, в задачу которого входило предотвращение высадки немецких войск.

Необоснованно предполагая, что русская армия намеревается, совместно с Рабочей и Красной гвардией, ликвидировать независимость Финляндии, правительство П.Свинхувуда решило заручиться поддержкой Германии. 8 января (26 декабря) направило в Берлин официальную просьбу позволить «заключить договоры с немецкими офицерами, техниками и моряками о поступлении на государственную службу Финляндии, а также... приобрести необходимые военные материалы, оружие, прочее». ⁴¹

Одновременно Сенат назначил генерал-лейтенанта царской службы, шведа по крови К.Маннергейма главнокомандующим вооружёнными силами, которые ему ещё предстояло создать. Реорганизовать для того отряды шюцкора (охранного корпуса), возникшего летом 1917 года по инициативе правых партий, и крестьянских отрядов, так называемых лапуасцев. Располагая при этом довольно значительными запасами оружия – 7 тысячами винтовок, захваченных в арсеналах русской армии, и таким же их количеством, контрабандой полученным из Германии.

Готовясь к боевым действиям, Маннергейм свой штаб разместил на значительном отдалении от столицы. В портовом городе на побережье Ботнического залива Васа, что обеспечивало ему свободное сообщение морем и с Германией, и с нейтральной Швецией. Вскоре туда же перевезли золотой запас Финляндии, а несколько позже доставили и правительство.

Гражданскую войну развязал Маннергейм, отдав приказ 21 (8) января о разоружении гарнизонов русской армии в окрестностях Васы. Вслед за тем последовали нападения на русские части в Западной Карелии, в Выборге, Сортавале, других городах. Требование Центробалта (Центрального Комитета Балтийского флота) прекратить провокации не возымели действия, и тогда 62-й корпус вынужден был начать сопротивление. Руководство возникшим в те дни Западным фронтом взял на себя командир 106 пехотной дивизии, расквартированной в Тампере, полковник М.С.Свечников. Сумевший в считанные дни остановить продвижение отрядов шюцкора на линии севернее Пори – Тампере – Лахти.

Поставленное перед свершившимся фактом, руководство социал-демократической партии 27 (14) января объявило о взятии власти, а 28 (15) января образовало свое правительство – Совет Народных Уполномоченных, возглавляемый К.Маннером.

Далее события стали развиваться совсем не так, как представлялось Свинхувуду и руководству партии младофиннов. Тем, кто, безосновательно опасаясь утраты страной только что

обретённой независимости, пошли на сговор с Германией. Совнарком, большевики сохранили верность данному прежде обещанию. Нисколько не пытались вновь присоединить в той или иной форме бывшее Великое Княжество, используя для того революционное правительство близких им идейно социал-демократов. Близость, выражавшуюся, среди прочего, даже в названии, данном государству – Финляндская Социалистическая Рабочая Республика.

Напротив, завершая цивилизованный развод, обусловленный актом от 18 (31) декабря, Совнарком и Совет Народных Уполномоченных подписали 1 марта выгодный скорее Гельсингфорсу, нежели Петрограду, договор. Согласно его 1-й и 5-й статьям, Финляндии передавались «все принадлежащие Российской Республике или российским государственным учреждениям, как по праву собственности, так и по праву пользования, недвижимые имущества», а также «реквизированные русским правительством до войны или во время оной корабли».

Но самой важной, значимой стала статья 15-я. Определившая границу между двумя странами. Благодаря ей Финляндия не только сохранила за собой Выборгскую губернию, включённую в состав Великого Княжества в 1809 году чисто произвольно, но и получила то, чем никогда прежде не владела – район Печенги (Петсамо) и западную часть полуострова Рыбачий, благодаря чему обрела выход к Ледовитому океану.⁴²

Между тем, гражданская война, развязанная младофиннами, продолжалась, не принося ощутимого успеха ни одной из сторон. Фронт, образовавшийся в конце января по линии Пори (побережье Ботнического залива) – Рауту (близ западного берега Ладожского озера), сразу же стабилизировался. Оставался неизменным более двух месяцев. Конституционное – сформированное сеймом – правительство контролировало малонаселённые сельскохозяйственные северные и центральные области. Революционное – южные, промышленно развитые. Невозможно сказать, когда и чем закончилась бы эта междоусобная борьба, если бы не прямое вооружённое вмешательство Германии.

3 апреля на Юго-Западном побережье Финляндии, в Ганге (Ханко) высадилась направленная из Данцига (ныне Гданьск) 12-я пехотная Балтийская дивизия (18 тысяч человек) генерал-майора фон дер Гольца. А 7 апреля в небольшом городке Лови-за, к востоку от Гельсингфорса, была десантирована вспомогательная бригада (2 тысячи человек) полковника Бранденштейна. Именно их силы, а не щюцкор Маннергейма, и решили судьбу гражданской войны. Наступая по двум направлениям, немцам

удалось 14 апреля, после жестоких боёв, захватить финскую столицу.

Младофинны поспешили воспользоваться восстановлением контроля над всей страной, чтобы продолжить прежнюю политическую линию. 15 мая сейм принял решение о разрыве всех отношений с Советской Россией, объявил Финляндию монархией, а Свинхувуда утвердил регентом (9 октября королём Финляндии и Карелии, что недвусмысленно свидетельствовало о сохранении претензий на русскую Восточную Карелию, провозгласили близкого родственника германского кайзера, принца Фридриха Карла Гессенского).

Так, используя лозунг самоопределения, Германии удалось не только захватить весь запад Российской Республики, но и (для удобства своего управления) создать там марионеточные монархические режимы. Не услышав притом даже чисто символических протестов или хотя бы возражений. Демократы Украины и Литвы, Прибалтики и Финляндии приняли происшедшее как должное.

Сфера интересов Берлина тем не была ограничена. Включила ещё и Закавказье, где ему пришлось конкурировать с Оттоманской Империей. Государством, пытавшимся, пользуясь сложившимся положением, не только вернуть северо-восток страны, занятый в ходе войны русской армией, но и установить собственный контроль над двумя (имевшими политическое, экономическое и стратегическое значение) российскими регионами. Над Карсской областью и Эриванской губернией, населёнными преимущественно армянами. Народом, который после учинённой в 1915 году массовой резни стал кровным и непримиримым врагом турок. А ещё – над Елисаветпольской и Бакинской губерниями, с коренными жителями, называвшимися в то время «татарами», «турками», «азербайджанскими турками». В действительности – теми же турками, отличавшимися от оттоманских лишь диалектом турецкого языка.

Возможность же Берлину и Стамбулу попытаться подчинить Закавказье предоставили не только местные националистические партии – грузинские меньшевики, армянские дашнаки, азербайджанские мусаватисты, – но и пробудившие в них жажду автономии большевики.

Даже в конце августа 1917 года С.Г.Шаумян (один из лидеров большевиков края, избранный на 1-м Всероссийском съезде Советов членом ВЦИК, а на 6-м съезде РСДРП(б) – членом ЦК) искренне писал в одной из своих публицистических статей: «Наша партия высказала ясно и определённо свой взгляд

на национальный вопрос, и особенно выдвинула и подчеркнула для переживаемого времени право на самоопределение всех национальностей. Это является основным демократическим требованием и всякое нарушение права на самоопределение с лицемерными ссылками на Учредительное собрание является преступлением против революции, против свободы». ⁴³

Всего лишь два месяца спустя этот «демократический принцип» начал срабатывать в крае, впрочем, как и на всех национальных окраинах России, против столь горячо отстаивавших его большевиков.

2 (15) ноября Совет рабочих и солдатских депутатов фактического промышленно-торгового и транспортного центра Закавказья – Баку с прилегающим к нему районом нефтепромыслов – объявил о переходе к нему всей полноты власти. Примерно три четверти депутатов, 124 из 163, русские эсеры, грузинские меньшевики и армянские дашнаки в знак протеста покинули заседание. Переехали в административный центр края, Тифлис, где объявили себя Комитетом общественного спасения.

11 (24) ноября, совместно с присоединившимися к ним мусаватистами, они созвали совещание. Пригласили на него членов общественных организаций, сформированных при Временном правительстве и в которых имели несомненное большинство – Особого Закавказского Комитета, Совета солдатских депутатов Кавказской армии, Тифлисского совета, Тифлисской управы. А помимо них – ещё командующего Кавказским фронтом генерала от инфантерии М.А.Пржевальского, начальника штаба фронта генерал-лейтенанта В.В.Лебединского, генерал-квартирмейстера Кавказской армии, генерал-майора Левандовского, глав военных миссий Великобритании и Франции, консула США.

Заседание свелось к «единодушному» принятию двух предложений. Самовольно взявшего на себя роль председателя грузинского меньшевика Е.И.Гегечкори – о категорическом непризнании Совнаркома как общероссийского правительства. И комиссара Временного правительства при штабе Кавказской армии, эсера Л.Л.Донского – о необходимости немедленно создать собственную краевую власть. Предложенная им и принятая без какого-либо обсуждения резолюция гласила:

«Ввиду отсутствия общепризнанной центральной власти и всё нарастающей в стране анархии, могущей распространиться на Закавказье, а также ввиду целого ряда неотложных общественных экономических и финансовых вопросов, от решения которых зависят ближайшие судьбы нашего края, совещание постановило:

1. впредь до окончания выборов делегатов от Закавказья и Кавказского фронта в Учредительное собрание передать управление краем Комитету общественной безопасности, составленному из представителей всех революционно-демократических /тем исключались из числа их большевики и левые эсеры – **Ю.Ж.**/, центральных, общественных, официальных и национальных организаций Закавказья;

2. по окончании выборов в Учредительное собрание в крае и на фронте поручить организацию временной власти, её состав, характер и полномочия избранным всего гражданского и военного населения на следующих условиях:

а) ведение местной областной /выделено мной – **Ю.Ж.**/ политики в связи с общероссийской демократией в направлении разрешения общегосударственных задач,

б) автономное решение лишь местных текущих вопросов,

в) доведение края до момента образования центральной общепризнанной революционно-демократической власти или открытия общероссийского полноправного Учредительного собрания,

г) опираться в своей деятельности на краевые и местные Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и на органы местного самоуправления». ⁴⁴

Итак, в отличие от Украинской Рады, закавказцы пока не претендовали на сколько-нибудь значимую самостоятельность. Рассматривали себя лишь временным органом власти края, к тому же, используя географическое понятие «Закавказье», подчёркивали тем весьма неопределённые свои территориальные претензии.

Спустя четыре дня, 15 (28) ноября, было сформировано краевое правительство, названное Закавказским комиссариатом. Его возглавил грузинский меньшевик Е.П.Гегечкори, а портфели (посты комиссаров по делам министерств) поделены по национальному признаку, с явным преимуществом, отданным грузинам. Гегечкори, в дополнении к премьерству – труда, иностранных сношений, А.И.Чхенкели – внутренних дел, Ш.В.Алексеев-Месхиев – юстиции. Армяне получили уже всего три поста: Х.Кармикян – финансов, Г.Г.Тер-Газарян – продовольствия, А.Оганджян – призрения. Столько же портфелей досталось и азербайджанцам, все еще именуемым «мусульманами»: М.Джафарову – торговли и промышленности, Х.Мелик-Асланову – путей сообщения, Х. бек Хасмамедову – государственного контроля. Русские же, хотя и представляли почти восемьсот тысяч солдат и офицеров Кавказского фронта, получили всего два ми-

нистерства. Д.Д.Донской – военных и морских дел, А.В.Неручев – земледелия.⁴⁵

В выпущенной 18 ноября (1 декабря) декларации «К народам Закавказья» новая власть поспешила серьёзно скорректировать в свою пользу тот документ совещания, на основе которого и была создана. Вроде бы признавала, что «сконструирована временно, лишь до созыва Всероссийского Учредительного собрания». И тут же оговаривалась: «Если же по обстоятельствам русской действительности своевременный созыв последнего окажется невозможным, то она сохраняет свои полномочия до съезда членов Учредительного собрания от Закавказья и Кавказского фронта».

Далее же высказывалось наиважнейшее. То, что и определило самое близкое будущее края. «Стоя на точке зрения, – указывала декларация, – полного самоопределения национальностей, провозглашённого российской революцией, Закавказский комиссариат предпримет шаги к скорому и справедливому решению национального вопроса Закавказья».

Вместе с тем, как и Украинская Рада, комиссариат поспешил загодя заявить о своём намерении принять участие в мирных переговорах с Центральными державами. «Признавая, – отмечал он, – сохранение единства Общероссийского фронта, Закавказский комиссариат примет самые энергичные меры к немедленному заключению мира, сообразуя в этом направлении шаги с общим положением на Западном фронте, с обстановкой местной жизни и в согласии с народами, проживающими на Кавказе».⁴⁶

Свое обещание добиться мира комиссариат постарался выполнить как можно быстрее. А пошёл на то ради одного – чтобы сохранить и обезопасить самовольно присвоенные властные полномочия для управления краем, внезапно ставшим де-факто автономным.

Надёжно отгороженный от Советской России с севера мятежными казачьими областями Дона, Кубани, Терека и Дагестана, комиссариат попытался сделать всё от него зависящее, дабы добиться того же и на юго-западе. Несмотря на все заверения в лояльности к некоей, преднамеренно относимой на неопределённое будущее «центральной общепризнанной власти», поступил точно так, как на Румынском фронте – Украинская Рада. Сразу откликнулся на первое же, вряд ли появившееся случайно, предложение главкома турецкой армии на Кавказском фронте генерал-лейтенанта М.Вехиб-паши о заключении перемирия.

На седьмой день своего существования, 21 ноября (4 декабря) Закавказский комиссариат утвердил весьма странный по мотивировке ответ противнику.

«Принимая во внимание, – указывалось в нём, – отсутствие в России единого, центрального, всеми признанного правительства и имея в виду, что Ставка Верховного Главнокомандующего уже разрушена Гражданской войной, а также считаясь с общей политической обстановкой в России, комиссариат признал своевременным пойти навстречу предложению турецкого командования и предложить ему прекратить военные действия на всём Кавказском фронте».⁴⁷

С исполнением такого предписания командование русской армии не стало спешить. Только к 27 ноября (10 декабря) разработало условия возможного, хотя и не обязательного перемирия, предусмотрев, как самое непреложное, сохранение существовавшей линии фронта. «Абсолютное недопущение, – подчёркивали они, – передвижения войсковых частей в целях стратегической перегруппировки, особенно в целях переброски их на Месопотамско-Сирийский фронт. Нарушение этого пункта должно знаменовать собой возобновление военных действий». И далее было повторено по сути то же: «Необходимо настойчиво добиваться сохранения за нами нынешнего нашего фронта, что только и может обеспечить сравнительно сносное расположение наших войск зимой».⁴⁸

Переговоры начались на следующий день, в прифронтовом городе Эрзинджане, но завершились только 5 (18) декабря соглашением, подписанным (с русской стороны) генерал-майором Вышинским. Учитывавшим все условия, выдвинутые турецким командованием.

Более того, получившим весьма важное дополнение, свидетельствовавшее, что русская армия в отличие от комиссариата признавала и Совнарком, и полномочия его делегации в Брест-Литовске: «В случае заключения общего мира между Российской Республикой и Центральными державами, все пункты такого становятся обязательными для Кавказского фронта».⁴⁹

Обезопасив себя для начала перемирием, Закавказский комиссариат перестал нуждаться в сильной старой армии. 19 (31) декабря издал приказ о создании собственных вооружённых сил. Тех самых, которые весьма безуспешно пытались сформировать в течение последних двух месяцев, опираясь на разрешение Временного правительства от 28 сентября (10 октября), подтверждённое генералом Пржевальским только 19 декабря (1 января 1918 года).

Планировалось создать три национальных корпуса. Грузинский, основой которого должен был послужить существовавший с марта 1916 года Грузинский стрелковый полк. Азербайджанский – путём «мусульманизации» отдельных частей фронта и развёртыванием Татарского конного полка Кавказской конной («Дикой») дивизии. Армянский, объединивший бы многочисленные армянские иррегулярные (партизанские) отряды, действовавшие в составе русской армии с 1915 года.

Такое далеко идущее решение не только ускорило самовольный уход солдат с позиций, превращавшийся с каждым днём в настоящее повальное бегство. Домой, на север. А ради того – к Баку, к единственной железной дороге, ведущей в Россию.

Заставило оно и С.Г.Шаумяна одним из первых закавказских большевиков осознать, наконец, пагубность использования лозунга самоопределения, обернувшегося ничем не прикрытым шовинизмом и сепаратизмом.

«Три национальные партии Закавказья, – с горечью писал Шаумян в очередной статье, – грузинская (в лице бывших социал-демократов меньшевиков), армянская (в лице партии Дашнакцутюн) и мусульманская (в лице партии Мусават и Хан-Хойских) /Хан Хойский – один из лидеров этой партии – **Ю.Ж.**/, поделили между собой Закавказье и создают свои национальные полки для того, чтобы закрепить за собой свои автономии. В этом ничего неожиданного и неестественного нет. Наоборот, это настолько естественно, что и мы, большевики, сами выставили для отсталых мелкобуржуазных национальностей окраин право на самоопределение...

Но главное зло заключается не в том, что в Закавказье образуются три национальные сатрапии. Главное зло – в том, что под руководством Жордания /председатель Краевого Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, грузинский меньшевик – **Ю.Ж.**/ и К0 Закавказье в эту критическую минуту практически реально, пусть временно – как они говорят, – но отложилось от революционной России».⁵⁰

Не удовлетворившись такой провидческой оценкой событий, две недели спустя Шаумян продолжал развивать эту мысль в новой статье. «Злейшим врагом революции на Кавказе, – напоминал он читателям, – всегда был и останется национализм. Стихийный национализм мусульман и организованный национализм армян привели в 1905 году к кровавой армяно-татарской резне... Тот же национализм играет злую шутку с кавказскими народами и сейчас, в революции 1917 года. Националистический курс, взятый тремя крупнейшими партиями Закавказья,

приводит с первых же шагов к самым печальным последствиям. Стремление обособиться и самоопределиться по национальностям, попытки разграничить национальные территории, создание своих национальных полков – всё это совершается в атмосфере обостряющейся классовой борьбы и в присутствии полумиллионной русской армии на Кавказе, которая вдали от родины в течение трёх лет вела войну, защищая интересы этих самых национальностей...

Самым печальным последствием кавказского национализма является дезорганизация фронта. Пока мир ещё не заключён, естественно, что войска должны ещё охранять фронт, но при созданной кавказскими националистами атмосфере есть ли силы, которые могли бы удержать русские войска на своих позициях?»

Шаумян не только предупредил народы края о тех последствиях, которые их очень скоро могут ожидать. Он и выдвинул обвинение: «Застрельщиками сепаратистской и националистической политики на этот раз, в 1917 году, явились на Кавказе меньшевики, открыто ставшие Грузинской Национальной партией. Не старые националисты-дашнакцатаны, а они первыми выставили требование национально-территориальной автономии Грузии. Они были инициаторами в создании национальных полков. И главная историческая ответственность за все печальные последствия этой политики падает, естественно, на головы Жордания, Гегечкори и К0. От этой ответственности им не уйти, и никакого оправдания для них не существует». ⁵¹

Шаумян несколько не ошибся в своём безрадостном прогнозе.

Закавказский комиссариат 1 (14) января 1918 года заменил Пржевальского (на посту командующего Кавказской армией) генерал-лейтенантом И.З.Одишелидзе. А 6 (19) января никто иной, как Н.Жордания подписал откровенно провокационную телеграмму: «Краевой центр Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановил предложить всем Советам принять меры к отобранию оружия у отходящих частей, и о каждом случае доводить до сведения Краевого центра». ⁵²

Результатом стало то, чего и следовало ожидать. 8 (22) января на железнодорожной станции Шамхор – неподалёку от Елисаветполя, только что переименованного в Гянджу, произошла кровавая бойня. Столкновение, заставившее русских солдат окончательно забыть о воинском долге, отказаться от дальнейшего пребывания на Кавказском фронте.

Грузинский вооружённый отряд штаб-ротмистра Абхазавы прибыл на бронепоезде в Шамхор и попытался разоружить де-

сять воинских эшелонов, ожидавших отправки на Баку. Солдаты отказались выполнить незаконное требование, и в завязавшемся бою уничтожили бронепоезд. При этом случайным снарядом грузинского орудия было подожжено нефтехранилище. Огонь перекинулся на вагоны, уничтожив несколько составов. Разгневанные солдаты начали расстреливать всё вокруг, включая и окрестные азербайджанские сёла. Тогда к месту боя прибыло мусульманское ополчение, направленное в Шамхор Гянджинским Национальным комитетом. Когда три дня спустя сражение кончилось, на железнодорожных путях лежало две тысячи трупов...

Закавказский комиссариат, по собственной вине оказавшийся без прикрытия с фронта, так и не успевший создать хотя бы подобие собственной армии, вынужден был продолжить переговоры о мире с турецким командованием. Благо, в Тифлис поступило новое послание Вехиб-паши. В нём же, со ссылкой на мнение главкома вооружённых сил Турции Энвер-паши, содержался весьма похвальный комиссариату вопрос – «Каким путём будет возможно восстановить отношения с независимым Кавказским правительством? /выделено мной – **Ю.Ж.**/». ⁵³

Чтобы усилить свой политический вес, Закавказский комиссариат решил пригласить на предстоящие переговоры представителей других, отказывавшихся подчиняться Совнаркому, регионов.

Так, комиссар продовольствия Тер-Газарян открыто заявил: «Нам необходимо сговориться с Украиной, и тогда заключённый нами мир примет вся Россия». Его поддержал приглашённый на совещание генерал Лебединский. Отметил, что «чем больше автономных правительств примут участие в предоставлении Закавказью полномочий, тем дело мира будет прочнее». ⁵⁴ Однако все попытки привлечь и Генеральный секретариат Рады, и руководство Юго-Восточного союза, и Кубанского, Терского казачьих войск оказались безуспешными. Лишь привели к униженной просьбе, обращённой 15 (28) января к Вехиб-паше, – отсрочить встречу на три недели. ⁵⁵

Тем временем комиссариат спешно попытался оформить некое подобие собственной государственности. И для того 10 (23) февраля созвал в тифлисе обещанный декларацией сейм – из избранных в Учредительное собрание депутатов от края и Кавказской армии, которой практически уже не существовало. Председателем (с правами президента) единодушно утвердили Н.С.Чхеидзе – одного из лидеров Общероссийской партии меньшевиков, в 1917 году – сначала члена Временного комите-

та Государственной Думы, а затем председателя Петросовета, председателя ВЦИК первого созыва.

13 (26) февраля сейм, поддержав все предложения Гегечкори, принял решение, сводящееся к главному: мы «ставим себе задачей заключить окончательный мир с Турцией. В основание заключённого мирного договора должно лечь восстановление государственной границы России с Турцией, существовавшей к моменту объявления войны в 1914 году». И такую цель, явно стремясь заручиться поддержкой представителей партии Дашнакцутюн, дополнили еще одной: делегация Закавказья станет добиваться «права на самоопределение для Восточной Анатолии, в частности, автономии Турецкой Армении в рамках турецкой государственности».⁵⁶

Последний пункт (как тему предстоящих переговоров) премьеру и сейму пришлось внести отнюдь не по своей воле. Совнарком, определяя задачи для своей делегации в Брест-Литовске, не мог обойти вниманием судьбу северо-восточной Турции, занятой русскими войсками в первой половине 1916 года. Той самой территории, где несомненное большинство коренного населения составляли армяне, проживавшие помимо того ещё и в России – в Карсской области и Эриванской губернии. Именно поэтому 29 декабря (11 января) советское правительство утвердило декрет, предложенный Сталиным и написанный им совместно с другим наркомом, почт и телеграфа, – левым эсером Н.П.Прошьяном. Декрет «О Турецкой Армении», оказавшийся весьма эффективным даже просто как пропагандистский акт:

«Совет Народных Комиссаров объявляет армянскому народу, что рабочее и крестьянское правительство России поддерживает право армян оккупированной Россией «Турецкой Армении» на свободное самоопределение вплоть до полной независимости. Совет Народных Комиссаров считает, что осуществление этого права возможно лишь при условии ряда предварительных гарантий, абсолютно необходимых для свободного референдума армянского народа.

Таковыми гарантиями Совет Народных Комиссаров считает:

1. Вывод войск из пределов «Турецкой Армении» и немедленное образование армянской народной милиции в целях обеспечения личной и имущественной безопасности жителей «Турецкой Армении».

2. Беспрепятственное возвращение беженцев-армян, а также эмигрантов-армян, рассеянных в различных странах, в пределы «Турецкой Армении».

3. Беспрепятственное возвращение в пределы «Турецкой Армении» насильственно выселенных во время войны турецкими властями вглубь Турции армян, на чём Совет Народных Комиссаров будет настаивать при мирных переговорах с турецкими властями.

4. Образование Временного народного правления «Турецкой Армении» в виде Совета депутатов армянского народа, избранного на демократических началах.⁵⁷

Сообщая депутатам сейма программу будущих переговоров, Гегечкори, несомненно, блефовал. Сознательно переоценивал и политические, и военные возможности автономного Закавказья противостоять всё ещё мощному противнику. Игнорировал общеизвестное – в Брест-Литовске на первом же заседании глава турецкой делегации И.Хаки-паша не просто так высказал твёрдое намерение добиваться возвращения Оттоманской Империи отторгнутых у неё по Сан-Стефанскому договору 1879 года Карсской и Батумской областей. Не захотел Гегечкори учесть и иное. Неизбежные последствия заявления Троцкого о состоянии «ни мира, ни войны», сопровождаемого всеобщей демобилизацией.

А зря. Троцкий хлопнул дверью 12 февраля. И всего два дня спустя турецкая армия, не встречая сопротивления, начала наступление по всей линии больше не существовавшего Кавказского фронта. Через три недели вышла на границу 1914 года, что позволило ей ультимативно потребовать от Тифлиса выполнения условий... подписанного российской делегацией 3 марта в Брест-Литовске мирного договора. Предусматривавшего статьёй 17 всё то, о чём так мечтали в Стамбуле. Не только полный вывод русских войск из оккупированной ими Восточной Анатолии – это уже было достигнуто. Ещё и отмену «турецких капитуляций»: «Округа Ардаган, Карс и Батум также очищаются от русских войск. Россия... предоставит населению этих округов установить новый строй в согласии с соседними государствами, в особенности с Турцией».⁵⁸ Положение, детализированное дополнительным Русско-Турецким договором, подписанным в тот же день.

Используя столь весомые основания, Вехиб-паша 10 марта потребовал от закавказской делегации, прибывшей в Трапезунд для собственных переговоров, не препятствовать турецкой армии занять Карсскую и Батумскую области. Заставил Тифлис отчаянно искать выход из того тупика, куда завела его широкая автономия.

Председатель сейма Чхенкели в панике телеграфировал в столицы всех воюющих стран: «Всякий договор, касающийся

Закавказья и его границ, заключённый без ведома и одобрения самостоятельного закавказского правительства, почитается лишённым международного значения и обязательной силы, так как Закавказье никогда не признавало большевистской власти и Совета Народных Комиссаров». Президенту вторил премьер: «Означенный договор, как заключённый правительством, нами не признаваемым, для нас обязательной силы не имеет, и Закавказье как самостоятельная единица готово вести мирные переговоры с Турцией». ⁵⁹

Всё оказалось тщетным. Турки уже забыли о своём намерении рассматривать комиссариат «независимым Кавказским правительством». Глава оттоманской делегации на переговорах в Трапезунде Г.Рауф однозначно констатировал 20 марта: «Протест вновь образуемого государственного организма, который не вошёл ещё в число государств, против обязательств договора, являющегося международным, не может иметь никакой юридической силы». ⁶⁰

Тифлису пришлось капитулировать. 7 апреля Чхенкели признал необходимость уступить Турции «Карсскую область с городом Карсом, с исправлением границ восточной её полосы с армянским населением, и северной части Ардаганского округа; в Батумской области – весь Артвинский округ без Артвинского участка». ⁶¹ Но было слишком поздно.

В течение десяти дней, с 15 по 25 апреля, турецкие войска заняли обе области целиком. И тому не помешало провозглашение 22 апреля независимой Закавказской Демократической Федеративной Республики. Последовавшее вслед за тем отложение от неё Бакинской губернии, где 25 апреля был образован свой Совет Народных Комиссаров во главе с С.Г.Шаумяном. Чисто областное правительство, прежде всего объяснившее: его создание «не означает вовсе отделение от Всероссийской Советской Республики; оно будет проводить в жизнь... все декреты и распоряжения рабоче-крестьянского правительства России – Верховного Совета Народных Комиссаров». В декларации Баксовета содержалось и ещё одно, не менее важное уточнение. Он «призван бороться и уже фактически борется и воюет за утверждение Советской власти во всём Закавказье и Дагестанской области». ⁶² И действительно, его отряды Красной гвардии и первые части ещё формируемой Красной армии начали ожесточённые бои с войсками имама Гоцинского на севере, у Порты-Петровского (ныне Махачкала), муссаватистов – на западе, в районе Шемахи, и на юге, у Ленкорани.

Но и без того более чем шаткое положение Закавказского сейма катастрофически ухудшалось.

11 мая Союз объединённых горцев Кавказа (он же – Федерация семи штатов), объявил о создании собственного, независимого от России государства, простирающегося от Чёрного моря (Абхазия) до Каспийского (Дагестан). Одновременно заявил о себе, как о независимом, и Юго-Восточный союз, включающий Черноморскую губернию, Кубанскую, Ставропольскую, Терскую и Дагестанскую области, то есть ту территорию, на которую претендовал и Союз горцев Кавказа. Свою южную границу Юго-Восточный союз не определил, намереваясь сделать это только в будущем.⁶³

11 мая в оккупированном турками Батуме делегации Закавказского сейма пришлось начать переговоры с представителями Оттоманской и Германской империй, настаивавших на немедленном подписании сепаратного мира на собственных условиях. В тот же день Грузинский Национальный совет обратился к правительству Германии с просьбой о покровительстве и защите. Мотивировал своё заявление тем, что как восточная часть Закавказья (Азербайджан), так и южная (Армения) уже якобы вышли из федерации.

Берлин откликнулся на призыв Тифлиса 25 мая. Высадил в Очамчирах, Потии и Батуме трёхтысячный отряд германского оккупационного корпуса. Вскоре его дополнили добровольцы из местных немцев-колонистов. Общее руководство германскими силами в Грузии было возложено на молодого дипломата графа Фридриха Вернера фон Шуленбурга (в 1934 – 1941 годах именно он являлся послом нацистской Германии в Москве). Тем самым стало претворяться в жизнь соглашение Берлина и Стамбула, подписанное 27 апреля, о разделе сфер влияния в Закавказье.

26 мая сейму Закавказской Федерации пришлось принять факт распада – в тот день Грузия объявила о независимости. Через день провозгласили суверенность Армения и Азербайджан.

28 мая на борту немецкого парохода «Минна Хорт», стоявшего на рейде Потии, делегация Грузии подписала договор с Германией. 4 июня в Батуме представители Турции подписали договор о дружбе с Грузией, Арменией и Азербайджаном.

4. Конституционный компромисс

Брестский договор уже был подписан. Даже ратифицирован – Чрезвычайным Четвёртым Всероссийским съездом Советов, 15 марта. Однако он так и не принёс умиротворения молодой Советской Республике. Наоборот, привёл к новым напастям и бедам. К вооружённой интервенции ещё вчерашних союзников.

– 9 марта в Мурманске высадились британские войска. По соглашению с местным советом, без возражений Москвы. Для того чтобы защитить доставленные сюда ранее оружие и боеприпасы для русской армии от вполне возможного захвата белофиннами – союзниками Германии.

– 3 апреля немецкие войска высадились в Финляндии и помогли шюцкору Маннергейма свергнуть власть Совета Народных Уполномоченных.

– 5 апреля во Владивостоке высадились японские войска. Под предлогом защиты подданных микадо. Поначалу нехватку солдат с лихвой возместили забайкальскими и уссурийскими казаками атаманов Семёнова и Калмыкова, ставших наёмниками Токио.

И всё же, несмотря на столь неблагоприятное, драматическое развитие событий, в Москве, куда 11 марта переехали ВЦИК и СНК, продолжали заниматься наиважнейшим для любого государства делом. Правовым оформлением Российской Республики. Разработкой первой в истории страны Конституции. Того основного закона, по которому жили (безразлично – монархии или республики) достаточно давно. Швеция – с 1719 года, США – с 1787, Польша и Франция – с 1791, Швейцария – с 1798, Португалия – с 1822, Дания – с 1848, Австро-Венгрия – с 1867, Германия – с 1871. Даже Оттоманская Империя получила конституцию еще в 1876 году.

Вопрос о необходимости конституции возник ещё на Третьем съезде Советов. Тогда все согласились: страна должна стать федерацией. Не решили лишь одно – что же образует её. Национальные ли автономии, чего добивались и многие большевики, и правые, центристские партии окраин. Или те областные объединения, о которых не раз писал и говорил Сталин.

Жизнь вроде бы подтверждала правоту Сталина.

Ещё в декабре 1917 года по местной инициативе возникли Западная область (Минская, Могилёвская, Витебская губернии), Украинская ССР (Киевская, Черниговская, Полтавская, Волынская, Подольская губернии), Урало-Волжский штат (Казанская, Уфимская, ряд уездов соседних губерний), Западно-Сибирская (Омская, Семипалатинская, Томская, Тобольская губернии), Дальневосточный край (Амурская, Приморская, Сахалинская, Камчатская области).

В январе 1918 года – Уральская (Пермская, Вятская, Екатеринбургская, Оренбургская губернии), Донецко-Криворожская (Харьковская, Екатеринославская губернии), Одесская Республика (Херсонская, Бессарабская и часть Подольской губернии).

В феврале – Восточно-Сибирская (Енисейская, Иркутская губернии, Забайкальская, Якутская области).

В марте – Московская (Московская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Нижегородская, Рязанская, Калужская, Курская, Орловская, Смоленская губернии).

В апреле – Северная коммуна (Петроградская, Псковская, Новгородская, Вологодская, Олонецкая, Архангельская губернии), Бакинская коммуна (Бакинская, Елисаветпольская губернии, часть Дагестанской области), Туркестанская Федеративная Республика (Закаспийская, Самаркандская, Ферганская, Семиреченская области), Кубано-Черноморская Республика (Кубанская область, Черноморская губерния).

Всех их объединяло единство формы власти – советской. И все они провозглашали себя неразрывной частью Российской Республики.

Если же какую-либо территорию создавали и оформляли как мононациональную, то её руководство немедленно ставило вопрос уже не об автономии, а о полной независимости. В соответствии с правом на самоопределение, которое столь по-разному толковали в Москве и Берлине, Вене и Киеве, Стамбуле и Эривани. И только потому та проблема, которую большевики долгие годы обсуждали как «национальный вопрос», стала, наконец, пониматься по-иному. Так, как только и следовало.

Выступая с докладом на Третьем съезде Советов в январе 1918 года, Сталину пришлось напомнить более чем очевидное. Из-за пресловутого права на самоопределение возник «целый ряд конфликтов между Советом Народных Комиссаров и окраинами. Эти конфликты, однако, создавались вокруг вопросов не национального характера, а вопроса о власти».

«Приходится продолжать, – развивал Сталин свою мысль, – так называемую Гражданскую войну, являющуюся, по сути дела, борьбой между течениями, стремящимися утвердить на окраинах власть коалиционную, соглашательскую, и другим течением, борющимся за утверждение власти социалистической, советской... Вот в чём содержание и исторический смысл тех острых конфликтов, которые возникают между Советом Народных Комиссаров – с одной стороны, и окраинными буржуазно-националистическими коалиционными правительствами – с другой».⁶⁴

Сталин был прагматиком. Он не стал цепляться за формулы, цитаты из классиков марксизма, абстрактную теорию, ничего не имевшую общего с реальным положением в стране. Понял, что в жизнь претворить старую идею унитарного государства в дан-

ное время ему не под силу. Слишком уж живучим, сильным оказался национализм, ставший неизбежной реакцией на многовековую политику самодержавия. Охвативший все слои общества, заразив даже многих большевиков, особенно на окраинах.

Свое новое предложение – для конституции, Сталин сформулировал иначе. Коли национализм разъединяет людей, ведёт неизбежно к сепаратизму, к распаду страны, то следует, пусть и на время, соединить право на самоопределение с необходимостью неопременного установления Советской власти. А она-то и станет тем цементом, который позволит воссоединить страну, которая станет «добровольным союзом народов России как федерации советских республик».

Пояснил в заключительном слове: «Пока ещё не кончилась борьба между двумя политическими течениями – националистической контрреволюцией – с одной стороны, и Совесткой властью – с другой, до тех пор не может быть речи об отечеканенной резолюции, ясно и точно определяющей все детали государственного устройства советских республик. Резолюция содержит лишь общие основы конституции, которые будут переданы для подробной разработки Центральному Исполнительному Комитету и представлены на окончательное утверждение ближайшему съезду Советов».⁶⁵

Вернёмся ещё раз к уже цитированному документу, который и получил ВЦИК как основу будущей конституции. К резолюции, предложенной Сталиным и утверждённой Третьим Всероссийским съездом Советов 15 (28) января 1918 года.

«1. Российская Социалистическая Советская Республика учреждается на основе добровольного союза народов России как федерация советских республик этих народов...

5. Способ участия советских республик, отдельных областей в федеральном правительстве, областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, равно как разграничение сферы деятельности федеральных и областных учреждений Российской Республики, определяется немедленно по образованию областных советских республик Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Центральными Исполнительными Комитетами этих республик».

Итак, уже изначально – предельно компромиссный план. Российскую Федерацию должны образовать советские республики (таковой по сути, а не по названию была только Украинская ССР), отдельные области (их уже насчитывалось шесть) и области, отличающиеся особым бытом и национальным составом, то есть создающийся Урало-Волжский Штат. Словом, Сталин

предусматривал все возможные варианты, но общим для всех них оставалось наличие Советской власти.

Кроме того, в тот же день съезд утвердил ещё одну резолюцию, также подготовленную Сталиным – «Об одобрении национальной политики советского правительства. В ней, так же, как и в постановлении «Об основных положениях конституции», автору удалось ещё раз провести свою идею. Принцип самоопределения упомянул как вроде бы уже полностью исчерпанный декретами о Финляндии и Турецкой Армении. И, как обязательную для достижения цель, указал следующее:

«Съезд выражает своё глубокое убеждение в том, что дальнейшие шаги Советской власти в этом направлении будут способствовать **превращению бывшей Российской Империи, удерживавшей в своих пределах народности угнетением и насилием, в братский союз свободно соединившихся на федеративных началах советских республик России.**»⁶⁶

Принципиально важным в данном постановлении стало первое упоминание о границах Советской России – территория бывшей Российской Империи, только без Финляндии, которой была предоставлена независимость.

К разработке проекта Конституции ВЦИК смог обратиться со значительным опозданием. Правда, вполне обоснованном – 14 марта пришлось созвать чрезвычайный, то есть внеочередной, Четвёртый Всероссийский съезд Советов для ратификации Брестского мирного договора. А потому ВЦИК лишь в своём заседании 1 апреля для разработки основного закона образовал специальную комиссию из девяти человек. Пятерых – из своего состава, по одному – от Наркоматов внутренних дел, юстиции, финансов и ВСНХ.

Каждому из них предстояло представить один из разделов Конституции: Декларация прав и обязанностей; Общие положения; Советы (избирательное право); Взаимоотношения ВЦИК и СНК; Бюджетное право; Формирование ВГШК; О декретах; Разграничение полномочий исполкомов и съездов Советов; Правительство; Структура ВЦИК; Предметы ведения Всероссийских съездов Советов и ВЦИК.

Как тут же выяснилось, задержка в два месяца оказалась чисто формальной, ибо, по меньшей мере, три человека уже подготовили свои концепции. Первым – член комиссии от ВЦИК Сталин, скорректировавший проект «Общих положений» под влиянием происшедших с января событий и порождённых ими настроений в стране. Документ выглядел следующим образом:

«1. Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России, объединённых в городские и сельские совдепы рабочих и крестьян.

2. Для успешного управления хозяйственными и культурно-национальными делами областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, совдепы этих областей объединяются в автономные областные республики, во главе которых стоят областные съезды совдепов и их исполнительные органы.

3. Для окончательной ликвидации капитализма и полного обеспечения социализма областные советские республики объединяются на началах федерации в Российскую Социалистическую Республику, во главе которой стоят Всероссийский съезд Советов или его заместитель, Всероссийский ЦИК и их исполнительный орган, Совет Народных Комиссаров».⁶⁷

Понимая всю значимость широкой пропаганды, Сталин добился и незамедлительной огласки своих предложений. Уже 3 апреля «Правда» и «Известия», самые многотиражные газеты тех лет, опубликовали беседу с ним – «Организация Российской Федеративной Республики».

Беседу с корреспондентом «Правды» Сталин начал с объяснения самого простого. С того, что «выделившиеся в России области /до революции – Ю.Ж./ представляют вполне определённые единицы в смысле быта и национального состава». Тут же перечислил их: Украина, Крым, Польша, Закавказье, Туркестан, Среднее Поволжье, Киргизский край (Казахстан), «отличающиеся от центра не только по своему географическому расположению (окраины!), но и как целостные экономические территории». Последней характеристикой напомнил о своём главном критерии.

Вслед за тем, указал на суть проблемы. Области эти «стремятся получить необходимую свободу действий в виде федеративных отношений или полной независимости». Пояснил: для выхода из весьма непростого положения, угрожающего полным распадом страны, «в России можно и нужно установить федеративный строй на основе свободного союза народов». Тем самым, понятие «целостные экономические территории» преднамеренно подменил другим, «народы», прочно связав таким образом их в нераздельное целое.

А далее Сталин усложнил определение субъектов федерации. Назвал их «определёнными исторически выделившимися территориями, отличающимися как особым бытом, так и национальным составом». Счёл необходимым привести, как наиболее положительный пример, многонациональный Туркестан, где

проживали узбеки, туркмены, казахи, киргизы, таджики. И тут же в виде примера отрицательного привёл мононациональную Московскую область. «Что может быть общего, – иронизировал он, – между захудалой Калугой и промышленным Иваново-Вознесенском, и по какому признаку их «объединяет» нынешний областной Совнарком, уму непостижимо».

По укоренившейся привычке многократно, но каждый раз по-иному, растолковывал Сталин главную мысль: «субъектами федерации должны быть... лишь определённые области, естественно сочетающие в себе особенности быта, своеобразие национального состава и некоторую минимальную целостность экономической территории. Таковы Польша, Украина, Финляндия, Крым, Закавказье (причём не исключена возможность, что Закавказье разобьётся на ряд определённых национально-территориальных единиц вроде грузинской, армянской, азербайджано-татарской и проч.), Туркестан, Киргизский край, Татаро-Башкирская территория, Сибирь и т.п.»

Какими же должны стать взаимоотношения центральной власти и областей? Не уточняя их в деталях, Сталин ограничился самым важным. «Военное и военно-морское дело, внешние дела, железные дороги, почта и телеграф, монета /денежная система – **Ю.Ж.**/ торговые договоры /внешняя торговля – **Ю.Ж.**/, общая экономическая, финансовая и бюджетная политика – всё это, должно быть, будет составлять деятельность Центрального Совета Народных Комиссаров. Все остальные дела... школы, судопроизводство, администрация и т.д., отойдут к областным совнаркомам». Но тут же сделал весьма примечательную оговорку, ставшую для него предельной уступкой большевикам-националистам – «никакого обязательного «государственного» языка ни в судопроизводстве, ни в школах!» Пошёл на то Сталин только потому, что страна была сверх многонациональной, да, к тому же, большая часть населения всё ещё оставалась азбучно неграмотной.

И всё же, Сталин остался верен своим убеждениям до конца. Завершая беседу, выразил твёрдую надежду: «В России... принудительный царистский унитаризм сменяется федерализмом добровольным для того, чтобы с течением времени федерализм уступил место... социалистическому унитаризму».⁶⁸

Вторым (но слишком уж общё) высказал своё видение Конституции член ВЦИК комиссии от него же, главный редактор «Известий» с октября 1917 года, Ю.М.Стеклов (позднее признавший, что проект подготовил совместно с ещё одним членом комиссии от ВЦИК, Я.С.Шейкманом ⁶⁹). Его (их) позиция была

изложена в статье «Конституция Советской России» как выражение иных, нежели у Сталина, взглядов.

«Основные принципы устройства Российской Республики, – говорилось в ней, – созданной Октябрьской революцией, в общих и основных чертах установлены решениями Второго и Третьего съездов Советов, но только в общих, принципиальных очертаниях. Признаю, что Россия представляет республику советскую и федеративную, т.е. что верховным органом власти в Российской Республике является Всероссийский съезд крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов /подлинная титулатура 1918 года – **Ю.Ж.**/...

За всеми народами, населяющими территорию Советской Республики, признаю право на самоопределение и образование местных **национально-территориальных штатов** /выделено мной – **Ю.Ж.**/, входящих в состав Советской Республики. Но... как должно понимать практическое осуществление федеративного устройства республики, и какой принцип надлежит класть в его основание... все эти вопросы до сих пор разрешались в отдельных местах и по отдельным поводам в зависимости от условий времени и места».

Как же должна быть построена федерация, какой принцип следует положить в её «основание»? На эти вопросы читатели при всём своём желании ответы найти не могли. Единственное, что он мог предложить – уповать на разрешение проблем в скором будущем. «Советский режим, – писал Стеклов, – опирающийся на трудящиеся массы и ими созданный, должен показать миру пример непосредственного участия масс в создании нового государства и в непосредственном управлении им». ⁷⁰

Судя по статье, Стеклов и, вполне возможно, ещё двое членов комиссии – её председатель Я.М.Свердлов и его заместитель М.Н.Покровский, председатель СНК Московской области – твёрдо знали лишь одно: субъектами федерации будут «национально-территориальные штаты». Иными словами, главным принципом станет только национальный. Вот и всё, что смог предложить, как проект основного закона, Стеклов. Человек, не только закончивший юридический факультет Петербургского университета, но даже поработавший адвокатом.

Разительно отличались от игнорирования экономических оснований предложения профессора М.А.Рейснера – члена комиссии от Наркомюста, заведующего отделом законодательных предложений этого же Наркомата. Почти полностью солидаризируясь со Сталиным и выступая оппонентом Стеклова, он писал:

«Нельзя строить федерацию на национальных принципах. Национальное начало исторически всегда господствовало лишь в начальной стадии образования современных либерально-конституционных государств, но с развитием даже буржуазной демократии оно отходило на второй план как начало государственное и возрождалось – как культурное.

Для социалистического государства национальное начало может иметь ещё меньшее значение в политическом смысле, нежели в буржуазно-демократическом, ибо здесь основанием являются формы экономического устройства республики на принципах социалистического хозяйственного производства, обмена и потребления, и, следовательно, на первый план выдвигается даже не государственное установление, а экономическая организация».

Разделавшись, таким образом, с идеей «национально-территориальных штатов», правовед перешёл к собственно построению федерации. Предложил взять за основу конструкцию таких стран, как Швейцария, США, Австралийский союз, хотя тут же сговорился. Их форма, писал Рейснер, «может быть использована для социалистической республики с некоторыми весьма существенными изменениями». Почему? Да потому, что «до настоящего времени у нас ещё не закрепились преобладание крупных областных центров. Только поэтому предложил своеобразную систему «пирамиды» или «матрёшки». «Каждая область, – продолжал Рейснер, – может быть, где это требуется, экономической структурой, малой федерацией ещё более меньших федеративно образованных коммун».

На том сходство конкретных проектов Сталина и Рейснера завершалось. Далее юрист с четвертьвековой практикой устремлялся в беспредельные выси старой, но не потерявшей для марксистов очарования утопии Роберта Оуэна. «Мы, – писал Рейснер, – смотрим на Российскую Социалистическую Республику лишь как на часть другой, грядущей республики – великого интернационального Союза трудящихся всего мира. И в нашей Конституции должны быть намечены пути и должен быть сделан призыв к этой великой федерации будущего: от федерации коммун к федерации Вселенной».

Именно такие представления (как о настоящем, так и о будущем) заставили профессора М.А.Рейснера предложить следующий проект:

«1. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика есть свободное социалистическое сообщество рабочих, крестьян, батраков, казаков и всех трудящихся, объеди-

нённых в классовые трудовые, профессиональные, хозяйственные и политические союзы.

2. Указанные союзы и организации рабочих, крестьян, казаков и вообще трудящихся составляют на местах федеративные общины для ведения социалистического хозяйства, для организации государственной жизни и культурной деятельности...

7. Областные республики, в свою очередь, для осуществлении целей, общих всему рабочему, крестьянскому, казачьему и трудовому населению областей, расположенных на территории бывшей Российской Империи, образуют союз под наименованием Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

8. В случае образования в других странах социалистических федеративных советских республик, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика в целях всеобщего торжества социализма, преуспевания, мира и братства народов входит как полноправный член на началах равенства и свободы в их высший федеративный Союз соединённых социалистических федеративных республик».⁷¹

Ещё до публикации проекта Рейснера, явно стремясь отмежеваться от Стеклова, Сталин более тщательно, чем прежде, обосновал свою вынужденную уступку – признание необходимости создания национальных автономий. В «Обращении Наркомнаца к Советам Казани, Уфы, Оренбурга, Екатеринбургa, Совнаркому Туркестана» («Одна из очередных задач») 9 апреля писал:

«Власть в центре уже стала действительно народной, вышедшей из недр трудовых масс... Но на окраинах, населённых отсталыми в культурном отношении элементами, Советская власть ещё не успела стать в такой же степени народной... Для того, чтобы власть там стала народной, необходимо поднять массы до Советской власти, а их лучших представителей слить с последней. Но это невозможно без автономии этих окраин, т.е. без организации местной школы, местного суда, местной администрации, местных органов власти, местных общественно-политических и просветительных учреждений с гарантией полноты прав местного, родного для трудовых масс языка во всех сферах общественно-политической работы».

В пылу полемики Сталину пришлось стать откровенным до конца. Прямо заявить, что те самые «особенности быта» национальных окраин, которые он не раз поминал как причину, с которой приходится считаться, отнюдь не достоинство. Не какой-то абсолюте, не «священная корова». Всего лишь отсталость в культурном, да и не только в культурном, отношении. А вместе с тем, и то самое опас-

ное, весьма грозное оружие, которое используют националисты в собственных корыстных целях – для борьбы за свою власть.

«Автономно-буржуазные группы, возникшие в ноябре – декабре прошлого года на окраинах, у поволжских татар и башкир, киргизов Туркестанского края, – пояснил Сталин, имея в виду, прежде всего, Всеказахский Народный Совет с его правительством Алаш-орда, Башкирский Областной Совет и созданную им Автономную Башкирскую Республику, Туркестанский Временный Народный Совет и образованное им правительство Кокандская автономия, – постепенно разоблачаются ходом революции.

Для того, чтобы окончательно оторвать от них «их же собственные массы» и сплотить последние вокруг Советов, необходимо «взять» у них автономию, предварительно очистив её от буржуазной скверны, и превратить её из буржуазной в советскую. Не отрицание автономии, а признание её является очередной задачей Советской власти. Необходимо только автономию эту построить на базисе Соверской власти на местах».

Сталин не только обосновал свою позицию, но и предложил план конкретных действий. «Необходимо, – указывал он, – создать комиссию по созыву Учредительных съездов Советов и советских органов данных народов, которые (съезды) должны наметить географические границы этих автономий. Нужно провести эти съезды. Эту необходимую подготовительную работу нужно проделать теперь же, чтобы будущий Всероссийский съезд Советов мог выработать Конституцию Российской Советской Федерации». Тут же подчеркнул: «Никакого деления на национальные курии с представительством от национальных меньшинств и большинства, как это предлагали некоторые буржуазные группы, не должно быть допущено. Такое деление только обострит национальную вражду, укрепляя перегородки».

И наметил первое такого рода действие: « К десятому – пятнадцатому апреля созывается в Москве совещание представителей Советов и мусульманских комиссариатов Казани, Уфы, Оренбурга, Екатеринбурга для создания комиссии по созыву Учредительного съезда Советов Татаро-Башкирии».⁷²

При всей несхожести представленных во ВЦИК двух проектов «Общих положений Конституции», у них имелась одна общая черта. Отсутствие какого бы то ни было упоминания о границах Российской Республики. Да, Рейснер указал – «на территории бывшей Российской Империи». Но всё же «на территории», а не «в границах», не «в пределах». Сталин же, лишь комментируя собственный проект в интервью, упомянул, как вполне возможные, ибо отвечали его критериям, субъекты федерации, пере-

числил, помимо советских Крыма и Туркестана, ещё Польшу и Финляндию, которым совсем недавно СНК предоставил независимость, Украину, чью суверенность обусловил Брестский договор, Закавказье, заявившее о своём отделении от России. Да, именно так сделал Сталин, хотя невозможно представить, что он не знал о происшедшем.

Случайно ли всё это? Вряд ли. Скорее всего, авторы проектов преднамеренно уклонились от любого упоминания границ, дабы государство получило свободу рук для действий в случае любого изменения политической ситуации. Действий, направленных на восстановление в прежних пределах страны, включая не только Украину и Закавказье, но и Финляндию, Польшу.

19 апреля Конституционная комиссия ВЦИК завершила свою работу. Несмотря на импонирующую всем устремлённость в светлое будущее, к победе мировой революции проекта профессора М.А.Рейснера, избрала как официальный документ для представления ближайшему Всероссийскому съезду Советов вариант, подготовленный Сталиным.

На то, несомненно, имелись достаточно веские причины. И то, что оба проекта по своей сути – образование федерации – были очень схожи, хотя сталинский оказался более ёмким и чётким, скорее отвечающим требованиям, предъявляемым к такого рода материалам. И то, что вариант Сталина всё же пошёл на уступку будущим делегатам от национальных окраин, обеспечив, тем самым, значительное число голосов в его поддержку. Возможно, сыграло роль и то, что Сталин был членом не только ВЦИК, но и ЦК РКП(б), а также и правительства.

Несмотря на такую готовность, и руководству страны в целом, и Сталину в частности пришлось неожиданно решать чисто территориальные проблемы. Те, от которых в немалой степени зависело будущее Российской Республики.

5. Отложенные решения

Весной – в начале лета политическое положение на всём гигантском пространстве бывшей Российской Империи по-прежнему было далеко от стабильности. Продолжало меняться, как в калейдоскопе, а территория, подконтрольная Совнаркому, неуклонно сокращалась, как шагреновая кожа.

Британские войска, поначалу занимавшие только Мурманск, стали расширять зону оккупации. Продвигаться вдоль железной дороги на Петроград. Заняли 3 июля Кемь, 10 – станцию Сорока,

20 – Соловецкие острова, 31 – Онегу, а 2 августа – Архангельск. Для управления практически двумя губерниями позволили старому народовольцу, создателю и лидеру крайне малочисленной Партии народных социалистов Н.В.Чайковскому образовать явно марионеточное Верховное управление Северной области.

Наступали и японские войска, активно используя (как живую силу) казаков Семёнова и Калмыкова. К сентябрю они уже занимали огромную зону от Владивостока до Байкала, включая Камчатку. И исключительно в собственных целях манипулировали послушными администрациями. Сначала – Временным правительством автономной Сибири, затем – сменившим его Деловым кабинетом.

Военное отторжение Дальнего Востока и Сибири завершилось с мятежом Чехословацкого корпуса. Образованием 19 июня Восточного фронта – после того, как советская власть была свергнута в Самаре и Симбирске, Казане и Уфе, Сызрани и Екатеринбурге. Там, в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири воцарилось правительство – Комитет членов Учредительного собрания, вскоре преобразованный во Временное Всероссийское правительство (Уфимская Директория).

Не бездействовало и германское командование. Воспользовалось ликвидацией Восточного фронта и провело две наступательных операции на Западном. В конце марта – во Фландрии, в районе Шато-Терри, на Марне, между Аррасом и Ла Фером. В мае – южнее, заняв Реймс и не дойдя всего 70 километров до Парижа. Одновременно немецкие войска, нагло пренебрегая условиями Брестского договора, начали продвигаться к северу и юго-востоку от Украины. Вошли в северную часть Черниговской губернии, южную – Курской и Воронежской, западную – области Войска донского. 18 апреля через Перекоп вторглись в Крым. И во что бы то ни стало намеревались дойти до Новороссийска, куда военные моряки – большевики увели большую часть кораблей Черноморского флота.

Напрасно ЦИКи Донецко-Криворожской, Таврической и Донской советских республик посылали протесты в Берлин. Германское Верховное командование демонстративно не отреагировало на них. Также не повлияли на дальнейшее развитие событий и ноты: НКВД от 21 апреля и полпреда РСФСР в Берлине А.А.Иоффе от 29 апреля в связи с вопиющим нарушением условий Брестского договора – захватом Крыма, неотъемлемой части Российской Республики.⁷³

Германия позволила себе столь вызывающую позицию не только потому, что опиралась на силу оружия. Ещё и потому,

что могла опереться в регионе на послушные режимы. Помимо Рады, прежде всего – генерала-от-кавалерии П.Н.Краснова, совершившего 8 мая в Новочеркасске переворот. Свергнувшего Советскую власть и «избранного» атаманом Всевеликого Войска Донского. Сделавшего ставку не столько на казачество, сколько на формировавшуюся вторично, после «Ледяного» похода, Добровольческую армию генерал-адъютанта М.В. Алексева. На тех, кто не перестал клеймить большевиков позором за подписанный ими Брестский мир, но безучастно взиравших на продолжавшееся наступление немецких войск вглубь страны. Поставивших, судя по всему, новую для себя цель. Захват Кавказа. Иначе зачем было послу Германии в Москве, графу Мирбаху, извещать НКВД о получении из Дагестана послания от правительства, в очередной раз возникшего там (Республики горцев Северного Кавказа). Извещавшего о том, что та полностью независима от России.⁷⁴

И всё же, наибольшей угрозой СНК полагал наступление немцев, при поддержке украинских войск, на Курском, Брянском и Воронежском направлениях. Создававших прямую угрозу уже не Петрограду, а Москве. Наступление, которое велось под надуманным предлогом якобы нежелания большевиков вступить в официальный контакт с Радой и признать, как то предусматривал Брестский договор, независимость Украины. При этом германские генералы не желали и слышать, что именно Киев, хотя и принял предложение СНК РСФСР от 21 апреля начать переговоры, местом которых был избран Курск, так и не прислал туда своих представителей.

Между тем, в прифронтовой город, избранный для встречи, 29 апреля прибыл Сталин, назначенный руководителем советской делегации. Прибыл, чтобы неделю провести в бесплодных ожиданиях. Формально отсрочку можно было объяснить государственным переворотом, произведённым командующим германскими и австро-венгерскими вооружёнными силами на Украине генерал-фельдмаршалом Г.Эйхгорном. Заменившим именно 29 апреля «демократический» режим на полумонархический. Распустившим в тот день Раду, собравшуюся для утверждения Конституции ТНР, и объявившим гетманом, главой Украинского государства (державы), генерал-лейтенанта царской службы П.П.Скоропадского. Того самого, который летом 1917 года был командующим 34 армейским корпусом, ставшим 1-м Украинским.

В действительности же, не столько Рада, сколько германское командование сознательно саботировало открытие перегово-

ров только ради того, чтобы продвинуться максимально дальше на севере и востоке. И только тогда, когда Гинденбургу и Людендорфу потребовались все силы для очередного наступления на Западном фронте, затяжка переговоров прекратилась.

5 мая на небольшой железнодорожной станции Коренево, находящейся в 25 километрах от уездного города Рыльска, майор фон Розенберг-Липинский – от германских и украинских сил, и начальник штаба Курского укрепленного района Зальберман – от Красной Армии, заключили перемирие. Все боевые действия на Курском, Брянском и Воронежском фронтах прекращались, а между противостоящими друг другу войсками создавалась десятикилометровая нейтральная зона, прошедшая всего в 80 километрах от Курска. Именно это событие и послужило для Антонова-Овсеенко основанием сложить с себя должность Главнокомандующего армий Южных республик.

Исполнив поручение, 8 мая Сталин передал свои полномочия руководителю делегации Раковскому и возвратился в Москву. В тот же день, комментируя для прессы достигнутое соглашение, оптимистически заметил: «Можно думать, что переворот на Украине не исключает возможности заключения мира Советской властью и украинским правительством. Следует отметить, что после переворота прекратились и со стороны украинцев колебания, и оттяжки в деле предварительной работы по ведению мирных переговоров».⁷⁵

Позиция Сталина объяснялась предельно просто. Мир (мир на юге Российской Республики) был летом 1918 года необходим. И на любых условиях. Нужен для того, чтобы направить ещё крайне слабые советские вооружённые силы туда, где они были нужнее всего. На север, против англичан и сформированных ими «Славяно-Британского легиона», «Мурманской добровольческой армии». На восток, против взбунтовавшихся чехословаков и созданной при их прямой поддержке, идущей в бой под красными революционными знамёнами, «Народной армии» Комитета членов Учредительного собрания. А ещё и против присоединившейся к нему Сибирской Областной Думы с собственной «Сибирской армией».

Но ещё более была заинтересована в мире Германия, ведшая последние, решающие сражения на Западном фронте. Поэтому фельдмаршал Эйхгорн и оказал весьма сильное давление на гетманские власти, заставив их уклоняться от встречи с представителями Москвы. 23 мая российско-украинские переговоры, наконец, начались. Но не в Курске, как планировалось, а в Киеве. Под неусыпным контролем немцев.

Делегация РСФСР включала малозначимых тогда политических лиц. Х.Г.Раковского как председателя (примечательно, что всего четырьмя месяцами ранее он приветствовал Третий съезд Советов как представитель социал-демократии Румынии!). Его заместителя, Д.З.Мануильского – замнаркома продовольствия, а также многочисленную группу экспертов. Среди них были профессор А.А.Немировский и А.Н.Ждан-Пушкин от НКВД, генералы П.П.Сытин и С.Н.Одинцов, полковник К.Я.Пушкарёв, капитан 2 ранга С.М.Холодовский – от военного ведомства.

Украинская делегация выглядела куда как представительнее. Глава – О.П.Шелухин, бывший министр юстиции в правительстве Рады, ставший Генеральным судьёй. Не менее импозантно выглядели должности и его коллег: И.А.Кистяковский – государственный секретарь, полковник Х.А.Барановский – начальник Генерального штаба, П.Я.Дорошенко – управляющий делами министерства иностранных дел.⁷⁶

Представители гетмана стремились во что бы то ни стало добиться того, что считали наиважнейшим. Во-первых, вынудить советскую делегацию признать независимость Украины. Во-вторых, добиться согласия Москвы на ту территорию для своей державы, которую определяли как этнографическую. Описанную еще в 1892 году молодым марксистом, подданным императора Франца Иосифа, украинцем по национальности Юлианом Бачинским в книге «Украина ирредента» – от западной границы Российской Империи по Северный Кавказ, включая Кубанскую область и Черноморскую губернию.

Но именно такие, явно чрезмерные цели и привели к неудаче на переговорах.

Шелухин сразу попытался добиться в протоколах наименования Украины как независимого государства. Однако Раковский, выполняя указание СНК, даже на пятом по счёту заседании, 31 мая, категорически отказывался от использования такой формулировки.

«Ввиду того, – заявил он, – что ваши и наши отношения до сих пор ещё юридически не определились, я имею полное право, основываясь на выводах юридической науки, сказать: для нас Украинская держава начнёт существовать с того момента, когда мы здесь, с вами, подпишем договор... С точки зрения международного права преемником бывшей Российской Империи является Российская Советская Федеративная Республика. И лишь в том случае могли бы выступать части бывшей Российской Империи как субъекты международного права, если на то было бы дано согласие Российской Федеративной Республики».⁷⁷

Позиция Раковского являлась безупречной, ясной, понятной любому дипломату. Отсюда и те бесплодные предварительные дискуссии, тянувшийся две недели. Безрезультатные только из-за того, что для советской делегации главным являлся не сам договор, к которому она никак не стремилась, которого заведомо не желала, а лишь формальное выполнение того, к чему её вынудили в Бресте. О том весьма откровенно заявил Мануильский. «Полагаю, – честно признался он, беседуя с корреспондентом газеты «Известия», – что результатом наших переговоров явится не подлинно мирный договор, а временный (провизорий), приблизительно месяцев на шесть». ⁷⁸

Почему «временный», да ещё на столь непродолжительный срок? Да потому, что в Москве были твёрдо уверены: за ближайшие полгода политическая ситуация в Европе коренным образом изменится. Непременно. Либо победит германский пролетариат, либо милитаристская Германия проиграет войну. И в том, и в другом случае Украинской державы не станет. Того же мнения придерживались и украинские большевики, не скрывавшие своих надежд. Выраженных «Декларацией» ВуЦИК, оглашённой в Москве при ратификации Брестского договора:

«Протестуя перед лицом Всероссийского съезда (Советов) и перед рабочим классом всего мира против насильственного – при помощи немецких штыков – отторжения Украины от Общероссийской Федерации, мы не осуждаем наших российских товарищей, вынужденных под давлением печальной необходимости – надеемся, на время – разорвать федеративную связь с вами...

Условия мирного договора насильственно отрывают нас от Общесоветской Федерации. Мы вынуждены проститься с вами, но не навсегда, надеемся – ненадолго. Наступит час, когда в результате упорной борьбы и неизбежной, конечно, победы украинского, российского и мирового пролетариата мы снова будем членами Социалистической Федерации». ⁷⁹

В ожидании того и Раковский, и Мануильский всячески тормозили переговоры. Лишь под жёстким давлением Берлина им всё же пришлось пойти на самую минимальную уступку. Подписать 12 июня соглашение о перемирии. Только о нём:

«1. По соглашению обеих сторон, боевые действия на всём фронте на время ведения мирных переговоров между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Украинской державой прекратить. Там, где боевые действия не прекращены, немедленное прекращение их устанавливается местным командованием путём соответствующего соглашения...

6. Оба государства немедленно приступают к переговорам о заключении мирного договора».

Казалось, это был обычный документ о перемирии воюющих сторон. Однако Раковскому и Мануильскому пришлось согласиться с крайне неприятной, даже неприемлемой для них формулировкой, введённой в преамбулу по настоянию Шелухина. Она выглядела следующим образом: «собравшиеся в Киеве для заключения между названными двумя **независимыми** /выделено мной – **Ю.Ж.**/ государствами договора о мире».⁸⁰

Всего лишь одно слово, использованное в документе – «независимыми» было расценено гетманскими властями как неоспоримая их победа. Как якобы официальное признание Москвой их независимости. Доморощенные дипломаты Шелухин и Дорошенко понятия не имели, что для настоящего международно-правового признания требуется совершенно иное. Непременно – постановление ВЦИК или СНК, в крайнем случае, официальное заявление (нота) НКВД об установлении дипломатических отношений, а также обычно сопровождающий его обмен полномочными миссиями. Но ни того, ни иного не было. Использование же единственного слова «независимые», как всего лишь констатации враждебных сторон, да ещё в преамбуле соглашения о перемирии, есть нечто иное. Продиктованное чрезвычайными условиями, сложившимися на тот момент, а потому позволяющее прекратить военные действия. Не более того.

Но при обсуждении в ходе переговоров второго, более значимого вопроса – о границах – советская делегация, явно отстаивая не классовые, а чисто национальные интересы страны, не пошла даже на ничтожную уступку. В течение трёх месяцев отклоняла, как совершенно необоснованные, притязания Киева, прикрывавшего аннексионистские устремления Берлина. Притязания, сформулированные 1 апреля в телеграмме заместителем министра иностранных дел Германии Бушем. Указавшим в категорической форме, что для его страны территорией УНР, на которой пребывают по соглашению с Радой немецкие войска, являются Подольская, Волынская, Киевская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Екатеринославская, Таврическая (без Крыма), Херсонская губернии, а также значительная часть Холмской.⁸¹

Однако в Киеве не собирались довольствоваться только тем пространством, которое было определено и Радой, весной 1917 года, и Третьим Универсалом. Попытались, обосновывая тем расширение зоны немецкой оккупации, претендовать на

ряд уездов Курской, Орловской, Воронежской губерний, на 14 округов, то есть на треть области Войска Донского (включая Таганрог и Ростов), на всю Кубанскую область, Полесье (вплоть до Минска), да ещё и на Крым.

Шелухин мотивировал права Киева на всю эту территорию, опираясь на «этнографический», по его словам, принцип. Тракуемый, почему-то, как диалектологический, да ещё и в представлении дилетанта. Генеральный судья полагал себя судьёй даже в вопросах филологии. Так, настаивал, что в Полесье язык населения, мол, ближе к украинскому, нежели к белорусскому, а жители Кубани поголовно изъясняются на классической «мове».⁸²

В ответ Раковский предложил использовать этнографический принцип, но за основу его взять последнюю, 1897 года, перепись населения. Разумеется, такой подход не устроил Шелухина.⁸³

Псевдонаучные препирательства по поводу говоров неожиданно осложнились возражениями соседних краёв. Раковского посетили представители только что признанной немцами Белорусской Народной Республики А.Цвиневич и профессор Довнар-Запольский. Они попросили главу советской делегации сделать то, что не удалось им – заявить протест гетманскому правительству в связи со стремлением последнего аннексировать Гомельскую губернию, являвшуюся южной частью Полесья.⁸⁴

Тогда же представитель Дона вручил МИДУ Украины весьма интересную по содержанию ноту. В ней предлагал иметь в виду, что Юго-Восточный союз, частью которого являлась Донская область, «представляет собой не часть Российской Советской Республики, но отдельное суверенное государство», находящееся «в состоянии войны с не признанным им правительством Российской Советской Республики». При этом Киеву напомнили: «в состав федеративного государства Юго-Восточный союз входят территории казачьих войск – Донского, Кубанского и Астраханского, горцев Северного Кавказа и Черноморского побережья».⁸⁵

Заявления Шелухина скрывали под собой весьма прозаическое желание Киева захватить Донбасс и Криворожье. Такая цель была настолько прозрачна, что позволила Мануильскому прямо заявить: тем самым «придётся весь металл и уголь отдать в распоряжение Украины. А это значило бы подписать в Киеве смертный приговор России».⁸⁶

...Заключением перемирия переговоры в Киеве, собственно, и ограничились. Хотя продолжались ещё два с половиной ме-

сяца, ни к чему значимому не привели, да и не могли привести. Ведь советская делегация обязана была учитывать, что с каждой неделей гетманщина всё более и более утрачивала контроль над Украиной. Были охвачены крестьянскими восстаниями губернии: Киевская (знаменитое Звенигородско-Таращанское), Полтавская, Черниговская, возглавлять которые пытался созданный в подполье Национальный союз, возглавляемый Винниченко. В степях Екатеринославщины и в Северной Таврии хозяйничали анархисты Махно. Да и прекративший существование Народный Секретариат исчезнувшей было УССР не остался в стороне от таких событий. Правда, в несколько иной форме.

5 июля в Москве открылся съезд партийных организаций коммунистов Украины. При закрытии (неделю спустя) он провозгласил создание Компартии Украины и принял резолюцию, в принципе исключавшую дальнейшую деятельность Раковского в Киеве.

«Исходя из того, – фиксировал документ, – что Украина экономически неразрывно связана с Россией, экономическое единство Украины и России в последнее десятилетие создало прочный базис борьбы пролетариата Украины и России. Отделение Украины от России, как в силу этого, так и в силу международной обстановки носило характер временной оккупации, идея «самостоятельности» Украины, под ширмой которой германские империалисты захватывали и поработщали Украину под иго капиталистов и помещиков, окончательно дискредитирована в самых широких трудовых массах Украины, восстание на Украине развивается под лозунгом восстановления революционного воссоединения Украины с Россией.

Первый съезд Компартии Украины полагает, что задачей нашей партии на Украине является: порвав решительно с ошибками прошлого /имелось в виду отстаивание полной независимости от Москвы УССР в конце 1917 – начале 1918 годов – **Ю.Ж.**/, бороться за революционное воссоединение Украины с Россией на началах пролетарского централизма в пределах Российской Советской Социалистической Республики».⁸⁷

Съезд не ограничился декларацией. Образовал Всеукраинский ревком, который сразу же приступил к формированию в нейтральной зоне (Брянск – Львов – Курск) регулярных воинских частей. Ими стали 1-й Украинский советский полк имени Богуна и 2-й Таращанский – со ставшими впоследствии легендарными командирами Н.А.Щорсом и В.Н.Боженко.

В те же самые дни, с 18 июля по 4 августа, на Западном фронте завершалась битва на Марне. Контрнаступление француз-

ской армии оказалось не просто успешным, а поворотным во всей кампании. И означало теперь неминуемый, очень скорый разгром Германии. Потому Берлину пришлось добиваться гарантий полной безопасности на Востоке. Воспользоваться для того крайним ослаблением России, вызванным многочисленными неудачами Красной Армии в сражениях с чехословаками на Волге, с англичанами – на Северной Двине и в Карелии.

Способ был избран самый простой. Полпреда А.А.Иоффе принудили подписать 27 августа, от имени правительства РСФСР, так называемый Добавочный договор, призванный окончательно урегулировать все, оставшиеся нерешёнными, территориальные вопросы.

Согласно статье 2-й предусматривался вывод немецких войск из Эстляндии и Лифляндии (германская сторона упорно не желала использовать слова «Латвия», «Эстония»), но статья 7-я вынуждала Россию отказаться от своих суверенных прав на эти губернии. 12-я статья определяла границы Украины в полном соответствии с Третьим Универсалом – те же восемь губерний и северная Таврия, а Германия, в свою очередь, соглашалась очистить Курскую, Орловскую, Воронежскую губернии, Донскую область (точнее, Донбасс) и Черноморское побережье «вне Кавказа». Наконец, 13-я статья обязывала РСФСР признать независимость Грузии, за что обещала не поддерживать «третью сторону», то есть Турцию, при её попытке захватить Бакинскую губернию.⁸⁸

В Москве, сначала в НКВДе, а затем и в ЦК, получив загодя проект договора, всё же дали Иоффе разрешение подписать документ. Очередной «грабительский и аннексионистский». Поступили так по одной-единственной причине. Они, как и вся Европа, уже поняли: дни Германии сочтены, вот-вот её постигнет страшный разгром и поражение. Следовательно, тогда же договор окажется ничего не значащей бумажкой, и выполнять его не придётся.

Но в Киеве, узнав о содержании соглашения, сочли себя обижёнными, обделёнными. Не учитывая положения на Западном фронте, продолжали надеяться на силу своих берлинских покровителей. Попытались самостоятельно добиться расширения своих границ. В сентябре начали переговоры с прогерманским марионеточным режимом Крыма – об объединении полуострова с Украиной. Мол, из чисто гуманных соображений, дабы спасти голодающее население. А заодно признали независимость Всевеликого Войска Донского.⁸⁹ Подобные решения (видимо, полагал Шелухин) позволят ему не обсуждать границы державы с Россией в Таврии и Донбассе.

Но именно такие, слишком уж самостоятельные действия гетманских властей заставили Германию настоять на переносе российско-украинских переговоров из Киева в Берлин. И хотя так и произошло, но заставить тем Раковского и Мануильского безоговорочно принимать все условия, диктуемые Шелухиным, не удалось. Не удалось, тем самым, добиться от советской делегации признания независимости Украины.

6. Какую же конституцию утвердили?

В середине мая, когда в Киеве ещё и не ждали советскую делегацию во главе с Раковским, в Москве прошло весьма важное совещание. Призванное существенно повлиять на сущность построения Российской Федерации. Совещание, о котором его организатор, нарком по делам национальностей Сталин, объявил заранее, 9 апреля – о подготовке к созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской республики.

В случае его успеха на административной карте страны появилось бы первое областное объединение, образованное исключительно по национальному признаку. Непременное приведшее к образованию далеко не одного подобного. Иными словами, сказавшееся кардинальным образом на общем подходе к решению национального вопроса в целом.

Открывая 10 мая это совещание, Сталин, прежде всего, сформулировал его цели и задачи. А для начала объяснил собравшимся, что такое автономии, для чего они необходимы в Российской Федерации.

«Цель будущего съезда, – объяснял Сталин, – определить границы и характер Татаро-Башкирской автономии... III съезд Советов дал общие положения Конституции Советской Республики, призвав трудовые элементы народов России высказаться, в каких отношениях они хотели бы стать к Центру».

Только затем перешёл к характеристике уже появившихся в стране национальных автономий. «Везде почти, – говорил Сталин, – во всех областях создались буржуазные автономные группы, организовавшие «Национальные Советы»... превратившие свою страну в страну национальной борьбы и шовинизма. Эти автономные группы (я имею в виду татарские, башкирские, киргизские, грузинские, армянские и прочие «Национальные Советы»), все эти «Национальные Советы» добивались одного: получить автономию с тем, чтобы центральная власть не вмешивалась в их дела, не контролировать их... Дать автономию для

того, чтобы внутри автономии вся власть принадлежала национальной буржуазии... на это не может пойти Советская власть».

Словом, ничего нового по сравнению с тем, что Сталин говорил уже ранее (в частности, на Третьем съезде Советов), не прозвучало. Тем не менее нарком настойчиво продолжал развивать именно эту мысль, полагая её наиважнейшей. Доказывал то животрепещущими, убедительными для слушавших его примерами:

«Есть два типа автономии. Первый тип – чисто националистический... «Национальные Советы», национальные полки вокруг этих Советов, межевание населения по национальным куриям, неизбежная при этом национальная грызня – таковы результаты этого типа автономии...

Такого типа автономии добивалась буржуазная Рада. Истинно, что для своего роста и развития Рада вынуждена была вести войну с рабоче-крестьянскими Советами. К тому же результату привело в Закавказье существование национальных армянских, грузинских, татарских /азербайджанских – **Ю.Ж.**/ Советов.

Этот тип автономии, – продолжал Сталин, – мы отвергаем в принципе... Мы предлагаем другой тип автономии, тип автономии областной, с преобладанием одной или нескольких национальностей. Никаких национальных курий, никаких национальных перегородок! Автономия должна быть советской, опирающейся на совдепы».

И повторил характеристику данного типа, данную им при разработке «Общих положений» Конституции и их комментирование.

«Необходимо оставить в руках центральной власти все важные для всей страны функции, предоставить областным органам главным образом административно-политические и культурные функции. Таковы школа, администрация, необходимые политические мероприятия, формы и способы проведения общих декретов применительно к национально-бытовым условиям. Всё это на родном, доступном для населения языке. Вот почему общепризнанный тип областных объединений с областными ЦИК во главе является наиболее целесообразной формой такой автономии».⁹⁰

Тем настойчиво внушал тридцати участникам совещания (представлявшим татар, башкир, чувашей, мордву, марийцев и русских, населявших весьма неопределённый пока по территории регион, ядром которого, бесспорно, являлись Казанская и Уфимская губернии), предельно простую мысль.

Российскую Федерацию образуют областные объединения, идентичные по конструкции власти подчинённому отношению к Центру. Лишь некоторые из них выделяются преобладанием нерусского населения. Населения, пока ещё не знающего русского языка, с более отсталыми, по сравнению с другими регионами, формами ведения хозяйства, порождающими особый быт. И до тех пор, пока такие различия существуют, не преодолены, приходится мириться с ними, создавая в предельно узких рамках то, что и следует называть национальной автономией. Автономией временной, преходящей.

Последовавшая за выступлением Сталина дискуссия показала, что далеко не все участники совещания разделяют взгляды и предложения наркома.

Егошин – русский (Уфимский губсовет): «К организации Татаро-Башкирского Штата рабочие и крестьяне относятся равнодушно».

Шамигулов – башкир (Оренбургский мусульманский комитет): губернский крестьянский съезд «высказался против Татаро-Башкирской Республики. Съезд протестовал против положения /о республике, разработанный Наркомнацем и утверждённый им 22 марта – **Ю.Ж.**/, ибо благодаря ему создаётся разделение по национальностям... Мы против положения, ибо мы принадлежим к Уральскому /областному – **Ю.Ж.**/ Совету».

Гафуров – татарин (Симбирский губсовет): зачитал данный ему наказ высказаться против «национальных республик».

Тунтул – латыш (Уральский облсовет): «Мы думали, что Федеративную Советскую Республику можно строить только по принципу экономическому, по принципу сильных, экономически связанных и сплочённых областей. Постройка по принципу национальному несёт с собой расстройство, гибель всего народного хозяйства, а вместе с тем и пролетариата, опекаемого всякими шовинистами».

Вахитов – татарин (Наркомнац): зачитал телеграммы, поступившие в адрес совещания от «трудящихся мусульман» Уфы, Оренбурга, Казани, других городов, одобряющих создание Татаро-Башкирской Республики.

Ибрагимов – татарин (Уфимский губернский мусульманский комиссариат): «Вопрос о Татаро-Башкирской Республике поднят низами».

Якубов – татарин (Казанский губернский мусульманский комиссариат): высказывается в поддержку создания национальных автономных республик.

Динмухаммедов – татарин (Пермский губернский мусульманский комиссариат): «Отношение пермского татарского пролетариата к объявлению Татаро-Башкирской Республики положительно».

Мухин – представитель чувашей: высказался за образование Урало-Волжского Штата, так как Татаро-Башкирская Республика «оставляет за бортом мелкие национальности». ⁹¹

Весьма показательным стало то, что очень многие участники совещания вспоминали (как положительное явление) попытку создать в декабре 1917 – январе 1918 годов Урало-Волжский Штат – как многонациональное областное объединение, схожее с Туркестанской Республикой. Исключая какие бы то ни было преимущества для татар и башкир. Напоминали о разгоне, как антисоветского, правительства «Башкурдистана» /Башкирии/, образованного в виде национального придатка к режиму атамана Дутова; ликвидации «Забудачной республики», провозглашённой татарскими националистами в Казани. И сходились в одном – Татаро-Башкирская Республика должна стать автономией национальностей, а не национальной.

На седьмой день работы совещания, завершая дискуссию, снова, с очень короткой речью, выступил Сталин.

«Национализм, – сказал он, – это та последняя позиция, с которой надо сбросить буржуазию, чтобы окончательно победить её... Чтобы разбить национализм, нужно, прежде всего, поставить и разрешить национальный вопрос. Но чтобы разрешить национальный вопрос открыто и социалистически, нужно его поставить на советские рельсы, подчинив его целиком и окончательно интересам организованных в Советы трудовых масс. Так, и только так можно выбить у буржуазии её последнее духовное оружие. Создаваемая ныне Автономная Республика татаро-башкир является практическим разрешением этого общего и важного для всей нашей революции вопроса». ⁹²

Итогом работы совещания, которому Сталин всё же навязал своё предложение, стало решение, предусматривавшее дальнейшие практические шаги для созыва Учредительного съезда Татаро-Башкирской Республики. Оно указывало: «привлечь к выборам только оформленные Советы»; рамки территории, определённые положением, расширялись – в неё включались, помимо Казанской (Среднее Поволжье), Уфимской и Оренбургской (Южный Урал) губерний, уезды соседних – населённых чувашами, черемисами (марийцами), мордвой – Симбирской, Пермской, Вятской, Екатеринбургской; вопросы компетенции органов власти автономии, как и установление её администра-

тивных границ, возлагались на предстоящий Учредительный съезд. Подготовить же всё перечисленное должна была комиссия, в которую избрали М.Вахитова – от Наркомнаца, Янбаева – от Центрального Татаро-Башкирского комиссариата, Довлетшина – от башкир, Якубова – от татар, Ельменева – от марийцев, Мухина – от чувашей, Егошина – от русских.⁹³

Однако ни провести Учредительный съезд, дату созыва которого загодя не определили, ни провозгласить на нём первую национальную автономию так и не удалось. Та самая территория, где и предполагалось создать Татаро-Башкирскую Республику, два месяца спустя стала ареной ожесточённых сражений, оказалась отрезанной от столицы и центральной части страны Восточным фронтом.

Но что бы ни произошло потом (летом), тогда (в мае) выглядело несколько странно, неожиданно. Могло сложиться впечатление, и весьма убедительное, что Сталин напрочь отказался от отстаивания унитарности России. Стал рьяным поборником раздела её на национальные образования, наделённые автономией, и всё же, не только можно, но и должно предположить иное. Сталин, предлагая создать Татаро-Башкирскую Республику, менее всего думал о какой-либо государственности народов Среднего Поволжья и Южного Урала. Тем более, что инициаторами того выступали Центральный и Губернские мусульманские комиссариаты.

Скорее всего, для Сталина более важным являлся поиск таких форм, которые помогли бы, позволили бы в близком или отдалённом будущем и без особого сопротивления привести в Российскую Федерацию Украину и Крым, Польшу и Закавказье, даже, возможно, Финляндию. Иначе, зачем было ему даже в апреле упоминать именно эти края как вполне сложившиеся областные объединения, то есть субъекты федерации.

Ну, а средство для воссоединения у Сталина давно имелось, не раз упоминалось им в статьях, интервью, выступлениях и докладах – советская власть. Нельзя исключить, что такого рода представления и заставили Сталина (а вслед за ним и других руководителей страны) ни в одном из вариантов проекта Конституции ни разу не указать границы России, её пределы. О том же свидетельствует в тех же документах и отсутствие перечисления тех самых областных объединений, из которых уже практически складывалась Советская Федерация.

17 июня центральные газеты страны опубликовали утверждённую Президиумом ВЦИК повестку дня предстоящего Пятого Всероссийского съезда Советов. Четвёртым вопросом в ней

значилось: «Конституция РСФСР». Ну, а для того, чтобы и делегаты, и население в целом смогли заранее познакомиться с существовавшими на тот момент вариантами проекта «Основного закона», которые следовало обсудить, и только наилучший представить на утверждение, «Известия» (две недели спустя) начали публиковать их. Сначала – «Общие положения» – как основополагающие, от которых напрямую зависели все остальные разделы, хотя они и следовали только после «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа».

Первым, разумеется (как уже утверждённый конституционной комиссией), появился вариант Сталина. Старый, ещё апрельский. Вторым – М.А.Рейснера и А.Г.Гойхберга, от Наркомюста, новой редакции.⁹⁴

Вот тогда-то и стало ясно, насколько отошли они от постановления Третьего съезда («О федеральных учреждениях Российской Республики»), должно служить основой этих самых «Общих положений». Чтобы убедиться в том, достаточно было сравнить их по основным позициям.

От откровенно внеклассового, слишком уж гуманистического, «общечеловеческого» определения Российской Республики как «добровольного союза народов» отказались ещё в апреле. Тогда, когда конституционная комиссия приняла за основу для дальнейшей работы близкие друг другу варианты Сталина и Рейснера, содержавшие иную характеристику – «свободное социалистическое общество всех трудящихся».

Правда, поначалу между этими двумя вариантами имелись и довольно серьёзные различия. Для Сталина основой власти должны были служить только Советы. Рейснер же, тогда не чуждавшийся синдикализма, предложил другую форму объединений – «классовые трудовые, профессиональные, хозяйственные и политические союзы». Но спустя два месяца он со своим соавтором Гойхбергом отказался от прежнего взгляда и принял сталинское: объединять трудящихся должны лишь Советы.

Практически не было особых разночтений в изложении и второй статьи «Общих положений». Определявшей субъекты федерации. И для Сталина, и для Рейснера ими должны были стать областные объединения. При этом поначалу только Сталин предусматривал их частный случай – те, что «отличались особым бытом и национальным составом», которые следовало делать автономными. В конце концов, Рейснер с Гойхбергом согласился с таким решением, предложив, со своей стороны, создавать «особые областные союзы» там, где того требовали «хозяйственные и этнографические условия».

А так как в обоих вариантах изложение третьей статьи изначально было тождественным, то конституционная комиссия очень легко смогла свести два проекта в один:

«1. Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России. Вся власть в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики принадлежит всему рабочему населению страны, объединённому в городские и сельские Советы.

2. Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут /выделено мной – **Ю.Ж.**/ объединяться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких могущих быть образованными областных объединений вообще, стоят областные съезды Советов и их исполнительные органы.

Эти автономные областные союзы входят на началах федерации в Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику.

3. Во главе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики стоит Всероссийский съезд Советов, а в период между съездами – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет».⁹⁵

Так выглядела в окончательном, сводном, проекте структура власти. Её лишний раз подкрепляло ещё и то, что было изложено статьей 50 (раздел Б – «Органы Советской власти на местах»): «Областные объединения могут составляться с утверждения ВЦИК из районов, отличающихся особыми экономическими условиями быта».⁹⁶

Не лишне обратить внимание на то, что национальные областные объединения – автономии – могли создаваться, но могли и не получать утверждения ВЦИК. Иными словами, не были обязательными для всех абсолютно национальных регионов.

Пятый Всероссийский съезд Советов открылся 4 июля, но через день его нормальную работу пришлось прервать. Левые эсеры, имевшие практически треть делегатов, подняли мятеж, а член их партии Блюмкин ещё и убил германского посла Мирбаха. И всё – во имя немедленной революционной войны с оккупантами. С Германией и Австро-Венгрией – на Украине, где всё сильнее разгоралось пламя партизанской войны.

Только после подавления мятежа заседания съезда возобновились. Однако повестку дня пришлось скорректировать, и вопрос о Конституции оказался теперь шестым, последним. Потому и прошёл без обсуждения, дискуссий. 10 июля окончательный проект был принят. Но, как вскоре оказалось, работа

над ним не остановилась. Новый состав Президиума ВЦИК под председательством Свердлова (ни Сталин, ни Рейснер в его состав избраны не были) утверждённый текст несколько доработали. Вроде бы – чисто редакционно, но сохранили недопустимые для Основного закона разночтения.

Подготовленную Лениным ещё в начале января и утверждённую Третьим съездом Советов «Декларацию прав», ставшую преамбулой Конституции, сохранили практически в неприкосновенности и породили тем вопиющее юридическое противоречие. Ведь её статья 2 утверждала: «Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик».

Подобная трактовка федерации, несомненно, имела в виду то, что ещё должно было произойти – грядущую мировую революцию и образование иных, помимо РСФСР, советских республик. Но об этом прямо написать в такого рода документе тогда ещё не решились. Вместе с тем, статья 10 второго раздела Конституции утверждала обратное: «Российская Республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся России». Таким образом, появлялась возможность по-разному толковать, что же есть на самом деле РСФСР – свободный союз наций или республика трудящихся.

Как ни покажется удивительным, но правовая двусмысленность довольно скоро пригодилась, оправдала себя. Всего через четыре месяца.

Ноябрь 1918 года оказался переломным для хода истории как в мире, в Европе, так и в Российской Федерации.

В октябре, осознавая неминуемое поражение, германские власти попытались сделать всё возможное, чтобы оставить за собой и в будущем контроль за большей частью России. Хотя и не дождались признания Украины со стороны Москвы, продолжали действовать теми же методами. В Пскове начали создавать Северную армию во главе с генералом Никифоровым. На Дону поддерживали Краснова. На Северном Кавказе ничего не предпринимали против рождавшейся Добровольческой армии генерала Алексеева (с 8 октября – генерала Деникина) и Астраханской – генерала Демьянова. К этим откровенно прогерманским марионеточным режимам относились и гетман Скоропадский, и генерал Маннергейм. Все те, кто был обязан и своею властью, и постоянной политической и военной поддержкой германскому Верховному командованию. Только ему. И исходя из того, Берлин полагал, что их ставленники смогут самостоятельно, согласованно нанести военный удар по Пе-

трограду и Москве. Устранить ВЦИК и СНК, образовать собственное правительство.

Полагаясь на эффективность такого плана, 5 ноября Германия – под предлогом так и не последовавшего наказания убийцам посла Мирбаха, а также ссылаясь на некую «революционную пропаганду, ведущуюся советским полпредством, разорвала дипломатические отношения с РСФСР. Но, как тут же оказалось, с таким решением весьма запоздала.

Ещё 3 ноября в Киле восстали матросы германского военноморского флота. 9 ноября в Берлине появился Совет рабочих и солдатских депутатов, провозгласивший Республику. 10 ноября кайзер Вильгельм II бежал в нейтральные Нидерланды. В тот же день Берлинский Совет образовал временное правительство – Совет Народных Уполномоченных во главе с социал-демократом Ф. Эбертом и независимым социал-демократом Г.Гаазе. 11 ноября, неподалеку от Парижа, в Компьенском лесу, представители германского командования подписали акт о перемирии, который на деле завершил мировую войну. Ведь Болгария капитулировала 29 сентября, Турция – 30 октября, Австро-Венгрия – 4 ноября.

Правда, акт о перемирии с Германией оказался более чем странным. Немецкие войска на Западном фронте должны были незамедлительно отойти к старой границе. На Восточном же, в соответствии с секретным приложением к статье 12, – оставаться на Украине и в Прибалтике впредь до подхода туда вооружённых сил Антанты.

И всё же поражение Германской Империи было очевидным. А потому 13 ноября ВЦИК объявил об аннулировании Брест-Литовского мирного договора и Дополнительных соглашений:

«Всероссийский ЦИК сим торжественно заявляет, что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишлись силы и значения. Брест-Литовский договор (равно и Дополнительное соглашение, подписанное в Берлине 27 августа и ратифицированное ВЦИК 6 сентября 1918 года) в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным...

Трудящиеся массы России /подразумевались территории Пскова, Двинска и Режицы – **Ю.Ж.**/, Лифляндии, Эстляндии, Польши, Литвы, Украины, Финляндии, Крыма и Кавказа, освобождённые германской революцией от гнёта грабительского договора, продиктованного германской военщиной, призваны ныне сами решать свою судьбу... Все оккупированные области России будут очищены. Право на самоопределение в полной мере будет признано за трудящимися нациями всех народов...

Построенные на этих основах отношения между народами России, Германии и Австро-Венгрии будут не только мирными отношениями. Это будет союз трудящихся масс всех наций в их борьбе за создание и укрепление социалистического строя на развалинах строя милитаризма, империализма и экономического рабства...

Приветствуя население всех областей, освобождённых от ига германского империализма, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика зовёт трудящиеся массы этих областей к братскому союзу с рабочими и крестьянами России и обещает им полную, до конца идущую поддержку в их борьбе за установление на их земле социалистической власти рабочих и крестьян». ⁹⁷

Подготовив и опубликовав такое заявление, в Москве были твёрдо уверены – оправдалось ожидание мировой революции, призванной сыграть мессианскую роль. Приход, долгожданный приход той самой революции в Германии, о которой писали Маркс и Энгельс.

Между тем события развивались далеко не так, как надеялись большевики. Да, австрийские войска покидали Украину. Точнее, бежали в беспорядке, распродавая ненужное им теперь оружие, имущество. Воспользовавшись тем, Петлюра быстро воссоздал несколько вооружённых отрядов, которые и двинул из Белой Церкви на Фастов, чтобы с ходу войти в Киев. С севера начали наступление, также на Киев, полки Щорса и Боженко. Пополняя свои ряды партизанами и разворачивая их в дивизии.

И вот тогда Скоропадский попытался выполнить план Гинденбурга и Людендорфа. 14 ноября издал указ, вызвавший гнев националистов:

«Прежняя мощь и сила Российского государства должна быть восстановлена на основе... принципа федерализма. Украина должна играть ведущую роль в этой федерации, поскольку именно Украина показала пример законности и порядка... Украина, таким образом, должна возглавить создание Российской Федерации, главной целью которой должно быть восстановление великой России. Осуществление этой цели обеспечит не только благосостояние всей России, но также дальнейшее экономическое и культурное развитие украинского народа на основе национальной и политической независимости». ⁹⁸

Указ этот Скоропадский подготовил после встречи с атаманом Красновым. Издал, надеясь на штыки немецкой оккупационной армии. И просчитался. Вчерашние союзники и покровители предали его. Нарушили условия Компьенского перемирия, не желая

рисковать собственными жизнями во имя интересов Антанты. 28 ноября заключили соглашение с Петлюрой, который гарантировал им беспрепятственную эвакуацию. Только потому петлюровские части – Днепровская дивизия атамана Зеленого – смогли практически спокойно, не встречая серьёзного сопротивления, войти 14 декабря в Киев. За несколько часов до того гетман Скоропадский в германском воинском эшелоне бежал в Берлин.

7. Достоинство двусмысленности

Опоздавшая на год – по расчёту большевиков – революция в Германии развивалась совсем не так, как надеялись в Москве. Три дня, с 16 по 18 декабря, в Берлине проходили заседания Всегерманского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Но, как и Первый Всероссийский, он не пожелал обременять себя нелёгким грузом власти. Уклонился от неё, оставив в руках правительства социал-демократов.

Попытка (23 – 24 декабря) матросов, прибывших из Киля, изменить ход событий, привела лишь к кровавой бойне. Её учинили организованные военным министром Носке добровольческие отряды офицеров и унтер-офицеров, оказавшихся не у дел после конца войны.

Ещё одну попытку пойти по российскому пути предприняла леворадикальная группа «Союз Спартака». 4 января она подняла в столице восстание, также завершившееся неоправданными жертвами и гибелью её лидеров – Карла Либкнехта и Розы Люксембург.

А на развалинах Австро-Венгрии вместо победоносного шествия советской власти приходилось наблюдать невероятный в Европе за много столетий политический хаос, хаос, порождённый возникновением новых государств.

Австрия. 21 октября власть взяло Временное национальное собрание. 11 ноября кайзер Карл I Габсбург отрёкся от престола, а на следующий день в Вене провозгласили Республику.

Венгрия. 25 октября самообразовался Национальный Совет, взявший в свои руки власть. 11 ноября он провозгласил страну республикой.

Чехословакия. 28 октября Национальный комитет взял на себя функции высшей власти и провозгласил образование Чехословацкого государства.

Хорватия. 29 октября Хорватский сабор словенцев, хорватов и сербов объявил об отделении югославянских земель от империи

и создании Государства словенцев, хорватов и сербов (включая мусульманскую Боснию и Герцеговину). 7 ноября к новому образованию присоединилась Сербия, а 26 ноября – Черногория. 1 декабря было провозглашено Королевство сербов, хорватов и словенцев (в 1931 году переименованное в Югославию).

Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР). Провозглашена 1 ноября в пределах Восточной Галиции и Буковины.

Кроме того, к числу стран, возникших на руинах Австро-Венгрии, необходимо отнести и Польшу, образованную с воссоединением австрийской Галиции и российского Царства Польского 7 ноября. 14 ноября созданный немцами Регентский Совет вручил власть Ю.Пилсудскому, объявленному «начальником государства».

Три недели распад двуединой монархии шёл вполне спокойно, «цивилизованно». Всё то время, пока провозглашалась независимость государств, в прошлом, и не один век, обладали суверенностью, но затем отнюдь не по своей воле оказались под властью Габсбургов. В немалой степени тому способствовали два важных фактора. Во-первых, ещё в 1915 году Антанта договорилась именно о таком завершении войны, и о том же говорили «Четырнадцать пунктов Вильсона». Во-вторых, новые государства создавались в рамках австрийских либо венгерских провинций, наделённых в 1867 году широкой местной автономией, осуществлявшейся избиравшимися на многопартийной основе ландтагами, и прежде официально использовали язык данного населения.

Но как только завершилась сама суверенизация, события сразу же приняли иной характер. Ведь предстояло определить то конкретное пространство, на которое новые парламенты и правительства собирались распространить свою власть. А для того пришлось разрешать национально-территориальную проблему. Решать её не за столом мирных переговоров, а на полях ожесточённых сражений. В войне, которую вела каждая новая страна со своими соседями.

Некоторое успокоение Восточной Европе и признанным международным сообществом границам молодых государств принесли только подписанные Антантой мирные договоры с поверженными противниками. Версальский – с Германией, 28 июня, Сен-Жерменский – с Австрией, 10 сентября, Нейиский – с Болгарией, 27 сентября 1919 года, и Трианонский – с Венгрией, 4 июня 1920 года.

До этого, и даже несколько позже, продолжался насильственный передел окраинных территорий бывшей Австро-Венгрии,

Болгарии, Германии. Вооружённые столкновения шли между Австрией и Венгрией из-за Бургенланда. Чехословакией и Венгрией – из-за Словакии, которую страна короны святого Стефана считала своей исторической частью, имевшей, к тому же, значительное венгерское население, а также из-за Карпатской Руси. Венгрией, Государством сербов, хорватов и словенцев, Румынией – из-за многонациональных Баната и Бачки. Венгрией и Румынией – из-за Трансильвании, не одно столетие являвшейся суверенным Венгерским княжеством, в котором исторически большинство составляли венгры.

Чехословакии пришлось с оружием в руках отстаивать право обладать Судетской областью, немецкое население которой почитало наилучшим для себя воссоединиться с Германией.

Польша возмечтала восстановить свои границы, существовавшие до её разделов, в 1771 году. И потому вела необъявленные войны по трём направлениям. На западе – с Германией, от которой сумела оторвать Познанщину и часть Поморья, обеспечившую ей выход к Балтике (Польский коридор). На северо-востоке – с Литвой, ради захвата Виленщины. На юго-востоке – с ЗУНР, чтобы поглотить её территорию.

Последние две войны имели самое непосредственное отношение к России.

...Острые разногласия между населявшими Галицию поляками и украинцами открыто разгорелись 18 октября 1918 года. В тот день шестьдесят девять депутатов, представлявших украинское население Галиции (как в австрийском парламенте, так и в провинциальном ландтаге), собрались во Львове и объявили себя Украинским Национальным Советом. И сразу же приняли постановление, гласившее:

«1. Этнографические области Австро-Венгрии – Восточная Галиция с пограничной линией по реке Сан, Лемковщина, северозападная Буковина с городами Черновцы, Старожины и Серет, украинская часть северо-восточной Венгрии /подразумевалась Карпатская Русь, современное Закарпатье и Пряшевщина – **Ю.Ж.**/ – преобразуются в единую украинскую территорию.

2. Эта украинская территория отныне конструируется как украинское государство».⁹⁹

Иными словами, речь пока шла не о независимости, а только о создании близкой к мононациональной провинции Австро-Венгрии. Но прогерманский Регентский Совет не стерпел и того. Заявил 28 октября – вся Галиция, целиком, составляет неотъемлемую часть готовившейся к суверенизации Польши. Со-слался при этом на решение генерала Людендорфа, принятое

ещё в мае.¹⁰⁰ И уведомил Вену, что берёт на себя всю власть в провинции.

Три дня спустя польские легионы стали доказывать такое решение на практике. В ночь со 2 на 3 ноября заняли Перемышль (операцией руководил полковник В.Сикорский, в скором будущем – генерал, а в октябре 1939 – июне 1943 годов – премьер польского эмигрантского правительства). Вслед за тем настала очередь и Львова, столицы ЗУНР, бои за который продолжались до 22 ноября и закончились победой легионеров.

Не располагая достаточными силами – Украинская Галицийская армия (УГА) только начала формироваться из Украинских сечёвых стрельцов и украинцев, служивших в различных австрийских полках – правительство ЗУНР обратилось к Киеву с просьбой о братской помощи. Директория не оставила братьев без поддержки. Тут же откликнулась. Направила на польский фронт Казацкую дивизию им. Гонты, Казатинскую стрелковую бригаду и артиллерию. Они-то и укрепили УГА, командующим которой назначили генерал-лейтенанта царской службы М.Омельяновича-Павленко.

И всё же, осознавая всю неопределённость исхода борьбы один на один со столь сильным, хорошо вооружённым противником, как Польша, правительство ЗУНР наметило, как запасной, для крайнего случая, иной выход из того положения, в котором оказалось. Направило в Фастов полномочную делегацию, включившую министра внутренних дел Л.Цегальского и Дм.Левицкого. Они-то и подписали 1 декабря с членами Директории В.Винниченко, С.Петлюрой, А.Андриевским и Ф.Швецом предварительное соглашение об объединении двух украинских государств.

Навести некоторый порядок в оказавшемся более чем неспокойным регионе, погасить всё разраставшийся, ширившийся конфликт решила по-своему и Антанта. 19 января во Львов прибыла её посредническая комиссия во главе с французским генералом М.И.Бартелеми. Предложила просто разделить Восточную Галицию на две зоны – с преобладанием польского и украинского населения. И разделить их границей, проходившей бы с севера на юг по реке Буг и далее – по реке Стрый до её впадения в Днестр. Таким образом, к Польше должны были отойти Перемышль и практически вся территория современной Львовской области с районом нефтепромыслов Дрогобыч-Борислав. За ЗУНР оставались нынешние области, Тернопольская (к тому времени уже захваченная польскими войсками) и Станиславовская (современная Ивано-Франковская).

Руководству ЗУНР теперь не оставалось ничего иного, как завершить начатое соглашением, подписанным в Фастове. 22 января 1919 года в Киеве, на Софийской площади, в торжественной обстановке Винниченко зачитал одобренный уже Украинским Национальным Советом Универсал, провозгласивший объединение ЗУНР и УНР. Акт, в котором патетически говорилось:

«Отныне воедино сливаются столетиями оторванные друг от друга части единой Украины, Западно-Украинская Народная Республика – Галичина, Буковина, Венгерская Русь – и Надднепровская великая Украина... Сбылась вековая мечта, которой жили и за которую умирали лучшие сыны Украины. Отныне есть единая, независимая Украинская Народная Республика. Отныне украинский народ, подхваченный могучим порывом своих свободных сил, имеет возможность соединить все устремления своих сынов на создание нераздельного, независимого украинского государства на радость и счастье трудового народа».¹⁰¹

Но даже и такое отчаянное решение, по сути – самоубийственное, не спасло ЗУБР. Всего через две недели польские войска перешли в новое наступление. Оставив за ней территорию, прилегающую к Stanislawow и Тернополю, остановились. Не надолго, лишь до 1 марта, когда война возобновилась.

Не облегчил акт 22 января положения и Директории. Ведь ей угрожало не сильное, но всего лишь соседнее государство. Угрожал собственный народ, так и не признавший её своей.

...Сразу же после Компьенского перемирия, предчувствуя очень близкий конец и немецкой оккупации, и существования её порождения – гетманщины, – лидеры Украинской социал-демократической партии поспешили подготовиться к взятию власти в свои руки. 14 ноября образовали будущий верховный орган Украины – Директорию. Главой её избрали В.Винниченко, а членами – С.Петлюру, Ф.Швеца, А.Андриевского и А.Макаренку (с 22 января шестым стал экс-президент ЗУНР В.Петрушевич). Обосновавшись в Белой Церкви, они стали собирать силы для похода на Киев.

Чтобы придать Директории хотя бы видимость легитимности, её создатели провели 12-14 декабря в Виннице то, что называли Государственным совещанием. Получив его одобрение, начали определять политический курс на ближайшее время. Винниченко предложил, исходя из имевшегося опыта, заключить военный союз с Советской Россией, постараться максимально сблизиться с нею. Петлюра категорически возражал против этого, настаивая на абсолютной самостоятельности и налаживании отношений со странами Антанты. Результатом дебатов стал

компромисс: начать переговоры и с Москвой, и с Парижем. Но исполнить ни того, ни другого Директории не удалось.

22 ноября в воды Чёрного моря вошла соединённая эскадра союзников – четыре британских, пять французских и один итальянский крейсер, двенадцать миноносцев этих же стран. Они высадили довольно значительный десант – две французских и полторы греческих дивизии, которым предстояло заменить немецкие гарнизоны. В Новороссийске – 23 ноября, в Севастополе – 24, в Одессе – 26 и в Николаеве – 9 декабря. Установив контроль над Черноморским побережьем, командование сил Антанты – французский генерал д'Ансельм – не пожелало иметь дело с Директорией. Предпочло Деникина с его Добровольческой армией, как представителя той России, с которой и намечалось в дальнейшем вести переговоры.

Воспользовавшись подходящей ситуацией, Румыния, вновь переметнувшаяся на сторону союзников, поспешила расширить свою территорию. 10 декабря объявила о включении Бессарабии в состав королевства. Якобы по единодушной просьбе местного населения губернии. На деле – лишь небольшой группы националистов, за год перед тем создавших, даже без намёка на законные выборы, явно фиктивный орган – «Сфатул цэрий» («Совет края»).

Тогда же у Директории появился ещё один враг. 26 декабря в нейтральной зоне, в небольшом городке Суджа было образовано Временное рабоче-крестьянское правительство Украины. Возглавленное Г.Л.Пятаковым, включившее таких известных и давних непримиримых противников Рады, уже входивших в состав первого украинского советского правительства, как Артём (Ф.А.Сергеев), В.П.Затонский, Ю.М.Коцюбинский, а также К.Е.Ворошилов.

В своих претензиях на власть суджинское правительство опиралось на силу двух дивизий, в которые к тому времени преобразовали Богунский и Таращанский полки. Начавшие свой победоносный поход 18 декабря. 1-я Украинская Советская дивизия 12 января вытеснила петлюровцев из Чернигова, 19 – из Глухова, 16 – из Полтавы. 2-я дивизия наступала восточнее. 3 января без боя вступила в Харьков, 17 – заняла важную стратегически узловую железнодорожную станцию Луговая, 27 – вошла в Екатеринослав.

15 января на сторону Советской власти перешли дивизии атаманов Зелёного и Данченко. 16 января Директория не нашла ничего лучшего, как объявить войну РСФСР. Для руководства своими (таявшими с каждым днём) силами образовала

«военный триумvirат» – С.Петлюра, В.Коновалец, А.Мельник (двое последних, галичане по происхождению, позже бежали в Польшу, создали там Организацию Украинских Националистов – ОУН).

Вот тогда-то, 28 января, уже не Временное рабоче-крестьянское правительство, а сменивший его Совнарком УССР, председателем которого избрали Х.Г.Раковского, выступил с программной декларацией.

«Тесная историческая, экономическая и культурная связь, – гласила она, – рабочей и крестьянской Украины с Совестью России вменяет нам в обязанность равнять свой революционный классовый фронт прежде всего с фронтом российского пролетариата. Врагов Советской России мы объявляем врагами Советской Украины.

У нас одинаковые политические, экономические и военные задачи. Борьба с белогвардейцами, борьба с империализмом союзников и борьба с украинской буржуазией в лице Директории одинаково является необходимым условием для укрепления Советской власти, как в России, так и на Украине. Полный разгром русской буржуазии и русских помещиков является условием не только укрепления Советской власти в России, но и на Украине.

Всё это предрешает объединение Украинской Советской Республики с Советской Россией на началах Социалистической Федерации /выделено мной – Ю.Ж./, формы которой будут установлены полномочными представителями на Всеукраинском съезде Советов».¹⁰²

Однако Третий съезд Советов, собравшийся 6 марта в Харькове, не исполнил возвещенного. Не выполнил обещания по настоянию двух людей, занимавших ключевые посты. Секретаря ЦК КП(б)У Эммануила Ионовича Квиринга – поволжского немца по национальности, «ставшего украинцем», как он писал в автобиографии, только в 1914 году, когда случайно оказался в Екатеринославе. И всё того же Раковского – тогда же, в марте, выступившего в Москве на Первом Учредительном конгрессе Коминтерна в своей второй, точнее, первой ипостаси, как посланец Балканской революционной социал-демократической федерации.

Они-то и настояли на принципиально иной формулировке политической судьбы Украины, да к тому же – отнюдь не ближайшей. Статья 4-я Конституции УССР, принятой съездом 10 марта и утверждённой украинским ЦИКом четыре дня спустя, гласила:

«Решительно порывая с прошлым, стремясь уничтожить вместе с делением общества на классы также национальный гнёт и

национальную рознь, Украинская Социалистическая Советская Республика заявляет о своей твёрдой решимости войти в состав единой международной Социалистической Советской Республики, как только создадутся условия для её возникновения.

Украинская Социалистическая Советская Республика заявляет о своей полной солидарности с ныне существующими уже советскими республиками и о своём решении вступить с ними в теснейшее политическое объединение для совместной борьбы за торжество мировой коммунистической революции и в теснейшее сотрудничество в области коммунистического строительства, мыслимого только в мировом масштабе». ¹⁰³

Иначе говоря, всего за полтора месяца необходимость объединения с Советской Россией на началах Федерации на Украине трансформировалась во всего лишь решение войти в состав некоей международной Советской Республики, да и то, только тогда, когда та возникнет.

Между тем, Директория панически бежала из Киева ещё 2 февраля, сделав своей временной «столицей» Винницу.

Вскоре та же бесславная участь постигла и союзников. 10 марта Первая Заднепровская бригада Н.А.Григорьева – бывшего штабс-капитана царской армии, офицера войск Рады и гетмана, перешедшего на сторону Советской власти – изгнала французские и греческие части из Херсона, 14 марта – немецкий и греческий гарнизоны из Николаева, а 6 апреля вступила в Одессу. В тот день из этого крупнейшего черноморского порта совершила исход первая волна эмигрантов (включая Бунина, Алексея Толстого), бежавших вместе с подразделениями Добровольческой армии в Константинополь.

Теперь Директория контролировала (да и то неизвестно – надолго ли) территорию лишь двух губерний – Киевской и Подольской, да восточные уезды Волынской (западные уже захватили польские легионеры).

Становилось слишком очевидным, что украинские «незалежность и самостийность» исчерпали себя. «Национальная идея» больше не находила поддержки у населения края, отдавшего в конце концов предпочтение Советской власти.

Казалось бы, теперь Польше ничего не стоит нанести последний, окончательный удар по жалким остаткам вооружённых сил Директории и ЗУНР. Однако Пилсудский не пошёл на то по двум причинам. Во-первых, ему, Начальнику государства, пришлось смирить гордыню и передать 20 февраля свою диктаторскую власть Законодательному сейму. Только благодаря тому Пилсудскому удалось добиться официального признания стран Ан-

танты: 24 февраля – Франции, 25 – Великобритании, 27 – Италии. Признания, которого он тщетно добивался с 16 ноября 1918 года, когда разослал во все европейские столицы телеграммы о воссоздании Польской Республики.

Во-вторых, Пилсудский решил воспользоваться весьма благоприятной, как он полагал, ситуацией, сложившейся на Парижской конференции. Мирный договор с Германией, среди прочего призванный определить и её новую, заведомо и намеренно усечённую территорию, пока ещё не был подписан. Только выработывался и обсуждался с безуспешно пытавшейся сопротивляться делегацией поверженной страны.

Следовательно, считал Пилсудский, необходимо как можно быстрее поставить под контроль Варшавы де-факто все те земли, о возвращении которых поляки мечтали полтора столетия. Тем самым восстановить Польшу в границах 1772 года, до разделов, в виду некоей, весьма неопределённой федерации. Включившей бы и собственно Польшу, и Литву с Белоруссией, и Украину. А помимо них – и давно утраченные Познаньщину, Силезию, Данциг, Западную и Восточную Пруссию. Словом, воссоздать Речь Посполитую, от моря Балтийского – до Чёрного.

Выполняя приказ Начальника государства и своего Верховного Главнокомандующего, польские легионы устремились прежде всего на запад. Сумели захватить почти всю Познаньщину, небольшую часть Верхней Силезии, пробиться к морю у Данцига. Столь откровенная агрессия против и без того поставленного на колени соседа вызвала в Германии не только справедливый гнев, но и стремление отстоять свои земли. Дело дошло до того, что Совет Четырёх (премьеры Франции – Жорж Клемансо, Великобритании – Дэвид Ллойд Джордж, Италии – Витторио Орландо и президент США – Вудро Вильсон) вынужден был всерьёз учитывать возможность польско-немецкой войны. И, дабы защитить своего союзника, срочно перебросил в Польшу из Франции семидесятитысячную армию генерала Юзефа Халлера (её сформировали из американцев польского происхождения, сражавшихся на Западном фронте в составе германских вооружённых сил), а из Одессы и Мурманска – остатки корпуса генерала Довбор-Мусницкого. 14 февраля Совет Четырёх поручил маршалу Фошу установить демаркационную линию между немецкими и польскими войсками, но «не предпреляя будущих границ Германии и Польши».

«Повторяю Вам своё мнение, – вынужден был несколько позже, 31 мая, растолковывать Пилсудский своему премьер-министру И.Падеревскому, – до урегулирования вопроса наших

западных границ мы на девять десятых зависим от доброй воли Антанты... Только после урегулирования этих дел мы станем первостепенной силой на Востоке, с которой каждый, не исключая Антанты, будет считаться. Тогда будет легко, используя любые предлоги, которые всегда найдутся, решить дела в свою пользу». ¹⁰⁴

Стремясь хоть как-то разрядить опасную для только что установленного в Европе мира обстановку, британский министр иностранных дел Артур Бальфур 19 марта предложил «немедленно приступить к установлению этнографических границ Польши, чтобы (Парижская) конференция, подойдя к вопросу о Львове и нефтяных источниках Восточной Галиции, имела уже перед собой беспристрастные суждения. В случае, если бы перед Советом (Четырёх) предстала украинская делегация, Совет, прежде чем выносить решение, имел бы в своём распоряжении рекомендацию со стороны беспристрастного органа». ¹⁰⁵

Выработку именно такой, наиболее объективной, границы Польши (как с Германией, так и с Литвой, Белоруссией и Украиной), поручили немедленно созданной комиссии под председательством бывшего Генерального секретаря МИД Франции Жюля Камбона, однако её предложения сразу же породили резкие разногласия. Так, Клемансо настаивал на восстановлении «исторических пределов» Польши. Второй член Совета, Ллойд Джордж, занял диаметрально противоположную позицию.

«Поляки, – указывал он, – требуют присоединения трёх с половиной миллионов жителей Галиции. Против этого можно возразить только одно: Польша не должна поглощать население, которое не является и не хочет быть польским... Когда я вижу, как малые народы, не успевшие ещё сами вкусить сладость свободы, уже стараются подчинить себе других, моё сердце переполняется горечью. Эти народы /британский премьер имел в виду не только Польшу, но и Чехословакию, – **Ю.Ж.**/, верьте мне, большие империалисты, чем Англия или Франция». ¹⁰⁶

Зная о поддержке Клемансо, Пилсудский отказался от прежней военно-политической стратегии. Решил действовать не только на западе, но и на востоке. Поспешил урвать сколько можно больше земли как у Германии, так и у столь ненавистной ему всегда бывшей Российской Империи. Армия Халлера продолжала боевые действия против ЗУНР. Одновременно одиннадцать дивизий готовились к наступлению по двум направлениям. Северному – на Вильну, а также на Лиду и Молодечно. И южному – на Барановичи и далее на Минск и Пинск.

Вспоминая о тех событиях, Ллойд Джордж, два десятилетия спустя, писал:

«Польша снова вообразила себя безраздельной хозяйкой Центральной Европы. Принцип самоопределения не соответствовал её домогательствам. Она требовала Галицию, Украину, Литву и некоторые части Белоруссии, где население при проведении голосования категорически отказалось бы от польского господства». Польские лидеры «утверждали, что эти различные национальности принадлежат полякам по праву завоеваний, осуществленных их предками... Поляки нашли себе вождя, который очень хорошо подходил для предъявления требований, основанных не на справедливости, а на силе, и для которого патриотизм был единственным критерием права». Пилсудский, по словам Ллойд Джорджа, «отдавал все силы своего ума и воли политика территориальной экспансии при помощи оружия». ¹⁰⁷

Британский премьер не преувеличивал, отнюдь. Действительно, Пилсудский вызывающе игнорировал существование к востоку от Польши иных государств. Провозгласивших независимость одновременно с нею, со своими правительствами – как демократическими, так и советскими по форме. Лишь не имевшими собственных вооружённых сил, способных остановить агрессора и защитить свой суверенитет.

9 ноября в Вильнюсе, который ещё не покинули немецкие войска, Национальная тарига, возглавляемая с сентября 1917 года Антанасом Сметоней, поспешила объявить об упразднении монархии. Провозгласила Литовскую Республику и сформировала правительство А.Вольдемараса. Свою юрисдикцию тарига намеревалась распространить на те земли, которые считала и исторически, и этнически литовскими. На губернии Ковенскую, Виленскую, Сувалкскую и Гродненскую. О том и уведомила, но несколько позже, 29 апреля, Совет Четырёх, обратившись к нему с просьбой о признании. ¹⁰⁸

Однако вскоре в молодом государстве установилось двоевластие. 16 декабря в Вильнюсе собрался Совет рабочих, безземельных и малоземельных депутатов. Объявил о ниспровержении тариги и передал власть Временному рабоче-крестьянскому правительству В.С.Мицкявичюса-Капсукаса. Только что возвратившегося из Москвы, где более года руководил литовским комиссариатом Наркомнаца.

В тот же день правительство Советской Литвы обратилось к населению с манифестом. В нём объявило об упразднении (как оккупационных органов, так и всех учреждений) тариги. О вве-

дении социальных преобразований, аналогичных российским. И ещё – о внешнеполитической ориентации: «Строя нашу новую жизнь на тех же началах, которые положены в основу Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, мы впредь будем идти рука об руку с Советской Россией и со всеми другими странами, вступившими на путь мировой социалистической революции». ¹⁰⁹

Но серьёзно претендовать на власть в Литве правительство Капсукаса смогло только после начавшегося 31 декабря отвода немецких оккупационных войск из Вильнюса, из которого в Каунас перебралась и тарига. Закрепиться там, всего в девяноста километрах от столицы, помогло появление у неё нового, очень сильного покровителя – VI Резервного корпуса генерала Гофмана, действовавшего с согласия Антанты.

Сразу после ухода немцев из Вильнюса более тысячи польских легионеров поспешили занять город, который они считали своим. Только тогда в события вмешалась и Москва. Не могла оставить без поддержки республику, признанную ещё 22 декабря. Направила для отражения польской агрессии специально и срочно сформированную Западную армию, включавшую три дивизии, по численности более напоминавшие полки. 6 января от легионеров был освобождён Вильнюс, затем Паневежис, Щауляй, Укмерге. Однако попытки овладеть Каунасом, Гродно и Сувалками успеха не имели – с каждым днём поляки наращивали свои силы на этом участке своего фронта.

В те же дни стала стремительно меняться ситуация и к югу от Литвы, в Белоруссии, которую поспешно покидали немецкие войска: 21 ноября – Полоцк, 28 – Бобруйск, 31 – Могилёв, 8 декабря – Слуцк, 10 – Минск, 18 – Молодечно. Несмотря на все свои попытки, Белорусская Рада удержаться в освобождённых городах не сумела. Без сопротивления вынуждена была уступить власть Временному рабоче-крестьянскому правительству Белорусской Социалистической Советской Республики, образованному 31 декабря в Минске. А собравшийся накануне Учредительный съезд Белорусской Компартии, выйдя за рамки своей компетенции, объявил о территории нового советского государства. Ею должны были стать губернии: Минская, Могилёвская, Витебская (без Двинского, Режицкого и Лютенского уездов), Гродненская; Ново-Александровский и Вилейский уезды Ковенской; Свенцянский и Ошмянский уезды Виленской; Августовский уезд Сувалкской; Смоленская без Гжатского, Сычёвского, Вяземского и Юхновского уездов; Суражский, Мглинский, Стародубский и Новозыбковский уезды Черниговской. ¹¹⁰

Такого рода территориальные притязания, которые вполне могли привести к серьёзному конфликту и с Литвой, и с Украиной, и с Россией, были разрешены весьма быстро и просто. 16 февраля 1919 года Первый Всебелорусский съезд Советов провозгласил:

«Сознавая необходимость скорейшего разгрома белогвардейского белорусско-литовского правительства и учитывая общность экономических интересов, Всебелорусский съезд Советов в полном согласии с намерениями и предложениями Литовского Советского правительства постановляет: Признать необходимым немедленное слияние Белорусской Советской Республики с Литовской Советской Республикой, поручив проведение в жизнь слияния и организацию единого правительства органу власти, выделенному съездом». ¹¹¹

И хотя в этой декларации польская агрессия никак не упоминалась, в тот же день временное правительство Литвы и ЦИК Белоруссии обратились к правительству Польши:

«Рабочие и беднейшие крестьяне Литвы и Белоруссии ныне разрешают спорные между ними территориальные вопросы путём объединения, путём создания Социалистической Советской Литвы и Белоруссии. В то же время, они **стремятся находиться в возможно близкой, неразрывной связи** с другими своими соседями, со всеми уже существующими на территории бывшей Российской Империи социалистическими советскими республиками – **с Россией, с Украиной, с Латвией, с Эстляндией – и создать из всех этих республик единую Федеративную Социалистическую Советскую Республику** /выделено мной – Ю.Ж./...

Заявляя свой протест против попыток со стороны Польши насильственным путём разрешить территориальные споры, Временное рабоче-крестьянское правительство Литвы и Центральный Исполнительный Комитет Белоруссии ещё раз подчёркивают, что с их стороны имеется полная готовность разрешить полюбовно и миролюбиво все спорные территориальные вопросы, и потому предлагают правительству Польской Республики делегировать своих представителей в Смешанную комиссию, которая должна будет установить государственную границу между создаваемой Социалистической Советской Республикой Литвой и Белоруссией с одной стороны, и Польской Республикой – с другой». ¹¹²

Не очень полагаясь на дипломатию со столь воинственным соседом, в тот же день, 16 февраля, Всебелорусский съезд Советов заявил о своём твёрдом намерении «начать переговоры с

Российской Социалистической Советской Республикой об установлении федеративной связи». ¹¹³ Точно такое же практически поручение дал и Первый съезд Советов Литвы 19 февраля правительству Литовско-Белорусской Республики, провозглашённой восемь дней спустя:

«Немедленно же вступить в переговоры с рабочекрестьянскими правительствами РСФСР, Латвии, Украины и Эстляндии на предмет создания из этих республик одной Федеративной Социалистической Советской Республики». ¹¹⁴

Сходным образом развивались события и в соседних Латвии, Эстляндии.

Уже при начале эвакуации немецкой армии, 18 ноября в Риге собрался Народный сейм, треть мест в котором заняли социал-демократы. Он провозгласил независимость Латвийской Республики и сформировал её правительство во главе с лидером Крестьянского союза Карлисом Ульманисом (оказавшимся практически не сменяемым главой государства – занимал пост премьер-министра в 1918-1921, 1925-1926, 1931, 1934-1936 годах, президента-премьера в 1934-1940 годах.).

Не располагая хоть сколько-нибудь надёжными воинскими силами, 7 декабря Ульманис заключил договор с уполномоченным Германии в Прибалтике Августом Виннигом об организации Балтийского ландсвера (ополчения), под полным контролем победителя в гражданской войне в Финляндии, командующего с 1 февраля 1919 года всеми германскими вооружёнными формированиями в Прибалтике генерал-майора графа Рюдигера фон дер Гольца. Берлин предоставлял вооружение и обмундирование для 26 рот. Предполагалось, что 18 из них будут латышскими, 7 – немецкими и 1 – русская. ¹¹⁵

Из латышей (как ни старались, даже прибегнув к всеобщей мобилизации) сформировать удалось лишь 7 рот. Поэтому правительству Ульманиса пришлось дать согласие на создание из находившихся в Германии (оказавшихся не у дел) немецких солдат и офицеров, а также из уходивших на родину частей германского VIII резервного корпуса Добровольческой («Железной») дивизии, пообещав всем, кто будет сражаться в её составе «против большевизма» хотя бы четыре недели, латышское гражданство. ¹¹⁶

Но и таких сил, как довольно скоро выяснилось, оказалось недостаточно для защиты правительства. Поэтому из Восточной Пруссии срочно вызвали Гвардейскую резервную дивизию (головную часть VI резервного корпуса) генерала Гофмана. В самой же Латвии лифляндский дворянин, князь

А.Ливен начал формировать Русские Добровольческие Отряды, а авантюрист П.Р.Бермонт-Авалов (уссурийский казак, присвоивший себе звание полковника) создал из доставленных в край из Германии русских военнопленных Особый корпус Русской армии.

Вся эта нараставшая с каждой неделей мощь – в январе 1919 года её численность достигла 40 тысяч человек – предназначена для борьбы с провозглашённой 4 декабря в Валке Социалистической Советской Республикой Латвией и её правительством во главе с Петерисом Стучкой. С той самой властью, на помощь которой тут же пришла, срочно возвращённая на родину Латышская стрелковая дивизия, переименованная в Армию Советской Латвии. Она-то и начала освобождение края от новых старых оккупантов.

Поддержанная Особой интернациональной дивизией и Новгородской дивизией Красной Армии РСФСР, дивизией Литовско-Белорусской Республики, к концу декабря она изгнала части фон дер Гольца из Видземе (Лифляндии), оттеснив небольшую группировку противника к эстонской границе, Латгалии (северо-западные уезды Витебской губернии), а в начале января 1919 года – и большую часть Курземе (Курляндии). Вынудила и все немецкие части, и правительство Ульманиса укрыться в Лиепае (Либаве).

Открывшийся 13 января 1919 года в Риге Первый съезд Советов рабочих, безземельных и стрелков Латвии принял первую Конституцию республики, закрепив её первой статьёй (как и двумя месяцами ранее) Народный сейм, объединение трёх исторических земель – Видземе, Латгалии и Курземе. Правда, в Основной закон было внесено весьма важное примечание: «Границы с соседними государствами пока остаются прежними, и их изменения допускаются по взаимному соглашению с этими государствами». ¹¹⁷

Кроме того, съезд принял 15 января и особую резолюцию – об отношениях с Советской Россией. Ею поручил «советскому правительству Латвии разработать основные условия о взаимоотношениях между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Латвией, исходя из единодушного сознания трудового народа, что Латвия и Советская Россия должны жить в самом тесном братском союзе». ¹¹⁸

Такого же рода двоевластие, как в Литве и Латвии, сложилось после отхода немецких оккупационных войск и в Эстляндии. Правда, там Советской власти удалось продержаться всего около двух месяцев, да, к тому же, лишь в восточных районах.

Первой заявила о себе – 11 ноября, в Таллине (Ревеле) – Эстонская Республика с Временным правительством Яана Тыннисона и президентом Константином Пятсом (примечательно, что последний, как и Ульманис, сумел продержаться во главе государства свыше двух десятилетий: в 1918-1919 годах – президент, в 1921-1922, 1923-1924, 1931-1932, 1932-1933, 1934-1937 – премьер-министр, в 1937-1938 – регент, в 1938-1940 – вторично президент).

Вслед за тем, 29 ноября, но в Нарве, была провозглашена Эстляндская Трудовая Коммуна (названа по аналогии с Петроградской Северной Трудовой Коммуной), чьё правительство – Совет коммуны – возглавил Яан Анвельт. Но произошло это только после того, как 6 дивизия Красной Армии, состоявшая из полков, сформированных из эстонцев (Таллинского, Тартусского и Вильяндийского), заняла приграничную Нарву.

Небезосновательно опасаясь за судьбу своего режима, Временное правительство, располагавшее наспех сформированными пятью батальонами и двумя конными полками, обратилось за поддержкой к Лондону. Тот не оставил в беде весьма важного стратегически потенциального союзника. Уже 12 декабря в Таллинский порт вошла британская эскадра. Она доставила не только необходимое оружие, но ещё и более двадцати тысяч добровольцев из Финляндии, Швеции и Дании, жаждавших отдать свои жизни в борьбе с «большевизмом».

Им-то и удалось в начале января остановить продвижение Красной Армии на линии: Финский залив (в 45 километрах восточнее Таллина) – Пайде (Вейсенштейн) – Вильянди (Феллин) – побережье Рижского залива, южнее Пярну (Пернау), а 19 января полностью вытеснить её из пределов Эстонии.

Ещё не зная о катастрофе – падении Эстляндской Трудовой Коммуны, 9 февраля «Правда» под на-редкость казённым сухим заголовком – «Политика правительства по национальному вопросу», опубликовала восторженную статью Сталина. Ну как же, ведь всё то, что происходило в последние недели на западных окраинах страны, полностью подтверждало всё то, о чём он писал и говорил за год перед тем:

«Чем утопичнее планы наших контрреволюционеров, тем более реальной вырисовывается политика Советской власти, целиком опирающаяся на взаимное братское доверие народов России. Более того, она, эта политика, при нынешней международной обстановке является единственно реальной, единственно революционной политикой».

Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы последняя декларация съезда Советов Белорусской Республики об установлении федеративной связи с Российской Советской Республикой...

Добровольный союз трудящихся всех независимых советских республик – это именно тот путь объединения народов, о котором всё время твердила Советская власть, и который даёт теперь свои благие результаты...

Так, от распада старого империалистического единства, через независимые советские республики, народы России приходят к новому добровольному братскому союзу. Путь этот, несомненно, не из самых лёгких, но он – единственный путь, ведущий к прочному, нерушиму социалистическому союзу трудовых масс национальностей России.¹¹⁹

Однако надежды Сталина ещё не оправдались.

Официальная Варшава, Пилсудский никак не реагировали на миролюбивые предложения Вильнюса. И от 16, и от 28 февраля. Решили просто не замечать их, ибо они мешали осуществлению их захватнических планов. В середине февраля польские войска продолжили наступление и заняли Сувалкскую, Гродненскую губернии.

В конце февраля – марте захватили Брест, Волковыск, Слоним, Пинск, Барановичи. А 21 апреля, после ожесточённого боя, вошли в Вильнюс, снова ставши Вильной, установив полный контроль над юго-восточной Литвой.

Правительству Литовско-Белорусской Республики пришлось перебраться в Минск.

Но не в лучшем положении оказалось и правительство А.Вольдемараса. С величайшим трудом оно сохраняло контроль над Каунасом и Шауляем. С востока и юга его теснили поляки, с запада – Гвардейская резервная дивизия генерала Гофмана и «Железная дивизия». При полном непротивлении Антанты, они 26 февраля захватили Виндаву (Вентспилс), а для обеспечения безопасности своих коммуникаций, связывающих их с Восточной Пруссией, оккупировали западные районы Литвы.

3 марта немецко-русские части фон дер Гольца, используя своё численное превосходство и лучшее вооружение, развернули наступление, форсировав Венту. И на восток – к Митаве (Елгаве), и на север – к Риге. 10 марта вошли в Голдинген (Кулдигу), 15 – в Тукум (Тукумс), 18 – Митаву.

16 апреля командир одного из отрядов ландсвера, курляндский барон Ханс Мантейфель совершил в Либаве государственный переворот. Сверг Ульманиса, заменив его на

прогермански настроенного А.Ниедру. Заодно арестовал большинство министров, а латышские воинские части разоружил. После происшедшего стало более чем очевидно, что фон дер Гольц стремится не столько к борьбе с большевизмом, сколько к восстановлению Балтийского Герцогства, благодаря поддержке руководителя военной миссии США в Лиепае полковника Грина, одобдившего переворот официально. Занявшие противоположную позицию Франция и Великобритания ультимативно потребовали от Германии восстановить «законное» правительство Ульманиса, а фон дер Гольца – немедленно отозвать из Прибалтики. Однако Берлин в ответной ноте от 9 мая пригрозил в случае несогласия с проводимой им политикой, отозвать все немецкие вооружённые силы с территории бывшей Российской Империи. Парижу и Лондону пришлось смириться.¹²⁰

Наглое, ничем не прикрытое вмешательство Германии во внутренние дела Латвии заставило Советское правительство отказаться от, как все понимали, безрезультатных дипломатических нот. Более чем своеобразно решить немецкий национальный вопрос, практически повторив то, что практиковалось в крае во время мировой войны. 25 апреля П.Стучка подписал декрет «О лицах, принадлежащих к родам прибалтийского дворянства в Латвии». Он определил:

«Ввиду того, что 1) прибалтийское дворянство является самым реакционным сословием во всём мире и целыми столетиями, почти без исключения, вело бесчеловечную борьбу с рабочим народом; что 2) оно после революций 1905 и 1917 годов ясно доказало свою непримиримость и, даже в пределах буржуазных латышских и эстонских правительств 1919 года, не стесняется устраивать восстания, чтобы утвердить открытое господство юнкеров и с внешней помощью распространить его на всю Прибалтику...

Советское правительство Латвии постановляет:

1. Произвести в Латвии регистрацию всех принадлежащих к родам прибалтийского дворянства, для чего все проживающие в Латвии принадлежащие к этим родам обязаны в семидневный срок явиться в местные Исполнительные Комитеты, сообщая сведения о своём происхождении и прежнем роде занятий, причём не исполняющие настоящего распоряжения будут привлечены к общественности перед Революционным трибуналом.

2. Разрешить свободно проживать в Латвии только тем принадлежащим к родам прибалтийского дворянства, которые

а) отказались от принадлежности к своему роду и своею дея-

тельностью на поприще науки или другой культурной работы заслужили это право перед рабочим народом Латвии;

б) которые, будучи малолетними, ещё не выявили вражды против советского строя Латвии, если они поступают в воспитательные учреждения Советского правительства и там приобретают полное доверие Советской власти;

в) тем, относительно которых имеются достоверные факты, что они действительно достойны быть гражданами Социалистической Советской Республики Латвии.

3. Все упомянутые в пункте 2 а) и в) лица оставляются в Латвии или навсегда, или на известный срок испытания, если за это высказываются уездные Исполнительные Комитеты и это утверждается Советским правительством Латвии, или если это непосредственно разрешает Советское правительство Латвии.

4. Остальные члены дворянских родов обязаны навсегда оставить пределы Латвии со всеми семьями, за исключением тех, которые оставляются здесь в порядке, предусмотренном в статье 2.

5. Временно они остаются в концентрационном лагере в качестве заложников против безобразий немецких юнкеров и их помощников по отношению к мирному населению Латвии, за исключением тех, которые вследствие малолетства, старости или нездоровья освобождаются из концентрационных лагерей; изгнание же их будет проведено в жизнь, когда будут прекращены военные действия и когда это найдёт целесообразным Советское правительство Латвии». ¹²¹

И всё же, такая более чем радикальная мера (правда, не осуществлённая) никак не повлияла на продолжавшиеся боевые действия. Стратегические способности генерал-майора фон дер Гольца намного превосходили революционный пыл председателя Реввоенсовета армии республики Латвии Юлиа Данишевского.

Часть II
РУКА СУДЬБЫ

Глава IV.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ – НЕИЗБЕЖНОЕ ЗЛО

15 января 1919 года только что избранные семьдесят три депутата из ста пяти, призванных защищать интересы ирландских графств в Парламенте Великобритании, – семьдесят три, от партии Шин фейн – не пожелали прибыть в Вестминстер холл. Вместо того собрались в Дублине. Объявили о рождении независимой Республики Эйре, избрали её президентом Имона Де Валера. Неделю спустя сформировали правительство с премьер-министром К.Бругга и приступили к формированию собственных вооружённых сил – Ирландской Республиканской Армии.

Теперь, когда мировая война завершилась, Шин фейн полагал, что никто больше не обвинит её в пособничестве Германии, как то произошло во время Пасхального восстания 1916 года. Однако Лондон отказался признать независимость Ирландии, и на Изумрудном острове началась Национально-освободительная война, продлившаяся три года.

Казалось бы, вот она, европейская революция! Но руководство большевистской партии так и не захотело увидеть в ирландских повстанцах братьев по духу. Сочло их всего лишь союзниками в борьбе против английского империализма.¹ Взоры Москвы по-прежнему были обращены на Германию, и только на неё. На страну, где, казалось русским большевикам, победа пролетариата была делом самого ближайшего будущего.

Действительно, так могло показаться. Хотя в январе советская власть в Берлине и не восторжествовала, попытки установить её продолжались. И в том же январе, и в феврале, и в марте. В Лейпциге и Дрездене, в Брауншвейге и Киле, в Штутгарте и Мюнхене. В Рурской области, в Тюрингии. Так, 10 января Вольный город Бремен объявил себя Социалистической Респу-

бликой. 11 января также Социалистическую Республику провозгласили в небольшом городе Куксхафене – в устье Одера, неподалёку от Гамбурга.

Такие события будоражили российское руководство. Вселяли в них уверенность – мировая революция началась. Ленин и Троцкий, Зиновьев и Бухарин, Крестинский и Свердлов, другие члены ЦК считали: немецкая социал-демократия переживает свой 1917 год. То самое время, когда ни она, ни Советы ещё не решались взять власть. Но коли так, их к тому надо подтолкнуть. Заставить взять на вооружение тактику большевиков.

В Москве решительно отказывались понимать, что радикализм в Германии порождён отнюдь не твёрдым намерением следовать по пути, предуказанному Марксом и Энгельсом. Вызван иным. Горечью поражения, которое объясняли «изменой» неких внутренних политических сил, «ударом ножа в спину». А ещё – страхом перед завтрашним днём, тем, что судьба страны оказалась в руках вчерашнего противника, главным из которых был «тигр» Пуан каре. Давно мечтавший не просто отплатить за поражение во Франко-Прусской войне. Сделать всё, чтобы поверженная Германия никогда больше не угрожала Франции.

24 января газета «Правда» опубликовала обращение «К Первому съезду Коммунистического Интернационала». Его подписали Ленин и Троцкий – от РКП(б), А.Варский – от заграничного бюро Компартии Польши, Ю.Сирола – от Финляндской Компартии, Ф.Розинь – от русского бюро Латышской Компартии, А.Руднянский – от заграничного бюро Венгерской Компартии, Дуда – от заграничного бюро Немецко-Австрийской Компартии, Х.Раковский – от Балканской революционной социал-демократической федерации, а ещё – К.Рейнштейн, якобы выражавший волю Социал-демократической рабочей партии США, где он, по его собственным словам, не был вот уже два года.²

Цель Коммунистического Интернационала (Коминтерна), который, по их убеждению, необходимо было срочно создавать, формулировалась ими предельно кратко: «Немедленный захват государственной власти», чтобы «воплотить диктатуру рабочего класса, а в некоторых местах и полупролетариата, то есть крестьянской бедноты».³ Иными словами, всего лишь повторяли старый призыв Маркса и Энгельса, прозвучавший ещё в «Манифесте Коммунистической партии».

Читатели «Правды» смогли узнать и о причинах, побудивших девять политических деятелей высказать столь неожиданное и вместе с тем весьма решительное предложение именно в эти

дни. Оказалось, что опорочившие себя поддержкой своих правительств, а потому и оказавшиеся на четыре с половиной года по разные стороны фронта, европейские социалисты решили собраться 10 февраля в Берне и воссоздать вроде бы бесславно почивший Второй Интернационал. С точки зрения лидеров РКП(б), такая конференция неминуемо внесла бы раскол в пролетариат и отсрочила бы мировую революцию.

Первый Учредительный конгресс Коминтерна, как явно альтернативный Бернской конференции, открылся в Москве 4 марта. И сразу же повторил ту особенность, которая была присуща инициаторам январского обращения. Из тридцати четырёх его делегатов, обладавших решающим голосом, двадцать четыре – две трети! – представляли либо РКП(б), либо находившиеся под её прямым контролем компартии Финляндии, Эстонии, Латвии, Литовско-Белорусской Республики, Польши, Армении.

Мало того, Польскую компартию представлял И.С.Уншлихт, член РКП(б), не покидавший Россию с 1916 года. Балканскую революционную социал-демократическую федерацию – Х.Г.Раковский, с 29 января «по совместительству» – председатель Совнаркома и нарком иностранных дел УССР. Мандат от Норвежской социалистической партии делегат Э.Стринг получил от... М.М.Грузенберга (впоследствии известный коминтерновец Бородин, работавший в Китае политическим советником Сун Ят-сена), член РКП(б) с 1903 года, находившийся в эмиграции с 1906 по лето 1918 года в США. А.Руднянский, выступавший от имени Венгерской компартии, пребывал безвыездно в России с 1916 года, сначала как военнопленный, а затем как активный деятель Центральной федерации иностранных групп при ЦК РКП(б).

Ещё более странными (если не сказать – фантастическими) выглядели делегаты от фигурировавших лишь в те дни «Коммунистической партии немецких колоний в России» и «Объединённой группы восточных народов России».

Получалось, что на конгрессе представлены, за очень небольшим исключением, только такие партии, которые действовали либо в пределах бывшей Российской Империи, либо среди военнопленных, находившихся на той же территории. Но именно отсюда и проистекла неожиданная смена приоритетов Коминтерна. Теперь уже не столько подготовка и поддержка мировой революции, сколько подчинение его деятельности насущным проблемам Советской России.

О такой переориентации ярко и убедительно свидетельствовало обращение конгресса «К рабочим всех стран», сформулировавшее следующие требования:

«1. Невмешательство Антанты во внутренние дела Советской России. 2. Немедленное отзывание всех находящихся в настоящее время в Европейской и Азиатской России войск союзников.

3. Отказ от всякой прямой или косвенной политики интервенции.

4. Аннулирование договоров, которые уже заключены и имеют в виду вмешательство во внутренние дела Советской России... 5. Признание Советской власти... 6. Возобновление дипломатических сношений /с Советской Россией – **Ю.Ж.**/... 7. Допущение делегатов Советского правительства... на мирный конгресс... 8. Снятие экономической блокады... 9. Возобновление торговых сношений и заключение торгового договора. 10. Делегирование в Россию нескольких сотен или даже тысяч инженеров, конструкторов и опытных рабочих... для оказания Социалистической Республике реальной помощи».⁴

Не могло остаться и тени сомнения, что Коминтерн, несмотря на все доклады, речи и резолюции, создан – во всяком случае, на ближайшее время – ради решения двух задач. Во-первых, для установления прямого контроля за становившимися всего только секциями его компартиями Финляндии, Эстонии, Латвии, Литовско-Белорусской Республики, Польши, Украины, Армении. Превращения их из даже чисто формально независимых в практически областные организации РКП(б). Во-вторых, для создания в европейских странах широкого общественного мнения в поддержку Советской России, в пользу нормализации с нею отношений стран Антанты.

Сходную цель поставил и подготовленный Зиновьевым, Бухариным и швейцарцем Ф.Платтенем, давно связавшим себя с интересами русской революции, «Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира»:

«Подавляя и насилуя мелкие и слабые народы, обрекая их на голод и унижение, союзные империалисты совершенно так же, как некоторое время тому назад империалисты центральных империй, не перестают говорить о праве наций на самоопределение, которое ныне окончательно растоптано в Европе и во всех остальных частях света.

Обеспечить малым народам возможность свободного существования может только пролетарская революция, которая освободит производительные силы всех стран из тисков национальных государств, объединив народы в теснейшем хозяйственном сотрудничестве на основе общего хозяйственного плана, и даст возможность самому слабому и малочисленному

народу свободно и независимо управлять делами своей национальной культуры /выделено мной – **Ю.Ж.**/, без всякого ущерба для объединённого и централизованного европейского и мирового хозяйства».⁵

Не правда ли, весьма знакомое предложение? Если в нём заменить слова «европейского и мирового» на «Российскую Федерацию», то легко узнать то, о чём говорил Сталин при обсуждении Конституции РСФСР. И тогда он предлагал малым народам отнюдь не политическую самостоятельность, а всего лишь возможность развития национальных культур...

Вполне возможно, что тем Коминтерн и исчерпал бы себя, если б не события, произошедшие в Будапеште всего лишь через две недели после завершения работы Первого конгресса.

20 марта коалиционное правительство Венгрии, возглавляемое Д.Беринкеи, получило через французского полковника Вика ноту Совета Четырёх. Точнее, ультиматум, потребовавший ещё до обсуждения и, тем более, подписания мирного договора, отвести остатки венгерской армии за линию, произвольно установленную французским генералом Луи Франше д'Эспре, чей штаб находился в Сегеде. Ту самую демаркационную линию, которая передавала под контроль Праги Словакию и Карпатскую Русь, Белграда – Западный Банат, Бухареста – Трансильванию, Восточный Банат и даже восточные районы собственно Венгрии с городами Дебрецен, Орошхаза, Сегед, Ходмезёвашархей.

Ни согласиться со столь позорной – без сопротивления – утратой двух третей территории страны и из одиннадцати миллионов её населения – трёх с половиной миллионов мадяр и полутора миллионов немцев, ни отвергнуть ноту Антанты правительство Беринкеи не решилось. Поступило просто. На следующий день передало бразды правления социал-демократам. Ну а те сочли за лучшее разделить ответственность за будущее Венгрии с коммунистами, объединившись с ними в одну партию 21 марта.

Новое правительство – Революционный Правительственный Совет – возглавил Шандор Гарбаи. Народными комиссарами стали министры: военных дел – Йожеф Погани; иностранных – Бела Кун (он три года провёл в русском плену, в марте 1918 года организовал венгерскую группу РКП(б), в мае возглавил Центральную федерацию иностранных групп при ЦК РКП(б), в конце ноября возвратился на родину); финансов – Евгений Варга, впоследствии академик АН СССР. Заместителем комиссара

просвещения стал Дьёрдь Лукач, в близком будущем – один из известнейших философов-марксистов.

Прежде всего революционное правительство (хотя никакой революции ещё не произошло) объявило об установлении Советской власти, диктатуры пролетариата, намерении провести национализацию банков, промышленности, транспорта, конфискацию крупных землевладений и заключить военнополитический союз с Советской Россией.

Утром 22 марта радиостанция Будапешта передала обращение «Всем, всем, всем!»:

«Мы сообщаем рабочим всего мира, что Венгерская социал-демократическая партия и Коммунистическая партия объединились в одну социалистическую партию, от имени всех рабочих, солдат и крестьян провозгласили диктатуру пролетариата и без пролития единой капли крови взяли в свои руки государственную власть...

В ответ на ультиматум держав согласия о немедленной и окончательной передаче Венгрии в руки румынской олигархии... (пропуск в радиোগрамме) чехословацкие и румынские буржуазные завоеватели попытаются уничтожить Венгерскую рабочую революцию силой оружия...

Мы твёрдо решили защищать завоевания нашей революции до последней капли крови и бороться со всяким нападением на Венгерскую Советскую Республику».⁶

Несколькими минутами позже в эфир ушла ещё одна телеграмма, на этот раз адресованная Ленину. Завершалась она такими словами: «Венгерская Советская Республика предлагает Российской Советской Республике оборонительный и наступательный союз. С оружием в руках будем бороться против всех врагов пролетариата».⁷ Ответ из Москвы, последовавший незамедлительно, также 22 марта, твёрдо заверил будапештских товарищей: «Рабочий класс России спешит к вам на помощь».⁸

Прочитав в местных газетах хотя бы первую телеграмму, венгры, живи они в Пожоне (Братиславе) или Унгваре (Ужгороде), Клаузенбурге (Клузе) или Марош-Вашархее (Тыргу-Муреше), Нёйзице (Нови-Саде) или Темешваре (Тимишоаре), немцы из Гросвардейна (Оради), вряд ли готовые принять диктатуру пролетариата, как истинные патриоты сразу же стали рьяными сторонниками правительства Ш.Гарбаи. Правительства, которое отважилось выступить против победителей, отстаивая целостность Венгрии.

1. Быть ли самоопределению?

В те самые весенние дни в Москве проходил очередной, Восьмой съезд РКП(б). Его делегатам предстояло обсудить достаточно важные вопросы. И рутинные – отчёт ЦК, работа в деревне – организационные дела. И злободневные – военное положение, создание Коминтерна. Однако главным стал иной. Тот, что откладывали более двух лет, считая неподготовленным в достаточной мере. Обсуждение новой Программы партии. Ещё бы, действовавшая, принятая ещё в 1903 году, безнадежно устарела. Нисколько не отвечала роли, которую стала играть РКП(б) после взятия власти. Не соответствовала той международной ситуации, в которой оказался весь мир, пройдя через мировую войну.

Бесспорная важность, актуальность вопроса заставила ЦК выставить двух докладчиков, Бухарина и Ленина. Они же на второй день работы съезда, 19 марта, изложили свои взгляды так, что помимо своего желания сделали наиважнейшим разделом проекта программы, казалось бы, не самый значительный – о задачах партии в области национальных отношений. Точнее, толкование бесспорного ещё вчера пункта о праве наций на самоопределение.

Сделали этот вопрос единственным на съезде, породившим жаркую, подчас ожесточённую, дискуссию.

Проект данного раздела, подготовленный комиссией, образованной на предыдущем съезде (В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, Н.И. Бухарин, В.М. Смирнов, Г.Я. Сокольников, И.В. Сталин, Г.Е. Зиновьев), гласил:

«В области национальных отношений.

В национальном вопросе РКП руководствуется следующими положениями:

1. Во главу угла ставится политика сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии.

2. В целях преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетённых стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение.

3. В тех же целях, **как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, образованных по советскому типу / выделено мной – Ю.Ж./.**

4. В вопросе о том, кто является носителем воли нации к отделению, РКП стоит на исторически-классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени её исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т.п.

Во всяком случае, со стороны пролетариата тех наций, которые являются нациями угнетающими, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетённых или неполноправных. Только при такой политике возможно создание условий для действительно прочного, добровольного единства национально разнородных элементов международного пролетариата, как то показал опыт объединения ряда национальных советских республик вокруг Советской России».⁹

...Видимо, Бухарин поднялся на трибуну съезда, ещё не остыв, не отрешившись от чувств, царивших на конгрессе Коминтерна. Начал с максималистского утверждения: программа РКП(б) «в значительной степени является и программой международного пролетариата». Не менее глобальным оказалось и следующее его утверждение. Мол, «Советы являются универсальной, всеобщей формой диктатуры пролетариата». Затем он отдал дань вопросам экономики. Подчеркнул, что «идеалом является такой строй, основная задача которого – не уравнилельная делёжка всего того, что имелось у буржуазии, у меньшинства, а развитие производительных сил».¹⁰

Только потом перешёл к тому пункту, по которому у него, по его же словам, оказались серьёзнейшие расхождения с большинством комиссии, и готовившей проект программы. О праве наций на самоопределение. И вот здесь-то Бухарин высказал новое, необычное. Почему-то стал исходить в своих теоретических построениях не из наций как таковых, а только лишь из интересов пролетариата, который, согласно старой марксистской догме, всегда стремится к объединению.

«Поскольку, – заметил Бухарин, – мы держим сейчас курс на диктатуру пролетариата, мне кажется, мы не можем выставлять лозунг права наций на самоопределение». Вместо него предложил собственную формулу – «самоопределение трудящихся классов каждой национальности».¹¹

Что ж, Бухарин имел полное право на развитие теоретической мысли. Однако именно тут он поступил весьма странно. Отказался от приоритета и заявил, что опирается на положение Сталина, выдвинутое тем на Третьем съезде Советов год назад.

Тем самым, почему-то пошёл на явную подтасовку. Ведь Сталин говорил принципиально иное. Всего лишь предлагал толковать «принцип самоопределения как право на самоопределение не буржуазии, а трудовых масс данной национальности».¹² Мало того, Бухарин пошёл гораздо дальше, углубившись в этнографические дебри. Отказал в праве на самоопределение тем нациям, в которых имелся пролетариат. Зато милостиво предоставил такое право отсталым нациям колоний – «готтентотам и бушменам, неграм, индусам и прочим». Пояснил, что тем «национальный комплекс в целом будет вредить чужеземному империализму, и его борьба войдёт в общую систему борьбы против империалистического режима».

Завершая выступление, предложил съезду собственный вариант формулировки для программы: «В вопросе о том, кто является носителем воли нации к отделению, РКП стоит на исторически классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени её исторического развития стоит данная нация».¹³

Выступивший следом Ленин не столько излагал своё видение основных положений программы, сколько критиковал затронутые Бухариным два вопроса. Чисто теоретический национальный, где и поймал товарища по партии и членству в ЦК на грубейшей, непозволительной ошибке, которую тот попытался прикрыть авторитетом Сталина.

«Бухарин принимает желаемое за действительность, – страстно воскликнул Ленин. – Он говорит, что признавать право на самоопределение нельзя. Нация – значит буржуазия вместе с пролетариатом. Мы, пролетарии, будем признавать право на самоопределение какой-то презренной буржуазии! Это ни с чем не сообразно! Нет, извините, это сообразно с тем, что есть. Если вы это выкинете, у вас получится фантазия».

Ленин напомнил о признании независимости Финляндии, на которое пошёл СНК. Ехидно заметил: «Бушменов в России не имеется, насчёт готтентотов – я тоже не слыхал, чтобы они поетеновали на автономную республику, но ведь у нас есть башкиры, киргизы, целый ряд других народов, и по отношению к ним мы не можем отказать в признании. Мы не можем отказывать в этом ни одному из народов, живущих в пределах бывшей Российской Империи». А далее повторил то, на чём в последнее время настаивал Сталин:

«То, что мы пишем в программе, есть признание того, что случилось на деле после эпохи, когда мы писали о самоопределении наций вообще. Тогда не было ещё пролетарских республик. Когда они явились, и только в той мере, в какой они явились, мы

смогли написать то, что мы тут /в проекте программы – **Ю.Ж.**/ написали – «Федеративное объединение государств, организованных по советскому типу».

Не довольствуясь сказанным, Ленин привёл главный довод. Обратился к ситуации в той стране, где и ожидали революцию:

«Откинуть самоопределение наций и поставить самоопределение трудящихся совершенно неправильно, потому что такая постанова не считается с тем, с какими трудностями, каким извилистым путём идёт дифференциация внутри наций...

Пока буржуазия или мелкая буржуазия или хотя бы часть немецких рабочих находится под действием этого пугала: «Большевики хотят насильственно установить свой строй», до тех пор формула «самоопределение трудящихся» не облегчает положения. Мы должны поставить дело так, чтобы немецкие социал-предатели не могли говорить, что большевики навязывают свою универсальную систему, которую будто бы можно на красноармейских штыках внести в Берлин. А с точки зрения отрицания принципа самоопределения наций – так и может выйти...

Раз нации стоят на разных ступенях пути от средневековья к буржуазной демократии и от буржуазной демократии к пролетарской, то это положение нашей программы абсолютно верно... Каждая нация должна получить право на самоопределение, и это способствует самоопределению трудящихся».¹⁴

Сталин, хотя споры шли вокруг того, что он говорил или не говорил, почему-то промолчал. Вместо него в дискуссию вступил Г.И.Ломов (Оппок), профессиональный дипломированный правовед, первый нарком юстиции в составе СНК, теперь занимавший пост заместителя председателя ВСНХ. Чисто прагматически, со своей узковедомственной точки зрения, заметил:

«Я считаю необходимым определённо подчеркнуть в экономической части программы необходимость проведения в жизнь единого хозяйственного плана в тех советских республиках, которые объединены с нами по федеративному принципу. Стремясь к максимальной централизации всего управления хозяйственной жизнью, необходимо слить воедино те материальные фонды, которыми располагают эти республики, с тем, чтобы управление сосредотачивалось в едином экономическом центре, в который входили бы представители всех этих республик».¹⁵

Совершенно иначе повёл себя следующий оратор, Д.Б. Рязанов. Вечный оппонент большевиков, уже выходивший из партии из-за несогласия по вопросу о Брестском мире. Вот и на этот раз он обрушился на первого докладчика, своего старого противника в вопросах теории. «Та формулировка, – сказал Ря-

завов, – которую он повторяет за тов. Сталиным, – самоопределение трудящихся классов, как объективный критерий также несостоятельна, как и формула права наций на самоопределение.»

В подтверждении своих слов только намекнул, не вдаваясь в подробности, на происходящее в Чехословакии, а затем признался в необычном для себя: «Я позволю себе с нашим старым оппортунистом тов. Лениным согласиться. Нельзя безнаказанно кричать об отмене лозунга права наций на самоопределение при Советской власти именно теперь, когда спасение этой Советской власти заключается как раз в том, чтобы натравить как можно больше всяких угнетённых наций на империалистических волков». Однако вслед за тем бросил в зал парадокс – «Наша партия совершенно не подготовлена к тому, чтобы разобраться в вопросе о праве наций на самоопределение, как предлагает тов. Бухарин». ¹⁶

Третий взгляд на проблему выразил Г.Л.Пятаков, давно уже занимавший собственную, крайне радикальную позицию.

«По сравнению с Апрельской конференцией нашей партии 1917 года, – бросил в зал он свой вызов, – наша партия сделала большой шаг вперёд. От бессодержательного голого лозунга «самоопределения наций» мы с божьей помощью отказались, проделав довольно большой и мучительный опыт. Проделав этот опыт на окраинах бывшей царской России, теперь окружающих Российскую Советскую Республику рядом советских республик. Надо сказать, прежде всего, что этот лозунг – «право наций на самоопределение», который нашей партией проводится спокон века, показал себя на практике во время социалистической революции как лозунг, объединяющий все контрреволюционные силы».

«Так было в Финляндии, – продолжил Пятаков, – ...так было на Украине... Противники самоопределения весьма понятно объясняли на Апрельской конференции, что так должно было быть, и так в действительности было... Действительность показывает нам с совершенной очевидностью, что не может действительно революционное восстание трудящихся масс происходить изолированно и «самоопределяться» так, как заблагорассудится «национальному пролетариату» в каждой отдельной стране...

Отсюда вывод: нужно устранить все пережитки, которые ещё остались в нашей программе от старого. Пережитки, гласящие, что в развитых странах самоопределение наций или объединение буржуазии и пролетариата мы можем уже отбросить, а независимое определение судьбы каждой отдельной нации

пролетариатом этой нации, и только им, а не в единении с пролетариатом других наций, можем сохранять...

Теперь, когда мы строим боевой Интернационал диктатуры пролетариата, Интернационал, который мы все мыслим как Интернационал централизованного, объединённого действия, в момент всеобщего восстания пролетариата в различных странах, которое возможно только как централизованное восстание, нельзя допустить, чтобы пролетариат отдельных наций мог и имел право определять свою судьбу, свою линию поведения или свою связь с остальными восстающими частями рабочей партии самостоятельно и независимо...

Поэтому я полагаю, что от того лозунга «самоопределения трудящихся», который здесь поддерживал тов. Бухарин, мы должны точно так же отказаться, как от лозунга «самоопределение наций». Я думаю, что Владимир Ильич... в значительной степени ошибается. Ошибка думать, что раз дифференциация пролетариата и буржуазии далеко ещё не достигла во всех странах той степени, какой достигла в России, то мы должны считаться не только с волей пролетариата различных наций, но и с волей буржуазии.

И вновь повторил главную свою мысль: «Опыт прошлого говорит нам, что вокруг лозунгов общенационального объединения и самоопределения в эпоху диктатуры пролетариата или борьбы за диктатуру пролетариата объединяются контрреволюционные силы, стремящиеся посредством обмана совлечь трудящиеся массы с пути революционной борьбы на путь борьбы национальной. И этот опыт говорит нам, что если резкой борьбы в этом отношении не вести, то в известной степени буржуазии удастся совлечь на этот путь некоторый слой трудящихся...».

Далее же постарался продемонстрировать высказанное положение на конкретном примере. «Сейчас идёт борьба за утверждение диктатуры пролетариата на Украине, и вы знаете отлично, что судьба Украины представляет громадный интерес не только для рабочих масс этой страны, а для рабочих масс России, Латвии, Белоруссии и остальных советских республик. Если советская республика установится в Австрии и Германии, то в Украине будут заинтересованы и эти республики. Можем ли мы допустить, чтобы форма существования пролетарско-крестьянской Украины могла бы определиться исключительно и независимо трудящимися массами Украины? Конечно, нет!».

Хорошо понимая, что его речь, весьма продолжительная, могла породить некоторое недопонимание, Пятаков как опытный оратор, заключая выступление, повторил самое основное:

«От лозунга «самоопределение наций» в целом мы должны, во всяком случае, решительно отказаться, а что касается лозунга «самоопределение трудящихся масс каждой нации», то следует отказаться и от него и твёрдо стать на путь строгой пролетарской централизации и пролетарского объединения». ¹⁷

Казалось бы, три точки зрения по одному вопросу – вполне достаточно. Так и оказалось, и все остальные делегаты съезда, решившие принять участие в данной дискуссии, лишь присоединялись к одной из них. Именно так поступил М.П.Томский, председатель Президиума ВЦСПС. В силу своей должности (как бы выражая мнение всех членов всех российских профсоюзов) он поддержал Ленина.

«Я думаю, – заявил он, – в этом зале не найдётся ни одного человека, который сказал бы, что самоопределение наций, национальное движение является нормальным и желательным. К этому мы относимся как к неизбежному злу. И как бы ни было рискованно с точки зрения интернациональной, всё-таки приходится сказать, что до известной степени нам придётся ещё некоторое время считаться с национальным самоопределением». ¹⁸

Сходный взгляд выразил и Н.Осинский (В.В.Оболенский), председатель ВСНХ. «Я, товарищи, – начал он, – хочу остановиться на том вопросе, который вызывает здесь наибольшие споры, а именно, на вопросе о праве наций на самоопределение. Я – защитник той точки зрения, которая выражена в нашей программе». И далее перешёл к аргументации этой позиции. Точнее, к опровержению всего лишь возможных возражений со стороны Бухарина, Пятакова либо их сторонников, если таковые появятся.

«Да, – говорил Осинский, – действительно, раз мы признаём то или иное право за целой нацией, то, значит, признаём это право за всем народом и приходим к всеобщему голосованию, к учредилровке». Как бы согласился и с иным: «Становясь на сторону этого права, мы поддерживаем националистические пред-рассудки. Значит, поддерживаем работу тех националистов и реакционеров, которые тормозят пролетарское движение». «Наконец, – продолжил Осинский, – мы поддерживаем и тех империалистов, которые используют это националистическое движение. Мы косвенным образом поддерживаем вильсонизм / он имел в виду знаменитые «Четырнадцать пунктов» президента США Вудро Вильсона – **Ю.Ж.** / – иллюзии, будто можно разрешить национальный вопрос в пределах буржуазного строя».

И затем пояснил: «Совершенно ясно, что национальное рас-

крепощение, как и вообще уничтожение всякого угнетения человека человеком, возможно только при социализме... Но это не означает, что надо отбросить лозунг права наций на отделение, на решение своей судьбы, ибо он является лозунгом условным, декларативным, а к таким лозунгам мы неоднократно прибегали в первый период пролетарского движения...»

«Неверно понимается, – перешёл Осинский к самому важному, – само понятие нации. Когда здесь выставляется это понятие, то оно не берётся в буржуазном смысле этого слова. Под нацией не подразумеваются обязательно те, кто голосует на всеобщих выборах в Парламент. **Для нас, марксистов, это понятие имеет совершенно иной смысл – смысл государственно-политического единства** /выделено мной – Ю.Ж./...

Теперь по поводу поддержки националистических тенденций. Наоборот, лозунг национального самоопределения (беря более глубокую формулировку) их нейтрализует, а не поддерживает. Лозунг национального самоопределения, говорят нам, есть оружие в руках шовинистов и реакционеров. Но допустим на минуту, что мы от него отказались. Перестанут ли они пользоваться этим оружием? Конечно, нет. Мы можем выбить это оружие из их рук только тем, что мы сами провозгласим право наций на самоопределение». ¹⁹

Последним участником дискуссии, бурной и нелюбезной, стал А.И.Рыков, заместитель председателя СНК РСФСР, прежде несколько не интересовавшийся национальным вопросом. Сразу же высказался в поддержку позиции Ленина, но сосредоточил своё внимание не на теоретических, а сугубо экономических аспектах необходимости создания Советской Федерации.

«Для нас теперь, в Советской России, – пояснил Рыков, – когда мы имеем целый ряд советских республик, целый ряд побед рабочего класса, параграф третий /раздела по национальному вопросу – Ю.Ж./ – «федеративное объединение государств, организованных по советскому типу», имеет самое конкретное и злободневное значение... Обеспечение интересов рабочих, экономическое и финансовое, может быть осуществлено и гарантировано только при том условии, когда за это возьмётся не та или другая отдельная республика, а когда возьмутся все республики вместе».

Сразу же пояснил свою мысль на самом животрепещущем примере:

«В итоге капиталистического развития у нас на территории отдельных республик имеется единый продовольственный организм. Отделить теперь в качестве самостоятельного государ-

ства ту или другую часть – это значит поставить её перед невозможностью развития, невозможностью обеспечить дальше свои национальные интересы...»

И заявил, что существует лишь одно решение проблемы: «В параграфе о федеративном объединении советских государств, организованных по советскому типу, предлагаю сделать дополнение, что это объединение должно быть достаточно тесным для обеспечения интересов пролетариата в области единства профессионального движения и в области экономического строительства. Это дополнение важно и неотложно ещё потому, что и условия природы, которые не зависят от нас, обеспечивают те или другие федерируемые советские государства теми или другими материальными условиями их существования, совершенно необходимыми для всех остальных республик.

В частности, Украина (допустим, Донецкий район) всецело обеспечена каменным углём, Северный Кавказ – я не теряю надежды, что он будет, в конечном счете, наш – обеспечен жидким топливом и целым рядом других природных условий, совершенно необходимых для того, чтобы выжили и Латвия, и Литва, и Белоруссия, и любое другое государство. Без указания на обеспечение этого совершенно неизбежного единства советские республики попадут в условия, в десять раз и в тысячу раз худшие, чем те, в которых работало капиталистическое общество.

Если партия не примет в этом отношении срочных, энергичных мер, будет наблюдаться распад производительных сил как раз в тех странах, как раз в тех республиках, где наиболее ярко выражена победа рабочих над буржуазией. Эти вопросы теперь настолько реальны, настолько конкретны для нас, что можно, я думаю, поступиться дипломатией Вильсона в пользу того, чтобы сказать по существу то, что диктуется самыми решительными интересами рабочих всех федерируемых республик, которые создались теперь в Советской России».²⁰

На том дискуссия завершилась, выявив три предельно оригинальных позиции. Причём, делегаты съезда, если судить по их активности, по выступлениям, поддерживали тот проект, который был подготовлен комиссией и представлен Лениным. Такая ситуация весьма облегчила для него заключительное слово, которое он получил на вечернем заседании 19 марта.

На национальном вопросе Ленин остановился лишь в конце выступления. Сразу же заметил: «он в нашей критике получил раздутое значение». И поспешил пояснить свою оценку: «Тут сказалась слабость нашей критики в том, что такой вопрос, в сущности, играющий в общем строительстве программы, в об-

щей сумме программных требований менее чем второстепенное значение, что этот вопрос получил в нашей критике значение специальное».

Вот тут-то Ленин и проявил непростительную не просто для политика, для лидера правящей партии, определяющей свою дальнейшую стратегию, свои приоритеты, свои цели, странную близорукость. То, что делегаты съезда сами придали проблеме столь серьёзное значение, и говорило о её настоящем, отнюдь не второстепенном значении. Ведь речь шла «всего лишь» о будущем страны. О том, оставаться ли ей раздробленной на дюжину независимых территорий, или воссоединиться ради самосохранения. Ради преуспевания народов, её населяющих.

Ленин не только показал полное незнание того предмета, о котором повёл речь. Он упорно продолжал считать себя высшим арбитром и в возникшей дискуссии. Вместо того, чтобы дать слово Сталину, который и готовил данный раздел программы, Ленин пустился в путанные объяснения сам. Предельно упростил проблему, тем исказив её. Попытался объяснить все существовавшие в стране национальные противоречия всего лишь негативной ролью «великороссов как нации кулацкой и давящей».

Мало того, почему-то проигнорировал реальное положение на Украине, не отдалённое на несколько десятилетий, а настоящее, хорошо, вроде бы, известное ему. Забыл и о существовании националистической Рады, недавно трансформировавшейся в Директорию, и о довольно значительной поддержке её крестьянскими массами края – теми самыми кулаками, о которых он даже не вспомнил.

«Украина, – менторски объяснил Ленин, – была отделена от России исключительными условиями /какими конкретно, сказано не было – **Ю.Ж.**/, и национальное движение не пустило там корни глубоко. Насколько оно проявилось, немцы вышибли его. Это факт, но факт исключительный /? – **Ю.Ж.**/ Там даже с языком дело так обстоит, что неизвестно стало – массовый ли украинский язык, или нет?»

Каково это было слушать двадцати трём делегатам от Украины: Г.Л.Пятакову и К.В.Ворошилову, А.С.Бубнову и Э.И.Квинингу, Ю.М.Коцюбинскому и М.Л.Рухимовичу... Слушать такое и недоумевать – с кем же они воют? вот уже скоро как два года, на каком языке писали свои Универсалы, изъяснялись Грушевский и Петлюра, Винниченко и Скоропадский?

Непостижимым образом Ленин, всегда, как истинный марксист, помнивший о решающей роли экономики, вдруг принизил

её значение. «В национальном вопросе, – невозмутимо продолжал он, – нельзя рассуждать так, что нужно во что бы то ни стало хозяйственное единство. Конечно, нужно! Но мы должны добиваться его пропагандой, агитацией, добровольным союзом... Мы должны сказать другим нациям, что мы до конца интернационалисты и стремимся к добровольному союзу рабочих и крестьян всех наций.

Сейчас в вопросе о самоопределении национальностей суть дела в том, что разные нации идут одинаковой исторической дорогой, но в высшей степени разнообразными зигзагами и тропинками, и что более культурные нации идут заведомо иначе, чем менее культурные. Финляндия шла иначе. Германия идёт иначе.

Пятаков тысячу раз прав, что нам необходимо единство. Но надо бороться за него пропагандой, партийным влиянием, созданием единых профессиональных союзов. Однако и тут нельзя действовать по одному шаблону. Если бы мы уничтожили этот пункт или редактировали его иначе, мы бы вычеркнули национальный вопрос из программы».²¹

Нет, отнести подобные, слишком общие и весьма расплывчатые объяснения и рекомендации к многонациональной России было невозможно. Так же невозможно, как и принять их исчерпывающим объяснением клокотавших в стране межэтнических конфликтов. Необъявленной войны Польшей против Украины, Белоруссии и Литвы; немцев – против латышей, объявления украинской Директорией войны РСФСР; вспышки исламского фундаментализма на Северном Кавказе и в Туркестане.

Более всего слова Ленина подходили к тем государствам, которые он назвал «более культурными». К Европе и, прежде всего, к далеко не случайно помянутой вроде бы не к месту Германии. Бухарин, выступивший вслед за Лениным, вновь, как и тогда, когда делал доклад, ушёл в замудрые хитросплетения, теории. А вынырнув из них, согласился со своим оппонентом только в одном – «вопрос национальный, по сути дела, занял в дискуссии больше места, чем это было бы нужно согласно тому удельному весу, который он имеет в нашей программе». И, в отличие от Ленина, тут же пояснил появление такой диспропорции. «Это показывает, – сказал он, – что в других частях программы у нас существует большее или меньшее единство, это показывает, что в других вопросах господствует солидарность».

Могло показаться, что марксист-теоретик вот теперь и объяснит причину столь значительного расхождения взглядов делегатов съезда по данному вопросу. Однако Бухарин уклонился

от анализа. Вместо того вновь повторил как кредо суть своей леворадикальной позиции. Да ещё и изложил её в казуистической форме: «Лозунг «право наций на самоопределение» имеет сродство с лозунгом «защита отечества». Но право на буржуазное отечество в переживаемую нами эпоху есть **право на глупость**, более того – это вредная вещь. Я думаю, что такого «права» признавать мы не должны, этого права защищать мы не можем». Почему? Да только потому, что оно «противоречит принципам пролетарской диктатуры».²²

Вот так тридцатилетний главный редактор газеты «Правда» разделался с тем, что было ему не по душе.

На том обсуждение и программы в целом, и её раздела по национальному вопросу завершилось. Несмотря на весьма важные предложения о необходимости конкретизировать положение о федерации, особенно – Рыкова, съезд уклонился от них. Решил не форсировать события, не уточнять – из каких именно республик и как конкретно будет создаваться новое советское государство. Вечером 19 марта председательствовавший Л.Б.Каменев сумел так повести заседание, что все 286 делегатов с решающим голосом (в том числе, 23 – от Украины, 17 – от Литвы и Белоруссии, 7 – от Латвии, по два – от Армении, Польши, Финляндии и Эстонии) единогласно утвердили программу. Без каких-либо изменений или дополнений.

А спустя четыре дня съезд принял оказавшееся чрезвычайно значительным постановление по организационным вопросам. Пятый параграф его раздела, посвященного партийному строительству, сделал неминуемым создание федерации. Более того, дал ей самую надёжную скрепу.

«В настоящее время, – гласило постановление, – Украина, Латвия, Литва и Белоруссия существуют как особые советские республики. Так разрешён в настоящий момент вопрос о формах государственного существования. Но это отнюдь не означает, что РКП должна, в свою очередь, сорганизоваться на основе федерации самостоятельных коммунистических партий.

Восьмой съезд РКП постановляет: необходимо существование **единой** централизованной Коммунистической партии с единым ЦК, руководящим всей работой во всех частях РСФСР. Все решения РКП и её руководящих учреждений, безусловно, обязательны для всех частей партии, независимо от национального их состава. **Центральные Комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов и целиком подчинены РКП».**²³

2. Запоздалое решение

Итак, Сталин мог торжествовать. Он почти добился своего. Наконец-то было официально провозглашено (как самая ближайшая цель) образование пусть пока ещё и не унитарного государства, а только федераций существующих, даже признанных Москвою как независимые советские республики, но **«как одна из переходных форм на пути к полному единству»**. И всё же, как могло показаться тогда же, такая цель подверглась коррективам.

Накануне закрытия Восьмого съезда партии, 20 марта Сталину как наркому по делам национальностей пришлось подписать с не обладавшими никакой властью, фактически не существовавшим Башкирским правительством в лице его председателя М.Кулаева и члена Башкирского областного Совета М.Халикова соглашение о создании автономной Башкирской Советской Республики. Той самой, о которой вскользь, мимоходом, упоминали Ленин (в докладе и заключительном слове), Рыков (в выступлении).²⁴ Второй после Туркестана автономии в составе РСФСР.

Соглашение, опубликованное 23 марта в газете «Известия», производило впечатление документа, подготовленного в крайней спешке. Распадавшегося (по смыслу, но не по структуре) на пять разделов. Зафиксировавшего, прежде всего, создание того национально-территориального образования, которое намеревались провозгласить год назад, но только теперь в усечённом размере. Не Татаро-Башкирскую Республику (она же – штат Идель-Урал), а лишь Башкирскую:

«1. Автономная Башкирская Советская Республика образуется в пределах Малой Башкирии и составляет федеративную часть, входящую в состав РСФСР.

8. Власть в Автономной Башкирской Советской Республике организуется на точном основании Советской Конституции, утверждённой Пятым Всероссийским съездом Советов 10 июня 1918 года.

13. Вся полнота власти в пределах Башкирской Советской Республики впредь до созыва съезда Советов Башкирии переходит к Временному революционному Башкирскому комитету.

14. Башкирский Временный революционный комитет (или ЦИК Башкирской Советской Республики) и Всероссийский ЦИК взаимно делегируют своих представителей (по два) на правах полномочных членов названных учреждений.

15. Столицей Башкирской Советской Республики остаётся временно местечко Темясово, окончательное же решение во-

проса предоставляется съезду Советов Башкирской Советской Республики».

Ещё пять пунктов соглашения (2-й, 3-й, 4-й, 6-й и 7-й) скрупулёзно определяли территорию создаваемой автономии, перечисляя все волости и уезды двух губерний – Оренбургской и Екатеринбургской, которым и предстояло стать республикой, а также устанавливали новое для неё административное деление на тринадцать кантонов.

Два пункта относились к сфере экономики:

«5. Железные дороги, заводы и рудники на территории Башкирии остаются в непосредственном ведении Центральной Советской власти.

12. Для организации Советской власти и культурно-просветительных мер в стране РСФСР оказывает всемерную финансовую поддержку Автономной Башкирской Советской Республике».

Три пункта соглашения трактовали чисто военные вопросы:

«9. В целях укрепления Советской власти в Башкирской Советской Республике и борьбы, как с российской, так и мировой контрреволюцией, организуется отдельная Башкирская армия в составе одной четырёхполковой кавалерийской дивизии и одной трёхполковой стрелковой бригады, подчиняющаяся общему командованию и управляемая согласно положению о Красной Армии.

Полное вооружение и снаряжение отдельной Башкирской армии производится на общих основаниях с Красной Армией из Общероссийского Военного Фонда.

Внутренняя охрана и порядок в Автономной Башкирской Советской Республике поддерживается вооружённым пролетариатом республики».

Наконец, последний пункт соглашения слишком явно выпадал из контекста. Скорее всего, являлся самостоятельным, не имевшим прямого отношения к проблеме образования национально-территориальной автономии;

«16. Члены Башкирского правительства, административных учреждений и общественных организаций не подлежат репрессиям за свою минувшую деятельность».²⁵

Вот эти-то четыре пункта – 9-й, 10-й, 11-й, и 16-й – и были квинтэссенцией, истинной сутью соглашения, ставшего результатом трудных, длительных (почти двухмесячных) переговоров. Начатых в первых числах февраля М.Д.Халиковым, комиссаром по мусульманским делам националистического Башкирского правительства. Органа, созданного ещё в декабре 1917 года

«во имя сохранения Башкирии от большевистской заразы»,²⁶ а потому, с установлением в крае Советской власти, сразу же распущенного. Возобновившего деятельность летом 1918 года, после мятежа Чехословацкого корпуса, и вновь выступившего рьяным противником Совнаркома.

Ради борьбы с Москвой заключившего договоры о боевом союзе с Комитетом членов Учредительного собрания (Кому-чем) и Временным сибирским правительством, участвовавшего в создании пришедшего на смену им Временного Всероссийского правительства (Уфимской Директории). Тогда же глава башкирского националистического движения, бывший учитель медресе Ахмет Заки Валидов присвоил себе звание генерал-лейтенанта и начал формировать Башкирскую дивизию. Соединение, получившее известность лишь борьбой с красными партизанскими отрядами рабочих Южного Урала, возглавляемых В.К.Блюхером.

Колчак, совершив в Омске 18 ноября 1918 года кровавый переворот, отказался признавать право башкир на самоуправление, тем более – на обладание собственными вооружёнными силами. Немедленно передал те под командование генерал-лейтенанта И.А.Дутова, атамана Оренбургского казачьего войска.

Такой поворот событий обескуражил Валидова и вынудил вести двойную игру. Не порывая ещё открыто с Колчаком, искать поддержку у вчерашних непримиримых врагов. 26 января 1919 года к Б.М.Нимвицкому, председателю Уфимского губернского ревкома, направил Халикова. Поручил ему любой ценой, даже признав Советскую власть, во что бы то ни стало сохранить Башкирскую дивизию.

Получив информацию о начавшихся переговорах, Ленин и Сталин тут же отправили в Уфу телеграмму, спустя десять дней вполне преднамеренно, как важный пропагандистский материал, опубликованную в ведомственном издании «Жизнь национальностей».

«Предлагаем, – указывалось в ней, – не отталкивать Халикова, согласиться на соглашение при условии создания фронта с башкирскими полками против Колчака. Со стороны Советской власти, гарантия национальной свободы башкир – полная. Конечно, необходимо, наряду с этим, строжайше отсечь контрреволюционные элементы башкирского населения /то есть Валидова и членов его правительства – **Ю.Ж.**/ и добиться фактического контроля за пролетарской надёжностью башкирских войск».²⁷

Но именно последняя оговорка и затянула переговоры, ведение которых перешло к членам Реввоенсоветов Восточного фронта С.И.Гусеву и 5-й армии – В.М.Смирнову, а также к члену коллегии Наркомата по делам национальностей Мирсаиду Султан-Галиеву. К тем, кто стремился только к одному – использовать башкирские полки для пополнения частей Красной Армии. Не более того.

Недовольный происходившим, Валидов 26 февраля связался по прямому проводу со Сталиным. «Советская власть, – начал он с жалобы, – должна была утвердить нашу Башкирскую Советскую Республику и оставить нашу Башкирскую дивизию в целости, под общим советским командованием, на общих основаниях. Но теперь договор этот /Валидов явно поспешил – до заключения соглашения ещё было далеко – **Ю.Ж.**/ не исполняется, несмотря на искреннее желание башкирских солдат драться с контрреволюционерами и империалистами совместно с Красной Армией. Наша дивизия расформируется, полки направляются на пополнение существующих советских полков». И добавил самое главное: «Расформирование башкирского войска – удар по нашим политическим и национально-социальным завоеваниям».

Причину того, почему же он так цепляется лишь за одно (за целостность Башкирской дивизии), Валидов не скрывал. Национальные полки необходимы ему для сохранения прежней власти в крае, пусть и называемом Советской Республикой. Власти откровенно националистической, антирусской.

«Башкирская Республика, – признавался Валидов, – без вооружённых сил, в глазах эксплуататоров – царских переселенцев /то есть русских крестьян – **Ю.Ж.**/, ожидающих с нетерпением Красную Армию как национальную силу русского народа, – есть фикция. Переселенцы перестанут смотреть на голодных, забитых башкир как на равноправных. Отныне переселенцы – кулаки-победители, башкиры – военнопленные рабы. Молодые переселенцы, сыновья кулаков-душителей башкирской бедноты, с необыкновенным азартом записываются в Красную Армию добровольцами только для того, чтобы поиздеваться над башкирской беднотой за то, что последняя, хотя в весьма невыгодных и неблагоприятных условиях, пыталась взять всё дело в свои руки».

Демагогически противопоставляя русских (разумеется, поголовно всех – кулаков) «бедным», «забитым», «голодным» башкирам, Валидов позволил себе и шантаж, хотя и в довольно мягкой форме. «Башкирское войско, – продолжал он, – которое

по нашим данным должно было состоять из пяти-десяти тысяч штыков, составляет гордость не только башкир. Им гордились, на него направляли свои взоры угнетённые киргизский /казахский – **Ю.Ж.**/и туркестанский /узбекский – **Ю.Ж.**/ народы, ибо мы решили было составить с ними одну республику в составе Советской России».

Словом, предлагал: либо сохранить Башкирскую дивизию, либо открыть новый, дополнительный к колчаковскому, фронт. С объединёнными народами Южного Урала и Туркестана, готовыми выступить как третья сила Гражданской войны. Только потому и напомнил Валидов о недавнем союзе и с Временным Всероссийским правительством, и с Колчаком. «Всем должно быть известно, – нагло извращал он факты, – что борьба башкирской бедноты с Красной Армией является лишь одним из этапов участия башкирского пролетариата в борьбе всемирного пролетариата за свои права. За это молодые башкирские деятели /националисты – **Ю.Ж.**/ не будут осуждены. Они, пользуясь моментом, создали силу, которую они, порвав связь с Дутовым и Колчаком, давно уже искали повод соединить с другими силами демократии».

Не довольствуясь столь прозрачными налётами, Валидов заявил: «Реформирование (башкирского) войска есть уничтожение его национальной цельности, его самобытности, его языка и нрава... Я, от имени башкирского народа и башкирской молодёжи, от всей глубины души протестую против расформирования Башкирской дивизии. Мы отказываемся проводить в жизнь Башкирскую Советскую Республику, если войска не будет... До поездки в Москву и личных с вами переговоров необходимо дать народу и солдатам пояснение – признаёт ли Советская власть нашу автономию и сохранит ли наши войска. Киргизы тоже имеют свои полки, я говорю отчасти и от их имени. Они, в случае удовлетворения национальных нужд, готовы последовать за нами».

Так повторялось всё, что уже происходило в 1917 году. И противопоставление коренного населения пришельцам-русским. И требование автономии, вернее, местного самоуправления, практически независимого от центра. И желание обязательно иметь собственные вооружённые силы, которые и обеспечат все остальные требования.

Но если об учреждении Башкирской Автономной Республики Сталин ещё мог вести переговоры, то вопрос о том, быть или не быть отдельной Башкирской дивизии, выходил за рамки его полномочий. Потому и предложил он Валидову: «Было бы хоро-

шо выехать Вам в Москву немедленно и здесь разрешить недоумённые вопросы. Штабу /Восточного фронта – **Ю.Ж.**/ даны директивы, но, возможно, что он проводит их в рамках военной целесообразности, не очень считаясь с национальными нуждами башкир». А двумя днями позже повторил свой ответ: «Отчёт Востфронта в связи с башкирами затрагивает ряд вопросов, о которых распространяться в депеше не стоит. Прошу ускорить приезд в Москву для решения недоумённых вопросов при личных переговорах».²⁸

Когда же Валидов добрался до Москвы, все проблемы разрешились как бы сами собой. 4 марта войска Колчака, используя более чем двукратное превосходство в силах и средствах, перешли в наступление сразу по двум направлениям. Главный удар наносила Западная армия генерала М.В.Ханжина в направлении Уфа – Самара, а вспомогательный – Сибирская армия чешского генерала Р.Гайды, на Ижевск и далее на Казань. Всего за десять дней им удалось занять Уфу, Белебей, Стерлитамак, Орск, Актюбинск. Тем не только прервать связь Красной Армии с Туркестаном, но и создать возможность выхода к Волге и соединения там с силами Деникина, также начавших наступление.

12 марта Восточный фронт был объявлен «главным фронтом республики». Теперь оказался дорог каждый штык, каждая сабля, и больше откладывать соглашение с Валидовым было нельзя. Потому 16 марта ЦК принял решение: «Поручить т. Сталину точно договориться с башкирами **о действиях их как областного объединения** /выделено мной – **Ю.Ж.**/, с представительством во ВЦИКе и вхождением нашего представителя в их ЦИК. Ко вторнику /18 марта – **Ю.Ж.**/ текст договора следует подготовить для прессы, вечером внести в Совнарком, а затем во ВЦИК».²⁹

Сталин быстро и чётко выполнил поручение. Правда, внёс от себя вроде бы незначительное изменение. Вместо областного объединения Башкирия объявлялась Автономной Республикой – в точном соответствии с Конституцией. Действительно, коли уж пошла речь о включении в состав РСФСР Латвии, Литвы и Белоруссии, Украины – не столько территориальных, сколько национальных административных образований, – то правовая логика требовала того же и по отношению к Башкирии. Тем более что на кону было существование самой Советской власти.

На такую поправку никто из членов ЦК не обратил внимания либо не придавал ей серьёзного значения, и 20 марта соглашение стало государственным актом. Ведь его скрепили своими подписями председатель Президиума ВЦИК М.Ф.Владимирский

(занимал данный пост временно, между смертью Я.М.Свердлова и избранием М.И.Калинина³⁰), председатель СНК Ленин и секретарь Президиума ВЦИК А.С.Енукидзе. Что же касается существования новой автономии и деятельности её временного органа власти, ревкома, во главе которого пришлось утвердить Валидова, то прежде всего следовало освободить её территорию от колчаковцев, а это произошло лишь осенью того же 1919 года.

Практически сразу же, 4 апреля, последовало ещё одно, несколько схожее решение. Постановление ВЦИК о созыве Учредительного Всекиргизского съезда Советов для решения вопроса об автономии и этого края. Тем самым, пресекалась в корне возможность политического или, что было гораздо опаснее, военного соглашения Казахского националистического правительства Алаш-Орда с Колчаком. Ведь адмирал хотя и объявил себя твёрдым защитником идеи «единой и неделимой», всё же ради пополнения своей армии, ради установления твёрдого контроля над просторами четырёх обширных областей, где и кочевали казахи – Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской, вполне мог заключить с лидерами Алаш-Орды взаимовыгодную сделку.

Именно поэтому, как и соглашение с Башкирским правительством, новый акт, принятый в Москве по инициативе возглавляемого Сталиным Наркомата по делам национальностей, практически предусматривал лишь амнистию вчерашним врагам.

«В ответ, – указывалось в нём, – на ходатайство комиссара по делам киргизов т. Тунгачина о созыве Всекиргизского съезда с обеспечением личной неприкосновенности известным деятелям из киргизов, боровшихся против Советской власти, Народный комиссариат национальностей постановил:

Разрешить созыв Всекиргизского съезда в г. Оренбурге, обеспечив личную неприкосновенность всем киргизам, не исключая группы Букайханова /председатель Народного Совета Алаш-Орды с декабря 1917 года, создатель вооружённых формирований казахских националистов – **Ю.Ж.**/, боровшихся с оружием в руках против Советской власти».

Это постановление было утверждено Президиумом ВЦИК 4 апреля 1919 года.³¹

На этот раз, в отличие от соглашения с башкирами, в декрете не было ни слова ни о возможной автономии края, ни о его потенциальной территории, ибо такие вопросы до разгрома Колчака не имели ни малейшего практического значения. Декрет ВЦИК стал откровенной пропагандистской акцией, рассчитан-

ной на будущее. На то время, когда в крае установят Советскую власть.

Пока же решающим оставалось положение на фронтах. Ведь нужно было не только отражать мощный натиск колчаковских сил (Красной Армии пришлось оставить весь Урал: сдать противнику Ижевск, Воткинский завод, Сарапул, Елабугу, Екатеринбург, Уфу, Бугуруслан, Стерлитамак, с величайшим трудом оборонять стратегически важные Оренбург и Уральск. Приходилось сдерживать и сравнительно менее сильного врага на Западном фронте, протянувшемся более чем на две тысячи километров – от Ладожского озера до Пинских болот.

Поначалу наиболее опасная там ситуация сложилась в районе Петрограда. С востока ему угрожала Олонецкая добровольческая армия. Формально отстаивавшая интересы образованного в Хельсинки некоего Олонецкого правительства. На словах добивавшегося предоставления широкой автономии для населённой карелами Олонецкой губернии. На деле же призванного обеспечить присоединение края к Финляндии.

С запада старой столице угрожал Северный корпус (он же – с 19 июня – Северная, а с 1 июля – Северо-Западная армия) русской армии. Развёрнутый из русской по составу Эстонской стрелковой дивизии, формировавшейся ещё осенью 1917 года по решению Временного правительства. Возглавляемый полковником К.К.Дзержинским, находившимся в прямом подчинении у генерала от инфантерии Н.Н.Юденича, в свою очередь, признавшего верховенство адмирала Колчака.

В конце марта Северный корпус, а также 1-я эстонская дивизия правительства Пятса (два её полка укомплектовали из финских добровольцев, один – из шведских и датских, и лишь один – из эстонцев) были сосредоточены в Нарве. Всего в ста сорока километрах от Петрограда.

Тогда же польские легионеры, взяв Вильну, неумолимо стали продвигаться к Двинску. Если бы сумели взять его, то отторгли бы всю Латгалию не только от «красной», но и от «белой» (равно и Ниедры, и Ульманиса) Латвии. Заодно отрезали бы республику от её важного соседа. Тем и вынудили руководство Литовско-Белорусской Республики спешно эвакуироваться в более безопасную зону, в Минск.

Мало того, в те же дни обозначился и ещё один враг. Вооружённые силы Юга России, образованные в конце декабря 1918 года объединением Добровольческой и Донской армий. Их командующий, генерал-лейтенант А.И.Деникин, начал с обеспечения безопасности своего тыла. Установил жёсткий контроль над

Северным Кавказом, полностью подчинив Кубанскую Раду, пытавшуюся выступить за создание федерации, Разогнал Горское правительство и (с согласия Лондона) занял Южный Дагестан, на который претендовал Азербайджан. А затем начал наступление в Донбассе, что лишало Москву угля.

Лишь на Украинском фронте положение складывалось более благоприятно. Настолько хорошо, что 21 марта (в тот самый день, когда в Будапеште провозгласили Венгерскую Советскую Республику) украинские эсеры и меньшевики, не на шутку обеспокоенные неудачами петлюровских сил, созвали в Каменец-Подольске Трудовой конгресс. Образовали на нём Комитет охраны революции, должный по замыслу сменить Директорию. Объявили о прекращении «братоубийственной войны» с большевиками и предложили ВуЦИК сформировать объединённое правительство Украинской Советской Республики как неразрывной части Советской Федерации.

Комитет не смог выполнить задуманного – всего через пять дней его разогнал Петлюра, ободрённый успехами своих войск, перешедших 19 марта в наступление. Уже занявших Новоград-Волынский и Житомир, даже вышедших к реке Ирпень, что всего в тридцати километрах к западу от Киева. И всё же надежды Петлюры – если не через несколько дней, то через неделю вновь занять древнюю столицу – оказались тщетными. Украинская Красная Армия предприняла успешное контрнаступление на центральном участке фронта. Прорвала его, разделив северную и южную группировки противника, вышла на реку Збруч, но там и остановилась. В Киеве понадеялись заключить соглашение с командованием УГА, которой в те дни приходилось вести кровопролитные бои с польскими легионами, которые ещё 2 марта возобновили свои действия в Галиции.

Столь сложное, в целом, далеко не благоприятное, положение на фронтах как никогда требовало единства всех вооружённых сил советских республик. Общего для них командования – ради решения стратегических задач. Общего снабжения, чтобы вовремя перебрасывать на нужный участок подкрепления, боеприпасы. Так считал председатель РВСР Троцкий, того же мнения придерживался и Главнокомандующий вооружёнными силами РСФСР И.И.Вацетис. Они оба пока не придавали серьёзного значения наступлению Деникина в Донбассе. Стремясь подтолкнуть пролетарскую революцию в Германии и Австрии, требовали от командующего Украинским фронтом Антонова-Овсеенко как можно скорее занять Галицию и Буковину, выйти на венгерскую границу. Между тем, сам Антонов-Овсеенко полагал

первостепенным для себя изгнание интервентов из Николаева, Херсона, Одессы и Крыма. Только затем достигнуть соглашения с УГА и освободить территорию ЗУНР от поляков.

Столь серьёзные расхождения не могли не привести (и привели) к обострению отношений между Москвой и Киевом. Последней каплей, переполнившей чашу терпения Центра, стал ответ наркома путей сообщения УССР А.М.Жарко на предложение скоординировать военные перевозки по территории республики. Он предложил РВСР обращаться по всем вопросам во ВЦИК, который, в свою очередь, войдёт в переписку с ВуЦИК, который только и может отдать ему распоряжение.

Познакомившись с телеграммой Жарко, только что, 30 марта, назначенный по совместительству наркомом госконтроля, Сталин не смог сдержать праведного гнева. 7 апреля подготовил записку, в которой не только выразил своё возмущение происходящим, но и предложил единственный, по его мнению, выход из сложившегося положения.

«1. Ведение войны, – указывал Сталин, – в качестве необходимого условия успеха предполагает безусловное единство действий на всех фронтах, что, в свою очередь, требует единства командования Красной Армии на всех фронтах, единства снабжения Красной Армии на всех фронтах и единства управления транспортом на всей железнодорожной сети, так как транспорт является одним из главнейших условий ведения войны.

Если, в виде уступки самостийным тенденциям, является политически неизбежным оставление на ближайшее время в дружественных советских республиках самостоятельных комиссариатов военных и морских дел и путей сообщения, а также органов снабжения, то необходима строжайшая директива соответствующим органам управления, в том смысле, чтобы эти самостоятельные комиссариаты работали исключительно и в строжайшем согласии с директивами, даваемыми из соответственных комиссариатов РСФСР, так как только таким путём может быть достигнуто необходимое единство, быстрота и точное исполнение всех распоряжений и действий.

2. Наиболее настоятельной задачей на Украине является максимальное использование топлива, металла, наличных заводов и мастерских, а также запасов продовольствия. Так как вся промышленность сосредоточена в восточной части Украины, то перенесение Совнархоза из Харькова в Киев отразится (и уже отразилось) самым губительным образом на восстановлении транспорта, чёрной и обрабатывающей промышленности Украины. Деньги, отпускаемые из Центра, попадают в Киев и в боль-

шей своей части расходуются на нужды, не имеющие прямого отношения к производственным задачам, а те крохи, которые ассигнуются на добычу топлива, работу заводов и на транспорт, попадают в Харьков лишь окольным путём, с большим запозданием. Поэтому добыча угля почти уже прекратилась, заводы стоят, а железные дороги – также накануне остановки из-за отсутствия топлива и полного отсутствия денежных средств.

3. Необходимо или, точнее, обратно перевести Совнархоз Украины из Киева в Харьков, или оставить в Харькове достаточно сильное и правомочное представительство, имеющее право непосредственного сношения с Москвой и получающее непосредственно из Москвы все денежные ассигновки, назначаемые на производственные надобности.

4. Деньги на надобности украинского ВСНХ, а также для железных дорог, должны переводиться непосредственно Харьковскому отделу Совнархоза и соответственным управлениям Украинской железной дороги по месту их нахождения, а не через Киев.

5. Чрезкомснаб /Чрезвычайная комиссия по снабжению Красной Армии при ВСНХ – **Ю.Ж.**/ Украины должен находиться в Харькове или, по крайней мере, иметь в Харькове представительство, уполномоченное для непосредственных сношений с Москвой. Деньги Чрезкомснаб получает также непосредственно из Москвы, а не через Киев.

6. Народный комиссариат государственного контроля РСФСР должен распространить свою деятельность на все учреждения Украинской Советской Республики.

7. Украинские железные дороги составляют неразрывную часть российской железнодорожной сети и управляются Народным комиссариатом путей сообщения из Москвы, и НКПС Украины подчиняется всем директивам НКПС РСФСР. Искусственное разделение дорог, вызванное в своё время немецким нашествием на Украину, должно быть упразднено, и отрезанные от отдельных дорог участки (например, от Киево-Воронежской) должны быть вновь присоединены к своей дороге в соответствии с естественным административным делением железнодорожной сети.

Всякое искусственное создание новых округов /железнодорожных – **Ю.Ж.**/ на Украине должно быть приостановлено. Ни в каком случае недопустима такая конструкция взаимоотношений НКПС и НКПС Украины, как предложено в телеграмме Жарко от 6/IV, по которой мероприятия, прежде чем осуществиться на деле, должны стать предметом особых отношений между ВЦИК

и ЦИК Украины, и затем лишь делаться предметом особых отношений между НКПС и НКПС Украины». ³²

Таковыми оказались предложения Сталина. Не теоретические (не рассчитанные на, пусть и близкое, но, всё же, – будущее), а предельно актуальные, порождённые требованием момента. Ведь в условиях, когда два дружественных государства вели войну против общего врага, объединение всего лишь двух Наркоматов (по военным и морским делам) путей сообщения являлось вполне закономерным, даже естественным. Столь же справедливым стало и предложение распространить деятельность Наркомата госконтроля РСФСР на Украину, дабы пресечь проявление того, что Сталин назвал «самостийными тенденциями», болезнью, оказавшуюся весьма заразной, перешедшую от членов Рады, Директории и к тем, кто вроде бы исповедовал иные принципы, иные взгляды. Даже выразил их уже во вполне официальном – в декларации Временного рабоче-крестьянского правительства Украины – твердом намерении воссоединить две братских страны. В полном соответствии с новой программой партии.

Ленин не мог не согласиться с содержанием записки Сталина. На следующий день предложил «собрать подписи членов Политбюро ЦК и утвердить эти директивы Украинской Коммунистической партии и её ЦК для Украины. Крайне срочно». И приписал: «В Оргбюро ЦК. Спешно переслать в Украинский ЦК». ³³

Тем не менее, секретарь ЦК Н.Н.Крестинский, которому и следовало выполнить указанные Лениным формальности, спешить не стал. Ограничился только собственной подписью на документе. Видимо, счёл совершенно излишним объединять два Наркомата тогда, когда военная ситуация решительно улучшилась. Ещё 6 апреля интервенты бежали из Одессы, а 8 началось освобождение Крыма, завершившееся три недели спустя. Войска же Южного (российского) фронта, которым командовал бывший царский полковник В.М.Гиттис, правым своим флангом подошли к Ростову, а левым – к Батайску и Тихорецкой.

И всё же, к вопросу, поднятому Сталиным, вскоре пришлось вернуться. Вспомнить о нём 23 апреля, когда в Москве узнали о начале широкомасштабного наступления армий Деникина, да ещё сразу по трём направлениям. На Донбасс, что в случае успеха лишало Советскую Россию, как, впрочем, и Украину, угля и металла. Через Таврию – на Харьков, а также на Астрахань. Опасность складывавшейся ситуации осознали, наконец, и Председатель РВСР Л.Д.Троцкий, и Главком И.И.Вацетис. Политбюро пришлось потому срочно рассмотреть теперь уже не-

отложные предложения Сталина. Только решило не ограничиваться объединением только двух Наркоматов:

«1. Дать Украинскому ЦК и Украинскому военному командованию два задания – а) занять Донецкий бассейн, б) установить непрерывную связь с Венгрией.

2. Предложить ЦК КПУ поставить на своё обсуждение вопрос о том, при каких условиях, когда и в какой форме может быть проведено слияние Украины с Советской Россией.

3. Тов. Иоффе в соответствии с постановлением пленума /от 16 января 1919 года – **Ю.Ж.**/ направить в состав украинского правительства для усиления там централистских элементов». ³⁴

Последний пункт развивал то решение, в соответствии с которым, используя кадровую политику, Х.Г.Раковского направили Председателем СНК УССР, Г.И.Петровского – Председателем Президиума ВуЦИК, а того же А.А.Иоффе – в Минск, для «общего политического руководства», вернее – чтобы «провести предложение о начале переговоров об объединении с Советской Российской Республикой». ³⁵

И инициатива Сталина, и решение Политбюро оказались более чем своевременными. К 24 апреля Олонецкой добровольческой армии удалось захватить губернский центр Олонец и выйти к Лодейному Полю – городу, расположенному в ста километрах к востоку от Петрограда. Северный корпус русской армии совместно с 1-й дивизией Эстонии предпринял наступление в Ямбургском и Гдовском уездах. 2-я дивизия Эстонии вместе с двумя латышскими полками, сохранившими верность правительству Ульманиса, стали теснить армию Советской Латвии с севера, оттеснив её на линию Айнажи – Руен (Руена) – Валк (Валка) – Мариенбург (Алуксне). Действовавшие под флагом правительства Ниедры, немецко-русские части генерала Гольца после тяжёлых боёв пробились к окраине Риги. Силы же Деникина не только сумели удержать Ростов, запад Кубанской области, но и заняли уже весь Донбасс, продолжая неумолимое продвижение на северо-запад.

Ещё ничего не зная о решении от 23 апреля, заместитель председателя РВСР Э.М.Склянский, обеспокоенный ухудшавшейся с каждым днём ситуацией на фронтах, направил Ленину докладную. В ней настаивал на скорейшем объединении и вооружённых сил, и командования всех советских республик, в чём видел единственный путь к спасению. Ответ Ленина последовал немедленно. «Это кстати, – писал Владимир Ильич, – как раз к тому, что вчера решено. Надо спешно, тотчас: 1) составить текст Директивы ЦК ко всем «националам» о единстве (слиянии) военном, 2) дать её и в прессу для ряда статей». ³⁶

Давая Склянскому такое поручение, Ленин не учёл одной весьма важной детали. Тот, без своего постоянного политического наставника и непосредственного начальника по РВСР Троцкого, срочно выехавшего на Южный фронт, подготовить требуемый документ никак не мог. Слишком уж много вопросов в нём следовало решить, слишком много проблем преодолеть.

Ведь до сих пор РСФСР оставалась связанной по рукам официальным признанием независимости Эстляндской Трудовой Коммуны, Латвийской, Литовско-Белорусской, Украинской социалистических советских республик. И хотя вооружённые силы тех вместе с Красной Армией РСФСР составляли единые Западный, Украинский и Южный фронты, всё же они оставались как бы и самостоятельными. Только для того, чтобы не позволить Пятсу, Ульманису, Ниедре, Сметоне, Петлюре прямо обвинить Москву во вмешательстве во внутренние дела молодых государств. А заодно – чтобы не дать Верховному Совету Антанты повод для очередной интервенции.

В первых числах мая от таких условностей решили отказаться Ленин и Сталин. Вдвоём подготовили проект директивы ЦК «О военном единстве», призванной распространить объединение советских армий с Украиной на все советские республики.

«Принимая во внимание, – гласил партийный документ, в случае утверждения должный стать для коммунистов законом, – 1) что РСФСР вынуждена в союзе с братскими советскими республиками Украиной, Латвией, Эстонией, Литвой и Белоруссией вести оборонительную борьбу против общего врага,.. 2) что необходимым условием успеха этой войны является единое командование всеми отрядами Красной Армии и строжайшая централизация в распоряжении всеми силами и ресурсами социалистических республик...

ЦК РКП постановил:

1. Признать безусловно необходимым на всё время социалистической оборонительной войны объединение всего дела снабжения Красной Армии под единым руководством Совета обороны и других центральных учреждений РСФСР;

2. Признать безусловно необходимым на всё время социалистической оборонительной войны объединение железнодорожного транспорта и управления железнодорожной сетью на всём пространстве братских социалистических республик под руководством и управлением Народного комиссариата путей сообщения РСФСР;

3. Признать несовместимым с интересами обороны существование в братских советских республиках отдельных органов

снабжения Красной Армии и отдельных комиссариатов путей сообщения и настаивать на преобразовании таковых на время войны в отделы снабжения Красной Армии РСФСР и Народного комиссариата путей сообщений РСФСР, состоящих в непосредственном ведении и полном подчинении центральным органам снабжения Красной Армии РСФСР и Народного комиссариата путей сообщений РСФСР».³⁷

Проект Ленина и Сталина не приняли. Отказалось от него Политбюро лишь потому, что в Москву поступил иной вариант. От извещённого Склянским о необходимости такого документа Троцкого. Человека, как считали все члены ЦК, наиболее компетентного в военных вопросах. Приняли проект, написанный Председателем РВСР, скорее всего, совместно с работниками Всероссийского главного штаба (Всеросглавштаба), которым и предстояло осуществлять задуманное на практике.

Утверждённый 4 мая 1919 года документ, как директива ЦК РКП по военным вопросам Центральным Комитетам Эстляндии, Латвии, Литвы и Белоруссии, Украины, ограничивался проблемами только Наркоматов по военным делам. Не затрагивал интересы других ведомств – путей сообщений и, тем более, госконтроля:

«Опыт формирования военных частей, равно как и опыт военных операций на Западном фронте свидетельствуют с несомненностью, что тенденция отдельных советских республик приурочить военную организацию, в том числе и военно-оперативную, к национальным границам, вела на практике к ряду столкновений местных и национальных притязаний с военными задачами социалистической революции в целом.

Если государство пролетарской диктатуры требует во всех основных областях своей деятельности централистических методов управления, то это требование является тем более обязательным для области военного управления и командования. Аппарат военного управления должен быть единообразным во всех федеративных республиках для того, чтобы обеспечить единообразие формирований. Все декреты Советской власти, основные приказы, штаты и прочее должны применяться одинаково во всех частях федеративной республики.

В области военно-оперативной границы армий, группировка частей, организация командования должны диктоваться исключительно военными соображениями. Попытки подчинить командование отдельных армий местным национальным советским властям являются, безусловно, пагубными для дела обороны советских республик. Поэтому нарушение единства управления

и командования, национальное раздробление армий приводит к национальным трениям в среде самих красноармейских частей и является верным путём к разложению армии.

Центральный Комитет считает поэтому необходимым восстановить в области военного управления и командования строжайшее начало единства организации и строгого централизма.»

Прилагавшиеся к директиве две инструкции – для сухопутных и морских сил порознь – регламентировали до деталей подчинённость и все действия командования армий советских республик, являвшихся согласно тексту документа федерацией. Отныне всё (от мобилизации командного и рядового состава, изъятия лошадей и повозок – до формирования новых войсковых частей, расходование средств, выделяемых на то как РСФСР, так и дружественными республиками) производилось только с ведома и одобрения ВВСР РСФСР.

Самое же главное, то, ради чего и готовили директиву, содержалось в пункте 6-м первой инструкции. «В случае военной необходимости, – гласил он, – направлять все военные силы и средства дружественных советских социалистических республик для выполнения задач и в пункты, кои будут указаны Российским ВВСР».³⁸

Первым, 18 мая, на директиву ЦК РКП откликнулся ВуЦИК. «Вся вооружённая борьба, – гласило постановление высшего органа власти Украины, – с врагами советских республик должна быть объединена во всех существующих советских республиках. Все материальные средства, необходимые для ведения этой борьбы, должны быть сосредоточены вокруг общего для всех республик Центра. Исходя из этого, ЦИК поручает своему Президиуму обратиться к ЦИКах всех советских республик с предложением выработать конкретные формы организации единого органа революционной борьбы».³⁹

31 мая весьма схожее решение принял Совет обороны Литвы и Белоруссии. Он также предложил «установить всем советским республикам тесный военный союз с единым командованием и делением всех объединённых военных сил на армии по оперативным заданиям, а не по национально-государственному принципу».⁴⁰

Между тем, в Москве уже рассчитывали на более значительное по глубине объединение. На то, которое 28 мая и предложило Политбюро своим решением «О военно-экономическом союзе с Украиной»:

«1. Провести через ЦИКи постановление об объединении: а) военных комиссариатов и командования, б) ВСНХ, в) Наркомпу-

ти, г) Наркомзем и Наркомтруд. 2. Утвердить как директиву для ЦК КПУ, что наркомы РСФСР становятся союзными наркомками, а наркомы Украины – их областными /выделено мной – **Ю.Ж.**/ уполномоченными».

К решению прилагалось два проекта директивы. Первый – для ВЦИК:

«1. ВЦИК признаёт необходимым произвести тесное объединение 1) военной организации и военного командования, 2) Советов народного хозяйства, 3) железнодорожного управления и хозяйства, 4) финансов, 5) комиссариатов труда Российской и Украинской ССР с тем, чтобы руководство указанными отраслями народной жизни было сосредоточено в руках единых коллегий.

II. Объединение должно быть проведено путём соглашения с ВуЦИК и СНК Украины.

III. Для осуществления указанных шагов ВЦИК избирает комиссию в составе /фамилии не указаны – **Ю.Ж.**/, которой поручает немедленно вступить в переговоры с соответствующими представителями ВуЦИК и совместно с ними выработать конкретные формы объединения».

Вторая директива предназначалась ЦК РКП: «Указанное объединение должно быть осуществлено в том виде, что соответствующие народные комиссары РСФСР являются и народными комиссарами УССР. В украинском СНК будут заседать их уполномоченные со званием «нарком Украины». Реорганизовать военное управление и комиссариат поручается Реввоенсовету республики».⁴¹

Такое решение разительно отличалось от прежнего, подготовленного Троцким исключительно для себя, в собственных узковедомственных интересах. Явилось развитием не прошедшего 4 мая предложения Ленина и Сталина – ведь теперь предполагалось объединить уже не два, а шесть Наркоматов, что фактически означало полное слияние РСФСР с УССР. Следовательно, Политбюро, наконец, осознало губительность игры в «право наций на самоопределение», отказалось от этого лозунга. Поняло, что настало время кардинальных политических перемен, пришла пора создать федерацию советских республик. Правда, такое убеждение в немалой степени основывалось на скороспелом, слишком оптимистичном, противоречащем реальным фактам мнении члена Политбюро и Президиума ВЦИК Л.Б.Каменева. Мнению, изложенном им в интервью газете «Правда» после поездки на Украину и в Крым.

«Вообще надо слить Украину с Россией, – утверждал Лев Борисович. – Надо немедленно приступить к объединению основ-

ных отраслей управления и хозяйства. Этот вопрос о полном влиянии уже поставлен, и уже приняты меры к практическому разрешению его... Мы на месте убедились, что среди украинских крестьян и рабочих совершенно нет никакого сепаратизма. Крестьяне и рабочие чувствуют и осознают, что Россия и Украина – одно, единое, целое... И это сознание единства России и Украины – залог того, что мы успешно разрешили задачу «слияния». Крым, как и Украина, должен войти в состав единой Советской России.⁴²

Говоря о настроениях украинских крестьян, Каменев забыл упомянуть о «мелочи». О том, что ещё немало этих самых крестьян сражаются против Советской власти в рядах петлюровских дивизий. Что Украинская Советская армия не только остаётся, по сути, партизанскими отрядами, не желающими иметь над собой никого. Что 7 мая Н.А.Григорьев (бывший петлюровский атаман), после перехода на сторону Советской власти прославившийся взятием Херсона, Николаева, Одессы, и потому назначенный командиром 6-й Украинской советской дивизии, поднял мятеж. Взял города Елисаветград (ныне Кировоград), Знаменку, Александрию, подошёл к Екатеринославу (ныне Днепропетровск). Сделал всё возможное, чтобы вынудить Политбюро принять 28 мая особое постановление. Не столь радужное, как высказывания Каменева:

«Сосредоточить все силы в Донбассе. Снять с Западного фронта всё возможное, сократив до минимума все активные действия на всём Западном фронте. Послать Пятакова /секретаря ЦК Компартии Украины – **Ю.Ж.**/ и Бубнова /наркома по военным делам УССР – **Ю.Ж.**/ в Харьков, Екатеринослав для поголовнейшей, энергичнейшей мобилизации рабочих для Южного фронта под личную ответственность. Ворошилову /наркому внутренних дел УССР – **Ю.Ж.**/ после подавления Григорьевщины отправиться в Донецкую губернию». ⁴³

Мятеж Григорьева с величайшим трудом удалось подавить только в июле. А 29 мая, то есть всего через пять дней после появления интервью Каменева, мятеж поднял и ещё один вождь украинских крестьян – командир 7-й дивизии УССР Н.И.Махно. Объявил себя командующим «Революционно-повстанческой армии» и захватил города Гуляй-Поле, Бердянск, Никополь, Мелитополь, Екатеринослав. Оттеснив советские силы из Северной Таврии, способствовал тем успешному наступлению Деникина.

И всё же, несмотря на чудовищно ошибочную оценку и положения на Украине в целом, и настроения украинского крестьянства, именно Каменеву поручили внести на рассмотрение сес-

сии ВЦИК проект декрета «Об объединении вооружённых сил советских республик России, Украины, Латвии и Белоруссии с Литвой». Похоже, повторялась странная, загадочная история, произошедшая 16 января 1919 года.

В тот день ЦК на своём пленарном заседании принял четыре решения. Три – связанных с попыткой уже тогда объединить все советские республики. Пятое же почему-то было приписано Свердловым на полях машинописного экземпляра от руки: «Создать Организационное бюро ЦК из трёх членов ЦК – Крестинского, Владимирского и Свердлова. Состав этот утвердить до возвращения тт. Сталина и Дзержинского».⁴⁴

Действительно, Сталин и Дзержинский тогда в Москве отсутствовали. Их ещё 1 января ЦК и Совет обороны направил в Вятку как партийно-следственную комиссию для выяснения причин сдачи колчаковцам Перми («Пермская катастрофа») и принятия мер к восстановлению партийной и советской работы в районе дислокации 2-й и 3-й армий Восточного фронта.

Вернулись Сталин и Дзержинский в Москву только 31 января. Но не их отсутствие в столице помешало создать Оргбюро из трёх человек. Образовать его ЦК при всём желании никак не мог, ибо право на то имел лишь съезд партии, что и произошло, но уже после скоропостижной смерти Свердлова, 25 марта как постановление Восьмого съезда РКП. Правда, тогда Оргбюро создали в более широком составе. Ввели в него председателя Вятского губревкома А.Г.Белобородова, наркома финансов и секретаря ЦК Н.Е.Крестинского, члена Президиума и секретаря ВЦИК, одновременно начальника Политического управления РВСР Л.П.Серебрякова, И.В.Сталина и ответственного секретаря ЦК Е.Д.Стасову.

И вот, снова, после того как 17 мая ЦК и Совет обороны направили Сталина в Петроград, на помощь Зиновьеву для организации обороны города (вернулся он в Москву только 25 сентября), его – члена Политбюро, Президиума ВЦИК, Совета обороны, наркома по делам национальностей – без каких-либо объяснений отрешили от того, чему он отдал два года политической жизни. Конечно же, Сталину ничего не стоило приехать в столицу без ущерба для обороны Петрограда и 28 мая – на заседание Политбюро, и 1 июня – на сессию ВЦИК. Но нет, его не пригласили. Кто-то решил, что лучше всего заменить его Каменевым.

Может быть, Каменев имел собственный, оригинальный взгляд на процесс объединения, обладал большими, нежели Сталин, доводами в его пользу? Отнюдь. Выступая с докладом, Лев Борисович всего лишь повторил, разбавляя традиционной

риторикой, филиппиками в адрес Антанты, Вильсона, Ллойд Джорджа, Клемансо всё то, о чём писал Сталин 7 апреля, Ленин и Сталин – 4 мая, что содержалось в решении от 28 мая.

«Быть может, – добавил Каменев от себя, – вопрос об объединении форм государственного федеративного устройства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики требовал большего срока и более детального обсуждения, быть может, мы сочли бы полезным отложить этот вопрос до того момента, когда наша хозяйственная и экономическая жизнь примет более равномерный и планомерный характер, чтобы на свободе, учитывая все обстоятельства времени и места, найти ту форму добровольного и братского союза трудящихся, к которому неизбежно идут все народы, населяющие территорию бывшей России».

«Но мы, – продолжал Каменев, – принуждены делать теперь это в спешном порядке, мы принуждены встать на путь объединения не потому, чтобы мы считали, что момент этот вполне уже подготовлен предварительными нашими работами, а потому, что к этому принуждают нас военные обстоятельства. Все те советские социалистические республики, которые созданы были на территории России, неоднократно и громогласно заявляли о своём желании прекратить навязанную им войну и вступить в мирные переговоры с теми, кто им эту войну навязал... Вы знаете, что после недолгих колебаний эти предложения фактически были отвергнуты.

Нам надо защитить границы тех стран, в которых признана власть рабочих и крестьян, и мы не имеем права уступить ни одной пяди земли, на которой где-либо взвился красный флаг социалистической революции. Эта задача требует материального и вооруженного объединения. Эта задача сознаётся не только нами, но и всеми национальностями, которые живут на территории российского государства...»

Каменев напомнил об Украине, которая сражается против «Феодалных элементов» Румынии, о Литве, Белоруссии и Латвии, «которые на других рубежах защищают интересы и знамя социалистической революции против банд польских помещиков, германских белогвардейцев». И подчеркнул: «Мы заключаем этот военный союз потому, что у нас единый интерес, потому что у нас единый порядок, потому что мы все осознали, что нам вместе жить и, если надо, вместе умереть...»

Победа требует, чтобы все материальные богатства, которые имеются в распоряжении трудовых масс Украины, России, Литвы, Латвии и Белоруссии, подчинялись общему руководству и расхо-

довались по общему плану. В этой борьбе нам придётся поставить на ставку последние наши запасы, всё это должно быть подчинено, всё израсходовано под строжайшим контролем центра...

Резко оборвав на том обоснование необходимости срочно создать военно-экономическое объединение советских республик, Каменев без каких-либо объяснений перешёл к иным задачам. Весьма далёким от остронасуточных. К тем, которыми вот уже два года занимался иной человек. Сталин.

«Освобождение от белогвардейского ига Колчака и Деникина, – неожиданно сказал Лев Борисович членам ВЦИК, – обширных областей Поволжья, Урала, Сибири, Средней Азии и Туркестана /он почему-то перечислил те регионы, которые только предстояло ещё освободить – **Ю.Ж.**/ и предстоящее освобождение Крыма /на этот раз Каменев забыл, что неделю назад вернулся из Советского Крыма – **Ю.Ж.**/ и Северного Кавказа вводят /хотя следовало сказать «введут» – **Ю.Ж.**/ в состав РСФСР ряд малых национальностей со своеобразной культурой, историей и группировкой классов».

Не очень удачно повторив своими словами определение, которое Сталин давно уже предложил для народов, возможно (но не обязательно) требующих для себя особых территориальных единиц, Каменев изрядно забежал вперёд.

«Установление нормальных отношений, – заметил он, – между РСФСР и входящими в её состав автономными советскими республиками /снова допустив ошибку – тогда имелась лишь одна, да к тому же многонациональная, автономная республика, Туркестанская – **Ю.Ж.**/ и вообще нерусскими национальностями, своевременное удовлетворение их нужд и выработка форм государственных отношений между входящими в РСФСР частями составляет одну из важнейших задач ВЦИК». ⁴⁵

И на том основании предложил одобрить подготовленный им проект декрета, более необходимый создаваемому объединению советских республик, нежели проблематичным интересам тех, кого предстояло освободить от белогвардейцев. Ведь документ буквально повторял всё изложенное в решении Политбюро от 28 мая. Единственной новацией стало лишь упоминание наравне с Украиной, Латвией, Литвой и Белоруссией ещё одного будущего субъекта федерации – Крыма. Советской республики, образованной всего месяцем назад, 5 мая, по решению Политбюро от 23 апреля. ⁴⁶

«...Стоя вполне на почве признания, – провозглашал проект декрета ВВДК, – независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма

и исходя как из резолюции Украинского Центрального Исполнительного Комитета, принятой на заседании 18 мая 1919 года, так и предложения советских правительств Латвии, Литвы и Белоруссии, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов признаёт необходимым провести тесное объединение:

1) военной организации и военного командования, 2) Совета народного хозяйства, 3) железнодорожного управления и хозяйства, 4) финансов и 5) комиссариатов труда советских социалистических республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма – с тем, чтобы руководство указанными отраслями народной жизни было сосредоточено в руках единых коллегий.

Объединение должно быть проведено путём соглашения с Центральными Исполнительными Комитетами и Советами Народных Комиссаров указанных советских республик.

Для осуществления указанных шагов Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет избирает комиссию, которой поручает немедленно вступить в переговоры с представителями соответствующих Центральных Исполнительных Комитетов и совместно с ними выработать конкретные нормы объединения, а впредь до момента выработки окончательного объединения, немедленно создать формы деятельности». ⁴⁷

К последнему вопросу сессия вернулась двумя часами позже, перед самым завершением заседания: «ВЦИК, – констатировало решение уже Президиума ВЦИК, – избирает комиссию в составе Каменева, Крестинского, Курского /нарком юстиции – **Ю.Ж.**/, Троцкого и Красина /нарком путей сообщения – **Ю.Ж.**/, которой поручает немедленно вступить в переговоры с представителями соответствующих Центральных Исполнительных Комитетов и совместно с ними выработать конкретные меры объединения, а впредь до момента окончательного объединения, немедленно создать формы совместной деятельности». ⁴⁸

Таким составом комиссии подчёркивалась главная цель объединения ведомств: председатель РВСР, нарком путей сообщения, для контроля за исполнением – член ЦК и член Президиума ВЦИК, а для правового оформления договора – нарком юстиции. Словом, было, наконец, сделано то, что Сталин предлагал в своей записке ещё 7 апреля. Ну, а то, что в комиссии отсутствовал инициатор долгожданного воссоединения, говорило об очень многом.

Об откровенном, да ещё и вызывающе демонстративном желании некоей группы членов Политбюро не допустить Сталина к решению вопроса создания новой федерации. И не потому, что

его не было в Москве – в столице отсутствовал и Троцкий, в те дни непрерывно курсировавший вдоль линии Южного и Украинского фронтов на своём персональном бронепоезде. Многих явно не устраивала сама возможность того, что Сталин, исходя из резко ухудшившейся военной обстановки, может попытаться не ограничиваться своими двухмесячной давности предложениями. Предложит, и даже сумеет настоять на более радикальном решении. Доказательством в пользу такого предположения служит весомый факт. На сессию ВЦИК прибыли председатели Совнаркомов: УССР – Х.Г.Раковский и Литовско-Белорусской Республики – В.Мицкявичюс. Смогли оставить на несколько дней Минск и Киев, хотя положение на их фронтах складывалось столь же удручающее, как и под Петроградом.

Раковский, без какого-либо пафоса, избегая революционной риторики, прежде всего заявил:

«От имени ЦИК Украины, от имени Совета Народных Комиссаров Украины присоединяюсь к резолюции ЦИК РСФСР. Мы являемся, отчасти, инициаторами этого предложения, и, делая его, мы определённо обдумали и нашли, что оно отвечает не только всей политике рабочего движения до сих пор, но что ещё отвечает и данному вопросу, и данному политическому моменту.

В первую очередь решение объединить учреждения советских республик, **осуществить федерацию советских республик** /выделено мной – **Ю.Ж.**/ является окончательным пунктом той политики, которую пролетариат всех стран начал с сороковых годов /имеется в виду «Манифест Коммунистической партии» – **Ю.Ж.**/, проводя её под лозунгом «пролетарии всех стран, соединяйтесь». Советская власть только производит организованное наступление в международном масштабе... Мы, таким образом, остаёмся верными нашей основной идее».

Затем Раковский привёл ещё одно, более веское основание для создания федерации. Чисто военное: «На востоке у нас движется Колчак, на севере – французы и англичане, затем собираются взять наш Красный Петроград финны и эстонцы под защитой англичан /он имел в виду присутствие британской эскадры в водах Финского залива – **Ю.Ж.**/. Перед такой опасностью мы должны напрячь все силы, мы должны искать средства, чтобы эту опасность отразить.

Если великие государства, проникнутые узко-эгоистическим духом, прониклись одним духом, бросили свои национальные различия, соединились в одну коалицию, прониклись одним духом и стали под защиту единого Главнокомандующего, маршала Фоша, тем более, мы должны это сделать. Таким образом, не-

обходимо создать единый военный союз и соединиться вместе рабочим России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма...»

Не ограничившись тем, всё же перешёл к традиционному почти для всех «левых» прожектёрству: «Не нужно забывать, – сказал Раковский, – что давно говорилось о так называемых Соединённых Штатах Европы... Мы теперь проводим этот лозунг, и мы осуществляем его на деле в данный момент в силу исторических условий». Пояснил же такие условия примером создания Бессарабской Советской Республики – 5 мая провозглашённой в... Одессе, Западно-Украинской Народной Республики – в Киеве всё ещё ожидали торжества в ней Советской власти, Буковины – там, как полагали, вот-вот вспыхнет крестьянское антирумынское восстание.

Практически о том же говорил перед членами ВЦИК и Мицкявичюс: «В настоящий момент, когда создаётся против всех советских республик единый контрреволюционный фронт, само собой разумеется, необходимо перейти от слов к делу. **Необходимо осуществить федерацию социалистических республик, о которой у нас говорилось уже давно** /выделено мной – Ю.Ж./...

Не подлежит сомнению, что при объединении наших сил, это объединение (особенно сейчас, когда все враги социалистической революции объединяются), это объединение особенно необходимо при объединении наших сил, при создании одного революционного фронта, при создании прочного, не только военного, но и экономического и финансового союза...

Пролетарии Литвы и Белоруссии горячо приветствуют то **предложение о создании федерации социалистических республик, которое было сделано** /выделено мной – Ю.Ж./. Они уверены, что к этому федеральному союзу присоединятся не только те республики, которые уже существуют на территории бывшей Российской Империи, но и те, которые до сих пор отделены как будто непреодолимой стеной. Пролетариат Литвы и Белоруссии уверен, что в ближайшем будущем этот федеративный союз свяжет нашу Федеративную Республику с Советской Республикой Венгрией».⁴⁹

Член ЦИК Советской Латвии Гайлис, представлявший на сессии официально свою республику, оказался самым скупым на слова выступавшим. Просто заявил: «Только единый союз всех пролетариев может привести к окончательной победе».⁵⁰

После таких заявлений не стало удивительным, что все члены ВЦИК единогласно поддержали предложение Каменева. Прав-

да, никто не обратил внимания на весьма серьёзные различия в декрете и в том, что ожидали представители УССР и Литовско-Белорусской Республики. Первым предлагалось только объединить пять ведомств, вторые готовы были на немедленное включение своих независимых государств в состав РСФСР.

Не в том ли крылась причина удаления Сталина в Петроград?

Но, как бы то ни было, даже достигнутое, явно промежуточное, соглашение опоздало. Слишком опоздало. 22 мая советские войска оставили Ригу, а вслед за тем и всё Видземе. Удержались лишь в трёх восточных уездах в Латгалии – Двинском, Режицком и Люценском. Поляки заняли не только Вильну, но и центральную и восточную Литву, западные губернии Белоруссии, подойдя вплотную к Минску. Войска Деникина продвигались к Харькову, Екатеринославу, Крыму.

Ни о военном союзе пяти советских республик, ни о включении четырёх из них в состав РСФСР не приходилось и помышлять.

Во всяком случае, до разгрома Колчака, Деникина, Пилсудского. И всё же был один человек, который от первоиюньского декрета ВЦИК выиграл. Троцкий. Он, как Председатель РВСР, получил в своё полное подчинение – чего он давно добивался – вооружённые силы всех советских республик. 1-ю и 3-ю Украинские армии преобразовали в 12-ю, 2-ю Украинскую – в 14-ю, армию Советской Латвии – в 15-ю, а Литовско-Белорусскую – в 16-ю. Кроме того, Украинский фронт организационно влили в состав Южного. На том задуманное широкое объединение, как не только военное, но и экономическое, завершилось.

3. Второй Брест: отказ от Прибалтики

Результаты военных операций весны – лета 1919 года более всего напоминали раскачивающиеся качели. Попеременно приносили успех то одной, то другой стороне. Повсюду.

К 8 июля части 7-й армии, оборонявшей Петроград, в результате удачного десанта в Видлице и Тулоксе – небольших городах на юго-восточном берегу Ладожского озера – удалось полностью ликвидировать вражеский, стратегически важный плацдарм между Ладожским и Онежским озёрами. Два месяца удерживаемый Олонецкой добровольческой армией. Той самой, которую Чичерин в ноте-радиограмме, направленной в Гельсингфорс ещё 9 мая, назвал, отбросив дипломатическую вежливость, «русско-финской белогвардейской бандой», имеющей

в своём составе «части регулярных финских войск».⁵¹

Затем, подавив 16 июня мятеж на фортах «Серая лошадь» и «Красная горка», части той же 7-й армии перешли в наступление и к западу от Петрограда. За два месяца упорных боёв отбросили Северный корпус генерал-майора А.П.Родзянко, сменившего на посту командующего полковника Дзерожинского. Враг, сумевший в мае (правда, при поддержке 1-й дивизии Эстонии и под прикрытием кораблей британской эскадры адмирала У.Коуэна) прорваться к Луге, Ропше и Гатчине, вновь оказался на исходной позиции, в Нарве. А несколько позже удар был нанесён и по «партизанскому отряду» штаб-ротмистра, неведь каким образом ставшего генерал-майором, С.Н.Булак-Балаховича. Захватившего в ходе боёв с 15 по 28 мая Гдов, Ямбург, Псков, но изгнанного 5 августа из Ямбурга, а 28 – из Пскова.

В те же самые летние дни, 21 июня, начали долго готовившееся наступление и части Восточного фронта. Отбросили, наконец, Сибирскую и Западную армии Колчака за Урал. 1 июля взяли Пермь, 4 – Красноуфимск, 13 – Златоуст, 15 – Екатеринбург, 22 – Ирбит, 24 – Челябинск. Не остановились, развили успех. Уже 4 августа освободили Троицк, 16 – Курган, 19 – Кустанай, благодаря чему восстановили прямой контакт с Туркестанским фронтом.

Менее удачным для Красной Армии оказалось положение на большей части Западного фронта, к югу от Пскова. Сосредоточив чуть ли не все силы для защиты Петрограда, всё лето РВСР и командование вынуждены было только наблюдать за развитием ситуации в Латвии. Наблюдать, хотя стратегическое положение 15-й армии – она прочно закрепилась в Латгалии – при наличии нескольких полков полного состава позволяло изменить будущее советского правительства.

Продолжившие в первых числах июня наступление Железная дивизия (командующий – майор фон Клейст), немецко-русский ландсвер (командующий – майор Флетчер) и резервный корпус генерала Гольца, после захвата Риги вышли на рубеж Венден (Цесис) – Вольмар (Валмиера) – Мариенбург (Алуксне). Господствовали, помимо Курляндии, в трёх уездах Видземе – Рижском, Вольмарском, Венденском – из четырёх. И готовились к решительному удару по Валку (Валке) и далее – на Ревель.

Командующему Эстонской армией генерал-майору И. Лайдонеру пришлось срочно перебросить на юг свою 1-ю дивизию для подкрепления уже находившейся там 2-й дивизии, да ещё усилить их Латышской бригадой полковника Я.Балодиса, на время войны ставшей «3-й эстонской дивизией», и всё же 6 июня в

сражении при Вендене Лайдонер потерпел поражение. Режим Пятса вынужден был обратиться к Совету Четырёх за срочной помощью. Спекулятивно пояснил, что действия немцев мешают его походу на Петроград для разгрома большевиков.⁵²

Париж не захотел помогать Ревелю, и Лайдонеру пришлось, с согласия военного министра О.Штрэндмана, заключить 10 июня с Гольцем весьма невыгодное перемирие, предусматривавшее полный вывод эстонских войск за пределы Латвии. Однако с выполнением этого требования Лайдонер не стал спешить. Всячески оттягивал эвакуацию, и не прогадал.

28 июня в Версале германская делегация после долгих проволочек и даже попыток отказаться всё же подписала унижительные для её страны условия мира. Теперь немецкие войска в Прибалтике оказались Антанте ненужными, и её официальный представитель французский полковник дю Парк принудил Гольца утром 3 июля начать вывод его частей в Восточную Пруссию.

Подписание Версальского мирного договора не только спасло режимы Пятса и Ульманиса, прекратив Немецко-латвийско-эстонскую войну. Изрядно облегчило оно и положение Пилсудского, до того вынужденного держать главные свои силы на западе, на случай открытого конфликта с Германией. Теперь же, получив от победителей часть Верхней Силезии, часть Познанщины, и даже выход к морю у Данцига, он мог повернуть свои дивизии снова на восток. Ради окончательного утверждения в Виленщине, Белоруссии, Восточной Галиции. Ведь восточные границы Польши, согласно статье 87 того же Версальского мирного договора, только предполагалось установить. Впоследствии – «главными союзными и объединившимися державами».⁵³

Пилсудский, уверенный в том, что не встретит возражений со стороны Антанты, поспешил завершить создание Польши в границах 1771 года, до её разделов.

Дерзко отказался принять предложенную французским маршалом Ф.Фошем демаркационную линию, призванную положить конец противостоянию Варшавы и Каунаса. Оставлявшую за Литвой большую часть Сувалкской губернии, но лишавшую её Виленщины (граница должна была пройти в пяти километрах к западу от железной дороги Гродно – Вильна – Двинск). Правительство Сметоны, ещё не располагавшее вооружёнными силами – собственную армию в три дивизии ему удастся создать только к лету 1920 года, – да ещё теснимое с севера Особым корпусом (в июне переименованном в Западную армию) П.Р.Бермонт-Авалова, сподвижника генерала Гольца, вынужде-

но было смириться с произошедшим. С потерей чуть ли не половины территории Литвы.

Столь же решительно действовали и польские дивизии Северо-Восточного фронта, возглавляемого генералом С.Шептицким. Встречая слабое сопротивление 15-й и 16-й советских армий, которым следовало называться если не полками, то хотя бы бригадами, 4 июля они захватили Молодечно, 8 августа – Минск, 10 – Слуцк, 18 – Борисов и 28 – Бобруйск. Остановились на Березине, завершив оккупацию Белоруссии.

В Восточной Галиции польские 2-я, 3-я и 6-я армии возобновили наступление 28 июня, а уже 2 июля вошли в Тарнополь. Вынудили тем и Директорию, и правительство УНР поспешно эвакуироваться в Каменец-Подольский, а 16 июля вывести последние подразделения УГА за Збруч. Теснимые с востока Красной Армией, представители Директории далеко не по своей воле подписали 20 июля во Львове с командующим войсками польского Юго-Восточного фронта генералом Развадовским соглашение о приостановке боевых действий. Заодно установившее временную границу по реке Збруч (оказалось – до сентября 1939 года).

Теперь, даже если какой-либо из четырёх дивизий 12-й советской армии, рассредоточенных от Одессы до Луцка, и удалось бы форсировать Днестр, то вскоре встретили бы её не плохо вооружённые, измотанные непрерывными поражениями и отступлениями петлюровцы, а сильные, дисциплинированные польские дивизии. Потому-то о прежних планах, так лелеяемых в Москве – пробиться к Карпатам и соединиться с Советской Венгрией – пришлось забыть. Тем более, что та доживала последние недели.

К контрреволюции внешней (чешским, румынским, сербохорватским войскам) присоединилась и внутренняя контрреволюция. На Будапешт начали поход отряды бывшего контр-адмирала Австро-Венгерского флота Хорти, ставшего военным министром Национального правительства, поспешно образованного в оккупированном Французами Сегеде.

Советская власть в Венгрии пала 1 августа 1919 года.

...Главнокомандующий Вооружёнными силами Юга России генерал-лейтенант А.И.Деникин как блестящий штабной работник и талантливый стратег не мог не воспользоваться столь благоприятно сложившейся для него ситуацией. Опираясь (как на основной плацдарм) на Северный Кавказ, бросил три свои армии – Добровольческую, Донскую и Кавказскую – в решительное наступление.

Кавказская армия генерал-майора П.Н.Врангеля после долгих, тяжёлых и изнурительных боёв 18 июня овладела Царицыным. А через два дня Деникин, прибыв в этот город, отдал приказ: генералу Врангелю выйти на линию Саратов – Ртищево – Балашов и продолжить наступление на Пензу, Арзамас, Нижний Новгород, Владимир, Москву; генералу Май-Маевскому (Добровольческая армия) – наступать на Курск, Орёл, Тулу, Москву.

Тогда же бригада генерал-майора Я.А.Слащёва, высадившись 18 июня в Коктебеле, не только быстро сломила сопротивление Крымской советской армии П.В.Дыбенко, но и за несколько дней захватив весь полуостров, выдвинулась в Северную Таврию, обеспечив себе свободу дальнейшего манёвра.

Исполняя приказ Главкома, Добровольческая армия генерал-лейтенанта В.З.Май-Маевского начала прежде всего наступление на север. Уже 24 июня вошла в Харьков, а 28 – в Екатеринослав. На юго-западном направлении легко смела отряды Махно и быстро прошла Новороссию. 13 августа взяла Херсон, 18 – Николаев, 23 – Одессу. А всего через неделю, 30 августа, дивизия генерал-майора Н.Э.Бредова маршировала по улицам Киева.

Не бездействовала и Донская армия. 10 августа начался рейд входившего в её состав конного корпуса генерал-лейтенанта К.К.Мамонтова. Выйдя из станицы Урюпинской, 18 августа он захватил Тамбов, 22 – Козлов. Но затем внезапно, так и не выполнив приказ Главкома, повернул назад и вернулся через Лебедянь и Елец на Дон.

В Реввоенсовете республики осознали страшную угрозу деникинского наступления ещё во второй половине июля. Поняли, что перебросить на юг какие-либо части с Восточного фронта нельзя, но нельзя и ослаблять оборону Петрограда. Только поэтому пошли на отчаянный шаг. Решили сделать всё возможное, дабы максимально ослабить силы Родзянко. 21 июля Э.М.Склянский направил телеграмму членам РВС Западного фронта и его командующему В.М.Гиттису. Более напоминавшую заявление наркоминдела, нежели боевой приказ:

«Буржуазные правительства Финляндии и Эстляндии распространяют слухи о том, что Красная Армия собирается вторгнуться в пределы Финляндии и Эстляндии. Эти заявления буржуазных правительств представляют из себя сплошной вымысел. Ни одна часть Красной Армии не перешла и не собирается переходить границы Финляндии и Эстляндии. Между тем белогвардейские банды Финляндии и Эстляндии, перейдя границы Советской России, ведут войну на её территории, беспощадно истребляя местное население и всюду неся смерть и разрушение.

Реввоенсовет республики предписывает Вам изгнать все белогвардейские банды, которые проникли из Финляндии и Эстляндии в пределы Советской России. В то же время Вам надлежит по-прежнему неуклонно поддерживать принятые Вами меры к тому, чтобы ни одна из вверенных Вам частей не переходила границ Финляндии и Эстляндии». ⁵⁴

Стремление РВСР свести к минимуму если не собственно угрозу Петрограду, то хотя бы возможные действия 1-й эстонской дивизии, переброшенной из-под Риги снова в район Нарвы, или (что было бы гораздо лучше) нейтрализовать её, понять адресатам телеграммы было легко. Вызвать же недоумение, непонимание должно было иное. Прежде всего, требование изгнать противника. Ведь это было сделано, и совсем недавно, о чём Склянский не мог не знать. А во-вторых, никто не знал, где же проходит граница с Эстонией. Ведь Москва ещё не признала, и пока не собиралась признавать Ревельское правительство и, следовательно, независимость соседней республики.

Единственное, что могли сделать Гиттис и командарм-7, бывший полковник царской армии М.С.Матиясевич – посчитать условной границей линию обороны, занятую эстонскими войсками. Линию, протянувшуюся от деревни Пейпикя, расположенной неподалёку от берега Копорского залива, до западных окраин Ямбурга. Так им и пришлось поступить.

Воспользовался затишьем на северном участке Западного фронта и Чичерин. В ноте правительству Эстонии, направленной месяц спустя, 31 августа, указал: «Несмотря на то, что Ревельское правительство под давлением держав Согласия... до сих пор ведёт военные операции против Российской Социалистической Федеративной Советской Республики вместе с белогвардейцами в пределах Петроградской и Псковской губерний /нарком имел в виду продолжавшуюся оккупацию силами эстонцев Иван-города, а Булак-Балаховича – Гдовского уезда – **Ю.Ж.**/, Русское Советское Правительство, взявшее обратно Ямбург, а затем Псков, обращается к нему с предложением вступить в мирные переговоры, которые имели бы целью установить границы Эстляндского государства, пределы нейтральной зоны между русскими и эстляндскими войсками,... а также другие детальные вопросы на базисе неуклонного признания независимости Эстляндского государства». ⁵⁵

О большем в Ревеле и мечтать не могли. Москва открыто, официально заявила о готовности признать независимость республики, которую только что (и с огромным трудом) удалось отстоять от генерала Гольца. Ну, а не самое лучшее положение

на фронтах РСФСР позволяло выторговать ту границу, которая устроила бы, прежде всего, Ревель.

Как ни странно, но нота Чичерина, выражавшая, судя по всему, позицию Ленина и Троцкого, оказалась прямым ответом на меморандум Д. Керзона, министра иностранных дел Великобритании от 16 августа. Напомнившим участникам Парижской мирной конференции о том, что Колчак так до сих пор и не выполнил требования, изложенные Советом Четырёх в ноте от 26 мая. В том числе, не признал независимость государств, возникших на территории бывшей Российской Империи. Потому-то Керзону и пришлось напомнить союзникам:

«На Западном русском фронте Польша, прибалтийские государства – Литва, Латвия и Эстония – ведут военные действия против Советского правительства. Поскольку дело касается прибалтийских государств, их сопротивление находится в зависимости, главным образом, от размеров материальной помощи, которую они надеются получить, а также от той политики, которой союзники желают следовать по отношению к их национальным стремлениям.

С политической точки зрения создавшееся сейчас положение в высшей степени неудовлетворительно. Правительство Его Величества признало де факто Временные правительства Эстонии и Латвии в Ревеле и Либаве, а представители союзников в Париже постановили в пятом условии, связанном с признанием ими Колчака, что «в том случае, если взаимоотношения между Эстонией, Латвией, Литвой, кавказскими и закаспийскими территориями и Россией не будут в непродолжительный срок налажены путём добровольного соглашения, то вопрос об их положении будет разрешён с привлечением и в сотрудничестве с Лигой Наций. До тех пор, пока оно не войдёт в силу, правительство России должно дать согласие на признание этих территорий автономными и подтвердить те взаимоотношения, какие существуют в настоящее время между их правительствами де факто и державами союзной коалиции».

Однако никаких дальнейших шагов к тому, чтобы обеспечить содействие прибалтийских государств, в той политике, которую выработали союзные державы, сделано не было, и ничего не было сообщено представителям этих держав в Париже, несмотря на их многократные просьбы о том, чтобы их информировали о намерениях союзных правительств. В результате возникло серьёзное недовольство, как в Латвии, так и в Эстонии, Литве».⁵⁶

Фактическое признание Чичериным требований, на которых настаивала Антанта, неизбежно привело к серьёзным, хотя и

предельно скрытным разногласиям в советском руководстве. Троцкий, дважды выступавший в те дни (27 августа – в Моссовете, 1 сентября – в Петросовете), преднамеренно говорил о положении лишь на основных фронтах, Восточном и Южном, всячески убеждая слушателей, что никаких особых трудностей у Красной Армии нет, и что победа не за горами.

Тем не менее, в Петрограде, явно не без подсказки Зиновьева, не только главы Коминтерна, но и областной партийной организации, по докладу Троцкого приняли резолюцию, шедшую вразрез с тем, о чём говорил Председатель РВСР.

«Петербургский Совет, – неожиданно констатировала она, одобряет предложение мира, сделанное Советом Народных Комиссаров нынешнему правительству Эстляндии. Петербургский Совет уверен, что Совет Народных Комиссаров не отказался бы от мирных переговоров даже с существующим правительством Финляндии. Вместе с тем, Петербургский Совет заявляет:

Больше, чем когда бы то ни было, мы готовы защищать наш Красный Петербург. Если эстляндские и финляндские буржуа, следуя натравливанию англо-французских империалистов, пойдут на Петербург, мы ответим им контрнаступлением против Ревеля и Гельсингфорса, и, соединившись с эстляндскими и финскими рабочими, **мы не остановимся до тех пор, пока не уничтожим и не истребим всю финляндскую и эстляндскую буржуазию**». ⁵⁷

Ответ Троцкого последовал незамедлительно. Уже 3 сентября «Правда» опубликовала его статью «Финляндия и тринадцать других», посвященную политике, необходимой по отношению к северной соседке – как потенциальной участнице «похода четырнадцати держав» против РСФСР.

«Вопрос о Финляндии», – указывал Троцкий, – становится сейчас принципиальным. Расслабленная в военном отношении Антанта хочет грызть и терзать тело Советской России зубами мелких наёмных собак. Открытое вступление в их свору Финляндии подняло бы до некоторой степени дух наших врагов и затянуло бы развязку. Вот почему Советская Россия не может дольше позволить буржуазной Финляндии играть с идеей наступления на Петроград.

Мы ведём слишком большую игру мирового масштаба, чтобы у нас могло быть какое бы то ни было желание откликаться на мелкую провокацию. Поэтому повторяю: **если Финляндия останется в границах благопристойности, ни один красный солдат не перешагнёт через её порог. Это решено твёрдо и нерушимо.**»

Напомнив тем содержание июльской телеграммы своего заместителя Склянского, Троцкий, чтобы не потерять ореол беспорочного большевика, живущего ради одного – победы пролетарской революции в мировом масштабе – вынужден был прибегнуть к обычной для таких людей риторике. **«Попытка финляндской буржуазной черни, – выпрenne заварил он читателей, – нанести удар по Петрограду вызовет с нашей стороны истребительный крестовый поход против финляндской буржуазии».** Но сочтя и такое пояснение недостаточным, прибега, как посчитал, к самому весомому аргументу. Попытался запугать цивилизованную европейскую страну нашествием «азиатской орды». «В числе тех дивизий, – писал Троцкий, завершая статью, – какие мы теперь перебрасываем на Петроградский фронт, башкирская конница займёт не последнее место, и в случае покушения буржуазных финнов на Петроград красные башкиры выступят под лозунгом **«На Гельсингфорс!»**».⁵⁸

И всё же последнее слово осталось за еретиком Зиновьевым. В тот же день он направил правительству Эстонии радиотелеграмму, которая вполне могла не только полностью дезавуировать предложение Чичерина, но и резко обострить и без того напряжённые отношения между Ревелем и Москвой. Повод же для прямой угрозы председатель Исполкома Коминтерна избрал самый подходящий для своего поста, – разгон полицией Всеэстонского съезда профсоюзов, высылку в Советскую Россию 76 его участников и захват ещё 26 как заложников.

«Нам сообщают, – уведомил Зиновьев Ревельское правительство, – что в ответ на разгон съезда, который произведён руками меньшевика, эстонского министра внутренних дел Геллата, эстонские рабочие готовят всеобщую забастовку. Мы горячо желаем успеха этой забастовке, мы шлём горячий привет эстонским рабочим и сознательным солдатам. Мы уверены, что **близок момент, когда Эстония, вопреки натравливаниям английских империалистов и предательствам эстонских меньшевиков, станет Советской Республикой и сольётся в братском союзе с РСФСР,** /выделено мной – Ю.Ж./».⁵⁹

Но ни в Гельсингфорсе, ни в Ревеле почему-то не обратили ни малейшего внимания на столь недвусмысленные угрозы. Видимо, сочли официальное предложение Чичерина более значимым. А потому 4 сентября последовал столь ожидаемый в Москве ответ Ревеля. Если в настоящее время, – отмечалось в нём, – Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика готова прекратить ею же начатую без всякого пово-

да войну /так эстонский МИД лицемерно назвал участие эстонской дивизии в недавнем походе на Петроград – **Ю.Ж.**/, то и у правительства Республики не может быть никаких препятствий вступить в переговоры по сему предмету». ⁶⁰

Добившись, как им показалось, своего, Ленин и Троцкий поспешили вынести такое, более чем двусмысленное, предложение на обсуждение Политбюро. Ещё бы, взять только на себя ответственность за обещанное Ревелю, а также, как очень скоро выяснилось, за намерение распространить то же предложение ещё и на Финляндию, Латвию и Литву (что становилось «вторым Брестом»), никто из них персонально не мог. Ведь речь шла о добровольном отказе от части территории страны только из-за угрожающего положения лишь на одном из фронтов, на Южном. Да ещё о предательстве всё ещё существовавших, хотя и чисто формально, двух братских советских республик.

6 сентября Политбюро рассмотрело вопрос, формально внесённый – по должности – Чичериным. Приняло решение: «Ввиду согласия Эстляндии начать мирные переговоры 10 сентября, назначить мирную делегацию в составе Литвинова, Воровского /члены коллегии НКВД – **Ю.Ж.**/ и Боголепова /замнаркома финансов – Ю. Ж./. Поручить т.Литвинову переговорить с т.Воровским, а т.Крестинскому запросить т.Сталина о месте перехода через фронт мирной делегации». ⁶¹

Здесь весьма примечательна концовка. Ведь указать место перехода более компетентно мог скорее начальник штаба 7-й армии, нежели член Политбюро и Оргбюро ЦК РКП. Следовательно, Сталину лишний раз напомнили о его новом, истинном положении в структурах власти. Что он с 15 мая оказался всего лишь одним из трёх членов РВС одного из пяти фронтов республики, то есть, в конечном счёте, в подчинении у Троцкого. И явно далеко не случайно был выпровожден из Москвы. Больше не имел возможности не только постоянно участвовать в работе Политбюро, не даже руководить теми Наркоматами (по делам национальностей и государственного контроля), которые он теперь возглавлял чисто номинально.

В тот же день Политбюро утвердило ещё одно, более значимое по своим возможным последствиям, решение: «Создать 11 сентября совещание Политбюро с представителями ЦК компартий Эстляндии, Латвии, Финляндии, Литвы и Белоруссии для обсуждения вопроса об одновременном предложении мира правительствам этих стран. Поручить т.Крестинскому вызвать т.Сталина на это заседание». ⁶² Вот теперь и потребовался Ста-

лин – только для того, скорее всего, чтобы разделить с инициаторами предложения ответственность за «Второй Брест».

Внезапное, ничем не мотивированное, не объясняемое расширение круга стран, с которыми Советская Россия намеревалась заключить мир и, следовательно, признать их де-юре, да ещё и установить государственные границы, не могло означать ничего иного, как попытку круто изменить внешнюю политику. Вроде бы навязанную внезапным катастрофическим положением на Южном фронте (4 сентября Красная Армия оставила Севск, а 7 – Орёл), но более всего – вполне реальной угрозой нового наступления на Петроград. Согласованного, в отличие от первого, командующими Северо-Западной (генерал Родзянко), эстонской (генерал Лайдонер) и финской (генерал Маннергейм) армий.

К такому выводу заставляла прийти полученная Чичериным ещё 24 июля секретная информация о поездке генерал-лейтенанта В.В.Марушевского, направленного диктатором Северной области (губернии Архангельская, Вологодская, северная и восточная части Олонецкой), генерал-лейтенантом Е.К.Миллером в Гельсингфорс.

«В половине июня, – уведомляли Главу советского внешнеполитического ведомства, – Миллер командировал в Финляндию генерала Марушевского, участвовавшего в переговорах, приведших к принципиальному соглашению между Маннергеймом и Юденичем, по которому Маннергейм предполагает в десятидневный срок мобилизовать семь дивизий численностью до ста тысяч для занятия Петрограда. В качестве компенсации за оказанную помощь Маннергейм стимулирует полное признание независимости Финляндии, уступку порта в Печенгской губе с необходимой полосой для постройки железной дороги, рассмотрение впоследствии Особой конференцией вопроса самоопределения некоторых карельских волостей. Миллер советует Колчаку принять эти условия».⁶³

Данная разведывательная информация содержала всего три, но зато весьма серьёзных искажения. Официальное предписание Миллера запрещало Марушевскому «входить... в переговоры о признании независимости Финляндии, ибо это дело будущего Всероссийского правительства». Соответственно, автоматически отпадал и вопрос возможного расширения территории Финляндии за счёт русских земель. Во-вторых, в общем верно изложенный проект соглашения являлся лишь инициативой одного Маннергейма и только рассматривался Юденичем, но так и не был им одобрен. Наконец, никаких рекомендаций по поводу такого соглашения Миллер адмиралу Колчаку не дал.⁶⁴

Но если своё стремление во что бы то ни стало заключить мир с Финляндией Ленин, Троцкий и Чичерин могли, в случае чего, оправдать тем, что были введены в заблуждение ложной информацией, то никакими разумными доводами они не могли подкрепить настойчивую рекомендацию начать переговоры с Каунасом.

Ведь от Советской России к тому времени Литва была уже прочно отделена отторгнутой у неё польскими legionерами Виленской областью.

Ещё больше недоумения должно было вызвать слишком настойчивое желание Ленина, Каменева и Крестинского (именно они приняли 6 сентября решение о переговорах с Эстонией и созыве 11 сентября совещания) как можно скорее подписать мирный договор с режимом Ульманиса. Он, хотя теперь и обосновался в Риге, но всё-таки контролировал только одну из трёх земель, и составляющих Латвию – Видземе. В Курляндии по-прежнему хозяйничали немецко-русские войска, командование которыми генерал фон дер Гольц уступил П.Р.Бермонт-Авалову, а над Латгалией продолжало реять красное знамя. Поэтому мирные переговоры с Ульманисом вести могла, скорее, Советская Латвия, но никак не РСФСР.

В таких сложных политических условиях установление Москвой дипломатических отношений с буржуазным правительством Ульманиса выглядело демонстративным отказом от идеи мировой революции, от пролетарской солидарности, от лозунгов, провозглашённых Первым конгрессом Коминтерна всего пять месяцев назад. И, ко всему прочему, откровенным соглашательством. Принятием «права наций на самоопределение» не в большевистском его понимании, а в трактовке Вудро Вильсона, в интерпретации Совета Четырёх.

В намеченный день, 11 сентября, совещание всё же состоялось. На него прибыл из Смоленска Сталин, но не было трёх членов и кандидатов в члены Политбюро. Троцкий отбыл на Южный фронт, где после провала августовского контрнаступления Красной Армии царил хаос. Зиновьев не мог покинуть Петроград, готовя город к новой обороне. Калинин находился в агитационной поездке вблизи Юго-Восточного фронта.

Собравшимся предстояло обсудить пять вопросов, являвшихся практически одним. Первый – предложение мира Финляндии – поддержали восемь участников совещания: члены Политбюро Ленин, Каменев, Крестинский и Сталин, члены ЦК Компартии Финляндии Э.Рахья и Кальске, председатель ЦК Компартии Литвы и Белоруссии В.Мицкявичюс; воздержались – председатель ЦК

Компартии Латвии П.Стучка и члены ЦК О.Карклин, Д.Бейка. По второму вопросу – о необходимости начать переговоры с Литвой – «за» проголосовали только члены Политбюро, все же остальные воздержались. По третьему – в поддержку предложения мира правительству Ульманиса – снова высказались лишь четверо членов Политбюро, «против» проголосовали три представителя ЦК Компартии Латвии, а Мицкявичюс, Рахья и Кальске воздержались.

Четвёртый вопрос, наименее принципиальный, мало что значащий – об обращении с мирными предложениями к каждой стране порознь – разногласий не вызвал. Зато пятый, непосредственно с ним связанный – о необходимости приступить к переговорам незамедлительно – привёл к давно назревавшему открытому столкновению.

Бейка от имени всего ЦК Компартии Латвии решительно потребовал перенести обсуждение вопроса о времени фактического признания режима Ульманиса на пленум ЦК РКП. До тех же пор уже принятое решение в исполнение не приводить.

В ответ Ленин попытался объяснить, что столь поспешно, в этот день, собрать пленум невозможно. Потому предложил ограничиться приглашением лишь тех членов и кандидатов в члены ЦК, которые находятся в Москве. Однако предупредил, что даже в случае несогласия большинства расширенного совещания с предложенным им (а потому и перенос обсуждения вопроса на ближайший пленум) решение Политбюро останется в силе и будет исполнено в наикратчайший срок.

После прихода Н.И.Бухарина, А.Г.Белобородова, Ф.Э. Держинского, Е.Д.Стасовой и Л.П.Серебрякова в совещании участвовало всего девять членов и кандидатов в члены ЦК из двадцати семи, однако прения всё же решили открыть. Ленин настойчиво призывал одобрить предложение начать переговоры с Ригой, а его оппонент Карклин столь же категорически высказывался против фактического признания режима Ульманиса. И хотя при очередном голосовании, на этот раз окончательном, Ленина вновь безоговорочно поддержали Каменев, Крестинский, Сталин, а также примкнувшие к ним Белобородов, Бухарин, Держинский, Рахья и Кальске, всё же нашлись и несогласные. «Против» проголосовали Стучка, Бейка, Карклин, а Мицкявичюс, Стасова, Серебряков – воздержались.

Так, роковое решение, в конечном счёте оторвавшее от страны Эстонию, Латвию и Литву на двадцать лет, вступило в силу. Правда, Ленин, всегда охотно разъяснявший необходимость очередного резкого поворота в политике РКП и обосновывавший их, на этот раз от весьма сложной миссии уклонился. Мо-

тивировать решение Политбюро членам латышской Компартии поручили Каменеву (теперь стало несомненным, что именно к нему перешло от Сталина решение национального вопроса), а «международному пролетариату» – Чичерину.

Вместе с тем, была осуждена позиция, занятая перед тем главой Коминтерна. «ЦК, – указало Политбюро 11 сентября, – напоминает т.Зиновьеву о недопустимости обращения отдельных руководителей к иностранным правительствам и просит его воздержаться от каких-либо публичных выступлений, могущих дать правительствам Финляндии, Эстляндии, Латвии и Литвы повод сорвать переговоры».⁶⁵

Узнав о том, Зиновьев сразу же обратился к состоявшемуся 21 сентября пленуму с протестом. Сообщил, что на своё выступление получил разрешение лично от Председателя Совнаркома. Ленин вряд ли мог забыть о том всего за девять дней, разделивших обращение его друга и заседание Политбюро. Скорее всего, именно тогда он и отказался от прежних взглядов на братские отношения с советскими республиками Прибалтики, пришёл к неожиданной мысли начать переговоры с буржуазными режимами не только Ревеля, но и Риги, Каунаса, Гельсингфорса. Потому-то Ленину и пришлось признать свою ошибку, допущенную 11 сентября, хотя и отчасти.

Решение пленума ЦК РКП от 21 сентября гласило: «Подтверждая, что местные Советы /своё обращение Зиновьев подписал как председатель Петросовета – **Ю.Ж.**/ не имеют права самостоятельно сноситься с иностранными правительствами, ЦК констатирует, что в данном случае т.Зиновьев получил разрешение на своё выступление от Председателя Совнаркома, и потому своё постановление в данной части отменяет».⁶⁶

...Получив санкцию Политбюро, Чичерин уже в тот же день, 11 сентября, уведомил Гельсингфорс, Ригу и Каунас о желании Москвы начать мирные переговоры. Предельно идентичные по форме и содержанию подписанные им ноты начинались утверждением об «отсутствии всяких агрессивных намерений» со стороны РСФСР «против вновь образовавшихся государств на окраинах бывшей Российской Империи». И на том основании предлагал «вступить в переговоры по вопросу о прекращении военных действий», а также «выработать условия мирных отношений между обеими /то есть РСФСР и, соответственно, Латвией и Литвой – **Ю.Ж.**/ странами».

Несколько иначе заканчивалась только нота, направленная в Гельсингфорс. Иначе – потому, что Финляндия вот уже более года вела необъявленную войну против Советской России, окку-

пировала часть её территории – несколько волостей Олонецкой губернии, и, как не сомневались в Москве, готовилась двинуть свои дивизии на Петроград. «Дальнейшие же враждебные действия, – указывала нота Чичерина, – между Россией и Финляндией будут по-прежнему лежать на ответственности Финляндского правительства.⁶⁷

И всё же политика «второго Бреста», на которую так уповали Ленин, Троцкий и Чичерин, не оправдала себя.

17 сентября, несмотря на срочную переброску нескольких дивизий с Западного фронта на Южный, Красная Армия вынуждена была оставить Воронеж, 20 – Курск, 30 – Орёл. Дорога для корпусов генерала Май-Маевского – на Тулу и далее на Москву – казалось, была открыта.

А 28 сентября начался второй поход на Петроград. В немалой степени и потому, что мирные предложения Чичерина, одобренные Лениным, Каменевым и Крестинским, почему-то не предусматривали как непереносимое предварительное условие переговоров интернирование белогвардейских частей. В Финляндии – Олонецкой добровольческой армии генерал-майора В.С.Скобеля, Ингерманландских батальонов некоего полковника Г.Эльвенгрена. В Эстонии – Северо-Западной армии генерал-майора А.П.Родзянко. Не потребовала Москва и запрета деятельности Олонецкого правительства, возглавляемого Г.Куттеевым, и Олонецкого комитета, пребывавших в Гельсингфорсе, Правительства Русской Северо-Западной области, образованного 11 августа в Ревеле и возглавленного бывшим бакинским нефтяным магнатом С.Г.Лианозовым и генералом В.К.Юденичем.

Ни мирные увещевания Эстонии и Финляндии, ни угроза Троцкого бросить на Гельсингфорс башкирскую конницу, а Зиновьева – поддержать революцию в Ревеле, не возымели действия. Обе республики понадеялись на военный успех Деникина и Юденича, почему и не стали торопиться с переговорами. Так, Маннергейм, проигравший президентские выборы, но сохранивший пост главнокомандующего, писал 28 октября, в самый разгар боёв под северной столицей:

«Никто из политиков не сомневается, что поражение Советской власти только вопрос времени. Всё европейское общество уверено, что судьба Петрограда находится в руках Финляндии... Если Петроград будет занят без нашей помощи, перед всем миром встанет проблема создания будущих отношений между нашей страной и её северным соседом».⁶⁸

Бывший генерал-лейтенант русской службы не ошибался. В случае победы Юденич и не подумал бы признавать не-

зависимость бывшего Великого Княжества. Уже только потому Маннергейм должен был сделать всё, чтобы опередить Северо-Западную армию, но встретил упорное сопротивление со стороны президента К.Стольберга, категорически возражавшего против войны с Советской Россией. И финской армии пришлось ограничить свои действия лишь прикрытием Ингерманландских батальонов. Те попытались прорваться к Петрограду по Карельскому перешейку и вдоль восточного берега Ладожского озера, но сразу же были разбиты и поспешно отступили в Финляндию.

Правда, Олонецкая добровольческая армия, а вернее – Гельсингфорс, продолжала удерживать центральные районы Карелии – Репольскую и Поросозерскую волости.

Между тем, войска Юденича вместе с 1-й эстонской дивизией оказались как никогда близки к победе. За две недели боёв заняли Ямбург, Ропшу, Гатчину, Лугу, Красное Село, Детское Село, Павловск. Офицеры уже могли видеть в бинокли золотой купол Исаакиевского собора... Но именно в те дни Троцкий, Ленин и Чичерин принялись обсуждать самый злободневный, по их мнению, вопрос: следует ли нарушать несуществующую границу непризнанной Эстонии или нет.

Троцкий – Ленину, 17 октября: «Если отстоим Петроград, на что надеюсь, то получим возможность ликвидировать Юденича целиком. Затруднением явится право убежища Юденича в Эстонии. Нужно, чтобы Эстония оберегала свои границы от его вторжения.

В противном случае мы должны сохранить за собой право вторгнуться в Эстонию по пятам Юденича».⁶⁹

Чичерин – Ленину, 22 октября: «Это резко изменило бы настроение во всех маленьких государствах, с которыми мы ведём или собираемся вести переговоры, и сорвало бы эти соглашения, так как воскресило бы представление о нашем якобы «империализме»... Мы не должны лезть в эту западню».⁷⁰

Ленин – Троцкому, 22 октября: «По-моему, Чичерин прав. Проверено ли, что эстонцы воюют? Нет ли тут обмана? Или не идут ли с Юденичем эстонцы белые только (офицеры), составляющие меньшинство, и ничтожное, среди эстонцев?»⁷¹

23 октября части 7-й армии перешли в контрнаступление, освободили Павловск и Детское Село. 26 октября изгнали противника из Красного Села, 31 – из Луги, 7 ноября – из Гдова, 14 – из Ямбурга и остановились в нескольких километрах к востоку от старой административной границы Эстляндской губернии. Всё же не вошли не только в Нарву, но и в Ивангород.

Остановились, хотя ещё 6 ноября получили иную директиву. В тот день Политбюро, собравшееся в полном составе, что случилось крайне редко – на заседании присутствовали Ленин, Троцкий, Каменев, Сталин, Крестинский – удовлетворили «запрос» Председателя РСФСР:

«а) Для себя признать необходимым перейти границу и дать урок эстонцам, оказывающим помощь Юденичу, б) Штабу 7-й армии дать задание преследовать армию Юденича на территории Эстляндии, так как там он имеет свою базу и туда отступает, в) Предложить т.Чичерину никаких дипломатических нот по этому вопросу эстляндскому правительству не посылать, а после перехода границы немедленно снова предложить мир и издать обращение к эстонскому народу, объясняющее, что переход нами границы вызван той помощью, которую белое эстляндское правительство оказывает Юденичу, и тем, что эстонские полки принимают участие в наступлении и на других участках Западного фронта».⁷²

Однако от столь здоровой позиции уже 14 ноября Политбюро, на этот раз без участия Сталина, решительно отказалось.⁷³ Поступило так лишь потому, что получило информацию, кардинально менявшую военную ситуацию. 11 ноября, опасаясь вторжения Красной Армии, Ревель объявил «нежелательным» присутствие на территории республики как Северо-Западного правительства, так и Северо-Западной армии. Последняя при переходе границы подлежала разоружению и интернированию.

Такое решение Я.Поск, министр иностранных дел Эстонии, счёл величайшей уступкой РСФСР. И, выражая опасение своего правительства, что Красная Армия всё же может пойти и дальше на запад (на Ревель), 27 ноября известил Чичерина о согласии вступить в переговоры с советской делегацией в Юрьеве (Тарту) 2 декабря.

Начались переговоры тремя днями позже, и с явно неприемлемых предварительных условий, выдвинутых эстонской делегацией. Выплатить гражданам Эстонии, получавшим пенсии от царского и Временного правительств, накопившуюся задолженность, да ещё и в золоте. Возвратить промышленные предприятия, оборудование, архивы, библиотеку Юрьевского университета, эвакуированные вглубь России из-за угрозы немецкого наступления летом 1917 года. Но главное – признать границу, предлагаемую Ревелем. Не обоснованную ни исторически, ни этнографически, зато откровенно агрессивную – с военно-стратегических позиций. Позволяющую эстонской армии закрепиться на восточном

берегу реки Нарвы, сохранив тем самым постоянную угрозу Петрограду.

Советская делегация, возглавлявшаяся наркомом торговли и промышленности Л.Б.Красиным, категорически отклонила безосновательные притязания. И только для того, чтобы не срывать переговоры, предложила в Ямбургском уезде границей считать реку Нарву, становившуюся нейтральной, а в Псковском уезде – отодвинуть её от прежней административной максимум на десять-пятнадцать километров к востоку. В свою очередь, эстонская сторона, по настоянию военного министра И.Лайдонера, сообщила, что даже такой вариант её ни в коем случае не устраивает, и предложила прервать переговоры до 15 декабря для консультаций. Видимо, всё ещё надеялась на успех своих вооружённых сил и Северо-Западной армии.

Поск и Лайдонер просчитались. 14 декабря части 7-й армии сломали окончательно сопротивление противника – и 1-й эстонской дивизии, и 1-го корпуса Северо-Западной армии. 16 декабря форсировали Нарву в её среднем течении и продвинулись на несколько десятков километров. Выполнили тем директиву Главкома С.С.Каменева, ещё 21 ноября потребовавшего «не останавливаться перед временным переходом за р. Нарву»,⁷⁴ хотя такое предписание и шло вразрез с решением Политбюро от 14 ноября.

Тем временем в Юрьев прибыла новая по составу советская делегация. Возглавили её А.А.Иоффе, член коллегии НКВД, и И.Э.Гуковский, бывший нарком Финансов. Красин, консультируя их перед отъездом, рекомендовал: после побед 7-й армии «особой нужды в заключении мира с Эстонией мы не имеем, тем не менее, по всестороннем обсуждении вопроса, решено сделать с нашей стороны всё возможное, чтобы мир заключить».⁷⁵

Иоффе воспринял как главное слова Красина «всё возможное» и указания Чичерина (от 18 декабря) идти на любые уступки. Поспешил заявить о согласии Москвы отказаться от части своей территории. Во-первых, от Нарвы, заштатного города Петроградской (Петербургской) губернии с 1704 года, а заодно и от Ивангорода, заложенного Иваном III ещё в 1492 году. А потому и от старой границы, которая должна была теперь пройти по реке Плюссе, до её впадения в Нарву, и далее – к устью реки Луги. Во-вторых, от Изборска и Псково-Печерского монастыря – тех самых крепостей, которые ещё в середине XVI века оберегали рубежи русской земли.⁷⁶ Словом, Иоффе и Гуковский слишком охотно отдали то, что Красин советовал уступить только в случае угрозы падения Петрограда.

На таких основных предварительных условиях 31 декабря и было подписано соглашение о прекращении боевых действий, а

2 февраля – мирный договор. В соответствии с ним РСФСР пришлось пойти на такие уступки, с которыми вряд ли согласилось бы и государство, проигравшее войну.

Советская Россия не просто признала независимость Эстонии (статья 2-я), да ещё и раньше стран Антанты (Великобритания, Франция, Италия сделали то же лишь 21 января 1921 года, а США – и того позднее, 28 июля 1922 года). Пошла на беспрецедентные территориальные уступки (статья 3-я). Отказалась «от передачи или возмещения ей стоимости того общегосударственного имущества российской казны, как движимого, так и недвижимого, в чём бы таковое ни состояло, в том числе, военных и иных сооружений, фортов, портов, всякого рода судов, включая военные корабли, грузов и пр.,... поскольку все поименованные имущества находятся на территории Эстонии в определяемых настоящим трактатом границах её или в прилегающих к оной водах, или находились там ко времени германской оккупации, т.е. к 24 февраля 1918 года, а также от прав на суда, не исключая и военные корабли, которые прибыли туда во время германской оккупации или, наконец, были захвачены во время последующей войны между Россией и Эстонией военными силами Эстонии или другими, и были переданы Эстонии /всего 22 судна – **Ю.Ж.**/». (Статья 11-я).

Согласно статье 12-й РСФСР проявляла ещё большую щедрость: «Россия выдаёт Эстонии пятнадцать миллионов рублей золотом... Эстония не несёт никакой ответственности по долговым и всякого рода иным обязательствам России... Правительство России возвращает в Эстонию для передачи по принадлежности... всякого рода ценности, за исключением золота, и драгоценных камней, ценные бумаги и имущественные документы...».

И всё это ради того, что излагала (основная для Москвы) статья 7-я: «Обе договаривающиеся стороны обязуются

1. Воспретить пребывание на своей территории каких-либо войск, кроме войск правительственных или войск дружественных государств, с которыми одной из договаривающихся сторон заключена военная конвенция, но которые не находятся в фактическом состоянии войны с другой договаривающейся стороной...

2. Разоружить не бывшие подчинёнными правительствам договаривающихся сторон до 1 октября 1919 года сухопутные части и морские силы, находящиеся на их территории...

5. Не допускать образования и пребывания на своей территории каких бы то ни было организаций и групп, претендующих на

роль правительства всей территории другой договаривающейся стороны или части её, а равно представительств и должностных лиц, организаций и групп, имеющих своей целью низвержение правительства другой договаривающейся стороны».⁷⁷

Словом, Иоффе и Гуковский пошли на уступки ради того, чего можно было бы добиться куда проще – всего лишь разрешить 7-й армии уничтожить силы Юденича в пределах Эстонии. Мало того, «прорыв» дипломатии Чичерина создал опасный прецедент. Ничем не оправдываемым потаканием начали оформляться новые отношения РСФСР с обретавшими независимость окраинами, которые всего лишь шесть месяцев перед тем являлись братскими советскими республиками, после заключения 1 июня военно-политического союза образовавшими с Россией Социалистическую Федерацию.

Только теперь стала понятной сущность предложений о мире, на которых так настаивали Ленин, Каменев, Крестинский. Решившие доказать – если ещё не всему миру, то хотя бы «маленьким государствам» (вернее – буржуазным режимам): у них нет никаких агрессивных намерений по отношению к Эстонии, Латвии, Литве. Что Коминтерн не собирается нести революцию в Прибалтику на штыках Красной Армии. Что в самой партии восторжествовало мнение о гораздо большей опасности «великодержавного шовинизма», нежели «буржуазного национализма». Нашли теперь объяснения и диссидентской позиции Зиновьева, и причинам удаления из столицы Сталина, отлучённого от обсуждения принятия важнейших решений.

4. Башкирский кризис

Советская Россия только за столом переговоров в Ревеле выглядела слабой и беззащитной страной накануне своего краха. В те самые дни Красная Армия одерживала одну победу за другой и на востоке, и на юге. Добивала силы Колчака и Деникина, завершая боевые действия Гражданской войны.

В соответствии с оперативным планом Главкома республики, бывшего полковника С.С.Каменева (одобренным, несмотря на возражения Троцкого), пять армий Восточного фронта всего за два месяца – с конца октября по начало января – изгнали колчаковцев из Западной Сибири. 31 октября освободили Петропавловск, 14 ноября – «столицу» Верховного правителя, Омск, 3 декабря – Семипалатинск, 10 – Барнаул, 14 – Новониколаевск (ныне Новосибирск), 20 – Томск, 7 января 1920 года – Красноярск.

Ещё два суровых зимних месяца потребовались соединению Восточного фронта на то, чтобы, преодолевая слабеющее с каждым днём сопротивление противника, пройти тысячу километров и выйти к Байкалу. 5 марта красный флаг взвился над Иркутском.

Таких же успехов, и практически одновременно, добилась Красная Армия на Южном и Юго-Восточном фронтах. 20 октября переброшенные с Западного фронта Эстонская, Латышская и 9-я стрелковые дивизии освободили Воронеж. Успех этот развило тут же начавшееся контрнаступление, в результате которого войска обоих фронтов уже к 18 ноября правым флангом вышли на линию Житомир – Киев – Нежин – Курск – Касторная, а левым – на Лиски – Царицын. Затем мощный удар нанесли 9-я и 11-я армии Юго-Восточного фронта (командующий – бывший полковник В.И.Шорин) в направлении Ростова и Царицына. Почти два месяца они вели бои за Донбасс. 3 января 1920 года овладели Царицыным, 10 – Ростовом, а 7 – Новочеркасском. В результате силы белогвардейцев оказались расчленёнными на две группировки. Одной (генерала Н.Н.Шиллинга) приходилось, непрерывно отступая, пытаться оборонять Новороссию и Крым, а другой (генерала В.Л.Покровского) – защищать Северный Кавказ.

Обе группировки смогли оказывать сопротивление только до весны, что объяснялось их полным разложением. Спустя всего полтора года Врангель вынужден был признать:

«На огромной, занятой войсками Юга России территории власть фактически отсутствовала. Неспособность справиться с выпавшей на его долю огромной государственной задачей, не доверяя ближайшим помощникам, не имея сил разобраться в искусно плетущейся вокруг него сети политических интриг, генерал Деникин выпустил эту власть из своих рук. Страна управлялась целым рядом мелких сатрапов, начиная с губернатора и кончая любым войсковым начальником, комендантом и контрразведчиком».⁷⁸

Ярчайшим примером политического распада «белого движения» стало нараставшее отчуждение казачьих областей от Верховного Главнокомандующего. Организованная ещё летом так называемая Южнорусская конференция (переговоры правительств Дона, Кубани, Терек с одной стороны, и Особого совещания, этой имитации гражданской власти при Деникине), ставившая перед собой задачу найти компромисс между казаками-автономистами и военной диктатурой, ни к чему не привела. Более того, способствовала острейшему конфликту,

вспыхнувшему в Екатеринодаре после того, как Ставку перевели в Таганрог.

24 октября на созванной Кубанской краевой Раде прозвучали, чуть ли не как общий призыв, требования «отмежеваться» от Деникина и «добровольцев». Такого последние стерпеть не смогли. На следующий день главнокомандующий приказал арестовать и предать военно-полевому суду (то есть повесить) всех оппозиционеров. И тех, кто в составе особой делегации ездил в Париж, на Мирную конференцию, чтобы добиться признания независимости Кубани, и тех, кто ещё в июле затеял переговоры с Меджлисом Дагестана, стараясь заключить с ним военный союз.

31 октября генерал Покровский, тогда ещё командующий войсками тыла Кавказской армии, исполнил приказ. Арестовал двенадцать «зачинщиков», среди которых оказались и ездивший в Париж Калабухов, и подписавший договор с Меджлисом Дагестана Л.Л.Быч – глава Кубанского правительства. Боясь окончательно испортить отношения с кубанцами, повесили только Калабухова, но всё же, сменили и войскового атамана (вместо генерала А.П.Филимонова назначили генерала Успенского), и главу краевого правительства (им утвердили Курганского).

Осознавая ответственность за поражения на фронте, за развал тыла, 27 ноября А.И.Деникин сложил с себя полномочия Верховного Главнокомандующего и передал их П.Н.Врангелю. Правда, две недели спустя, счёл необходимым изложить те принципы, которыми Вооружённым силам Юга России следовало руководствоваться в дальнейшем:

«1. Единая, великая и неделимая Россия. Защита веры. Установление порядка. Восстановление производительных сил страны и народного хозяйства. Поднятие производительности труда.

2. Борьба с большевизмом до конца.

3. Военная диктатура. Всякое давление политических партий отменить. Всякое противодействие власти – справа и слева – карать. Вопрос о форме правления – дело будущего. Русский народ создаст Верховную власть без давления и без навязывания... Привлечение к русской государственности Закавказья.

Внешняя политика – только национальная, русская. Невзирая на возникающие иногда колебания в русском вопросе у союзников – идти с ними, ибо другая комбинация морально недопустима и реально неосуществима... За помощь – ни пяди русской земли». ⁷⁹⁻⁸⁰

Призыв Деникина «бороться с большевиками до конца» оказался пророческим, но только по отношению не к большевикам,

а к самим Вооружённым силам Юга России. Всего через четыре с лишним месяца именно их и постиг бесславный конец.

Советские армии Южного фронта (командующий – бывший полковник А.Е.Егоров) 12 декабря заняли Харьков, к 10 января вышли на линию Винница – Кременчуг – Екатеринослав – Александровск – Бердянск. 29 января освободили Херсон, 30 – Николаев, 7 февраля – Одессу, но дальше продвигаться не стали. Вынуждены были остановиться на Днестре: за ним лежала Бессарабия, оккупированная Румынией. А на север от Каменец-Подольского, к западу от Збруча, располагались готовые ответить ударом на удар польские дивизии и изрядно потрёпанные остатки петлюровских полков.

Тем временем шесть (включая только что созданную 1-ю Конную) армий Юго-Восточного фронта, приобретшего решающее значение, продолжили наступление. 29 февраля взяли Ставрополь, 3 марта – Ейск, 17 – Краснодар, 22 – Владикавказ, 24 – Грозный, 27 – Новороссийск, 30 – Порт-Петровский (ныне Махачкала), а 2 мая, добив в предгорьях остатки Кавказской армии, заняли позиции вдоль границ Грузии и Азербайджана, по берегам Чёрного и Каспийского морей.

Ещё 31 декабря 1919 года завершился разгром Северо-Западной армии, во главе которой после отставки Юденича встал генерал-майор И.Р.Глазенап. Завершился же на территории Эстонии.

Столь же впечатляющие известия приходили и с севера. Части 6-й армии бывшего генерал-майора А.А.Самойло после успешно проведённой Шенкурской операции, 21 февраля без боя вошли в Архангельск, из которого накануне в панике бежали и диктатор Северной области Миллер, и немногочисленные белогвардейские войска, и остатки интервентов – французских, итальянских, сербских (британские силы провели эвакуацию ещё в июле 1919 года, сразу после подписания Версальского мирного договора). 7 марта был освобождён Мурманск.

Весьма своеобразно Москва уладила положение к востоку от Байкала, где все ещё находились семидесятитысячная Японская армия и отступившие сюда колчаковские войска («каппелевцы», как их там называли), перешедшие в подчинение атаману Г.П.Семёнову. В 1917 году – казачьему есаулу (капитану), произведшему себя в генерал-лейтенанты в 1918 году. Образовавшему в январе 1919 года «независимую», а на деле – подконтрольную Токио «Бурят-Монгольскую Республику», год спустя принявшему от Колчака «всю полноту военной и государственной власти», почему и поспешившему образовать собственное «Правительство Российской Восточной Краины».

Чтобы не начинать новую войну, с Японией (слишком сильным противником), Москва решила временно и чисто номинально отказаться от суверенитета РСФСР над территориями к востоку от Байкала. Представители местных советских органов власти – Временного земского правительства в Верхнеудинске (ныне Улан-Уде), Временного исполкома Амурской области в Благовещенске и Приморской земской управы во Владивостоке – на объединённом заседании, проведённом в Верхнеудинске, провозгласили 6 апреля 1920 года создание Дальневосточной Республики. По конструкции – чисто демократической. С президентом и парламентом, избираемыми на многопартийной основе, с ответственным перед ними Советом министров. Официально – независимой, на деле – «буферной», до «полного ухода японцев». Прикрывавшей Советскую Россию, выполняя все распоряжения, поступавшие от «ЦК РКП... через назначенное из Центра Дальневосточное бюро ЦК». ⁸¹

Теперь, если бы и пришлось воевать с японцами и семьями, то делать это пришлось бы не Красной, а Народно-революционной армии ДВР, поспешно сформированной из многочисленных партизанских отрядов. Во главе её был поставлен бывший штабс-капитан Г.Х.Эйхе, уже успевший за последний год командовать полком, бригадой, дивизией и даже армией.

И всё же по-настоящему торжествовать партийному руководству в Москве не приходилось. Победу на всех фронтах омрачили не только неоправданные уступки Эстонии и начавшиеся 11 января переговоры, с делегацией правительства Ульманиса, прибывшей в советскую столицу. Национально-территориальный вопрос, близкий к урегулированию в Прибалтике, вновь заявил о себе, и весьма громогласно. Только теперь – в Среднем Поволжье, на Южном Урале и в Киргизской степи. Именно там, сразу же после освобождения региона от колчаковцев, начиная с конца августа, стал разгораться конфликт, спровоцированный безответственным поступком членов Башкирского ревкома – его председателем Х.Ю.Юмагуловым и руководителем только что образованного республиканского Совнархоза Г.Г.Карамышевым.

Телеграмма, направленная 20 августа 1919 года в Москву в три адреса (ЦК РКП, ВЦИК и Наркомпрод) и подписанная председателем Уфимского губревкома А.К.Евлампиевым и членом губкома Т.С.Кривовым так излагала инцидент: ....

«Башревком в лице Юмагулова и Карамышева явился в губревком, потребовал сдачи всех советских аппаратов /передачи дел всех учреждений – **Ю.Ж.**/ на территории Малой Баш-

кирии. Ещё раньше губревкомом была получена телеграмма от Башревкома, требующая отзыва с территории всех агентов губпродкома /губернского продовольственного комитета, занимавшегося заготовкой и распределением продуктов питания, а также снабжением населения промышленными товарами – **Ю.Ж.**/ и сдачи всех продовольственных заготовок в распоряжение Башкирского правительства. Губревком, учитывая всю важность хлебных заготовок в Уфимской губернии для социалистической республики, отказал в немедленной сдаче продорганов». ⁸²

Уфимские власти отнюдь не отрицали ни законность существования Башкирского ревкома, ни необходимость создания его работоспособных органов. «Вопрос сводится к тому, – сказал 18 августа на заселении Уфимского губревкома секретарь губкома партии Б.Н.Нимвицкий, – сейчас ли передать в распоряжение Башкирской Республики все имеющиеся на её территории органы Советской власти, или по мере организации соответствующих органов этой республики». ⁸³ Но Башкирский ревком не желал ждать ни дня. 26 августа издал приказ №1, объявивший, что он «сего дня... вступил в непосредственное управление Башкирской Советской Республикой». А потому «все граждане и учреждения» в её пределах должны подчиняться только ему, и никому иному. В случае же неповиновения виновные «будут предаваться Военно-революционному трибуналу Башкирской Советской Республики». ⁸⁴

Не ограничившись изданием приказа, Башкирский ревком направил во ВЦИК телеграмму откровенно ультимативного характера: «Башкирский Военно-революционный комитет, – информировала она Москву, – на основании пункта 13 «Соглашения Российского Рабоче-Крестьянского правительства с Башкирским правительством о Советской Автономии Башкирии» /от 20 марта 1919 года – **Ю.Ж.**/ своим приказом №1 от 26 августа сего года приступил к непосредственному управлению Башкирской Советской Республикой. Поэтому с этого числа все учреждения, органы и предприятия со всеми служащими в них, как центральных, так и губернских и уездных Советов, на территории Башкирии должны быть переданы соответствующим отделам Башвоенревкома...

Башкирский Военно-революционный комитет просит дать категорическое указание: является ли «Соглашение Российского Рабоче-Крестьянского правительства с Башкирским правительством о Советской Автономии Башкирии» обязательным для всех органов республики, как местных, так и центральных, или

губернские и уездные власти и даже отдельные представители Центра могут по-своему изменять данное «Соглашение»?

Если данное «Соглашение» обязательно, то Башвоенревком просит дать немедленно соответствующее указание и распоряжение всем органам... В ином случае Башвоенревком снимает с себя всякую ответственность за будущее, ибо он не желает играть на руку контрреволюции, так как если Башвоенревком будет только агитационным аппаратом, то башкирское население опять отвернётся от Советской власти».⁸⁵

Столь резкая позиция подкреплялась тем, что в распоряжении Башкирского ревкома имелась довольно внушительная военная сила – стрелковая бригада (три полка). И потому откровенно выраженная угроза означала ни что иное, как в случае несогласия Москвы совершить военный переворот. Антисоветский.

Президиуму ВЦИК не оставалось ничего иного, как попытаться найти компромисс с Юмагуловым.

«Освобождение территории Башкирии от белых войск, – указывала телеграмма за подписью М.И.Калинина, отправленная Башкирскому ревкому 26 августа, – делает возможным проведение в жизнь декрета ВЦИК о создании Башкирской Республики. Президиум ВЦИК предлагает вам прислать в Москву трёх представителей для срочной выработки плана организаций органов Башкирской Республики, порядка и срока передачи дел. До установления в Москве порядка и срока передача дел и кредитов на местах должна быть приостановлена. На это время предлагаем вам временно делегировать в состав коллегий Уфимского и Оренбургского губпродкомов по одному своему представителю. За неисполнение этого распоряжения виновные будут привлечены к самой строгой ответственности».⁸⁶

Опираясь на столь неоднозначно выраженное мнение Москвы, Уфимский губревком принял 8 сентября постановление, закрепившее его прежнюю позицию. «Предложить, – указывалось в нём, – Башревкому впредь до разрешения во ВЦИК вопросов о передаче дел... издать и широко распространить на башкирском и татарском языках распоряжение своим местным органам и населению... о неуклонном исполнении ими всех требований и приказов действующих на территории Башреспублики органов РСФСР».⁸⁷

Несколько позже, 14 сентября, уже выступая на пленуме Уфимского губкома партии, Нимвицкий так охарактеризовал суть только внешне «административного» конфликта. «Башкирские массы, – сказал он, имея в виду членов Башкирского ревкома, – совершенно не дозрели до управления. Все их действия

напоминают действия детей, настолько они беспечны, или их опьянила власть. Их взгляд на Башкирскую Республику – как на собственность, которой они будут распоряжаться, как хотят... Большинство башкирского населения относится к Башкирскому ревкому отрицательно».

Затронул Нимвицкий и ещё один, не менее важный, вопрос – о границах новой автономии. «В состав Башреспублики, – заметил он, – вошло несколько русских волостей, которые протестуют против такого присоединения». Пленум поддержал своего секретаря и постановил: «Выяснить /национальный – **Ю.Ж.**/ состав населения этих волостей. По собрании материалов предложить населению создать специальную комиссию с представительством губернии». ⁸⁸

Столкнувшись с сопротивлением своим планам, Башкирский ревком отступил, но только по наиболее серьёзному вопросу, о сборе продразвёрстки. «Заготовка продовольствия, – констатировало его решение от 18 сентября, – в той части Башкирской Республики, которая раньше входила в состав Уфимской губернии, ведётся губпродкомом и его органами... Башревком даёт распоряжение **своим продорганам и заградительным отрядам** /выделено мной – **Ю.Ж.**/ на местах не чинить препятствий, а оказывать содействие уполномоченным Уфимского и уездных продкомов». ⁸⁹

Тем временем Президиум ВЦИК (скорее всего, Каменев, взявший, судя по его роли в подготовке и принятии декрета от 1 июня, на себя решение всех вопросов национально-государственного строительства), наконец, вспомнил о своих обязанностях. О том, что должен был сделать чуть ли не полгода назад, сразу же после подписания соглашения с Башкирским правительством. И обещанной телеграммой от 26 сентября.

4 сентября ВЦИК образовал комиссию «для срочной выработки плана организации органов» Башкирской Республики. Включившую Л.Б.Каменева (!) и Н.Н.Крестинского (от Политбюро), А.И.Свидерского (от Наркомпрода), четырёх, а не трёх членов Башкирского ревкома, в том числе его председателя Х.Юмагулова, а также Сталина, хотя тот находился в Смоленске, в штабе Западного фронта, и не мог самовольно покинуть пост члена РВС.

Спустя десять дней, 15 сентября ВЦИК принял новое постановление, только формально основанное на некоем заключении его комиссии, но так и не решившее ни одной из предусмотренных ранее задач. Более того, отменившее его же собственное, от 26 августа, решение и, на этот раз, почему-то полностью удо-

влетворившее все без исключения требования Юмагулова и его единомышленников.

Восстановившее в силе юридически незаконный приказ №1 Башкирского ревкома, воспретив властям шести губерний – Оренбургской, Уфимской, Пермской, Екатеринбургской, Челябинской и Самарской – «не распространять в дальнейшем свои действия на территорию Советской Башкирской Республики, причём весь аппарат управления.., не исключая продовольственного.., остаётся на своих местах с подчинением его Башкирскому революционному комитету».⁹⁰

Столь странный документ оставлял без ответа слишком многие вопросы. О дальнейших взаимоотношениях Татаро-Башкирской и Башкирской республик, на вполне законных основаниях претендовавших на одну и ту же территорию. О желании населения ряда указанных в «Соглашении» уездов не входить в состав Башкирской Республики. О правах Башкирского ревкома на период до созыва съезда Советов Башкирии и о сроках созыва этого съезда. О структуре ревкома и полномочиях его отделов, утверждённых, как того требовал закон, ВЦИКом.

Данное постановление не только не удовлетворило уполномоченного СНК по Уфимской губернии и комиссара внутренних дел Уфимского ревкома Б.Н.Эльцина, председателя Уфимской ГубЧК Зенцова и председателя Особой продовольственной комиссии Восточного фронта Н.П.Брюханова, но и вынудило их обратиться с протестом в высшую партийную инстанцию.

Состоявшемуся 21 сентября пленуму ЦК РКП пришлось поэтому рассмотреть их заявление – «о дезорганизаторской военной и продовольственной политике Башревкома», а также встречную жалобу Юмагулова – «на шовинистическую политику уфимских властей, в частности, Эльцина и Правдина /уполномоченного ВЦИК по Уфимской губернии – **Ю.Ж.**/, не желающих признавать Башреспублику». Несомненно, дезинформированное партийное руководство, как до того ВЦИК, подыграло членам Башкирского ревкома. Своим решением потребовало:

«а) Ввиду состоявшегося на днях детального соглашения Президиума ВЦИК и Башревкома /чего на самом деле не было – **Ю. Ж.**/, сообщить Эльцину и Правдину шифрованной телеграммой, чтобы они строго проводили в жизнь это постановление и не дразнили башкир. Поручить т.Сталину по возвращении /из штаба Западного фронта – **Ю.Ж.**/ написать об этом подробное письмо.

б) Поручить Оргбюро направить в пределы Башреспублики двух уполномоченных в комиссию по созыву съезда Советов

Башреспублики. На кандидата в председатели возложить миссию оказать помощь башкирам, пострадавшим от белых, широко оповестив о том как население Башкирии, так и находящихся на фронте красноармейцев Башкирской дивизии». ⁹¹

Однако продолжавшееся заигрывание с националистами не только не улучшило, но и обострило ситуацию. Прежде всего, в Стерлитамаке – уездном городе Уфимской губернии, который Башкирский ревком явочным порядком сделал местом своего пребывания. Не только подчинил себе там все советские учреждения с их служащими. Используя части Башкирского стрелкового корпуса, находившегося в прямом подчинении у члена ревкома Валидова, захватил здание почты с находившимися там телеграфом и телефоном, а также тюрьму.

Только тогда в Москве спохватились, осознали ошибочность собственной соглашательской политики. 23 октября Политбюро – всё та же «тройка», Ленин, Каменев, Крестинский – заслушало доклад Дзержинского «о напряжённом отношении между советскими организациями Уфимской губернии и Башревкомом, имеющим в своём распоряжении довольно значительную военную силу». Разумеется, такая постановка вопроса заставила Политбюро прежде всего потребовать от РВСР срочно отправить Башкирскую бригаду на фронт. ⁹² А неделю спустя, 30 октября, принять развёрнутое постановление «О взаимоотношениях с Башкирским ревкомом и Киргизским ревкомом». Хотя ещё и не решавшим острой проблемы, но всё же впервые признававшим её наличие:

«а) Поручить ВЦИК созвать приблизительно через три недели совещание при Президиуме по Башкирскому и Киргизскому вопросам, в составе двух представителей Башревкома и по одному представителю от Уфимского и Оренбургского губисполкомов, из двух представителей Кирревкома и по одному представителю от Оренбургского губисполкома и от Сиббюро /Сибирское бюро ЦК, руководившее партийными организациями Западной Сибири и Киргизского края – **Ю.Ж.**/.

Вопросы о границах Киргизстана, о Стерлитамаке, Оренбурге, Кустанае и других /городах – **Ю.Ж.**/ решить по окончании этого совещания.

б) Поручить Оргбюро одновременно с указанным выше совещанием при Президиуме ВЦИК созвать партийное совещание по тем же вопросам и по вопросам советской и партийной работы в Башкурдистане и Киргизстане. Пригласить на это совещание по три самых надёжных и достоверных /так в тексте – **Ю.Ж.**/, с советской точки зрения, башкира и киргиза (в числе

их желательно по одному из только что окончивших /советско-партийную школу – **Ю.Ж.**/ курсантов, если среди них есть достаточно толковые и если они успеют съездить хотя бы на неделю на родину для ознакомления с местными настроениями), по одному представителю Оренбургского и Уфимского губкомов, Сибревкома /чрезвычайного органа власти в Западной Сибири и Киргизском крае – **Ю.Ж.**/ и Турккомиссии /особой временной комиссии СНК и ЦК РКП, оказывавшей помощь в работе руководству Туркестанской Республики – **Ю.Ж.**/, а также персонально Пестковского, Лукашева /председатель и член Киргизского ревкома – **Ю.Ж.**/ и одного-двух коммунистов из состава Башревкома...

в) Предложенный т.Каменевым (!) проект циркулярного письма к партийным товарищам по поводу работы в Башреспублике и Киргизстане в принципе утвердить, поручив т.Крестинскому и т. Каменеву совместно установить окончательную редакцию.

г) Поручить Оргбюро совместно с Наркомнацем и, если понадобится, с Наркоминделом, составить списки крупнейших общественных деятелей Башкирдистана и Киргизстана с их характеристикой, закончив эту работу до начала совещания.

д) Предложить ВЦИК потребовать от Башревкома и Киргизревкома отчёты об их работе, в частности, представляющей доказательство выполнения башкирами и киргизами их общегосударственных обязательств, особенно в области продовольствия и военной.

е) Предложить ВЦИК отклонить ходатайство Башревкома о передаче Башреспублике г. Стерлитамака, сославшись на необходимость более детально подготовить этот вопрос.

ж) Предложить тт. Владимирскому /член Президиума ВЦИК, заместитель наркома внутренних дел – **Ю.Ж.**/ и Курскому /наркому юстиции – **Ю.Ж.**/ телеграфно предписать Башревкому (с копией Стерлитамакскому уревкому) передать обратно последнему захваченные Башревкомом тюрьму и почту. В то же время предложить уревкому без копии Башревкому по-прежнему представлять в распоряжение Башревкома один из телеграфных проводов и, кроме того, обсудить вопрос о возможности предоставить часть тюрьмы (несколько камер) в полное распоряжение Башревкома.

Отозвать из состава Кирревкома Тунгачина /комиссар по делам киргизов Наркомнаца – **Ю.Ж.**/, предложив Кирревкому выдвинуть вместо него кандидата киргиза (партийным путём принять меры к тому, чтобы этот кандидат был коммунистом и, во всяком случае, советским человеком).

з) Поручить т. Муратову /члену РВС Восточного фронта –**Ю.Ж.**/ во время пребывания в Самаре и Уфе познакомиться с взаимоотношениями местных товарищей с Башревкомом и Кирревкомом и настроениями широких слоев башкир и киргизов». ⁹³

Словом, постановление не столько предreshало какое-либо суждение, сколько требовало объективной информации о положении дел на Южном Урале и в Киргизской степи. Уже тем демонстрировало решительный отказ от прежнего подхода – непременно положительной, заведомо идеализированной оценки и событий, происходивших в Башкирии, и роли в них местного ревкома.

Трудно даже предположить, что автором данного документа – слишком уж он отличался и по содержанию, и по тону от решения, принятого пленумом ЦК десятью днями ранее – мог быть Ленин, Каменев или Крестинский, обычно и готовившие проекты, подлежащие их же утверждению. Вряд ли кто-либо из них столь быстро отказался бы от собственных взглядов. Взглядов, основанных на резком осуждении всего, что хотя бы отдалённо напоминало «русский великодержавный шовинизм», и на мягком, чуть ли не доброжелательном отношении к проявлению национализма.

Скорее всего, текст готовил Ф.Э.Дзержинский – более русофил, нежели русофоб. Прежде совершенно не знакомый с башкирским вопросом, почему и позволивший объективность. Выступивший 23 октября с докладом, сурово осудившим творимое Башкирским ревкомом в Стерлитамаке беззаконие.

Но кто бы ни был автором постановления, оно оказалось весьма своевременным. Вне всякого сомнения, позволило предотвратить в те дни вооружённый конфликт в Башкирии. Заставило отказаться от заигрывания с Юмагуловым и Валидовым.

Не менее серьёзного внимания заслуживает и ещё одна характерная особенность постановления от 30 октября. Далеко не случайно оно потребовало тщательно изучить и взять под контроль Москвы развитие событий не только в Башкирии, но и в соседней с нею Киргизии. Тем самым пресекло возможность того, чего ещё 4 июня попытался добиться военный комиссар Башкирского ревкома З.Валидов. Обращаясь в письме к Ленину и Сталину, он пытался внушить: «Советская власть должна, наконец, доверять нам, угнетённым. Помочь национальному, хозяйственному и, главное, военному слиянию и объединению мусульманских советских окраин – Башкирии, Киргизии и Туркестана». ⁹⁴

Такое, вроде бы, странное, неожиданное предложение объяснялось весьма просто. При создании Татаро-Башкирской Республики ведущая роль неизбежно перешла бы к Казани. Более культурной, экономически развитой. А Юмагулов и Валидов, их соратники, неизбежно сразу же утратили бы лидерскую роль. При создании же Башкиро-Киргизской автономии они обязательно сохранили бы своё положение – руководителей новой республики.

Немаловажным являлось и то, что Валидов своё предложение сделал тогда, когда о Киргизском ревкоме ещё не было и речи – его образовали месяц спустя, 10 июля. Зато правительство Западного отделения Алаш-Орды, обладавшее собственными вооружёнными формированиями, боровшееся с Советской властью в союзе с Колчаком, контролировало огромную территорию – Букеевскую Орду (междуречье Волги и Урала), север Закаспийской и запад Тургайской областей. Лишь после успешной для Красной Армии Актюбинской операции, продолжавшейся с 14 августа по 14 сентября и освободившей Орск, Актюбинск, Иргиз, алашордынцы бежали далеко в Сибирь.

Однако проблема Татаро-Башкирской Республики, всё ещё существовавшей, хотя только на бумаге, в постановлении от 20 октября не была даже упомянута. И всё же разрешилась, правда, спустя полтора месяца. Начало тому положила Первая партийная конференция Башкирии, прошедшая при самом активном участии Е.А.Преображенского – леворадикально настроенного члена ВЦИК, назначенного ЦК РКП новым секретарём Уфимского губкома.

Принятая 10 ноября участниками этой областной партконференции особая резолюция заведомо ложно охарактеризовала сталинскую идею создания Татаро-Башкирской Республики как откровенно буржуазную. Поддерживаемую лишь «эсерами и стремящимися к власти карьеристами». Мало того, предложение Наркомнаца создать именно такую автономию объяснила «односторонним информированием» Наркомата со стороны Центрального мусульманского комиссариата. Органа, якобы «находившегося, особенно в то время /март 1919 года – **Ю.Ж.**/, под влиянием панисламистов и эсеров», почему и настоявшего на том, что «противоречило желаниям башкирской бедноты и не соответствовало воле и интересам татарского пролетариата и крестьянства».

Исходя из такого, весьма запоздалого объяснения, конференция категорически потребовала немедленной «отмены положения рабоче-крестьянского правительства об образовании Татаро-Башкирской Республики».⁹⁵

Противоположную позицию занял столь же большевистский по характеру, Второй съезд коммунистических организаций народов Востока, прошедший в Москве с 22 ноября по 8 декабря того же года. Вернее – совещание партийных работников Туркестана, Киргизии, потенциальной территории Татаро-Башкирии, тех частей страны, где ещё не была восстановлена Советская власть – Северного Кавказа, Азербайджана, а также формально остававшихся независимыми Бухары и Хивы.

Открыл съезд Сталин, приехавший в столицу всего на несколько дней из штаба Западного фронта. Ничего не зная о событиях в Стерлитамаке, о резолюции Башкирской партконференции и демонстративном избрании председателем Президиума образованного на ней обкома Юмагулова. Короткое выступление свёл к дежурной характеристике успехов Красной Армии. Правда, подыгрывая своеобразной аудитории, заметил: «Если наши войска, наши красные войска продвинулись на восток так стремительно, то, конечно, не последнюю роль сыграла ваша работа». И пояснил, повторяя свою старую мысль: «Только сплочённостью мусульманских коммунистических организаций «Востока, прежде всего, татар, башкир, киргизов, народов Туркестана, только сплочённостью их можно объяснить ту быстроту развития событий, которую мы наблюдаем на Востоке».⁹⁶

С большим, но весьма расплывчатым по содержанию, докладом выступил на съезде и Ленин. Игнорируя подлинные интересы делегатов, говорил о назревании революции в Западной Европе, о положении в Восточной Европе, о надеждах на революцию на Востоке, о всем и без него известных победах над Колчаком, Юденичем и Деникиным. И ни словом не обмолвился о самом важном, о чём никак не мог не знать. О тех проблемах, которые действительно волновали участников съезда – о судьбах Татаро-Башкирской и Башкирской республик, о ситуации, связанной с Киргизией.

Всё же, съезд не внял попыткам увести себя от наиважнейших вопросов. Решительно осудил позицию Башкирской партконференции одной из своих резолюций. «Самым правильным, – отмечала она, – разрешением татаро-башкирского вопроса, как с политической, так и с естественно-исторической и социально-экономической стороны, является создание для них общей Советской Республики». Заодно предложили и её территорию – «губернии Уфимская, Казанская и прилегающие части с татаро-башкирским населением Самарской, Симбирской, Вятской и Пермской».

Словом, поддержали старый проект Сталина, все ещё не воплощённый в жизнь. Вместе с тем съезд не исключил возможности образования и автономной Малой Башкирии, но непременно в составе всё той же, Татаро-Башкирской, республики. Указал при этом, что затронутую проблему следует «поставить на разрешение пролетариата самой Малой Башкирии». ⁹⁷

Потерпев неудачу на Втором съезде коммунистических организаций народов Востока, националистический Башкирский ревком не смирился. Уже 13 декабря его представитель при ВЦИК направил на имя Ленина обстоятельную записку, реанимирующую старую идею А.Валидова об объединении Башкирии и Киргизии. Основание? Достаточно «веское»: необходимость ликвидировать конфликт «между киргизскими и башкирскими властями с одной стороны, и местными русскими властями – с другой». Последняя, мол, выгодна для «пожилого русского кулацкого населения», и использует в своих целях (как представляющая «господствующую нацию») борьбу с «национальным шовинизмом башкир и киргизов».

Документ не только настаивал на скорейшем образовании Киргизо-Башкирской Советской Республики, но и определял её весьма немалую территорию. Она должна была включить Малую Башкирию в пределах, определённых соглашением от 23 марта 1919 года; Киргизскую степь – Букеевскую Орду (заволжскую часть Астраханской губернии), области Тургайскую (в том числе Оренбург и Оренбургский уезд), Уральскую, Акмолинскую, Семипалатинскую; восточные районы Туркестанской Республики – Семиречинскую область, населённые киргизами уезды Сыр-Дарьинской и Ферганской. Словом, раскинуться от Южного Урала до Китая.

Правда, авторы проекта отлично понимали, что претендуют на земли, населённые русскими. А потому, загодя отказывались от городов Омска и Петропавловска, «прилежающих к линии Сибирской железной дороги казачьих территорий». Однако даже и в таком случае националисты никак не могли рассчитывать хотя бы на простое большинство башкиров и киргизов. И чтобы сохранить за собою власть, предложили формировать «как центральные, так и местные» органы будущей республики «на началах строжайшего соблюдения этнической пропорциональности».

Определял проект и то, что управление народным хозяйством и финансами должно перейти в ведение исключительно Киргизо-Башкирской Республики и «в первую очередь удовлетворять ее нужды». Тот же принцип определял и военные

дела: на её территории «допускаются лишь туземные киргизские и башкирские формирования». «Русское и иное население по мобилизации... передаётся в распоряжение соседних – Киргизии и Башкирии – окружных военных комиссариатов РСФСР».

Нет, всё это уже несколько не походило на автономию. Должно было стать первым шагом к отделению, к полной независимости.

Не довольствуясь тем, инициаторы документа потребовали ещё и публичного самоунижения русских. Предложили выделить из их числа неких «агитаторов», которые должны были объяснять: «они брошены царским правительством в Киргизскую степь для угнетения других, для наживы за счёт беззащитных инородцев». И объяснять, скорее уж самим себе, что «только в отказе от империализма и от привилегий господствующей нации, в примирении с восстановлением прав, языка и **власти** / выделено мной – **Ю.Ж.**/ угнетённых – спасение и счастье русского пролетариата».⁹⁸

В тот же день было созвано Политбюро, на заседании которого присутствовали Ленин, Троцкий, Каменев, Сталин, Крестинский, а также Калинин, глава правительства УССР Раковский и секретарь ЦК Стасова. Обеспокоенные ни с чем не соразмерными претензиями Башкирского ревкома, что, несомненно, являлось весьма опасным симптомом роста националистического сепаратизма, обсудили сложившуюся ситуацию. Однако не стали принимать решение от собственного имени.

«Предложить Президиуму ВЦИК, – указывало решение Политбюро, – устроить совещание в понедельник, в составе двух-трёх представителей Президиума – тт. Владимирского, Пестковского, Байтурсунова, Валидова, ещё одного представителя Башревкома, Мартынова /продкомиссара Оренбургской губернии – **Ю.Ж.**/, Киселева /секретаря Стерлитамакского уездного комитета РКП – **Ю.Ж.**/, Эльцина /председателя Уфимского губревкома – **Ю.Ж.**/ и Зуля. **На этом совещании разрешить отрицательно вопрос о слиянии Башкирской и Киргизской республик** /выделено мной – **Ю.Ж.**/. Провести на совещании уничтожение права кооптации, имеющееся у Кирревкома. Вопрос о личном составе Кирревкома на совещании не предрешать. Провести на совещании необходимость единой не только военной, но и экономической политики для всей республики /то есть РСФСР – **Ю.Ж.**/, проводимой через соответствующие органы Башкирской и Киргизской республик».

В тот день Политбюро отвергло не только предложение об объединении Башкирии и Киргизии. Как своеобразный компромисс, основанный на половинчатом удовлетворении сторон, оно высказалось и против Татаро-Башкирской Республики. «Ввиду того, – отмечало постановление от 13 декабря, – что значительная часть Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока и, в частности, все представители коммунистов Башкирии, против создания Татаро-Башкирской Республики, таковой не создавать и декрет Народного Комиссариата по национальным делам от 22 марта 1919 года о Татаро-Башкирской Республике отменить. Предложить членам партии не вести в дальнейшем агитацию в массах за Татаро-Башкирскую Республику. Вопрос о Татарской Республике обсудить особо, если об этом поступит заявление со стороны коммунистов-татар».⁹⁹

А буквально на следующий день Политбюро всё же утвердило новый состав Киргизского ревкома, сохранив во главе его Пестковского. Заодно было реорганизовано и Центральное бюро коммунистических организаций народов Востока. Из избранных на съезде его членов оставили только казанских татар – Саид-Галиева, Султан-Галиева и Ибрагимова. Ввели дополнительно Мансурова, Хакимова, Епсерова, от Азербайджана – Нариманова, а также (никакого отношения к Востоку никогда не имевшего) Раковского.¹⁰⁰

Как и предусматривалось, 16 декабря состоялось совещание, призванное всего лишь чисто формально одобрить те самые решения, которые Политбюро уже утвердило. Для того же, чтобы избежать вполне возможных нежелательных осложнений, на него от Президиума ВЦИК вместо Владимирского направили Калинина и Аванесова. Однако присутствие десяти представителей Башкирии, Киргизии и Туркестана привело к тому, что предложение об образовании Киргизо-Башкирской Республики оказалось утверждённым. Чтобы всё же отклонить данную идею, Калинин пришлось настоять на новом голосовании, предоставив на этот раз по одному голосу каждой региональной делегации. Только благодаря такому приёму и удалось достичь желаемого. Четырьмя голосами (от ВЦИК, Уфы, Оренбурга, Татарии) против трёх (от Башкирии, Киргизии, Туркестана) создание Киргизо-Башкирской Республики было отклонено.¹⁰¹

Замысел Сталина образовать в Среднем Поволжье областное объединение, основанное на исторически сложившихся экономических связях, на общности быта и культурного развития – Татаро-Башкирскую автономию, не увенчалось успехом. Ему так

и не удалось отстоять республику многонациональную, в которой проживало бы примерно равное количество татар, русских, башкир, не считая довольно многочисленных чувашей, мордвы, мари. Единственным утешением могло послужить лишь то, что и замысел Валидова создать своеобразный тюркско-исламский «полумесяц» также потерпел крах. Слишком уж огромную по территории замыслил он автономию для близких по языку и вероисповеданию башкир, киргизов (казахов и киргизов), явно угрожающую целостности Советской России.

Но, как очень скоро обнаружилось, Политбюро ошиблось, предполагая удовлетворить своим компромиссным решением так и не отказавшегося от желания обрести предельную самостоятельность ревкома Башкирии. Спустя всего месяца, 12 января 1920 года он принял два постановления, заведомо выходявшие за рамки его компетенции, почему и выглядевшие явным вызовом Москве. Во-первых, назначил председателем ЧК автономии, на что имело право только ВЧК при СНК РСФСР, члена ревкома Т.Имакова. Во-вторых, образовал давно задуманный отдел внешних сношений, в функции которого должно было входить представлявшее прерогативу Президиума ВЦИК «сношение с федеративными советскими республиками,.. защита правовых и экономических интересов /Башкирии – Ю.Ж./,.. организация и ведение правовых, торговых, промышленных и финансовых сношений со странами и местностями Российской Федерации»,¹⁰² назначив заведующим представителем Российского телеграфного агентства К.М.Ракая-Рычкова.

Срочно созванное на следующий же день заседание Башкирского обкома по предложению Чрезвычайного уполномоченного ЦК РКП и ВЦИК Артёма (Ф.А.Сергеева), присланного в Стерлитамак после попытки путча, принял три резолюции, решительно осудившие сепаратистские действия ревкома.

«Ввиду того, – гласила первая резолюция, – что коммунистическое строительство предполагает единство хозяйственной жизни РСФСР, что соглашение об организации Автономной Республики не предполагает отделения, а, наоборот, базируется на принципе единства хозяйственной жизни страны, коммунисты не имеют права: а) вести агитацию за отделение, б) вести агитацию за меры, которые, по существу, ведут к отделению».

Вторая резолюция обкома оказалась более конкретной: «Признать, что проект Ракова об организации Комиссариата внешних сношений есть первый шаг к полному отделению, что создание отдела внешних сношений есть первейший шаг по отделению, а потому: а) Ракая отозвать со всех постов, б) членам

фракции /ревкома от РКП – **Ю.Ж.**/ предписать не принимать от имени партии коммунистов никаких шагов, которые ведут к ещё большему отделению автономной Башреспублики». Третьей резолюцией обком восстановил А.Измайлова в прежней должности председателя Башкирской ЧК.¹⁰³

Коммунисты ревкома не только не подчинились собственному обкому, но и пошли с ним на открытую конфронтацию. 14 января, основываясь только на докладе Юмагулова, признали существование «антибашкирского» заговора сотрудников ЧК А.Измайлова и Ж.Муценека, начальника политотдела Башкирского военкомата Г. Шамигулова и члена ревтрибунала С.Мустафина. Заодно обвинили в поддержке заговорщиков со стороны Артёма, уполномоченного ВЦИК при ревкоме Ф.Н.Самойлова, наркома продовольствия автономии А.М.Дудника и секретаря обкома Я.И.Ярослава. Объявили «деяния группы преступной авантюрой, которая может вызвать: а) вторичное кровопролитие, б) окончательный отход башкирской трудовой массы от советского строительства и в) пагубное отражение на общей политике РСФСР на Востоке и на ходе мировой социальной революции».¹⁰⁴

Вслед за тем ревком перешёл от слов к делу. По приказу Юмагулова в ночь на 16 января в Стерлитамаке были арестованы Измайлов, сотрудники ЧК Мурзабулатов, Чертков и Валеев, а также Шамигулов и Мустафин.

Ответные меры последовали незамедлительно. Утром 16 января обком постановил «предать партийному суду Юмагулова и Имакова /председателя ревтрибунала Башкирии, руководившего арестами – **Ю.Ж.**/ с немедленным отстранением от всех партийных постов и советских, на которые они выдвинуты партией». Командующий Туркестанским фронтом М.В.Фрунзе, информированный о событиях в Стерлитамаке, распорядился срочно направить в распоряжение Артёма конный отряд численностью в 200-300 человек. А Ленин, получив по телеграфу копии всех этих решений, предложил Юмагулову всего лишь «немедленно выехать в Москву для объяснений».¹⁰⁵

Несмотря на столь тревожные события в Башкирии, весьма напоминающие начало нового путча, Политбюро в течение недели никак не реагировало на них. Только 20 января (да и то в виде телеграммы от имени ВЦИК) – не потребовало, а всего лишь предложило Башкирскому ревкому «немедленно, по указанию товарища Артёма, освободить всех арестованных членов обкома, и других коммунистов, аннулировать сделанное вами сообщение о заговоре и объявить населению и войсковым ча-

стям, что аресты были проведены по недоразумению». Однако ревком не ответил, хотя ещё накануне, «подчиняясь приказу командующего Туркфронтом», «постановил арестованных освободить с условием неопременного и немедленного их отправления в Центр для предания суду». ¹⁰⁶

Первая реакция «тройки» последовала лишь после того, как она 18 января отклонила очередную просьбу Сталина освободить его от военной работы. Оставила его членом РВС Юго-Западного фронта, но всё же предоставила ему десятидневный отпуск. ¹⁰⁷

Только потому Сталин и смог 23 января принять участие в заседании Политбюро, на котором Крестинский сообщил:

«От мусульманских секций различных парторганизаций поступают телеграммы, солидаризирующиеся с решением Второго съезда коммунистов Востока о Татаро-Башкирской Республике и о поступившем от Валидова заявлении, что башкирские деятели /видимо, члены ревкома – **Ю.Ж.**/ не возражают против учреждения Татарской Республики». ¹⁰⁸ Правда, не пояснил – телеграммы и заявление являются взаимоисключающими, да к тому же, непонятно на каком основании «башкирские деятели» должны разрешать создание Татарской Республики.

Тем не менее Политбюро воспользовалось докладом Крестинского для того, чтобы утвердиться в непоколебимости своего решения от 13 декабря. На том же заседании, 23 января, поручило Сталину «написать в «Известия», за своей подписью, о Татарской Советской Республике». ¹⁰⁹ Таким образом, постаралось сделать его, а не себя инициатором отказа от создания Татаро-Башкирской Республики. Однако Сталин не стал готовить газетную статью. Вместо того, воспользовавшись отпуском, набросал «Тезисы о коммунистической работе среди рабочих и крестьян мусульманского Востока». Уже 27 января представил их на рассмотрение Политбюро.

«Тезисы», несмотря на широковещательное заглавие, в действительности представляли собою своеобразный свод указаний для высших партийных и государственных органов страны по выходу из политического тупика:

1. Определить точно и без оговорок пределы прав Башрееспублики и нормы её отношения к РСФСР на основе установившейся практики на Украине (через ЦК РКП и ВЦИК).

2. Изменить состав там /в Башкирии – **Ю.Ж.**/ ревкома, приняв во внимание доклад Дзержинского и руководствуясь одновременно соображениями политической целесообразности.

3. Изменить состав обкома в направлении превалирования старых, опытных, тактичных коммунистов.

4. Просить Президиум ВЦИК выступить с разъяснением, что мероприятия Башревкома, направленные к уравниванию фактического землепользования (с учетом особенностей различных видов быта) обязательны для всего населения Башреспублики – как башкирского, так и русского. Для действительного проведения этих мероприятий на местах организовать земельные комитеты с представительством местного населения, как башкир, так и крестьян. Одновременно при Наркомземе Башреспублики организовать под председательством представителя ВЦИК Центральную комиссию для разбора конфликтов на местах.

5. Организовать особую комиссию под председательством члена ВЦИК для вопросов о спорных волостях, с правом самостоятельного их разрешения на месте.

6. Определить состав пятёрки по созыву съезда Советов Башреспублики, возложив на неё задачу по проведению плебисцита в областях, особо оговорённых в соглашении, в кратчайший срок.

7. Установить двойное подчинение Башпомощи /организации по оказанию продовольственной и вещевой помощи башкирскому населению, пострадавшему в ходе Гражданской войны – **Ю.Ж.**/ ВЦИКу и Башревкому, обязав Башпомощь постепенно передавать свои учреждения и предприятия соответствующим комиссариатам Башреспублики.

8. Установить как правило, что председатель БашЧК назначается по соглашению Башревкома с ВЧК, что инструкции и распоряжения ВЧК обязательны для БашЧК.

9. Разъяснить Башревкому, что до ликвидации Туркфронта Башвоенкомат подчиняется (на общих основаниях) Реввоенсовету Туркфронта во всех отношениях.

10. Просить ЦК РКП обратиться к членам партии с разъяснением, что Башреспублика представляет не случайное и временное явление, а органическую автономную часть РСФСР, что коммунисты обязаны укреплять Социалистическую Советскую Республику Башкирию всеми доступными средствами.

11. Подтвердить к сведению и руководству партийных организаций, что они ни в коем случае не должны вмешиваться в практическую административную работу советских учреждений, а должны оставаться руководящими политическими организациями трудящихся масс. В силу этого отношение Усерчанской конференции, которая пыталась вменить в обязанность Усерчанскому ревкому созвать съезд Советов 15 марта, является явно незаконным, выходящим за пределы прав и полномочий партийной организации, и по своему тону совершенно не отвечающим духу Коммунистической партии, которая может и долж-

на оказывать политическое влияние на советские органы, но не должна усваивать тон начальства.

12. Разъяснить коммунистам Башкирии, что основной задачей партийных и советских организаций Башреспублики является превращение Башреспублики в коммунистическую страну, в часть великой Коммунистической Федерации, что не может быть достигнуто иначе, как путём привлечения широких башкирских трудящихся масс, и прежде всего башкирской бедноты, в сферу идей коммунизма, всех организаций бедноты. Поэтому обязанностью партийных организаций в Башреспублике является вовлечение башкирских низов в состав партийных организаций. Поскольку башкирская беднота сравнительно недавно вступила в политическую жизнь, местные организации должны заботиться, чтобы ей не затруднялось вступление в партийные организации вследствие её недостаточной опытности или малокультурности, а, наоборот, всемерно облегчать такое вступление, так, чтобы партийные организации превратились для нее в школы культуры и идейного подъёма и коммунистического классового воспитания. Одновременно необходимо установить строжайшие меры осторожности в деле приёма в организации партии выходцев из имущих классов.

Равным образом, из среды башкирских членов партии необходимо вовлекать в состав кантонных комитетов башкирских коммунистов, хотя бы малоопытных политически, но честных и преданных делу трудящихся. Одним из критериев для проверки действительной преданности делу является отношение новых членов партии к хозяйственным трудовым задачам, степень добросовестности выполнения этих задач и пр.

Также представляется необходимым привлечение в ближайший период в состав областного комитета возможно большего количества башкир, которые могли бы создать между руководящей областной организацией и широкими трудящимися массами действительно крепкую незыблিমую связь.

13. Обратит внимание на статьи татарских органов по отношению к Башреспублике, написанных в абсолютно недопустимом, нетоварищеском тоне, и на статьи в советской печати соседних губерний, которые пишутся без учёта того, какое впечатление они должны произвести на башкир. Указать редакциям соответствующих изданий на полную недопустимость в своей критике оценивать Башревком как контрреволюционное учреждение, а ограничиться деловой критикой.

14. Необходимо, чтобы областной комитет периодически представлял ЦК доклады относительно успеха своей работы,

в особенности, по части расслоения башкирского населения и привлечения бедноты в ряды Коммунистической партии». ¹¹⁰

Легко заметить: в «Тезисах» Сталин ни словом не обмолвился, как потребовали от него, о Татарской Республике. Не упомянул он и о Татаро-Башкирии, судьба которой, как он понимал, давно предreshена. Вместе с тем, Сталин свёл то, что должно было бы отвечать им же самим данному заголовку – «коммунистическое воспитание» – всего лишь к двум пунктам (11-му и 12-му) из четырнадцати. Свои предложения сосредоточил на совершенно ином. На тех мерах, которые следовало предпринять незамедлительно для нейтрализации воинствующих националистов – членов ревкома Башкирии.

Издесь, нарядус чисто административными решениями, вроде определения («точно и без оговорок») пределов прав Башкирской автономии, необходимости изменения состава как ревкома, так и обкома, слишком далеко зашедших в своём противостоянии, не указывая, кто же конкретно должен войти в них, указания на жёсткое подчинение башкирских ЧК и военкомата Центру, отметил и более значимое. Только и позволившее Валидову, Юмагулову и их приспешникам в борьбе за бесконтрольную власть опереться на «малокультурные», «малоопытные политически» башкирские массы. Сталин особо выделил попытку лишить русских крестьян, называемых националистами «пришлыми», «кулаками», земли, которой они пользовались не одно столетие.

Наконец, как бы между прочим, внёс Сталин в «Тезисы» и ту мысль, которую станет развивать лишь полтора десятилетия спустя: «Партийные организации... ни в коем случае не должны вмешиваться в практическую административную работу советских учреждений».

Политбюро, рассмотрев «Тезисы», приняло их. Правда, поручило Сталину и, почему-то, ещё Раковскому: «более детально разработать вводную общую часть и проредактировать резолютивные пункты». ¹¹¹ Вместе с тем, оно (вернее, руководящая тройка), демонстрируя полную растерянность, непонимание того, как же разрешить ими же созданную проблему, на том же заседании, 27 января, утвердило и инструктивное письмо для Фрунзе, подготовленное Троцким. Потребовавшим немедленных и самых жёстких действий по отношению к членам Башкирского ревкома:

«Присланные Вами перехваченные документы свидетельствуют, что со стороны части руководящих элементов Баш-республики велась явно преступная работа по подготовке вооружённого выступления. Не исключена возможность, что

неустойчивые элементы были отброшены в сторону контрреволюционного заговора опрометчивыми шагами и заявлениями отдельных местных представителей нейтральной Советской власти и практическими трениями с местными советскими учреждениями. Но, поскольку дело дошло до практической подготовки военных действий, необходимо решительными мерами предупредить возможность повторения подобных авантур. Вам предлагается:

1) немедленно разоружить те башкирские элементы, которые оказались замешаны в заговоре;

2) арестовать руководителей;

3) разъяснить от имени Центральной власти, что на неправильные действия местных представителей Советской власти надлежит жаловаться Совнаркому или ВЦИКу, но не организовывать вооружённый заговор, который каждый раз вызовет беспощадную расправу;

4) разъяснить и подтвердить, что центральное правительство РСФСР с полным пониманием и уважением относится к Автономной Башкирской Республике и никакого покушения на неё не допустит и, наоборот, оградит её всеми имеющимися в его распоряжении средствами». ¹¹²

Но сколь бы противоречивыми по сути ни были оба одновременных решения Политбюро, в конце концов возобладал всё же подход, предложенный Сталиным. Ведь только он и позволял избежать очередного конфликта. Правда, в окончательном виде такой подход весьма изменился, найдя выражение в предельно мягкой, либеральной форме.

С согласия Москвы 25 февраля новым председателем Башкирского ревкома (вместо полностью дискредитировавшего себя Юмагулова) избрали Т.Имакова, столь же замешанного в январских событиях. 7 марта Вторая Башкирская областная конференция РКП избрала обком в несколько обновлённом составе, но с политсекретарём К.Каспранским – членом ревкома, принадлежавшим к группе активных националистов.

Как бы подводя итоги переменам, Троцкий, присланный в Уфу, провёл там 14 марта совещание руководителей башкирских обкома и ревкома, уфимских губкома и губисполкома. Напрочь забыв о кровожадном содержании своего инструктивного письма, он добился принятия (как своеобразного соглашения присутствовавших сторон) «Тезисов» Сталина. Правда, не упомянул о том, кто же является их автором. Новациями ставшего уфимским документа оказались два пункта. Прежде всего, отказ в дальнейшем «пересматривать инцидент, связанный с арестом

Шамигулова и Измайлова, и посему дело считать окончательно ликвидированным». Кроме того, ещё более злободневное, – поручение специальной комиссии, созданной совместно Уфимским губисполкомом и Башкирским ревкомом, установить границы автономии.¹¹³

20 марта докладом вернувшегося из Уфы Троцкого Политбюро продолжило обсуждение положения в Башкирии. Но в тот день не вынесло окончательного суждения. Отложило его до приезда в Москву Сталина и вызванных заинтересованных лиц: от губкома и губисполкома – Артёма и Преображенского, от Башревкома – Адигамова и Юмагулова.¹¹⁴

Такое заселение удалось провести 14 апреля. На нём-то и признали неоспоримые достоинства «Тезисов» Сталина. Основываясь на них, приняли развёрнутое постановление. Прежде всего им отзывали из Башкирии Валидова и Юмагулова, но не только их. Заодно – Артёма, Преображенского (как не справившихся с задачей «примирить борющиеся в Башкирии группы»).

Тем же постановлением создали комиссию в составе: Сталин, Каменев, Преображенский. Им поручили сформировать состав нового Башревкома, наметить инициативную группу для созыва Башкирского съезда Советов, подобрать «товарища, знакомого с землеустройством и, по возможности, члена ВЦИК, для участия в разработке земельного вопроса в Башкирии».

Вместе с тем, Политбюро подтвердило исключительные права ВЧК и Дзержинского при назначении председателя Башкирской ЧК, а Заволжского военного округа – в руководстве Башкирским военкоматом.

Выпадающим из контекста постановления 15-м пунктом город Стерлитамак передали Башкирской АССР, чего ревком республики добивался с августа 1919 года,¹¹⁵ но при условии, что прежнему уисполкому будет «предоставлена возможность остаться с его учреждениями в городе с предоставлением ему всех необходимых помещений». Была тут и ещё одна существенная оговорка: «Охрана города и принятие необходимых мер, вызываемых стратегическими соображениями, останется в руках комендатуры, подчиняемой Заволжскому окружному комиссариату».

Данное разъяснение имело и недвусмысленное продолжение:

«Предложить Наркомвоен дать командующему округом т. Авксентьевскому инструкцию о том, чтобы в Стерлитамаке держались лишь русские воинские части».

Кроме того, для «подробной разработки конкретных пунктов взаимоотношения Башреспублики с РСФСР» образовали ко-

миссию, включившую Сталина и Каменева, вновь вошедших и в ЦК, и в Политбюро, а также Преображенского, только что избранного секретарём ЦК и членом Оргбюро, которой на работу отвели только пять дней.¹¹⁶

Комиссия в срок уложилась. 20 апреля предложенные ею состав Башкирского ревкома и его права – вплоть до созыва съезда Советов автономии – были приняты Политбюро без каких-либо поправок. Принят был и проект декрета «О государственном устройстве Автономной Советской Башкирской Республики»,¹¹⁷ утверждённый ВЦИК и СНК 19 мая.

Важнейший, ибо был первым такого рода, документ об автономной республике решительно порывал с вынужденными обстоятельствами военного времени уступками националистам, сделанными по соглашению от 20 марта 1919 года. Теперь автономия определялась следующим образом:

«I. Аппарат государственной власти... складывается согласно Конституции РСФСР из местных Советов депутатов, Центрального Исполнительного Комитета... и Совета Народных Комиссаров ...

II. Для управления делами... учреждаются Народные комиссариаты: 1) внутренних дел с управлением почт и телеграфов; 2) юстиции; 3) просвещения; 4) здравоохранения; 5) социального обеспечения; 6) земледелия; 7) продовольствия; 8) финансов; 9) Совет Народного Хозяйства с отделами труда и путей сообщения; 10) Рабоче-крестьянской инспекции.

III. В целях сохранения единства финансовой и хозяйственной политики РСФСР по всей территории республики, Народные комиссариаты Башкирской Республики (продовольствия, финансов, Совет Народного Хозяйства с отделами труда и путей сообщения, Рабоче-крестьянская инспекция и управление почт и телеграфа при Народном комиссариате внутренних дел) остаются в непосредственном подчинении соответствующих Народных комиссариатов РСФСР с обязательством исполнения инструкций и распоряжений последних.

IV. Народные комиссариаты внутренних дел (без управления почт и телеграфа), юстиции, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения и земледелия автономны в своих действиях и ответственны непосредственно перед Башкирским Центральным Исполнительным Комитетом.

V. Необходимыми финансовыми и техническими средствами Автономная Советская Башкирская Республика снабжается из общих средств РСФСР».

Кроме того, текст декрета подчёркивал: иностранные дела и внешняя торговля остаются целиком в ведении центральных ор-

ганов РСФСР, военными делами ведает Башкирский военкомат, непосредственно подчинённый ближайшему военному округу, а борьба с контрреволюцией остаётся в ведении Всероссийской Чрезвычайной Комиссии.¹¹⁸

Установив именно такую конструкцию власти автономной Башкирии, декрет по необъяснённым причинам полностью обошёл запрос о её территории. Скорее всего, чтобы не разжигать страсти в соседних губерниях, либо не желая повторять изложенное в соглашении от 20 марта 1919 года. Однако 2 августа последовал ещё один декрет ВЦИК, всего лишь изложивший решение Политбюро от 20 апреля – о передаче республике Стерлитамака.¹¹⁹

(14 июня 1922 года Малую Башкирию преобразовали в Большую, включив в её состав Уфимский, Белебеевский, Бирский и Златоустовский уезды,¹²⁰ благодаря чему республика окончательно превратилась в многонациональную. Из трёх миллионов человек, населявших её, башкиры и татары составили 51,75%, русские – 34,35%, чуваша, мордва, прочие – 13,9%).

Практически одновременно, 27 мая, ВЦИК и СНК РСФСР утвердили образование и Автономной Советской Татарской Республики, основанной на тех же правах и полномочиях. Правда, первый раздел документа чётко определил её территорию – уезды и волости Казанской, Самарской, Симбирской и Вятской губерний,¹²¹ почему республика также оказалась многонациональной: 51,9% - татары, 40,9% – русские, 4,7% – чуваша, 1,3% – мордва.

Так было положено начало разделу Советской России на национальные только по названию территориальные образования.

Глава V. В ПОИСКАХ ФЕДЕРАЦИИ

Парижская мирная конференция, созванная ради перекройки границ в Европе и на Ближнем Востоке, ради перемен владельцев колоний в Африке и на Тихом океане, работала ровно двенадцать месяцев. Завершилась 21 января 1920 года. К тому времени страны-победительницы уже подписали договоры с Германией (Версальский), Австрией (Сен-Жерменский), Болгарией (Нейский). Вскоре ожидалось заключение соглашения с Венгрией – Трианонского, отсроченого лишь из-за провозглашения там Советской власти, её борьбы за сохранение своей национальной территории.

В начале апреля 1920 года в Сан-Ремо (Италия) после долгих обсуждений и препирательств Великобритания и Франция, наконец, договорились о разделе Османской Империи. Последняя теряла Сирию, Ливан, Месопотамию, передававшиеся под мандатное управление Лондона и Парижа. Отказывалась от всех прав в Египте и Судане. Признавала независимость королевства Хиджаз (впоследствии – Саудовская Аравия), британскую аннексию острова Кипр, французский протекторат над Марокко и Тунисом, отдавала Италии все свои острова в Эгейском море – Додеканезские. Нерешённой оставалась лишь дальнейшая судьба Курдистана с центром в Мосуле и Турецкой Армении.

Но, как и в случае с Венгрией, такая договорённость сразу же оказалась под угрозой полного срыва. Ряд турецких политиков во главе с генералом Мустафой Кемалем-пашой (вскоре названным Ататюрком, т.е. «отцом турок», поддержанным далеко не сломленной, как очень скоро выяснилось, армией) не пожелали мириться с капитулянтской политикой султанского правительства. 23 апреля в Анкаре (Ангоре) было созвано никем не избранное Великое Национальное Собрание, объявившее себя

единственной законной властью страны. Получив от РСФСР, рассматривавшей его как лидера антиимпериалистической борьбы на Востоке, значительную помощь – свыше 10 миллионов рублей золотом, оружие и боеприпасы – начало борьбу с Антантой. Прежде всего – на Западе, для освобождения оккупированного союзными войсками Стамбула, и с греческой армией, высадившейся 22 июня в Смирне (Измире), отданной Парижем и Лондоном королевству эллинов.

Неожиданное сопротивление Турции отвлекло Антанту от происходившего на территории бывшей Российской Империи. Заставило её забыть и о признанной Финландии и о непризнанных Эстонии, Латвии, Литве, чьё будущее оказалось в полной зависимости от Варшавы и Москвы. Свидетельством тому служили и давняя поддержка Польши, и снятие 16 января блокады Советской России. Однако РСФСР так и не воспользовался на редкость удачно сложившейся ситуацией, чтобы восстановить свои права на Прибалтику.

«Мир с Эстонией, – заявил Ленин с трибуны сессии ВЦИК ещё 2 февраля, – имеет громадное всемирно-историческое значение, и поэтому, добившись мирного договора с правительством, которое тоже становится демократическим /? – **Ю.Ж.**/ и которое теперь будет иметь прочные отношения с нами, но которое до сих пор поддерживалось всем империалистическим миром, мы должны смотреть как на акт громадной исторической важности».¹

Так и не дождавшись начала мировой революции в Европе, большевики начали стремительно менять свою стратегию. Теперь рассчитывали на то, что «не сегодня – завтра Америка и Япония бросятся друг на друга; Англия захватила столько колоний после победы над Германией, что никогда другие империалистические державы с этим не смирятся. Готовится новая бешеная война».²

А раз так, то следует обхаживать даже крохотную по территории, предельно слабую (как в экономическом, так и в военном отношениях) Эстонию. Идти на уступки не только ей, но и Латвии, Литве, Польше. Ведь все они, при умелой политике, вполне могут стать союзниками РСФСР в случае нового мирового конфликта.

Безусловно, победы на Восточном, Южном и Кавказском фронтах изменили в лучшую сторону стратегическое положение Советской России. Благодаря созданию Дальневосточной Республики удалось локализовать силы японских интервентов и остатки колчаковских войск, нейтрализовать их. Образование же автономных Башкирской и Татарской республик позволило избежать – по крайней мере, на ближайшее время – межэтнических и межконфессио-

нальных столкновений на Южном Урале и в Киргизской степи.

И всё же, Москва пока не чувствовала себя полным победителем. Ведь к востоку от старой административной финляндской границы всё ещё существовало Временное правительство Архангельской Карелии, контролировало положение в пяти обширных по площади волостях, центром которых стал уездный город Ухта. Неустойчивая ситуация сохранялась на Северном Кавказе, где горцы, боровшиеся с Деникиным, пока не признали Советскую власть.

Мало того, дивизии воинственного Пилсудского, так и не пошедшего на переговоры с большевиками, занимали прочные позиции по протяжённой линии: от Дриссы к Борисову, далее по реке Березине, через Коростень, немного западнее Житомира и Жмеринки до Могилёва-Подольского, за которым лежала Бессарабия, оккупированная Румынией. Тем самым, Польша подчинила себе не только Восточную Галицию, но и практически всю Белоруссию. Всё это вынуждало Москву держать в боевой готовности весьма слабые и немногочисленные силы на Западном и Юго-Западном фронтах.

Тем не менее, Ленин и солидарные с ним Каменев и Крестинский обратили свой взор на Закавказье. К тому их побуждала более чем прозаическая причина, весьма далёкая от задач мировой революции. Чисто экономическая – острейшая нужда в топливе. Ведь шахты только что освобождённого Донбасса нуждались в восстановлении, требовавшем время, и немалое. Зато продолжали действовать нефтепромыслы на Апшеронском полуострове, да и в Батуме скопилось предостаточно мазута и нефти, предназначенных на экспорт, но пока никем не востребованных.

Тайны из своей новой цели Ленин не делал. Выступая всё на той же сессии ВЦИК 2 февраля 1920 года, открыто пригрозил: «Мы предлагали Грузии и Азербайджану заключить соглашения против Деникина. Они отказались, ссылаясь на то, что они не вмешиваются в дела других государств. Мы посмотрим, как будут смотреть на это рабочие и крестьяне Грузии и Азербайджана».³

I. Действия разворачиваются на юге

Два года в Москве не вспоминали о Южном Кавказе. Напрочь забыли о нём после падения Бакинской коммуны. После оккупации края немцами и турками, после распада Закавказской Федерации и возникновения на её месте трёх самостоятельных республик. Не вспоминали, прежде всего, потому, что весь Кавказ надолго оказался прочно отрезанным от Советской России.

Сначала – мятежными казачьими областями и горцами Дагестана, стремившимися к предельной автономии, а затем – режимом Деникина.

Между тем, предоставленное самому себе Закавказье наглядно демонстрировало, к чему ведёт государственный шовинизм, особенно там, где существует национальная чересполосица, отягчённая, к тому же, вековой враждой мусульман и христиан.

Всего за два года край с избытком испытал ужасы нескольких страшных (ибо они сопровождались средневековой резнёй ни в чём не повинных мирных людей) междоусобиц, всякий раз вспыхивавших из-за территориальных претензий на районы со смешанным населением. Германо-турецкая оккупация края, продолжавшаяся с мая по октябрь 1918 года, только несколько пригасила давний антагонизм трёх народов. Несколько сдержала его, и то лишь потому, что при разделе Закавказья в Берлине и Стамбуле исходили из этнографической карты региона.

Германия превратила в свой, хотя и неофициальный, протекторат Грузию. Вернее, Тифлисскую и Кутаисскую губернии, не пожелав занять ни Сухумский округ (Абхазию), ни Цхинвалский уезд (Южную Осетию). Решила не осложнять своё положение конфликтом с Юго-Восточным союзом казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, рассматривавшим и Абхазию, и всю Осетию как неотделимые части своей территории.

Турция поступила более неосторожно. Для начала объявила о возвращении земель, утраченных ею в результате войны с Россией в 1878 году – Батумского округа, Карсской области, Ахалкалакского и Ахалцихского уездов Тифлиссской губернии. Но, не удовлетворившись тем, попыталась раздвинуть границы своей империи как можно дальше. Теперь – за счёт чисто армянских земель Сурмалинского, частей Александропольского, Шарурского, Эчмиадзинского, Эриванского уездов Эриванской губернии. Столь явная агрессия и привела к первой, но далеко не последней войне в Закавказье.

Армения, впервые за многие столетия восстановившая свою независимость, да ещё и ободрённая Великобританией, Францией и США, неременной их поддержкой при воссоединении обеих частей страны – русской и турецкой, в едином государстве, решила защищать себя. В боях, которые вели ополченцы против Турецкой регулярной армии с 21 по 28 мая 1918 года у селений Сардарабат и Караклис, сумели наголову разгромить врага.

Однако мир в крае продолжился менее месяца. В Тифлисе сочли, что шедшая на Северном Кавказе Гражданская война по-

зволит ему беспрепятственно увеличить территорию республики за счёт соседей. Потому в конце июня грузинские вооружённые отряды высадились в Сухуме, объявив об аннексии Абхазии. Затем двинулись на север, рассчитывая, не встречая серьёзного сопротивления, быстро захватить всё русское Черноморское побережье вплоть по Анапу. 5 июля вошли в Адлер, 6 – Сочи, 27 – Туапсе, где и были встречены подразделениями Добровольческой армии. Остановлены, разбиты и повернуты вспять. 26 сентября «добровольцы» освободили станицу Лазаревскую, потом Сочи, Адлер, Гагру. Только вмешательство командующего британскими силами в Закавказье генерал-майора Г.Кори вынудило их остановить на реке Бзыбь, ставшей временной русско-грузинской границей.⁴

Встав на путь захватов, Тифлис подтолкнул к тому же и соседние республики. Благо, оснований для того оказалось предостаточно. Баку оспаривал у Тифлиса Закатальский округ, Борчалинский и Сигнахский уезды. Тифлис у Эривани – Ахалкалакский и Ахалцихский уезды. Эривань у Баку – Карабахский, Нахичеванский, Зангезурский, Ордубадский, Шарурский. И всякий раз как бесспорное основание выдвигалось одно и то же «доказательство» – 70% населения, национальность которого менялась в зависимости от того, кто предъявлял требования на данную территорию.

Чисто дипломатические переговоры продолжались только до эвакуации германских и турецких войск. Уже 5 декабря вспыхнула война, грузино-армянская. Тифлиссские власти, равнодушно наблюдавшие за оккупацией Великобританией той области, которую Грузия считала своей (Батумской), да ещё и объявлением её «независимым государством», иначе повела себя по отношению к более слабой Армении. Пытаясь реабилитировать себя в глазах общественности, поспешила установить контроль над Ахалкалакским и Ахалцихским уездами.

Столкновения грузинских и армянских вооружённых сил продолжались почти месяц, но так и не принесли успеха ни одной из сторон. Кровавое пролитие остановило лишь вмешательство генерал-майора Г.Кори, командующего британскими войсками на Кавказе. Выступив в роли третейского судьи, он вынес обычное в таких случаях «соломоново решение». Северную часть спорного района отдал Тифлису, южную – Эривани, а между ними установил нейтральную зону, в которой – чисто случайно, разумеется, – оказались богатейшие по запасам Алавердские медные рудники. Ну, а контроль над нейтральной зоной Кори взял на себя лично.

В то самое время, когда Грузия и Армения уже вели между собой войну из-за меди, им пришлось, хотя и порознь, выступить против неожиданно возникшего общего врага – Юго-Западной Кавказской Демократической Республики. Государства, образованного 1 декабря 1918 года в Карсе сразу же после ухода оттуда турецких войск. Подчёркнуто мусульманская республика оспаривала права Тифлиса и Эривани на огромную территорию. У Грузии – Батумскую область, Ахалцихский и Ахалкалакский уезды. У Армении – Карсскую область, Шарурский, Сурмалинский, Нахичеванский уезды. Основывала же свои «права» лишь тем, что в ряде сёл региона проживают турки-мусульмане.

Лишь через четыре месяца не столько военных действий, сколько взаимной резни, Британская военная миссия на Кавказе решила вмешаться в конфликт. Опираясь на статьи 11-ю и 15-ю Мудросского соглашения о перемирии, заключённого Антантой с Османским правительством ещё 30 октября (потребовавшие, в частности, отвода всех турецких войск за старую российскую границу), и посчитав вооружённые формирования Юго-Западной Республики турецкими силами, чем в действительности они и являлись, британский отряд занял Карс, арестовал местное правительство и 10 апреля 1919 года объявил о переходе всей Карсской области под контроль Эривани.

Тогда же Армении пришлось защищать себя ещё на одном фронте. Сразу же после эвакуации турецкой армии азербайджанцы, жившие в Нахичеванском и Шарурском уездах, объявили о создании собственной республики – Араз-тюркской или Аракской. И снова вмешиваться пришлось командованию британских сил на Кавказе. Силой оружия останавливать кровавый конфликт, для чего в январе 1919 года они заняли город Нахичевань, передав весь спорный район Армении. Следуя же старому принципу «разделяй и властвуй», также поступили с Карабахом, вручив управление им Азербайджану.

Столь уклончивое, неопределённое, двусмысленное решение в конечном счёте спровоцировало (довольно скоро, уже в мае) армяно-азербайджанскую войну. Продолжавшуюся до августа, но так и не принёсшую кому-либо победы. Спорная зона (Нахичеванский уезд, Карабах с центром в Шуше, а также лежащий меж ними Зангезур) на два года превратилась в яблоко раздора между двумя республиками. Стала местом, где то затихали, то разгорались с новой силой вооружённые столкновения.

До мая 1919 года Азербайджан оставался в стороне от конфликтов, раздиравших остальное Закавказье. К такому отношению Баку подтолкнули многие причины. Поначалу – Гражданская

война между муссаватистами, занимавшими Елисаветпольскую губернию, и большевиками Бакинской коммуны. Затем – смена власти в Баку. С 1 августа по 14 сентября там господствовала «Диктатура Центрокаспия» (Центрального Комитета Каспийской военной флотилии и Временного Исполнительного Комитета Совета депутатов), поддержанная высадившимся в городе небольшим, всего в две тысячи человек, Британским экспедиционным отрядом. С 15 сентября, после занятия Баку турецкой Кавказской мусульманской армией – муссаватистское правительство.

Отвлекали руководство Азербайджана и сложные политические интриги. Прежде всего, попытка объединения (к чему настойчиво подталкивало его ещё турецкое командование) с созданной 11 мая 1918 года Горской Республикой, контролировавшей большую часть соседнего Дагестана. С краем, населённым людьми, близкими азербайджанцам по религии, культуре, быту. Переговоры о том продолжались до мая 1919 года. До тех пор пока Добровольческая армия, заняв Темир-Хан-Шуру и Дербент, не пресекла всякую возможность осуществить планы объединения.

Не менее привлекательной для Баку выглядела и явно нерепальная идея воссоединения обеих частей Азербайджана. Северной, ставшей независимой республикой, и южной, остававшейся в составе Персии. Идея, которую вполне серьёзно обсуждали в июле 1918 года председатель азербайджанской делегации в Стамбуле М.Расул-заде и его непосредственный руководитель, министр иностранных дел М.Гаджинский.⁵

Мечтая о грядущем, официальный Баку довольно долго сносил существование на крайнем юге, в Ленкоранском уезде, существование обособившейся от него территории. Образованной в июне 1918 года Временной военной диктатуры Мугани, объявившей о своей автономии, а 25 апреля 1919 года провозгласившей Муганскую Советскую Республику, уже ничем не связанную с Азербайджаном. Лишь два месяца спустя туда был направлен военный отряд, который и пресёк дальнейшую деятельность сепаратистов.

Стремление добиться официального признания (теперь не Турции и Германии, а Великобритании и Франции) вынудило бакинское правительство достаточно трезво осознать положение, в котором оно пребывало. Направило 28 мая 1919 года представителям союзных держав на Парижской мирной конференции меморандум. В нём же, ничуть не задумываясь, что точно такие же по содержанию и жалобам послания вполне могли направить и Грузия, и Армения, признавало:

«С соседними республиками Азербайджанская Республика находится в дружественных отношениях, только в территориальном отношении имеется спор с Грузинской и Армянской республиками. Спор с Грузией составляет Борчалинский уезд, часть Караязского и Тифлисского уездов /Закатальский округ – **Ю.Ж.**/. Спор же с Арменией составляет Сурмалинский и часть Эриванского уездов. Затем, в последнее время, Нахичеванский, Шаруро-Даралагезский и часть Новобаязетского уездов, составляющие неотъемлемую часть Азербайджана, с согласия союзного командования были представлены власти Армянской Республики, несмотря на упорное сопротивление и нежелание местного населения подчиниться армянским властям.

Эти спорные земли во всех отношениях – как в этнографическом, географическом, экономическом, культурно-политическом, социальном и т.д. – с почти сплошным населением из азербайджанских тюрков составляют и, по справедливости, должны составлять неотъемлемую и естественную часть Азербайджана».

И тут же предложило свой вариант выхода из, казалось бы, неразрешимого положения: «Не силою оружия, а на основании взвешенного принципа самоопределения народов эти области по свободно выраженной воле населения путём референдумов и плебисцита должны иметь возможность устроить свою собственную судьбу и политическую жизнь». Но почему-то заключило: «Население этих областей категорически высказывается против признания какой бы то ни было иной власти, кроме Азербайджана».

Заодно бакинское правительство попыталось решить и ещё одну, собственную, проблему. «Кроме этих спорных территориальных вопросов, – указывал меморандум, – имеется ещё один, а именно – о судьбе Горской Республики, на независимость которой было неоднократное покушение со стороны Добровольческой армии генерала Деникина. Азербайджанская Республика твёрдо стоит на той точке зрения, что Горская Республика, в состав которой входят Дагестан, Ингушетия, Чечня, Кабарда, Осетия и т.д. со сплошным мусульманским населением, по праву принципа свободного самоопределения должна составить самостоятельную государственную единицу, на которую Азербайджан не имеет никаких притязаний. Если же вопрос о самостоятельности Горской Республики будет решён почему-либо в неблагоприятном смысле для последней, то население вышеназванных областей, если им будет предоставлено право свободного волеизъяв-

ления, то, несомненно, они иной власти, кроме азербайджанской, не пожелают признавать».⁶

Но уже в тот же день главе азербайджанской делегации на Парижской мирной конференции А.Топчибашеву пришлось полностью отказаться от пожеланий, выработанных в Баку ещё до его отъезда. Причиной того стала встреча с президентом США Вудро Вилсоном, который предложил совершенно иное решение. «Было бы лучше, – указал он, – если бы в Азербайджане придерживались бы идеи образования на Кавказе федерации или конфедерации, которую взяла бы под покровительство какая-либо держава по поручению Лиги Наций».⁷

Топчибашев не стал противиться, настаивать на своём. Согласился и представил Вилсону новый вариант меморандума. «Мы, – писал он, – не можем признавать власти ни Колчака, ни Деникина или кого-либо другого, если кто-нибудь захочет быть носителем власти на всю бывшую Россию... Мы могли бы говорить, и говорим только о едином Кавказе, о возможной с нами конференции /конфедерации – **Ю.Ж.**/ кавказских народов – армян, грузин и дорогих наших соседей-горцев».⁸

Очень скоро, 7 июня, о том же заявил и начальник Британской военной миссии при штабе Добровольческой армии, генерал-майор Бриге. «Мирная конференция, – уведомил он представителя бакинского правительства при Кубанской Раде М.Джафарова, – и Лига Наций не будут рассматривать вопросы Грузии, Азербайджана и других республик, а рассмотрят вопрос о России в общем, так как только в интересах Германии расчленение России на мелкие единицы. Затем нам достоверно известно, что только стоит нам убрать британские войска из Закавказья, то сейчас же начнутся кровавые столкновения между народами Закавказья, но мы должны в ближайшем будущем... убрать наши войска из Закавказья».⁹

И Вудро Вилсон, и генерал Бригс были правы. К федерации край подталкивали не только злонамеренное нежелание мирно, только переговорами, разрешить существовавшие территориальные претензии, но и экономика – до революции единая для трёх республик, взаимозависимая. Именно хозяйственные задачи вынудили Армению, Азербайджан, Горскую Республику и Грузию, забыв обо всех распрях, созвать 27 апреля 1919 года постоянную Закавказскую конференцию. Правда, действительно постоянной, работоспособной оказалась лишь её финансово-экономическая комиссия. Ей-то и пришлось собираться регулярно, пытаясь решать неотложные задачи, ответы на которые ни Тифлис, ни Эривань, ни Баку найти порознь при

всём желании не могли. О продолжении и размере эмиссии общих для края денежных знаков (бон Закавказского комиссариата) и о распределении между республиками денежной массы. О транспорте и транзите – иначе говоря, о нормальной деятельности Закавказской железной дороги, связывавшей три столицы, расчленённой между суверенными государствами. О торговле и таможнях, ставших роковыми преградами...

Но вместо того чтобы сообща разрешить такого рода проблемы, вместе бороться с голодом, порождённым небывалым неурожаем (особенно в Армении), развивать экспорт, доходы от которого помогли бы восстановить разрушенные предприятия и закупить продовольствие, руководители трёх республик предпочли иное – оправдать поедсказание генерала Бригса.

Воспользовавшись уходом британских войск 23 августа из Баку, Нахичевани, Карса, нейтральной зоны (остались они только в Батуме, для предотвращения вполне возможного захвата турками этого важного стратегического пункта), они снова ввергли край в пучину военных столкновений. В Закатальском округе, в нейтральной зоне, но особенно – в Карабахе и Зангезуре. Повсюду именуя их «повстанческим движением» населения, а на деле – меньшинств, отказывающихся признать английский раздел.

Только угроза вторжения Добровольческой армии, казавшаяся Тифлису и Баку неотвратимой, несколько охладила воинственный пыл в Грузии и Азербайджане. Готовясь к тому, что вполне могло последовать вслед за эвакуацией британских сил, они загодя, ещё 16 июня, заключили «Военно-оборонительное соглашение». Оно же предусматривало: «Договаривающиеся государства обязуются выступить совместно всеми вооружёнными силами и военными средствами против всякого нападения, угрожающего независимости или территориальной неприкосновенности одной или обеих договаривающихся республик».

И хотя режим Деникина в соглашении прямо не упоминался (более того, как бы исключался содержанием статьи 10-й, предусматривавшей возможность присоединения к оборонительному союзу Армении, если она того пожелает)¹⁰, ни у кого не было ни малейшего сомнения – нападение ожидалось только с севера, и больше ниоткуда. От реки Бзыбь, из Дагестана.

О тех же опасениях открыто извещала и совместная декларация делегаций Азербайджана, Грузии, Кубани, Латвии (Ульманиса), Литвы, Горской Республики, Украинской Народной Республики и Эстонии на Парижской мирной конференции, вручённая Жоржу Клемансо 8 октября.

«Российские большевики, – утверждала она, – стремились на территории всей бывшей России установить диктатуру пролетариата и коммунизма, а российские реакционные круги стремились на той же территории установить свою военную диктатуру и реставрировать прежнюю Россию с порабощением народных масс».

Ведя войну между собой и относясь одинаково враждебно к новообразованным демократическим республикам, обе стороны одинаково направили своё оружие против народностей, неся всюду, по мере своего преуспевания, анархию, дезорганизацию и разрушение, чем лишили эти народности мира и возможности в полной мере посвятить свои силы организации своей жизни...

Не имея ни желания, ни намерения принимать участие в гражданской и политической борьбе нынешней России, к которой мы не принадлежим, и стоя на той точке зрения, что эта борьба может и должна быть разрешена только усилиями самого великорусского народа, который должен заняться своим государственным строительством сообразно со своими национальными особенностями и желаниями, наши республики желают посвятить себя работе по созданию у себя крепкого и устойчивого демократического строя сообразно со своими национальными особенностями и желаниями».¹¹

Тогда, в начале октября 1919 года (впрочем, как и позднее – в ноябре, декабре), из Тифлиса и Баку большевики с их Красной Армией казались чем-то малореальным, весьма отдалённым. Ну, а вот Деникин, чья армия стояла буквально на пороге у кавказских республик, и который категорически отказывался признавать не только их независимость, но даже и самостоятельность, являлся действительно страшной опасностью.

Потому-то Баку, не желая в любую минуту оказаться зажатым противниками с севера и юга, вынужденно пошёл на примирение с Эриванью. 23 ноября премьеры обеих республик Н.Усуббеков и А.Хатисов подписали в Тифлисе договор, установивший: правительства Азербайджана и Армении «обязуются прекратить происходящие ныне столкновения и не прибегать вновь к силе оружия... соглашаются принять действенные меры для исправления и открытия дорог, ведущих в Зангезур... обязуются разрешать все спорные вопросы, включая вопрос о границах, путём мирных соглашений...»¹²

Не ограничившись договором, оба правительства провели в Баку с 11 по 21 декабря двустороннюю конференцию, на которой договорились о необходимости образовать Закавказскую

конфедерацию. Пожелание, высказанное министром иностранных дел Азербайджана Ф.Хойским, гласило:

«На публичном заседании конференции азербайджанская делегация имеет выступить с заявлением относительно желательности создания конфедерации между закавказскими республиками. Армянская делегация поддержит это заявление, и конференцией будет принято соответствующее решение.

Что же касается вопроса о практическом осуществлении конфедерации, то он передаётся конференцией правительствам трёх закавказских республик для разработки его и постановки на обсуждение Тифлисской конференции представителей всех республик Закавказья. Вместе с тем, совещание находит необходимым в порядке частного совещания обсудить вопрос о желательных формах предлагаемой азербайджанской делегацией конфедерации».

Представители Армении, особенно после того, как услышали разъяснение, что будущая конфедерация – это «союз самостоятельных государств, сохраняющих свою независимость», нисколько не возражали. Правда, предложили прежде всего решить вопрос о границах. Но не так, как полагали сделать делегаты от Азербайджана – определить временную демаркационную линию, а непременно «в окончательной форме».

Тем не менее, выражая общее мнение своей делегации, посол Армении в Баку Т.Бекзадян полностью солидаризировался с мнением Хойского. «Разрешите мне, – торжественно провозгласил он, – я с искренним неподдельным чувством радости приветствую идею, которую делегация Азербайджанской Республики бросает в свою и в нашу общественность по вопросу о конфедерации закавказских независимых республик. С той большой радостью я это делаю, что, я думаю, и вместе со мной вся наша делегация думает, что без осуществления солидарности и объединения в конфедерацию закавказских государств, без дружной выработки внутренней политики, финансово-экономической и, может быть, другой, ещё более крупной – внешней, независимость этих государств не может прочно существовать».¹³

И всё же конференция официально так и не приняла соответствующее решение. Отложила его до встречи руководителей трёх республик в Тифлисе, о которой ещё предстояло договориться с Грузией.

Тем временем Чичерин, окрылённый своим успехом на переговорах с прибалтийскими странами, вознамерился продолжить такую, исключительно собственную, политику. Теперь – в Закавказье.

Как и в случае с Эстонией, в тот самый момент, когда Вооружённые силы Юга России терпели одно поражение от Красной Армии за другим (почему и начали стягиваться со всего Северного Кавказа к Новороссийску для становившейся с каждым днём неизбежной эвакуации), Чичерин направил 2 января 1920 года идентичные по содержанию ноты в Тифлис и Баку. Ими предложил вступить с РСФСР в переговоры и заключить военные соглашения для борьбы с Деникиным.

В нотах нарком подчёркивал: «Мы уверены, что рабочие и крестьяне Грузии и Азербайджана чувствуют в нём своего врага. Мы уверены также, что они ждут с волнением того дня, когда белогвардейский заслон между Советской Россией и Кавказом будет сломлен, и восстановятся сношения между народами, жившими ранее в границах одного государства».¹⁴

Поначалу Хойский счёл предложение Чичерина заслуживавшим внимания. Ведь переговоры позволили бы установить и дипломатические отношения между странами. Иными словами, заставили бы РСФСР признать независимость Грузии и Азербайджана. Именно это посоветовал Хойский своему грузинскому коллеге Е.Гегечкори. Однако неделю спустя они оба всё же пришли к иному решению. Ответили отказом, объясняя его принципом невмешательства и основанной на нём недопустимости «вторжения в сферу борьбы русского народа в деле устройства им своей внутренней жизни». Вместе с тем оба министра выражали готовность «путём переговоров установить... добрососедские отношения, вытекающие из принципа суверенности».¹⁵

Столь внезапный и твёрдый отказ от оборонительных договоров, которые ни в чём не могли ущемить независимость двух стран, порождён был весьма обнадеживающим сообщением, пришедшим из Парижа. Верховный Совет Антанты по предложению министра иностранных дел Великобритании Джорджа Керзона 12 января признал де-факто три закавказские республики. Тем внушил им уверенность в безусловной поддержке – дипломатической, а если потребуется, то и военной (в случае конфликта как с Деникиным, так и с Советской Россией). Правда, за такое неполное признание Баку пришлось отказаться от своих утопических притязаний на Южный Азербайджан. И сделать это на переговорах в Тегеране, изобразив такого рода собственные надежды «большевистской агитацией».¹⁶

Между тем, Чичерин продолжал вынашивать свой внешнеполитический курс по отношению к Закавказью. 18 ноября в Политбюро сделал доклад, настаивая на начале мирных переговоров хотя бы с одним Азербайджаном. Но все участники за-

седания – Ленин, Троцкий, Каменев, Крестинский и Сталин – отвергли даже мысль о том. Потребовали от наркома ознакомить их с проектом очередной ноты на имя Хойского, утвердив для неё директиву, предложенную Лениным:

«Поручить НКИДел вести политику величайшей сдержанности и недоверия по отношению к азербайджанскому правительству ввиду того, что оно отказало нам в предложении совместных военных действий против Деникина и оказывает услуги военным силам Англии, действующей против нас на Каспийском море. С полной определенностью подчёркивая наше неуклонное признание права трудящихся масс каждой нации на самоопределение, НКИДел должен решительно протестовать против такого поведения правительства Азербайджана».¹⁷

Несмотря на столь открыто выраженное неприятие его курса, Чичерин всё же попытался найти поддержку хотя бы у одного Троцкого. Предложил ему облегчить действия Красной Армии в ходе начавшейся 17 января операции по освобождению Северного Кавказа, используя старый антагонизм между казачьими областями и Деникиным. «Не думаете ли, – писал он Председателю Реввоенсовета республики 21 января, – что нужно бы вернуться к этим планам – вести переговоры на основе /признания – **Ю.Ж.**/ самоопределения с Кубанью, Терекком и Азербайджаном?»

Так и не добившись согласия Троцкого, Чичерин вынужден был 28 января направить Хойскому вторую ноту. По сути повторившую содержание первой, как и требовало Политбюро. Вновь попытаться вызвать понимание: «Неужели же министр Хан Хойский полагает, что происходящая между Деникиным и Советской властью борьба не затрагивает судьбы Азербайджана? Разве ему неизвестно, что программой Деникина и всех связанных с ним элементов является восстановление единой неделимой России в её прежних пределах и, между прочим, полное уничтожение самостоятельности Азербайджана?»¹⁹

Ответ Хойского, последовавший уже 5 февраля, оказался точно таким же повтором, как и сама нота Чичерина. Он вновь писал, что его «правительство, считая себя нейтральным в происходящей борьбе в России, выдворило из Баку генерала Пржевальского /представителя Добровольческой армии при штабе британских войск в столице Азербайджана – **Ю.Ж.**/ со всем его штабом, и не только не допускало в местностях Азербайджана мобилизации русских офицеров для включения их в армию Деникина, но даже запретило генералу Пржевальскому поместить

в газетах объявления о призыве русских офицеров... Точно так же несостоятельны и другие указания народного комиссара Чичерина касательно взаимоотношений азербайджанского правительства с командованием Добровольческой армии, идеология и истинные намерения которого азербайджанскому правительству хорошо известны».

Закончил же ноту Хойский повторением своего прежнего предложения, на принятие которого очень рассчитывал. «Всекие переговоры, – писал он, – по этому и другим вопросам могут происходить на основе безусловного признания Советским правительством независимости и суверенности Азербайджанской Республики».²⁰

Вот теперь Чичерин мог окончательно убедиться, в какую ловушку он сам себя загнал. Убедиться, что своей капитулянтской политикой по отношению к Эстонии создал опасный прецедент, грозящий в любую минуту обернуться «эффектом домино». Но повторить обещание признания в переписке с Баку он больше не мог из-за отрицательной, на этот раз, позиции всех членов Политбюро, не желавших повторять собственную ошибку. Проблемы же, связанные с Вооружёнными силами Юга России, именно в те самые дни потеряли всю прежнюю остроту и актуальность.

Донская армия генерала В.И.Сидорова и Кавказская – генерала П.Н.Врангеля, потеряв в ходе боёв Ростов и отступив за Маныч, вынуждены были любой ценой обезопасить себя с тыла. И 7 февраля представитель Деникина в Тифлисе посетил посла Армении и уведомил его о признании Вооружёнными силами Юга России независимости всех трёх закавказских республик.²¹

Даже не подозревая о столь важном событии, Чичерин передал 9 февраля в Политбюро записку, где вновь изложил прежнюю, чуть-чуть скорректированную концепцию. «Ответ Хан Хойского, – писал он, упорствуя на своём, – заявляющий, что переговоры между нами и его правительством могут происходить лишь на основе безусловного признания независимости и суверенности Азербайджанской Республики, снова ставит в порядок дня вопрос о том, не следует ли нам выступить с таким признанием». И, как на подтверждение своей полной правоты, сослался на мнение С.М.Кирова, тогда – члена РВС XI армии, ведшей наступление на Дагестан.

Киров же 31 января сообщил Чичерину: «Работа англичан в Азербайджане и Грузии с целью втянуть в войну с Совет. Россией продолжается... Англичане требуют, чтобы Азербайджан ни в коем случае не вздумал снабжать Совет. Россию нефтью. Боясь Англии, азербайджанское правительство уклоняется от

воен. /ного – **Ю.Ж.**/ союза с Совет. Россией». А далее Киров делал более чем странное предложение: поэтому нам «необходимо признание Азербайджана без условия воен. союза». Два дня спустя он повторил свой прогноз: «настоящее время Антанта делает всё к тому, чтобы втравить Азербайджан и Грузию в войну с нами». ²²

Сослался Чичерин в своей записке и на мнение Н. Нариманова (не только заместителя Сталина в Наркомате по делам национальностей, но и работника подведомственного ему НКИДа), заведующего Ближневосточным отделом. По словам Чичерина, Нариманов также «поддерживает ту же точку зрения, считая, между прочим, краевой комитет /Кавказский – **Ю.Ж.**/ наиболее компетентным для определения потребности в этом нашем признании».

Только затем, как бы страхуя себя на случай нового отказа Политбюро, предложил нечто новое. «Признание независимости Азербайджана, – писал он, – ещё не означает признания нынешнего правительства. Антанта, признавая независимость России, не признаёт Российского /Советского – **Ю.Ж.**/ правительства, и в случае появления Красного Азербайджанского правительства есть полная возможность признать его и даже оказать ему помощь против иностранного вмешательства, без вмешательства во внутренние дела Азербайджана. После признания Антантой независимости Азербайджана мы не можем остаться позади». ²³

Вновь не получившему одобрения и, следовательно, поддержки Чичерину в третьей ноте на имя Хойского, от 21 февраля, смещать упор на совершенно новые обстоятельства, мешающие быстрому признанию независимости Азербайджана. Не отвергая того в принципе, нарком утверждал теперь, что оно «не может быть отделено от чрезвычайно сложных переговоров по целому ряду частных вопросов». И ссылался на тот же пример, который использовал Тойский, – на Эстонию. ²⁴

Тем временем положение в Закавказье снова изменилось к худшему. Несмотря на достигнутые в декабре соглашения о создании конфедерации, в Карабахе и Зангезуре с новой силой возобновились бои между армянскими и азербайджанскими войсками. В Грузии к началу марта окончились поражение восстания, организованные Кавказским краевым комитетом РКП. Восстания под флагом Советской власти в Абхазии и Южной Осетии, а также в Горийском, Кутаисском, Озургетском, Душетском уездах. В Азербайджане «приближение большевистской армии, – как отмечал в конце января Хойский, – не могло оставить без внимания русское население Азербайджана и не /отразиться – **Ю.Ж.**/ на

соотношении политических партий, усилив значение левых групп и изменение их взаимоотношений с другими группами».²⁵

Об изменении ситуации в Азербайджане сообщил 6 марта Кирову и А.И.Микоян, находившийся на нелегальной работе в Баку (он возглавлял Азербайджанский Совет профсоюзов). «Бакинские товарищи, – уведомлял он Москву, – ушли в подполье, усиленно требуют мусульман-ответственных работников. Они надеются и уверены, что в ближайшее время, по мере продвижения Красной Армии к Петровску /Махачкале – Ю.Ж./ и выхода Красного Флота /в Каспийское море – Ю.Ж./ им удастся собственными силами совершить переворот, и потом только прибегнуть к помощи Красной Армии».²⁶

Сходную оценку положения в этой республике дал и Нариманов, срочно прибывший по требованию Кирова в Астрахань. Он, по словам Чичерина, отмечал: «После взятия Петровска в Баку начнётся внутреннее разложение, и нам надо быть наготове, чтобы вступить в Баку вовремя. Одновременно можно будет начать переговоры о товарообмене... Бакинцы нуждаются в хлебе и в нашем рынке для нефти».²⁷

От решительных действий (тогда же) советское руководство удерживало только то, что страна вновь оказалась в более чем сложном положении. В Гельсингфорсе и Варшаве полагали, что ослабленная до предела двухлетней Гражданской войною Советская Россия станет для них лёгкой добычей. Позволит создать Великую Финляндию, включающую и Карелию до Белого моря, и Кольский полуостров. Даст возможность воссоздать Речь Посполитую, окончательно подчинившую себе не только Литву с Белоруссией, но и всю Украину, да ещё и русские земли до Смоленска.

Ленин с тревогой писал 11 марта Троцкому, который вроде бы лучше других знал подлинное состояние Красной Армии:

«...Наше систематическое миролюбие доказывает польским массам, что им нечего бояться нас, угрозы же будут использованы империалистами, чтобы испортить благоприятное для нас настроение масс. Но абсолютно необходимы достаточные военные приготовления. Надо быть готовыми к наихудшему.

В Финляндии – взрыв шовинизма, ибо после краха белогвардейцев занятие нами всего Севера хоронит великофинские мечтания... Необходимо быть в военном отношении на всякий случай быть готовыми. На финском фронте необходима готовность к обороне.

Хан Хойский, хотя и полемизирует, но усиленно напрашивает на переговоры. Если бы все силы пришлось направить против

Польши и Финляндии, и если бы мирным путём можно было получить нефть, не следовало бы отсрочить там войну». ²⁸

Так полагал Ленин, от которого, в конечном счёте, и зависело принятие окончательного решения – быть или не быть войне, 11 марта. Однако, спустя всего шесть дней, он отказался от недавней осторожности. Телеграфировал членам РВС Кавказского фронта И.Т.Смилге и Г.К.Орджоникидзе, потребовав от них совершенно иное. «Взять Баку, – указал Председатель СНК, – нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это, причём обязательно в заявлениях быть сугубо дипломатичными и удостовериться максимально в подготовке твёрдой местной Советской власти. То же относится и к Грузии, хотя к ней относиться советую ещё более осторожно. О перебросках /войск – **Ю.Ж.**/ условьтесь с Главкомом». ²⁹

Столь внезапно изменить мнение Ленина заставило только одно – признание ошибки в прогнозе политики Финляндии. Гельсингфорс неожиданно для Москвы согласился урегулировать положение в двух волостях Карелии путём мирных переговоров, о чём и уведомил нотой от 29 февраля. Неделей позже выразил готовность обсудить вопрос и о Печенге, занятой Красной Армией, не прибегая к вооружённым действиям. ³⁰ Таким образом, оказалось, что один из двух возможных противников (во всяком случае – на ближайшее время) перестал представлять угрозу.

...К 30 марта части Кавказского фронта уже освободили Владикавказ, Кизляр, Грозный, Темир-Хан-Шуру (Буйнакск), Порт-Петровский. Потеряв возможность к сопротивлению, правительство Горской Республики бежало в Тифлис, а его основной военный орган, Совет обороны Северного Кавказа и Дагестана, 11 апреля самораспустился. Дорога на Баку оказалась открытой.

Глубокой ночью 27 апреля десантный отряд численностью в 300 человек, на четырёх бронепоездах 11-й армии, в одном из которых находились командарм (бывший штабс-капитан) М.К.Левандовский, Киров и Орджоникидзе, пересекли границу Азербайджана и на рассвете 28 апреля прибыли на бакинский вокзал. Как и предвидел Микоян, сопротивления не было. Его не оказали ни три тысячи солдат азербайджанской армии, стянутые к северу от столицы, ни две тысячи бакинского гарнизона. Выполнено было и главное условие Ленина – к моменту прихода авангарда Красной Армии уже был образован ВРК Азербайджана, во главе с заранее приехавшим Н.Наримановым, которому собравшийся в два часа ночи Парламент республики официально передал всю власть. В тот же день в Москву поступила телеграмма с просьбой о поддержке:

«Не имея возможности собственными силами удержать натиск соединённых банд внешней и внутренней контрреволюции, Военно-революционный комитет Азербайджана предлагает правительству Российской Советской Республики вступить в братский союз для совместной борьбы с мировым империализмом и просит немедленно оказать реальную помощь путём присылки отрядов Красной Армии.³¹

Разумеется, просьба тут же была удовлетворена. 30 апреля в Баку начали входить части 11-й армии. Но вступать в бои им пришлось лишь месяц спустя. Подавлять восстание, поднятое 25 мая перебравшимся в Гянджу (Елисаветполь) старым правительством по настоянию бывшего командующего турецкими войсками в Азербайджане генерала Нури-паши. Затем тот же Нури-паша уже 31 мая столь же неудачно пытался оказать сопротивление в Карабахе.

Иначе поступили Киров и Орджоникидзе по отношению к Грузии. Памятуя о провале поднятого ранее восстания (иными словами – об отсутствии там «подготовленной местной Советской власти»), решили не нарушать суверенитет республики. Срочно прибывший в Москву по приглашению НКВД член Учредительного собрания Грузии Г.И.Уратадзе и заместитель наркома по иностранным делам Л.М.Карахан подписали 5 мая договор, подготовленный по аналогии с российско-эстонским. Он установил:

- Россия «безоговорочно признаёт независимость и самостоятельность Грузинского государства и отказывается добровольно от всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к грузинскому народу и земле» (статья 1-я), «обязывается отказаться от всякого рода вмешательства во внутренние дела Грузии» (статья 2-я).

Граница между странами проходит по реке Псоу, от её устья (то есть в шести с лишним километрах к северу от демаркационной линии между деникинскими и грузинскими войсками) и далее, вдоль северной старой административной границы бывших Кутаисской и Тифлисской губерний, до Закатальского округа, а затем – по его восточному рубежу – до Армении. Одновременно Россия признавала принадлежность к грузинской территории Батумского округа, который Верховный Совет Антанты объявил 8 апреля 1920 года подмандатным Лиги Наций с пребыванием там вооружённых сил Великобритании, Франции, Италии, а также Закатальского и Сухумского округов.

Тем самым, ради сиюминутной политической выгоды Москва не только согласилась с необоснованными притязаниями Тиф-

лиса на Абхазию и Южную Осетию, но ещё и вмешалась в спор между Грузией и Азербайджаном из-за Закатальского округа, встав на сторону первой.

Правда, в свою очередь Грузия объявила о своём нейтралитете в не завершившейся ещё борьбе Красной Армии с остатками деникинской армии, эвакуированной в Крым. Она обязывалась разоружить части Вооружённых сил Юга России – «буде таковые окажутся», передать всё их военное имущество и корабли России и принять меры к недопущению впредь на своей земле присутствия «претендующих на роль правительства России или части её, или на роль правительства союзных с Россией государств, а равно представительств и должностных лиц, организаций и групп, имеющих своей целью низвержение правительства России или союзных с нею государств» (статья 5-я).

Кроме того, Грузия должна была «освободить от наказания и дальнейшего преследования» всех тех, кто был задержан и осуждён «за деяния в пользу Российской Социалистической Федеративной Советской Республики или в пользу Коммунистической партии» (статья 10-я).³² Иными словами, амнистировать участников просоветских восстаний.

Тифлиссские власти пошли даже на такую меру, лишь бы огрadyть себя от вторжения Красной Армии.

2. И снова – в условиях военных действий

Бакинскую операцию успели провести как нельзя вовремя.

25 апреля польские войска, пренебрегая международным правом – решением Лиги Наций о так называемой Линии Керзона, принятым ещё в декабре 1919 года, без предъявления Советской России каких-либо претензий, без объявления войны Варшавой, устремились на восток.

К продолжению боевых действий в Польше готовились долго и тщательно. Дожидались возвращения на родину из Франции армии генерала Ю.Халлера, а с Северного Кавказа, через Румынию – дивизии бывшего генерал-майора царской службы Л.Желиговского. Затем вдумчиво, обстоятельно, явно с расчётом на будущее, подбирали союзника. В самый последний момент, 8 марта, отказались признавать правительство не существовавшей в действительности Белорусской Народной Республики, хотя глава его, А.Луцкевич, и являлся горячим сторонником создания польско-белорусской унии. Зато пошли навстречу просьбам Петлюры.

Ещё в декабре 1919 года председатель Директории и главный атаман войск УНР впервые посетил Варшаву. Там, в Бельведерском дворце, встречался с Пилсудским и уговорил его признать независимость Украины. Правда, о цене такого признания все узнали весьма нескоро, только в 1926 году. Тогда и выяснилось, какова же цена, уплаченная Петлюрой за удовлетворение собственного властолюбия, за признание за рубежом.

Польско-украинский договор, подписанный 21 апреля 1920 года, всего за четыре дня до начала войны, отдавал под власть Варшавы девять миллионов украинцев. Признавал навечно нерушимой границу по реке Збруч, чем юридически закреплял захват легионерами в декабре 1918 года Холмщины и Подлясья, в мае 1919 года – Западной Волыни и Южного Полесья, а в июле – всей Восточной Галиции, то есть ЗУНР.

За Украинской Народной Республикой договор оставлял куда меньшую территорию, нежели та, которой добивалась Центральная Рада и от Временного правительства, и от РСФСР. Всего только – восточные уезды Житомирской, южные Черниговской, Киевскую, Полтавскую, Херсонскую и Екатеринославскую губернии.³³

Петлюра, согласившийся на именно такое соглашение, и министр юстиции А.Ливицкий, поставивший свою подпись на документе, вполне сознательно нарушили статью 4-ю Первой части Конституции УНР. Подготовленную и принятую при их самом непосредственном участии. Статью, объявлявшую территорию республики нераздельной, границы которой нельзя было изменять без согласия на то двух третей членов Народного Собрания.³⁴

Пилсудский дожидался поздней весны для начала военных действий далеко не случайно. К этому времени он сумел не только накопить силы, но и с радостью узнать о разгроме Деникина (которого очень опасался), понять, насколько ослабленной оказалась Красная Армия после двух лет непрерывных изнурительных боёв. Ну, а отдал приказ о наступлении на восток тогда, когда окончательно просохли после весенней распутицы все дороги.

Командование 3-й армией (в состав которой вошли две украинские дивизии – 6-я «сечёвая» и 3-я «железная»), 2-й (генерал А.Листовский) и 6-й (генерал Э.Рыдз-Смиглы) Пилсудский взял на себя, ибо они находились на направлении главного удара – Киевском. Севернее, на Смоленском направлении, были развёрнуты также три армии. 1-я – генерала Г.Зигдоловича, 4-я – генерала С.Шептицкого, 3-я – генерала В.Сикорского. Кроме того, в распоряжении Пилсудского имелась ещё и Резервная армия генерала К.Соснковского.

Используя пятикратное на тот момент численное превосходство, но отнюдь не внезапность, польские силы довольно легко смяли и оттеснили на восток противостоящие им две армии Западного фронта – 15-ю (бывшего подполковника А.И.Корка), 16-ю (бывшего полковника Н.В.Соллогуба) и две Юго-Западного – 12-ю (бывшего капитана С.А.Меженинова), 14-ю (бывшего подпоручика И.П.Уборевича). Уже 26 апреля захватили Житомир и Коростень, 6 мая – Киев. Выдвинулись на линию Белая Церковь–Липовец–Гайсин–Ямполь, создав, к тому же, стратегически важный плацдарм на левом берегу Днепра, ограниченный Вышгородом, Броварами, Борисполем.

Только после завершения переброски войск с Северного Кавказа и из Сибири командование Красной Армии смогло подготовить контрнаступление, начатое 14 мая соединениями Юго-Западного фронта (командующий – бывший полковник А.И.Егоров, член РВС – Сталин). 5 июня в результате прорыва, осуществлённого 1-й Конной армией С.М.Будённого, были освобождены Житомир и Бердичев. Неделий позже части 12-й армии вошли в Киев.

Первые же успехи позволили продолжить воссоздание советских органов власти на Украине, начатое ещё 16 февраля – роспуском Всеукраинского ревкома и заменой его конституционными Президиумом ВуЦИК (с председателем Г.И.Петровским), Совнаркомом (во главе с Х.Г.Раковским, утверждённым одновременно и наркомом иностранных дел).

Проходившая с 17 по 23 марта IV конференция КП(б)У пошла значительно дальше. Утвердила подавляющим большинством голосов (из 287 делегатов высказались «против» только двое, воздержались шестеро) резолюцию «Государственные отношения Советской Украины и Советской России». Документ, развивавший положения постановления ВЦИК от 1 июня 1919 года о военно-политическом союзе советских республик. Подготовленный Раковским как «Тезисы», утверждённые Политбюро значительно ранее, 18 января, и породившие только на первый взгляд странное (его же) решение, принятое в тот же день. «Предложить ВЦИК, – гласило оно, – создать комиссию для выработки основ федеральной Конституции РСФСР. В состав комиссии ввести в качестве её основного ядра Каменева, Крестинского и Раковского. После выработки основных политических положений дальнейшую научно-техническую работу поручить специальной подкомиссии».³⁵

Заставили же прийти к мысли о необходимости пересмотреть Основной закон республики следующие пункты «Тезисов», ставших несколько позже, 23 марта, резолюцией партконференции:

«3. Тесная братская солидарность между рабочими и крестьянами всех стран является существенным условием победы всемирной социалистической революции, без каковой победы Советская власть в отдельных странах будет стоять перед постоянной угрозой восстановления старого порядка. Всякие попытки разорвать или ослабить эту связь являются, по существу, контрреволюционными и направленными против самой власти рабочих и крестьян. Выдвигание национального вопроса во главу угла борьбы против Коммунистической партии – безразлично, делается ли это со стороны подлинно буржуазных или со стороны советских и полукоммунистических партий, – является сознательной или несознательной попыткой сорвать или затруднить установление пролетарской диктатуры.

6. На примере Украины лучше всего видна контрреволюционная роль, которую сыграла националистическая агитация, превратившаяся в руках как украинских соглашательских партий, так и хищников международного империализма в средство борьбы и травли против Социалистической Советской России и против социалистической Советской власти вообще и против освобождения украинских рабочих и крестьян.

7. «Независимая Украинская Народная Республика» являлась только псевдонимом власти международного империализма на Украине. При власти украинских социалистов-соглашателей националистов, Украина превращалась фактически в иностранную колонию, а рабочие и крестьяне Украины – в рабов международного империализма.

8... Опыт Венгрии, Баварии и самой Украины ясно показал, что контрреволюция легко может справиться со всеми советскими республиками, которые вследствие ограниченности своей территории и своего населения и вследствие отсутствия достаточно организованного военно-гражданского аппарата и накопленного политического опыта не могут противопоставить ей соответствующий отпор.

9... В силу сложившихся обстоятельств Советская Россия является руководителем и организатором международного пролетариата в борьбе с международным империализмом. Всякая новая советская республика, руководимая инстинктом самосохранения, ищет в Советской России опору и поддержку. Тесный

союз с Советской Россией является революционным долгом всякого нового советского государства.

10. Кроме интересов обороны, тесный союз Украинской Советской Социалистической Республики с Советской Россией диктуется ещё рядом причин, проистекающих из их общей неразрывной исторической судьбы... Полное отделение этих двух советских государств является только искусственным процессом, находящимся в противоречии со всей прошлой и будущей борьбой украинских и русских рабочих и крестьян. Полное государственное обособление Украины ведёт неминуемо к внутренней национальной борьбе на Украине и к усилению экономической разрухи на Украине и России...»

Такова была своеобразная теоретическо-политическая преамбула «Тезисов» – «Резолюции». Далее же следовали предельно конкретные предложения:

«12. Первым объединением между Украиной и Россией, подготовленным самим ходом событий, было объединение Военных комиссариатов... 13. Также естественно намечается объединение Народных комиссариатов по иностранным делам... 14. Социалистическое производство, основанное на планомерной организации труда и обмена, предполагает общий производительный план между социалистическими государствами, создание общих органов для учёта и распределения рабочей силы, сырья, средств производства. Для Украины и Великороссии, экономическое развитие которых в прошлом находилось в тесной взаимной зависимости, такое объединение является необходимым для восстановления разрушенной после четырёхлетней международной войны и двухлетней Гражданской войны промышленной жизни. 15. Одновременно с объединением органов Совета Народного Хозяйства той же самой экономической необходимостью диктуется объединение Народных комиссариатов путей сообщения, почт и телеграфа, тесно связанных со всей экономической жизнью и проявляющимся даже при буржуазном капиталистическом строе стремлении к интернационализации. 16. Валюта и Народный банк являются общими для обеих республик. 17. Общность рабочего движения России и Украины, существование единых профессиональных союзов диктует необходимость объединения Народных комиссариатов труда...

18. Комиссариаты продовольствия обеих республик, сохраняя между собой самый тесный контакт и вырабатывая по соглашению общие планы заготовок, временно остаются отдельными.

19. Объединённые комиссариаты, обслуживающие общие нужды обеих республик, действуют под общим контролем через

Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, являющийся Федеративным органом, в который входят представители губерний УССР.

При центральных объединённых комиссариатах УССР имеет своих представителей в соответствующих коллегиях точно так же, как и в Реввоенсовете республики, 20. Детальные положения об организации центральных аппаратов федерации будут разработаны по согласованию Центральных Исполнительных Комитетов обеих республик.

21. В полном ведении Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета остаются следующие, обслуживающие специальные интересы украинских масс, комиссариаты: просвещения, внутренних дел, земледелия, юстиции, народного здоровья и социального обеспечения». ³⁶

Вот в чём конкретно заключались предложения Раковского. Повторившие, практически, все прежние идеи, высказывавшиеся Сталиным. Те предложения, с которыми солидаризировались и присутствовавшие на заседании Политбюро 18 января 1920 года Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Крестинский. Вот почему возникла необходимость менять (пусть и не кардинально, но всё же довольно значительно), либо корректировать отдельные главы и даже статьи Конституции РСФСР.

Казалось, вот теперь-то, с помощью юристов, экономистов, этнографов, других специалистов (сотрудников обусловленной «научно-технической подкомиссии») комиссия Политбюро и начнёт столь необходимую работу. Но нет, седьмая сессия ВЦИК поступила, хотя в ней и участвовал Каменев, иначе. Вопреки решению Политбюро, образовала 7 февраля собственную, не менее представительную Комиссию по разработке вопросов федеративного устройства РСФСР.

«Установление нормальных отношений, – отмечало постановление ВЦИК, – между РСФСР и входящими в её состав автономными советскими республиками и вообще нерусскими национальностями, своевременное удовлетворение их нужд и выработка форм государственных отношений между входящими в РСФСР частями составляет одну из основных задач ВЦИК.

Исходя из этого, ВЦИК постановил образовать для разработки вопросов конституционного устройства РСФСР, объёма прав отдельных частей федерации, отношения центральной и местных органов власти, строения центральной федеративной власти и т.д. на основе Конституции РСФСР особую комиссию ВЦИК в составе тт. Сталина, Владимирского, Мархлевского,

Саид-Галиева, Крестинского, Рыкова и Раковского под председательством т.Каменева.

Комиссия о ходе своих работ обязана доложить на следующей сессии ВЦИК». ³⁷

Но ни на восьмой, ни девятой, ни десятой сессиях никакого отчёта не последовало. Снова очередная комиссия, третья по счёту (начиная с созданной 1 июня 1919 года), оказалась мертворождённой. Разумеется, объяснить такое нужно слишком большой загруженностью её членов. Л.Б.Каменева и Н.Н.Крестинского – в Политбюро. И.В.Сталина – на Юго-Западном фронте, организацией и руководством Украинской трудовой армии, проведением IV конференции КП(б)У. М.Ф.Владимирского – рутинной деятельностью во ВЦИКе и его Президиуме. Ю.Мархлевского – работой в Коминтерне и НКВДе. С.Г.Султан-Галиева – созданием Татарской Автономной Республики. А.И.Рыкова – изматывающими, нечеловеческими заботами чисто хозяйственного плана. Х.Г.Раковского – обороной Украины от польских захватчиков.

Только потому и оказались без должного внимания, без незамедлительного принятия необходимых правовых актов Москвою в связи с постановлением IV Всеукраинского съезда Советов. Проходившего в Харькове, ставшем новой столицей УССР, с 6 по 20 мая, во время сражения за Киев.

IV Всеукраинский съезд Советов среди других принял и постановление «О государственных отношениях между УССР и РСФСР», провозгласившее: «УССР, сохраняя свою самостоятельную государственную Конституцию, является членом Всероссийской Социалистической Советской Федеративной Республики... Подтверждая соглашение между Центральными Исполнительными Комитетами УССР и РСФСР об объединении комиссариатов военного, финансового, железнодорожного, народного хозяйства, почт и телеграфов и труда, поручает будущему Центральному Исполнительному Комитету вести и дальше ту же самую политику к теснейшему сближению.

...IV Всеукраинский съезд Советов с уверенностью ожидает того времени, когда к Федерации советских республик России и Украины присоединятся новые союзные республики». ³⁸

Пока же начавшееся объединение было выражено в делегировании тридцати членов ВуЦИК в состав ВЦИК. ³⁹

И всё же, по вине комиссий и Политбюро, и ВЦИК (в которых председательствовал Каменев, непременно присутствовал Крестинский) даже год спустя «государственные отношения между двумя братскими республиками» оставались «лишь в процессе

оформления и не вылились пока в определённые устойчивые формы».⁴⁰ Иными словами, в официальное провозглашение создания федерации.

Не менее странным выглядело равнодушие Каменева, членов его комиссий и в связи с провозглашением Советской власти в Баку. Только 25 мая, да и то по инициативе наркома по иностранным делам, Политбюро приняло назревшее ещё месяц назад решение: «Поручить т.Чичерину обратиться к азербайджанскому правительству с предложением открыть переговоры для определения отношений. По получении ответа назначить комиссию /четвёртую по счёту! – **Ю.Ж.**/ из тт.Чичерина, Крестинского, представителей ВСНХ и военведа /Наркомата по военным и морским делам – **Ю.Ж.**/».⁴¹

Очевидная фиктивность комиссий и Политбюро, и ВЦИК, их явное существование только на бумаге и привело к тому, что национально-государственное строительство в рамках РСФСР приняло стихийный, случайный характер, исключаящий какой-либо продуманный план. Именно так возникла Карельская Трудовая Коммуна, созданная по инициативе Наркоминдела и Коминтерна.

Перед началом мирных переговоров с Финляндией Москве срочно потребовалась советская альтернатива признанной Гельсингфорсом в первых числах мая независимой Карелии. Той самой, что была провозглашена 1 апреля в селе Ухта на Национальном съезде, созванном Карельским Временным правительством, возникшим незадолго перед тем, 23 марта. Марионеточным, но, тем не менее, контролировавшим с помощью финских войск Ребольскую и Поросозерскую волости – всю западную часть края.

«Признать в принципе желательным, – отметило решение Политбюро от 18 мая 1920 года, – организацию Карельской Коммуны. Поручить проведение этого в жизнь комиссии из тт.Владимирского, Карахана, представителей финских, петроградских товарищей и немецкой компартии». А двумя неделями позже, 1 июня, последовало и окончательное решение: «Поручить Оргбюро по соглашению с тт.Зиновьевым, Владимирским и Чичериным утвердить постановление о создании Карельской Трудовой Коммуны для направления во ВЦИК. Поручить т.Владимирскому провести через Президиум ВЦИК постановление о создании Карельской Трудовой Коммуны, а Оргбюро с тт.Зиновьевым, Чичериным и Владимирским определить состав Карельского комитета /ревкома – **Ю.Ж.**/».⁴²

Далее события развивались столь же стремительно. Уже 8 июня выполнил поручение Владимирский. В тот день и последо-

вало постановление Президиума ВЦИК о создании новой административной и, вместе с тем, национально-территориальной единицы в составе РСФСР с необычным статусом. Не автономной республики, как то было прежде, а некоей трудовой коммуны. Названной так по аналогии с Северной коммуной, Союзом коммун Северной области, возглавляемых Зиновьевым.

Произошедшее не имело прецедента. И скорость как принятия решения, так и его выполнения – в общей сложности они заняли всего двадцать два дня. И участие Зиновьева, председателя Исполкома Коминтерна, – в первом решении Политбюро он фигурировал инкогнито, как «петроградские товарищи». И далеко не случайное присутствие на обоих заседаниях Политбюро Радека, только что вернувшегося из Германии, где он находился на подпольной работе («немецкая компартия»), а по возвращении в Москву тут же утверждённого секретарём Исполкома Коминтерна. И заинтересованность Наркоминдела – сначала в лице Карахана, а затем и самого Чичерина. Наконец, утверждение председателем Карельского ревкома Э.Гюллинга – финского гражданина, шведа по национальности, как и Маннергейм; члена Исполкома Социал-демократической партии Финляндии, её председателя в 1917 – начале 1918 года; члена Совета Народных Уполномоченных, финского революционного правительства и начальника штаба Красной гвардии; с марта 1918 года по апрель 1920 находившегося в эмиграции в Швеции.

Причины создания Карельской Трудовой Коммуны были слишком очевидны. Наркоминделу они позволяли отстаивать целостность РСФСР на переговорах с Финляндией. Коминтерну – получить возможность развернуть пропагандистскую и иную работу из Петрозаводска, объявленного центром Коммуны, на Финляндию и Швецию, заодно дав приют финским коммунистам, вынужденным эмигрировать в марте 1918 года.

Но, как бы то ни было, Карельскую Трудовую Коммуну создали как нельзя вовремя. 12 июня в Юрьеве (Тарту) начались советско-финляндские переговоры.

Приступив к обсуждению с Финляндией вопроса о границах в Карелии и на Мурмане, Наркоминдел поспешил форсировать мирные переговоры и с Литвой. Как можно быстрее завершить их, ибо слишком затянувшейся паузой воспользовался Мицкявичюс, так и не смилившийся с отказом от борьбы за Советскую власть на родине. 8 марта он обратился в Политбюро за разъяснением – следует ли литовским коммунистам «выдвинуть лозунг захвата власти», или им следует участвовать в выборах в Учре-

длительный сейм? Двусмысленный ответ, полученный им, должен был обескуражить главу правительства Литовско-Белорусской Республики. С одной стороны, руководство РКП настаивало на участии в выборах, да ещё «под флагом беспартийных рабочих групп». Но с другой – рекомендовало «развернуть партизанскую борьбу». ⁴³

К счастью для Чичерина, в Каунасе о решении Политбюро не прознали. 31 марта, с запозданием на семь месяцев, наконец откликнулись на ноту НКВД, от 11 сентября. «Литовское правительство, – уведомил его глава А.Вольдемарас – настоящим заявляет, что оно готово заключить мир с Россией. Главным условием мира является признание полной независимости Литвы в её этнографических границах, то есть включающей в себя в общих чертах бывшие Виленскую, Ковенскую, Гродненскую и Сувалкскую губернии со столицей Вильно». ⁴⁴

Условия для Москвы являлись приемлемыми, ибо они ни в чём не расходились с прежними представлениями о пределах этой республики, будь она советской или тарифской. Поэтому уже 2 апреля в Каунасе получили положительный ответ: «Российское Советское Правительство согласно признать этнографический принцип как основу для определения границ территории Литовского государства». ⁴⁵

Переговоры на такой предварительной договорённости открылись в Москве 7 мая. Делегацию на них РСФСР возглавил А.А.Иоффе, Литвы – Т.Нарушевичюс. Но сразу же обнаружилось, что введённая в заблуждение вроде бы уступчивостью российской стороны литовская, ничуть не сообразуясь с реальным положением своей страны, попыталась повторить чуть ли не полностью условия советско-эстонского договора. Стала настаивать на возвращении литовским гражданам их имущества, оставленного в России, выделении пропорционально населению Литвы части российского военного и торгового флотов (и это при отсутствии выхода к морю!), государственных капиталов, имеющих за рубежом. ⁴⁶

Не довольствуясь тем, литовская сторона высказала претензии на Новогрудский уезд Минской губернии, части Илукстенского и Гробинского – Курляндской, Лидского и Ошмянского – Гродненской. Только напоминание Иоффе о том, что три губернии из четырёх, да ещё и столица Вильно (признать которые Литва требовала своей территорией), оккупированы поляками, заставило Нарушевичюса отказаться от явно несообразных требований.

Все разногласия были сняты наступлением Красной Армии, её стремительным наступлением на запад. Части 15 и 16 армий

освободили 29 июня Мозырь, 9 июля – Игумен, 10 – Бобруйск, 11 – Минск. Опасаясь, что весьма скоро красноармейцы смогут появиться на улицах не только Вильно, но и Каунаса, литовская делегация забыла обо всех своих прежних претензиях и 12 июля подписала договор с РСФСР.

Его 1-я статья выражала признание Советской Россией независимости Литвы. Статья 2-я определяла границу между двумя государствами. Она начиналась в 30 километрах южнее Гродно, шла на восток по Неману, сворачивала к северу и проходила в 70 километрах западнее Минска, оставив на российской стороне города Молодечно, Вилейку, а на литовской – Свирь, Сморгонь, Ошмяны, и выходила к Западной Двине, к Латвии.⁴⁷ Тем самым, Виленская область, которую оспаривала Польша, оказалась разделённой на две зоны: северо-западную литовскую и юго-восточную. Учтя положение на фронте, весьма выгодное для их страны, литовские делегаты дополнили договор следующим положением: «Ввиду невозможности для российских армий приостанавливать военные действия против Польши на литовской границе, нижеподписавшиеся от имени правительства Литовской Демократической Республики заявляют, что она ни в коем случае не сочтёт за нарушение настоящего договора и недружелюбный в отношении Литвы акт факт. перехода российскими войсками литовской границы, и занятие ими части территорий, по настоящему договору составляющих территорию Литовского Государства, с тем, однако, условием, чтобы по миновании военно-стратегической надобности российские войска были выведены из означенных территорий».⁴⁸

По сути, данное дополнение к мирному договору означало ничто иное, как своеобразную просьбу Литвы освободить прежде всего Виленскую и Гродненскую губернии от польских оккупантов.

Быстрое освобождение Красной Армией Восточной Белоруссии и Правобережной Украины серьёзно обеспокоило Верховный Совет Антанты. Выполняя отчаянную просьбу польского правительства, взывавшего о незамедлительной помощи, Джордж Керзон от имени своего правительства поспешил повторить предложение, сделанное Варшаве ещё в декабре 1919 года, только на этот раз адресуясь к Москве. Настойчиво посоветовал признать такую границу между странами, которая основывалась бы на этнографическом принципе, а не на политических амбициях или великодержавных устремлениях. Ту самую границу, которая с тех пор именовалась «Линией Керзона».

«Между Польшей и Советской Россией, – рекомендовал Керзон в ноте Правительству РСФСР от 11 июля, – заключается перемирие, которым немедленно приостанавливаются военные действия. В условия перемирия включается, с одной стороны, отступление польской армии на линию, намеченную в прошлом году Мирной конференцией.

Линия эта приблизительно проходит так: Гродно – Валовка – Немиров – Брест-Литовск – Дорогуск – Устилуг – восточнее Грубешова – через Крылов – и далее западнее Равы-Русской – восточнее Перемышля – до Карпат; севернее Гродно граница с литовцами идёт вдоль железной дороги Гродно – Вильно и затем на Двинск.

С другой стороны, в условия перемирия надлежало бы включить, что войска Советской России останутся на расстоянии 50 километров к востоку от этой линии. В Восточной Галиции обе стороны останутся на линии, занятой ими ко дню подписания перемирия».

Заключил же Керзон свою, в общем благожелательную по отношению к Москве рекомендацию, фразой, которая более подходила к такому документу, который на языке дипломатов называется «ультиматум»:

«Если Советская Россия, несмотря на повторное заявление о признании независимости Польши, не удовлетворится отходом польской армии с российской территории под условием взаимного перемирия, Британское правительство и его союзники сочтут себя обязанными помочь польской нации защитить своё существование всеми средствами, имеющимися в их распоряжении». ⁴⁹

Пока в Москве изучали ноту Керзона и готовили ответ, 14 июля 3-й конный корпус Гая (Гайка Бжишкяна) освободил Вильну. Тогда же десять литовских полков, сведённых в три дивизии, возобновили военные действия против Польши, теперь уже – совместно с частями Красной Армии. 19 июля вошли в Гродно, 25 – в Волковыск, 1 августа – в Брест-Литовок.

На столь важное событие Чичерин не мог не откликнуться. «Мы рады приветствовать, – писал он 21 июля министру иностранных дел Литвы Пурицкому, – совместные действия литовских и российских войск против польских империалистов... Теперь уже выяснилось на деле, до какой степени необходимым было соглашение, принятое обеими сторонами о временном занятии по стратегическим соображениям российскими войсками литовской территории». ⁵⁰

...Еще 17 июля Реввоенсовет республики принял директиву, в соответствии с которой войскам Западного и Юго-Западного

фронтов предписывалось наступать только до линии Керзона. Отражала, вместе с тем, и позицию советского руководства, выраженную нотой от 17 июля, то есть сформулированной в тот же самый день.

Отвечая своему лондонскому коллеге, Чичерин начал с наиболее существенного. С констатации тех двойных стандартов, которые использовал Керзон в своей ноте-ультиматуме. Когда Польша напала на Россию и Украину, отметил нарком, «британское правительство не проявило, к сожалению, такого же желания способствовать сохранению мира в Восточной Европе».

Затем Чичерин напомнил об уже сделанном РСФСР для укрепления мира с соседними странами – о договорах, подписанных с Эстонией, Грузией, Литвой. И повторил то, что Москва предлагала Варшаве не раз: «непосредственные переговоры с польским правительством вполне соответствуют желаниям Советского правительства». Уточнил, что «если польское правительство обратится к нему /правительству РСФСР – **Ю.Ж.**/ о мире, то оно это предложение не отвергнет».

Но, перейдя к истинной причине, и приведшей к нападению Польши, не смог удержаться Чичерин от выражения собственных представлений о путях разрешения военно-политического кризиса. Напрочь забыл о содержании «Воззвания ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились». Подписанного бывшим главнокомандующим А.А.Брусиловым, бывшим военным министром А.А.Поливановым и другими видными военачальниками. Опубликованного газетой «Известия» 30 мая 1920 года.

«В этот критический исторический момент нашей народной жизни мы взываем к вам с настоятельной просьбой забыть все обиды, кто бы и где бы их вам ни нанёс, и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию...

Не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию и не допустить её расхищения, ибо в последнем случае она безвозвратно может пропасть, и тогда наши потомки будут справедливо проклинать и правильно обвинять нас за то, что мы из-за эгоистических чувств классовой борьбы не использовали своих боевых знаний и опыта, забыли свою матушку-Россию».

В отличие от царских генералов, Чичерин был готов, как и прежде, допустить «расхищение» территории своей страны, признавая независимость всех национальных окраин. Потому и выразил в ноте готовность «на более выгодную для польского народа /выделено мной – **Ю.Ж.**/ границу, чем та, которую наметил Верховный Совет в декабре прошлого года и которую снова предлагает британское правительство». И для начала

предложил отдать полякам Холмщину. Только ради того, чтобы «создать прочную основу для действительно братских отношений трудящихся масс Польши, России и Украины, Белоруссии и Литвы».⁵¹ Одним словом, по мнению Чичерина, именно русские, украинцы, белорусы и литовцы почему-то должны были жертвовать своими землями во имя некоего «братства».

Между тем, Красная Армия уже не только вплотную подошла к Линии Керзона. 17 июля она заняла Гродно, почти полностью освободив ту территорию, которую и Каунас, и Москва после подписания мирного договора рассматривали как принадлежащую Литве. А так как из Варшавы ещё не поступило официальное уведомление о готовности заключить перемирие, в соответствии с новой директивой, подписанной 22 июля уже не Троцким, а Главкомом С.С.Каменевым, соединения Западного и Юго-Западного фронтов продолжили наступление.

Лишь тогда в Барановичах появилась делегация Польши. Но не правительственная, что было необходимо для подписания предусмотренного перемирия, а военного командования. Отнюдь не облечённая надлежащими полномочиями. Призванная, скорее всего, дать своим армиям временную передышку.

3. Федерация: теория и практика

В те дни, когда польские армии победно продвигались по Украине, в Москве начали готовиться ко Второму конгрессу Коминтерна. Должному не просто подвести итоги прошлого года, который так и не принёс ни одной европейской стране торжества пролетарской революции, но и навести порядок в собственных рядах, обескураженных чредой поражений.

Ленин в мае написал свою, тут же ставшую знаменитой, книгу «Детская болезнь левизны в коммунизме». Обобщил в ней опыт русской революции и сделал вывод – её главные черты непременно повторятся в мировом масштабе. Зиновьев разработал «21 условие» приёма партий и организаций в Коминтерн. Предусмотрел ими обязательность строжайшей централизации и военной дисциплины.

Необходимо было извлечь и ещё один урок из постигших Коминтерн провалов. Постараться понять, разумеется, на основе незыблемого марксизма: если революцию так и не удалось начать на Западе, то нельзя ли то же попытаться сделать на Востоке? Да, полуфеодальном, промышленно вопиюще отсталом, не имеющим потому пролетариата, но всё же политически бур-

лящим, готовым к антиимпериалистической борьбе. Прежде всего, в колониях – Британской Индии, Кореи, Нидерландской Индии. В полуколониальных Персии, Китае, раздираемых Гражданской войной между Севером и Югом, между Нанкином и Кантоном.

Так обозначился второй по значимости вопрос повестки дня предстоящего конгресса – «национальный и колониальный». Действительно оказавшийся донельзя актуальным, вызвавшим острейшие выступления – итальянцев Серрати и Грациаеи, голландцев Маринга и Вайнкопа, американца Фрайна, ирландцев Конноли и МакАльпина, евреев Фрумкина, Мережина, Кона, англичан Мёрфи и МакЛейна. Всех их, высказывавших различные суждения по поводу предложенных их вниманию мало чем отличавшихся друг от друга тезисов Ленина и Роя.

Свои тезисы по национальному и колониальному вопросам Ленин подготовил ещё 5 июня и сразу же направил Крестинскому, Сталину, Чичерину, Преображенскому, а также польскому коммунисту Лапинскому и болгарскому – Неделкову. Ожидал от них отзывов, поправок или дополнений, чтобы не вызывать разногласий в ходе прений.

Формулировал собственную позицию Ленин следующим образом. Необходимо, писал он, «отчётливое разделение наций угнетённых, зависимых, неправых от наций угнетающих, эксплуатирующих, полноправных. Столь же требуется «усиливать повсюду революционную борьбу как пролетариата передовых стран, так и всех трудящихся масс колониальных и зависимых стран». Поэтому следует непременно оказывать помощь «освободительному движению» в государствах «отсталых, с преобладанием феодальных или патриархальных и патриархально-крестьянских отношений».

Развивая столь необычное для марксизма положение, Ленин не мог не затронуть проблемы собственной страны, весьма близкой к данной характеристике. «Необходимо, – призывал Ленин, – вести политику осуществления самого тесного союза всех национально- и колониально-освободительных движений с Советской Россией, определяя формы этого союза своеобразно степени развития коммунистического движения». И делал вывод: «Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся разных наций».

«Федерация, – уточнил Ленин, – уже на практике обнаружила свою целесообразность как в отношениях РСФСР к другим советским республикам (Венгерской, Финской, Латвийской в прошлом, Азербайджанской, Украинской в настоящем), так и

внутри РСФСР по отношению к национальностям, не имевшим ранее государственного существования, ни автономии (например, Башкирская и Татарская республики в РСФСР, созданные в 1919 и 1920 годах)...

«Признавая федерацию, – продолжал Ленин, – переходной формой к полному единству, необходимо стремиться к более и более тесному федеративному союзу, имея в виду:

во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окружённых несравненно более могущественными в военном отношении империалистическими державами всего мира;

во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся;

в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме...»⁵²

Своими «Набросками тезисов» Ленин не сумел привнести в решение национального вопроса чего-либо нового, существенного. Особенно – применительно для судьбы народов, населяющих пространство бывшей Российской Империи. Просто подытожил и не раз предлагавшееся Сталиным и то, что годом ранее зафиксировала программа РКП.

Единственно необычным стало только предложение о некоторых (весьма неясных) различиях при образовании федерации. С одной стороны – вхождение в РСФСР на неких особых правах Азербайджана и Украины, хотя они в прошлом никогда не обладали ни самостоятельностью, ни даже автономией. С другой – Башкирии и Татарстана. Ведь при таком разделении республик – членов федерации Ленин так и не раскрыл, юридически обосновав, различия в статусах между ними. Напрочь обошёл столь принципиальный аспект, призванный сыграть важную роль в самом ближайшем будущем.

Почти все, кто получил на отзыв «наброски тезисов», предложили лишь переформулировать весьма уязвимые с точки зрения марксизма отдельные теоретические положения, дабы не породить неизбежной острой критики уже в ходе заседаний конгресса. И Ленину пришлось согласиться, внести коррективы и сделать уточнения уже в ходе доклада:

«– Не подлежит ни малейшему сомнению, что всякое национальное движение может быть лишь буржуазно-

демократическим, ибо главная масса населения в отсталых странах состоит из крестьян, являющихся представителями буржуазно-капиталистических отношений...

– Мы, как коммунисты, лишь в тех случаях должны и будем поддерживать буржуазно-освободительные движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны...»⁵³

В отличие от остальных, кто получил «Тезисы» загодя, Сталин находился с 29 мая вне Москвы – в Кременчуге, в штабе Юго-Западного фронта. Более всего был озабочен тогда сначала подготовкой обороны Одессы на случай прорыва польских войск, а затем организацией контрнаступления, приведшего к освобождению Киева. Тем не менее, он всё же сумел выкроить время и сообщил Ленину свои «короткие» замечания. Правда, сконцентрировал внимание не на теоретических, а на чисто практических недоработках. На том, что посчитал наиболее важным – не столько для РСФСР, сколько для участников конгресса. В том числе и для Ленина, почему-то соединившего на 1919 год в так и не осуществлённой федерации Венгрию, Финляндию и... Латвию.

«Для наций, – высказывал 12 июня своё мнение Сталин, – входивших в состав старой России, наш (советский) тип федерации можно и нужно считать целесообразным, как путь к интернациональному единству. Мотивы известны: эти национальности либо не имели в прошлом своей государственности, либо потеряли её давно, ввиду чего советский (централизованный) тип федерации прививается к ним без особых трений.

Нельзя сказать то же самое о тех национальностях, которые не входили в состав старой России, существовали как самостоятельные образования, развили свою собственную государственность и которые, если они станут советскими, вынуждены будут силой вещей стать в те или иные государственные отношения (связи) с Советской Россией. Например, будущие советские Германия, Польша, Венгрия, Финляндия.

Едва ли эти народности, имеющие свою государственность, своё войско, свои финансы, едва ли они, став советскими, согласятся пойти сразу на федеративную связь с Советской Россией типа башкирской или украинской (в своих тезисах Вы делаете разницу между башкирским и украинским типом федеративной связи, но на самом деле этой разницы нет, или она так мала, что равняется нулю), ибо федерацию советского типа они рассматривали бы как форму умаления их государственной самостоятельности, как покушение на последнюю».⁵⁴

Ленин не захотел прислушаться к замечаниям Сталина. Сохранил свой прежний текст, не поменяв в нём ни слова. Добился, что тот и стал 8-м пунктом резолюции по национальному и колониальному вопросам, утверждённым Вторым конгрессом Коминтерна.⁵⁵

Между тем, предложенный Сталиным принцип деления советских республик на те, что возникли в границах бывшей Российской Империи (разумеется, за исключением Финляндии, автономного княжества, всегда обладавшего своей конституцией, армией, финансами), и на те, которые только, может быть, возникнут в будущем вне пределов старой России, и заключал в себе наиболее обоснованный подход при дальнейшем развитии и совершенствовании Российской Федерации. Подход, отвергнутый – судя по последовавшим вскоре событиям – мыслящими глобально Лениным и Троцким, Каменевым и Крестинским. Без размышлений, без обсуждений – отвергнутый на корню.

Никто из них почему-то не вспомнил о самом важном для данной проблемы – о необходимости как можно скорее подготовить и заключить федеративный договор Советской России с Украиной и Азербайджаном. Зато с неоправданной поспешностью продолжили необоснованное дробление страны на мелкие национально-территориальные административные единицы, усложнявшие структуру РСФСР. Благо, любые их предложения Владимирский тут же с готовностью проводил через ВЦИК.

Скорее всего, по инициативе Каменева, 8 июня Политбюро (в отсутствии, разумеется, наркома по делам национальностей) сочло крайне важным, неотложным предоставление автономии третьему осколку так и не состоявшейся Татаро-Башкирии. Наделение трёх уездов Казанской губернии и небольших частей ещё двух – Симбирской (населённых преимущественно чувашами) статусом республики. Затем две недели подыскивали для Чувашии иной ранг. Сначала сочли более верным наименовать её трудовой коммуной, а 22 июня – областью.⁵⁶

Непродуманность, поспешность принятия такого решения выявилась очень скоро. Всего месяц спустя, 20 июля, своим новым постановлением ВЦИК и СНК переименовали Чувашию из области в республику.

Лишь потом Политбюро обратилось к старому плану Сталина по построению федерации. К тому, о котором он говорил ещё в апреле 1918 года, перечислив выделившиеся давным-давно области, представлявшие «вполне определённые единицы в смысле быта и национального состава».⁵⁷ Перечислил тогда

Украину, Крым, Польшу, Закавказье (оговорив, что скорее всего оно разделится), Туркестан, Среднее Поволжье и Киргизский край. Теперь судьба всех этих областей была предельно ясна. Всех, кроме Киргизского края.

Обратились члены Политбюро и к двум документам ВЦИК за 1919 год. К декрету от 4 апреля о созыве Всекиргизского съезда, к постановлению от 10 июля, «Временному положению о Революционном Комитете по управлению Киргизским краем». Последнее было принято буквально накануне начала Актюбинской операции Туркестанского фронта (командующий М.В.Фрунзе), которая привела к полному разгрому колчаковской Южной армии генерала Г.А.Белова, освобождению территории от Оренбурга до Аральского моря и соединению с силами Туркестанской Республики, более года отрезанной от РСФСР.

Только лишь создаваемому Киргизскому ревкому вменялось в обязанность управление краем «впредь до созыва Всеобщего киргизского съезда, который созывается в возможно непродолжительном времени, и объявления автономии Киргизского края». Тем же постановлением определялась и территория, подконтрольная ревкому по мере установления там Советской власти: восточная часть Астраханской губернии (Букеевская Орда), области Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская⁵⁸ (северные и центральные районы современного Казахстана), населённые примерно равным числом русских и киргизов (казахов).

Осенью 1919 года, по мере продвижения частей Туркестанского фронта от Уралья к Гурьеву, им пришлось вести упорные бои не только с колчаковской Уральской армией генерала С.В.Толстого, но и с полками (всего девять тысяч штыков и полторы тысячи сабель) Алаш-Орды. Так именовались и Краевая националистическая партия, и провозглашённая ею в конце декабря 1917 года автономия, не успевшая сформулировать свои требования, и правительство, возглавляемые одним человеком – А.Букейхановым.

Долгое время все попытки Москвы хотя бы нейтрализовать это движение наталкивались на упорное нежелание отказаться от сотрудничества с Колчаком. И только после занятия Красной Армией всей западной части Киргизской степи вынудил Букейханова объявить 19 декабря 1919 года о полной и безоговорочной капитуляции.

Однако потребовался далеко не один месяц упорной агитационной и разъяснительной работы Киргизского ревкома, возглавляемого первым сотрудником Сталина в Наркомнаце С.С.Пестковским, чтобы нормализовать отношения и с бывши-

ми вождями уже не существовавшей Алаш-Орды, и с местным неграмотным населением, остававшимся кочевым.

Прежде всего, необходимо было пресечь все попытки лидеров башкирских националистов Валидова и Юмагулова добиться от Москвы согласия на полное слияние Башкирии и Киргизии в одну республику. Автономную, но не столько советскую, социалистическую, сколько пантюркистскую, исламскую. Чтобы отвлечь киргизов от таких опасных для РСФСР планов, пришлось 27 января пообещать им рассмотреть вопрос об ином объединении – Киргизской степи (края) с населёнными киргизами (казахами и родственными им киргизами) Сыр-Дарьинской и Семиреченской областями Туркестана.⁵⁹

После категорического отказа Фрунзе, отвечавшего за военно-политическое положение в оперативной зоне вверенного ему Туркестанского фронта, на такое слияние, 28 февраля Политбюро решило пойти на несколько иную уступку, также территориального характера. Оставить в составе Киргизской автономии Кустанайский уезд Актюбинской области, населённый исключительно русскими.⁶⁰

А в начале июня ВЦИКу пришлось по требованию Сталина, изложенному телеграммой из штаба Юго-Западного фронта в Кременчуге, до предоставления автономии Киргизскому краю предварительно разрешить вопросы об управлении будущей автономии (о структуре и полномочиях её ЦИКа и СНК, об отношении к РСФСР), и самый болезненный, наиболее сложный – о границах. Вернее, окончательно ответить на вопрос: объединять или не объединять Киргизскую степь с двумя, по меньшей мере, областями Туркестана.⁶¹

В конце концов, выход из непростой ситуации нашли в самом простом компромиссе. Декрет ВЦИК об образовании Автономной Киргизской Советской Социалистической Республики, утверждённый 26 августа 1920 года, определил: территорию её составляют, помимо Уральской, Тургайской, Акмолинской (без Кустанайского уезда!), Семипалатинской областей и Букеевской Орды, выделенной из Астраханской губернии, ещё и Мангышлакский уезд Закаспийской области, перед тем являвшийся составной частью Туркестанской АССР. А месяцем позже новой автономии передали город Оренбург с окрестностями.

Несмотря на столь значительные уступки, пункт 2-й декрета всё же оговорил: «Включение в состав Киргизской Республики киргизской территории, входящей ныне в состав Туркестанской Республики, происходит по волеизъявлению населения этих областей».⁶²

Не менее (а более!) сложные проблемы тем же летом возникли и на западе страны. Порождённые быстрыми успехами Красной Армии, к концу июля вплотную приблизившейся к Линии Керзона, а на северном участке фронта далеко ушедшей за нее. Проблемы застарелые, решить которые своевременно помешало только одно – польская агрессия. Первой же из них стала судьба Белоруссии.

Тогда же выявились две точки зрения на её государственность. Одна – Чичерина, пытавшегося навязать руководству Советской России то же решение, которое он использовал по отношению к республикам Прибалтики. Нарком настойчиво рекомендовал признать буржуазную, националистическую Белорусскую Народную Республику (БНР), возникшую ещё 9 марта 1918 года и пытающуюся всё это время утвердиться только признанием Варшавы, хотя её руководство находилось в изгнании в... Каунасе.

В середине апреля, незадолго до начала войны с Польшей, Чичерин запросил полпредство в Ревеле, где также находилась Военно-политическая миссия БНР, о мнении её главы Маркевича о возможности установить дипломатические контакты. 28 апреля нарком получил ответ. В нём его заверили, что «переговоры с РСФСР возможны при условии принципиального признания Советским правительством независимости Белорусской Народной Республики в её этнографических и исторических границах».⁶³ Иными словами, включающих Минскую, Гродненскую, Витебскую, Могилёвскую и даже Виленскую губернии. Такое требование противоречило не только интересам России, но и исключало возможность заключить мирный договор с Литвой.

Пытаясь втянуть Политбюро в свои сложные дипломатические интриги, Чичерин направил в высший партийный орган записку. Но сделал это лишь после того, как Красная Армия перешла в контрнаступление и уже освободила Киев, – 24 мая. Нарком не только уведомил о своей переписке, но сразу же оговорил:

«Наши отношения к Белорусскому правительству выясняются по мере того как с развитием борьбы в Белоруссии станет ясною действительная сила тех или других элементов, и теперь нам заранее невозможно сказать, в какой степени мы будем иметь возможность рассматривать Белорусское правительство как выразителя белорусских масс...

Нам надо быть крайне осторожными к Белорусскому, так называемому, правительству, так как оно имеет возможность в европейском масштабе создать нам дипломатические неприятности...

Необходимо было бы с целью привлечения белорусов на нашу сторону и с целью воспрепятствовать польскому правительству перетянуть их на свою сторону путём подачек, разрешить белорусскому представителю в Ревеле приехать к нам для переговоров, причём можно установить краткий срок и поставить его в условия, делающие его приезд безопасным». ⁶⁴

В записке, направленной в Политбюро, Чичерин почему-то не счёл нужным напомнить самое существенное, и объясняющее его странные контакты. Не обмолвился о глубоком расколе националистической Белорусской Рады на две непримиримых фракции: пропольскую (социал-демократа А.Луцевича), спокойно пребывающую в Минске, и антипольскую (эсера Б.Ластовского), вынужденную бежать от преследований в Каунас. О существовании соответствующих двух «правительств» БНР, о том, что слова его о «развитии борьбы в Белоруссии» подразумевали соперничество этих самых фракций. И ещё о том, что переписку он вёл с людьми Ластовского.

Чичерин, видимо, очень надеялся на понимание и поддержку Крестинского. Ведь тот вместе со Сталиным 8 апреля принимал посланцев белорусских эсеров, искавших в Москве поддержку. Однако жизнь сыграла с наркомом злую шутку.

25 мая члены Политбюро записку рассмотрели, но согласились предельно осторожно с выраженным в ней предложением – «вызвать из Ревеля официального представителя белорусского буржуазного правительства», и только. Вместе с тем, сформулировали и иную, собственную точку зрения на вроде бы легко предсказуемые события ближайшего будущего: «По занятию Минска /что произошло, но лишь 11 июля – **Ю.Ж.**/ учредить Губернский ревком», а вместе с тем и утвердили состав Бюро ЦК Компартии Литвы и Белоруссии.

В новый орган, призванный существовать на правах областного комитета РКП, включили председателем И.Т.Смилгу, начальника политуправления РВСР; членами – З.И.Алексу (Ангаретиса), секретаря Заграничного бюро ЦК Компартии ЛитБел, в недавнем прошлом – наркома внутренних дел ЛитБел; Я.Г.Долецкого, члена ЦК компартии ЛитБел; В.Г.Кнорина, военкома Смоленского военного округа, бывшего члена Совета обороны ЛитБел; В.Мицкявичюса, бывшего председателя СНК и наркома иностранных дел ЛитБел;

А.Ф.Мясникова, начальника политуправления Западного фронта, бывшего председателя ВРК, ЦИК Белорусской Советской Республики; И.С.Уншлихта, члена РВС Западного фронта, недавнего заместителя председателя ЦИК и наркома по военным делам ЛитБел. ⁶⁵

Такой, далеко не случайный, состав Бюро не оставлял сомнения в том, что Политбюро решило в случае благоприятного развития событий прервать переговоры с литовским буржуазным правительством и воссоздать Литовско-Белорусскую Республику. Скорее всего, только значительное замедление темпов продвижения Красной Армии на запад заставило отказаться от такого плана.

12 июля был подписан мирный договор между РСФСР и Литвой. 15 июля части 3-го конного корпуса Красной Армии и 1-й Литовской дивизии вошли в Вильнюс. 31 июля в Минске объединенное заседание губернского ВРК и Бюро ЦК Компартии Лит-Бел образвало ревком (теперь уже Белоруссии) – при председателе А.Г.Червякове и заместителе В.Г.Кнорине. Он-то и принял 1 августа декларацию, провозгласившую независимость воссозданной Социалистической Советской Республики Белоруссии.

Декларация прежде всего объявила об отмене всех законов и постановлений «польских оккупационных властей», восстановивших частную собственность, в том числе на землю. Вместе с тем было сказано касавшееся, в основном, Варшавы, Каунаса и Москвы.

ССР Белоруссии «определяет свою западную границу по этнографической границе между Белоруссией и примыкающими к ней буржуазными государствами. Граница Социалистической Советской Республики Белоруссии с Советской Россией и Украиной определяется свободным выражением воли белорусского народа на уездных и губернских съездах Советов в полном согласии с правительствами РСФСР и ССР Украины.

...Находясь во взаимоотношениях с Советской Россией как равная с равной, передаёт на всё время революционных войн все свои вооружённые силы в распоряжение единого командования... все дипломатические выступления ССРБ будут согласованы с выступлениями РСФСР и будут иметь в виду интересы всех советских республик, построенных на принципах диктатуры пролетариата.

Социалистическая Советская Республика Белоруссия, находящаяся в течение долгого времени в тесной связи с Россией, должна немедленно приступить к установлению единого хозяйственного плана с РСФСР и другими, уже возникшими и могущими возникнуть, советскими республиками».

Словом, декларация повторяла чуть ли не буквально все основные положения постановления ВЦИК, принятого 1 июня 1919 года о военно-политическом союзе, почему и завершалось более чем чётким лозунгом – «Да здравствует Федерация советских республик».⁶⁶

Опыт попытки переговоров с одной из белорусских националистических группировок сделал Чичерина более осмотрительным. Когда части Красной Армии подошли к рубежам Восточной Галиции, он, давая Политбюро свои очередные рекомендации, уже не был столь оптимистичным. К величайшей осторожности наркома подталкивало и иное. При всей внешней схожести проблемы – выработка взаимоотношений с национальными окраинами – теперь речь шла о территории, прежде никогда не входившей в состав Российской Империи.

«Возможно ли нам взять под свою защиту, – задавался риторическим вопросом Чичерин в конце июня, – и включить в пределы распространения нашей власти Восточную Галицию? После взятия Баку, это – важнейший источник нефти в Европе. Там борются друг с другом английский, американский и французский капитал из-за обладания нефтью. Если мы достаточно сильны, чтобы раскинуть так далеко наше могущество, мы будем диктовать условия Англии. Если, наоборот, мы перехватываем через край, мы достигнем лишь того, что Англия взбесится, вышлет Красина /нарком внешней торговли, ведущий в то время важные переговоры в Лондоне – **Ю.Ж.**/ и т. д. Это – чистый вопрос могущества...

Восточная Галиция изжила иллюзии национализма и созрела для советизации. Восстание в тылу поляков было бы громадным плюсом. Но мы можем идти на содействие такому восстанию и на содействие советизации Галиции лишь в том случае, если мы решим в той или иной форме распространить там сферу нашего могущества... Пожалуй, немедленное выступление в духе аннексии Галиции было бы неосторожно. Нельзя гарантировать, что некоторые элементы мы этим не оттолкнём. Лучше идти медленными темпами. Вполне целесообразно создание Галицийского ревкома для проведения советской политики в Галиции, организации там восстания, сосредоточения галицийских частей на Галицийском фронте и подготовки будущего слияния с Украиной.

Члены ревкома намечены галицийскими коммунистами. Детали этого плана они ещё обсудят с тов. Таковским. Одно должно быть сделано сейчас – принятие решения о том, можем ли мы вообще расширить так далеко сферу наших действий». ⁶⁷

Политбюро согласилось не форсировать события. Его постановление от 22 июня гласило: «Утвердить предложение т.Чичерина об осторожной политике, сохраняющей независимость Восточной Галиции». ⁶⁸ Но после выхода частей Юго-Западного фронта ко Львову, забыло об «осторожности».

8 июля был сформирован ревком Восточной Галиции во главе с В.П.Затонским, уроженцем Украины. А уже 15 июля в Тарнополе провозглашена Галицийская Социалистическая Советская Республика, что на следующий день одобрил пленум ЦК РКП.⁶⁹ Просуществовавшая, да и то, чисто номинально, шесть недель.

Гораздо сложнее протекало обсуждение условий мирного договора с правительством Ульманиса. И не потому, что кто-либо в Политбюро противился умиротворению на одном из самых небольших и незначительных участков огромного фронта, протянувшегося от Печенги до Крыма, отнюдь. Проблема крылась в будущем Латгалии, одной из трёх земель, и составивших Латвийскую Республику. Той самой Латгалии, в которой всё ещё находились части Красной Армии, где продолжала действовать Советская власть.

Потому-то ещё 27 декабря 1919 года, после первых же встреч наркоминделовцев с рижской делегацией, Чичерину пришлось испрашивать у Политбюро разрешение: можно ли отдать эти три уезда Витебской губернии, населённые не только латгальцами (всегда считавшими себя иным, нежели латыши, народом), но и белорусами, русскими, правительству Ульманиса. Получил же весьма неопределённое указание – вопрос отложить, «поставив вновь в зависимости от хода переговоров».⁷⁰

Две недели спустя, 10 января 1920 года Политбюро по настоянию Чичерина вернулось к обсуждению непростой, как оказалось, проблемы. Решило «вести политику к миру с буржуазным правительством Латвии», но при соблюдении неперемennых условий – «эвакуации Латгалии нами без занятия белыми латышами, нейтрализации Латгалии до самоопределения».⁷¹ Но даже такое, по сути, половинчатое предложение не устроило делегацию Риги. О реакции на него ведший переговоры от имени РСФСР Л.М.Карахан информировал на следующий день наркома: «Латвийская делегация ... заявляет, что Латгалия есть часть Латвии и, по очищению первой советскими войсками, должна быть занята латвийской армией».⁷²

Столкнувшись со столь твёрдой позицией, Политбюро (в лице Ленина, Троцкого, Каменева и Крестинского) 13 января практически капитулировало. Уже безоговорочно признало требования представителей Ульманиса, о чём в тот же день Карахан уведомил латышскую сторону. Правда, чтобы хоть как-то отыгаться за поражение, попытался выторговать хотя бы «мелочь». Важный железнодорожный узел Пыталово, где пересекались линии Петроград – Двинск (Даугавпилс, административный центр Латгалии) – Вильна – Варшава и Москва – Рига, предложил он, дол-

жен остаться на советской территории. Но юрист по профессии, получивший навыки дипломатии на Брестских переговорах, не сумел добиться даже этого.⁷³

В конце концов, Карахану пришлось уступить во всём ради всего лишь перемирия со слабой латвийской армией, что и было достигнуто 30 января. Части Красной Армии стали спокойно (даже равнодушно) отходить на восток, чего бы не сделали Латышские стрелки, оставь их Троцкий на этом участке фронта.

С явным предательством интересов пролетариата, мировой революции смириться ЦК Компартии Латвии не смогло. 28 февраля заявило, что больше не считает себя руководящим органом областной организации РКП и направляет в Коминтерн собственного представителя. Демарш последовал и со стороны латышских стрелков, составлявших наиболее дисциплинированную основу 13 армии Юго-Западного фронта. Собравшись не конференцию, названную «беспартийной», вместе с рабочими-латышами, проживавшими в России, потребовали от руководства РКП сделать всё возможное, чтобы сохранить в Латгалии, пусть и в несколько урезанном виде, завоёванное революцией – Советскую власть.

И вновь членам Политбюро пришлось срочно искать хотя бы видимость компромисса, на этот раз – с коммунистами-латышами. Понимая всю бессмысленность своего поручения, рекомендовали А.А.Иоффе, заменившему Карахана на посту руководителя российской делегации, «не проявлять особой уступчивости». ⁷⁴ Рекомендовали 15 мая, когда «уступать» уже было нечего. На завершавшихся переговорах уточняли и согласовывали лишь отдельные незначительные детали мирного договора, который был подписан 11 августа таким, каким его хотел видеть только Ульманис.

Как и предыдущие договоры (с Эстонией, Грузией, Литвой), он безоговорочно признал независимость ещё одной отколовшейся окраины. Установил российско-латвийскую границу от Эстонии до города Дрисса на Западной Двине – она практически без изменений (Пыталово в 1940 году всё же вернули РСФСР) сохранилась до наших дней. Потребовал завершить отвод частей Красной Армии из Латгалии «к четырнадцатому дню по ратификации», что сделал ВЦИК уже 11 сентября того же года. Предусмотрел запрет «пребывания на своей территории /РСФСР и Латвии – **Ю.Ж.**/ каких-либо войск, за исключением правительственных или войск дружественных государств, с которыми одной из договаривающихся сторон заключена военная

конвенция». Определил и значительные финансовые и экономические уступки Москвы.⁷⁵

Словом, договор продемонстрировал явное поражение Советской России в той Гражданской войне, которая шла в Латвии почти два года.

4. Чёрный октябрь 1920 года

Пока Чичерин и его сотрудники по НКВДу признавали суверенность молодых республик Прибалтики, РВСР во главе с Троцким и его первым заместителем, бывшим врачом Склянским, главком Каменев, Полевой штаб РККА и командующий Западным фронтом Тухачевский занимались иным. Готовили сокрушительный, в чём они были уверены, разгром легионов Пилсудского. Сосредотачивали на Варшавском направлении силы четырёх армий: 4-й, бывшего генерала от инфантерии Д.С.Шуваева; 15-й, бывшего подполковника А.И.Корка; 3-й, бывшего подполковника В.С.Лазаревича; 16-й, Н.С.Соллогуба.

23 июля они перешли в наступление и за две недели сумели продвинуться с Линии Керзона, где они находились поначалу, на линию Млава –Цеханув –Пултуск –Седльце – чуть восточнее Люблина. Оказались всего в нескольких десятках километрах от Варшавы.

Члены Политбюро не сомневались – взятие Красной Армией Варшавы станет прелюдией иного, более значимого, нежели просто военная победа. «Мы входим в собственно Польшу, – писал Ленин 15 июля Уншлихту, – лишь на кратчайший срок, чтобы вооружить рабочих; уходим оттуда тотчас. Считаете ли Вы возможным и как скоро советский переворот в Польше?». Не удовлетворяясь задуманным, уже 27 июля Владимир Ильич предлагает сделать следующий шаг: «Следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Моё мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может быть также Чехию и Румынию».⁷⁶

Словом, дело как бы оставалось за малым – за взятием Варшавы. Готовясь к тому, 19 июля Политбюро образовало Польское бюро ЦК РКП, включив в него Ф.Дзержинского, Ф.Кона, Ю.Мархлевского, Э.Прухняка и Ю.Уншлихта. 23 июля – временный орган Советской власти – Польский ревком с председателем Мархлевским и членами Дзержинским и Коном. А несколькими днями позже поручило РВСР и формирование польской Красной Армии.

30 июля Польский ревком издал в Белостоке обращение «К трудящимся Польши». В нём призвал к тому, о чём Ленин писал Уншлихту двумя неделями назад: «Варшава должна быть взята вами самими, Красное знамя над дворцами Зыгмунтовским и Бельведерским /резиденции правительства и президента – **Ю.Ж.**/ должно быть водружено вами самими до того, как российская Красная Армия войдёт в столицу... Срочно вооружайтесь для защиты завоеваний свободы! Повсеместно создавайте революционные комитеты!

Да здравствует освобождённая рабочая социалистическая Польша! ⁷⁷

Только тогда в Варшаве осознали опасность, нависшую над страной. 5 августа министр иностранных дел Е.Сапега поспешил сообщить Чичерину о готовности направить в Минск для переговоров полномочную делегацию во главе с Я.Домбским. Москва не возражала и тут же выслала не только в Варшаву, но и в Париж и Лондон свои условия мира, весьма выгодные Польше. Они содержали готовность РСФСР признать независимость Польши; подтверждали, что «окончательные границы Польской Республики, в основном, совпадают с линией, намеченной в ноте лорда Керзона от 11 июля, с отклонением в пользу Польской Республики на восток в районе Белостока и Хелма»; стремление как можно скорее подписать перемирие, «причём войска РСФСР и УССР останавливаются на достигнутой к тому моменту линии, но не восточнее линии, указанной в ноте лорда Керзона». ⁷⁸

Ллойд Джордж, изучив московские предложения, 10 августа уведомил Варшаву о своём принципиальном одобрении их. Указал, что «так как русские условия мира не посягают на этнографические границы Польши как на границы независимого государства, то в том случае, если они будут отвергнуты, британское правительство не сможет предпринять ничего против Советской России». ⁷⁹

Переговоры, как и просил Сапега, открылись в Минске 17 августа. Однако глава российской делегации К.Х.Данишевский, ради того временно оставивший свой пост председателя Революционного трибунала РСФСР, уверенно мог чувствовать себя только в первый день. А уже на второй всем участникам встречи стало известно об успешном контрнаступлении польских войск на северном и центральном участках фронта. О том, что вскоре стали называть «Чудом на Висле». Легионы принудили 4-ю армию Шувалова отступить в Восточную Пруссию, где их и интернировали, а 16-ю (Соллогуба) – поспешно отступить далеко на восток.

К исходу 25 августа польские войска вышли на Линию Керзона, что позволило Пилсудскому заявить на заседании Совета обороны Польши – мир с Советской Россией теперь является бессмысленным.

Действительно, Красная Армия продолжала стремительно отступать. Три недели спустя оказалась на рубеже Молодечно – восточнее Барановичей – Лунинец – Сарны – Проскуров. Только поэтому ВЦИК поспешил выступить 23 сентября с заявлением о готовности «заключить на нижеследующих основах соглашение об основных принципах мира...

РСФСР готова немедленно подписать перемирие и прелиминарные условия мира на основе признания границей между Польшей и Россией линии, проходящей значительно восточнее границы, установленной Верховным союзным Советом 3 декабря 1919 года, с тем, чтобы Восточная Галиция осталась на западе от этой границы».⁸⁰

Тем самым, Москва официально отказывалась от границы по Линии Керзона, то есть от западных Белоруссии и Украины. Вполне возможно, что и заявление ВЦИК имело бы иное содержание, не такое капитулянтское, и дальнейшие события пошли бы по-иному, если бы не два существенных обстоятельства.

Польские войска продолжали наступление вплоть до 15 октября, пока не вышли на линию Дрисса – восточнее Минска – западнее Бобруйска и Мозыря – далее до Могилёва-Подольского. Одновременно крайне обострилась ситуация и на юге страны. Врангелевские войска, находившиеся в Крыму, неожиданно активизировались. Ещё в июне предприняли безуспешную попытку захватить северное побережье Азовского моря, а в августе – столь же неудачную попытку высадиться на Кубани. В сентябре-октябре, когда Красная Армия отступала из Польши и Белоруссии, начали наступление на Донбасс и чуть позднее – на правобережье Днепра.

В таких условиях переговоры, начатые в Минске 17 августа и прерванные 2 сентября, возобновились 12 сентября, но уже на нейтральной территории, в столице Латвии. Но там объединённую делегацию РСФСР и УССР возглавил Иоффе, хоть и начинающий дипломат, но поднаторевший при заключении договоров с Эстонией, Литвой и Латвией. В состав советской делегации также вошёл Мануильский как полномочный представитель Украины. Вместе с ними в Риге находился и Червяков, но польская сторона отказалась поначалу считаться и с его присутствием на заседаниях, и с самим существованием Белоруссии. Столь же отрицательно отреагировала и на попытку заявить о

себе и неких своих правах представителя «правительства БНР в изгнании».

Месяц продолжались переговоры в Риге, но за столь продолжительный срок советская делегация сумела добиться лишь одного – признания Белоруссии, что, собственно, никак не отразилось на аннексионистской позиции поляков, откровенно выступавших как победители, получивших потому право на диктат. Не проявив необходимого в таких случаях искусства дипломата, Иоффе безоговорочно удовлетворял ни с чем не сообразные стремления Варшавы. Не пожелавшей довольствоваться не только территорией бывшего Царства Польского, но и беспристрастной по своей сути Линией Керзона. Пренебрегая мнением Великобритании, ибо знала о безоговорочной поддержке со стороны Франции. Видевшей отныне в Польше своего главного военного союзника, блокирующего с востока всё ещё остававшуюся потенциальным противником Германию.

Договор о перемирии и прелиминарных (предварительных) условиях мира между РСФСР и Украиной с одной стороны, и Польшей – с другой, подписанный 12 октября, оказался столь же постыдным и позорным, как и давний Брестский, для Советской России. И проявилось это сразу же, в первой статье, которая зафиксировала непризнание Москвой независимости Польши, как то содержалось во всех предыдущих соглашениях РСФСР с новообразованными государствами, а РСФСР и Польшей – Украины и Белоруссии.

Та же первая статья договора установила и границу между Россией и Польшей. Проходившую от Латвии по Западной Двине до «пункта, в котором граница бывшей Виленской губернии сходится с границей бывшей Витебской губернии» и далее, по восточной административной границе последней «до пункта, в котором соприкасаются уезды Диснинский, Лепельский и Борисовский». Тем самым, Иоффе фактически отказывался от содержания подписанного им же соглашения с каунасским правительством. Ведь район, остававшийся теперь к западу от описанной линии, был признан Москвой территорией Литвы с её древней столицей Вильнюсом.

Центральный участок новой линии размежевания проходил между Молодечно и Минском, оставляя к западу Барановичи и Пинск. Далее шёл по реке Случ до её впадения в Припять, отдавая под власть Варшавы не только Виленскую, спорную Сувальскую и Гродненскую губернии, но и большую часть Минской, то есть Западную Белоруссию. Наконец, южный участок признал

польскими западные уезды Житомирской губернии, то есть Вольны, и Восточную Галицию.

Допустил Иоффе и ещё один непозволительный промах для дипломата, защищающего интересы своей страны. «Обе договаривающиеся стороны, – гласила всё та же первая статья договора, – соглашаются, что поскольку в состав земель, расположенных к западу от вышеустановленной границы, входят территории, спорные между Польшей и Литвой, вопрос о принадлежности этих территорий к одному или другому из названных государств подлежит разрешению исключительно между Польшей и Литвой». Таким образом, Советская Россия самоустранялась от любой (даже посреднической) роли на своих бывших окраинах.

Только вторая статья сближала до некоторой степени договор с подписанными РСФСР ранее. Она предусматривала обязательство обеих сторон «не создавать и не поддерживать организаций, ставящих себе целью вооружённую борьбу с другой договаривающейся стороной, имеющих целью ниспровержение государственного или общественного строя другой стороны, покушающихся на территориальную целостность её, равно как и организаций, присваивающих себе роль правительств другой стороны», «не поддерживать чужих военных действий против другой стороны». ⁸¹

Тем самым, Москва надеялась обезопасить себя, оградить (но полагаясь при этом исключительно на верность Варшавы взятым на себя обязательствам) от нового вторжения врага. Но на этот раз – антисоветских формирований различного политического толка.

Три из них считали себя российскими: «Белорусский особый отряд» бывшего штаб-ротмистра С.Н.Булак-Балаховича, успевшего послужить в Красной Армии, у Юденича, а теперь переметнувшегося на сторону Пилсудского; «Отдельная русская армия», формирование которой начал генерал-лейтенант П.В.Глазенап в Пскове и Гдове, а завершил полковник В.С.Перемыкин в Западной Белоруссии; казачья бригада есаула М.П.Яковлева, дезертировавшая из 1-й Конной армии. По соглашению с польским командованием, с 27 августа все они были подчинены Б.В.Савинкову (в прошлом известнейшему эсеру-террористу, непримиримому борцу с царским самодержавием).

Помимо этих сил общей численностью в 27 тысяч человек, на другом (южном) участке советско-польского фронта находились три дивизии (15 тысяч человек) УНР, занимавшие Каменец-

Подольский и Проскуров, а также несколько отрядов атаманов, отказавшихся подчиняться С.В.Петлюре после того как он объявил себя единственным членом Директории с правами президента республики.

Все они, даже в совокупности, не представляли особой угрозы Красной Армии, но всё же вполне могли помешать своими действиями выполнению плана разгрома Врангеля.

Столь же важным, но уже для Варшавы, стало упоминание в договоре о спорных с Литвой территориях.

Ещё во время отступления легионов, 10 июля, Польша вынуждена была официально отказаться от любых претензий на Виленщину. Поступить так по требованию союзнической конференции в Спа, которая в противном случае отказывала польской армии в военной помощи. После же «Чуда на Висле» Варшава и утративший поддержку Красной Армии Каунас попытались разрешить спор на переговорах. 16-18 сентября – в небольшом городке Кальвария, оказавшихся безрезультатными, и в Сувалках – с 30 сентября по 7 октября, на которых удалось подписать перемирие. Однако такой вариант категорически не устроил Пилсудского, который просто изменил тактику, но не отказался от своей цели.

8 октября якобы отказавшиеся подчиняться командованию 1-я Литовско-Белорусская дивизия генерала Я.Жондковского и Добровольческая дивизия майора Косьцялковского объявили своим вождём генерал-майора царской службы Л.Желиговского и начали поход на Вильну. Через день, без боя вытеснив из города литовские немногочисленные силы, заняли его. А 12 октября Желиговский провозгласил образование независимого государства Срединная Литва (между Литвой, с центром в Каунасе – и Литвой белорусской), границы которой на востоке и юге совпали с установленными советско-литовским договором, а на западе и севере – с линией, установленной французским генералом Ф.Фошем в 1919 году. Иными словами, Срединную Литву составили части уездов Виленского, Троцкого и Брасовского – Виленской губернии, и Гродненского, Лидского, Дисненского и Вилейского – Гродненской.

Фактическая аннексия поляками Виленщины в тот же день вызвала протесты Франции и Великобритании. 25 октября стала предметом обсуждения Совета Лиги Наций, которая четыре дня спустя потребовала проведения на Виленщине плебисцита. Но на том все переживания европейцев из-за очередной агрессии Польши завершились.

Иначе повела себя РСФСР. 29 октября заместитель главы советской делегации на переговорах в Риге Л.Л.Оболенский по

поручению НКИДа вручил главе польской делегации ноту. «Правительства РСФСР и УССР, – указывалось в ней, – настаивают на том, чтобы войска Желиговского, которые в силу признанного самой Польшей неповиновения их польскому командованию представляют собой неоспоримую реальную угрозу прочности заключённого перемирия, были удалены с упомянутой польской /так в тексте! – **Ю.Ж.**/ территории и вновь на таковую не допускались». ⁸²

Лишь три месяца спустя и опасную по последствиям недоговорённость, содержащуюся в статье 1-й советско-польского договора, и явную ошибку, допущенную Оболенским при определении принадлежности Виленщины, удалось исправить.

«Я считаю необходимым подчеркнуть, – отметил Чичерин в ноте, направленной правительству Литвы 31 января 1921 года, – что заключённый в Риге 12 октября прелиминарный договор между Россией и Польшей отнюдь не отменяет русско-литовского договора от 12 июля и не прекращает его силы. Статья I прелиминарного договора между Россией и Украиной с одной стороны, и Польшей – с другой, постановляет, что вопрос о принадлежности к Польше или Литве спорных между ними территорий подлежит разрешению исключительно между Польшей и Литвой... Пока вопрос о принадлежности означенных территорий не разрешён путём договора между Литвой и Польшей в пользу последней, суверенная власть в городе Вильно и его районе принадлежит Литве». ⁸³

(20 февраля 1922 года сейм Срединной Литвы объявил о присоединении ее к Польше. 24 марта сейм Польши принял аналогичное решение. Только тогда Пилсудский признал, что Желиговский действовал по его приказу. 15 марта 1923 года конференция послов Великобритании, Франции, Италии и Японии признала инкорпорацию Виленщины в состав Польши. РСФСР, а в дальнейшем и СССР, захвата Виленщины Польшей никогда не признавала).

Связанная условиями подписанного 12 октября договора, Польша не отказалась от стремления распространить свою власть на территории не только Литвы, но и России, Украины. Только теперь, как и в случае с «мятежным» Желиговским, стала действовать чужими руками. Именно так (но чисто внешне) выглядел поход в Полесье, предпринятый Савинковым – от имени Русского политического комитета, и Булак-Балаховичем – от Белорусского политического комитета.

Сконцентрировав в районе Пинска около четырнадцати тысяч человек, что невозможно было скрыть от польских военных и

гражданских органов, 6 ноября они начали, по сути, бандитский набег по направлению на Мозырь – Гомель. Согласно собственной декларации, подписанной ими 17 октября – «для борьбы вместе с другими народами против большевиков не за восстановление старой России, а за признание тех государств, которые уже возникли».⁸⁴

Однако, захватив Мозырь, повели себя крайне противоречиво. Сначала объявили: «Окончательная форма взаимоотношений между Россией и Белоруссией будет определена соглашением между Учредительными собраниями России и Белоруссии».⁸⁵ Но сразу же поспешили преобразовать Белорусский политический комитет, являвшийся (как, впрочем, и Русский) самозванным, никого не представлявшим, в правительство БНР с Булак-Балаховичем – начальником государства.

Очередное национально-территориальное образование просуществовало всего три недели. До 29 ноября, пока последний солдат отрядов (или, скорее, банд) Савинкова и Булак-Балаховича, пафосно именовавшихся дивизиями и полками, под ударами 16 армии Западного фронта не бежал за демаркационную линию, в Польшу.

Схожие события произошли в те же дни к югу от Полесья. 8 ноября семнадцатитысячная армия УНР прорвала фронт в районе Могилёва-Подольского и устремилась на восток. К Бердичеву и Виннице. 16 ноября захватила Каменец-Подольский, что и стало её единственным успехом. Под ударами 2-й кавалерийской Отдельной бригады Г.И.Котовского и 8-й кавалерийской дивизии В.М.Примакова остатки петлюровских дивизий 23 ноября беспорядочными толпами бежали за Збруч.

...Если мир, подписанный РСФСР и УССР с Польшей, уподобить проигрышу с очень крупным счётом, то договор, заключённый двумя днями позже (14 октября) в Юрьеве с Финляндией, следует сравнить с игрой (пусть дипломатической), закончившейся вничью. Способствовало же тому обстоятельство, и ставшее решающим для определения Гельсингфорсом своей политики по отношению к соседу – установление Советской власти 21 февраля в Мурманске, вслед за тем – на Кольском полуострове, включая район Печенги, и вдоль Мурманской железной дороги.

Действительно, ещё 16 октября 1919 года финляндский сейм категорически отклонил предложение Чичерина, изложенное в ноте от 11 сентября: «вступить в мирные переговоры с целью прекращения военных действий и выработки условий мирных отношений».⁸⁶ А 12 апреля 1920 года, уже по предложению финской стороны, в небольшом приграничном городе Рояйоки на-

чались предварительные заседания представителей двух стран. Пока – лишь по организационным вопросам. 24 апреля они прервались, но месяц спустя Гельсингфорс уведомил Москву о желании возобновить переговоры. В Юрьеве, 10 июня.

Официальные встречи начались с двухдневным опозданием, но сразу же определили круг спорных территориальных вопросов. Финская делегация, возглавляемая Ю.Паасикиви, настаивала на передаче Печенгского района (занятого к тому времени частями Красной Армии), волостей Ребольской и Поросозёрской, а также согласия на контроль со стороны Финляндии над большей частью Финского залива. Советская делегация (глава – секретарь Исполкома Коминтерна Я.А.Берзин, члены: от НКВД – ответственный руководитель РОСТА П.М.Керженцев и Н.С.Тихменев, от РВСР – состоящие по особым поручениям при Полевом штабе бывший генерал-лейтенант В.Н.Егорьев, бывший капитан I ранга, начальник Морского штаба Е.А.Беренс, сотрудник отдела пограничного надзора при Наркомате торговли А.М.Смирнова) потребовали сохранить в составе РСФСР Печенгскую область, Восточную Карелию, демилитаризировать принадлежащие Финляндии острова в Финском заливе.

Сложная дискуссия завершилась 13 августа подписанием перемирия, которое одновременно и заложило основы для установления границы. Демаркационная линия на Карельском перешейке прошла строго по занимаемым войсками позициям, от Ладожского озера до Баренцева моря – по административной границе 1917 года, за исключением двух волостей русской Карелии, Реполской и Поросозёрской, где за демаркационную линию принимаются на севере, востоке и юге границы этих волостей». ⁸⁷ То есть Восточная Карелия оказывалась на финской стороне, а Печенгская область – на российской.

Дальнейшие переговоры свелись, по сути, к торгу, завершившемуся 14 октября подписанием мирного договора. Признавшего, что «состояние войны между договаривающимися государствами прекращается», и описавшему новую границу. Теперь Советская Россия отказывалась от Печенги, на которую так претендовал Гельсингфорс, основываясь на договоре, заключённом СНК РСФСР с Советом Народных Уполномоченных Финляндской Социалистической Рабочей Республики 1 марта 1918 года. В обмен финская делегация скрепила своими подписями следующее описание границы: «от перешейка между полуостровом Средний и материком ... по прямой линии к... пограничному знаку №90 на Корвантун-тури близ озера Яури-ярви... до Ладожского озера». Тем самым, зафиксировала, что помимо

Реполской и Поросозёрской волостей на российской стороне остаётся и так называемый Кирьясалский выступ, где размещались сепаратистские Ингерманландские вооружённые силы.

Отдавая Печенгскую область, российская делегация сумела добиться важных оговорок и разъяснений. Финляндия не имела права содержать в водах Ледовитого океана «военных и прочих вооружённых судов,.. не устраивать на этом побережье военных портов, баз военного флота», а также «предоставляла Российскому государству и российским гражданам право свободного транзита в Норвегию и обратно».

Наконец, в соответствии с мирным договором, Финляндия обязывалась уничтожить форты Ино, Пумала и демилитаризовать острова Гогланд, Сескар, Лавенсари, артиллерийские установки на которых представляли серьёзнейшую угрозу для Петрограда.

Помимо собственно мирного договора, советская делегация внесла в протокол заявление, подтвердившее своевременность создания в июне Карельской Трудовой Коммуны. Обосновывая возвращение двух волостей, гарантировала: «Карельское население Архангельской и Олонецкой губерний имеют право национального самоопределения. Заселённая этим населением Восточная Карелия образует автономную в своих внутренних делах область, входящую в состав Российского государства на началах федерации». Заявление оговорило также и вопрос, связанный с судьбой ингерманландцев. «Финское население Петроградской губернии, – отмечало оно, – пользуется в полной мере всеми правами и преимуществами, предоставляемыми российскими законами находящимся в меньшинстве».⁸⁸

5. От практики к теории и обратно

Итак, почти вся западная граница страны была определена (хотя и не совсем выгодным образом), закреплена пятью мирными договорами. Почти вся – за исключением Бессарабии, оккупированной румынскими войсками. Фактически аннексированной, что было «закреплено» решением Совета послов Великобритании, Франции, Италии и Японии, принятым в Париже 28 октября 1920 года.

Правда, не ратифицированным в Токио, почему юридически оно так и не вошло в силу. Узнав о том, Наркоминделы РСФСР и УССР совместной нотой от 1 ноября заявили: они «не могут признать соглашение, касающееся Бессарабии, принятое без их участия»,⁸⁹ но тем и ограничились.

К тому времени и Гражданская война подошла к своему концу. Не только на Урале, в Восточной Сибири, Средней Азии, но и в Европейской части России. Ещё 10 октября, несмотря на весьма неблагоприятное положение на польском фронте, РВСР отдал приказ о завершении операции по освобождению Крыма. 7 ноября стянутые на юг 4-я, 6-я, 13-я, 1-я и 2-я Конные армии, другие части и соединения, включая значительные силы Махно, начали штурм Перекопско-Ишуньских и Чонгарских укреплений. На пятый день прорвали их и устремились к южному побережью, заставив врангелевцев поспешно бежать за рубеж. 14 ноября они ушли на транспортах из Феодосии и Евпатории, 15 – из Севастополя, 16 – из Керчи и 17 – из Ялты. Крым был свободен.

Теперь руководство смогло заняться и внутренними проблемами, а среди них – и национально-территориальными. Но к ним обратился не только Каменев, столь рьяно решавший полтора года такие задачи на свой страх и риск, но и Сталин. Использовал для того отличный повод – приближавшееся трёхлетие революции. Выступил на полосах «Правды» 10 октября с пространной теоретико-публицистической статьёй «Политика Советской власти по национальному вопросу в России». Однако в ней вынужден был излагать свои взгляды, не отвергая открыто всё то, что было сделано без него, вопреки ему.

Начал Сталин с констатации бесспорного:

«Три года революции и Гражданской войны в России показали, что без взаимной поддержки центральной России и её окраин невозможна победа революции... Центральная Россия... не может долго держаться без помощи окраин, изобилующих сырьём, топливом, продуктами продовольствия. Окраины России, в свою очередь, обречены на неминуемую империалистическую кабалу без политической, военной и организационной помощи более развитой Центральной России».

Отсюда Сталин делает логический вывод: раз действительно столь необходим «прочный союз между центром и окраинами», «нерушимый союз между ними», добавляет он, то «в какие формы он должен вылиться?» Поясняет, что в таком поиске и «состоит политика Советской власти по национальному вопросу». Но прежде чем дать свой ответ на него, предложить свой взгляд на проблему, возвращается к основной посылке, выражая её на этот раз от противного.

«Требование отделения окраин от России, – пишет Сталин, – как форма отношений между центром и окраинами... должно быть исключено». Почему? Да потому, что «отделившиеся окраины неминуемо попали бы в кабалу международного империализ-

ма. Достаточно взглянуть на отделившиеся от России Грузию, Армению, Польшу, Финляндию и т.д., сохранившие лишь видимость независимости, а на деле превратившиеся в безусловных вассалов Антанты,.. чтобы понять всю контрреволюционность требования отделения окраин при настоящих международных условиях».

Итак, для Сталина диллема предельно проста. «Либо вместе с Россией,., либо вместе с Антантой... Третьего выхода нет». А затем приступает к изложению наиважнейшего. Растолковывает теоретическую суть вопроса, в поисках ответа на который уже не раз скрещивали копыта Ленин и Бухарин, Пятаков и Чичерин, иные лидеры страны и партии.

«Конечно, – вроде бы соглашается Сталин, – окраины России, нации и племена, населяющие эти окраины, как и всякие другие нации, имеют неотъемлемое право на отделение от России, и если бы какая-либо из этих наций решила в своём большинстве отделиться от России, как это было с Финляндией в 1917 году, то России, вероятно, пришлось бы констатировать факт и санкционировать отделение.

Но речь идёт здесь не о праве наций, которые неоспоримы, а об интересах народных масс как центра, так и окраин. Речь идёт о характере той агитации, который (характер) определяется этими интересами и которую (агитацию) обязана вести наша партия, если она (партия) не хочет отречься от самой себя, если она хочет повлиять на волю «трудовых масс национальностей в определённом направлении. Ну, а интересы трудовых масс говорят, что **требование отделения окраин** на данной стадии революции **глубоко контрреволюционно** /выделено мной – Ю.Ж./».

Не ограничиваясь столь резко отрицательной оценкой права наций на самоопределение вплоть до отделения, столь же негативно Сталин высказывается и по поводу более мягкой, ограниченной формы того же права:

«Равным образом должна быть исключена так называемая культурно-национальная автономия, как форма союза между центром и окраинами России. Практика Австро-Венгрии (родины культурно-национальной автономии) за последние десять лет показала всю эфемерность и нежизненность культурно-национальной автономии как формы союза между трудовыми массами национальностей многонационального государства».

Но что же, в конечном счете, предлагает Сталин? «Остаётся, – заявляет он, – **областная** автономия окраин, отличающихся

особым бытом и национальным составом, как единственно целесообразная форма союза между центром и окраинами. **Автономия, долженствующая связать окраины России с центром узами федеративной связи** /выделено мной – Ю.Ж./. То есть та самая советская автономия, которая была провозглашена Советской властью с первых же дней её появления на свет и которая проводится ныне на окраинах в виде административных коммун и автономных советских республик».

Тем самым, Сталин вполне преднамеренно напомнил не столько читателям, сколько партийному руководству, о том, на чём настаивал, начиная с 1917 года. О призванных (согласно действующей Конституции) и служить образующими Российской Федерации – областных объединениях. Но, учитывая заявленную тему статьи, ограничился их частным случаем, только «отличающимися особым бытом и национальным составом». Такими, как давным-давно созданная Туркестанская и в последний момент отвергнутая Татаро-Башкирская автономные республики. Как и задумывалось, объединявшие несколько губерний или областей, многонациональные.

Однако в октябре 1920 года Сталину приходилось учитывать не только то, что было одобрено всеми (и ЦК РКП, и Всероссийским съездом Советов), но и то, что появилось в полном противоречии с заявленным. Приходилось учитывать настоящий конгломерат национально-территориальных образований, созданных за последний год. Их бессистемность, непродуманность, случайное многообразие, которое никто (ни Ленин, Каменев, Крестинский в Политбюро, ни Каменев, Владимирский в Президиуме ВЦИК) и не подумал хоть как-то обосновать, предложив чёткие критерии для использования в будущем.

Поступил Сталин единственно возможным образом. Не беря на себя ответственность за уже созданное, но и не критикуя никого за допущенные ошибки, разъяснил с точки зрения классической диалектики: мол, «советская автономия не есть нечто застывшее и раз навсегда данное». Тем наметил возможность со временем реформировать возникшую структуру, а после того постарался систематизировать существующие автономные образования, сведя их в четыре группы.

В первую включил те из них, которые соединяли всего несколько уездов, населенных национальными меньшинствами не только по отношению к населению страны в целом, но и к данному региону – немцами, чувашами, карелами. И охарактеризовал две трудовых коммуны и одну «область» как обладающие «узкой административной автономией». Ко второй группе – с «более

широкой, политической автономией», отнёс Башкирскую и Татарскую республики (по размерам не превышавшие среднюю губернию), а также Киргизскую. Хотя и образованную из нескольких областей, но малонаселённую, лишённую даже намёка на хоть какую-нибудь промышленность. Третью группу составили Украина и Туркестан, наиболее отвечающие требованиям Сталина, необходимым для областных объединений. Наделённые в силу того «более расширенной формой автономии». В четвёртой группе же оказался один Азербайджан, находящийся с РСФСР в «договорных отношениях». ⁹⁰

...Обособление Азербайджанской ССР, отнесение её к «высшей форме автономии» породило то, что всего за полторы недели до выхода номера «Правды» со статьёй Сталина, 30 сентября в Москве был подписан договор о военно-экономическом союзе советских России и Азербайджана. Договор, и поставивший – как оказалось, временно – закавказскую республику в особое, несколько привилегированное положение.

Его статья 2-я, ставшая, начиная с 1 июня 1919 года стандартной, устанавливала: «Правительство РСФСР и правительство Азербайджанской Республики проводят в кратчайший срок объединение 1) военной организации и военного командования; 2) органов, ведающих народным хозяйством и внешней торговлей; 3) органов снабжения; 4) железнодорожного транспорта и почтово-телеграфного ведомства; 5) финансов». ⁹¹

Словом, договор содержал то же, что намеревался осуществить IV Всеукраинский съезд Советов согласно его постановлению, принятому 20 мая 1920 года. Ещё только намеревался, но уже объявивший УССР частью РСФСР, и потому направивший в состав ВЦИК своих делегатов...

Сталин был бы не Сталиным, если бы не сказал о самом важном. О том, ради чего и создавались все эти национально-территориальные единицы. О том, что они не цель, а только средство достижения иных целей.

«Провозглашение той или иной формы автономии, – объяснял Сталин, – даже создание окраинных правительств в виде областных /выделено мной – **Ю.Ж.**/ Совнаркомов автономных республик далеко ещё недостаточны для упрочения союза... Нужно, прежде всего, ликвидировать ту отчуждённость и замкнутость окраин, ту патриархальность и некультурность, то недоверие к центру, которые остались на окраинах как наследие зверской политики царизма...

Но для того, чтобы ликвидировать недоверие, нужно, прежде всего, помочь народным массам окраин освободиться от пере-

житков феодально-патриархального ига, нужно упразднить – на деле упразднить, а не на словах только – все и всякие привилегии колонизаторских элементов, нужно дать народным массам вкусить от материальных благ революции».

Для того, разумеется, необходима «последовательная и продуманная экономическая политика». Иными словами, развитие на окраинах промышленности, что является делом сложным и долгим. А потому для начала всё внимание, считает Сталин, коммунисты должны обратить на более простое, доступное даже в существующих условиях. Ввести «всеобщее образование, если хотят духовно сблизить центр и окраины... Для этого развить местную национальную школу, национальный театр, национальные просвет-учреждения, поднять культурный уровень народных масс окраин»..

Всё это – во-первых. А во-вторых, «необходимо, чтобы все советские органы на окраинах, суд, администрация, органы хозяйства, органы непосредственной власти (а также и органы партии) составлялись по возможности из местных людей, знающих быт, нравы, обычаи, язык местного населения».

И ещё раз Сталин повторил: «Поставить школу, суд, администрацию, органы власти на родном языке – это именно и значит осуществить не деле советскую автономию, ибо советская автономия есть не что иное, как сумма всех этих институтов, облаченных в украинскую, туркестанскую, киргизскую и так далее, форму».

Завершил же статью прозорливым предупреждением: «Серьёзной преградой на пути осуществления советской автономии является та поспешность, переходящая нередко в грубую бестактность, которую проявляют некоторые товарищи в деле советизации окраин,., в областях, отставших от Центральной России на целый исторический период». Потребовал: «от кавалерийских набегов по части «немедленной коммунизации» отсталых народных масс необходимо перейти к осмотрительной и продуманной политике постепенного вовлечения этих масс в общее русло советского развития».⁹²

Так, несколько уклончиво, Сталин выразил своё истинное отношение к возникавшим национально-территориальным автономиям. Они необходимы только для того, чтобы постепенно, по мере возможности, выравнивать прежде всего культурный уровень отсталых окраин с Центральной Россией. Только для того, и не для чего иного. А всего несколько дней спустя вынужден был, используя издание в Туле сборника его статей по национальному вопросу, как бы оправдываться в том, что, скорее всего,

вызвало наибольшее неприятие, – его оценку требований об отделении окраин от России как «контрреволюционной затеи».

«Мы за отделение, – пояснил Сталин, – Индии, Аравии, Египта, Марокко и прочих колоний от Антанты, ибо отделение в этом случае означает освобождение этих угнетённых стран от империализма, ослабление позиций империализма, усиление позиций революции. Мы ПРОТИВ отделения окраин от России, ибо отделение в этом случае означает империалистическую кабалу для окраин, ослабление революционной мощи России, усиление позиций империализма».⁹³

Шесть дней спустя по выходу номера «Правды» с его статьёй, Сталину пришлось срочно покинуть Москву. Уехать из неё лишь потому, что в Баку завершил работу Съезд народов Востока. Его главный организатор Зиновьев пооследовал сразу же в Петроград, но основные докладчики вернулись в столицу. Радек, выступавший с обычным для него докладом о международном положении и перспективах мировой революции. Павлович (М.Л.Вельтман), единственный большевик – профессиональный востоковед, сделавший доклад о колониальном и национальном вопросе, растолковывая им одну из резолюций Второго конгресса Коминтерна. Сколко, изложивший точку зрения ЦК РКП по аграрному вопросу.

Вместе с ними приехало и 27 из 1.891 делегатов съезда, представлявших Туркестан, Азербайджан, народы Северного Кавказа – кабардинцев, чеченцев, ингушей, калмыков, жителей Дагестана, горцев Кубанской области. Все они, вдохновлённые выступлениями, горели желанием продвигать пролетарскую революцию в Турцию и Иран, Индию и Тибет. Но у себя же на родине решили добиваться иного – земли и автономии. О том настойчиво говорили на совещании, организованном ЦК РКП, и сумели убедить в том всех.

14 октября Политбюро при участии Сталина приняло постановление «О задачах РКП в местностях, населённых восточными народами», которым, в частности, потребовало:

«2. По вопросу аграрному признать необходимым наделение безземельных и малоземельных горцев Северного Кавказа землёй за счёт кулацкой части кавказского населения /то есть казачества, и занимавшегося хлебопашеством – **Ю.Ж.**/. Поручить Совнаркому подготовить соответствующее постановление.

3. Признать необходимым проведение автономии в соответствующих конкретным условиям формах для тех восточных национальностей, которые ещё не имеют автономных учреждений, в первую голову – для калмыков и бурят-монголов, поручив

Наркомнацу немедленно составить проект декрета об автономии калмыков, а Наркоминделу – снести с правительством дружественной Дальневосточной Республики по поводу проведения такой меры по отношению к бурят-монголам».⁹⁴

Словом, автономию – калмыкам и бурятам, а горцам Северного Кавказа – землю, и немедленно. Всё бы ничего, если бы не одно «но». Когда Съезд народов Востока лишь начинал свою работу, 7 сентября в Дагестан и Чечню из прилегающих районов Грузии вторгся небольшой, всего в триста человек, отряд во главе с муфтием Н.Гоцинским, самозванным полковником К.Алихановым и внуком знаменитого Шамиля, офицером французской службы Сеид-беком. Воспользовавшись разгромом своего давнего и непримиримого противника, Добровольческой армии, они в который раз решили воссоздать Горскую Республику. Только теперь не как светское, а теократическое исламское государство.

К середине октября численность их «Шариатского войска горских народов», которым командовал ещё один самозванный полковник, М.Джафаров, достигла трёх тысяч человек. Они не только установили полный контроль над горной частью края, но и попытались захватывать города. Осадили старые крепости Хунзах, Гуниб, Ботлих, иные. Сведения о том вскоре достигли Москвы, где породили серьёзнейшие опасения – а не присоединятся ли к мятежу Грузия, Армения? Не возникнет ли угроза бакинским нефтяным промыслам?

Разобраться в истинном положении, принять все необходимые меры и должен был Сталин.⁹⁵ Два дня он провёл в Ростове, выясняя отношение донского казачества к событиям. Десять дней – во Владикавказе, стратегическом центре края, и десять – в Баку. То есть объехал по периметру всю зону, охваченную новым всплеском Гражданской войны. Убедившись, что мятеж носит локальный характер, 13 ноября прибыл в Темир-Хан-Шуру (административный центр Дагестана), где его и застала телеграмма Ленина с перечнем вопросов, ответы на которые в Москве ожидали со вполне обоснованным беспокойством.

«Как идёт борьба с бандами? – вопрошал Ленин. – Правда ли, что в них свыше 20.000 штыков и сабель? Достаточно ли намеченные на Кавфронт подкрепления?». И, предполагая самое неблагоприятное развитие событий, продолжал: «Считаете ли возможным мирное улажение /так в тексте – **Ю.Ж.**/ отношений с Грузией и Арменией, и на какой основе? Затем, ведутся ли вполне серьёзные работы по укреплению подходов к Баку?». ⁹⁶

Телеграмма Ленина ушла из Москвы 13 ноября, но ответил на неё Сталин (полностью проигнорировав вопросы о мятеже)

только десять дней спустя. Тогда, когда ему стало окончательно ясным, что ликвидация авантюры Гоцинского лишь вопрос времени ближайшего, по его мнению, стране угрожала опасность иная: «Мы стоим перед большой войной на юге Кавказа, организуемой Антантой при посредстве Грузии и, может быть, при нейтрализации Турции, в лучшем случае, а в худшем – при союзе с Турцией против нас и, прежде всего, против большевистского Азербайджана». ⁹⁷

Такая оценка политической ситуации и заставила Сталина отказаться от того, что он предполагал сделать два года назад. Забыть о Северо-Кавказском областном объединении, уже появившемся как Северо-Кавказская Социалистическая Советская Республика. Создать в крае не одну, а две автономии. Дагестанскую – благо, географически несколько обособленную, да и населённую (не много, не мало) тридцатью шестью народами. И Горскую, призванную объединить чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев, балкарцев, карачаевцев.

Выступая 13 ноября в Темир-Хан-Шуре на срочно созванном и далеко не представительном съезде народов области, Сталин прежде всего объявил: «Дагестан должен быть автономным, он будет пользоваться внутренним самоуправлением, сохраняя братскую связь с народами России». Был предельно откровенным и не скрывал прямой связи между необходимостью подавить мятеж Гоцинского и намерениями руководства страны. «Если вы, – сказал Сталин, – прогоните Гоцинского, врага трудящихся Дагестана, то тем самым оправдаете доверие, которое оказывает высшая Советская власть, давая Дагестану автономию».

Зная Кавказ как никто другой из членов Политбюро, ЦК, Совнаркома, Сталин очень хорошо понимал, что ему необходимо уступить в самом главном. В признании того, что и составляло суть вековых обычаев горцев, выступивших под зелёным знаменем ислама. «Среди дагестанских народов, – продолжил он, – шариат имеет серьёзное значение. Враги Советской власти распространяют слухи, что Советская власть запрещает шариат. Я здесь, от имени Правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, уполномочен заявить, что эти слухи неверны... Советское правительство считает шариат таким же правомочным, обычным правом, какое имеется и у других народов, населяющих Россию».

Но уступил Сталин только в этом. В том, что считал особенностями быта отсталых народов. Далее же не отошёл ни на шаг от своей программы, изложенной месяц назад в «Правде». Обь-

яснил участникам съезда, что же представляет собой даваемая им автономия. Она «не предоставляет независимости» – во-первых. «Советское правительство имеет определённую цель выделить из среды местных работников честных и преданных людей, любящих свой народ, и вверить им все органы управления» – во-вторых. И, в-третьих, «необходимо создать побольше школ и органы управления на местных языках. Этим путём Советская власть надеется вытянуть народы Дагестана из той трясины темноты и невежества, куда их бросила старая Россия».⁹⁸

И ни слова не сказал о переделе земли. Такой проблемы в области просто не существовало.

Через четыре дня Сталин снова выступил с важным заявлением. Теперь – во Владикавказе, на съезде народов Терской области, об автономии пока только задуманной Горской Республики. Ничем не схожей ни с той, что создал в конце 1917 года Чермоев, ни с той, которую вознамерился образовать Гоцинский.

Начал Сталин с того, что и составляло причину полуторавековых конфликтов. С необходимости ввести своеобразную сегрегацию. «Жизнь показала, – прямо заявил он, – что совместное жительство казаков и горцев в пределах единой автономной единицы привело к бесконечным смутам. Жизнь показала, что во избежание взаимных обид и кровопролитий необходимо отделить массы казаков от масс горцев. Жизнь показала, что для обеих сторон выгодно размежевание», и назвал ту межу: «Правительством решено выделить большинство казаков в особую губернию, а большую часть горцев – в Автономную Горскую Советскую Республику, с тем чтобы границей между ними служила река Терек».

Обосновал Сталин и решение о частичном переселении казаков. Напомнил им о недавнем мятеже на Сунженской линии, о более давнем – поддержке Бичерахова, Деникина, Врангеля. «И вот, – продолжил он своеобразный урок истории, – вследствие того, что некоторые группы казаков оказались вероломными, пришлось принять против них суровые меры, пришлось выселить провинившиеся станицы и заселить их чеченцами».

Но чтобы не создать ложное представление о том, что теперь казаки являются изгоями, пояснил: «Горцы поняли это так, что теперь можно терских казаков безнаказанно обижать, можно их грабить, отнимать скот, бесчестить женщин. Я заявляю, что если горцы думают так, они глубоко заблуждаются... Если казаки будут вести себя впредь как честные граждане России, я заявляю здесь перед всем съездом, что ни один волос не упадёт с головы казака».

Разрешив, но только теоретически, вопрос межэтнических конфликтов, Сталин перешёл к тому, о чём уже говорил в другой аудитории, в Темир-Хан-Шуре – о сути предоставляемой автономии. «Ваша внутренняя жизнь, – растолковывал он, – должна быть построена на основе вашего быта, нравов и обычаев. Конечно, в рамках общей Конституции России». Объяснил и то, как следует решать проблему сосуществования многих народов, говорящих на разных языках, в том числе и казаков, остающихся в пределах республики. У всех у них, говорил Сталин, «должен быть свой Национальный Совет, управляющий делами соответствующих народов применительно к быту и особенностям последних». Добавил: «Если будет доказано, что будет нужен шариат, пусть будет шариат». И ещё раз напомнил наиглавнейшее – «автономия означает не отделение, а союз самоуправляющихся горских народов с народами России. Этот союз есть основа горской советской автономии».

Пришлось Сталину особо оговорить судьбу повстанческого «шариатского войска». «Армия, – заверил он, – должна быть, безусловно, общей, ибо своей маленькой армией Горская Республика не сможет отстоять свободу». И ещё в который раз вернулся к сути автономизации. К тому, что стало лейтмотивом всех его статей и выступлений по национальному вопросу: «Основное зло, которое угнетало горцев всю жизнь, – это их отсталость, невежество. Только искоренение этого зла, только широкое просвещение масс может спасти горцев от вымирания, может приобщить их к высшей культуре».⁹⁹

Пока Сталин находился на Кавказе, Наркомнац поспешил самостоятельно, да еще и с перевыполнением, исполнить решение Политбюро. Очень быстро подготовил и провёл (уже 4 ноября) через ВЦИК и СНК три идентичных постановления о придании статуса автономных областей сразу трём народам – калмыцкому, марийскому и вотяцкому (удмуртскому).

Поступая так, коллегия Наркомнаца проявила полное непонимание того, что же от неё ожидали. Ведь в решении Политбюро далеко не случайно были названы, и тем выделены особо, только калмыки. Партийное (оно же – советское) руководство стремилось тем достигнуть сразу двух взаимосвязанных целей. Во-первых, нейтрализовать калмыков, исключив по возможности их присоединение к мятежникам Северного Кавказа. Во-вторых, их автономией (в прямом смысле слова) разрезать надвое огромную казачью зону, протянувшуюся от Дона к Волге и далее к реке Урал.

И в том и другом случае чрезвычайно важным являлось определение территории новой автономной области. Между тем,

работники Наркомнаца напрочь обошли данный вопрос, превратив подготовленный ими проект всего лишь в выражение намерений, не больше. Поэтому документ и оказался лапидарно кратким:

«1. Образовать автономную область калмыцкого народа. 2. Установление границы и выработку положения об автономной области поручить комиссии в составе представителей Наркомнаца, Наркомвнудел и Наркомзема с участием представителей заинтересованных национальностей. 3. Обязать комиссию закончить свою работу в кратчайший срок!»¹⁰⁰

Только через две недели, по возвращении Сталина в столицу, документ (но, опять же, отчасти) был приведён в должный вид. 25 ноября ВЦИК и СНК повторно утвердили это постановление, в котором только теперь появилось определение территории автономии. Она должна была сложиться из ряда улусов Астраханской, волостей и отдельных станиц Царицинской, улусов Ставропольской губерний, части одного округа Донской и одного аймака Терской областей. Но то, что требовалось изложить, как в других подобных постановлениях – положение об управлении – снова было сведено к одной фразе: «Вся полнота власти в Калмыцкой автономной области... принадлежит съезду Советов и избираемому съездом Исполнительному Комитету, коему присваиваются права Губернского Исполнительного Комитета».¹⁰¹

Отсутствовал в новом варианте постановления и ответ на самый животрепещущий вопрос. Самый опасный, ибо являлся источником постоянных кровавых столкновений – когда же и каким образом будет поделена земля между скотоводами-калмыками и хлебопашцами-казаками? Судя по всему, эту проблему решили как бы забыть, отложить её решение до лучших, более спокойных времён.

Схожим до мелочей образом дорабатывались и два других постановления. Поспешно подготовленных – ради отчёта? – и столь же поспешно (хотя никаких оснований тому не было) утверждённых ВЦИКом и СНК – об автономии марийского и вотского народов. Именно их, а не кого-либо другого, хотя в решении Политбюро речь прямо шла только о «восточных национальностях». К ним же ни марийцев, ни вотяков при всём желании отнести было просто невозможно. Скорее всего, Наркомнац просто счёл крайне необходимым довести до логического завершения то, что с гораздо большим успехом можно было достигнуть образованием Татаро-Башкирской Республики.

Первые постановления о создании автономных областей (АО марийского и вотского народов оказались повторением –

слово в слово, как бы под копирку – того, что говорилось по отношению к калмыкам. Также ничего конкретного, кроме необходимости соответствующим комиссиям выполнить свою работу «в кратчайший срок». ¹⁰² Однако последнее условие удалось соблюсти по отношению только к марийцам. Повторное постановление ВЦИК и СНК, утверждённое 25 ноября, установило: территорию Марийской АО образуют два уезда целиком, части тринадцати уездов и отдельные селения Нижегородской и Вятской губерний. Властью же там является ревком – до созыва местного съезда Советов. ¹⁰³

Такой же акт, но уже по отношению к вотякам, конкретизирующий территорию этой АО, ВЦИК и СНК приняли только 5 января 1921 года. Очередную национальную область составили всего четыре волости Вятской губернии, которые временно (опять же до созыва съезда Советов в неустановленные конкретные сроки) передавали под управление ревкома, ¹⁰⁴ который ещё следовало образовать.

Отсутствие в постановлениях о Калмыцкой, Марийской, Вотской автономий (впрочем, как и о Чувашской) каких-либо определенных указаний на организацию в них системы власти, бесспорно, свидетельствовало о достаточно серьёзном упущении. Приступив к созданию областей (как особой форме национально-территориальных единиц), к тому же, не являющихся «частью РСФСР» (во всяком случае, такое определение документы не содержали), инициаторы того, прежде всего, Каменев и Владимирский, до конца так и не продумали их юридическое своеобразие. Всё ещё не установили критерии отличия автономных областей от таких же республик. Не договорились, какими должны быть органы власти для обособленных, в лучшем случае, нескольких уездов, а то и волостей.

Совершенно иными оказались постановления ВЦИК от 20 января 1921 года о Горской и Дагестанской автономных республиках. Тех самых, чьё создание Сталин прокламировал в середине ноября. Оба акта, прежде всего, устанавливали, что они являются частью РСФСР. Затем определяли их территорию. Для Горской – округа Терской и Кубанской областей, «населяемых ныне чеченцами, осетинами, ингушами, кабардинцами, балкарцами и карачаевцами и живущими между ними казаками и инородцами».

Органами управления становились ЦИКи и местные Советы, избираемые на основе Конституции РСФСР. Получили обе республики и Совнаркомы, включавшие Наркоматы внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, социального

обеспечения, земледелия. Кроме них имелись ещё Наркоматы продовольствия, финансов, Совнархозы с отделами путей сообщения, почт и телеграфа, труда, Рабоче-крестьянской инспекции, которые «в целях сохранения единства финансовой и хозяйственной политики», находились в прямом подчинении у соответствующих центральных ведомств.¹⁰⁵

В середине ноября 1920 года в Москве попытались решить судьбу ещё одного многонационального региона, Крыма, уже дважды обретавшего статус областного объединения Российской Федерации. В марте-апреле 1918 года – как Таврической, в апреле-июне 1919 года – как Крымской Советской Республики. И теперь, сразу же после освобождения полуострова от врангелевских войск, местный ревком, возглавляемый одним из руководителей Венгерской Советской Республики Белой Куном, направил в Политбюро записку. В ней предложил за них решить вроде бы неразрешимую дилемму.

Сорок – сорок пять процентов населения Крыма, утверждали члены ревкома, являются татарами (в действительности их насчитывалось 166.320 человек из 720 тысяч жителей полуострова, то есть чуть более двадцати процентов¹⁰⁶/, «связанные по своему быту, языку, историческому прошлому с Турцией и имеющие с ней постоянное сообщение морем. Поэтому признание /самостоятельности – **Ю.Ж.**/ Крымской Республики, осуществляя право крымских татар на самоопределение, имело бы важное агитационное значение для всего турецкого народа».

Вместе с тем, авторы записки вынужденно констатировали существование и иного взгляда на проблему. Автономия в составе Российской Федерации «не встретит в Крыму сколько-нибудь серьёзного противодействия, и переход совершится на ближайшем съезде Советов», – заключали они.

Члены Политбюро Ленин, Каменев, Крестинский и кандидат в члены – Бухарин почему-то уклонились от принятия однозначного решения. Выразили его весьма своеобразно: «вопрос о... взаимоотношениях Крыма с РСФСР оставить открытым». ¹⁰⁷ Таким тот и пребывал до конца осени следующего года.

Через двенадцать дней, 27 ноября, Политбюро всё же осознало: ревком, который не в состоянии сделать сам столь необходимый (в общем-то, неизбежный и единственно возможный) вывод, не может далее действовать. Белу Куна решили снять с занимаемой должности, а состав чрезвычайного органа обновить.¹⁰⁸

6. Восстановление договорной системы

В своей «правдинской» статье Сталин счёл возможным уравнивать в правовом отношении Украину с Туркестаном. Что же побудило его прийти к такому заключению? Два вполне объективных факта.

Во-первых, существование в обеих республиках объединённых Наркоматов, во-вторых, отсутствие двусторонних соглашений, заменённых постановлениями ВЦИКа, и обосновывавших юридически такое положение. Иными словами, наличие того, что стало присуще всем без исключения автономным республикам. Только им.

Азербайджан, в отличие от них, хотя и имел такие же объединённые Наркоматы, но на основании союзного договора, подписанного 30 сентября. Незадолго перед тем как Сталин и начал работу над статьёй.

Построив стройную иерархическую систему федерации (области и трудовые коммуны, автономные республики, договорные республики) и отнеся к последним только Азербайджан, Сталин несколько поторопился. Ошибся в определении места для Украины. Его статья увидела свет 10 октября, а 12 октября в Риге советская делегация подписала прелиминарный мир с Польшей, первая статья которого гласила: «Обе договаривающиеся стороны... признают независимость Украины и Белоруссии». Подпись под этим документом, как оказалось, в одночасье разрушила всё то, что складывалось на протяжении последних семнадцати месяцев.

Припомним, как именно формировались федеративные связи Украины и России.

1919 год.

18 мая, постановление ВуЦИК: «Вся вооружённая борьба с врагами советских республик должна быть объединена во всех существующих советских республиках. Все материальные средства, необходимые для ведения этой борьбы, должны быть сосредоточены вокруг общего для всех республик центра».

1 июня, декрет ВЦИК: «Провести тесное объединение военной организации и военного командования, Советов народного хозяйства, железнодорожного управления и хозяйства, финансов, комиссариатов труда советских социалистических республик России, Украины».

5 декабря, резолюция VII Всероссийского съезда Советов: «В настоящее время отношения между Украинской Социалистиче-

ской Советской Республикой и РСФСР определяются федеративной связью».

21 декабря, воззвание Всеукраинского ревкома: «Украинская Социалистическая Советская Республика опять воскресает. Она будет идти рука об руку с вольной и независимой Социалистической Советской Республикой Россией. Объединение их армий в одну русско-украинскую Красную Армию будет служить залогом крепости этого союза».

1920 год.

18 марта, резолюция IV конференции КП(б)Украины: «Первым объединением между Украиной и Россией, продиктованным самым ходом событий, было объединение Военных комиссариатов... Намечается объединение комиссариатов по иностранным делам,.. общий производительный план,.. создание общих органов для учёта и распределения рабочей силы, сырья, средств производства, объединение Народных комиссариатов путей сообщения, почт и телеграфов,.. валюта и Народный банк являются общими,.. объединение Народных комиссариатов труда». Они действуют «через Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, в который входят представители губерний УССР».

20 мая, из постановления IV Всеукраинского съезда Советов: «УССР, сохраняя свою самостоятельную государственную Конституцию, является членом Всероссийской Социалистической Советской Федеративной Республики... Подтверждая соглашение между Центральными Исполнительными Комитетами УССР и РСФСР об объединении комиссариатов военного, финансового, железнодорожного, народного хозяйства, почт и телеграфов и труда, поручает будущему Центральному Исполнительному Комитету вести и дальше ту же самую политику к теснейшему сближению...

Впредь до окончания работ назначенной Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Комиссии по федеральной Конституции /Каменева – **Ю.Ж.**/ и до окончательного постановления Всероссийского съезда Советов, поручает будущему Центральному Исполнительному Комитету Украины войти в переговоры со Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов по вопросу о представительстве Советской Украины в этом последнем. Со своей стороны съезд предлагает, чтобы во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет РСФСР вошло 30 представителей Советской Украины, избранных на IV съезде Советов».

Разумеется, можно было забыть о первой статье рижского трактата. Пренебречь ею так же, как вскоре Польша пренебре-

жёт нормами международного права и присоединит Срединную Литву. Так можно было поступить, но...

30 ноября Чичерин направил в Политбюро свою очередную записку. В ней же предложил для России и Украины совершенно иную, нежели готовилась, форму межгосударственных отношений.

«В Рижском договоре, – писал нарком по иностранным делам, – мы признали формулу независимости Украины. Между тем, 4-й съезд украинских Советов высказался за вхождение Украины в РСФСР. Это было по заключении Рижского договора, который обязывает нас признать отдельность Украины. Фактически нынешние отношения могут остаться без изменений, но нужно им придать форму союза двух государств вместо союзного государства. Это должен быть *staatenbund*, а не *bundestaat*. Под другой формулой публичного права могут скрываться те же фактические отношения».

Так, впервые было предложено в сложившихся обстоятельствах создавать не единое государство, а всего лишь конфедерацию. Тем самым, сделать шаг назад от уже существовавшей федерации. Той самой, которую партийная программа (этот закон, которому все коммунисты должны были следовать неукоснительно, и сам Чичерин, и члены Политбюро, к которым он обращался) рассматривала исходной позицией ещё почти два года назад как совершенно иное: «Как одну из переходных форм **на пути к полному единству** /выделено мной – **Ю.Ж.**/ партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу».

Содержанием своей записки Чичерин открыто предлагал прямо противоположное. Стремился превратить временную уступку Азербайджану, обусловленную его неизбежно постепенным переходом от полной независимости к возвращению в состав России в новую обязательную норму. Почему и пояснял:

«Для этого необходимо, чтобы Украина по образцу Азербайджана заключила с нами ряд договоров, определяющих взаимоотношения **двух государств** /выделено мной – **Ю.Ж.**/ в разных областях. Это даже практически необходимо, чтобы выйти из воцарившегося хаоса в наших отношениях... Итак, надо назначить с обеих сторон уполномоченных, которые подпишут основной союзный договор, после чего ряд договоров по отдельным отраслям государственной жизни будет заключён отдельными ведомствами, как это было сделано с представителем Азербайджана тов. Шахтахтинским /нарком юстиции АзССР – **Ю.Ж.**/.

Медлить не следует, необходимо выйти возможно скорее из нынешнего запутанного положения».¹⁰⁹

В последнем Чичерин был, безусловно, прав. Действительно, настало время определиться с конструкцией рождавшегося в новых пределах государства. Чётко установить систему его высших органов власти – ЦИКов, Совнаркомов, Наркоматов России, Украины и, разумеется, Азербайджана. Единую, общую для трёх советских республик. Сделать всё, что необходимо, для оформления существующей уже на деле федерации. Тем не менее, Политбюро почему-то не обратило внимания на записку Чичерина, не отреагировало на неё. И он уже 6 декабря направил новое послание, теперь – в ЦК.

«Наркоминдел, – взывал Чичерин с прежним упорством, – указывает ещё раз на крайнюю важность в срочном порядке урегулировать межправовые отношения между РСФСР и УССР. После признания Рижским договором независимости Украины, эти отношения должны носить форму союза государств, а не союзного государства, и должны быть урегулированы договорами, подобно нашим отношениям с Азербайджаном. Господствующая теперь путаница, как в целом, так и в отношении отдельных комиссариатов между Россией и Украиной должна быть немедленно устранена. Разрешение этого вопроса представляется крайне срочным в связи с выборами делегатов на наш съезд Советов, происходящими на Украине...

Предлагаем поэтому, чтобы ЦК поручил Наркоминделу войти в отношения как с Президиумом ЦИК, так и с заинтересованными комиссариатами на предмет заключения ряда договоров между Россией и Украиной для фактического закрепления существующих в настоящее время между ними отношений на основе юридической конструкции союза двух независимых государств».¹¹⁰

И снова Чичерин не нашёл поддержки. Выборы делегатов от украинских губерний на предстоящий вскоре VIII Всероссийский съезд Советов состоялись. Уже после получения в ЦК записки, 15 декабря. В соответствии с решением IV Всеукраинского съезда Советов, двадцати восьми представителям УССР предстояло в Москве через неделю «решать важные вопросы советского строительства вместе с делегатами русских рабочих и крестьян с правом решающего голоса». Правда, лишь при обсуждении «вопросов, касающихся объединённых комиссариатов федерации». При слушании остальных они наделялись голосом совещательным.¹¹¹

Только затем проект договора – но далеко не такого, на котором настаивал Чичерин дважды за неделю (о союзе двух госу-

дарств), а о федерации – всё же был подготовлен. Образованной по решению ЦК комиссией, включившей Каменева, Раковского (он ещё 16 сентября в письме к Ленину не выражал ни малейшего сомнения в необходимости именно федерации¹¹²) и инициатора дела, Чичерина.

Результатом их весьма непродолжительной совместной работы и стал проект, явившийся своеобразным компромиссом сторонников (Чичерин) и противников (Каменев, Раковский) создания союза двух суверенных государств. Но именно такая компромиссность, недоговорённость – не прямое вхождение Украины в Российскую Федерацию, а опосредованное, через объединённые Наркоматы, и без того существовавшие с 1 июня 1919 года – заставила Сталина на поспешно созванном 24 декабря (уже после начала работы) съезде Советов внести существенную поправку в титул документа, ничуть не меняя его содержания:

«Договор между РСФСР и УССР признать «союзным рабоче-крестьянским договором». Слово «федеративный» по всем договорам вычеркнуть. Передать договор на отзыв т.Курскому / нарком юстиции РСФСР – **Ю.Ж.**/, подотделу законодательных предложений /Президиума ВЦИК – **Ю.Ж.**/, затребовав письменные отзывы от каждого наркома и председателя ВЦСПС». ¹¹³

Поступил так Сталин только для того, чтобы не дискредитировать подлинные принципы федерации в его понимании. Чтобы существовавшие, действовавшие объединённые Наркоматы сохранить – ведь в случае принятия требований Чичерина их пришлось бы ликвидировать. Ну, а новое название, собственно, мало что меняло в неформальном существовании федерации, охватывавшей Россию, Украину и Азербайджан. Ведь высшие органы управления важнейшими сферами жизни страны, вышедшей за пределы РСФСР, продолжали действовать.

Требовавшееся согласование удалось провести всего за четыре дня. Окончательный проект договора, подписанный главами правительств двух республик, Лениным и Раковским, а также и Чичериным, на седьмом заседании VIII Всероссийского съезда Советов утром 29 декабря, был внесён на рассмотрение депутатов не кем иным, как Раковским, и утверждён без прений. В редакции, всего лишь исключившей слово «федеративный».

Две его статьи повторили зафиксированное договором с Баку. Первая – две республики «вступают между собою в военный и экономический союз». Третья – создаются шесть объединённых Наркоматов: военных и морских дел, ВСНХ, внешней торговли, финансов, труда, путей сообщения, почт и телеграфа.

В содержании этой статьи имелись незначительные различия по сравнению с азербайджанским договором. Баку согласилось на объединение органов снабжения, а Харьков – Наркомата труда.

Ещё три статьи – четвёртая, пятая и шестая, существенно отличались от содержания договора с Азербайджаном. Они раскрывали систему работы и подчинённость объединённых Наркоматов. Указывали, что они включены в состав Совнаркома РСФСР, а в правительстве СССР имеют уполномоченных с соответствующими ограниченными правами.

Всё это лишний раз подтверждало и юридически закрепляло фактическое существование советской федерации. Ну, а то, на чём столь упорно настаивал Чичерин (а знали бы о том, то и украинские «самостийники»), излагала весьма расплывчатая юридически, предельно неопределённая по смыслу, полная не-договорок, статья вторая, гласившая:

«Оба государства считают необходимым объявить, что все общие обязательства, которые они впредь будут принимать на себя по отношению к другим государствам, могут обуславливаться лишь общностью интересов рабочих и крестьян, заключающих настоящий союзный договор республик, и что из самого факта прежней принадлежности территории Украинской Социалистической Советской Республики к бывшей Российской Империи для Украинской Социалистической Советской Республики не вытекает никаких обязательств по отношению к кому бы то ни было.¹¹⁴

Но главное, ни в этой, ни в других статьях данного договора не содержалась сакраментальная фраза, с которой начинались все остальные соглашения России с национальными окраинами – с Эстонией, Литвой, Латвией, за исключением Азербайджана: «Россия безоговорочно признаёт самостоятельность и независимость...», без чего невозможен был юридически союз двух государств, к которому так стремился Чичерин.

Совершенно иначе шла подготовка заключения такого же договора с Социалистической Советской Республикой Белоруссией (ССРБ). Единственным, но весьма серьёзным препятствием для него оказалось значительное уменьшение территории Белоруссии, вызванное условиями Рижского мира. Под властью Польши оказались вся Гродненская, южная часть Виленской, западная – Минской губерний. Шести уездов (повятов) последней было явно недостаточно для существования ССРБ, даже и в том случае, если бы она вошла в состав РСФСР. И потому первый секретарь ЦК КПБ В.Г.Кнорин обратился к Политбюро с просьбой, уже поддержанной Наркомнацем, о присоединении к ССРБ пол-

ностью (или хотя бы частично) соседних губерний – Витебской и Могилёвской.

5 ноября последовало уклончивое решение: «Просить Наркомнац и ЦК КПБ (о желательности увеличения Белоруссии) представить в ЦК свой точно мотивированный отзыв с изложением всех оттенков /так в тексте – **Ю.Ж.**/, которые существуют в Белоруссии по данному вопросу».¹¹⁵

Первой оказалась оценка проблемы, неожиданно поступившая оттуда, откуда её не ожидали. «Комиссия Наркоминдела, – в тот же день писал Чичерин, – находит нежелательным присоединение к территории Белоруссии какой-либо части Витебской или Могилёвской губерний. Мы ещё не знаем, через какие перипетии может пройти судьба Белоруссии, и увеличивать заранее эту территорию, которая через эти перипетии будет проходить, было бы крайне неосмотрительно».¹¹⁶

Нежелание откликнуться на вполне разумную и обоснованную просьбу товарищей по партии можно было ожидать от кого угодно, но только не от Чичерина. Ведь не кто иной, как именно он, призванный на своём посту защищать интересы страны, отстаивать её целостность, весь 1920 год только и делал, что с готовностью отдавал российские земли Эстонии, Латвии, Польше, хотя и мог того не делать. И вот теперь – решительный отказ всего лишь изменить, фактически, административную подчинённость нескольких уездов. Но оказалось, на то у Чичерина имелись шаткие, но всё же основания.

В последние месяцы к нему регулярно поступала информация о возможных намерениях Варшавы. Она, мол, намеревалась предоставить призрачную, чисто номинальную независимость той части Белоруссии, которую захватила и удерживала, заодно признав правительство Белорусской Народной Республики в изгнании, возглавляемое Ластовским. Поступить так, лишь бы воспрепятствовать столь же проблематичному союзу его с Каунасом, всё ещё находившимся с Польшей в состоянии войны.¹¹⁷ О том Чичерина уведомляли и работники НКИДа – Я.Х.Давтян, В.Л.Лоренц и сам Ластовский.

Поступившие в ЦК немногочисленные отзывы 17 ноября обсудили на совещании, которое отвергло поддержку Наркомнаца и согласилось с более чем странными опасениями Наркоминдела. А потому на следующий день политбюро отвергло просьбу ЦК КПБ.¹¹⁸ Тем не менее, коммунисты Белоруссии, собравшиеся на свой III съезд, не затаили обиды. 25 ноября утвердили резолюцию, повторившую то, что уже не раз провозглашали в Минске: «Белоруссия, будучи Социалистической

Советской Республикой, одновременно является составной частью РСФСР, и все органы в области общих мероприятий должны быть подчинены соответствующим комиссариатам РСФСР, но иметь определённую свободу в деле решения вопросов местной жизни». ¹¹⁹

Однако такое искреннее желание наталкивалось на бюрократические препоны в Москве. О том почему-то Чичерину поведал приехавший в столицу председатель ЦИК и СНК ССРБ А.Г.Червяков. И нарком (видимо, испытывая чувство вины за отказ поддержать просьбу расширить территорию соседней республики) взял на себя миссию воздействовать на Политбюро в том вопросе, который вполне мог разрешиться ещё одним международным договором.

«Когда белорусы обращаются в наши учреждения, – сообщал Чичерин со слов Червякова, – им отвечают, что ничего не могут для них сделать потому, что они – другое государство. В самой Белоруссии в крестьянских массах значительно выросло самостоятельное течение, и для того, чтобы с ним иметь дело, необходима ясность положения.

Тов. Червяков находит вполне целесообразным применить к Белоруссии ту же систему, которая имеется у нас по отношению к Украине. Мы должны пойти навстречу самостоятельному течению в Белоруссии, так как в противном случае другие им овладеют...

На будущее время надо установить относительно Белоруссии те же отношения, как относительно Украины, но только ввиду того, что Белоруссия представляет только несколько уездов, а не двенадцать губерний, как Украина, аппарат должен быть менее сложным. В Харькове имеются постоянные представители московских комиссариатов, в Минске было бы достаточно временных наездов представителей Москвы.

Выработку договора с Белоруссией надо предоставить Федеральной комиссии с Каменевым во главе, с участием НКВД и Белорусского СНК».

И снова предложение Чичерина нашло и понимание, и полную поддержку руководства. Ленин, прочитав записку, так сформулировал своё мнение: «Т.Крестинскому. Предлагаю Каменеву (+ Сталин) и его комиссии дать **формальное** поручение от Политбюро с записью в протоколе. Червякову поручить **спешно** выработку проекта **детального** письма ЦК РКП о Белоруссии и декрета СНК о том же (тайно)».

К ленинской резолюции Крестинский добавил: «Я присоединяюсь к предложению Ленина с тем, что проект письма и декрета, если т.Червяков уехал, был возложен на того же Каменева, а

потом послать на заключение ЦК Белоруссии (Червяков, Кнорин и я)». Остальные члены Политбюро – Троцкий, Сталин, Каменев – против высказанных предложений возражать не стали.¹²⁰

В тот же день последовало предусмотренное формальное решение Политбюро по Белоруссии,¹²¹ а уже 16 января заместитель наркома по иностранным делам Л.М.Карахан и заместитель председателя ЦИК и СНК ССРБ И.А.Адамович подписали очередной «союзный рабоче-крестьянский договор». Документ предельно стандартный, ни в малейшей степени не отличающийся от того, который уже имелся у РСФСР с УССР. О заключении «военного и хозяйственного союза», об образовании тех же семи объединённых Наркоматов – военных дел, ВСНХ, внешней торговли, финансов, труда, путей сообщения, почт и телеграфа. И включавший всё ту же шестую статью, превращавшую союз государств в федерацию:

«Руководство и контроль объединённых комиссариатов осуществляется через Всероссийский съезд Советов депутатов рабочих, крестьян и красноармейцев, а также Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, в которые ССРБ /УССР по договору с Украиной – **Ю.Ж.**/ посылает своих представителей на основании постановления «Всероссийского съезда Советов».¹²²

Так, по инициативе Чичерина, полностью поддерживаемого Лениным, в конкретном исполнении Каменева возникла весьма своеобразная (если не сказать, странная) конструкция нового государства. С одной стороны, оно являлось той самой федерацией, на создании которой в последнее время так настаивал Сталин. Подтверждало фактическое вхождение Азербайджана, Украины и Белоруссии в состав РСФСР то, что все они отныне делегировали своих представителей и на Всероссийский съезд Советов, и во ВЦИК. Ещё большую роль в контроле Москвы над политикой и экономикой трёх «союзных» республик играла деятельность семи, по сути, ключевых объединённых Наркоматов. Всё это и низводило республики, подписавшие договоры, до уровня автономных, непосредственно входивших в состав РСФСР.

Однако юридически, с точки зрения международного права, и ССРА, и УССР, и ССРБ оставались как бы суверенными, полностью самостоятельными. Ну, а сделано было так, по словам Чичерина, только ради нейтрализации «самостийников», как «уступка» им. Тем самым, которые вроде бы были уже разгромлены в ходе Гражданской войны, полностью отрешены от участия в политической жизни.

Такое положение осложнилось, окончательно запуталось событиями, тогда же происшедшими в Средней Азии.

Воспользовавшись полным изгнанием сил Колчака из Западной Сибири, освобождением Закаспийской области и разгромом Семиреченской казачьей армии атамана Б.В.Анненкова, командующий Туркестанским фронтом М.В.Фрунзе (с санкции Москвы и при активной поддержке сначала Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК (председатель – Ш.З.Элиава), а с июня 1920 года – Туркестанского бюро ЦК РКП (председатель – Г.Я.Сокольников)), предпринял действия, явно выходявшие за рамки необходимости, порождённой обстоятельствами Гражданской войны. Фрунзе, как и стоявшая за ним Москва, явно вознамерился установить военный, а вместе с тем и политический контроль над бывшими протекторатами Российской Империи – Хивинским ханством (населённом, в основном, кочевниками – туркменами, кара-калпаками, киргизами (казахами)) и Бухарским эмиратом (в котором жили преимущественно земледельцы – узбеки и таджики).

Ещё в конце января 1920 года небольшой по численности отряд Красной Армии вторгся на территорию Хивинского ханства. Его призвали на помощь поднявшие восстание «младохивинцы» – буржуазно-националистическая партия, стремившаяся модернизировать архаический феодальный режим своей страны, в которой всё ещё вполне легально существовало рабство. С их помощью красноармейцы, не встречая серьёзного сопротивления, быстро заняли города ханства, а затем, 2 февраля, и столицу, Хиву.

Последний хан (Сейид Абдула) тут же отрёкся от престола и бежал в Афганистан, а власть оказалась в руках ревкома, возглавляемого «младохивинцем» Д.Султанмурадовым. Спустя три месяца ему удалось созвать Курултай – 1-й Всехивинский съезд трудящихся, и провозгласивший 26 апреля Хорезмскую Народную Советскую Республику. Хотя всей жизнью в крае и руководили представители туркестанских комиссии и бюро, отношения РСФСР с Хорезмом получили законное оформление лишь 13 сентября.

Основным документом, определившим их, стал союзный договор, подписанный в Москве Чичериным и Б.Селимовым. Статья первая провозглашала то, что отсутствовало в аналогичных соглашениях с Азербайджаном, Украиной и Белоруссией – «Россия безоговорочно признаёт полную самостоятельность и независимость Хорезмийской Советской Народной Республики». Имелась и ещё одно важное отличие данного договора от

таких же, заключённых с ССРА, УССР, ССРБ – о государственной границе, которую, правда, ещё предстояло установить.

Подчёркивая антиколониальную сущность новых отношений РСФСР с Хорезмом, статья вторая договора объявляла «уничтоженными все договоры и соглашения, заключённые бывшими правительствами России и их органами, с одной стороны, и правительствами бывшего Хивинского ханства». В тех же целях РСФСР передала Хорезмийской Республике всё ранее принадлежавшее ей недвижимое имущество (земли, водные пространства, заводы и фабрики), отказывалась от заключённых прежде концессий. Более того, объявляла о готовности финансировать (на паритетных началах) строительство ирригационных сооружений, обязывалась оказывать помощь специалистами, техническим оборудованием, литературой.

Вместе с тем, данный договор фиксировал и то, что прежде непременно включалось в соглашения с буржуазными государствами – Эстонией, Литвой, Латвией – «не допускать на своей территории образования или пребывания правительств, организаций, групп и отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу против другой договаривающейся стороны или против какой-либо иной советской республики».¹²³

Той же осенью такие же события повторились. Только на этот раз – в Бухарском эмирате. Но приходится констатировать, что их спровоцировал сам эмир, Сейид Алим, провозгласивший 7 июля «священную войну» с большевиками, захватившими власть в Хиве. Обеспокоенные своей судьбой и опасаясь репрессий, «младобухарцы», ничем не отличавшиеся по своим воззрениям от «младохивинцев», 21 августа захватили город Старый Чарджоу и сразу же обратились за военной помощью в Ташкент.

29 августа командование Туркестанского фронта откликнулось на призыв и начало наступление небольшими, но хорошо технически оснащёнными (40 орудий, 230 пулемётов, 5 бронепоездов, 10 броневиков, 11 самолётов) силами. Благодаря превосходству в оружии, за три дня заняли территорию эмирата и 2 сентября вошли в Бухару.

А далее произошло то же, что и в Хиве. Эмир поспешно бежал в Афганистан, и власть перешла к «младобухарцам», действовавшим под руководством большевиков. Они образовали ревком с председателем А.Мухитдиновым и Совет Народных Комиссаров (назирова) во главе с Ф.Ходжаевым. 8 октября провозгласили образование Бухарской Народной Советской Республики, руководство которой и подписало 4 марта 1921 года до-

говор с РСФСР, ничем (за исключением отдельных деталей) не отличавшийся от российско-хорезмийского.¹²⁴

При всей шаблонности двух документов, разнило их следующее. Помимо союзного договора РСФСР заключила с Хорезмом и военно-политическое соглашение. В соответствии с ним, обе стороны обязывались «взаимно поддерживать друг друга в борьбе против враждебных им империалистических сил и местных контрреволюционных групп и отрядов». Для этого Москва брала на себя формирование и снабжение Красной хорезмской Армии, а «в случае совместных действий» предусматривалось создание общего командования.¹²⁵

Российско-бухарский договор не имел такого дополнительного соглашения. Сущность же его, изложенная несколько иначе, была включена в статью третью: «Для защиты независимости обеих советских республик... обе договаривающиеся республики обязываются оказывать друг другу взаимную поддержку», а также согласовывать экономическую политику и хозяйственные планы» (статья 5-я).¹²⁶

Такое своеобразие договоров РСФСР с Хорезмом и Бухарой – подчёркивание полного суверенитета двух новых советских республик, отсутствие даже намёка на возможность (хотя бы в будущем) какого-либо сближения, не говоря уже о слиянии, органов власти – являлось далеко не случайным. Отражало дальние планы Москвы и Коминтерна перенести революционную активность из Европы в Азию. Там же центром поначалу антиколониальной борьбы предстояло стать Индии, путь к которой лежал через Афганистан. Вот поэтому и приходилось Российской Федерации всячески заигрывать с Кабулом, начиная с 1919 года, всячески потакать ему. Безукоснительно соблюдать условия российско-афганского договора, статья восьмая которого и определила сущность отношений РСФСР со среднеазиатскими государствами:

«Договаривающиеся стороны соглашаются на действительную независимость и свободу Бухары и Хивы, какая форма правления там ни существовала бы согласно желанию их народов».¹²⁷

Глава VI. ДИКТУЕТ ГЕОПОЛИТИКА

Конец уходящего (1920) года, наконец, принёс Европе столь чаемое умиротворение. Стихли бои в Познанщине, Силезии, Поморье между поляками и немцами. В судетах – между чехами и немцами. Завершилось польское наступление в Литве, Белоруссии, на Украине, развязанное Пилсудским для возвращения «исторических земель».

И всё же, Веймарская Республика продолжала утрачивать окраины. Только теперь – как результат плебисцитов. Северный Шлезвиг по воле населения отошёл к Дании. Небольшой участок Верхней Силезии – к Польше. Данциг с окрестностями внезапно стал независимым государством, «вольным городом», в котором наивысшая власть оказалась в руках комиссара Лиги Наций. Самостоятельной стала и Мемельская область, перешедшая под контроль стран Антанты. Избежали подобной участи лишь два округа Восточной Пруссии с центрами в Мариенбурге и Алленштейне. Жители их не пожелали становиться «поляками».

От военного и политического хаоса не осталось и следа. Даже в Советской России. Ведь в Москве теперь располагалось не только правительство. Открылись посольства Афганистана и Ирана, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши. Появились пока неофициальные миссии и представительства Австрии, Норвегии, Швеции, Италии, Великобритании. И означало то не только выход из дипломатической изоляции, но и возобновление прежних торговых связей. Следовательно, появилась возможность заняться восстановлением экономики, пришедшей за шесть с половиной лет в полный упадок. Заняться немедленно, ибо страна оказалась на грани катастрофы. На грани гибели, несмотря на все победы Красной Армии.

Россия (вместе с Украиной и Белоруссией, Азербайджаном) всё ещё оставалась страной аграрной, отсталой, ибо не имела

в нужном количестве сельскохозяйственных машин. У крестьян же, начиная с августа 1914 года, постоянно, не задумываясь о будущем, мобилизовывали лошадей. Для кавалерии, артиллерии, для доставки к передовой боеприпасов, подкреплений. Мобилизовывали правительства царское и Временное, «красные», «белые», «зелёные», националисты-сепаратисты, создававшие собственные вооружённые силы.

Нет лошадей – нельзя пахать. Но посевы сокращались не только поэтому. Принудительное изъятие зерна, и не только для армии, но и для городов, начавшееся до падения самодержавия, Керенский сделал вполне законным явлением. Объявил о введении продразвёрстки, направил в деревни первые продотряды. Те самые, что уже в ходе Гражданской войны почему-то стали олицетворять большевистский «военный коммунизм». Те самые экстраординарные меры военного времени, которые оказались присущи экономикам не только России, но и Великобритании, Франции, особенно – Германии и Австро-Венгрии.

Но там, в Европе, от непривычных (а потому и невыносимых для населения, но весьма эффективных для государства) мер, выразившихся ещё и в нормировании продуктов питания, смогли отказаться сразу после окончания военных действий. Всего через два-три года после их введения. В России же пришлось их применять как единственно возможные, неизбежные из-за продолжавшейся войны (теперь Гражданской), ещё два года. Те самые, что и стали роковыми.

К весне 1920 года у большинства русских и украинских крестьян не осталось не только лошадей, но и зерна для посева. Результат не заставил себя ждать. Десятки губерний страны, особенно Северный Кавказ и Поволжье, охватил голод. Основательно забытый за последние чуть ли не двадцать лет. Страшный. Заставивший все газеты ежедневно сообщать о нём под жуткой, по сути, рубрикой – «ГОЛОД».

Только тогда в Кремле поняли необходимость как можно быстрее отказаться и от продразвёрстки, и от продотрядов, и от запрета свободной торговли. Решительно отвергнуть казавшееся многим в руководстве большевистской партии идеальным переходом к коммунизму. К безденежным отношениям, к распределительной системе как к идеалу.

Столь же необходимым с приходом мира оказалось и иное. Пришло время восстанавливать пришедший в негодность транспорт, слишком долго бездействовавшие фабрики и заводы, шахты и рудники. А для всего того требовалось топливо. Нефть. Бакинская нефть. Та самая, которая, по мнению Сталина,

находилась в опасности. Его оценка ситуации, сложившейся в Закавказье, выглядела на 23 ноября 1920 года таким образом:

«Первое... Армянских войск не стало, турки при желании могут занять всю Армению без труда, представитель Кемаля в Тифлисе Кязим-бей держит себя более чем подозрительно, причём, оккупация Армении происходит не без некоторого соглашения между кемалистами и Грузией с ведома и, может быть, согласия Антанты.

Второе... Турки уже теперь стараются завести связь с недовольными элементами Азербайджана, принимают петиции от последних и стремятся иметь общую границу с Азербайджаном, что особенно опасно теперь.

Третье... Нота турецкого правительства в ответ на нашу ноту о посредничестве говорит о наличии более чем уклончивой позиции турок.

Четвёртое... В Персии сосредотачиваются против Решта и Энзели несколько тысяч английских сипаев /индусов – солдат британской армии – **Ю.Ж.**/ и идёт вообще большая подготовительная работа в направлении упрочения англичан в Персии, причём англофобский кабинет Персии сменён англофильским /вместо Мошир эд Доули премьером шах назначил Сепехдара Азама – **Ю.Ж.**/.

Пятое... Мы стоим перед новой большой войною на юге Кавказа, организуемой Антантой при посредстве Грузии и, может быть, при нейтрализации Турции в лучшем случае, а в худшем – при союзе с Турцией против нас и прежде всего против большевистского Азербайджана.

Шестое. Как практический шаг, Орджоникидзе предлагает теперь же вклиниться между Турцией и Азербайджаном. Я считаю этот шаг в данную минуту рискованным ввиду отсутствия у нас железнодорожного сообщения с Эриванью, без чего мы не сумеем доставить продовольствие в Эривань как для населения, так и для армии. Соображения, что для такой цели может быть использовано шоссе Акохоба – Дилижан недостаточно, потому что двести тысяч пудов хлеба мы не сумеем гужем доставить в месяц, а Грузия едва ли пропустит наши транспорты в Армению. К тому же, я боюсь, что наше продвижение в сторону Эривани Грузия может объявить Казус Белли /поводом для войны – **Ю.Ж.**/, и так как у нас в данную минуту не имеется на границе с Грузией достаточно сил, можем нарваться на скандал.

Отсюда моё предложение: отложить операцию с Арменией до подхода новых подкреплений, и потом, имея последние на границах с Грузией, начать операцию на Эривань... Во всяком слу-

чае, у нас нет другого выхода, по-моему, как на короткий срок отложить намеченную... операцию... Впрочем, я должен сказать, что немедленная операция при всём её рискованном характере всё же имеет одну очень ценную положительную черту: она сразу же создаёт ясность. Может быть, ради этого одного стоило бы рискнуть».¹

I. Закавказский узел

Кемалистская Турция, которой не доверял, столь опасался Сталин, только что появилась. Возникла на руинах Османской Империи как неожиданный результат Мудросского перемирия, подписанного султанским правительством 30 октября 1918 года с представителями Антанты на борту британского крейсера «Агамемнон» у берега острова Лемнос.

Некогда огромная и сильная, державшая когда-то в страхе Европу страна потеряла большую часть своей территории. В соответствии с соглашением 1916 года Сайкса-Пико, Великобритания после победы должна была установить контроль над Аравийским полуостровом, Палестиной, Месопотамией и Курдистаном. Франция – над Ливаном, Сирией и Киликией. Италия также пожелала расширить собственную зону присутствия в регионе и вознамерилась занять прилегавшие к захваченным в 1912 году Додеканезским островам юго-западное побережье Анатолии. К трём державам после победы присоединилась и Греция. Захватила крупный порт Смирну (Измир) с прилегающим значительным районом. Кроме того, в соответствии с условиями перемирия, турецкая армия должна была покинуть пределы Закавказья и согласиться на оккупацию союзниками шести вилайетов, населённых армянами – в случае возникновения каких-либо беспорядков хотя бы в одном из них.

Униженное, раздавленное невиданными в своей истории территориальными уступками, вернее – разделом, султанское правительство, да и то лишь благодаря присутствию в Мраморном море британско-французско-итальянской эскадры, сумело продержаться у власти менее двух лет.

Собравшийся в Стамбуле 12 января 1920 года парламент принял декларацию («национальный обет»), потребовавшую возвращения утраченных территорий и полного невмешательства во внутренние дела страны. В ответ 16 марта войска Антанты вошли в столицу доживавшей последние месяцы империи и разогнали парламент. Тогда новый уже по составу парламент,

назвавший себя Великим Национальным Собранием, перебравшись в Ангору (Анкару), избрал своим председателем руководителя начавшегося освободительного движения генерала Мустафу Кемаль-пашу и передал под его верховное командование все войска в Анатолии. Кемаль, принуждённый искать помощь, 26 апреля обратился к Москве с предложением установить дипломатические отношения и с просьбой оказать посильную военную помощь.

Рекомендуя Совнаркому удовлетворить просьбу Ангоры, Чичерин в письме Ленину 16 мая так объяснил позицию, которую следует занять Москве. «Мы не должны, – писал он, – увлечься слишком широкими перспективами и начать авантюры, превышая свои силы, но с этой оговоркой я всё же должен сказать, что сближение о Турецким Национальным Центром может привести к громадному усилению нашей политики на Востоке...

Они вполне признают самоопределение всех национальностей и готовы на отделения и автономии. Программа Халила / посланец Национального Собрания, прибывший в Москву для переговоров – **Ю.Ж.**/ – доктрина Монро для Азии, борьба всех азиатских народов против европейского империализма. Он признаёт Советскую Россию единственным другом азиатских народов и понимает, что без нас они погибнут... Его агенты будут поддерживать нашу политику и в Афганистане, и в Индии. Таким образом, центр нашей ближневосточной политики перенесётся в Турцию».²

Советское руководство, оценив кемалистское движение как исключительно антиимпериалистическое, способное «пробудить Восток», согласилось с доводами Чичерина. 3 июня заявило о готовности предоставить Ангоре оружие и боеприпасы, а также 10 миллионов рублей золотом. Сообщая о том Кемаль-паше, Чичерин так изложил своё видение политики потенциального союзника: независимость Турции, включение в её состав бесспорно турецких территорий; предоставление Турецкой Армении, Курдистану, Лузистану, Батумской области, Восточной Фракии и районам со смешанным турецко-арабским населением права высказаться самим о своей собственной судьбе; признание прав национальных меньшинств; передача вопроса о проливах конференции причерноморских стран.³

Тем временем, Греция – извечный объект турецкой агрессии – исходя из бесспорной слабости султанского правительства и совершенно не учитывая силы кемалистов, решила воспользоваться благоприятной, как ей казалось, ситуацией. 22 июня её дивизии, расквартированные в Македонии, заняли Восточную

Фракию, а находившиеся в Смирне перешли в широкомасштабное наступление, направляясь на восток, в сторону Ангоры.

В те же дни Москва продолжила попытки обеспечить безопасность Армении, хотя там всё ещё находились у власти отнюдь не дружеские ей дашнаки. Нотой от 2 июня Наркоминдел уведомил Кемаль-пашу о желательности посредничества Советской России для установления справедливой границы между третьей и четвёртой конфликтующими странами. При этом Чичерин настаивал на использовании чисто этнографических принципов и только как исключение – возможных при необходимости переселениях.⁴

4 июля Ангора приняла предложение РСФСР, и вскоре в Москве начались запланированные переговоры. Однако из-за неожиданно непримиримой позиции главы турецкой делегации, министра иностранных дел Бекир Сами-бея добиться хоть какого-нибудь сближения позиций Ангоры и Эривани так и не удалось. Правда, Кемаль-паша, вынужденный направить на греческий фронт максимальное количество имевшихся у него дивизий, всё же отдал приказ очистить ту часть Карсской области, которую незадолго перед тем заняли турки, но взамен – сохранить контроль над большей частью Нахичеванского уезда.

Переговоры в Москве, несмотря на их очевидный провал, насторожили Баку и даже привели к определённым трениям между РСФСР и Советским Азербайджаном. Главу Азревкома Н. Нариманова серьёзно беспокоила возможность юридического закрепления за Арменией тех спорных территорий, на которые дашнаки претендовали с апреля 1919 года, за которые боролись – на Зангезур, Карабах, Нахичевань.

Журналист по призванию, врач по профессии, Нариманов всегда был далёк от большой политики, не знал и не понимал её. Более двадцати лет вращаясь в кругу тех, кто отстаивал право азербайджанцев на свою культуру, на свой язык, он не мог не воспринять от них желания видеть свою родину не только свободной и счастливой, но и великой. Органически впитал всё то, что незаметно и слишком часто приводило к национализму. Но Нариманов был и большевиком. И потому свято верил, что Советская власть (как в Москве, так и в Баку) непременно должна сделать обе страны союзниками во всём, в том числе – и при разрешении территориальных споров. Верил и в то, что лишь рабоче-крестьянская власть в Эривани навеки устранил вечный армяно-азербайджанский антагонизм, приведёт к миру два народа. Но всё же никак не мог смириться с реально существующими обстоятельствами и пойти на вынуждаемый ими компромисс. Пусть и временный.

Явно выражая отнюдь не только своё мнение, но и остальных членов Азревкома, Нариманов направил 19 июля Чичерину весьма вызывающее (как по содержанию, так и по тону) послание.

«Несмотря на Ваши неоднократные предложения, – писал он, – послать представителя Азербайджана в Москву для установления добрососедских отношений /с Арменией – **Ю.Ж.**/, мы намеренно молчали, воздерживались от этого, думая лишь о том, чтобы незаметно, безболезненно слиться с Советской Россией. Но Центр своей политикой оттолкнул нас от себя, и сейчас отправляется чрезвычайный уполномоченный нами в Москву для того, чтобы как можно резче подчеркнуть независимость Азербайджанской Республики до известного момента, то есть до советской Армении. Другого выхода нет, и я надеюсь, что Вы исправите ошибку Центра».⁵

В ответном письме, от 20 июля, Чичерину пришлось растолковывать Нариманову азы любой внешней политики вообще и РСФСР в частности. Объяснить причину компромисса с дашнаками. «Единственная связь с Турцией, – предельно просто излагал он позицию Москвы, – может быть только через Эривань, и поэтому нам необходимо установление договорных отношений с Арменией, не говоря уже о том, что в случае успеха Кемаля в Турции может произойти изменение ориентации, устранение демократических элементов старой бюрократией и милитаристами и возобновление попыток отхватить в пользу Турции значительную часть Кавказа...

Нам необходимо, – продолжал объяснение Чичерин, – наладить отношения и с Арменией, ибо может случиться, что если Турция повернёт против нас, Армения, даже дашнакская, будет форпостом в борьбе против наступления турок».⁶

Российскому Наркоминделу приходилось не только успокаивать Баку, но и взывать о поддержке к Эривани. Буквально на следующий день, 21 июля, обращаясь к Оганджяну (своему армянскому коллеге), Чичерин так сформулировал принципы политики СНК на Кавказе: оказание дружественного содействия армянскому народу; для предотвращения кровопролитных конфликтов – занятие спорных территорий частями Красной Армии; использование дружественных отношений с Турцией только для того, чтобы обеспечить армянам приобретение достаточной для своего развития территории.⁷

В Эривани не поняли или не захотели понять Чичерина. Дважды армянский министр иностранных дел отклонял позицию Москвы. Мотивировал то весьма своеобразно: «Пребывание российских советских войск в спорных (в случае Зангезура –

беспорных) районах Армении не столько способствует предотвращению кровавых конфликтов между Арменией и Азербайджаном, а скорее содействует их развитию.⁸

Можно лишь предположить, что такую оценку, скорее всего, породило содержание непродуманного обращения Карабахского ревкома, выпущенного в мае. Ведь в нём весьма недвусмысленно говорилось: «Сегодня независимая Азербайджанская Советская Республика, возглавляемая Коммунистической партией, приглашает вас в свои братские объятия, чтобы вместе с вами повести борьбу с общим врагом – дашнаками и Антантой».⁹

Всё же, Чичерину удалось добиться желаемого. 10 августа полпред РСФСР Б.В.Легран и представители армянского правительства А.Джамалян и А.Бабалян, подписали в Эривани временный договор. Он, прежде всего, зафиксировал признание Советской Россией независимости Армении и прекращение между ними военных действий, которыми армянская сторона назвала занятие частями XI армии Зангезура, Карабаха и Нахичевани.

Вместе с тем, договор устанавливал: «Занятие советскими войсками спорных территорий не предвещает вопроса о правах на эти территории Республики Армении или Азербайджанской Советской Социалистической Республики. Этим временным занятием РСФСР имеет в виду создать благоприятные условия для мирного разрешения территориальных споров между Арменией и Азербайджаном на тех основах, которые будут установлены мирным договором, имеющим быть заключённым между РСФСР и Республикой Армения в скорейшем будущем».¹⁰

По чистой случайности именно 10 августа (под Парижем, в Севре) султанское правительство подписало мирный договор со странами Антанты, а также и Арменией. Установивший, среди прочего, и границу между Турцией и Арменией. К последней отходили четыре из шести населённых армянами вилайетов – Трабзон, Эрзерум, Ван и Битлис. Кроме того, Севрский договор предусматривал и быстрое определение Арменией своей границы с Грузией.¹¹

Именно эти статьи и заставили Кемаль-пашу отказаться от прежних договорённостей, счесть крайне необходимым сохранить присутствие своих сил в северо-восточном регионе, который мог быть вскоре отторгнут. Приказал командующему Восточным фронтом генералу К.Карабекиру удержать их любой ценой.

В свою очередь, дашнакский режим решил, что наконец-то наступил долгожданный час объединения всех армянских зе-

мель в рамках национального государства. Рассчитывая на неперемнную, в случае нужды, поддержку Великобритании, Франции, Италии (они сохраняли своё военное присутствие неподалёку – в Северной Персии, Курдистане, Киликии), – а также и гаранта независимости Армении, президента США, армянские войска попытались сами вытеснить турок из передаваемых им Севрским договором вилайетов. Но их наступление, начатое 24 сентября, всего через четыре дня захлебнулось, а затем перешло в паническое отступление. 29 сентября они оставили Сарыкамыш, 30 сентября – Карс.

Воспользовавшись тем, Грузия поспешила нарушить старое соглашение с Арменией и занять до тех пор спорную, объявленную нейтральной, зону – Ахалкалакский и Борчалинский уезды Тифлисской губернии.

Москву совершенно не устраивал такой поворот событий. Полный разгром дашнакских сил означал не только оккупацию всей Армении кемалистами, но и выход их на границу с Азербайджаном, ещё менее года назад – естественным и надёжным союзником Турции. Потому-то уже 5 октября Чичерин настойчиво предложил ПБ «предостеречь турок против продвижения внутрь Армении». И напомнил о своей старой позиции, не претерпевшей изменений и после советизации Азербайджана. «При обсуждении армяно-азербайджанских споров я всё время указывал, что в случае поворота турецкой политики на путь завоевательных тенденций на Кавказе, Армения будет против неё барьером и будет нас защищать». ¹²

Теми же соображениями Чичерин месяц спустя поделился и со Сталиным. «В наших отношениях к Армении и Грузии, – писал он 5 ноября, – не следует ни на минуту забывать, что при новом повороте колеса истории эти страны могут оказаться нужными для нас барьерами против завоевательной политики переменявших фронт турецких националистов. В нашей ставке на мусульманство приходится всё время считаться с тем, что в один прекрасный день антибольшевистская тенденция, как это уже имело место в Афганистане, может оказаться сильнее, чем антианглийская. Я всё время предостерегал и предостерегаю против односторонней ставки на одно мусульманство, представителем которого был у нас Нариманов». ¹³

Но как же, каким образом добиться искомого? Поначалу Чичерин видел выход только на пути переговоров. «Возможности ограничить движение турок», – писал он Лиграну 9 октября, – у Москвы «нет, и придётся дипломатничать во всех направлениях... Мы должны выступить как миротворцы для успокоения бо-

рующих элементов и для предотвращения кризисов... вообще всё, что может служить успокоением, должно быть нами поддерживаемо». А среди таких возможных мер видел и «передачу власти коммунистам / в Армении – **Ю.Ж.**/ без давления, ибо мы в настоящее время должны воздерживаться от всякого давления». ¹⁴

Но уже месяц спустя Чичерин счёл возможным и силовой метод установления мира в регионе. «Троцкий считает, – сообщил он 7 ноября Сталину, находившемуся в Баку, – что в военном отношении мы на Кавказе усилились и он не возражает против посылки войск в Армению для советизации». ¹⁵ Не очень полагаясь на телеграф, Чичерин повторил своё предложение через Леграна. «Передайте Сталину, – указывал он, – что ввиду улучшения нашего положения на других фронтах /разгром Врангеля в Крыму – **Ю.Ж.**/, нашего усиления на Кавказе, военные больше не возражают против большей активности на Кавказе. Обращение к нам армянского правительства заставляет нас вмешаться». ¹⁶

Чичерин далеко не случайно не принимал решения, дожидаясь связи со Сталиным. Ведь тот с 4 ноября находился в Баку, где проходило совещание членов Кавбюро и Политбюро ЦК Компартии Азербайджана. На нём, основываясь на предельно точной, достоверной информации о положении во всём Закавказье, предстояло дать Москве предложение о дальнейших действиях по отношению к Армении, чьи вооружённые силы были уже практически разгромлены турецкой армией, и к меньшевистской Грузии. Как выяснилось, кемалисты попытаются как бы мимоходом, в ходе боевых действий, захватить не только Эриванскую губернию с Нахичеванским уездом, но и Батумскую область, на которую давно претендовали. Но в таком случае в события непременно вмешается Великобритания, считавшая Батум слишком важным стратегическим пунктом, чтобы отдавать его врагу.

Всё это и превращало ситуацию в предельно опасную, ибо один-единственный неверный шаг мог привести Советскую Россию к войне либо с Турцией, либо с Великобританией, а в её лице – со всей Антантой. Поэтому ответ Сталина оказался тщательно взвешенным.

«Если Александрополь будет взят, – сообщил он в Москву 8 ноября, – наиболее вероятной считаю комбинацию о максимальных требованиях /к кемалистам – **Ю.Ж.**/. Во всяком случае, придётся действовать по обстановке. Все зависит от того, какую позицию займут турки в связи с переговорами с Антантой. Мне достоверно известно, что старый константинопольский /султан-

ский – **Ю.Ж.**/ кабинет Фарид-паши сменён Мушир Изет-пашой для того, чтобы облегчить переговоры с Кемалем, не желающим иметь дело с Фарид-пашой».

Только затем и дал ответ на телеграммы Чичерина, в которых тот ссылался на мнение Троцкого. «Одно несомненно, – указывал Сталин, – нужно немедленно двинуть воинские части к границам Армении и, при необходимости, войти с ними в Эривань. Подготовительная работа в этом духе ведётся Орджоникидзе как членом Реввоенсовета /Кавказского фронта – **Ю.Ж.**/». ¹⁷

Несмотря на столь решительную поддержку своего плана, глава российского внешнеполитического ведомства всё же попытался в последний раз использовать дипломатию. Использовал как формальный предлог отчаянный призыв дашнакского режима (после вступления 7 ноября турок в Александрополь) спасти их от полного разгрома. 11 ноября Чичерин направил Мустафе Кемалю телеграмму следующего содержания:

«Ввиду обращения армянского правительства о посредничестве Советской России между Арменией и Турцией и согласия на то представительства Турецкого национального правительства /данного ещё в июле – **Ю.Ж.**/, Советское правительство извещает Вас, что принимает на себя посредничество и с этой целью отправляет в район военных действий своего полномочного представителя Мдивани». ¹⁸

Теперь уже Ангора, упоённая победами, без каких-либо объяснений отклонила оливковую ветвь, протянутую Чичериним. Только тогда Москва для спасения Армении решилась на её советизацию. Подтолкнула к тому информация, собранная Сталиным на Кавказе и изложенная 23 ноября в телеграмме Ленину. «У армян войск не стало – писал Иосиф Виссарионович, – турки при желании могут занять всю Армению без труда... Турки уже теперь стараются завести связь с недовольными элементами Азербайджана, принимают петиции от последних и стремятся иметь общую границу с Азербайджаном, что особенно опасно теперь». ¹⁹

29 ноября в Казахе, где находились части Красной Армии, был образован Ревком, возглавленный С.Касьяном, и провозгласивший образование Социалистической Советской Республики Армении.

В декларации не скрывалось, что «Красная Армия и Советская Россия получили возможность по зову восставшего народа оказать нам братскую помощь в избавлении Армении от агентов Антанты – дашнакцаканского правительства, по восстановлению живых сил страны и в закладке основ мирной трудовой жизни».

Вместе с тем, авторы декларации сочли крайне важным заявить и о более значимом в те дни: «Революционный комитет Советской Армении имеет гарантии действительного сочувствия со стороны братского Советского Азербайджана и твердо верит в то, что установлением в Армении Советской власти раз и навсегда устранятся спорные вопросы, стоившие так много крови рабочим и крестьянам обеих стран».²⁰

Доказательство «действительного сочувствия» не заставило себя ждать. Всего через сорок восемь часов, 2 декабря в Баку Нариманов огласил встречную декларацию. Документ, который и объяснил, что же имел в виду Сталин, говоря о ведшейся «подготовительной работе»:

«Советский Азербайджан, идя навстречу братской борьбе братского армянского трудового народа против власти дашнаков, проливающих и проливших невинную кровь наших лучших товарищей-коммунистов в пределах Армении и Зангезура, объявляет, что отныне никакие территориальные вопросы не могут стать причиной кровопускания двух вековых соседних народов – армян и мусульман.

Территории Зангезурского и Нахичеванского уездов являются нераздельной частью Советской Армении, а трудовому крестьянству Нагорного Карабаха предоставляется полное право самоопределения. Все военные действия в пределах Зангезура прекращаются, а войска Советского Азербайджана выводятся».²¹

Одновременно 2 декабря было подписано и первое соглашение РСФСР и Советской Арменией. Оно, в частности, зафиксировало «бесспорно входящими в состав Социалистической Советской Республики Армения» Эриванскую губернию – следовательно, и принадлежащий к ней Нахичеванский уезд; части Карсской области – её границы пока не определялись; часть Казахского уезда – иными словами – Зангезур, и «те части Тифлисской губернии, которые находились в обладании Арменией до 23 октября 1920 года», то есть до захвата Грузией Ахалкалакского и Борчалинского уездов, они же – «нейтральная зона Лори».²²

Судьба сыграла с дашнакским правительством очень злую шутку. В тот самый день, когда Азербайджан торжественно объявил о передаче Советской Армении всех без исключения спорных районов, оно подписало в Александрополе с представителями Турции позорный, означавший полную и безоговорочную капитуляцию, мирный договор. Из-за полного провала своей военной авантюры согласилось снять свою подпись под Севрским договором и, тем самым, официально, юридически отказалось

от каких бы то ни было претензий в дальнейшем на Турецкую Армению. Более того, отдало туркам всю Карсскую область, да ещё и подтвердило проведение в Нахичеванском уезде «плебисцита», заведомым результатом которого должно стать создание там протурецкой «особой администрации». ²³

В тот день дашнаки как бы забыли, что всего четыре месяца назад, на переговорах с наркомом иностранных дел Советского Азербайджана М.Д.Гусейновым, организованных на нейтральной почве (в Тифлисе) полпредом РСФСР в Грузии С.М.Кировым, они настойчиво требовали передачи им Зангезура, Карабаха и Нахичевани. ²⁴ Теперь же отказались от более чем половины территории, которую контролировали, сохранив лишь земли, прилегавшие к Эривани и озеру Севан.

Александропольский договор дискредитировал дашнаков как выразителей и защитников национальной идеи, предопределив их политический крах. Хотя их правительство и бежало из столицы в горы, на север (в Зангезур), пыталось организовать партизанскую борьбу и с Советской Арменией, и с частями Красной Армии, всё же в середине июля 1921 года они вынуждены были сложить оружие и примириться с окончательным поражением.

На том, однако, установление границ Армении не закончилось. Уже 15 декабря Ангора нотой на имя Чичерина поспешила заявить Москве о непреклонном стремлении сохранить все свои позиции, зафиксированные Александропольский договором.

«Турецко-армянский мир, – подчёркивал исполнявший обязанности министра иностранных дел кемалистского правительства А. Мухтар, – является не насильственным миром, а миром, основанном на праве народов на самоопределение, и мы можем аннексировать лишь территории с турецким населением, против которого дашнаками совершены известные Вам зверства».

«До нас доходят слухи, – продолжал Мухтар, – что вследствие перемены режима в Армении, по всей вероятности, временной /Ангора явно рассчитывала на возвращение столь ненавидимых ею, но оказавшихся столь удобными, дашнаков в Эривань – **Ю.Ж.**/, Вы можете пересмотреть упомянутый договор и вернуть Армении территории с турецким населением, для которого это решение послужит прелюдией к истреблению в недалёком будущем». ²⁵

В ответной ноте от 19 декабря Чичерин весьма деликатно, чисто дипломатически предложил иной выход из сложившегося положения. Российское правительство, писал он, «убеждено, что и турецкий народ, и турецкое правительство,., чтобы засвидетельствовать свои добрые чувства ко всем советским

республикам, предпримут необходимые меры, чтобы турецкая армия незамедлительно очистила Александропольский округ и все другие пункты, расположенные к северу и востоку от округа Карс, оккупация которых, по нашему мнению, не должна пред- решать окончательную турецко-армянскую границу». ²⁶

Ноту, аналогичную своей же, от 15 декабря, турецкий МИД направил и в Эривань. И получил ответ, датированный 8 января 1921 года, ничем не отличавшийся от российского. Нарком иностранных дел Советской Армении Бекзадян прежде всего поставил под сомнение правомочность соглашения дашнаков и кемалистов, заключённого 2 декабря.

«Правительство Великого Национального Собрания Турции, – отмечал нарком, – находит возможным исходить и базироваться на Александропольском договоре, характерном лишь для специ- фических условий и определённого момента, обусловленного военными успехами Турции с одной стороны, и предсмертной агонией дашнакского национализма – с другой». Категорически отклонил все якобы демократические процедуры, проведённые турками на захваченных землях: «Ссылка Вашего правительства на произведённый им ранее плебисцит в районах, оккупиро- ванных турецкими войсками, в результате чего само население последних высказалось за присоединение к Турции, мало убе- дительна, поскольку плебисцит этот был проведён в обстановке военной оккупации путём одностороннего акта».

Завершил же текст ноты Бекзадян точно так же, как и Чичерин: «Правительство ССР Армения не видит достаточного оправда- ния... в дальнейшем пребывании Ваших войск в Александро- польском округе и смежных районах, в полосе этнического рас- селения армянского населения... Правительство ССР Армения выражает надежду, что правительство Великого Национального Собрания Турции... не замедлит отвести свои войска из Алек- сандропольского округа и смежных районов этнического рассе- ления армянского населения». ²⁷

Ангора, уповая на своё бесспорное военное превосходство в регионе и зная, что Советская Россия, не имея пока сил на новую войну, вынуждена будет смириться с её требованиями – аннексией Карсской области, не реагировала на заявления ни Москвы, ни Эривани.

...Менее драматично, хотя и столь же напряжённо, разви- вались события в соседней Грузии. В единственной закав- казской республике, изначально сложившейся (но отнюдь не мирно, не добровольно) как многонациональная. В республи- ке, являвшейся ключевым пунктом края – ведь и Закавказская

железная дорога, и нефтепровод, бравшие начало в Баку, кончались в Батуме. Центре области, населённой, хотя и грузинами, но исповедовавшими ислам, почему и тяготевшими не к Тифлису, а к Стамбулу. В портовом городе, где за три года, прошедших после революции, власть кардинально менялась трижды. Сначала в нём хозяйничали турки, затем англичане, а с апреля 1920 года – Лига Наций, взявшая его под своё «покровительство».

Не менее сложным оставалось положение и далее к востоку по южной границе. В зоне Лори, которую в 1919 году из-за находившихся там медных рудников оккупировали британские войска, на смену которым пришли для защиты своих братьев по крови армянские, потом грузинские и, в конце концов, Красная Армия. То же можно было наблюдать и на севере, где захватническая политика Тифлиса проявилась наиболее ярко. Правительство меньшевиков силой оружия подавило стремление Абхазии к самоопределению, а затем двинуло свои полки далее – в Сочи, к Туапсе и Новороссийску, беззастенчиво считая всё Черноморское побережье «своим». Развязало потому скоротечную войну с деникинской армией и потерпело от неё сокрушительное поражение. Зато сумело захватить Южную Осетию, дважды подавляя там восстания местного населения, надеявшегося на воссоединение с Северной Осетией.

Пытались меньшевики проводить и «просто» собственную политику. Дали приют разогнанной Деникиным Кубанской Раде, членам разбешавшегося Горского правительства, позволили создать в Тифлисе «Комитет содействия горцам и терским казакам по освобождению их от большевиков». Вместе с тем, пресекали все попытки грузинских большевиков развернуть деятельность, отправляя их в тюрьмы.

Москве до поры до времени (до разгрома Врангеля, представлявшего куда большую угрозу для Северного Кавказа, да ещё в разгар войны с Польшей) приходилось мириться с меньшевистским режимом, делая, вместе с тем, всё возможное, чтобы обезопасить себя со стороны Кавказа. Только потому и пошла на заключение мирного договора с Грузией, подписанного 7 мая 1920 года заместителем наркома иностранных дел Л.М.Караханом и членом Учредительного собрания Грузии Г.И.Уратадзе. Договора, судя по его содержанию и стилистике, подготовленного лишь одной стороной, в Тифлисе, и более чем небрежно прочитанного загодя в НКВДе.

Статьёй первой РСФСР признавала «независимость и самостоятельность грузинского государства», отказывалась «добро-

вольно от всяких суверенных прав, кои принадлежали России в отношении к грузинскому народу и земле», второй – обязывалась «отказаться от всякого вмешательства во внутренние дела Грузии». Третьей – соглашалась с описанием весьма странно пролёгшей российско-грузинской границы: «По реке Псоу до горы Аханхча, через гору Аханхча и через гору Агапет и по северной границе бывших губерний Черноморской, Кутаисской и Тифлисской до Закатальского округа и по восточной границе этого округа до границы с Арменией».²⁸

Такое описание содержало три грубейшие ошибки, непростительные для международного документа. Ошибки, которые проглядел уроженец Кавказа, как оказалось, не знающий совершенно географии Карахан. Слова «по реке Псоу» и «по северной границе» Черноморской губернии противоречили друг другу, ибо река Псоу являлась южной границей Черноморской губернии, отделявшей (да и отделяющей поныне) её от Абхазии. Уже поэтому Тифлис получал право претендовать, и при полном письменном согласии Москвы, на Черноморское побережье вплоть до Новороссийска.

Упоминание о северной и восточной границе Закатальского округа, тем самым, включавшего его в состав Грузии, легко могло привести к осложнениям с Советским Азербайджаном, который издавна и вполне законно владел округом, населённым преимущественно азербайджанцами.

Наконец, автор подобного взрывоопасного описания границы, слишком хорошо понимая, «что оно слишком запутано, статьей четвертой повторил его ещё более туманно: «Россия обязуется признать входящими в состав грузинского государства, кроме отходящей к Грузии в силу пункта 1 статьи III настоящего договора Черноморской губернии /о чём там отнюдь не говорилось, ибо граница устанавливалась по реке Псоу – **Ю.Ж.**/ нижеследующие губернии и области бывшей Российской Империи – Тифлисскую, Кутаисскую и Батумскую со всеми уездами и округами, составившими означенные губернии и области /тем самым, Грузия потребовала признать свои права на зону Лори, являвшуюся неразрывной частью Армении – **Ю.Ж.**/, а также округа Закатальский /принадлежал Советскому Азербайджану – **Ю.Ж.**/ и Сухумский /то есть подтвердить границу по реке Псоу! – **Ю.Ж.**/».²⁹

Пять дней спустя, когда все эти вопиющие ошибки и противоречия были обнаружены более сильными в географии сотрудниками НКВД, потребовалось срочно исправлять их. 12 мая те же лица, Карахан и Уратадзе, подписали ещё один, «дополнительный», договор. Вернее, частично скорректировали третью

и четвертую статьи основного; «Вопрос о спорных местностях на границе между Грузией и Азербайджаном и в Закатальском округе /что было одним и тем же – **Ю.Ж.**/ передаётся на разрешение смешанной комиссии из представителей правительств Азербайджана и Грузии в равном количестве, под председательством представителя РСФСР».³⁰

Но даже и такая уступчивость Москвы не изменила отношения к ней Тифлиса. В конце сентября его власти весьма своеобразно поступили с отступившими в Абхазию двумя тысячами казаков отряда врангелевского генерала Фостикова. Разоружили их, но тут же позволили погрузиться на присланный за ними из Крыма миноносец.³¹ Тогда же наладили перепродажу Врангелю нефти, которую получали по льготной цене из Советского Азербайджана, наконец, стали помогать имаму Гоцинскому, поднявшему 7 сентября мятеж в Дагестане, чтобы, как и в 1918 году, попытаться создать там имамат, откровенно теократическое государство в тесном союзе с Турцией. Всё происходившее не могло не заставить Москву рассматривать тифлисские власти сознательными пособниками контрреволюции, фактическими участниками Гражданской войны. Когда же 12 октября подписанием перемирия завершилась советско-польская война, а 17 ноября армия Врангеля бежала из Крыма, Наркоминдел счёл необходимым отказаться от примиренческой тактики отношений с меньшевистским правительством.

16 ноября Чичерин открыто предостерёг Грузию в связи с появившимися в западной прессе сообщениями о возможной скорой оккупации Батума вооружёнными силами Великобритании. «Очищение Батума от занимавших его английских войск, – указывал нарком, – составлявших угрозу для безопасности союзной с нами Азербайджанской Республики, было основным и неперенным условием заключения мирного договора между Грузией и Россией. Нарушение этого условия и создание, тем самым, новой, ещё более серьёзной угрозы для безопасности РСФСР и АССР, поставило бы российское правительство перед необходимостью принять самые серьёзные меры для ограждения безопасности обеих советских республик.»³²

Тем не менее, свои вызывающе конфронтационные действия Тифлис не прекратил. Тогда Чичерину пришлось признать необходимыми самые крайние меры. 20 января 1921 года он писал Ленину: «Нам достаточно ясны неудобные последствия, которые имела бы советизация Грузии и, в частности, её отрицательный эффект в области наших отношений с окраинными государства-

ми /нарком имел в виду страны Прибалтики – **Ю.Ж.**/ – в этом увидят подтверждение нашей якобы агрессивности. Но Грузия так зарвалась, что мы можем оказаться припёртыми к необходимости её советизировать».

Кратко перечислив всё допущенные меньшевистским правительством нарушения майского договора, Чичерин вновь возвратился к своему крайнему предложению. «Сделаем всё возможное для соглашения, – делился он своими планами. – Но Грузия так зарвалась, что надежды мало... Если она отвергнет наши договорные требования, останется только отозвать миссию /РСФСР в Тифлисе – **Ю.Ж.**/. Тогда Советская Армения будет брошена на произвол судьбы. Антанта безнаказанно утвердится в Грузии. Мы не можем позволить так с собой играть и нарушать договор. Необходимо, во всяком случае, теперь же принять на всякий случай подготовительные военные меры. Но надо считаться и с возможностью того, что наша безопасность и престиж потребуют ликвидации этого нарыва».³³

Чичерин рекомендовал Ленину лишь подготовиться на всякий случай к военному решению политической задачи. Тем временем правительство Грузии – и премьер Н.Жордания, и министр иностранных дел Е.Гегечкори – решительно не желали трезво оценивать происходившее, продолжали провоцировать Москву. 13 февраля пышно отпраздновали своё признание странами Антанты, чем могли подтвердить подозрения Чичерина в возможности скорого британского или франко-британского десанта в Батуме.

Вслед за тем меньшевики запретили обусловленный договором транзит через свою территорию составов с продовольствием для Армении, охваченной страшным голодом.

Последнее и переполнило чашу терпения руководства Советской России. 14 февраля Политбюро одобрило текст телеграммы Ленина в адрес председателя Кавказского бюро ЦК Г.К.Орджоникидзе и Реввоенсовету Кавказского фронта:

«Цека склонно разрешить 11-й армии активную поддержку восстания в Грузии и занятие Тифлиса при соблюдении международных норм и при условии, что все члены РВС-11, после серьёзного рассмотрения всех данных, ручаются за успех. Мы предупреждаем, что мы сидим без хлеба из-за транспорта, и поэтому ни единого поезда и ни единого вагона не дадим. Мы вынуждены возить с Кавказа только хлеб и нефть. Требуем немедленного ответа по прямому проводу за подписью всех членов РВС-11, а равно Смилги, Гиттиса, Трифонова и Фрумкина. До нашего ответа на телеграммы всех этих лиц ничего решительно не предпринимать».³⁴

Телеграмма предлагала использовать как повод для вмешательства в восстание, организованное Кавказским бюро ЦК, в занятой уже советскими войсками нейтральной зоне Лори. В силу же предполагавшегося наступления по двум направлениям – и с юга, и с севера – потребовала полного согласия на операцию всего руководства Кавказского фронта. И его командующего В.М.Гиттиса, и членов Реввоенсовета фронта И.Т.Смилги, В.А.Трифопова, а так же и члена Кавбюро, уполномоченного Наркомпрода по Северному Кавказу М.И.Фрумкина.

Одновременно из Москвы в тот же адрес ушла ещё одна телеграмма, носившая разъяснительный характер:

«Цека рассматривает операцию РВС-11 как местную защиту повстанцев нейтральной зоны от грозящего им истребления со стороны белогвардейцев. Считайтесь с этим политическим характером вашей операции во всех ваших публичных выступлениях. Разумеется, мы ожидаем от РВС-11 энергичных и быстрых действий, не останавливающихся перед взятием Тифлиса, если это по военным соображениям необходимо для действительной защиты нейтральной зоны от нового нападения. Мы рассчитываем, что наши предостережения учтены Вами со всей серьёзностью. Извещайте ежедневно».³⁵

Тем самым, поначалу действия 11-й армии расценивались только как защита армянского населения зоны Лори, и не больше. Даже вступление в Тифлис в Москве полагали не непременно, а только вынужденным локальной операцией. Однако Г.К.Орджоникидзе, желая реабилитировать себя за организованное им неудачное весеннее восстание (одновременно в Армении и Грузии), решил идти до конца.

Образованный стараниями Орджоникидзе заблаговременно, ещё 12 февраля, в зоне Лори, ревком во главе с грузинским коммунистом Ф.Махарадзе, пошёл ва-банк. С началом продвижения частей 11-й армии, 18 февраля, провозгласил создание Грузинской Социалистической Советской Республики. Воспользовавшись же тем, что переход в 60 километров до Тифлиса, даже пешком, в зимних условиях занял у красноармейцев всего неделю, 25 февраля оказался в грузинской столице. Там и объявил о взятии всей полноты власти, благо в тот же день правительство меньшевиков, даже не пытаясь оказать сопротивление, бежало в Батум.

Благодаря тому, РВС Кавказского фронта изменил свою тактику. Стремясь свести к минимуму вооружённые столкновения с Национальной Гвардией – вооружёнными силами меньшевиков, и дать им возможность просто разойтись по домам, стали

продвигать части 11-й армии вглубь грузинской территории предумышленно медленно. Правда, одновременно по двум направлениям – на Кутаис и на Ахалкалаки – Ахалцих – Батум. Затем в действие ввели и 10-ю армию, перешедшую реку Псоу и двинувшуюся на Гагру – Сухум, не встречая ни малейшего сопротивления. Подтвердилось то, что ещё в начале октября отметил российский военный атташе в Тифлисе Сытин – «местное население абхазцы питают страшную ненависть к грузинам».³⁶

Несмотря на одержанную бесспорную победу, грузинский ревком не торопился с советизацией. Меншевицкую Национальную Гвардию распустил только 11 марта, а Учредительное собрание (парламент) – ещё позже, 24 марта. И лишь месяц спустя приступил к созданию новых органов власти, Наркоматов. Такая кажущаяся нерешительность объяснялась начавшейся 26 февраля в Москве конференции Турции и РСФСР, при участии представителя Азербайджана, призванной выработать приемлемые для трёх сторон условия мирного договора.

Ещё при подготовке конференции, в ноябре 1920 года, выявились очень серьёзные расхождения в позициях Москвы и Ангоры по территориальному вопросу. Министр иностранных дел кемалистов Бекир Сами упорно требовал признания непоколебимости соглашения, достигнутого с дашнаками 2 декабря.

«Наши военные круги, – беззастенчиво раскрывал он в послании Чичерину собственные планы, – единодушно придерживаются мнения, что Советская Россия даст понять новой Армении, что Ангорское национальное правительство останется искренним другом Армении, если армяне будут уважать статьи договора, что всякие требования и притязания сверх определённых установленных границ, указанных в этом договоре, может послужить только возобновлению прежних распрей /иными словами – войны, **Ю.Ж.**/, а, следовательно, повредит жизненным их интересам.

Изменение нынешнего положения и, в особенности, образование Армении в Турции /то есть в четырёх северо-восточных вилайетах – **Ю.Ж.**/ или просто остатки Армении в какой-либо части наших восточных провинций /имелась в виду Карсская область – **Ю.Ж.**/, ни в коем случае не может быть ни рассматриваемо, ни принято Ангорским национальным правительством».³⁷

Чичерин трезво расценивал сложившуюся ситуацию и потому предлагал собственный план ведения переговоров, основанный на защите национальных интересов.

«Если мы, – писал он в ПБ 3 декабря, – не окажем дипломатического содействия Советской Армении, это, несомненно,

разочарует сторонников советизации... Мдивани /специальный представитель НКВД в Ангоре – **Ю.Ж.**/ должен обуздывать турок и умерять их требования по отношению к Армении... Турки ожидают от нас дальнейшей помощи и вооружением, и золотом, и мы, таким образом, имеем ещё могущественный способ воздействовать на них. Мы могли бы обещать туркам возобновление нашей помощи, если они удалятся из Армении.

Надо иметь в виду, что Карс есть ключ к Баку. Когда в Бресте мы уступили Карс, военные специалисты объяснили нам, что эта возвышенная местность есть необходимое прикрытие для Тифлиса. При нынешнем положении, когда можно ожидать в довольно близком будущем советизации Грузии, а дальнейшая ориентация Турции под большим вопросом, необходимо считаться и с этим соображением.

Независимость Армении должна быть гарантирована, причём, мы по-прежнему должны настаивать на определении границы смешанной комиссией с нашим участием. Надо гарантировать независимость Грузии, но не неприкосновенность её нынешних границ, ибо в составе Грузии имеются спорные местности, на которые Турция претендует и которые, может быть, в дальнейшем ходе событий будут ей уступлены. Независимости некоторой части Турецкой Армении следует по-прежнему добиваться, но не ультимативно». ³⁸

И всё же, даже на третий день переговоров в Москве, Чичерин вынужден был признать неудачу своей линии. «Сегодня, – информировал он Сталина, – было шестичасовое заседание так называемой Политической комиссии. Положение с турками, очень сложное, далеко неутешительно. Их требования баснословны во всех отношениях, причём они требуют ответа правительства в трёхдневный срок и заявляют, что в случае отказа уедут.

Прежде всего, мы споткнулись на их «национальном пакте», который является как бы их хартией, был принят ещё в Константинополе до разгона парламента, и поэтому в их устах считается особенно священным и неприкосновенным.

Вторая статья его гласит, что в санджаках Батум, Ардаган и Карс, уже в 1917 году свободно решивших снова присоединиться к отечеству, Турция согласна ещё раз провести плебисцит. Самое существенное для нас при этом есть претензия на Батум и требование или просто отдать Турции Батум, или провести плебисцит в Батумском санджаке, как известно, населённом мусульманами-аджарцами. Во время нашего чрезвычайно долгого и ожесточённого спора о Батуме, Юсуф Кемаль /брат

Мустафы Кемаля, глава турецкой делегации в Москве – **Ю.Ж.**/сказал между прочим, что Мдивани частным образом рекомендовал туркам войти в Батум». ³⁹ Такой же характер носили все двадцать дней переговоров.

Российская делегация, как ни пыталась, так и не сумела настоять на своём. Только под угрозой возможной войны в Закавказье, которая легко могла перекинуться и на Северный Кавказ, она пошла на подписание 16 марта более чем невыгодного для себя договора. Подтвердила непризнание Турцией Севрского договора и, следовательно, отказ Армении от четырёх вилайетов, населенных армянами. Вынуждена была согласиться (статья I) с крайне неблагоприятным прохождением границы с Турцией. Отрезавшей не только южную часть Батумского округа, но и всю Карсскую область. Со своей стороны, турецкая делегация «уступила Грузии сюзеренитет над портом и городом Батумом» и северной частью области. Правда, тут же была сделана оговорка о неперемнной автономии Аджарии. Мало того, статья III отмечала, что и Нахичеванская область должна стать автономной, да ещё и под протекторатом Азербайджана. ⁴⁰

Москве пришлось (и исключительно по собственной воле) практически во всём уступить Ангоре. Не удалось защитить, отстаивать интересы Армении, да еще и дезавуировать декларацию ревкома Азербайджана от 2 декабря.

Скрепив своей подписью советско-турецкий договор, Чичерин поставил в ложное положение и Сталина, всего три с половиной месяца назад с гордостью писавшего в «Правде»: «Советский Азербайджан добровольно отказался от спорных провинций и декларирует передачу Советской Армении Зангезура, Нахичевани, Нагорного Карабаха... Пусть знают все, кому ведать надлежит, что так называемую армянскую «проблему», над которой тщетно ломали головы старые волки империалистической дипломатии, оказалась в силах разрешить только Советская власть». ⁴¹

Как теперь должен был чувствовать себя он, немало потрудившийся – вместе с Орджоникидзе – для столь быстрого и мирного завершения конфликта, унёсшего только за последние три года не один десяток тысяч жизней? Да ещё знавшего, сколь тяжело удалось добиться от ревкома Азербайджана такой уступки.

...В дни московской конференции вроде бы подтвердились слова Ю.Кемаля о двуличном, если не сказать – изменническом, поведении Б.Мдивани. Тем не менее, месяц спустя его утвердили председателем Совнаркома Грузинской ССР.

9 марта два турецких полка, стоявших на левом берегу Чо-роха, по приказу командующего Восточным фронтом генерала

Кара-Бекира перешли реку и, быстрым маршем пройдя девять километров, заняли Батум. Пока ещё не советский, но уже ничей. Члены трёх правительств, обосновавшихся там после бегства из Тифлиса меньшевистской Грузии, мусаватистского Азербайджана и Горской Республики, грузились на пароход «Франц Фердинанд», чтобы проследовать в изгнание. В Константинополь, под надёжную защиту вооружённых сил Антанты.

18 марта «Франц Фердинанд» ушёл с батумского рейда, взяв курс на запад, к Босфору. На следующий день город покинули и турки.

2. X съезд уходит от решения

12 декабря 1920 года «Правда» известила о созыве 6 февраля X съезда РКП(б). Главным из выносимых на рассмотрение делегатов должна была стать проблема профсоюзов. Ещё в ноябре приведшая к острейшей дискуссии, расколовшей партию.

Генеральный секретарь ВЦСПС Я.Э.Рудзутак, поддержанный Лениным и Зиновьевым, настаивал на подчинённом партии участию рабочих организаций в решении хозяйственных вопросов. Троцкий, на сторону которого встали семь членов ЦК из одиннадцати (Н.И.Бухарин, А.А.Андреев, Ф.Э.Дзержинский, Н.Н.Крестинский, Е.А.Преображенский, Х.Г.Раковский, Л.П.Серебряков), пять членов ЦК КПУ из десяти (В. Аверин, Н.Иванов, Т.Кин, Ф.Я.Кон, Г.Л.Пятаков), два члена Президиума ВЦСПС (А.З.Гольцман, И.В.Косиор), счёл самым «разумным», наиболее приемлемым для быстрого перехода к коммунизму – милитаризировать рабочих. Всех. И подчинить их строжайшей воинской дисциплине, организовать на армейский лад.

Столь одиозная, откровенно леворадикальная позиция привела к иной крайности, её прямой противоположности. Заявившим о себе тогда же двум весьма близким друг к другу группам. А.Г.Шляпникова, А.М.Коллонтай и ещё сорока трёх делегатов съезда, назвавших себя «Рабочей оппозицией». Второй, более малочисленной, Т.Г.Сапронова, А.С.Бубнова, Н.Осинского (В.В.Оболенского) – «Платформы демократического централизма». И те и другие дружно провозгласили сохранение ведущей роли пролетариата (что только ему и принадлежит наиглавнейшая роль в решении вопросов внутренней жизни страны, в управлении промышленностью).

Столь невиданный после взятия партией власти её раскол, да ещё по одному- единственному вопросу (правда, вопросу прин-

ципиальному) – о месте и роли победившего пролетариата в его же пролетарском государстве – привёл к тому, что порождённая им дискуссия заняла шесть из восьми дней заседаний съезда. Поставила и РКП(б), и КП(б)У на грань полного размежевания на две, а то и три партии.

В конце концов победили сторонники Ленина и Зиновьева. Победили, только благодаря непререкаемому авторитету Владимира Ильича. А заодно добились запрещения отныне создавать какие-либо внутрипартийные фракции. Иными словами, повторения слишком опасной ситуации. Лишь из-за того столь же важный вопрос – об отказе от продразвёрстки, иных «военно-коммунистических» мер, о введении продналога, всяческой поддержке сельскохозяйственной кооперации, о разрешении свободной торговли (что и означало переход к новой экономической политике) – прошёл практически без дебатов.

На фоне жарких споров о единстве РКП(б), не стихавших шесть дней, так же незаметно прошёл и доклад Сталина «Задачи партии в национальном вопросе». Ну, а в обсуждении приняли участие всего три депутата. Волновало всех иное.

Как и всем остальным докладчикам, Сталину пришлось подготовить и опубликовать в «Правде» тезисы (то есть проект резолюции) загодя, 10 февраля.⁴² (Открытие съезда перенесли на месяц, на 6 марта). Такая несомненно демократическая процедура позволяла достичь очень многого, давала возможность тем, кто придерживался иной точки зрения на проблему, так же, заранее, изложить свои взгляды и тщательно, продуманно аргументировать их. Докладчику – подготовить необходимые возражения, иные доказательства своей правоты. Делегатам – внимательно изучить доводы двух, а то и трёх-четырёх сторон, обдуманно занять сторону кого-либо из них. А всё это вместе экономило время работы съезда.

Свои тезисы Сталин начал в обычной для него манере. С выявления причин своеобразия национального вопроса в России. С объяснения того, почему же Западной Европе такие проблемы оказались неприсущими. И продемонстрировал притом глубокое понимание исторических процессов.

«Там, – растолковывал он, – где образование наций в общем и целом совпало по времени с образованием централизованных государств, нации, естественно, облеклись в государственную оболочку, развились в самостоятельные буржуазные национальные государства...

На востоке Европы, наоборот, образование централизованных государств, ускоренное потребностями самообороны (на-

шествие турок, монголов и пр.), произошло раньше ликвидации феодализма, стало быть, раньше образования наций. Ввиду этого нации не развились здесь и не могли развиваться в национальные государства, а образовали несколько смешанных, многонациональных, буржуазных государств, состоящих обычно из одной сильной господствующей нации и нескольких слабых подчинённых. Таковы Австрия, Венгрия, Россия...

Империалистическая война, – продолжал Сталин, – привела к полному распаду побеждённых старых многонациональных государств (Австрия, Венгрия, Россия 1917 года) и, наконец, как наиболее «радикальное», решение национального вопроса буржуазией, к образованию новых буржуазных национальных государств (Польша, Чехословакия, Югославия, Финляндия, Грузия, Армения и др.)

Но образование новых самостоятельных государств, – подчеркнул Сталин, – не установило и не могло установить мирного сожительства национального, не устранило и не могло устранить ни национального неравенства, ни национального гнёта, ибо новые национальные государства... не могут существовать:

а) без угнетения своих национальных меньшинств (Польша, угнетающая белорусов, евреев, литовцев, украинцев; Грузия, угнетающая осетин, абхазцев, армян; Югославия, угнетающая хорватов, босняков и т.д.); б) без расширения своей территории за счёт соседей, что вызывает конфликты и войны (Польша против Литвы, Украины, России; Югославия против Болгарии; Грузия против Армении, Турции и т.д.).»

Перечисление вооружённых столкновений, бушевавших в Восточной Европе, выглядит в тезисах Сталина вполне естественно. Ведь о них тогда постоянно сообщали информационные агентства, писали газеты всего мира. Невероятно другое. Как бы давая прогноз предстоящего, Сталин не ошибся ни по одному пункту! Провидчески указал на грядущие распады (и именно по этническим границам) молодых, только что созданных по воле Антанты и Парижской мирной конференции новых государств, существование и целостность гарантировали Франция и Великобритания.

Польши – утратившей в 1939 году и Виленскую область с литовцами, и восточные воеводства, населённые белорусами, украинцами. Югославии – дважды принудительно расчленённой (сначала, в 1941 году, нацистской Германией, а затем ещё раз, уже НАТО, в 1992, когда на её месте появились Хорватия, Босния, Сербия, Словения, Македония). Грузии – лишившейся в 2008 году Абхазии и Осетии. Не упомянул Сталин только о «раз-

воде» Чехии и Словакии. Видимо, догадываясь, что он единственный будет мирным.

После экскурса в далёкое и недавнее прошлое, после анализа ситуации, сложившейся к началу 1921 года в Восточной Европе, Сталин остановился на более близком депутатам съезда. Охарактеризовал национальные отношения в пределах бывшей Российской Империи. В который раз после падения самодержавия настойчиво повторил: «Победа Советов и установление диктатуры пролетариата /той самой, из-за которой в те самые дни ломали копья Ленин и Троцкий, Шляпников и Сапронов – **Ю.Ж.**/ является основным условием уничтожения национального гнёта, установления национального равенства, обеспечения прав национальных меньшинств... Образование советских республик в Азербайджане, Армении привели к тем же результатам, уничтожив национальные столкновения и разрешив вековую вражду между турками и армянами, между азербайджанскими и армянскими трудящимися массами».

Предлагая только такой фундамент, единственно возможный для мирного сожительства, Сталин ни в малейшей степени не подтасовывал факты. Сознательно старался избегать цитат из работ Маркса, свёл к минимуму использование марксистских формулировок, терминов. И вслед за тем перешёл к основному. К тому, что полагал наиглавнейшей задачей партии на ближайшее обозримое будущее. То, что и предлагал депутатам поддержать. Тем более что на этот раз выступал не только от своего имени, но и от всего Политбюро, только что одоббившего его тезисы.⁴³

«Изолированное существование отдельных советских республик, – пояснял Сталин, – неустойчиво, непрочно ввиду угрозы их существованию со стороны капиталистических государств. Общие интересы обороны советских республик, с одной стороны, задача восстановления разрушенных войной производительных сил, с другой, и необходимая продовольственная помощь нехлебным советским республикам со стороны хлебных, с третьей стороны, повелительно диктуют государственный союз советских республик как единственный путь спасения».

Казалось бы, всё ясно, очевидно. Необходимо немедленное объединение, причём, в форме союза. Но нет, Сталин тут же, повторяя систему доказательств, использовал иное понятие – федерация. Она, мол, и «является той общей формой государственного союза, которая даёт возможность: а) обеспечить целость и хозяйственное развитие как отдельных республик, так и федерации в целом; б) охватить всё разнообразие быта, куль-

туры и экономического состояния различных наций и народностей; в) наладить мирное сожительство и братское сотрудничество наций и народностей».

Далее Сталин счёл нужным объяснить и иное. Там, где победили Советы, уже сложился не один, а три вида федерации. Первый – «основанный на советской автономии (Киргизия, Башкирия, Татария, Горцы, Дагестан)». То есть прямое вхождение в состав РСФСР. Второй – «основанный на договорных отношениях с независимыми республиками (Украина, Азербайджан)». Наконец, заметил Сталин, есть и третий вид – «промежуточные ступени» между первым и вторым: Туркестан, Белоруссия. Республики, ещё не автономные, но уже и не независимые.

Теперь можно было предположить, что далее, как обычно, последует тщательный анализ каждого из видов федерации, и делегатам будет предложен только один из них – как наиболее оптимальный, самый приемлемый. Однако на этот раз Сталин впервые отказался от давно ставшего ему присущим стиля – строго логичного изложения, предельной простоты языка, доступности смысла для каждого. Поступил же теперь иначе явно сознательно. Уклоняясь от весьма нелёгкой задачи отдать предпочтение одному из одинаково не устраивавших его вариантов, а потому предоставляя право сделать должный выбор самим депутатам.

Видимо, Сталину очень тяжело дался вынужденный отказ от предложения съезду провозгласить назревшую необходимость создать унитарное государство. Согласие признать неизбежность при сложившихся обстоятельствах федерации, да ещё и национально-территориальных образований, возникших, утвердившихся как следствие Гражданской войны, как необходимая уступка оказавшимся слишком сильными сепаратистским тенденциям у руководства республик. Хотя советских, социалистических, но вместе с тем и национальных. Судьба автономий не вызывала вопросов – они с создания являлись неразрывными частями РСФСР. К ним же, несомненно, следовало отнести Туркестан, который уже в момент провозглашения был объявлен Республикой Российской Советской Федерации и лишь пока не нёс в названии слова «автономный». Того же (должен был быть уверен Сталин, основываясь на декларации I Всебелорусского съезда Советов – «начать переговоры... по установлению федеративной связи» с Российской Республикой) следовало ожидать и в отношениях с Минском.

Могли вызвать сомнения (да и не только у Сталина) формы будущих политических связей с Украиной, Азербайджаном, с не

упомянутой в тезисах Арменией, только что вошедшей в число советских социалистических республик. Именно потому и пришлось Сталину настойчиво взывать, обращаясь, скорее всего, только к ним: «Опыт России... целиком подтвердил всю целесообразность и гибкость федерации как общей формы государственного союза советских республик...

А затем далеко не случайно добавил, преднамеренно делая акцент на слове «добровольный», дабы избежать вполне возможных обвинений в давлении, принуждении:

«Федерация может быть прочной, а результаты федерации – действительными, лишь в том случае, если она опирается на взаимное доверие и добровольное согласие входящих в неё стран... Добровольный характер федерации обязательно должен быть сохранён и впредь, ибо только такая федерация может стать переходной формой к тому высшему единству трудящихся всех стран в едином мировом хозяйстве, необходимость которого становится всё более и более осязательной».

Легко заметить, что слова о «единстве», «трудящихся всех стран» и «мирового хозяйства» выглядят весьма абстрактно, если не двусмысленно. Понимать их можно было как заблагорассудится. Связывать и с грядущей победой пролетариата на земном шаре, и только на территории бывшей Российской Империи. Несомненно, Сталин таким образом пытался угодить сторонникам мировой революции, которых ожидалось на съезде немало, и привлечь их на свою сторону.

Тем Сталин завершил два раздела тезисов из трёх. Посвятил их исключительно проблеме воссоединения советских республик в едином государстве, что к национальному вопросу имело довольно косвенное отношение. В третьем же, последнем разделе, призванном раскрыть суть предстоящей работы партии в данном направлении, снова вернулся к прежней теме, как видно, волновавшей его более всего. К тому же, рассматривал создание федерации как результат уже решённой (и решённой положительно) задачи.

Доказывала то характеристика населения не только РСФСР, но и «связанных с ней советских республик» (как неделимого целого). Состоящего из 115 миллионов жителей Центральной России, Белоруссии, Украины и некоторой части Азербайджана, Армении (которые «прошли в той или иной степени период промышленного капитализма») и 25 миллионов, «сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт». Вот последним создание федерации и должно было помочь:

«а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национальному облику этих народов;

б) поставить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения;

в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке».

Так, чуть ли не слово в слово, повторил все требования, которые выдвигали в Эстонии и Латвии, на Украине и в Грузии ещё весной 1917 года, ставили их перед Временным правительством, как не влияющие на целостность страны. Требования всего лишь буржуазной революции. Но на этом длительном и нелёгком культуртрегерском пути Сталин сумел разглядеть два очень опасных подводных камня. Два уклона, которые избежать очень трудно.

«С одной стороны, – писал Сталин, – работающие на окраинах великорусские коммунисты, выросшие в условиях существования «державной» нации и не знавшие национального гнёта, нередко преуменьшают значение национальных особенностей в партийной работе, либо вовсе не считаются с ними, не учитывают в своей работе особенностей классового строения, культуры, быта исторического прошлого данной нации... Это обстоятельство ведёт к уклону от коммунизма в сторону великодержавности, колонизаторства, великорусского шовинизма.

С другой стороны, коммунисты из местного коренного населения, пережившие тяжёлый период национального гнёта и не вполне ещё освободившиеся от призраков последнего, нередко преувеличивают значение национальных особенностей, либо просто смешивают интересы трудящихся данной нации с «общенациональными» интересами той же нации, не умея выделить первые из последних». А потому и предложил съезду решительно осудить оба уклона.

Собственно, эта мысль для Сталина была не нова. Он уже высказал её месяцем ранее, на совещании коммунистов тюркских народов РСФСР. Правда, тогда оценил как наибольшую угрозу только один уклон – национальный ⁴⁴. (Действительно, борьба именно с ним оказалась наиболее сложной, длительной. Велась вплоть до начала 30-х годов, и не только идеологически. Вынуждена была применить силу – ОГПУ, пограничные войска).

И всё же, Сталин ни словом не обмолвился о самом главном. На каких условиях советские республики должны воссоединить-

ся. Станут ли независимые – автономными в составе РСФСР или приобретут какой-либо иной, более высокий статус. Не упомянул и об ином, столь же конфликтном. О взаимоприемлемом установлении границ, пусть даже и административных, а не государственных. Вполне возможно, все эти вопросы, как и усиление серьёзности «великорусского» уклона, произошли только из-за того, что редакторами тезисов оказались Ленин и Бухарин, настоявшие на собственном видении решения проблемы.⁴⁵

...Между тем, буря, порождённая резким столкновением принципиальных позиций (прежде всего, Рудзутака и Троцкого), продолжала бушевать, шириться, захватывая всё больше и больше партийные массы. Раскалывая и ЦК, и Политбюро. Только потому не стало удивительным, что тезисы Сталина заинтересовали (если судить по публикациям откликов) только одного человека, никогда прежде не проявлявшего интереса к национальному вопросу – Г.В.Чичерина, наркома по иностранным делам. Чьи размышления, названные «Против тезисов тов. Сталина», и опубликовала газета «Правда» в трёх номерах, «подвалами».

То, что именно Чичерин первым выступил с критикой тезисов Сталина, оказалось далеко не случайным. Ведь к тому времени руководимое им внешнеполитическое ведомство проделало весьма необычную и довольно заметную эволюцию. Круто поменяло свои ориентиры, стало наиболее рьяным защитником международного признания всех советских республик, делало для того всё возможное. Продемонстрировало смену своей политики совсем недавно, во второй половине 1920 года.

Ещё 12 июля замнаркома иностранных дел А.А.Иоффе, член ВЦИК Ю.Ю.Мархлевский и ответственный сотрудник НКВД Л.Л.Оболенский подписали мирный договор с Литвой. В нём же, среди остального, определялась и государственная граница двух стран. Но – Литвы с РСФСР, а не с Белоруссией. О последней, провозгласившей свою независимость 30 декабря 1918 года, просто не упоминалось.

Месяц спустя, 13 августа, под договором о перемирии с Финляндией от имени Советской России поставили свои подписи Я.А.Беренс (до того – полпред в Швейцарии), П.М.Керженцев (назначенный вскоре полпредом в Швецию), и Н.С.Тихменев (направленный полпредом в Гельсингфорс). Определили лишь условия прекращения боевых действий и вызывающие споры участки границы.

Наконец, в «Основных положениях мира с Польшей», представленных 17 августа на переговорах в Минске сотрудником

НКВД К.Х.Данишевским, декларировалось признание Советской Россией только «независимости и самостоятельности Польской Республики», и никакой иной страны.

На том чисто российская линия на международных переговорах, без какого-либо требования или одобрения со стороны Политбюро, неожиданно пресеклась. Начиная с осени, Наркоминдел (кто бы его теперь ни представлял на переговорах) старался любым способом включить в текст договоров упоминание о независимости какой-либо советской республики либо о создании автономии.

Первым примером тому стал «Договор о перемирии и предварительных условиях между РСФСР и УССР с одной стороны, и Польшей – с другой», подписанный в Риге 12 октября. Его содержание несколько не напоминало «Основные положения», даже изрядно противоречило им. Во-первых, мир заключала не одна только РСФСР, с которой Польша и вела войну в союзе с петлюровской Украинской Народной Республикой, а ещё и УССР. Во-вторых, чрезвычайно важный документ уже первой своей статьёй устанавливал: «Обе /выделено мной – **Ю.Ж.**/ договаривающиеся страны /Советская Россия и Польша! – **Ю.Ж.**/, согласно принципу самоопределения народов, признают независимость Украины и Белоруссии». Тем самым, суверенитет последних делался истинной причиной вооружённого конфликта.

Следующим шагом в сторону от прежней линии стал договор с Финляндией, заключённый в Юрьеве (Тарту) 14 октября. Он, в противоречии со всеми нормами международного права, зафиксировал открытое вмешательство во внутренние дела РСФСР. В статье 10-й, толкующей о возвращении финнами Репольской и Поросозёрской волостей в состав России, отмечалось, что они войдут в состав «Восточно-Карельской автономной области, образованной карельским населением Архангельской и Олонецкой губерний» – под таким названием создавалась поначалу Карельская Трудовая Коммуна.

Вольно или невольно, но допустил НКВД и ещё одну непростительную вольность. Загодя не предотвратил подписание 14 февраля 1921 года мирного договора между УССР и Литвой, статья 2-я которого подтверждала: правительства обеих стран «безоговорочно признают друг друга самостоятельными, независимыми и суверенными государствами». Этот документ от имени Советской Украины скрепили члены Всеукраинского ЦИКа Ф.Я.Кон и Ю.М.Коцюбинский.

Тот же характер имел и заключённый буквально накануне открытия X съезда РКП(б) советско-афганский договор. Как и риж-

ский (с Польшей), он отмечал (в статье 8-й), что «обе стороны соглашаются на действительную независимость и свободу Бухары и Хивы, какая форма правления там ни существовала бы согласно желанию их народов». Подписали это соглашение уже первые лица Наркоминдела – Г.В.Чичерин и Л.М.Карахан.⁴⁶

Как же объяснял (но отнюдь не в статье, опубликованной «Правдой») Чичерин столь необычную метаморфозу политики руководимого им ведомства?

«Принцип независимости Советской Украины, – писал он 30 ноября 1920 года в записке, адресованной членам Политбюро, – сыграл громадную роль в нашей дипломатии и пресёк буферизм Пилсудского». Иными словами, проявленную самостоятельность, отказ учитывать интересы не только внешней политики, но и внутренней, предложил одобрить как несомненную победу. И сделал из неё далеко идущий вывод: «Фактически нынешние отношения /с Советской Украиной – **Ю.Ж.**/ могут остаться без изменений, но им нужно придать форму союза двух государств вместо союзного государства»⁴⁷. Тем самым, предложил создание конфедерации – того, что столь настойчиво отвергал Сталин, да и не только он, на протяжении последних четырёх лет. Однако открыто о том написать в своей статье Чичерин так и не решился.

Начал Чичерин категорическим заявлением: «Тов. Сталин в своих тезисах по национальному вопросу не совсем освободился от старых представлений». И тут же изложил собственное видение проблемы, подсказанное ему восприятием международных процессов кануна мировой войны. «Лозунг права национальностей на самоопределение, – писал Чичерин, – представляется ему (Сталину) исключительно лозунгом российской рабоче-крестьянской революции. Однако те же лозунги мы находим в манифесте правительства, представляющего нам более развитый капитализм – в 14-ти пунктах президента Вильсона».

Но что же, с точки зрения Чичерина, приходит на смену старым представлениям? Оказывается, «вместо национального государства уже выступает новое, сверхнациональное государство, продукт сверхимпериализма... Национальное государство заменяется новым, международным трестом, охватывающим ряд прежних национальных единиц». Однако конкретного примера тому (и доказательного) Чичерин найти не сумел, и потому привёл, по его же собственным словам, лишь намерение: «Германская литература сформулировала теорию такого треста в виде концепции «Нордкап /северная оконечность Норвегии и Европы – **Ю.Ж.**/ – Багдад», то есть объединённого под герман-

ской гегемонией нового союзного государства, охватывающего Центральную Европу и Ближний Восток и экономически господствующего над миром».

Ощущая шаткость занятой позиции, Чичерин сразу же оговорился: «сверхнациональное государство есть тенденция и процесс, а не готовый результат. Тенденция эта заключается в примирении внутри его национальностей, объединяемых общими интересами связывающей данное общество верхушки».⁴⁸ Национальная борьба, в общем, не обострилась, как думает т.Сталин. Кажущееся обострение её в действительности есть обострение борьбы отчасти между капиталистическими трестами международного характера, отчасти между последними и революционным рабочим классом. Чистая национальная борьба сильнее там, где хозяйственные формы отсталые, а более всего – в тех странах, где господствует племенной быт, кровная месть и местная племенная вражда».⁴⁹

Прибегая к таким (откровенно этнографическим, а не политическим) характеристикам, Чичерин явно стремился сузить сферу нерешённых национальных проблем. Решил ограничить её применительно к России только Кавказом да Туркестаном. Тем самым, приписал многим нациям Западной, Центральной и Восточной Европы давным-давно забытые ими «отсталые хозяйственные формы», «племенной быт», да ещё и с «племенной враждой». Ирландцам, добивавшимся независимости, и англичанам, силой подавлявшим откровенный с их точки зрения сепаратизм. Немцам, чехам, полякам, оспаривавшим принадлежность Судетов и Силезии – областей со смешанным населением. Полякам и литовцам, с оружием в руках боровшимся за обладание Виленщиной. Словом, ради отстаивания собственной концепции Чичерин преднамеренно игнорировал все эти события, именно в те дни достигшие своей кульминации.

Не ограничившись попыткой столь произвольно дополнить и развить работу Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», Чичерин искусственно совместил собственные теоретические построения с откровенно произвольным сужением зоны межэтнических конфликтов. «Национальное самоопределение, – делал он вывод, – в настоящее время отнюдь не революционный лозунг рабоче-крестьянской России, но есть в своём сверхимпериалистическом искании всеобщая ходячая формула, с чрезвычайной меткостью применяемая мировыми империалистическими антагонизмами во взаимной борьбе, и мировой капиталистической реакцией для бросания пыли в глаза ещё обманываемым широким массам».⁵⁰

Однако вслед за тем, явно противореча самому себе, Чичерин повторил суть уже того, что отстаивал Сталин; «Национальное самоопределение есть необходимое требование нашей политической деятельности, и только на почве рабоче-крестьянского советского строя достижимо самоопределение масс». И потому безоговорочно согласился с основным предложением тезисов, всё же не отказываясь и от собственной концепции. «Естественное же – продолжал Чичерин, – и без всяких затруднений складывающееся федерирование советских республик, на которое совершенно справедливо указывает т.Сталин, вызывается не только теми местными задачами, которые им применяются. Оно есть проявление того самого мирового экономического объединения».⁵¹

Завершая изложение своего взгляда на проблему, Чичерин всё же не преминул ещё раз возразить Сталину: «Значение упоминаемых им явлений остаётся неосвещённым. Он обходит молчанием тот основной факт, что национальные государства вытесняются сверхнациональными трестами финансовых интересов. Он оперирует устарелыми категориями больших и малых, сильных и слабых национальных государств». Но далее вместо чёткого, понятного предложения снова прибег к маловразумительным формулировкам, ровным счётом ничего не добавлявшим к ранее сказанному и Сталиным, и им самим. Всего лишь противопоставил РСФСР остальным советским республикам, подразумевая наличие разных «хозяйственных форм».

«Коммунистическое решение, – полагал Чичерин, – национального вопроса есть полное и неограниченное экономическое, политическое и культурное развитие освобождённых окончательно от всякого гнёта и федерирующих между собой трудящихся масс всех национальностей. Промежуточные же явления, как входившие ранее в состав Российской Империи окраинные государства, ещё не втянутые органически в те или иные капиталистические системы, и этнические народы, ещё сохранившие более примитивные хозяйственные формы, являются объектом хищнических устремлений частного капитала».⁵²

...Сталин, делая 10 марта доклад, несомненно, ощущал уверенность в занятой позиции. Ещё бы, каких-либо серьёзных возражений на свои тезисы (если не считать статьи Чичерина) он не услышал. Более того, та самая федерация, к которой он призывал, уже становилась явью. Ещё 17 декабря 1920 года II Всебелорусский съезд Советов, а 3 марта – V Всеукраинский – ратифицировали договоры с РСФСР. Отныне все они находились в законно оформленном военно-хозяйственном союзе.

Выразившемся в создании семи общих для трёх республик ключевых Наркоматов: военных и морских дел, ВСНХ, внешней торговли, финансов, труда, путей сообщения, почт и телеграфа. Их руководители входили в состав только СНК РСФСР, а при белорусском и украинском Совнаркомах учреждались должности их уполномоченных. Более того, и БССР, и УССР теперь посылали своих представителей (делегатов) во ВЦИК, превращая его в фактический общесоюзный высший орган власти.

Для завершения создания федерации оставалось совсем немного. Сделать объединёнными, как минимум, один Наркомат – иностранных дел, либо ещё два-три – земледелия, торговли и промышленности, а также юстиции. Ведь и без того все три республики проводили общую внешнюю политику, продемонстрировав то в Риге, на переговорах с Польшей. Едиными (с дней Октября) являлись и система землепользования, и основы руководства промышленностью, и без того уже подчинённой единому ВСНХ.

Схожие договоры, только без объединения Наркоматов, были подписаны с Азербайджаном, Хорезмом, Бухарой.

Усиливало уверенность Сталина и событие, происшедшее буквально накануне открытия съезда. Части XI армии, расквартированные в Азербайджане, 25 февраля вступили в пределы Грузии и в тот же день заняли Тифлис, где власть в свои руки взял загодя образованный ревком. Так всё Закавказье стало советским, и уже не было ни малейшего сомнения, что в самое ближайшее время союзный договор с Москвой подпишут и Ереван, и Тифлис. А после того можно будет унифицировать все эти договоры по образцу российско-белорусского и российско-украинского и на том завершить создание федерации.

Только потому Сталин, уже выступая на съезде, доклад сделал весьма кратким. Предельно твёрдо повторил своё, оказавшееся единственным, предложение: «Федерация советских республик является той искомой формой государственного союза, живым воплощением которого является РСФСР». И тем дал понять делегатам – независимым республикам предстоит стать автономными. А затем пояснил, обосновал сущность предложенного безальтернативного решения.

«При советском режиме в России и в республиках, связанных с Россией, – отметил Сталин, – уже нет ни господствующих, ни бесправных наций, ни метрополии, ни колоний, ни эксплуатируемых, ни эксплуататоров, тем не менее, национальный вопрос всё же существует в России. Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту фактическую от-

сталость (хозяйственную, политическую, культурную) некоторых наций, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать Центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении».

И всё же Сталин счёл весьма необходимым напомнить и о том, на чём он уже останавливался дважды с начала года. На том, что, по его мнению, являлось главным препятствием на пути решения национального вопроса, на пути процветания федерации. На том, что он назвал уклонами – великорусском шовинизме, местном национализме, выражавшемся, но только на Востоке, в панисламизме и пантюркизме.

На том свою задачу Сталин посчитал выполненной и только потому позволил себе ответить Чичерину. Просто указал ему на четыре допущенные им явные «ошибки или недоразумения». Отрицание противоречий между империалистическими государствами; недооценка противоречий между великими державами и недавно образованными странами; злоупотребление термином «национальное самоопределение», от которого партия уже отказалась. Наконец, что Сталин счёл самым важным – отсутствие каких-либо конкретных предложений.⁵³

Вслед за тем последовал обычный для съездов содоклад. Делал его делегат от Туркестанской организации, член Туркестанской комиссии ВЦИК и ЦК Г.И. Сафаров. Он был близок к Зиновьеву, в политических и идеологических вопросах ориентировался только на него, главу Коминтерна. Потому-то в содокладе и не должно было быть ничего неожиданного. Только принципиальное согласие с тезисами, одобренными ПБ.

И действительно, Сафаров сразу же заявил: он полностью поддерживает позицию Сталина, ну, а те «поправки и предложения, которые предлагаются» им, «сводятся к тому, чтобы конкретизировать ряд положений» докладчика. Однако на деле всё оказалось далеко не так просто.

Начал Сафаров со своеобразной исповеди. Откровенно поведал об удручающем положении в Туркестане. Нелицеприятно рассказал обо всех упущениях, серьёзнейших просчётах и ошибках, допущенных коммунистами края. Подчёркивая специфику края, вроде бы согласился со Сталиным насчёт необходимости бороться с обоими уклонами, но тут же занял откровенно одностороннюю позицию. Почему-то пытался найти источник всех бед лишь в «великорусском шовинизме», обеляя, вместе с тем, местное коренное население. Такой более чем своеобразный подход и выражал в тех самых «поправках и предложениях», ко-

торые в тот самый день уже опубликовала «Правда».⁵⁴ Которые с трибуны съезда он лишь повторял.

Сафаров не стал скрывать, что свой взгляд основывает на решениях Второго конгресса Коминтерна. Призвавших пролетариат передовых стран поддержать отсталые народы в безболезненном переходе к коммунизму. «На долю Советской власти, – гордо провозгласил он, – выпадает задача поднять народы, которые отстали от нас на несколько сотен лет, отстали от пролетариата, помочь им подняться и прыгнуть в светлое царство будущего». И конкретизируя столь бесспорную для делегатов съезда (но отнюдь не собственную) мысль, Сафаров предложил внести в тезисы, а, следовательно, и в резолюцию следующую фразу: «Уничтожение национального неравенства здесь /в Туркестане – **Ю.Ж.**/ есть длительный процесс, требующий упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национального гнёта и колониального рабства».

Не подвергая сомнению верность ни административного устройства Туркестана (унаследованного от «самодержавно-колониального» периода), ни необходимость его автономии в составе РСФСР, Сафаров наметил последовательность решения партией задач, но лишь в социально-экономической сфере. Прежде всего, отметил он, требуется «всемерная помощь кочевникам /а они составляли подавляющую часть населения края – **Ю.Ж.**/ для перехода их в оседлое состояние». Одновременно следует «раскрепостить трудящиеся массы Востока от той оболочки средневековой культуры, которая до сих пор задерживает их умственное и идеологическое развитие». Пояснил, что под «средневековой культурой» понимает Ислам и шариат, определявшие консервативный, патриархальный образ жизни казахов и киргизов, узбеков и туркмен, а также панисламизм и пантюркизм, только ещё начавшие пользоваться у них поддержкой.

Затем же, не замечая явного противоречия сказанному ранее, Сафаров почему-то предложил действовать не просто иначе, а, по сути, скатываясь в национальный уклон. Стал настаивать на «немедленном восстановлении трудовых прав на землю коренного населения». Следовательно, отобрать её у земледельцев, семиреченских казаков, у русских и украинских крестьян-переселенцев (которых без какого-либо основания назвал «кулачьём») и передать скотоводам-кочевникам. Мало того, агрессивно добавил: «Мы не остановимся даже перед тем, чтобы сносить, выселять целые кулацкие посёлки». Пояснил – мол, в том и заключается интернационализм!⁵⁵ Не смог понять последствий того. Неизбежного роста антирусских настроений,

укрепления ислама и пантюркизма, и как результат – межнациональных кровавых распрей.

...До этих пор и критика тезисов, и дополнения к ним исходили от тех, кто безоговорочно солидаризировался со Сталиным по главному пункту – необходимости как можно скорее восстановить единство страны на основе федерации. Первый же выступивший в дискуссии делегат от Украины В.П.Затонский (председатель Вукопспилки (Всеукраинского кооперативного союза)), продемонстрировал существование иной позиции.

Отбросив всякую вежливость, Затонский бросил в зал: «Эти тезисы как-будто писались вне времени и пространства... Отбояриваться от вопроса голым провозглашением прав наций на самоопределение (или даже права наций на государственное отделение) нельзя. Фактически мы видим, что национальное движение после революции и при Советской власти отнюдь не ликвидировано... Национальное движение, пожалуй, было пробуждено революцией. Это мы проглядели, определённым образом прозевали, это необходимо сказать. В этом была колоссальнейшая ошибка Коммунистической партии».

Старый большевик, участник двух революций, Затонский явно ломился в открытую дверь. Ведь никто и не отрицал, что февраль 1917 года и вызвал небывалый подъём национального движения. Никто не ставил под сомнение и сохранение национального вопроса в условиях существования Советской власти. Выдвигая именно его в повестку дня съезда, и ЦК, и Политбюро, и Сталин стремились к тому, чтобы решить его, а вместе с тем добиться и столь необходимого воссоединения страны. Но именно такие намерения партии и отрицались Затонским, видевшим во всём лишь проявление «великодержавного шовинизма».

«Сейчас мы можем наблюдать, – продолжил свою филиппику украинский делегат, – как наши товарищи с гордостью, и небезосновательно, считают себя русскими, а иногда даже смотрят на себя, прежде всего, как на русских. Эти товарищи дорожат не столько Советской властью и Советской Федерацией, сколько уже у них есть тенденция к «единой, неделимой». Необходимость действительного централизма у некоторых товарищей / Затонский явно намекал на Сталина – **Ю.Ж.**/ перепутывается с привычным представлением о «единой, неделимой».

Видимо, осознав, что изрядно перегнул палку, Затонский поспешил смягчить свою позицию. «У т.Сталина, – продолжал он, – в его тезисах имеется намёк /? – **Ю.Ж.**/, что невозможно существование отдельных независимых республик ввиду угрозы их существованию. Более того, сама сущность Советской

власти вызывает теснейшее объединение, и даже если бы и не было военной угрозы всё время, поскольку мы имели бы дело с советскими республиками, они должны были бы объединиться экономически. Это совершенно естественно и необходимо, и это на партийном съезде особенно доказывать не приходится».

Сгладив тем острые углы, Затонский всё же выразил опасение предлагаемой формой объединения. «Надо строго разделять, – вновь критикуя предложение Сталина, продолжил он, – что действительно вызывается необходимостью, что вызывается сущностью Советской власти, необходимостью революционной борьбы, и что является пережитком старой национальной идеологии со стороны российских товарищей. Надо отделять действительную необходимую централизацию от того примитивного русопятства – термин не мой, а т.Ленина, применённый им, к сожалению, уже поздно, только в конце 1919 года и на партийной конференции /Восьмой-Ю.Ж./... Это русопятство имеется везде и повсюду, имеется прежде всего в толще нашей партийной массы. Оно имеется не только у тех колонизаторов, которым пришлось применяться к коммунизму на далёких окраинах вроде Туркестана. Это русопятство наблюдается и здесь, в Москве, в наших центральных учреждениях».

Но нет, прямо идею федерации Затонский не отвергал. Даже поддерживал – «я считаю, что метод федерации правилен». Просто он упорно отказывал в праве тому объединению, которое уже началось, поддерживалось Сталиным. «Я лично не знаю, – объяснял он, – в каких взаимоотношениях мы находимся сейчас с РСФСР, мы, живущие на Украине. С заключением последнего договора /28 декабря 1920 года – Ю.Ж./ мы не то находимся в федерации, не то не находимся... Необходимо точнее определить взаимоотношения частей федерации».

Только затем произнёс до того затаённое. То, что беспокоило не только его, но и, как вскоре выяснилось, очень многих руководителей партии, уверенных в (не только неизбежной, но и очень близкой) победе пролетарской революции в Европе.

«Нам необходимо, – наконец чётко сформулировал Затонский свой взгляд, – вытравить из голов товарищей представление о Советской Федерации как федерации непременно «русской», ибо дело не в том, что она российская, а в том, что она советская. Если, например, будет Румыния советской, если будет советской Германия и другой ряд федераций, будут ли они тоже называться российскими?..

Следовало бы это название просто устранить или просто оставить название «советская федерация», или придумать какое-

нибудь другое... Само название, конечно, несущественно, но необходимо, чтобы вошло в сознание широких партийных масс, что им не надо придерживаться той примитивной русской линии, какой придерживается значительная часть наших товарищей во вред Советской власти и во вред Советской Федерации». ⁵⁶

Иными словами, только ради всего лишь грезившейся будущей советской Германии необходимо избрать иную, нежели предложенную Сталиным, форму объединения республик. Какую? Ещё следует решить.

Следующим получил слово секретарь Нижегородского губкома А.И.Микоян. Попытался выступить неким миротворцем, стараясь по возможности притушить начинавшийся конфликт, грозивший вместе с дискуссией о профсоюзах довершить раскол партии. Он весьма дипломатично предложил рассматривать национальный вопрос исключительно в «плоскости практического разрешения его в направлении, указанном программой партии», то есть создании федерации. «Нам нужно, – уточнил Микоян, – учесть опыт и определить формы советского строительства и классовых взаимоотношений на окраинах».

Отлично зная жизнь в Баку, начал с характеристики классового состава Азербайджана, что, по его мнению, и должно было определить особенности партийной работы в республике. Правда, не преминул заметить: «Азербайджан относится к восточным странам, но по своему культурному уровню и экономическому положению стоит впереди многих русских губерний... Процент пролетариата там много выше, чем во многих русских губерниях».

Осудил Микоян политику армянской буржуазии, имеющей «империалистические вождедения захватить часть Турции». Но не уточнил – ту самую часть, которую и партия, и ВЦИК всего три года назад называли Турецкой Арменией, отстаивая права её армянского населения, как минимум, на политическую автономию.

Тем Микоян и увёл внимание делегатов съезда от главного – от Федерации – и предложил решить другую задачу: «какой тип советской системы должен быть установлен на окраинах». Пояснил причину – «Тов. Сталин, к сожалению, ничего в этом направлении не указал». А, завершая короткое выступление, всё же поддержал, хотя и довольно своеобразно, позицию Сталина: «Поскольку его тезисы развивают отвлечённые принципы права наций на самоопределение и отделение, они являются в данном случае неоспоримыми. Может быть, только с некоторыми местами товарищи не согласятся. Я всё-таки думаю, что тезисы будут приняты». ⁵⁷

Четвёртым (и последним) участником прений – хотя записалось ещё 29 человек, так и не получивших слова – стал секретарь Ташкентского горкома партии Х.Х.Бурнашёв. Он постарался сделать всё, чтобы сгладить то отчасти негативное – из-за, скорее всего, русофобской речи – впечатление, которое мог оставить Сафаров. Ташкентский делегат раскритиковал в равной степени ошибочные взгляды – как переселенцев, так и коренных жителей, не делая поблажек никому из них.

«Часто тонкий слой русского населения, – отметил Бурнашёв, – который имеется на окраинах, попадал под влияние колонизаторской идеологии. И до тех пор, пока мы не изживём этой идеологии, до тех пор, пока мы не покажем туземному населению, что мы вступили на путь ликвидации этих колонизаторских остатков, до тех пор мы ничего не сделаем».

Равной опасностью признал Бурнашёв и «буржуазный национализм, который хочет все национальности направить на путь капиталистического развития». И пояснил, откуда же происходит такая тлетворная зараза: «Это доказывает несколько печатных трудов известных татарских шовинистов, которые определённо высказывают идею, что необходимо всем отсталым мусульманским народностям пройти через капитализм, и только тогда можно прийти к коммунизму».⁵⁸

Скорее всего, именно такое завершение дискуссии Сталина вполне устроило. В противном случае, вряд ли бы он произнёс довольно короткое заключительное слово. В нём, по сути, ограничился предельно сжатым указанием на то, что посчитал грубейшими ошибками выступивших в прениях делегатов съезда.

Сафаров. Сказанное им по вопросу о земле касается только восьми-десяти миллионов человек из пятидесяти пяти миллионов нерусской национальности, а потому предложенные поправки «никакого значения не имеют», их «нельзя универсализировать».

Затонский. «Я имею в руках его собственные тезисы, которые он почему-то не предложил вниманию съезда, где нет ни одного предложения практического характера – мне не удалось найти ни одного буквально, за исключением, впрочем, одного предложения о том, чтобы название РСФСР было заменено словом «Восточноевропейская», и слово «Российская» – словом «Русская» или «Великорусская».

Микоян. Он «смешал Баку с Азербайджаном... Баку надстроен усилиями Нобеля, Ротшильда, Вишау и других, а Азербайджан является страной самых отсталых патриархально-феодалных отношений».

Кроме того, воспользовался Сталин случаем, чтобы отвергнуть все обвинения в том, что якобы его Наркомат занимается «насаждением белорусской национальности искусственно». Пояснил: у белорусов «имеется свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке».

Чтобы уйти от любых подозрений в навязывании своей точки зрения на проблему, предложил – для выработки окончательного текста резолюции – избрать комиссию.⁵⁹ Она же выбрала тех, кто уже высказал своё мнение – Г.И.Сафарова, В.П.Затонского, А.И.Микояна. А также и тех, кто, возможно, только собирался выступить (в основном, представителей национальных республик): от Белоруссии – Х.Г.Пестуна; от Украины – Д.З.Мануильского; от Армении – А.А.Бекзадяна; от Азербайджана – С.М.Кирова, Р.Ахундова и Т.Н.Каминского; от Туркестана – А.А.Рзаева, Н.Тюрякулова; от Татарии – С.Г.Саид-Галиева и М.Н.Ибрагимова; от Башкирии – М. И.Халикова; от Киргизии (Казахстана) – Садвокасова.⁶⁰

Спустя четыре дня, вечером 15 марта, после новых острейших прений по вопросу о профсоюзах и прошедших на удивление мирно – о продналоге, то есть переходе к НЭПу, Сталин доложил съезду о результатах работы редакционной комиссии. Явно с ехидством заметил, что семеро членов комиссии, то есть чуть ли не половина её состава, на заседание так и не явились. Потом преподробнейше изложил все до единой поправки, внесённые в проект. Голосование, прошедшее сразу же вслед за тем, оказалось вполне предсказуемым. Текст резолюции поддержали все, кроме двух воздержавшихся.⁶¹

Более озабоченные отказом от ставшей привычной, понятной политики «военного коммунизма», связанным с тем поиском места профсоюзов, «гегемона» в управлении экономикой, делегаты съезда не придали должного внимания не менее значимому – созданию нового государства – вопросу, утонувшему, к тому же, в далеко не всех интересовавших, волновавших проблемах межнациональных отношений. Ко всему прочему, резолюция, за которую все столь единодушно проголосовали, носила слишком общий характер. Не заставляла потому спорить, возражать. Оказалась столь же неопределённой, как и её проект – тезисы.

Да, «победа Советов и установление диктатуры пролетариата являются основным условием уничтожения национального гнёта, установления национального равенства, обеспечения прав национальных меньшинств».

Да, «при данных международных отношениях ни одна советская республика, взятая в отдельности, не может считать себя обеспеченной от экономического истощения и военного разгрома».

Всё это, бесспорно, сомнений не вызывает. Как не вызывало и продолжение такой мысли – «общей формой государственно-го союза» является «федерация советских республик, основанная на общности военного и хозяйственного дела». Всё это уже существовало, стало обыденным, вполне естественным. Всего лишь фиксировало реальность. Потому-то, скорее всего, никто кроме Затонского не обратил должного внимания на весьма расплывчатую констатацию того, что сохраняются три варианта создания искомого союза.

Во-первых, автономизация. Во-вторых – договорные отношения. Наконец, нечто среднее между тем и другим. Три варианта, ни один из которых в резолюции так и не назвали основой для будущего союза.⁶²

Только теперь можно было понять, почему Сталин столь настойчиво взывал к оппонентам, требуя от них конкретных предложений. Только теперь можно было понять, какие именно конкретные предложения он жаждал услышать.

Сталин был связан утверждёнными Политбюро тезисами. Теми, что отразили всю нерешительность членов Комиссии Каменева – поляка Ю.Мархлевского, татарина С.Г.Саид-Галиева, русского М.В.Владимирского и болгарина Х.Г.Раковского (призванных выразить интересы украинцев), Генерального секретаря ЦК РКП(б) Н.Н.Крестинского и заместителя главы СНК Н.И.Рыкова (так и не сумевших за год прийти к какому-либо выбору, настаивать на нём, доказывая преимущества именно его).

Сталин сам никак не мог предложить собственный вариант ответа на вопрос, каким же должен стать союз. Вобрать ли в РСФСР все остальные советские республики как автономии, или же строить его исключительно на договорных отношениях. И опять – следует ли распространить такую форму отношений на Туркестан, на те республики, которые возникли как автономные, или нет?

Резолюция на все эти вопросы ответ так и не дала. Стыдливо уклонилась от чёткого, однозначного решения. Оставила его на будущее. Может быть, весьма близкое, а может – и отдалённое. Очень.

Между тем, столь очевидная неопределённость затрудняла назревшую выработку юридических взаимоотношений с только что возникшими советскими республиками. Арменией, где

ревком взял власть 29 ноября минувшего года. С Грузией, где меньшевистское правительство бежало из страны всего лишь 17 марта, в те самые дни, когда и утвердили резолюцию.

3. Второй шаг к воссоединению

Партийный съезд завершил работу 16 марта. Полтора месяца спустя, 2 мая 1921 года, «Правда» опубликовала статью Сталина под странным, даже еретическим для многих читателей (твердолобых большевиков) названием «К постановке национального вопроса». Да, именно так, как будто и не было о нём прежде речи, не было X съезда, только что принявшего соответствующую резолюцию. Вроде бы решившего проблему, предложив план конкретных действий.

Вроде бы всё так, но, тем не менее, всего лишь – «постановка вопроса». Следовательно, его требуется заново осмыслить и заново найти на него ответ.

И действительно, свою очередную статью Сталин начал именно с этого, с осмысления. Подчеркнул, что существует «старое и новое понимание вопроса», которые различаются по четырём моментам. На первое место выдвинул тот, что к ситуации в советских республиках не имел ни малейшего отношения – «смешение национального вопроса как части с вопросом об освобождении колоний как целого». Именно такой ход позволил Сталину подтвердить свою приверженность ортодоксальному большевизму. Обрушить праведный гнев на старых лидеров европейской, а вернее – австрийской социал-демократии, на Шпрингера (Карла Реннера), Отто Бауэра, на идейного главу Второго Интернационала Карла Каутского. На тех, кого только ленивый в Советской России теоретик не уничижал, не обличал как ренегатов дела пролетариата.

Только затем Сталин перешёл к главному. К тому, что и заставило его выступить публицистом – к «праву наций и колоний на государственное отделение, на образование самостоятельного государства». Словом, к тому, что и происходило на территории бывшей Российской Империи, включая её также бывшие протектораты. К правомочности, с точки зрения марксизма (вернее, с его, Сталина, точки зрения), существования восьми независимых советских республик.

Начал Сталин, по своей давней манере, несколько издалека. Посчитал не требующей доказательности верность отказа Советской России от Финляндии, части Монголии (Урянхайско-

го края, ставшего в том же году независимой Танну-Тувинской Республикой), части Китая (Манчжурии), правильность вывода русских войск из Северной Персии (она же Южный Азербайджан).

Но тут же поспешил оговориться. Лозунг о праве на самоопределение «уничтожает всякие основания для подозрения в захватнических стремлениях трудящихся одной нации /то есть русских – **Ю.Ж.**/ в отношении к трудящимся другой нации /понимай – любой из населяющих советские республики – **Ю.Ж.**/». Однако вслед за тем продолжал, выражая наиважнейшее – и «подготавливает почву для взаимного доверия и добровольного объединения».

Посчитав уже данную критику австромарксизма недостаточной дабы снять с себя возможные подозрения в ревизионизме, Сталин во второй раз обрушился на Шпрингера и Бауэра. Постарался связать их принципиальные ошибки не только с подменой права на самоопределение культурной автономией, но и с нежеланием признать, что «национальные и колониальные вопросы неотделимы от вопроса об освобождении от власти капитала». А раз власть капитала в советских республиках низвергнута, то значит можно говорить об ещё одном новом моменте:

«Внесение в национальный вопрос нового элемента, элемента фактического (а не только правового) выравнивания наций (помощь, содействие отсталым нациям подняться до культурного и хозяйственного уровня опередивших их наций) как одного из условий установления братского сотрудничества между трудящимися массами разных наций».

Но и такого (весьма общего) толкования Сталину показалось недостаточно, и он в очередной раз выразил (повторение – мать учения!) своё затаённое. Объяснение необходимости воссоединения (правда, не используя это слово в тактических соображениях). «Трудовые массы, – писал он, – отсталых народов не в силах использовать предоставленные им «национальным равноправием» /здесь Сталин, несомненно, подразумевал национальную независимость – **Ю.Ж.**/ права в той степени, в какой могут их использовать трудовые массы передовых наций: унаследованная от прошлого отсталость некоторых наций (культурная, хозяйственная), которую нельзя уничтожить в один-два года, даёт себя чувствовать».

Потому и резюмировал, повторив тщетно предлагавшееся делегатам съезда: «Нельзя ограничиваться одним лишь «национальным равноправием», необходимо от «национального равно-

правия» перейти... к налаживанию хозяйственного сотрудничества между трудящимися отсталых и передовых наций». ⁶³

Кто же осмелится возражать против такого дружеского предложения? Разумеется, никто.

Но есть ли что-либо новое в таком призыве? Отнюдь.

Тогда что же заставило Сталина вновь – после съезда – обратиться к проблеме экономической интеграции советских республик? Только тот повод, который ему предоставил невольно Ленин, направивший 9 апреля в Баку, для Орджоникидзе, ответ на призыв того о помощи. Вызванный как страшной засухой, охватившей Армению, так и разрушением всей оросительной системы, что стало неминуемым результатом нескончаемых войн с соседями.

«Получил Вашу шифровку, – писал Ленин, – об отчаянном положении Закавказья. Мы приняли ряд мер, дали немного золота Армении, подтвердили всяческие поручения Компроду /Наркомату продовольствия – **Ю.Ж.**/». Но я должен предупредить, что мы здесь сильно нуждаемся и помогать не сможем. Настоятельно требую создать областной хозяйственный орган для всего Закавказья». ⁶⁴

Указание руководителя партии Орджоникидзе и Киров (в те дни уже оставивший работу в Наркоминделе и возглавивший партийную организацию Азербайджана) постарались исполнить как можно точнее и быстрее. Два дня спустя после получения телеграммы Ленина, 11 апреля, провели расширенное заседание Бакинского городского Совета, на которое пригласили депутатов районных советов и лидеров крупнейших (не только в республике, но и в крае) профсоюзов. На нём утвердили резолюцию, замысленную как призыв к началу объединительного движения.

«Трёхлетняя разобщённость закавказских республик, – отмечал принятый единогласно документ, – под руководством националистических партий (мусаватистов, дашнаков и грузинских меньшевиков) не давала возможности экономическому возрождению и мешала их развитию и процветанию. В интересах Советской власти в Закавказье необходимо хозяйственное объединение всех советских республик».

Чтобы не напугать, не оттолкнуть массы (в том числе и коммунистов), как и большинство слишком сроднившихся с суверенностью, считавших её наиважнейшим завоеванием революции, авторы резолюции тут же пояснили – «при полном сохранении национальной независимости, самостоятельности языка и культуры каждой из них». ⁶⁵

И всё же завершалась резолюция открытым призывом совершенно иного характера: «Да здравствует Союз Закавказских республик!».

Соблюдая партийную дисциплину – ведь Орджоникидзе возглавлял Кавказское бюро ЦК, объединявшее три закавказских компартии – ЦИКи и Совнаркомы Азербайджана, Армении и Грузии ограничились издевательским, по сути, минимумом того, что от них ожидали. 20 апреля подписали соглашение всего лишь об объединении железных дорог Закавказья.⁶⁶ И без того изначально единых, ибо состояли практически из одной основной магистрали, связывавшей Баку (через Тифлис) с Батумом, и двух непротяжённых веток: Тифлис-Александрополь-Нахичевань и Тифлис-Телави. Управление которой – от одной государственной границы до другой – в ущерб для её эксплуатации поделили весной 1918 года. С провозглашением независимости трёх республик.

На большее в Закавказье идти отказывались, пытались любым способом отсрочить потерю своей самостоятельности. Тем и вынудили Сталина выступить 2 мая в «Правде» со статьёй. А его взывать к Баку, Эривани, Тифлису. Убеждать, уговаривать их всё-таки сделать то, на что так надеялся Ленин.

Мнение Сталина не осталось гласом вопиющего в пустыне. Случайно или преднамеренно (этого мы никогда не узнаем), но именно 2 мая было реорганизовано Кавказское бюро ЦК РКП(б) – высший областной партийный орган, руководивший повседневной деятельностью компартий Азербайджана, Армении и Грузии. В него включили не трёх, как прежде, а семерых. Председателем – всё того же Г.К.Орджоникидзе. Членами – С.М.Кирова и Н.Нариманова от Азербайджана, А.Ф.Мясникова (Мясникяна) от Армении, Ф.Махарадзе и М.Орахелашвили от Грузии.

Как вскоре выяснилось, и Орджоникидзе, и Киров оказались единомышленниками Сталина. Таковыми же, как и он, искренними, горячими сторонниками скорейшего воссоединения страны. Создание же хотя бы экономического союза закавказских республик рассматривали как первый, важный и необходимый опыт, который позволит обнаружить все подводные камни на столь неизведанном, а потому и опасном, пути.

Именно потому уже 1 июня, даже не доведя до конца реорганизацию управления железных дорог, они поспешили выдвинуть новую задачу – создание общего для Закавказья Наркомвнешторга. Рассмотрели проект, представленный Ф.Я.Рабиновичем, присланным из Москвы уполномоченным СТО и НКВТ РСФСР.

Имевшим на руках весьма строгое предписание ЦК РКП(б). Там, полагая вопрос вполне решённым, далеко забегая (потому) вперёд, требовали от своего представителя:

«1. Закавказские советские республики (Грузия, Азербайджан, Армения) являются самостоятельными и независимыми. Уполномоченный СТО и НКВТ должен принимать во внимание настроение широких масс населения закавказских советских республик и международные условия настоящего момента, особенно тщательно подчёркивая эту самостоятельность.

2. Исходя из того, что указанные республики признают необходимым объединить деятельность своих внешнеторговых органов в единый Внешторг закавказских советских республик, в компетенцию которого входит самостоятельное решение вопросов внешней торговли закавказских советских республик, на уполномоченного возлагается задача всемерного соблюдения самостоятельности этого органа с одновременным обеспечением экспортных интересов РСФСР».⁶⁷

2 июня Кавбюро утвердило прект, представленный Рабиновичем, но в своём решении пошло гораздо дальше. Решило форсировать события и добиться сразу же полного объединения всей экономики Закавказья. «Для согласования работы экономических Наркоматов, – указывал документ, – и подготовки общих хозяйственных вопросов в каждой республике образуется Экономический совет в составе ВСНХ, Наркомзема, Наркомпрода, Внешторга, Наркомфина и Совпрофа /Совета профсоюзов – **Ю.Ж.**/, имеющий совещательный характер». Тем же решением предполагалось в течение месяца и объединить три Экономических совета.⁶⁸

Миновал обусловленный месяц, однако в Закавказье мало что изменилось. Единое управление железных дорог существовало лишь на бумаге. Также саботировалось и решение по созданию надреспубликанского Экономического совета. Единственное, на что пошли ЦИКи и Совнаркомы Азербайджана, Армении и Грузии, стало соглашение, подписанное 25 июня, о создании единого для них Наркомвнешторга. Ему предоставили «1. исключительное право продажи на заграничном рынке всех экспортных товаров, составляющих экспортный фонд договаривающихся республик; 2. исключительное право закупок для всех без исключения учреждений и предприятий договаривающихся республик». И установили, что объединённый Наркомвнешторг «имеет единый валютный фонд, и ему предоставляется исключительное право приобретения иностранной валюты для нужд договаривающихся республик».

Однако главное требование Кавбюро – создание единого межреспубликанского Экономического совета – только упоминалось в пункте 6-м соглашения, да и то весьма неопределённо – «впредь до организации Высшего экономического совета...». ⁶⁹

Вместо интеграции три республики более чем активно занялись размежеванием, инициатором чего стал Тифлис ещё в апреле. ⁷⁰ Даже создали Особую смешанную комиссию по урегулированию внутренних границ. Поначалу уточняли принадлежность незначительных по площади участков на стыке границ Грузии, Азербайджана и Армении, то есть в бывшей нейтральной зоне Лори. ⁷¹ Но слишком быстро перешли к старым спорам о принадлежности уже целых уездов, что грозило возобновлением межэтнических конфликтов.

Положение начало стремительно накаляться после 3 июня, когда Кавбюро пришлось заняться вплотную вопросом Зангезура. Туда (после неудачного февральского мятежа в Эривани) бежали дашнаки, а 26 апреля создали там правительство Нагорной Армении, возглавляемое Нжде. Переговоры с ним о мирном разоружении, которое вёл С.Касьян, ни к чему не привели, и только потому пришлось прибегнуть к самым жёстким мерам.

Самого председателя СНК Армении, как не справившегося с порученным делом, сняли, утвердив вместо него А.Ф.Мясникова и назначив его одновременно наркомом по военным делам. Поручили ему «Зангезур ликвидировать в конце июня. Немедленно приступить к военным действиям... Указать в декларации армянского правительства о принадлежности Нагорного Карабаха к Армении». ⁷²

Мятежных дашнаков окончательно изгнать из пределов республики (в Персию) удалось в середине июля. Декларацию же подготовить оказалось гораздо проще. 12 июня Мясников подписал декрет СНК, и содержащий предписание Кавбюро: «На основе декларации ревкома Социалистической Советской Республики Азербайджан и договорённости между социалистическими советскими республиками Арменией и Азербайджаном провозглашается, что отныне Нагорный Карабах является неотъемлемой частью Социалистической Советской Республики Армения». ⁷³

Вот тогда-то Нариманов, отнюдь не забыв о своём широком жесте, сделанном 2 декабря, неожиданно отказался от прежнего решения Азревкома, столь восторженно встреченного Сталиным и Орджоникидзе. 26 июня СНК Азербайджана направил телеграмму Орджоникидзе и Мясникову с протестом против назначения члена ЦК Компартии Армении Мравяна уполномо-

ченным по делам Нагорного Карабаха и об «аннулировании» его соответствующих полномочий.

На следующий день Кавбюро, на заседании которого присутствовали наркомы по иностранным делам, Грузии – А.Сванидзе и Азербайджана – М.Гусейнов, председатель ЦИК Азербайджана Гаджиев, нарком по военным и морским делам Грузии Ш.Элиава, вынуждены были заняться разгоравшимся конфликтом. Направило 27 июня Нариманову и Мясникову телеграмму:

«Президиум Кавбюро предлагает с получением сего немедленно выехать на экстренное заседание Кавбюро. В порядке дня вопрос о размежевании республик. В Тифлисе находится шесть членов Кавбюро. В случае Вашего неприбытия решение находящихся в Тифлисе членов Кавбюро будет считаться обязательным». ⁷⁴

Несмотря на такое категорическое требование, ответ Баку выглядел вызывающим. В тот же день Политбюро и оргбюро ЦК Компартии Азербайджана, воспользовавшись отсутствием Кирова, приняло постановление, шедшее вразрез со всеми партийными и советскими нормами. Фактически бескомпромисное: «1. В целом, вопрос о Нагорном Карабахе в постановке Бекзадяна /нарком по иностранным делам Армении, предложивший как альтернативное решение раздел Карабаха на армянский и азербайджанский – **Ю.Ж.**/.. считаем неприемлемым ввиду безусловного экономического тяготения Нагорного Карабаха к Азербайджану, в каком смысле и должен быть разрешён вопрос. 2. Поэтому предложение отделить местности с армянским и тюркским населением соответственно к Армении и Азербайджану с точки зрения экономической и административной целесообразности считать, безусловно, неприемлемым. 3. Единственным разрешением вопроса может быть широкое вовлечение армянских и мусульманских широких масс в дело советского строительства, как это явствует из декларации Нариманова». ⁷⁵

Вслед за тем в Тифлис пришло разъяснение и самого Нариманова. «Если они, – сообщил он Гусейнову из Баку по прямому проводу, – ссылаются на мою декларацию, то в декларации буквально сказано следующее: Нагорному Карабаху предоставляется право свободного самоопределения». И прозорливо добавил: «Наше решение, несомненно, будет встречено очень холодно. Я вчера беседовал с товарищем Серго /Орджоникидзе – **Ю.Ж.**/, который прямо говорит, что карабахский вопрос есть вопрос чести всех советских республик, и его нужно решить именно в том смысле, чтоб это было в последний раз». ⁷⁶

Чтобы выйти из тупика, в который завели враждующие стороны, потребовалось личное вмешательство Сталина. В самом конце июня ему пришлось приехать из Нальчика, где он проводил отпуск, в Тифлис. А там 2 июля по его настоянию было проведено не экстренное заседание Кавбюро, как предполагалось, а Совещание ответственных работников Закавказья. На него пригласили членов Кавбюро – Орджоникидзе, Кирова, Мясникова, Нариманова, Махарадзе, Орахелашвили, только что введённого в бюро М.В.Назаретяна и секретаря бюро Ю.П.Фигатнера, членов ЦК компартий: Грузии – Б.Мдивани, Ш.Элиаву, С.Кавтарадзе; Азербайджана – Д.Буниат-заде, Д.Саркиса, М.Гусейнова, М.Г.Плешакова; Армении – А.Бекзадяна, Г.Атабекова, А.Мравяна. Начальника Закавказской железной дороги Миронова. Членов ревкома Грузии – В.Квиркелия, С.Тодрия, А.Гегечкори, А.Сванидзе; Совета профессиональных союзов Грузии – Оделавадзе, Джугелия, Машкевича. Членов Реввоенсовета Отдельной Кавказской армии (ОКА), созданной двумя месяцами ранее из соединений и частей расформированного Кавказского фронта – командармов А.И.Геккера и Н.В.Лисовского, Я.И.Весника, Адно.

Орджоникидзе не стал ограничивать повестку дня карабахским вопросом, как то предполагал всего четыре дня назад. Не стал и дополнять её лишь одной, схожей проблемой – начавшимся вновь обострением отношений между Грузией и Арменией из-за зоны Лори. Выдвинул на первый план то, что оказалось более серьёзным, даже опасным для будущего края. Информационным докладом (и открывшим совещание) «О политическом положении закавказских республик» предложил «выяснить основной вопрос – о независимости Грузинской Республики, который при практическом осуществлении породил ряд недопониманий и недоговорённостей». И призвал потому участников совещания дать ответы на вопросы:

«1. В каком смысле мы понимаем независимость кавказских республик.

2. Можно ли рассматривать независимость в буржуазном понимании.

3. Могут ли быть закавказские советские республики независимы от РСФСР.

4. Могут ли быть закавказские советские республики независимы друг от друга».⁷⁷

Последовавшая затем продолжительная дискуссия и выявила то, что предполагалось – наличие в трёх компартиях «националистически-коммунистических» фракционных групп.

Подобных той, что уже была выявлена месяцем ранее в Компартии Азербайджана. Состоявшей из Д.Саркиса, О.Шатуновской, Джабиева, Р.Ахундова, Агамирова, Лордкипанидзе. Тех, большинство которых ЦК РКП(б) по просьбе Кавбюро откомандировало на работу в другие регионы (преимущественно в Россию).⁷⁸ Но равным образом проявили себя и руководители других закавказских компартий, главным образом, грузинской. Ярче всех выразил их общую позицию Буду Мдивани.

«Прав товарищ Серго, – заявил он, – когда говорил, что существуют разные понимания независимости. У нас есть своё понимание независимости и есть своя цель... Нам надо завоевать массы, и вырывание этих масс из противных нам партий есть самая определяющая цель... Национальная независимость необходима для завоевания этих масс, хотя это очень опасная вещь. Но тут, чтобы не увлечься, есть узда – партийная дисциплина, и никто не может нас заподозрить в национализме, ибо это необходимо для завоевания масс, а нам прежде всего надо перестать разговаривать о национализме...»

Как самое весомое доказательство своей правоты Мдивани привёл неудачную попытку объединить Закавказские железные дороги и Наркоматы внешней торговли. Объяснил тщетность этого всё тем же нежеланием «масс», которых загодя не подготовили, не объяснили им суть задачи. Завершил же своё выступление весьма странным призывом: «Я подчёркиваю: полная независимость в государственном смысле для вырывания масс, и самая тесная связь с партией, полное единение с РКП!».

Позицию Мдивани, так или иначе, поддерживали многие члены Компартии Грузии, присутствовавшие на совещании. Так, один из профсоюзных лидеров республики, Оделавадзе, также пытался доказать не достигнутое ещё создание Закавказской железной дороги тем, что данный шаг был преждевременным.

Думбадзе настаивал на прямо противоположном. «Мы разбрелись, – оценил он сложившуюся ситуацию. – Одни пошли в федерацию, другие – в национализм, а третьи – в слишком сильный интернационализм... Я не совсем понимаю – будет полный контакт с РКП и полная независимость?» И предложил собственный выход: «Наша масса ещё не доросла. Ей нужна ещё самостоятельность в практической жизни, самостоятельность, но не национальная независимость».

Махарадзе как член Кавбюро попытался занять некую среднюю линию. «Основной вопрос, – отметил он, – который надо разрешить, это – как мы понимаем независимость и самостоя-

тельность. Если тактика РСФСР действительно изменилась, то надо изменить и линию. Если же не изменилась, то официальное существование на Кавказе представителей ВЧК и других Наркоматов недопустимо».

Сталин оказался в весьма непростом положении. С одной стороны, он никак не мог отказаться от задуманного объединения, не мог дезавуировать и уже принятые не без его вмешательства первые решения – об объединении железных дорог, Наркомвнешторгов, о предложении создать единый хозяйственный орган края. В то же время понимал, что сопротивление, особенно в Компартии Грузии, слишком велико, чтобы настаивать на немедленном создании хотя бы единой для края экономики. И потому постарался на время встать на сторону Мдивани. Только на самый непродолжительный срок, чтобы потом найти возможность продолжать путь к единению.

«Отвечу товарищу Думбадзе, – начал он свою выступление. – Изменила ли РКП политику? Нет, не изменила. Резолюция X съезда должна проводиться, и до следующего съезда изменить нельзя.

Прения здесь ведутся хаотически. Говорили обо всём, что у кого наболело. Всё, о чём говорили, разделим на четыре вопроса. Первый – об отношении независимых республик Закавказья к РСФСР. Второй – об отношении республик Закавказья друг к другу. Третий – о характере партийной работы в Закавказье. Четвёртое – о порядке администрирования.

Первое. Отношение республик Закавказья к РСФСР выражается в независимости в смысле государственной независимости своей государственной формы при наличии партийного контакта. Примеры. Первая ступень, чисто административная, – автономия. Вторая ступень – автономные республики. Тут предполагается автономия не только административная, но и политическая. Во главе стоит СНК, издающий декреты. Наркоматы хозяйственные и военные автономных республик связаны с Наркоматами РСФСР и получают соответствующие распоряжения. Например, Башреспублика, Кирреспублика. Третья ступень – договорность республик. Во внутреннем отношении независимы, но в известных отношениях договариваются с РСФСР. Например, Украина, Белоруссия. Все Наркоматы автономны. Четвёртая ступень – полная независимость. Например, Армения, Грузия, Бухара, Хива, ДВР, хотя последняя зависит в военном отношении.

ЦК РКП в отношении Грузии и Армении сохранило полную независимость. На одном из совещаний в Москве товарищем На-

римановым был возбуждён вопрос о том, что автономия Азербайджана нужна только до советизации Грузии и Армении, но после опыты показали, что это не соответствует действительности. Полная независимость Грузии, Армении и Азербайджана была нами признана при двух соображениях.

Первое. Эти три республики отличаются от остальных тем, что трёхлетнее существование национальных правительств наложило свой определённый отпечаток, следы воспитания остались, и советизация сразу не изменила вещей. **И потому пришлось идти окольными путями** /выделено мной – Ю.Ж./. Этим они кардинально отличаются от всех остальных республик.

Второе. Признание независимости Армении и Грузии после освобождения Батума – известного порта, могущего быть связанным с иностранными фирмами, которые психологически открыто и свободно торговать с Россией не могут, потому что они обижены Россией, и что гораздо удобней открыть дорогу через Грузию. Надо использовать Грузию как свободную дорогу к иностранным фирмам. Признавая полную независимость Грузии, тем легче будет вести торговлю.

Обвинения в национализме неправильны, никакого национализма нет, если будет объявлена полная независимость при наличии тесной связи с партией.

Признание РКП независимости Грузии, Армении и Азербайджана должно быть проведено до конца. Целесообразно ли посылать представителей ВЧК и других Наркоматов? Я полагаю, что можно согласиться, что и нецелесообразно. И если вы здесь решите, что это лишнее, то РКП будет считаться. Надо подтвердить необходимость полной советской независимости Грузии, Армении и Азербайджана, сохраняя полную духовную связь с партией и Интернационалом, полную связь и зависимость.

Следы национализма в массах должны быть, так как массы вскормлены и отравлены меньшевиками. Более восемнадцати лет ведётся национальная политика, она получила полное оформление. Следы эти, безусловно, остались. Грузия – государство советское, беспартийное. Партия только руководит ответственными работниками. Наркомы могут быть и беспартийными. Почему мы отслаиваем профсоюзы от партии? Чтобы не отпугнуть беспартийную массу, а ответственные работники профсоюзов руководятся партией.

Независимость не есть наше нежелание принять помощь России. Первое мы сохраняем, а поддержку оказываем, и о всех фактах помощи надо говорить громко, и тут национальный вопрос потерпит поражение, а это значительно облегчит разреше-

ние национального вопроса. Предполагается, что советская республика должна оказать помощь другой советской республике работниками, сырьём, хлебом, топливом и другим. И это должно делаться не по-товарищески, а официально. Взаимная помощь по добровольному соглашению как равных единиц. Это должно делаться для облегчения борьбы с национализмом.

Об отношении друг к другу. Вопрос о федерации не должен быть поставлен так, чтобы освободить себя от всяких недоразумений, но вопрос об объединении хозяйственных органов поставить надо.

Например, Внешторг – взаимная услуга необходима. Если это тормозится боязнью коммунистов, что их обвинят в продаже Грузии, Армении или Азербайджана, всё равно от этого не избавиться, и придётся в пользу своих соседей сделать уступки, хотя тут и будут неудобства и недоразумения, но на этом останавливаться нельзя. Нужно руководствоваться взаимным облегчением. Создать торговый орган нужно, не изменяя интересам республики.

Объединение железных дорог также было необходимо. Взаимные отношения должны определяться взаимными услугами.

Об объединении профсоюзов мы должны рассуждать так. Предоставить волю профсоюзам. Если хотят объединяться, пусть объединяются. Если не хотят – не принуждать. Теперь – каким путём объединяться. Через ВЦСПС или Межсовпроф? Это всё равно, разницы никакой нет. С населением считаться придётся, так как населения около трёх миллионов, а коммунистов около пятнадцати тысяч. Это мало.»⁷⁹

Как и предусматривала повестка дня совещания, Сталин ни словом не обмолвился о самом жгучем – ни о границах республик, ни о спорных территориях (Карабахе, Лори), хотя именно это и являлось более чем убедительным доказательством национализма, которым оказались пропитаны насквозь чуть ли не все коммунисты края. Поступил посланец Москвы так сознательно, преднамеренно ради достижения иной цели. Добиться объединения, пусть для начала хоть того, о чём уже достигнуты соглашения – железных дорог, Наркомвнешторгов. Сделать эти (как оказалось – весьма нелёгкие) шаги, а там дело пойдёт.

Всё же своим выступлением Сталину удалось достичь намеченной цели. Почти.

Несмотря на бушевавшие в Баку, Эривани и Тифлисе страсти, участники совещания на время забыли о взаимных территориальных претензиях. Согласились считать более важным общие экономические проблемы. Правда, сочли свои права недоста-

точными, почему и постановили в ближайшее время созвать краевую «конференцию совместно с представителями ЦК РКП, ставя в порядке дня вопросы: 1. о тактике и политике нашей партии в Закавказье; 2. о положении в партии, националистическом уклоне, фракционной борьбе и т.д.; 3. о взаимоотношениях закавказских республик между собой и РСФСР».

Кроме того, попытались и дать ответы на вопросы, поставленные Орджоникидзе. Правда, далеко не на все.

На первый и второй – сочли наиболее приемлемой формулировку, предложенную Мдивани и вроде бы не отвергнутую Сталиным. Формулировку, достаточно двусмысленную по сути: «Признать необходимым проведение в жизнь независимости кавказских республик (Грузии, Армении, Азербайджана) при безусловном сохранении существующих партийных отношений между ЦК компартий этих стран и ЦК РКП». То есть их полное и безусловное, согласно уставу партии, подчинение Москве, да ещё и не напрямую, а через Кавбюро.

На третий и четвёртый вопросы (самые важные) ответ последовал, хотя и общий, но более определённый, однозначный: «Ввиду абсолютной необходимости взаимной военной и хозяйственной поддержки означенных советских республик, держащих общий фронт против империализма, признать необходимым заключение военной, торговой и хозяйственно-финансовой конвенции между кавказскими республиками и РСФСР на началах добровольности».

Но не смогли участники совещания не вспомнить о терзавших их страхах, порождённых появлением в Закавказье некоего работника ВЧК высокого ранга, якобы наделённого неограниченными правами. И тому посвятили третье и четвёртое свои постановления – просьбу к ЦК РКП «ликвидировать институт уполномоченных представителей ВЧК в Грузии, Армении и Азербайджане», «предложить ВЧК строго регламентировать деятельность Особого отдела Отдельной Кавказской армии», и вообще «не присылать впредь представителей Наркоматов РСФСР в какую-либо из закавказских республик без предварительного согласования с её ответствующим ЦК через Кавбюро ЦК РКП». ⁸⁰

Само же Кавбюро воспользовалось итогами совещания и (уже от своего имени) приняло обширную резолюцию «Об очередных задачах коммунизма в Грузии и Закавказье», датированную тем же днём, 3 июля 1921 года. В первом её разделе просто повторило первое и второе постановления совещания, правда, изъяв для печати упоминание о «сохранении существующих партий-

ных отношений». Зато позволило директивно выразить так и не согласованное – «О взаимоотношениях закавказских республик между собой» – во втором разделе. Изложило им всё то, о чём недвусмысленно говорилось и в телеграмме Ленина, и в резолюции Баксовета, и статье Сталина:

«1. Предложить ЦК компартий закавказских советских республик, Совпрофам /советам профессиональных союзов – **Ю.Ж.**/, Дорпрофсоюзам /дорожным комитетам профсоюзов железнодорожников – **Ю.Ж.**/ издать циркулярные письма подчинённым им организациям по вопросу о всемерной поддержке объединённых органов Внешторга и железных дорог, разъяснив всю важность такой поддержки в деле восстановления производственных сил закавказских республик.

2. Создать комиссию по объединению хозяйственной деятельности закавказских республик, обязав её в месячный срок предоставить свои соображения о конкретных мерах такого объединения, в первую очередь, в области мелиорации и электрификации». Не была забыта в резолюции и существовавшая, вне всяких сомнений, опасная тенденция, о которой говорили чуть ли ни все участники совещания. Угрожавшая не только намечаемому объединению Закавказья, но и просто миру в крае:

«3. Кавбюро, отмечая факты уклона в сторону национализма, проявившегося при решении вопросов о Внешторге и о территориальном разграничении республик, об упразднении таможен и контрольных пунктов, предлагает ЦК компартий закреспублик строго внушить всем представителям партии исходить при разрешении подобных вопросов исключительно из интересов братской связи трудящихся масс этих республик».

Тем самым, резолюция потребовала решительно прекратить саботаж выполнения достигнутых соглашений (пока ещё чисто формальных, остававшихся на бумаге) о полном слиянии Наркомвнешторгов. Потребовала (на основе того) и отказаться, наконец, от продолжавших действовать таможен, приносящих необоснованно огромные доходы преимущественно Грузии. Только потому, что её территория оказалась транзитной и для бакинской нефти, отправляемой для экспорта в Батум, и для российского продовольствия – голодающим жителям Армении.

Вместе с тем отметила резолюция и более тревожное явление. Вновь разгоревшиеся споры при определении и уточнении границ, начатые Грузией. Вполне понятные, даже юридически обоснованные, но только при условии, что закавказские республики в дальнейшем так и будут оставаться действительно суверенными. Совершенно бессмысленные – если учесть не-

пременную (пусть в будущем, но, без сомнения, близком) их политическую интеграцию.

Развивая это положение, Кавбюро в третьем разделе резолюции высказалось открыто и жёстко: «Деятельность националистических правительств... создала атмосферу национальной вражды и отравила сознание трудящихся масс буржуазным национализмом. Узы братства и солидарности... были разорваны. Следы шовинистической работы, вражды и недоверия до сих пор ещё не изжиты в массах».⁸¹

Однако такую нелицеприятную, но всё же слишком общую оценку сочли недостаточной, и потому Кавбюро приняло особое «Дополнение к резолюции», не подлежащее публикации в печати и вообще широкой огласке:

«Констатируя, – отмечало оно, – факт образования националистически- «коммунистических» групп в компартиях Закавказья, более сильных в Грузии и Армении, слабых по количеству и качеству в Азербайджане, и факт раздвоения наших организаций на две части, кои ведут чисто политическую борьбу (на что имеются материалы и документы), доходя до того, что переносят внутрипартийную работу в беспартийные массы рабочих и крестьян, находя, что в данный момент партийные и советские организации вследствие сильного влияния националистов- «коммунистов» переживают кризис, вследствие чего вместо дружной работы развивается политическая фракционная борьба двух групп, усиливается экономическая разруха, убавляется интернационализм. Словом, разлагается партийная организация».

Констатируя столь безрадостную картину, Кавбюро и предложило созвать краевую партийную конференцию. Ту самую, в пользу которой уже высказалось совещание. По вопросам: «1. О тактике и политике нашей партии в Закавказье. 2. О положении в партии, националистическом уклоне, фракционной борьбе. 3. О взаимоотношениях закавказских республик между собой и РСФСР».⁸²

4. Третий шаг к воссоединению

Только приняв такие резолюции, обязательные для всех коммунистов Закавказья, Кавбюро уже 4 и 5 июля перешло от общих решений к конкретным, частным. Ещё более не терпящим отлагательств.

4 июля последовало последнее предупреждение – «Подтверждая вновь своё предыдущее решение об объединении же-

лезных дорог, Кавбюро считает решение это абсолютно обязательным и не подлежащим никакому изменению». ⁸³

В тот же день был рассмотрен и карабахский вопрос, при котором, как и следовало ожидать, выявились две диаметрально противоположные точки зрения. За предложение оставить Карабах в пределах Азербайджана высказались Нариманов, Махарадзе и Назаретян, «против» проголосовали Орджоникидзе, Киров, Мясников. Тогда попытались найти согласие, рассмотрев три варианта компромисса. Проведение плебисцита во всём Карабахе поддержали только Нариманов и Махарадзе. За включение в состав Армении только Нагорной части проголосовали Орджоникидзе, Киров, Мясников. За плебисцит (лишь в Нагорном Карабахе, где подавляющую часть населения составляли армяне) – Орджоникидзе, Киров, Мясников, Назаретян – то есть большинство. Поэтому постановление гласило: «Нагорный Карабах включить в состав ССР Армении, плебисцит провести только в Нагорном Карабахе».

Принятое на основе классической демократической процедуры решение было тут же опротестовано Наримановым. «Ввиду той важности, – заявил он, – которую имеет карабахский вопрос для Азербайджана, считаю необходимым перенести его окончательное решение в ЦК РКП». ⁸⁴

Но до апелляции к Москве дело так и не дошло. Как можно предположить, тут же последовало личное вмешательство Сталина. Он (собственно, как и Орджоникидзе, и Киров) не мог допустить всплеска национализма и связанного с ним неизбежного раскола ещё и в Азербайджанской Компартии. Только потому и предложил удовлетворить необоснованные требования Нариманова, стоявших за ним других членов ЦК Азербайджана. Можно понять и мотивы, которыми руководствовались Сталин, Орджоникидзе и Киров. Скорее всего, они решили руководствоваться тем, что, по их мнению, очень скоро произойдёт объединение закавказских республик. А раз так, то не всё ли будет равно, каким окажется административное положение Нагорного Карабаха, ставшего вместе с Азербайджаном и Арменией частями грядущего целого – то ли союза, то ли федерации.

Во всяком случае, 5 июля Кавбюро при участии Сталина неожиданно вернулось к рассмотрению уже решённого карабахского вопроса и приняло постановление, отменившее принятое накануне:

«а) Исходя из необходимости национального мира между мусульманами и армянами и экономической связи Верхнего и Нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном,

Нагорный Карабах оставить в пределах АССР, предоставив ему широкую областную автономию, с административным центром в городе Шуше, входящем в состав автономной области; б) Поручить ЦК Азербайджанской Компартии определить границы автономной области и представить на утверждение Кавбюро; в) Поручить Президиуму Кавбюро переговорить с ЦК Армении и ЦК Азербайджана о кандидате на чрезвычайкома /чрезвычайного комиссара – **Ю.Ж.**/ Нагорного Карабаха; г) Объем автономии Нагорного Карабаха определить ЦК Азербайджана и представить на утверждение Кавбюро».⁸⁵

Гарантией того, что права армян Нагорного Карабаха не будут ущемлены ни в малейшей степени, служило положение Кирова. Как руководитель Компартии Азербайджана, он мог и должен был добиться соответствующих решений «своего» ЦК.

Два дня спустя Кавбюро приняло ещё одно постановление по столь же острому территориальному спору. Как бы компенсировало Армению за понесённую ею потерю. Большинством в шесть голосов при одном воздержавшемся (Махарадзе) установило: «Вся нейтральная зона /Лори, оспариваемая Тифлисом и Эриванем – **Ю. Ж.**/ входит в состав ССР Армении». Правда, Ахалкалакский и Храмский районы, примыкавшие к Армении с северо-запада, на которые Эривань также претендовала, оставили в составе Грузии.⁸⁶ Кроме того, Тифлису посулили (но весьма неопределённо) и бывший Сухумский округ. Кавбюро, выслушав доклад председателя ревкома Абхазии Е.Эшбы, постановило: «Партийную работу вести в направлении объединения Абхазии с Грузией в форме автономной республики, входящей в состав ССР Грузии».⁸⁷

Обещание территориального расширения Грузии сопровождалось налётами на крупные кадровые перестановки в партийном руководстве республики, которые, скорее всего, могли последовать очень скоро. Произойти, но в том случае, если бы оппозиция продолжала противиться объединению. Для того Кавбюро, с одной стороны, отклонило заявления о выходе из состава ЦК Грузии шестерых из десяти его членов. И тех, кто счёл «Дополнение к резолюции» слишком мягким, потворствующим националистам – М.Назаретяна, Ш.Элиавы, С.Кавтарадзе. И тех, кто посчитал её неоправданной, излишней – Б.Мдивани, М.Торошелидзе, П.Цинцадзе. Но, с другой стороны, было объявлено о том, что Орджоникидзе, Кирову и Нариманову поручено сформировать новый состав ЦК.⁸⁸

Тем временем Сталин взял на себя малоприятную обязанность разъяснить суть как постановлений только что прошед-

шего совещания, так и резолюций краевого партийного органа рядовым членам Компартии Грузии. Выступил 6 июля на тифлисском городском партсобрании. Сначала обрисовал общую экономическую ситуацию. Объяснил причины, вынудившие советские республики налаживать торговые отношения со вчерашними врагами – развитыми странами Запада. Лишь затем перешёл к сути доклада. И опять же, начал с самого простого, понятного каждому:

«Совершенно изолированное существование Советской Грузии, как и всякой другой советской страны,.., немыслимо как с точки зрения военной, так и с точки зрения хозяйственного развития». Ведь она «нуждается, не может обойтись без русского хлеба,.. нуждается для поддержания транспорта и промышленности в нефтяных продуктах Азербайджана,.., нуждается в помощи России золотом для покрытия дефицита в товарном бюджете».

Но далее, сознательно нарушив логику изложения, затронул самое неприятное, болезненное для слушателей. «Нельзя, – сказал Сталин, пытаясь воззвать к разуму участников собрания, – не считаться со своеобразными условиями национального состава населения Грузии, в силу которых значительный процент этого населения составляют армяне, а в Тифлисе – в столице Грузии – даже около половины всего населения, что, несомненно, обязывает Грузию, при любой форме управления вообще, при советском же режиме в особенности, сохранить как с армянами в Грузии, так и с Арменией безусловный мир и братское сотрудничество».

После того вернулся к экономическим проблемам. «Конкретные условия, – продолжал Сталин, – обязывают Грузию так же, как советские Армению и Азербайджан, установить между собой некое единство хозяйственной деятельности, некое объединение хозяйственных усилий по линии, скажем, усиления транспорта, совместного выступления на внешних рынках, постановки мелиоративных работ (орошение, дренаж) и тому подобное». Словом, повторил уже изложенное и в подписанных (но так и не действующих) постановлениях, и в резолюции Кавбюро. Но тут же вернулся к национальным отношениям:

«Существуют некоторые условия, созданные за последние два-три года, мешающие такому объединению. Я говорю о национализме – грузинском, армянском, азербайджанском, страшно усилившемся за последние годы в Закавказье и тормозящем дело объединения... Среди рабочих и крестьян развился национализм, усилилось чувство недоверия к своим интернациональным товарищам. Антиармянского, антитатарского,

антигрузинского, антирусского и всякого другого национализма теперь хоть отбавляй».

Напомнил Сталин о кровопролитных междоусобных войнах последних трёх лет, о разрыве исторически сложившихся экономических связей, что привело к нищете, а то и к голоду. И снова вернулся к проблемам той самой республики, перед гражданами которой он выступал.

«Задачей коммунистов Грузии, – убеждал Сталин аудиторию, – является беспощадная борьба с национализмом, восстановление старых братских интернациональных уз, существовавших до появления националистического меньшевистского правительства, и создание, таким образом, здоровой атмосферы взаимного доверия, необходимой для объединения хозяйственных усилий закавказских советских республик и для хозяйственного возрождения Грузии».

Сталин всё время подчёркивал, что речь идёт об объединении лишь экономическом, хотя его слушатели должны были отлично понимать, что оно, рано или поздно, приведёт и к политической интеграции края. Потому пояснил, дабы не вызвать преждевременного массового активного сопротивления:

«Это не означает, конечно, что не должно быть больше независимой Грузии или независимого Азербайджана и прочего». Заодно опроверг и те идеи, о которых говорили на совещании леворадикалы вроде Кавтарадзе и Думбадзе. «Циркулирующий среди некоторых товарищей проект, – твёрдо заверил Сталин, – восстановления старых губерний – Тифлисской, Бакинской, Эриванской – с единым закавказским правительством во главе является, на мой взгляд, утопией, причём утопией реакционной, ибо такой проект, несомненно, исходит из желания повернуть назад колесо истории. Восстановить старые губернии и ликвидировать национальные правительства в Грузии, в Азербайджане, в Армении – всё равно, что восстановить помещичью собственность на землю и ликвидировать завоевания революции».

Говоря так, Сталин ничуть не кривил душой, никого не собирался обманывать или вводить в заблуждение. К этому времени он окончательно убедился, что сначала возникновение в 1917 году автономных национальных территорий, а затем, на их основе, и независимых государств, просуществовавших как суверенные три года, не прошло бесследно. Да и деятельность ведомства Чичерина, слишком серьёзно воспринимавшего юридический статут советских республик на протяжении всего минувшего года, всё ещё давали о себе знать.

Вернуться к своим прежним идеям Сталин при всём своём

желании уже никак не мог, ибо смотрел правде в глаза. Ему приходилось теперь балансировать между верностью марксистским доктринам и интересами возрождавшегося государства, не выпуская из виду главное – восстановление единства страны. Пусть пока только как экономического союза.

«Чтобы рассеять атмосферу взаимного недоверия, – втолковывал член Политбюро слушателям, – и восстановить узы братства между рабочими национальностей Закавказья и России, именно для этого необходимо сохранить независимость как Грузии, так и Азербайджана и Армении. Это не исключает, а, наоборот, предполагает необходимость хозяйственной и иной поддержки, так же как и необходимость объединения хозяйственных усилий независимых советских республик на началах добровольного соглашения, на началах конвенции».⁸⁹

Речь в Тифлисе стала четвертым выступлением Сталина по национальному вопросу за полгода. И все они, начиная с февральского, на съезде РКП(б), были предельно идентичными. Их суть не менялась в угоду сиюминутной конъюнктуре. Скажем, советизации сначала Армении, а затем и Грузии. Потому ни у кого не оставалось сомнений, что в основе их лежит твёрдая, продуманная линия. Но линия совершенно новая, ничуть не похожая на ту, что Сталин отстаивал чуть более года назад.

Для него путь к воссоединению просто стал иным – более долгим, «окольным», по его собственному выражению. А само единство виделось уже не в форме федерации областных объединений, что предусматривала действовавшая Конституция РСФСР. Нет, теперь – при вынужденном сохранении национальных республик, как автономных, так и независимых, но непременно связанных между собой соглашением о создании единого экономического органа для всех без исключения. Вместе с тем, предполагал Сталин – как столь же необходимое, даже обязательное – ещё и объединение военных и внешнеполитических ведомств. Правда, о них он сказал как бы между прочим, не конкретизируя, назвав «иной поддержкой».

Базироваться такая необычная конструкция, весьма напоминающая развалившуюся Австро-Венгрию, должна на общности политической системы – Советской власти, о чём Сталин не устал говорить, начиная с конца 1917 года. Скрепляться же, и предельно жёстко, – единой для всей территории бывшей Российской Империи партией – РКП(б). Потому-то, в частности, компартии и Грузии, и Армении, и Азербайджана оставляли, как и до революции, всего лишь её местными организациями. Бо-

лее того, объединёнными краевым органом, Кавказским бюро ЦК РКП(б).

Вопрос, следовательно, стоял предельно просто. Будет в партии единство, будет единой и страна.

Собственно, для достижения той же цели было создано и Краевое закавказское партсовещание, что предусматривало решение Совещания ответственных работников, проведённое в Тифлисе с 12 по 14 августа. Чтобы исключить любую возможность для проявления открытых разногласий, на него выдвинули сорок три делегата, но, вопреки названию совещания, не только от Азербайджана, Армении, Грузии и всё ещё не обретшей юридического статуса Абхазии, но и от российских автономий – Дагестана, Горской Республики и отделившейся от неё незадолго перед тем, 6 июня, Кабарды. Кроме того, на совещании присутствовали представители ВЦСПС и политуправления Красной Армии.

Результаты такой организации не замедлили сказаться. Партсовещание продемонстрировало полное единство взглядов, которое и позволило принять важные, хотя и не несущие чего-либо нового, резолюции. Первая призвана была попытаться изначально обеспечить хозяйственное единство Закавказья с РСФСР, почему и потребовала: «Республики Кавказа /то есть включая автономии РСФСР – **Ю.Ж.**/ не замедлят подписать формальное соглашение о Кавказском экономическом союзе, а Кавбюро назначит временный, до Кавказского экономического съезда, Кавказский экономический Совет».

Вторая резолюция носила принципиально иной характер, связанный уже с чисто локальной проблемой. Объясняла своеобразие, даже некую исключительность Азербайджана, Армении и Грузии:

«В области внутренней политики на первый план выдвигается задача дальнейшего упрочения братской солидарности трудящихся масс на основе тесного экономического объединения. **Для преодоления пережитков национализма Коммунистическая партия вынуждена совершенно сознательно идти на некоторые временные уступки националистическим стремлениям масс**, что преследует цель безболезненного изживания шовинистического яда, оставленного в наследство меньшевиками, дашнаками и мусаватистами. Эти уступки ни в коей мере не должны отражаться на ясности и устойчивости наших принципов внутри партии. Забвение этого ведёт к тому, что некоторые товарищи, идя на уступки до конца, сами подпадают под влияние национализма. Наша партия обязана самым решительным образом вести борьбу против такого уклона, в корне

пресекая попытку политики временных уступок политике мелкобуржуазных националистов.

Независимость советских республик Кавказа /имелось в виду лишь Закавказье – **Ю.Ж.**/ является для нас фактором борьбы в международном отношении, фактором борьбы с национальной ограниченностью и отсталостью. Независимость отнюдь не означает разъединения трудящихся Кавказа... Преуспевание кавказских республик тесно связано с экономической целостностью Советского Кавказа. Республики не могут быть отделены друг от друга экономическими границами, ибо Советский Кавказ идёт к единому хозяйству. Вопрос о хозяйственном единстве республик практически стоит на очереди». ⁹⁰

Так выявилась правота Сталина. Правота его утверждений, сделанных ещё весной 1917 года, – о том, что основой новых территориальных объединений должны стать исторически сложившиеся экономические связи, а не национальная общность населения. Тогда же обнаружилось и иное, весьма неприятное для Ленина и других членов ПБ, скорректировавших тезисы Сталина по национальному вопросу, вынесенных на рассмотрение X съезда партии. Всего через три с половиной месяца оказалось, что нигде, кроме Туркестана (да и то лишь по словам делегатов от этого края) нет и речи о «великорусском шовинизме». Зато повсюду заставляет говорить о себе «националистический уклон». Тот самый, которым в угоду умозрительным представлениям, почерпнутым из австро-венгерского марксизма, пытались всего лишь уравновесить призывы к борьбе с «русским». Заигрывали, тем самым, с теми, кого в Закавказье называли «националистами-коммунистами».

Торопясь ускорить события, Кавбюро уже 16 августа своим решением поспешило оформить собственное предложение, двумя днями ранее одобренное партсовещанием. Признало необходимым как можно скорее создать краевой хозяйственный орган – «Экономическое бюро Закавказских республик, которое является по отношению к объединённым Внешторгу и железным дорогам, к электрификации и мелиорации органом направляющим и руководящим». Отметило: «Все постановления Экономического бюро Закавказских республик обязательны для правительств республик, с которыми Экономическое бюро сносится непосредственно по всем вопросам»

Чтобы в Баку, Эривани и Тифлисе не восприняли новую организацию лишавшей их последних остатков суверенитета, в решении сделали оговорку: «В тех случаях, когда правительство той или иной республики находит неприемлемым для себя

какое-либо постановление Экономического бюро, оно вправе воздержаться от выполнения постановления Экономического бюро сроком на семь дней, в течение которых апеллирует к Экономическому бюро».⁹¹

Получив сообщение о принятом решении, Сталин незамедлительно вынес на рассмотрение ПБ предложение «О создании Экономического бюро Закавказских республик». Нет, он не собирался присваивать чужое достижение. Попытался поддержать Кавбюро, дабы потом никто не смог бы предложить обратиться в Москву. И добился желаемого. ПБ 24 августа приняло собственное решение: «ЦК считает целесообразным объединение хозяйственных сил республик Закавказья и, одобряя соответствующее решение Кавбюро о создании объединённого органа, оставляет протест группы ответственных сотрудников без последствий».⁹²

Кто такие «ответственные сотрудники», разъяснил своей телеграммой уже Молотов. Объяснил, что, хоть и с большим опозданием, ПБ подтвердило решение Кавбюро от 3 июня о снятии с работы и переводе в другие регионы Каминского, Шатуновской и других членов фракции, выступавших против политической и хозяйственной интеграции края.⁹³

Развивая несомненный успех, Кавбюро 4 сентября потребовало в недельный срок упразднить, наконец, всё ещё действовавшие национальные внешторги.⁹⁴ На следующий день, не дожидаясь реакции Азербайджана, Армении и Грузии, образовало собственный экономический отдел, наделив его функциями Экономического бюро, а руководство им возложило на Орджоникидзе, Кирова и Назаретяна.⁹⁵ Тем самым, пресекло возможность продолжать «итальянскую забастовку», во время которой республиканские власти с готовностью подписывали любые соглашения, но и не думали их выполнять.

Воссоединение Закавказья вступило в новую фазу, вплотную приблизившись к завершению. И всё же, чтобы не только утвердить хозяйственное единство, но и сделать его необратимым, следовало окончательно искоренить любые поводы для территориальных споров и конфликтов. Для того ещё 15 августа Кавбюро обязало Азербайджан, Армению и Грузию подписать договоры о границах, и тем чисто юридически отказаться от дальнейших претензий. Однако достичь того удалось только в ноябре.⁹⁶ Да и то, благодаря урегулированию вопросов – о Нахичевани, Южной Осетии и Абхазии.

31 октября Лигану, официальному представителю РСФСР в Закавказье, Кавбюро поручило (как человеку, окончившему

юридический факультет Казанского университета) разработать Конституцию Нахичеванской ССР. Закрепив Основным законом своеобразное положение этой республики. С одной стороны, равнозначно отдалённой (как от Баку, так и от Эривани). Но с другой – остающейся в составе Армении. Вместе с тем, чтобы гарантировать столь необычный статус, в республике расквартировали одну из частей ОКА, а члена её Реввоенсовета утвердили уполномоченным при председателе СНК Нахичевани Кадымове.⁹⁷

В тот же последний день октября увидело свет ещё одно постановление Кавбюро, решавшее сходную задачу. Южной Осетии придали статус автономной области Грузии, поручив облисполкому и республиканскому ревкому определить административные границы нового национально-территориального образования.⁹⁸

Более продолжительный срок потребовался для решения судьбы Абхазии. Всё ещё существовавшей как независимая Социалистическая Советская Республика, но которую Грузия безосновательно считала своей неотъемлемой частью со времён захвата весной 1918 года. Чтобы оформить присоединение бывшего Сухумского округа, в Тифлисе готовы были пойти на создание Грузинской Федерации. Благо, 14 июля Аджария стала автономной республикой, Юго-Осетия – автономной областью...

Не поддерживая такой план, но прямо и не отвергая его, Кавбюро образовало 1 ноября комиссию. Включило в неё (председателем, как совершенно незаинтересованное лицо) Леграна, от Абхазии – председателя её ревкома Е.Эшбу, от Грузии – наркома по военным и морским делам Ш.Элиаву. Им поручили, ни в коем случае не предпринимая решения, «приступить к выработке договора о взаимоотношениях между Грузией и Абхазией».

Две недели спустя комиссия пришла к заключению: «считать экономически и политически нецелесообразным существование независимой Абхазии». Только тогда, 16 ноября, Кавбюро предложило Эшбе «представить своё окончательное заключение о вхождении Абхазии в состав федерации Грузии – на договорных началах или – на началах автономной области в состав РСФСР». Предревкома размышлял две недели и принял решение сам. Не обсудив в Сухуме, не проведя даже подобия референдума. Предпочёл более высокий статус и 24 ноября подписал договор с Грузией.

Было установлено:

«1. Социалистическая Советская Республика Грузия и Социалистическая Советская Республика Абхазия вступают между собой в военный и финансово-экономический союз.

2. Для осуществления указанной в предыдущем пункте цели оба правительства объявляют объединёнными комиссариаты:

а) военный, б) финансов, в) народного хозяйства, г) почт и телеграфа. Примечание. Иностранные дела остаются целиком в ведении Социалистической Советской Республики Грузии...

3. Объединённые Наркоматы обеих республик входят в состав ревкома ССРГ.

4. Порядок и форма внутреннего управления объединённых комиссариатов устанавливаются особым соглашением обоих правительств.⁹⁹

В знак признательности ЦК Компартии Грузии в тот же день ввёл Эшбу в свой состав «на правах полноправного члена»,¹⁰⁰ однако до создания собственной федерации дело так и не дошло. Ещё начиная работать в Абхазской комиссии, 3 ноября Элиава неожиданно для всех предложил Кавбюро рассмотреть иной проект. О Закавказской Федерации, «объединив хозяйственную и финансовую, военную и иностранную политику в лице Союзного Совета».¹⁰¹

Сообщив о том Сталину, Орджоникидзе вызвал в Москве нешуточную панику, порождённую тем, что резолюция Кавбюро в ЦК так и не поступила. Поэтому Молотову пришлось запросить «основные резолюции пленума Кавбюро о мотивах образования федерации», потребовать «ускорить присылку этой резолюции»¹⁰². Взволновались и Чичерин, и Троцкий. Сообща подготовили постановление ПБ, утверждённое 17 ноября:

«А. Немедленно сообщите, что именно вы постановили по вопросу о создании Закавказской Федерации, как представляете себе взаимоотношения Союзного Совета Закавказской Федерации с РСФСР. Заключение ЦК будет выслано по получении от вас материалов.

Б. В отношении военной конвенции ЦК предлагает нижеследующее: I. оформить военные отношения РСФСР с Азербайджаном, Арменией и Грузией путём военной конвенции, которой фактически предоставили бы Реввоенсовету республики /то есть лично ему, Троцкому, как Председателю РВСР – **Ю.Ж.**/ всю полноту прав в отношении постановки военного дела, в трёх закавказских республиках во всех отношениях...

Поручите тов. Орджоникидзе лично провести эту конвенцию с необходимой энергией в короткий срок, обеспечив заранее решение партийным путем».¹⁰³

Скорее всего, из-за отвратительной работы телеграфа, медленной работы шифровальщиков (как в Москве, так и в Тифлисе) – но ответил Орджоникидзе только 24 ноября: «Вопрос о

военной конвенции был решён на пленуме, „ уже проводится в жизнь». Затем повторил посланное двумя неделями ранее основное решение:

«Образовать Союзный Совет, избираемый конференцией представителей правительств и объединяющий экономические, финансовые, военные, иностранные комиссариаты, также связь и инспекцию упразднённых указанных республиканских комиссариатов. При Союзном Совете создаётся Экономсовет, Союзный Совет федерируется с РСФСР по типу Украины. Образована комиссия по выработке Конституции Союзного Совета».

А спустя два дня в Москву ушла и столь требовавшаяся резолюция Кавбюро:

«...Политическое объединение даст возможность республикам на деле установить между собой тесный хозяйственный союз, попытки к заключению которого делались неоднократно. Между тем хозяйственная разобщённость республик усугубляла и без того тяжёлое экономическое положение Закавказья, нищету и разорение народных масс и вызывало целый ряд недоразумений между республиками. Закавказье представляет из себя единое хозяйственное целое, и его экономическое развитие может идти лишь под знаком общезакавказского хозяйственного объединения.

Наконец, существование многочисленных Наркоматов и учреждений в трёх республиках поглощает много сил и средств, создаёт ненужный параллелизм в работе во многих органах. Поэтому администрирование общими усилиями в главных и важнейших отраслях государственной жизни усилит и оплодотворит советскую работу.

Исходя из этого, Кавбюро считает неотложно необходимым заключение федеративного союза между республиками, прежде всего, в отношении военной, хозяйственной и финансовой работы и иностранной политики». ¹⁰⁴

Изучив пришедшие в ЦК материалы, выразил своё мнение о них и Сталин. Именно он подготовил проект ожидаемого в Тифлисе заключения ЦК (разумеется, положительного), но прежде чем выносить его на утверждение ПБ, отправил в «Горки», Ленину. И 28 ноября получил ответ.

«Тов. Сталин! Я согласен с Вами в основном. Но думаю, что надо формулировать чуточку иначе:

1. Признать федерацию закавказских республик абсолютно правильной и безусловно подлежащей осуществлению, но в смысле немедленного практического осуществления преждевременной, то есть требующей нескольких недель для обсужде-

ния, пропаганды и советского проведения снизу.

2. Предложить Центральным Комитетам Грузии, Армении и Азербайджана через Кавбюро поставить вопрос о федерации пошире на обсуждение партии и рабочих и крестьянских масс, энергично вести пропаганду за федерацию и провести её через съезды Советов каждой республики; в случае большой оппозиции точно и своевременно донести ЦК РКП». ¹⁰⁵

Получив поправки, Сталин, более осведомлённый в закавказских делах, предложил на усмотрение Ленина свои исправления:

«Против Вашей резолюции не возражаю, если согласитесь принять следующую поправку. Вместо слов «требующей нескольких недель обсуждения» (п. 1) сказать «требующей известного периода времени для обсуждения» и т.д. согласно Вашей редакции. Дело в том, что «провести» федерацию в Грузии «снизу», в «советском порядке», в несколько недель нельзя, т.к. в Грузии Советы только начинают строиться, они ещё не достроены (месяц назад их не было там вовсе), и созвать там съезд Советов в «несколько недель» немыслимо. Ну, а федерация без Грузии будет бумажной федерацией. Думаю, что нужно положить 2-3 месяца для того, чтобы идея федерации одержала победу в широких массах Грузии. В противном случае мы только облегчим работу меньшевиков и прочих националистов.

Сталин. 28.11.

Если примете поправки, завтра, я думаю, можно будет голосовать в ПБ без прений».

В тот же день Ленин сообщил: «Я принимаю эту поправку т.Сталина». ¹⁰⁶ Поэтому 29 ноября, как и предполагал Сталин, решение было утверждено и направлено Орджоникидзе.

Между тем события в Закавказье стремительно развивались. Ещё 6 ноября Кавбюро, не дожидаясь одобрения Москвы, опубликовало в центральных газетах Баку, Эривани и Тифлиса резолюцию о федерации. Вслед за тем, явно для подстраховки, для исключения возможной сильной оппозиции своим планам, переформировало 11 и 14 ноября (на что оно обладало необходимыми правами) Центральные Комитеты компартий Армении и Грузии. ¹⁰⁷ И только затем развернуло активную пропаганду, призывая всё население Закавказья поддержать создание федерации.

Превентивная мера, как оказалось, вполне оправдала себя. ЦК, ЦИКи трёх республик и Совнаркомы Азербайджана и Армении безоговорочно присоединились к планам Кавбюро объединить край не только экономически, но и политически. «Против»

выступило только правительство (ревком) Грузии, возглавляемое Б.Мдивани. Но созданную им немногочисленную оппозицию удалось нейтрализовать весьма просто. Резолюцией пленума ЦК Компартии Грузии, принятой 25 ноября:

«Немедленно приступить к фактическому претворению в жизнь уже принятого решения о федерации – объединению Народных Комиссариатов финансов, иностранных дел и военного, формально сохраняя эти национальные комиссариаты до декларирования объединения на съезде Советов. Созвать совещание представителей республик для обсуждения формы организаций Союзного Совета и выделения Временной комиссии на правах Союзного Совета».¹⁰⁸

К тому же призвало и проведенное тифлисским горкомом партии собрание, на котором две тысячи участников единогласно утвердили воззвание ко всем трудящимся республики. «Рабочие и крестьяне, – отмечало оно, – Советского Азербайджана и Советской Армении с радостью приветствуют такое объединение, такую федерацию братских народов Закавказья. Трудящиеся Грузии, без сомнения, ответят им выражением своей готовности к объединению в общую революционную рабоче-крестьянскую семью».¹⁰⁹

В тот же день, 25 ноября, завершила работу Конституционная комиссия, в которой интересы Азербайджана представлял нарком земледелия С.М.Эфендиев, Армении – председатель Республиканского экономического Совета С.Л.Лукашин (Скрапионян), Грузии – Ш.Элиава, а юридическим консультантом являлся Б.В.Легран. Подготовленный ими проект Основного закона выразил суть федерации (она же – союз) так:

«1. Высшей властью союза республик является полномочная конференция представителей, избираемых в равном числе правительствами Азербайджана, Армении и Грузии.

2. Исполнительным органом полномочной конференции является Союзный Совет, члены которого избираются и отзываются конференцией.

3. В ведение Союзного Совета переходят военные дела, финансы, иностранная политика, внешняя торговля, пути сообщения, народная /так в тексте! – **Ю.Ж.**/ связь, борьба с контрреволюцией и руководство экономической политикой на территории договаривающихся республик».

В соответствии с последним пунктом предусматривалось образовать пять Наркоматов, управление путей сообщения (то есть Закавказской железной дороги), Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией.¹¹⁰ Словом, проект Конституции

повторял практически всё то, что уже было изложено в резолюции Кавбюро.

Теперь оставалось лишь собрать полномочную конференцию для провозглашения Закавказской Федерации. Однако решение Политбюро заставило отсрочить образование нового советского государства на предписанные «два – три месяца». До, как оказалось, 12 марта, хотя до тех пор всё же действовал образованный 8 декабря краевой Экономический совет.

6. Фальстарт Чичерина

В четверг, 5 января 1922 года, на очередном заседании Политбюро приняло малопонятное, но только для непосвященных в тайны большой политики, решение. Потребовало срочно образовать при НКИДе комиссию «для изучения вопросов, связанных с возможностью переговоров». Утвердило в её составе людей весьма высокого уровня. Председателем – наркома иностранных дел Г.В.Чичерина, членами – его заместителя М.М.Литвинова, полпреда РСФСР в Германии Н.Н.Крестинского, исполняющего обязанности наркома финансов Г.Я.Сокольникова, заместителя наркома внешней торговли А.М.Лежаву и бывшего полпреда в Берлине, а ныне председателя Туркестанского бюро ЦК РКП(б) А.А.Иоффе. И предложило «послать т.Красину / наркому внешней торговли и одновременно торгпреду в Великобритании – **Ю.Ж.**/ телеграмму с сообщением об образовании комиссии, рекомендовав ему свои соображения направить в эту комиссию, сообщив также, что твёрдый список делегатов будет установлен на основании работы этой комиссии».¹¹¹

Что за «возможные переговоры», для которых нужно срочно согласовать «список делегатов», да ещё почему его нужно согласовывать именно с Красиным, в решении не уточнялось. Скорее всего, члены Политбюро сочли конкретные объяснения преждевременными даже для документа, остававшегося секретным. Только три дня спустя, когда прежде возможное стало реальностью, недоговорённость исчезла. Пропала, ибо стала секретом Полишенеля.

Оказалось, что 6 января в небольшом французском городке Канны, расположенном в Нормандии (и известном разве что своей яблочной водкой – кальвадосом), началось одно из последних заседаний Верховного Совета. Антанты. Встреча всё ещё полагавших себя вправе определять судьбы если и не всего мира, то, во всяком случае, континента. Европы. Премьеров

Франции – Аристиды Бриана, Великобритании – Дэвида Ллойд Джорджа, Италии – Ивано Бомони. Вознамерившихся окончательно согласовать состав участников, дату и место Общеευропейской конференции, о безусловной необходимости которой они договорились загодя.

Задуманной конференции предстояло стать наиважнейшей после Парижской, ибо на ней следовало открыть новую главу мировой истории. Безотлагательно разрешить крайне острую для победителей проблему: как же добиться от поверженной Германии выплаты репараций. Гигантской суммы, определённой только 5 мая 1921 года – 135 миллиардов довоенных (то есть золотых) марок.

Вместе с тем, три премьера собирались внести на обсуждение предстоящей конференции ещё один, не менее значимый для них, но более сложный вопрос. Наметить пути восстановления разрушенной войною экономики, а вместе с ней, разумеется, и торговли континента, особенно Центральной и Восточной Европы. То есть всё той же Германии, дабы она смогла выплатить репарации в полном объёме, а также и стран, возникших на руинах двуединой монархии. Заодно добиться в регионе политической стабильности, сделать в будущем невозможными революции, мятежи, путчи, и ещё предотвратить казавшееся тогда неизбежным вооружённое столкновение Германии и Польши из-за Верхней Силезии и Данцигского коридора.

Кроме того, только Ллойд Джордж в одиночку постарался извлечь из казавшейся ему максимально благоприятной ситуации всё возможное, чтобы закрепить свой новый курс. Начатый ещё 16 марта 1921 года подписанием торгового договора с РСФСР, почему и находился в Лондоне Красин. Для того же сделать законными участниками Европейской конференции полномочных делегатов Советской России. Страны, остававшейся пока политическим изгоем. А использовать для того, как своеобразную приманку, ноту НКИДа от 28 октября 1921 года – о готовности обсудить вопрос о признании царских долгов, но только довоенных. Да ещё лишь в том случае, если Совнарком РСФСР получит гарантии прекращения любых действий, угрожающих безопасности всем советским республикам и ДВР. Иными словами, признание неприкосновенности их границ и подписание со Страной Советов окончательного мирного договора.¹¹²

Так как в возвращении царских долгов более других была заинтересована Франция, то уже в первый день каннского совещания вопрос об участии в предстоящей конференции РСФСР (но только её одной) три премьера решили положительно. Как

и в Париже, в 1919-1920 годах, когда Верховный Совет Антанты вершил судьбы мира, он желал иметь дело только с одной Россией. Безразлично, монархической или республиканской, но лишь с ней одной, а не с её осколками.

7 января в Москву поступила телеграмма, направленная из Рима. «Вследствие принятого на днях Верховным Советом решения – говорилось в ней, – в Италии в марте месяце созывается экономическо-финансовая-конференция. Итальянское правительство в согласии с Великобританским правительством считает, что личное участие в этой конференции Ленина значительно облегчило бы разрешение вопроса об экономическом равновесии Европы».

На следующий день в Рим ушла ответная депеша, подписанная Чичериным: «Российское правительство с удовлетворением принимает приглашение на Европейскую конференцию, созываемую в марте месяце. Выбору российской делегации будет предшествовать Чрезвычайная сессия ВЦИК, которая снабдит её самыми широкими полномочиями...»¹¹³

Дальнейшее достаточно хорошо известно. Европейская конференция открылась с небольшим запозданием, 10 апреля. А через шесть дней тайные переговоры, начатые К.Б.Радеком с германским руководством в Берлине,¹¹⁴ успешно завершились в Италии. Вальтер Ратенау, министр иностранных дел Германии, и Георгий Васильевич Чичерин подписали двусторонний договор, означавший для Советской России не только долгожданный выход из политической изоляции, но и своеобразный реванш за позор Брестского мира. Договор о восстановлении полнообъёмных дипломатических и торговых отношений между двумя странами. Договор, названный Раппальским по месту его заключения – пригорода Генуи, в которой и проходила Европейская конференция.

На фоне столь блестящей победы советского внешнеполитического ведомства совершенно незаметным оказался провал Чичерина в ином начинании, о чём, правда, знали очень немногие. Неудача его личной попытки форсировать объединение девяти независимых братских республик (юридическое оформление Закавказской Федерации к тому времени ещё не завершилось) в едином государстве. Для того нарком и воспользовался содержанием шифротелеграммы Красина, отправленной из Лондона ещё 28 декабря минувшего года. Конфиденциально информировавшей и о созыве Общеввропейской конференции, и о твёрдом намерении Ллойд Джорджа видеть среди её участников посланцев РСФСР, что означало «окончательное признание Советского правительства».¹¹⁵

Основываясь на этой телеграмме, Чичерин и инициировал решение ПБ от 5 января. А после того посчитал, что для восстановления единства страны получил более чем веский довод. Глава НКИДа рассуждал так, как ему подсказывал опыт профессионального дипломата. Его отчизна и без того утратила изрядную часть своей территории (Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу, ставших независимыми), и если теперь, на конференции, предстанет не единая Россия, а некий конгломерат из восьми или девяти государств, то отношение к ним будет соответственным. Как к малым, слабым, ничего не значащим странам.

Чичерин больше не собирался заниматься теоретическими аспектами национального вопроса, дискутировать на эту тему со Сталиным. Всего лишь счёл себя обязанным защищать, отстаивать национальные интересы России. Только в том и видел свой долг, почему и попытался сделать всё возможное, чтобы предельно усилить роль, значимость будущей делегации.

Комиссия, образованная решением Политбюро под председательством Чичерина (следовательно – под непосредственным и очень сильным его влиянием) уже 9 января, сразу же после официального согласия Советского правительства участвовать в Европейской конференции, одобрила предложение, подготовленное Г.Я.Сокольниковым. Признававшее необходимым сформировать единую – не только по существу, но и формально – делегацию. Для того же незамедлительно провозгласить вхождение в состав РСФСР всех остальных советских республик – Белорусской, Украинской, Азербайджанской, Армянской, Грузинской, Хорезмской, Бухарской, а также ДВР.

Правда, по поводу только Бухары и Хивы Иоффе высказал особое мнение. Счёл их присоединение к России более чем преждевременным,¹¹⁶ так как знал и сам, и был согласен с мнением замнаркома Карахана. Высказавшегося весьма откровенно: «Мы знаем, что степень признательности населения к образовавшимся вместо эмира правительствам определяется количеством русских штыков, находящихся в этих республиках».¹¹⁷

Настаивая на немедленном воссоединении, члены комиссии не учитывали многого. Во-первых, присоединение Бухары и Хивы стало бы нарушением договора с Афганистаном, подписанным 28 февраля 1921 года. Точнее – статьи 8-й, гарантировавшей независимость двух среднеазиатских государств, «какая бы форма правления там не существовала».¹¹⁸ Но Иоффе обосновывал своё особое мнение не только этим. Только что вернувшийся из Туркестана, он правильно оценил угрозу вспыхнувшего в Фергане и Восточной Бухаре мятежа, поднятого бежавшим из Тур-

ции генералом Энвер-пашой. Небезосновательно предполагал, что фактическая аннексия среднеазиатских республик позволит Кабулу на вполне законных основаниях вмешаться в события и поддержать силой мятежников.

Во-вторых, члены комиссии, недавние кабинетные теоретики, только начавшие постигать на практике азы управления государством, не приняли во внимание и особое положение ДВР. Созданной только для того, чтобы предотвратить прямое столкновение Красной Армии с японскими войсками, продолжавшими оккупировать весь Дальний Восток. Потому скоропалительное предложение, осуществившись оно, легко могло привести к боевым действиям за Байкалом. Новой войне – именно тогда, когда ещё не удалось справиться с начавшимся в январе профинским восстанием в Карелии, когда мятеж Энвер-паши грозил перекинуться на советский Туркестан.

В-третьих, никто в комиссии, так жаждавшей восстановления единства страны, не обратил должного внимания и на иное. На имевшееся у руководителей советских республик, уже вкушивших неограниченной власти, стремление сохранить её как можно дольше.

Все эти, слишком значимые, факторы не учли не только члены комиссии, что можно было объяснить их неопытностью. Не придал им значения и такой опытный политик, как Чичерин, по сути, и направлявший их на принятие только такого решения. Чичерин, упорствовавший в своих устремлениях и потому передававший 10 января, надеясь на поддержку ПБ, две записки на имя секретаря ЦК Молотова.

В первой, весьма пространной, нарком подчёркивал: комиссией «выдвинут чрезвычайно важный вопрос о включении братских республик в РСФСР к моменту конференции. Момент достаточно благоприятен для проведения этой очень крупной меры без серьёзных международных осложнений. На конференции следует поставить державы перед свершившимся фактом». А далее пояснял необходимость столь радикальных и немедленных действий. «Если мы, – указывал Чичерин, – на конференции заключим договоры как девять параллельных государств / нарком исходил из маловероятной, но всё же имевшейся возможности приглашения всех советских республик – **Ю.Ж.**/, это положение дел будет надолго закреплено, и из этой путаницы возникнут многочисленные затруднения для нас в наших сношениях с Западом».¹¹⁹

И тут же, видимо, заново продумав свой замысел, направил Молотову вторую записку. Несколько иного содержания, учи-

тивавшую неизбежность того, что Ленин в Геную наверняка не поедет:

«На конференции должна быть представлена Украина, и мы будем иметь возможность указывать на присутствие премьера в лице т.Раковского. Ввиду тесной близости России и Украины украинский премьер Раковский будет по своему рангу в нашей делегации соответствовать антантовским премьерам...

В таком случае необходимо будет председателем соединённой советской делегации назначить т.Раковского. Как премьер, соответствующий по рангу западным премьерам, он не может быть подчинён наркому. Политически его назначение председателем было бы чрезвычайно целесообразно.¹²⁰

Предлагая два альтернативных варианта возможного решения, Чичерин напрочь забыл о совершенно иной по смыслу своей записке, которую направил в ЦК всего за два месяца перед тем.

«Наркоминдел, – писал он 6 декабря 1921 года, – указывает ещё раз на крайнюю важность в срочном порядке урегулировать межправовые отношения между РСФСР и УССР. После признания Рижским договором независимости Украины, эти отношения должны иметь форму союза государств, а не союзного государства, и должны быть урегулированы договорами, подобно нашим отношениям с Азербайджаном. Господствующая теперь путаница, как в целом, так и в отношении отдельных комиссариатов, между Россией и Украиной должна быть немедленно устранена. Разрешение этого вопроса представляется крайне срочным в связи с выборами делегатов на наш съезд советов, происходящими на Украине. Только в случае договорного зафиксирования наших отношений можно будет объяснить полякам и вообще другим государствам, что такие выборы не противоречат интересам независимости Украины.

Предлагаем поэтому, чтобы ЦК поручил Наркоминделу войти в сношения как с Президиумом ВЦИК, так и заинтересованными комиссариатами на предмет заключения ряда договоров между Россией и Украиной для фактического закрепления существующих в настоящее время между ними отношений на основе юридической конструкции союза двух независимых государств».¹²¹

Итак, всего за тридцать пять дней Чичерин (как нарком и просто член партии) предложил ЦК на выбор три варианта дальнейшего существования не только РСФСР, но и других советских республик. Первый – союз государств. Второй – включение всех без исключения советских республик и ДВР в состав РСФСР, то есть их автономизация. Третий – ничего не трогать, ничего не делать.

Видимо, поэтому Молотов не стал торопиться выносить на обсуждение членов ПБ два последних предложения Чичерина. Решил для начала «согласовать вопрос» со Сталиным. Ну, а тот, как можно предположить с почти полной уверенностью, посоветовал Чичерину подготовить четвёртый вариант решения. Такой, который предусматривал бы только необходимое сегодня, при том – бесспорное. О собственно подготовке работы будущей делегации и лишь в связи с тем – её чисто предварительный состав.

Чичерин не стал противиться, поступил так, как рекомендовал Сталин. Предложил включить в состав делегации представителей не только одной Советской России (как предлагал Верховный Совет Антанты), а трёх республик, которым следовало на конференции выступать солидарно. От РСФСР – дипломатов Г.В.Чичерина, М.М.Литвинова, Н.Н.Крестинского, полпреда в Италии В.В.Воровского, А.А.Иоффе, а также выразителей интересов победившего пролетариата, членов Исполкома ВЦСПС Т.В.Сапронова и А.Г. Шляпникова. От УССР – председателя СНК и наркома иностранных дел Х.Г.Раковского. От Закавказья, которое к открытию конференции должно было стать федерацией – председателя СНК Азербайджана Н.Нариманова.

Такое предложение (весьма далёкое от каких бы то ни было бурных потрясений), внесённое Чичериным, Политбюро утвердило 12 января.¹²² Однако всего день спустя ему пришлось рассматривать записку на всё ту же тему, только на этот раз подписанную... Сталиным. В ней Иосиф Виссарионович безоговорочно поддерживал мнение о необходимости направить на конференцию в Италию только одну (а не девять) делегацию. Но мотивировал он это не как Чичерин – международными проблемами, а чисто внутренними.

«На конференции, – соглашался Сталин с доводами членов комиссии и повторял их – впервые придётся столкнуться с вопросом о границах РСФСР и с юридическими отношениями между независимыми республиками и РСФСР. Несомненно, что наши противники постараются вскрыть при этом всю неопределённость и противоречивость в этих взаимоотношениях, найдут щели и попытаются сделать невозможным единство дипломатического фронта между РСФСР и независимыми республиками, обойдут вопрос о ДВР (как обходят они вопрос о приглашении Японии), представив её население Японии и не считая её связанной с РСФСР».¹²³

Как легко заметить, Сталин сосредоточил всё внимание на сохранявшихся, несмотря ни на что, весьма острых проблемах во

взаимоотношениях внутри советского лагеря. На первое место поставил важнейшую с его точки зрения проблему – о границах России. Разумеется, не с соседними государствами, которые были урегулированы, хотя и не в пользу Москвы, закреплены двусторонними договорами. Нет, Сталин имел в виду границы другие – с братскими, как их называл Чичерин, республиками. С Белоруссией, Украиной, рождающейся Закавказской Федерацией, с Хивой и Бухарой.

Ведь до сих пор так и не был дан ответ на непростой вопрос – достаточно ли для существования Белоруссии (как полноценного государства) всего лишь половины Минской губернии – шести её уездов, оставленных Рижским миром с Польшей? Не следует ли исправить такое положение, передав ей из РСФСР две губернии с белорусским населением – Витебскую и Могилёвскую?¹²⁴

Какой же быть, в конечном счёте, территории Украины? Нужно ли соглашаться с притязаниями её нынешнего – советского, коммунистического! – руководства на девять губерний. С тем самым, что совсем недавно требовали самостийники – Грушевский, Винниченко, Скоропадский, Петлюра. А может, оставить за республикой лишь четыре, действительно украинских. Без Донецко-Криворожского региона, без Новороссии.

Исходя из этой, весьма запутанной (почему ею пока никто и не желал заниматься) ситуации, Сталин и предложил собственный вариант решения непростой задачи. Да, соглашался он, «некоторые товарищи предлагают добиться в кратчайший срок объединения всех советских республик с РСФСР на началах автономии /имелось в виду предложение Чичерина – **Ю.Ж.**/. Вполне разделяя эту последнюю точку зрения, считаю, однако, что для проведения её в жизнь потребуется серьёзная подготовительная работа, требующая более или менее длительного срока¹²⁵ /как тут не вспомнить то же условие для провозглашения Закавказской Федерации? – **Ю.Ж.**/».

Только потому Сталин и настаивал на решении лишь того, что возможно сегодня. Определить на срочно созванной конференции председателей ЦИКов независимых республик состав делегации в Италию. «Мандаты всех членов делегации» должны быть «подписаны всеми представителями советских республик, а также председателем правительства ДВР». И сразу же пояснил своё мнение: такое решение, «создавая единый дипломатический фронт, вместе с тем избавляет нас от постановки щекотливых вопросов о границах РСФСР, о взаимоотношениях с республиками, о выводе войск из Грузии и т.д. и т.п.». ¹²⁶

Последнее упоминание – о грузинской проблеме – возникло в предложениях Сталина спонтанно. Ни Чичерин, ни члены его комиссии ничего о ней не писали, ибо пока не знали о происшедшем на днях в Берлине. О том, что там, на встрече представителей трёх Интернационалов, Н.И.Бухарин и К.Б.Радек, являвшиеся делегатами Коминтерна, позволили себе более чем непродуманное заявление. Недопустимое и по сути дискредитировавшее действия Москвы. Как и другие участники переговоров, негативно оценили свержение меньшевистского, то есть социалистического, правительства Грузии в результате победоносного похода Красной Армии на Тифлис.

Разумеется, данная проблема имела весьма отдалённое отношение к вопросу о формировании делегации. Поэтому Троцкий (как член ПБ, не просто познакомившийся с запиской Сталина, но и давший письменный отзыв) о том не упомянул. Зато отметил существенное, самое значимое.

«Предложение т.Сталина, – писал он, – представляется очень заманчивым с точки зрения простоты, но некоторые затруднения представляет вопрос о правах председателей Центральных Исполнительных Комитетов разрешать единолично или единолично передоверять разрешение вопросов международной политики. Может быть, предложить Центральным Исполнительным Комитетам или их исполкомам облечь на этот случай своих председателей особыми полномочиями, в объёме, достаточном для разрешения данного вопроса.

Что касается ДВР, то с предлагаемой т.Сталиным операцией можно было бы связать фактическую смену главы правительства, послав туда на время поездки председателя правительства подходящего заместителя, который и остался бы там».¹²⁷

В тот же день, 13 января, Политбюро утвердило очередное решение по Европейской конференции. «Принять, – отмечало оно, – предложение т.Сталина с дополнением т.Троцкого: обязать председателей ЦИКов заpastись полномочиями от своих Центральных Исполнительных Комитетов для подписания договоров, соглашений и проч.».¹²⁸ А четыре дня спустя появилось ещё одно решение – в развитие предыдущего: «Предложить т.Сталину и т.Чичерину в кратчайший срок выработать текст обращения к независимым республикам с приглашением на конференцию в Москву».¹²⁹

И вот тогда-то Чичерин воспрял духом. Всё ещё надеясь на возможность немедленного присоединения советских республик и ДВР к РСФСР, он поспешил воспользоваться появившимся, как ему показалось, шансом. Посчитал, что намеченные

действия пока являются лишь намерением, а потому можно успеть его скорректировать. Тем более что именно ему предстояло стать соавтором обращения к главам Белоруссии, Украины, Азербайджана, Армении, Грузии, Хивы, Бухары и ДВР. И Чичерин вновь изложил то, что волновало его, да и не только его.

«Наши коллективные мандаты, – пытался убедить Чичерин членов Политбюро четвёртой по счёту запиской, переданной Молотову 19 января, – будут лишены всякого значения и будут рассматриваться как клочки бумаги, если эти государства не будут приглашены». Потому и предложил использовать «предстоящий съезд председателей ЦИКов для того, чтобы провести государственно-правовой акт создания Союза с общей внешней политикой». А на случай отказа высказал и более скромное пожелание: «Только в том случае, если наше заграничное представительство будет законным, государственно-правовым образом слито с представительствами советских республик, последних нельзя будет игнорировать. Если признать в принципе необходимым такой шаг, можно ещё обсудить юридические детали».¹³⁰

В столь корректной форме нарком всего лишь напоминал Политбюро об им же принятом – с его подачи! – и совсем недавно, 8 декабря минувшего года, решении. Видимо, только потому уже на следующий день предложение Чичерина было утверждено высшим партийным органом, постановившим: «Воспользоваться съездом председателей ЦИКов и, не ограничиваясь коллективными мандатами, произвести государственно-правовой акт создания Союза с общей внешней политикой».¹³¹

Развивая успех, 26 января Чичерин представил проекты ещё двух постановлений. Один – бесспорный, не должный вызвать каких-либо вопросов и замечаний. О новом, более широком представительстве советских республик и ДВР в составе общей делегации и о её полномочиях. Теперь в ней отсутствовал Крестьянский, зато появились председатель СНК Грузии П.Г.(Буду) Мдивани, нарком внешней торговли Армении А.А.Бекзадян, председатель Совета назиров Бухары Ф.Ходжаев, министр иностранных дел ДВР Я.Д.Янсон, а также генеральный секретарь ВЦСПС Я.Э.Рудзутак.

Чётко формулировал документ и их задачи: «Облекая делегацию всей полнотой чрезвычайных полномочий, необходимых для решения всех вопросов, которые составят предмет обсуждений и решений Всеобщей мирной конференции, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет поручает делегации от имени Российской Социалистической Федеративной

Советской Республики вести переговоры и заключать и подписывать соглашения и договоры по всем этим вопросам». ¹³²

Такой проект действительно не вызвал в Политбюро сомнений и был утверждён 27 января на прошедшей в Свердловском зале Большого Кремлёвского Дворца Чрезвычайной сессии ВЦИК девятого созыва. Весьма примечательно – при перечислении членов делегации от советских республик, всем им указывалось – член ВЦИК, что соответствовало действительности, но одновременно создавало двусмысленность для их правового положения. ¹³³

Второй проект, переданный Чичериным Политбюро, выражал нескрываемое его желание добиться хотя бы самого малого из задуманного. «Чрезвычайная сессия ВЦИК, – писал нарком, – поручает Президиуму выработать и подписать с союзными советскими республиками и Дальневосточной Республикой договор, имеющий целью проведение ими единой внешней политики путём установления единого органа внешних сношений».

Не ограничившись только таким предложением, Чичерин дал и развёрнутую характеристику будущего объединённого Наркоминдела. «К предметам ведения Центрального НКВД, – пояснял он, – должны относиться: объявление войны и заключение мира, военные вопросы, установление внешней государственной границы, правовое положение советских граждан за границей и обратно /видимо, иностранных граждан в пределах советских республик – **Ю.Ж.**/, кроме вопросов приобретения и утраты гражданства, и все те вопросы, по коим союзные договоры устанавливают единые Наркоматы.

В договоре должно быть объединено в руках РСФСР активное и пассивное право посольства с представлением одновременно такового отдельным республикам по согласованию с РСФСР и с подчинением их представительства в каждом иностранном государстве представительству РСФСР и предоставление РСФСР исключительного права подписывать международные договоры по вопросам компетенции объединённого Наркоминдела, с возложением на прочие союзные республики обязательства. Международные договоры, заключённые в пределах своей компетенции, согласовывать предварительно с РСФСР». ¹³⁴

Но в данном случае Чичерин проиграл. Согласовать с руководителями республик создания объединённого НКВД не удалось.

То, что во время обсуждения состава делегации на Европейской конференции лишь витало в воздухе, только ощущалось, вскоре стало очевидным фактом. 16 марта Чичерин вынужден

был обратиться в ЦК с новой запиской, вернее – самой настоящей жалобой.

«Коллегия НКВД, – с горечью сообщал нарком, – убедительно просит ПБ сегодня же рассмотреть возникшее между коллегией и т.Раковским разногласие... по поводу назначения Украинским правительством отдельной миссии в прибалтийские государства, причём члены этой миссии прибыли в Ковно, Ригу и Ревель даже без предварительного уведомления НКВД РСФСР и ведут там сепаратную политику помимо представительства РСФСР.

Коллегия НКВД предлагает следующую резолюцию: Отдельные полпреды от Украины назначаются в тех случаях, когда это признаётся необходимым обоими Наркоминделами, украинским и российским.

Тов. Раковский усмотрел в этом «систематический разгром украинской самостоятельности и нарушение тезисов РКП».

Далее Чичерин пояснил, что его ведомство считает вполне разумным отдельные представительства Украины только в тех странах, где «имеются специально-украинские интересы». То есть в Польше – «ввиду галицийского вопроса и ввиду захвата Польшей по Рижскому миру украинских областей», а кроме того – в Чехословакии, «где имеется большая украинская эмигрантская масса». И резюмировал: «вполне достаточно, если полпред РСФСР будет одновременно иметь мандат от Украины».

Мнение коллегии Наркомата Чичерин подкрепил следующими аргументами: «Существование параллельных представительств России и Украины во многих государствах было бы излишней тратой валюты... Политически вредно... – отрицательные стороны сепаратного представительства непременно когда-нибудь скажутся... Западные представительства уже неоднократно обнаруживали стремление сепаратно заигрывать с Украиной и вообще с окраинными государствами и разыгрывать их против РСФСР».¹³⁵

Политбюро с пониманием восприняло то, о чём писал Чичерин, и в тот же день утвердило требуемое решение: «Отдельные полпредства от Украины назначаются в том случае, когда это признаётся необходимым обоими Наркоминделами, украинским и российским». Но чтобы избежать возможных обвинений в предвзятости и односторонности, далее указывалось: «Согласно предложению т.Раковского поставить в порядке дня пленума вопрос об отношениях между РСФСР и самостоятельными республиками.¹³⁶ Иными словами, Политбюро не отступило от своего решения, принятого 8 декабря минувшего года. По-прежнему считало, что «никакие самостоятельные переговоры

отдельных советских республик с иностранными государствами не должны вестись без предварительного согласования с НКВД РСФСР или ЦК РКП». ¹³⁷

Но ни об этом, весьма симптоматичном конфликте, ни о том, что в Тифлисе начали создавать Закавказскую Федерацию, в ходе XI съезда РКП(б), открывшегося 27 марта 1922 года, почему-то никто из его делегатов не обмолвился ни словом. Оказалось, что партию продолжает волновать (и нешуточно), будоражить, разъединять противоположными взглядами только то, что, казалось, разрешено на прошлом съезде.

Семь дней участники съезда бурно дискутировали только по двум вопросам.

Об – уже ставшей старой – Новой экономической политике. Выясняли, является ли она госкапитализмом. А если так, то как далеко может зайти отступление, и не пора ли его остановить? Как в таких условиях следует крепить «смычку», то есть союз пролетариата и трудового крестьянства?

А ещё о том, как следует управлять ставшим далеко не однородным, не единым народным хозяйством. Что делать с разросшейся массой конформистского по своей природе чиновничества, втягивавшего, как водоворот, членов партии? В каких пределах использовать беспартийных специалистов? Какое, в конце концов, место займут профсоюзы в управлении хозяйством?

И всё же, вопрос национальных отношений, перешедший в форму межреспубликанских (хотели того делегаты или нет), всплыл. Случайно, хотя и в отчётном докладе, с которым выступил Ленин. Говоря о Донбассе «как центре и основе всей нашей экономики», Владимир Ильич непреднамеренно обмолвился:

«Украина – независимая республика, это очень хорошо, но в партийном отношении она иногда берёт – как бы повежливее выразиться? – обход, и нам как-нибудь придётся до них добраться, потому что там сидит народ хитрый, и ЦК – не скажу, что обманывает, но как-то понемногу отодвигается от нас». ¹³⁸

Вот, собственно, и всё, о чём сказал признанный лидер страны. Ничего конкретного, только намёки, хотя и понятные большинству делегатов. Ленин произнёс только одну фразу, но за ней стояло очень многое. И то, что национальные разногласия сохраняются, несмотря на соответствующую резолюцию X съезда. И то, что они начали перерождаться в межреспубликанские конфликты – во всяком случае, с Украиной. Мало того, захватили если не всю Компартию этой республики, то, во всяком случае, её ЦК.

Сигнал прозвучал весьма серьёзный, но на него так никто и не отреагировал, кроме представителей того самого, украинского, ЦК. Попытавшихся сразу же отвести от себя все подобного рода обвинения. Именно таким оказалось выступление Н.А.Скрыпника, наркома юстиции УССР. Коммуниста, считавшего себя настоящим украинцем не только по рождению (в небольшом селе Бахмутского уезда). Ещё и по воспитанию, с детства воспринявшего семейные предания о предках – запорожских казаках, читавшего и перечитывавшего «Кобзаря» Шевченко.

«Для меня, – поспешил он выступить с опровержением сказанного, – имеет некоторое показательное значение мимоходом брошенное заявление т.Ленина, что Украина, между прочим и к счастью, является самостоятельным государством. Товарищи, это мимоходом брошенное замечание разрешает жизненный вопрос. Дело в том, что происходящее в настоящее время движение сменовеховцев и интеллигенции по данному вопросу своих вех не сменяет. Единая и неделимая Россия – бывший лозунг деникинцев и врангелевцев – является в настоящее время лозунгом всех этих сменовеховцев».

Столь абсурдным, алогичным заявлением Скрыпник явно стремился напомнить и о резолюции X съезда, и о необходимости бороться не с национальным уклоном, а с «великорусским шовинизмом». Но чтобы хоть как-то связать свою филиппику с проблемами, обсуждаемыми съездом, чтобы из обвиняемого стать обвинителем, он бросил в зал: «в весьма многих советских аппаратах... работники состоят, к сожалению, не из коммунистов, а из сторонников сменовеховцев».

Доказательства? Да зачем они, если нужно всё свалить с больной головы на здоровую. Отстоять самостоятельность, независимость не только Советской Украины, но и её Компартии.

«Мы имеем перед собой, – продолжал Скрыпник, – вполне определённое явление – как относительно Украины, так и других советских республик. Имеется тенденция к ликвидации той государственности рабочих и крестьян, которая добыта силою рабочих и крестьян этой страны... И необходимо поэтому принять заявление т.Ленина как имеющее политическое значение в смысле отмежевания нашей партии от этих сменовеховских настроений».

Не довольствуясь уже сказанным, Скрыпник продолжал отстаивать позицию и личную, и своего ЦК. «Мне припоминается, – многозначительно заявил он, – постановление ЦК РКП 18 мая 1918 года, где ЦК вынес постановление, что признаёт самостоятельность Коммунистической партии большевиков Украины и

самостоятельное вхождение в Третий Интернационал, поскольку Украина является самостоятельным государством». Правда, понял, что зашёл слишком уж далеко, и попытался смягчить сказанное. «Мы имеем, – заявил он прямо противоположное, – перед собой организационное партийное отношение, и оно имеется перед нами – иного мы не желаем, и стоим на нём обеими ногами. Вопрос не в этом». И снова вильнул в сторону: «Речь идёт о том, чтобы не дать возможности линии, намеченную партией, изменять на практике иноклассовым элементам, работающим в советском аппарате».¹³⁹

Слова Ленина задели за живое не только Скрыпника, но и главу Компартии Украины Д.З.Мануильского. Тоже украинца, только с Волыни. «Мы, – обратился он к собравшимся, – группа украинских работников, были очень взволнованы этим обвинением. Я подошёл к т.Ленину и в частной беседе спросил его, на чём он основывает своё заявление. Тов. Ленин ответил: «Если бы у меня были факты, я бы так и сказал. Но дело в том, что фактов у меня нет». Поэтому я высказываю надежду, если сейчас у т.Ленина фактов нет, то к будущему XII съезду у т.Ленина, вероятно, накопится много фактов, говорящих обратное».¹⁴⁰

Мануильский оказался прав лишь в одном. За год фактов, подтвердивших правоту Ленина, накопилось предостаточно. И более всего фактов «обхода» предоставил глава правительства Украины Раковский.

Глава VII.

ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА: ПОРАЖЕНИЕ

22 февраля 1922 года в Москве состоялось предреши́нное требованием Политбюро совещание представителей семи советских республик и ДВР. Правда, не только председателей ЦИКов и Совнаркомов. Таковых оказалось меньшинство. А.Г.Червяков – от Белоруссии, главы правительств: ДВР – Н.М.Матвеев, Хорезма – А.Ходжаев. Остальные оказались полпредами при СНК РСФСР, Армении – С.М.Тер-Габриелян, Грузии – М.Цхакая, Украины – М.Н.Полоз. А Азербайджан представлял член ЦИКа А.Ширвани.

В том проявился не откровенный саботаж, как можно было бы полагать, а только скрытое недовольство навязанным постановлением Политбюро. И всё же, все собравшиеся в Москве, облеченные соответствующими полномочиями, исполнили должное. Поручили РСФСР «представлять и защищать» в Генуе интересы их государств, «заключать и подписывать» от их имени «как могущие быть выработанными на этой конференции отдельные международные договоры и соглашения», так и «предпринимать все вытекающие из сего шаги».¹

Тем самым, одно из важнейших, ключевых (в полном смысле этого слова) ведомств РСФСР – НКВД – де-факто становилось объединённым. Общим для всех советских республик и ДВР при проведении внешней политики. И потому могло показаться, что вот-вот последует долгожданное заявление о воссоединении, а вопрос правового оформления нового советского государства – вопрос если не недель, то всего лишь нескольких месяцев. Ведь для того имелись достаточно веские основания. И неоднократно волеизъявление народов, и необходимые акты, принятые ранее. Припомним их.

1917 год, 12 (25) декабря. I Всеукраинский съезд Советов.

«Временному Центральному Исполнительному Комитету, выделенному из состава настоящего съезда, поручается... установить между рабоче-крестьянским правительством Российской Федерации, а также правительствами отдельных частей России и рабоче-крестьянским правительством Украины полную согласованность целей и действий, необходимую в интересах рабочих и крестьян народов Российской Федерации» (из резолюции «Об организации Советской власти на Украине»).

«I Всеукраинский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, признавая Украинскую Республику федеративной частью Российской Республики, объявляет решительную борьбу пагубной для рабоче-крестьянских масс политике Центральной Рады» /из резолюции «О самоопределении Украины»/.

1918 год, 12 (25) января. III Всероссийский съезд Советов.

«Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик... III съезд Советов ограничивается установлением коренных начал федерации советских республик России, представляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельное решение на своём собственном полномочном съезде: желают ли они, и на каких основаниях, участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях (из «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа»).

«Российская Социалистическая Советская Республика учреждается на основе добровольного союза народов России как федерация советских республик этих народов... Способ участия советских республик отдельных областей в федеральном Правительстве, областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, равно как разграничение сферы деятельности федеральных и областных учреждений Российской Республики, определяется немедленно по образовании областных советских республик Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Центральными Исполнительными Комитетами этих республик» (из постановления «О федеральных учреждениях Российской Республики»).

1918 год, 16 марта. Декларация ЦИК Советов Украины.

«Протестуя перед лицом Всероссийского съезда и перед рабочим классом всего мира против насильственного – при помощи немецких штыков – отторжения Украины от Общесоветской

Федерации, мы не осуждаем наших российских товарищей, вынужденных под давлением печальной необходимости, надемся, на время, разорвать федеративную связь с нами и предоставить нас собственным силам в нашей отчаянной борьбе с украинской и поддерживающей её международной реакцией... Мы вынуждены проститься с вами, но не навсегда, надеемся, ненадолго. Наступит час, когда в результате упорной борьбы и неизбежной, конечно, победы, украинского, российского и мирового пролетариата мы снова будем членами единой социалистической федерации».

1918 год, 13 апреля. II съезд Советов Западной области.

«Второй съезд Советов Западной области, опирающийся на многие миллионы тружеников города и деревни, насчитывающий в своих рядах представителей от сотен тысяч белорусских рабочих и крестьян и являющийся истинным выразителем их чаяний и стремлений, заявляет всему миру, что белорусские пролетарии не отделяют себя от Великой Федеративной Советской Социалистической Республики и от рабочих и крестьян всей остальной России».

1919 год, 28 января. Декларация Временного рабоче-крестьянского правительства Украины.

«Тесная историческая, экономическая и культурная связь рабоче-крестьянской Украины и Советской России вменяет нам в обязанность равнять свой революционный классовый фронт, прежде всего, с фронтом российского пролетариата. Врагов Советской России мы объявляем врагами Советской Украины. У нас одинаковые политические, экономические, военные задачи... Всё это предreshает объединение Украинской Советской Республики с Советской Россией на началах социалистической федерации, формы которой будут установлены полномочными представителями на Всеукраинском съезде Советов».

1919 год, 16 февраля. I Всебелорусский съезд Советов.

«Первый Всебелорусский съезд Советов свободно постановляет: Начать переговоры с Российской Советской Республикой по установлению федеративной связи между ней и Советской Белоруссией и избрать для этой цели комиссию, ответственную перед выделенным съездом органом власти. Учитывая, вместе с тем, тесную связь и зависимость, существующую между рабочими и крестьянами всех частей бывшей Российской Империи, съезд полагает, что только свободный добровольный союз тру-

дящихся всех ныне независимых советских республик обеспечить торжество рабочих и крестьян в их борьбе со всем остальным капиталистическим миром» (из декларации «Об установлении федеративной связи между Белорусской ССР и РСФСР»).

1919 год, 21 февраля. I съезд Советов Литвы и Белоруссии.

«Живо чувствуя свою неразрывную связь со всеми советскими республиками, съезд усматривает в слиянии Советской Литвы с Советской Белоруссией только первый шаг на пути объединения всех социалистических советских республик в единый государственный организм и поручает рабоче-крестьянскому правительству Социалистической Советской Республики Литвы и Белоруссии немедленно же вступить в переговоры с рабоче-крестьянскими правительствами РСФСР, Латвии, Украины и Эстонии на предмет создания из всех этих республик одной Федеративной Социалистической Советской Республики» (из резолюции «Об объединении Литвы и Белоруссии»).

1919 год, 22 марта. VIII съезд РКП(б).

«Как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу» (из программы партии, принятой на VIII съезде и действовавшей по октябрь 1961 года).

«Все решения РКП и её руководящих учреждений, безусловно, обязательны для всех частей партии, независимо от национального их состава. Центральные Комитеты украинских, латышских, литовских коммунистов пользуются правами областных комитетов партии и целиком подчинены ЦК РКП» (из резолюции по организационному вопросу).

1919 год, 18 мая. Постановление ЦИК УССР.

«1. Вся вооружённая борьба с врагами советских республик должна быть объединена во всех существующих советских республиках. 2. Все материальные средства, необходимые для ведения этой борьбы, должны быть сосредоточены вокруг общего для всех республик центра. Исходя из этого, ЦИК поручает своему Президиуму обратиться в ЦИКи всех советских республик с предложением выработать конкретные формы организации единого фронта революционной борьбы».

1919 год. 1 июня, Декрет ВЦИК.

«Исходя как из резолюции Украинского Центрального Исполнительного Комитета, принятого на заседании 18 мая 1919 г., так

и предложения советских правительств Латвии, Литвы и Белоруссии, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов признаёт необходимым провести тесное объединение

1) военной организации и военного командования, 2) Советов народного хозяйства, 3) железнодорожного управления и хозяйства, 4) финансов и 5) комиссариатов труда советских социалистических республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма с тем, чтобы руководство указанными отраслями народной жизни было сосредоточено в руках единых коллегий. Объединение должно быть проведено путём соглашения с Центральными Исполнительными Комитетами и Советами Народных Комиссаров указанных советских республик».

1919 год, 21 декабря. Воззвание Всеукраинского ревкома.

«Вольная и независимая Украинская Социалистическая Советская Республика опять воскресает. Она будет идти рука об руку с вольной и независимой Социалистической Советской Республикой Россией. Объединение их армий в одну русско-украинскую Красную Армию будет служить залогом прочности этого союза. Заклѹченный в тяжѹлые дни неудач постановлениями Центральных Исполнительных Комитетов Украины и России этот союз закрепляется теперь общими победами над врагом... На своём будущем Всеукраинском съезде Советов украинские рабочие и крестьяне, наученные опытом, будут иметь возможность определить окончательную форму отношений между Украинской Социалистической Советской Республикой и Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой».

1920 год, 20 мая. IV Всеукраинский съезд Советов.

«УССР, сохраняя свою самостоятельную государственную Конституцию, является членом Всероссийской Социалистической Советской Федеративной Республики» (из постановления «О государственных отношениях между УССР и РСФСР»).

1920 год, 1 августа. Декларация о провозглашении независимости Социалистической Советской Республики Белоруссии.

«Социалистическая Советская Республика Белоруссия, находясь во взаимоотношениях с Советской Россией как равная с равной, передаёт на всё время революционных войн все свои вооружѹнные силы в распоряжение единого командования вооружѹнных сил всех советских республик, а также заявляет, что

все дипломатические выступления ССРБ будут согласованы с выступлениями РСФСР... Социалистическая Советская Республика Белоруссия, находившаяся в течение долгого времени в тесной связи с Россией, должна немедленно приступить к установлению единого хозяйственного плана с РСФСР и другими, уже возникшими и могущими возникнуть, советскими республиками».

1920 год, 30 сентября. Договор между РСФСР и Азербайджанской Советской Социалистической Республикой.

«Азербайджан и Россия заключают между собой тесный военный и финансово-экономический союз... Проводят в кратчайший срок объединение 1) военной организации и военного командования, 2) органов, ведающих народным хозяйством и внешней торговлей, 3) органов снабжения, 4) железнодорожного и водного транспорта и почтово-телеграфного ведомства, 5) финансов».

**1920 год, 28 декабря. Договор между РСФСР и УССР;
1921 год, 16 января. Договор между РСФСР и ССРБ.**

«...Вступают между собой в военный и хозяйственный союз... Оба правительства объявляют объединёнными следующие комиссариаты: 1) военных и морских дел, 2) Высший Совет Народного Хозяйства, 3) внешней торговли, 4) финансов, 5) труда, 6) путей сообщения и 7) почт и телеграфа».

1921 год, 21 мая. Договор между РСФСР и Грузинской Советской Социалистической Республикой.

«РСФСР и Советская Социалистическая Республика Грузия вступают в военный и хозяйственный союз... Оба правительства согласны заключить дополнительное соглашение об объединении военной организации и военного командования, а также и тех хозяйственных органов, относительно коих подобное объединение будет признано целесообразным».

1922 год, 12 марта. Союзный договор Закавказских советских социалистических республик.

«...Социалистические советские республики Азербайджан, Армения и Грузия вступают между собой в тесный военный, политический и экономический союз... В ведение Союзного Совета переходят военные дела, финансы, иностранная политика, внешняя торговля, пути сообщения, народная связь, борьба с контрреволюцией и руководство экономической политикой на территориях договаривающихся республик».

Так, поздней весной 1922 года всё оказалось предуготовано для заключения нового договора. Теперь уже не двустороннего, а одного – окончательного, четырёхстороннего. Между Россией, Украиной, Закавказьем, Белоруссией. И вхождение всех их в единую Федеративную Республику, сохраняющую историческое традиционное название – Российская СФСР, для которой даже определили органы федеральной власти и управления – ЦИК, Совнарком, семь объединённых Наркоматов.

Словом, готовилось повторение того, на что пошли сразу же по окончании мировой войны, ещё в 1918 году, Чехия и Словакия, Сербия, Черногория, Хорватия и Словения.

I. Возмутитель спокойствия

За четыре с половиной года существования Советской Украины стало несомненным: именно она регулярно выступает инициатором воссоединения. Хотя и делает то формально, явно не без подсказки Москвы, но именно она. Всегда, кто бы ни возглавлял её Компартию, правительство, ВуЦИК. А таких высших руководителей республики уже сменилось немало. Первыми секретарями КП(б)У были Г.Л.Пятаков, С.И.Гопнер, Э.И.Квиринг, С.В.Косиор, В.М.Молотов, Ф.Я.Кон, Д.З.Мануильский. Главами Совнаркома (поначалу народного секретариата) – Е.Б.Бош, Н.А.Скрыпник, Г.Л.Пятаков,

Х.Г.Раковский. Председателями ВуЦИК – И.Г.Медведев, В.П.Затонский, Г.И.Петровский. Да ещё был и председатель Всеукраинского ревкома А.С.Бубнов.

Все они решительно и твёрдо отстаивали необходимость государственного союза Украины с Россией. И никто при этом не кривил душой, говорил и писал только то, во что верил, в чём был убеждён. Да и не могли они (хоть отчасти) поддерживать лозунги своих старых заклятых политических противников – «самостийность» и «незалежность» Украины, её неизбежный союз с западными буржуазными странами, будь то Германия и Австро-Венгрия либо Франция и Великобритания. Отстаивали, даже с оружием в руках, пролетарскую солидарность, Советскую власть.

Правда, в силу неблагоприятных условий слишком долгой Гражданской войны с её кочующими фронтами и менявшимися противниками, сражались с ними чаще на полях сражений. Борьбе идеологической, пропаганде и агитации мешало слишком многое. И незначительные тиражи большевистских изданий

– листовок, плакатов, газет, журналов, брошюр. И неграмотность большей части населения. Только в силу того все призывы к воссоединению братских республик практически были обращены друг к другу, к товарищам по партии, которые не нуждались в очевидном для них.

Тем не менее, украинские большевики продолжали отстаивать, растолковывая, и всякий раз находя всё новые и новые доводы, необходимость скорейшего заключения союза, и прочного, Украины и России. Были уверены, что среди читателей непременно окажутся те самые круги национальной интеллигенции – учителя, агрономы, фельдшеры – которые до недавних пор и являлись надёжной опорой национализма и сепаратизма.

Ярким примером такой пропаганды стала статья Мануильского, написанная в бытность его ещё наркомом земледелия, «О коммунистическом империализме и нашей национальной политике». Статья, построенная по классической схеме агитаторов: сначала – собственное изложение взглядов противника, а затем – последовательное развенчание их.

«Если верить», начал Мануильский с главного тезиса всех без исключения антикоммунистов и антисоветчиков (вплоть до наших дней!) социал-соглашательской «печати, то мы, коммунисты, взяли на себя ту же самую роль, которую взяла на себя русская монархия со времён Ивана Калиты. Роль восстановителя новой, «коммунистической» империи, роль собирателей вокруг Москвы оторвавшихся от неё бывших окраин, превратившихся в процессе революций в самостоятельные национально-государственные образования». И вслед за тем привёл ещё один довод противников в собственном изложении: «Польская социал-соглашательская печать и её украинские подголоски / статья писалась в дни советско-польской войны – **Ю.Ж.**/ стараются запугать мир призраком воинствующего «коммунистического» национализма, для которого внешняя коммунистическая личина есть один из способов распространения своего влияния за пределы национальных границ великорусского государства».

Как же Мануильский – в скором времени первый секретарь ЦК КП(б)У, а в 1924 – 1943 годах – член Президиума Исполкома Коминтерна и его секретарь – пытался опровергнуть такие доводы? Прежде всего, как истинный большевик, он начал с разоблачения классовой сущности и классовых интересов украинских националистов.

«Самостийность и незалежность, – писал он, – в эпоху социальной революции, в обстановке острой Гражданской войны

классов превращается в своего рода буфер против коммунизма. Перед мелкой буржуазией, не способной сыграть никакой самостоятельной роли в период социальной революции, встаёт вопрос: с кем блокироваться – с коммунистическим пролетариатом, несущим национальное освобождение, но уничтожающим частную собственность, или с крупным капиталом, душащим народности, но сохраняющим устои существующего экономического порядка?

Три года украинской революции показали, что наша мелкая буржуазия... предпочитает союз с крупной собственностью, хотя бы это грозило и экономическим, и национальным закабалением нации». Но тут же Мануильский делает неожиданный вывод, призванный сгладить резкость прежней оценки, дать той же мелкой буржуазии возможность сменить флаг.

Явно подсказывая самое достойное оправдание почётной капитуляции украинским социалистам всех оттенков (меньшевикам, эсерам, федералистам, всё ещё разделявшим с Петлюрой идеи «незалежности»), Мануильский писал: «Украинское мещанство /та самая мелкая буржуазия – **Ю.Ж.**/ после трёх лет революции, после ряда непрерывных поражений своей ориентации на Антанту начинает, как будто, понимать, что в империалистическую эпоху, когда происходит борьба – не на жизнь, а на смерть – двух классов современного общества, единственной гарантией национальной свободы и развития является пролетариат и его диктатура».

Затем Мануильский вернулся к лейтмотиву статьи, растолковывая старый тезис Сталина. Правда, при этом, не смущаясь, прибег к софизму: «Признаваемое за украинцами великорусскими товарищами право на отделение от России отнюдь не означало ещё фактического отделения, осуществляемого силами украинских коммунистов. Конечно, великорусские товарищи были бы очень скверными коммунистами, если бы отрицали за украинским народом, угнетавшимся триста лет царизмом, право на отделение. Но мы, украинские работники, были бы ещё более худшими коммунистами, если бы на основании признания великорусских товарищей начали бы проводить на деле отделение от Советской России».

Завершая же статью, Мануильский почему-то перешёл на явные лозунги. «Да, мы, украинские коммунисты, – провозглашал он, – связаны с Советской Россией, мы гордимся этой связью... На всякую попытку взорвать эту связь мы ответим решительно всем «родным» и «чужим» социал-шовинистам: руки прочь от пролетарского дела!».²

В отличие от Мануильского, премьер УССР с февраля 1919 года Х.Г.Раковский не доказывал, не обосновывал важность и необходимость федерального союза с РСФСР. Вроде бы воспринимал его как вполне естественный, непреложный факт, который не следует подвергать сомнению. Просто описывал сложившуюся систему государственных связей Украины и России (на лето 1920 года), отметив: «Эту систему федеральных отношений нельзя считать ни законченной, ни совершенной. К самому вопросу о федеральных отношениях мы не подходим догматично, никогда не считали, что государственные отношения вообще и, в частности, отношения между советскими республиками можно создавать по априорным построениям, на основании отвлечённых положений. Федеральная Конституция советских республик /он имел в виду соглашения от 1 июня 1919 года – **Ю.Ж.**/ диктовалась самой необходимостью и учитывала проделанный уже государственный опыт. Особые условия, в которых находились Советская Россия и Советская Украина, облегчали значительно задачу скорейшего создания между ними теснейших федеральных отношений».³

В переписке же с Лениным, с ЦК Раковский позволил себе высказывать несколько иные взгляды. Те, что сближали его, болгарина, от рождения именовавшегося Крыстю Станчевым, его – интернационалиста-революционера – со многими большевиками, остававшимися при этом украинскими националистами. Так, ещё в середине ноября 1919 года, сразу же по освобождении УССР от деникинских войск, он втолковывал Ленину:

«Отрицание этнической и государственной индивидуальности Украины, преследование украинского языка, поддерживание русской, а не коммунистической, пролетарской диктатуры повредят в будущем ещё более даже, чем в прошлом, в связи с экономическим усилением крестьянской массы, приведут к ещё большей национальной розни, к противопоставлению украинской деревни русско-еврейскому городу и еврейскому местечку и к политическому господству кулаков и украинской мелкобуржуазной интеллигенции.

Тенденция к полному слиянию Украины с Великороссией является пережитком империалистско-буржуазной психологии русских, а отнюдь не зрелой государственной идеей коммунистов, и её поддерживание принесёт нам только больше внутренних и международных осложнений. Под последними я понимаю не те осложнения, которые может принести эта тенденция для наших дипломатических отношений с буржуазно-империалистическими государствами, а ту тень, которую эта

тенденция бросит на нас как коммунистов в глазах коммунистических партий». ⁴

Прознав о записке, которую Раковский отправил Ленину, ещё двое членов ЦК КП(б)У поспешили познакомить Москву с собственными взглядами на проблему. Секретарь Харьковского губкома Н.Н.Попов настаивал на сохранении полного суверенитета для Украины, а Я.Н.Дробнис, председатель правления треста Донбасс-уголь, настаивал на незамедлительном и полном слиянии двух республик.

Разноречивость предложений заставила Политбюро 14 ноября 1919 года перенести «украинский вопрос» на объединённое заседание с членами Оргбюро, пригласив на него авторов записок. ⁵ Однако такое обсуждение состоялось лишь два месяца спустя – 13 января 1920 года. Лишь после того как Раковский дополнил свою записку «Справкой по национальному вопросу», и убедившей Ленина.

В ней же Раковский утверждал: «Движение в пользу Советской России шло крещендо /с нарастающей силой – **Ю.Ж.**/ до восстановления Советской власти на Украине. Как только начался процесс обособления мелкобуржуазного крестьянства от пролетариата, лозунг «самостийной Украинской державы» стал снова популярен ...

Небрежное наше отношение к национальному вопросу, наша сознательная или несознательная русификаторская политика на Украине усилила это движение. Мы сами были проводниками идеи Украинской Советской Социалистической Республики, но мы не постарались внести в эту идею украинское коммунистическое сознание, и, таким образом, вся наша работа была водой на мельницу наших противников...

Идея самостоятельного украинского советского государства захватила и некоторые круги нашей партии... Украинские коммунисты-боротьбисты /левое крыло украинской партии эсеров, отколовшееся в мае 1918 года, заключившее в декабре 1919 года соглашение с КП(б)У о сотрудничестве; вскоре её некоторые члены – А.А.Любченко, А.Я.Шумский и другие – вступили в компартию, вошли в состав правительства УССР, а позже Г.Ф.Гринько стал наркомом финансов СССР – **Ю.Ж.**/ ведут самую усиленную работу, чтобы расколоть Украинскую Коммунистическую партию, используя движение в пользу самостоятельной Украины в нашей партии.

Движение это питается ещё галицийскими и буковинскими украинцами и Кубанской Радой, стремящейся к объединению с Украиной. На Украине это движение опирается на украинскую

интеллигенцию, в особенности, на Учительскую спилку /союз – **Ю.Ж.**/, имеющую свыше 20.000 членов, и на Украинский Союз кооператоров, который является мощной экономической организацией, покрывающей своею сетью всю Украину, и особенно Правобережье». ⁶

По-видимому, такая информация скорее напугала, нежели убедила членов Политбюро, почему они 13 января 1920 года и утвердили следующее решение: «Наметить линией партии в вопросе о государственной власти на Украине и формах взаимоотношения её с Россией» на основе предложений Раковского. А пять дней спустя поручили Раковскому совместно с Троцким внести в представленные тезисы редакционную правку, заодно образовав комиссию по выработке основ федеральной Конституции РСФСР. В состав же её, «в качестве основного ядра», включили Каменева, Крестинского и самого Раковского.

«Тезисы о государственных отношениях Украины и России» получили окончательную редакцию 29 января и формально исходили от ЦК КП(б)У. В их основу было положено следующее, безусловное для большевиков, утверждение:

«Тесная братская солидарность между рабочими и крестьянами всех стран является существенным условием победы всемирной социалистической революции, без каковой победы Советская власть в отдельных странах будет стоять перед постоянной угрозой восстановления старого порядка. Всякие попытки разорвать или ослабить эту связь являются, по существу, контрреволюционными и направленными против самой власти рабочих и крестьян. **Выдвигание национального вопроса во главу угла борьбы против Коммунистической партии, безразлично, делается ли это со стороны подлинно буржуазных или со стороны советских и полукommунистических партий, является сознательной или полусознательной попыткой сорвать или затруднить установление пролетарской диктатуры** (выделено мной – **Ю.Ж.**/».

Дав такую, в общем, невысокую оценку национальному вопросу как таковому, «Тезисы» переходили к отношению его к ситуации между РСФСР и УССР. «На примере Украины, – указывалось в них, – лучше всего видна контрреволюционная роль, которую сыграла националистическая агитация, превратившаяся в руках, как украинских соглашательских партий, так и хищников международного империализма, в средство борьбы и травли против социалистической Советской России и против социалистической Советской власти вообще, и против освобождения украинских рабочих и крестьян».

Но, естественно, не довольствуясь такими (слишком общими) утверждениями, далее «Тезисы» отмечали: «Полное государственное обособление Украины ведёт непременно к внутренней национальной борьбе на Украине и к усилению экономической разрухи на Украине и в России». А потому предлагали не ограничиваться уже проведённым объединением военных ведомств, а идти дальше по этому пути.

«Естественным, – отмечали «Тезисы», – **намечается объединение Народных комиссариатов по иностранным делам** /выделено мной – Ю.Ж./. Социалистическое производство, основанное на планомерной организации труда и обмена, предполагает общий производительный план между социалистическими государствами, создание общих органов для учёта и распределения рабочей силы, сырья, средств производства. Для Украины и Великороссии, экономическое развитие которых в прошлом находилось в тесной взаимной зависимости, такое объединение является необходимым для восстановления разрушенной после четырёхлетней международной войны и двухлетней Гражданской войны промышленной жизни». Далее «Тезисы» настаивали ещё на необходимости объединения Наркоматов путей сообщения, почт и телеграфа, финансов, труда, которым надлежало работать под контролем ВЦИК, становившимся, тем самым, высшим федеральным органом.⁷

Появившиеся как плод творчества Раковского, в марте того же года «Тезисы» были утверждены практически единогласно – два «против», шесть воздержалось – делегатами IV Всеукраинской партийной конференции. Форума, проходившего под руководством Сталина.

По необъяснимым причинам то, на чём Раковский настаивал в январе, перестало его устраивать уже в сентябре, незадолго перед подписанием союзного договора между Украиной и Россией. Своё недовольство председатель Совнаркома УССР выразил в жалобе, направленной Ленину 16 сентября 1920 года. Жалобы на поспешность, с которой проводилось объединение Наркоматов, на их контроль над украинской промышленностью.

«В нашей работе, – отмечал Раковский, – мы больше и больше наталкиваемся на тормоз со стороны центральных учреждений. Создаётся впечатление, что хозяйственно-экономические центры Советской Федерации уделяют мало внимания интересам украинских рабочих и крестьянских масс, мало считают с нашими просьбами и проблемами, слишком нас обижают... Выше затронутое нетерпимое положение вынуждает нас снова поставить в ЦК вопрос об Украинском Промбюро и предостав-

лении ему большей свободы действий в смысле постановления последнего партийного съезда /IX, прошедшего в марте-апреле 1920 года – **Ю.Ж.**/».⁸

Раковский далеко не случайно вспомнил о Промышленном бюро. Об органе, созданном на Украине весной 1920 года как чисто номинальное представительство ВСНХ РСФСР. Поначалу оно объединяло губернские Совнархозы и их районные управления, координируя и направляя работу всех предприятий УССР. Существовая предельно автономно, не испрашивая согласия Москвы на каждое своё решение. Только после настойчивых призывов того же Раковского к объединению деятельности двух Высших Советов народного хозяйства Промбюро Украины утратило прежнюю самостоятельность, стало всего лишь органом уполномоченного ВСНХ РСФСР.

И вот теперь председатель СНК УССР предлагал вернуться назад. Восстановить прежнюю практическую независимость Промбюро от Центра. Воссоединение даже в виде федерации, создаваемой по им же предложенному плану, перестало его устраивать.

Следующую попытку скорректировать новые отношения двух республик Раковский сделал уже после подписания российско-украинского союзного договора. На этот раз – не индивидуально, а вместе с Компартией Украины, после кооптации на пост её первого секретаря Ф.Я.Кона. На Первом Всеукраинском партийном совещании, проходившем в Харькове со 2 по 4 мая 1921 года, неожиданно придали национальному вопросу весьма важное значение. В особой резолюции указали:

«Поскольку государственные отношения между двумя братскими республиками находятся лишь в процессе оформления и не вылились пока в определённые устойчивые формы, наша партия должна предпринять шаги к скорейшей выработке конституционных основ, регулирующих взаимоотношения между РСФСР и УССР».

Тем самым, резолюция демонстративно проигнорировала существование российско-украинского договора и почти дословно процитировала высказывание Раковского, сделанное чуть ли не за год перед тем, на страницах журнала «Коммунист». Заодно резолюция дезавуировала и «Тезисы», последовательно утверждённые Лениным, Политбюро, IV конференцией КП(б) У. Мало того, в ней далеко не случайно, явно преднамеренно, вспомнили об одном из решений VIII конференции РКП (декабрь 1919 года) – «О советской власти на Украине». Решении, порождённом весьма специфической ситуацией, сложившейся в ре-

спублике после изгнания деникинцев и петлюровцев – разгулом политического бандитизма. Авторы резолюции партсовещания не только «вдруг» припомнили о нём, но и сочли крайне своевременным извлечь из него, используя, как наиболее актуальное, следующее положение:

«Члены РКП на территории Украины должны на деле проводить право трудящихся масс учиться и объясняться во всех советских учреждениях на родном языке, всячески противодействуя попыткам искусственными средствами оттеснить украинский язык на второй план, стремясь, наоборот, превратить украинский язык в орудие коммунистического просвещения трудящихся масс».

В контексте с этой фразой последний пункт резолюции партсовещания прозвучал более чем двусмысленно. Партия, указывал он, «не может допустить, чтобы партийные организации стали ареной национальных конфликтов, разыгрывающихся за её пределами среди мелкой буржуазии, как великорусской, так и украинской. Только одновременно борясь с проявлениями великорусского русотяпства и украинского шовинизма, наша партия сумеет тесно сплотить свои ряды».⁹⁻¹⁰

Под требованием не допустить превращения парторганизаций в арену «национальных конфликтов» скрывались вполне прозаические проблемы, возникшие на Украине как результат того, что ещё 5 февраля ВуЦИК своим постановлением, не согласованным со ВЦИК, образовал Донецкую губернию (произвольно, хотя, вроде бы, временно, определив её территорию). Отчасти – засчёт близлежащих земель России.¹¹ Первым результатом столь беззастенчивого (откровенно произвольного) администрирования стал – правда, лишь в мае 1920 года – так и не приведший ни к чему, ибо оказался слишком мягким, протест ВЦИК. Члены его Президиума посчитали необходимым предложить Харьковскому пересмотреть своё постановление и уже совместно провести размежевание соседних Донецкой и Ростовской губерний. Политбюро отказалось вникать в суть спора, явно лежавшего вне его компетенции. Поручило Сталину разобраться в произошедшем.¹² Однако тот так и не нашёл для того времени.

Следующим, всё на той же почве, возник своеобразный партийный конфликт. Как бы предвосхищая (странное, мягко говоря) требование вскоре созданного Первого Всеукраинского партсовещания «превратить украинский язык в орудие коммунистического просвещения», в октябре 1920 года Донецкий губком обратился в Политбюро с необычной просьбой: Разрешить ему

заменить партийные билеты, оформленные на украинском языке, на точно такие же, но с записями на русском. Дело заключалось в том, что местные рабочие, шахтёры, железнодорожники, в большинстве своём русские либо считавшие себя таковыми, полагали украинскую «мову» чуждой, малопонятной для себя.

И снова Политбюро уклонилось от решения. Поручило члену Оргбюро и секретарю ЦК Преображенскому во время его поездки в Харьков (если таковая вообще состоится) «внести ясность в этот вопрос с точки зрения равноправия великорусского языка».¹³ Ведь если бы была сразу же удовлетворена вполне законная просьба, то такого же рода обращения непременно начали бы поступать и из других районов Украины, Компартия которой вскоре оказалась бы без украинского пролетариата.

Все подобного рода трения между двумя республиками не могли не сказаться на «выработке основ федеральной Конституции». На выполнении задания, порученного Политбюро одновременно с утверждением «Тезисов» ЦК КП(б)У комиссии Каменева, Крестинского и Раковского. За два последующих года никто из них так и не вспомнил о важном поручении. Даже Раковский, его инициатор.

Более стремительно разногласия между Харьковым и Москвой стали разрастаться с января 1922 года. С того момента, когда зашла речь об общей для всех советских республик, а также Бухары, Хорезма и ДВР, делегации на Международную конференцию в Генуе. Тогда-то и выяснилось, что Чичерин, рекомендовавший Политбюро в феврале 1920 года назначить Раковского по совместительству наркомом по иностранным делам УССР, но без соответствующего наркоматовского аппарата,¹⁴ изрядно просчитался. Он предполагал, что украинский премьер не воспримет дополнительную должность всерьёз. Станет использовать её только в редчайших случаях. Скажем, в ходе переговоров с Польшей, и не более того. Однако Раковский уже вошёл во вкус власти. Возжелал самостоятельно решать вопросы не только внутренней жизни Украины, но и представлять её на международной арене. Повсюду, где сможет.

5 января 1922 года, когда об участии Советской России в работе грядущей Генуэзской конференции знал предельно ограниченный круг людей наивысшего ранга, в Политбюро поступил «протест» ЦК КП(б)У, вызванный тем, что «их» Раковский не вошёл в состав делегации, направляемой в Италию.¹⁵ Москве не оставалось ничего иного, как срочно ввести наркома по иностранным делам УССР в число тех, кто должен был отстаивать общие советские интересы.

Между тем, сам Раковский в тот момент находился, и вполне легально, в Праге. В столице Чехословакии, с которой ещё не были установлены дипломатические отношения (соглашение о том последовало только в июле того же года). Вёл там переговоры с неким лицом, представившимся «лидером закарпатских украинцев» (русинов). Заявившим, что, якобы, Чехословакия намерена поддержать РСФСР при вторжении петлюровских отрядов, что ожидается ближайшей весной. Правда, не уточнив, каким же образом такая помощь будет оказана, если у двух стран отсутствует общая граница. Кроме того, так и не названный в документе «лидер» присовокупил: «С точки зрения Карпатской Руси, всякое правительство России заслуживает поддержки, поскольку оно есть правительство национального объединения... Вся политика Карпатской Руси сводится исключительно к стремлению воссоединения с Россией».¹⁶

Столь обнадеживающая информация, которой советскому руководству очень хотелось верить, заставила смириться и с пребыванием Раковского в Праге, и с установлением им весьма сомнительных контактов. И всё же, прежде более чем благоприятное отношение к украинскому премьеру сохранялось лишь до середины января. До приезда его в Москву.

Оказавшись в российской столице, Раковский тут же направил в ЦК, на имя нового секретаря В.М.Молотова, записку. А в ней подверг жесточайшей критике предложение Чичерина, с которым успел познакомиться как член генуэзской делегации.

«Представленный тов. Чичериным проект соглашения, – отмечал Раковский, – между советскими республиками «объединения внешней политики» в случае принятия явится величайшей политической ошибкой. В этом проекте имеется прямое «подчинение» внешней политики советских республик Наркоминделу, который один будет представлять все республики во всех отношениях, за границей будет заключать договоры, торговые, политические и другие, будет решать вопросы об их границах, об их отношениях с иностранцами и проч. Я считаю этот проект ошибкой по следующим причинам:

1. Формально он является отменой существующих договоров между РСФСР и союзными республиками... 2. Это соглашение идёт вразрез с той линией по национальному вопросу, которая в течение четырёх лет проводилась Центральным Комитетом».¹⁷

У всех читателей записки (а ими непременно должны были стать, помимо Молотова, члены и кандидаты в члены Политбюро, члены Оргбюро, секретари ЦК и, разумеется, Чичерин) долж-

но было сложиться впечатление, что Раковский напрочь забыл о собственной прежней позиции, о своих прежних взглядах.

Забыл о достаточно важной детали содержания «Тезисов», направленных Ленину два года назад – «естественно, намечается объединение Народных комиссариатов по иностранным делам». Забыл о совсем недавнем, о двух постановлениях Политбюро – а они для большевика Раковского имели силу приказа – от 8 декабря 1921 года, то есть всего полтора месяца назад, введших фактический контроль российского Наркоминдела за внешнеполитической деятельностью Украины, да и не только её:

«Признать как не подлежащее нарушению правило, что союзные советские республики не могут заключать никаких договоров без предварительного соглашения с НКВД РСФСР». «Признать, что все представители союзных советских республик за границей подчиняются полпреду РСФСР. В случае расхождений должны выполняться решения полпреда РСФСР с перенесением вопроса в Москву для согласования центральными ведомствами заинтересованных республик».¹⁸

Забыл Раковский и о том, что в соответствии с им же подписанным союзным договором УССР и РСФСР, Наркомат внешней торговли стал объединённым. И ещё почему-то не припомнил фразы из «Тезисов», являвшихся в немалой степени результатом именно его творчества – «Выдвигание национального вопроса во главу угла борьбы против Коммунистической партии – является... попыткой сорвать или затруднить установление пролетарской диктатуры».

Видимо, ощутив, что изрядно зарвался в своей критике, Раковский попытался несколько смягчить свою позицию. «Я думаю даже, – продолжил он, – что необходим общий федеральный орган по иностранным делам». Но тут же оговорился: «К этому вопросу нужно подходить со всей должной серьёзностью и сконструироваться так, чтобы не имелось протеста на автоматическое распространение власти Наркоминдела /РСФСР – Ю.Ж./».¹⁹ Без сомнения, подразумевал собственный, уже действующий протест.

Вообще-то Чичерину следовало обидеться на столь непоследовательного, беспринципного товарища по партии и коллегу по работе. Вместо того он попытался если не взять Раковского прямо под защиту, то хотя бы использовать его филиппику, чтобы напомнить членам Политбюро о своём (не столь уж давнем) предложении. В письме от 28 января, направленном Сталину (с ним отнюдь не по собственной воле, а по указанию Политбюро

формировал делегацию в Геную), предложил паллиативное решение проблемы: «Поставить во главе всех /НКВДов – Ю.Ж./ настоящий федеральный Наркоминдел». ²⁰ Высказывая, правда, такое вполне справедливое мнение, забыл, что подобные задачи самостоятельно, в отрыве от других, схожих, решить невозможно.

Не встречая должного отпора, Раковский не прекращал отстаивать право на «самостийную», разрушительную для братского союза, за который одновременно и ратовал, политику. Доказывал правомочность (как главы правительства и внешнеполитического ведомства Украины) направить в Ревель, Ригу и Ковно, не уведомив о том НКВД РСФСР, дипломатические миссии УССР, хотя пока под видом реэвакуационных комиссий. Когда же такого рода незаконные действия ему всё же поставили в вину, потребовал обсудить на ближайшем пленуме ЦК вопрос «Об отношениях между РСФСР и союзными республиками в обстановке новой хозяйственной политики и новых международных отношений». ²¹ Уверился, вне всякого сомнения, что переход к НЭПу, участие в Международной конференции означает не только предоставление самостоятельности промышленным предприятиям, но и возвращение советским республикам, объединение которых обуславливалось условиями Гражданской войны, всех их суверенных прав.

Только тогда последовали твёрдые возражения. По инициативе Чичерина 16 марта Политбюро приняло следующее решение: «Отдельные полпредства Украины назначать в том случае, когда это признаётся необходимым обоими Наркоминделами, украинским и российским». Вместе с тем, высший партийный орган согласился и с возникшей необходимостью обсудить испортившиеся отношения двух республик. ²²

XI съезд РКП, проходивший с 27 марта по 2 апреля, несколько отсрочил обсуждение вопроса, на котором так настаивал Раковский. Между тем, конфликт, спровоцированный им, не только не стихал, но разгорался всё сильнее. Лишь в апреле Политбюро, пополненное Н.И.Рыковым – заместителем председателя СНК РСФСР и М.П.Томским – главой советских профсоюзов, председателем ВЦСПС (еще в марте 1921 года членом Политбюро избрали Зиновьева взамен Крестинского, направленного полпредом в Берлин), пришлось дважды выражать негативную оценку работы ЦК КП(б)У.

20 апреля – в связи с постановлением ВуЦИК об амнистии рядовым участникам контрреволюционных вооружённых формирований (Деникина, Колчака, Юденича, Врангеля, Петлюры,

Булак-Балаховича, Савинкова). Ведь именно такой акт ВЦИК утвердил ещё 3 декабря минувшего года. Поэтому ещё один, дословно повторивший его, но исходящий из Харькова, ничего, по сути, не добавлял, демонстрируя лишь некую самостоятельность УССР.²³

А всего неделю спустя Политбюро указало Раковскому на его самовольные действия. «Подтвердить ещё раз, – отмечало решение, – к сведению ЦК КПУ, что никакие самостоятельные переговоры отдельных советских республик с иностранными государствами не должны вестись без предварительного согласования с НКВД РСФСР или ЦК РКП. Ввиду того что имеющееся по этому поводу постановление Политбюро ЦК нарушается в исключительной обстановке /подразумевалось участие в Генуэзской конференции – **Ю.Ж.**/, нарушения эти явно преступного характера, предать виновных партийному суду». Не ограничившись тем, в тот же день, 27 апреля, Политбюро приняло ещё одно, столь же необычно жёсткое решение – о немедленной ликвидации представительств УССР в странах Прибалтики.²⁴

2. Сталин начинает действовать

Харьков, отстаивая формальную суверенность, делал то под флагом сохранения собственной внешней политики. Как-никак, здесь УССР было что терять. Лично Раковскому – полновластный контроль над работой представительств в Польше, Чехословакии (их существование оправдывало значительное число украинцев, проживавших в этих странах), Германии, Австрии, и, вполне возможно, в скором времени ещё и в Эстонии, Латвии, Литве, Италии и Турции (признавших де-юре либо де-факто правительство Советской Украины).²⁵

Ещё один появившийся на политической сцене фрондёр, Тифлис, попытался отстаивать иное. Сохранение собственных грузинских вооружённых сил. Точнее – бригады, состоявшей из трёх полков и артиллерийского дивизиона.

Поначалу у Грузинской Компартии не было и таких требований. Во всяком случае, на её Первом съезде, проходившем с 23 января по 1 февраля 1922 года, они не прозвучали. Необходимо было прежде всего разрешить более важный вопрос – восстановить единство внутри ЦК, для чего решительно осудить «националистические тенденции и уклоны, обнаружившиеся в части ЦК». Осудить тех членов ЦК, которые во главе с Б.Мдивани фактически отошли от той линии, которую указывал Закавказский крайком.

Далеко не случайно вторым по порядку и важности съезд принял постановление «По национальному вопросу». «В результате трёхлетней пропаганды – словом и кровавым делом – национальной вражды меньшевикам удалось ослабить те узы братской солидарности и взаимного доверия, которые связывали раньше трудящиеся народности Грузии, а их – с народами всего Кавказа и России. Советская власть трудящихся по природе своей интернациональна и опирается на равноправие всех наций и народностей, добровольный союз которых служит залогом успешной борьбы и победы – как над прямыми врагами трудящихся, так и над хозяйственной разрухой.

Очередной задачей Компартии и Советской власти в Грузии является беспощадная борьба за искоренение всех остатков и пережитков национальной вражды и взаимного недоверия между трудящимися разных народностей Грузии, завещанных нам реакционным режимом меньшевиков».

Такая характеристика национализма заставила внести в данное постановление ещё один, весьма важный, раздел. «Сравнительная многочисленность, – указывалось в нём, – пестрота и перемешанность наций и племён, равно как природные условия Грузии, ставят известные преграды проведению полностью и до конца принципа самоопределения народностей в условиях Советской Грузии, принимающего характер административного размежевания составом и с одинаковым экономическим районом с однородным национальным и бытовым укладом.

Но при этом есть возможность выделить в будущем такие национальные и этнографические группы, организовать их по одному из типов национальной советской автономии (область, автономия, административно-трудовые коммуны), как, например, мусульманское население Борчалинского и Ахалцихского уездов, немцы Борчалинского уезда и т.д. Нынешние административные границы уездов не могут служить препятствием к выкраиванию целостных районов, по возможности, с однородным по национальности населением».²⁶

И, тем не менее, те же члены ЦК, готовившие данное постановление (несомненно, под руководством Орджоникидзе, отстаивавшего позицию Сталина), попытались использовать проблемы со снабжением грузинской бригады как повод для возобновления уже осуждённого съездом «националистического уклона». А чтобы добиться своего наверняка, обратились, нарушая все правила субординации, не к командующему Отдельной Кавказской армии (ОКА) – в которую и входила бригада – А.И.Егорову, не к членам РВС армии (Орджоникидзе, Элиаве,

Мясникову) и не в РВСР. Свою просьбу направили непосредственно больному Ленину. Ну, а тот, не вникнув в проблему, без каких-либо объяснений или обоснований поддержал «товарищей из Тифлиса». Не учёл либо попросту забыл, что в соответствии с подписанным незадолго перед тем, 8 декабря 1921 года, российско-грузинским соглашением никакой грузинской Красной Армии больше не существовало. Как национальная бригада она была включена в состав ОКА.

Сначала, 13 февраля, просьбу грузинского ЦК Ленин переадресовал Орджоникидзе. «Абсолютно необходимо, – писал Владимир Ильич, – чтобы на съезде Советов Грузии было принято решение об обязательном усилении Красной Армии Грузинской, и чтобы это решение было выполнено на деле. В крайнем случае, если крестьяне против /? – **Ю.Ж.**/, надо провести решение в самой общей форме, признать необходимым «обязательно усилить Грузинскую Красную Армию, призвать все органы власти и все трудящиеся массы к работе над этим».

Я ограничиваюсь политической стороной дела: за невыполнение этого выгоним из партии безо всяких. Это политически необходимо, и Вы лично, и весь грузинский ЦК ответите перед всей партией за это».²⁷

А вслед за тем, видимо, сообразив, что у Орджоникидзе возможности для исполнения поручения ограничены, записку точно такого же содержания направил в Политбюро. Оно же, на заседании 25 февраля, проходившего в отсутствии Троцкого, не стало обсуждать внезапно возникший неподготовленный вопрос. Решило задачу предельно просто: «Согласиться с предложением тов. Ленина о необходимости усиления её / грузинской Красной Армии – **Ю.Ж.**/ снабжения. Предложить военному ведомству совместно с Наркомфином и Наркомпродом установить для этого дополнительные средства». Но всё же, чтобы снять с себя ответственность за возможную ошибку, завершили согласие важной оговоркой – «Передать на заключение тов. Троцкого».²⁸

Маловразумительное происшествие напрямую затронуло интересы и прерогативы Председателя РВСР. Человека, политически куда более сильного и значимого, нежели Чичерин. Не пожелавшего согласиться с принятым без него решением, касающимся непосредственно вооружённых сил. Тут же направившего в Политбюро протест, вынудив тем его членов поспешно отменить собственное решение. Уже на следующем заседании, 27 февраля, было поручено «тов. Сталину переговорить с тов. Троцким»,²⁹ который всё ещё находился вне Москвы.

8 марта Сталин и Троцкий сообща поступили так, как следовало то сделать Политбюро сразу же, по поступлении записки Ленина. Получив одобрение высшей партийной инстанции, направили в Грузию Чрезвычайную инспекцию во главе с начальником Политического управления РСФСР Л.П.Серебряковым – для проверки на месте истинного положения грузинской бригады.

Здесь необходимо оговориться. Вполне возможно, члены грузинского ЦК на самом деле искренне хотели помочь красноармейцам своей национальной бригады. Только потому и захотели вывести её из подчинения ОКА, полагая, что «пищевым и денежным довольствием» Тифлис сможет обеспечить их гораздо лучше, нежели РСФСР. Но нельзя исключить и иного. Подняли они военный вопрос в отместку Троцкому, добившемуся 30 января от Политбюро требования к пропагандистским органам «ускорить бешеную атаку на меньшевиков Грузии».³⁰

Позднее, в книге «Моя жизнь», изданной в 1930 году в Берлине, Лев Давидович без зазрения совести исказил события. Писал, передавая свои слова, сказанные Каменеву: «Я хочу радикального изменения национальной политики, прекращения репрессий против грузинских противников Сталина».³¹

В свою очередь, обращение грузинского ЦК через его голову непосредственно к Ленину, вполне могло вызвать у Троцкого желание отплатить. Любым способом скомпрометировать Тифлис. А такая возможность представилась ему очень скоро. В первых числах апреля в Берлине, на конференции трёх Интернационалов – Второго Социалистического, Двухсполовинного Венского и Третьего – глава делегации Коминтерна Радек и его заместитель Бухарин позволили себе выразить мнение о положении в Грузии, противоречащее позиции ЦК РКП. Они поддержали социал-демократов (в том числе и грузинских) в том, что Грузия захвачена и оккупирована Красной Армией против воли её населения.

Узнав о том, Троцкий поспешил направить в Политбюро записку. «Вопрос о Грузии, – писал он 9 апреля, – вошёл в официальную декларацию трёх Интернационалов. Таким образом, подтверждается целиком, что по этому вопросу (наряду с процессом эсеров) предстоит ещё бой в международном масштабе... Лозунг манифестации и первомайского праздника на Кавказе должен быть: «Империалисты протягивают свои руки к Кавказу». «Международные социал-демократы пролегают им путь». «Трудящиеся Кавказа и красноармейцы, берегите Кавказ!»»

Не ограничившись столь простым (лозунгами), Троцкий продолжал: «Нужно попытаться провести в этом духе кампанию по

всей Грузии. Нужно, чтобы в губерниях, уездах, сёлах выносимые резолюции, поддерживающие воззвание последнего съезда Советов /Грузии, состоявшегося 25 февраля – 3 марта 1922 года, принявшего обращение к Красной Армии с просьбой не уходить из республики – **Ю.Ж.**/, клеймили новое покушение на Грузию со стороны меньшевиков и империалистов. Руководство проведением этой кампании нужно возложить на т.Орджоникидзе». ³²

Для Председателя РВСР война (Гражданская война в Грузии, пусть и идеологическая) всё ещё продолжалась. И бороться приходилось не только со старым врагом – меньшевиками, но и теми, кто вольно или невольно проводит их линию – и с частью членов ЦК КПГ, и с Радеком, Бухариным.

А что же Политбюро? Как оно оценило странный, фактически, предательский поступок Радека и Бухарина? Его решение, основанное на записке Троцкого, оказалось предельно лаконичным, но без каких-либо соответствующих «оргвыводов», «предания партийному суду». «Ввиду ошибочности обязательств, – указывалось в нём, – взятых Бухариным и Радеком относительно Грузии, требуем особой решительности и непримиримости в этом вопросе»³³. Только и всего...

На инспектирование грузинской бригады у Серебрякова почему-то ушло три месяца. Правда, включая нелёгкий путь по почти недействующей железной дороге от Москвы через Баку в Тифлис. Однако о результатах доложил не он, а командование ОКА.

«Передаём, – информировали они 10 июня Москву шифротелеграммой о новых требованиях теперь уже наркомвоенмора Грузии Джекия, – наше мнение по поводу ходатайства, возбуждённого ЦК, о выделении из состава ОКА грузинских частей. Просим срочного разрешения выдвинутых вопросов.

Народный комиссар по военным и морским делам ССР Грузии тов. Джекия возбуждает вопрос о передаче грузбригады в его подчинение во всех отношениях, с оставлением армии – лишь в оперативном и инспекционном отношениях.

Такое положение существовало до подписания 8 декабря 1921 года соглашения между правительством РСФСР и правительством Закавказской (Грузинской – **Ю.Ж.**) СС Республики по военным вопросам и было признано ненормальным, так как перед командованием армии не было ответственного за состояние бригады органа. Со времени перехода бригады в полное подчинение РВС армии значительная часть наболевших вопросов постепенно изжита, снабжение и продовольствие наладились, и можно считать, что состояние бригады ничуть не хуже остальных

частей армии, тогда как в 1921 году войска Грузии были поставлены в тяжёлые условия.

В бригаде некомплект только в 17%. Ввиду этого РВС армии считает просьбу народного комиссара по военным и морским делам ССРГ необоснованной, и передачу бригады в полное его подчинение во всех отношениях, кроме оперативного и инспекционного, нецелесообразной. Если же ЦК КПГ находит такое предложение необходимым и принимает на себя ответственность за поддержание и снабжение бригады, РВС армии настаивать на своём мнении не будет, но принуждено довести об этом до сведения ЦК РКП и РВСР и снять с себя ответственность, ибо такая мера поведёт к разложению грузинских войск, причём при таком разрешении вопроса необходим коренной пересмотр указанного выше соглашения».

Общее мнение Орджоникидзе дополнил собственным: «Со своей стороны считаю необходимым заявить, что решение Президиума ЦК Грузии ведёт к срыву Закавказской Федерации, ибо если в военном вопросе не будет единства формирования и у командования, то по другим вопросам нечего и говорить».

Изучив эту телеграмму, члены Политбюро ограничились решением в одно-единственное слово – «Утвердить».³⁴

Столь же лапидарно и категорично был разрублен и ещё один узел грузинского вопроса. Несколько позже, 10 августа, Политбюро удовлетворило просьбу заместителя председателя ВЧК-ГПУ И.С.Уншлихта, фактически руководившего этим органом по борьбе с контрреволюцией, о «высылке за границу грузинских меньшевиков».³⁵

Между тем, конфликт Москвы с Харьковом вступил в новую фазу. Теперь выразителем оппозиции идее объединения выступил уже не Раковский, а заместитель председателя СНК УССР и командующий войсками Украины и Крыма М.В.Фрунзе.

Он родился в Пишпек (затем – Фрунзе, ныне – Бишкек), в семье обрусевшего молдаванина (из-под Тирасполя) и русской крестьянки. Окончил гимназию в Верном (ныне Алма-Ата), учился в петроградском Политехническом институте. В большевистской партии – с 1904 года. С 1918 года – в Красной Армии, в 1919 – командующий Туркестанским фронтом, в 1920 – Южным. И вот, человек с такой биографией 4 мая 1922 года представил в Политбюро от имени ЦК КПУ просьбу отменить решение от 27 апреля. То самое, которое запретило УССР и остальным советским республикам вести переговоры с иностранными государствами без предварительного согласия НКВД РСФСР.

Неожиданно для многих оказавшись в роли фрондёра, Фрунзе невольно подтвердил правоту Раковского, с осуждением писавшего в январе 1920 года: «Идея о самостоятельном украинском государстве захватила и некоторые круги нашей партии». Оказалось – не «некоторые круги», а руководство партии. При этом – не украинцев по национальности.

Политбюро не просто отвергло просьбу ЦК КПУ.³⁶ Всего пять дней спустя сознательно приняло ещё одно решение по такому болезненному для Харькова вопросу. Утвердило как государственный акт соглашение, срочно подготовленное и подписанное в Москве 5 мая полпредом УССР в РСФСР, бывшим боротьбистом М.Н.Полозом и полпредом РСФСР в Латвии, членом коллегии Наркоминдела РСФСР Я.С.Ганецким. Соглашение, сводившееся к следующему:

«Отдельные представительства Украины в прибалтийских странах ликвидируются, причём окончательная ликвидация должна быть закончена не позже 26 мая. В случае надобности НКВД Украины по соглашению с НКВД РСФСР назначает своего представителя, который входит в состав соответствующего представительства РСФСР в Прибалтике».³⁷

Разумеется, тем Харькову просто напомнили о его настоящем месте в структурах пока ещё не оформленной федерации. Всё же, не дожидаясь завершения воссоединения, следовало даже на этом этапе сделать всё возможное для нормализации взаимоотношений двух республик. Добиться их полного согласия. А потому практически сразу же, 11 мая, члены Политбюро, собравшиеся в почти полном составе (отсутствовал лишь Зиновьев), обсудили «украинские дела», как был назван вопрос в повестке дня заседания. Вопрос, всё же внесённый Фрунзе, а также оппонировавшими ему Мануильским, ставшим первым секретарём ЦК КПУ Ганецким и заместителем наркома по иностранным делам РСФСР Караханом.

Хотя проблема вроде бы была совершенно ясной и понятной (к ней обращались уже дважды, 4 и 9 мая), постарались не торопиться, а решение подготовить очень тщательно. Для того образовали, как то часто бывало, специальную комиссию, включившую Сталина, Каменева, Фрунзе, наркома юстиции Украины Скрыпника и Мануильского – «для проверки отношений между УССР и РСФСР», предоставив им на работу две недели.

И всё же, внешне вроде бы объективный, непредвзятый подход к проблеме оказался в действительности предрешённым выводом. Загодя подсказывающим, какую же оценку следует сделать комиссии. Ведь следующий пункт решения гласил:

«Заслушав запросы и сомнения членов ЦК КПУ, ЦК РКП устанавливает, что никакой перемены в отношениях РСФСР и УССР в смысле отмены или умаления независимости Украинской Республики и вообще в смысле пересмотра основных конституционных положений Украинской Республики не произошло».

Мало того, ещё один пункт фактически дискредитировал и оба прежних решения Политбюро по данному вопросу, и позицию Наркоминдела РСФСР. «Если бы оказалось, – указывалось в нем, – что НКИД РСФСР была допущена посылка ноты или какие-либо сношения от имени Украины или непосредственно затрагивающие Украину без предварительного оповещения НКИД Украины, то такого рода шаги ЦК РКП признаёт безусловно недопустимыми и требует, чтобы в случае повторения чего-либо подобного были преданы суду секретарь и управделами НКИД РСФСР, отвечающие за нарушение непосредственно, и партийному суду – нарком и заместители его, ведающие непосредственно данной областью работы».

Но назревавшая трагедия с судами тут же обернулась фарсом из-за ещё одного, последнего пункта постановления: «Обязать СНК /РСФСР – **Ю.Ж.**/ ускорить разрешение вопроса о выдаче просимой ссуды НКиндел УССР».³⁸ Складывалась весьма пикантная ситуация. Независимую, самостоятельную внешнюю политику Харькова Москва почему-то должна была оплачивать из собственного кармана..

Комиссия, образованная тем же постановлением, собралась уже на следующий день. Фактически ведший заседание Сталин предложил «рассмотреть все заявления о неправильностях во взаимоотношениях ведомств УССР и РСФСР, а затем, исходя из постановления ЦК РКП /точнее, Политбюро – **Ю.Ж.**/ о неизменности взаимоотношений УССР и РСФСР, заслушать руководителей ведомств, и затем вынести решения». Выступивший вслед за ним Мануильский уточнил проблему, предельно сузив её: «выяснить разногласия, имеющиеся между Наркомпродами, а также между Центросоюзом и Вукоспилкой, затем перейти к другим Наркоматам, разбирая лишь те вопросы, относительно которых наркомы не смогут сами перед тем сговориться». Сталин добавил ещё одну тему – «об отделениях Покобанка / Банк потребительской кооперации РСФСР, образованный только что и вскоре переименованный во Всероссийский кооперативный банк – **Ю.Ж.**/ на Украине».³⁹

Так выяснилось, что все якобы имевшиеся серьёзные разногласия в отношениях двух республик порождены отнюдь не русским великодержавным шовинизмом или чрезмерным власто-

любием московских наркомов, а обстоятельствами куда более прозаическими и объективными; проблемами распределения продовольствия в условиях страшного голода, охватившего уже не только Поволжье, но и Северный Кавказ, Украину. Расхождения же между ведомствами и организациями оказались столь незначительными, что их руководители – член коллегии Наркомпрода РСФСР А.И.Свидерский и Наркомпрод УССР Коттель, председатели правлений Центросоюза Хинчук и Вукопспилки Затонский – на втором заседании комиссии, 17 мая, доложили о достигнутом ими полном согласии.⁴⁰

Так разрешился второй межреспубликанский конфликт. Разрешился вполне мирно, в отличие от первого, грузино-русского. 11 августа Оргбюро по представлению Сталина и Орджоникидзе освободило Джекия от должности наркомвоенмора ГССР и утвердило вместо него более покладистого Квиркели.⁴¹

3. Неоспоримое обоснование

На XI съезде РКП, проходившем с 27 марта по 2 апреля 1922 года, никто из докладчиков, а их оказалось немало – В.И. Ленин, В.М.Молотов, В.П.Ногин, А.А.Сольц, Г.Е.Зиновьев, М.П.Томский, А.А.Андреев, Л.Д.Троцкий, Г.Я.Сокольников, Е.А.Преображенский, М.Ф.Шкирятов, Г.И.Сафаров, Я.А.Яковлев – озабоченные лишь вопросами экономики, порождёнными НЭ-Пом, так и не вспомнили об (оказавшемся более чем сложным) противоречивом вопросе воссоединения страны. Не сказали о нём ни единого слова. Лишь Ленин, да и то мимоходом, упомянул о том, что должно было послужить бесспорным обоснованием для объединения, и быстрее, восьмью советскими республиками и ДВР.

Почему-то посчитав задуманное за уже достигнутое, он заметил: «У нас теперь деление России на областные районы проведено /выделено мной – **Ю.Ж.**/ по научным основаниям, при учёте хозяйственных условий, климатических, бытовых, условий получения топлива, местной промышленности и т.д.»⁴² То есть просто повторил сталинское объяснение того, чем же должно являться областное объединение. Но не учёл того, что проект нового районирования хотя и был разработан, но всё ещё весьма далёк от утверждения, претворения в жизнь. Да и должен он был охватить не только РСФСР, но и БССР, УССР, ГССР, АрССР, АзССР, Бухарскую и Хорезмскую советские народные республи-

ки, даже ДВР. Авторы проекта полагали воссоединение страны свершившимся фактом.

Впервые задачу районировать страну на принципиально иных, нежели прежде, основаниях – на исключительно научных – выдвинул VII Всероссийский съезд Советов. В постановлении «О советском строительстве», принятом 9 декабря 1919 года, указал: поручить ВЦИКу «разработать практически вопрос о новом административно-хозяйственном делении РСФСР».⁴³ Иными словами, довести до конца определение областных объединений – основной, согласно Конституции, структуры Российской Федерации. Однако за год дело так и не сдвинулось с места, почему очередной Всероссийский съезд Советов вынужден был повторить старое задание ещё одним постановлением, от 29 декабря 1920 года:

«Ускорить работу по проведению нового административно-хозяйственного деления Российской Социалистической Федеративной Советской Республики преимущественно на основе экономического тяготения... Предложить комиссии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета по федеративному устройству (Каменева – **Ю.Ж.**)... закончить свою работу к 1 марта».⁴⁴

Только теперь задание удалось выполнить в срок. Требуемую концепцию районирования представил член Президиума Госплана, видный инженер-энергетик И.Г.Александров – один из создателей плана ГОЭЛРО, а в скором времени и автор проекта Днепрогэса. Но подошёл он к решению задачи гораздо шире, нежели было намечено. Счёл в представленном им документе необходимым ответить на шесть отнюдь не риторических вопросов: какими должны быть принципы экономического районирования; конкретные нормы деления страны на области (районы) и подрайоны; согласование интересов центра и мест; планы развития народного хозяйства по областям (районам); взаимосвязь центра с только что созданными по постановлению VII Всероссийского съезда Советов от 29 декабря 1920 года губернскими и автономных республик экономическими совещаниями (Экосо) – учреждениями, призванными координировать деятельность местных органов ВСНХ, Наркоматов земледелия, продовольствия, финансов, труда; пределы компетенции Экосо и их организационные формы.

Исходя из именно таких задач (и должных, по мнению Александра и его коллег, помочь восстановить разрушенные хозяйственные связи), и был выработан проект, предложенный, прежде всего, вниманию Госплана и Административной ко-

миссии ВЦИК, возглавляемой М.Ф.Владимирским. Разумеется, в основу концепции принципиально нового районирования положили для начала чисто географические и экономические данные, предельно объективные. Учили климатические и почвенные особенности различных губерний, плотность населения, преобладание тех или иных земледельческих культур, видов животноводства, наличие заводов и фабрик и их мощность, горнодобывающей промышленности, имеющиеся пути сообщения – шоссе, железные дороги, речной и морской транспорт.

Вместе с тем, концепция проекта включила и весьма неожиданное, радикальное решение национально-территориального вопроса, которое рассматривало как главное препятствие на пути подлинно научного экономического районирования.

«Наша позиция при создании автономных областей, – указывал документ, – в настоящее время покоится на совершенно новом принципе целесообразного деления государства – на основе рационально-экономической, а не на пережитках утраченных суверенных прав». И сразу же были рассмотрены и контрдоводы;

«Такое подразделение возбуждает два опасения – насколько прочно может быть такое объединение /независимых советских республик – **Ю.Ж.**/ и не будет ли националистическая традиция мешать проявлению в жизнь чисто экономического признака. До известной степени первое опасение можно устранить степенью целесообразности произведённого разделения. Что же касается второго, то для уяснения себе точного значения вопроса необходимо учесть актуальность национальных отношений в России, причины возникновения в некоторые периоды подобной актуальности и степень живучести национальных традиций в странах /зарубежных – **Ю.Ж.**/, где бытовые и национальные особенности и их выявление не встречают препятствий».

Здесь Александров пошёл куда дальше Сталина, опираясь на положение, выдвинутое В.О.Ключевским: история России есть постоянное колонизационное движение на восток.

«История России, – повторял Александров, – до самого последнего времени была историей страны, население которой постоянно движется и заселяет свободные пространства. Если посмотреть на состав движущегося населения, то он далеко не однороден. Здесь, наряду с великороссами, мы видим массы крестьян из украинских губерний, белорусов, других». И подкрепил своё утверждение данными Переселенческого управления за 1896-1909 годы. Согласно же им наибольший отток населения в Сибирь, на Дальний Восток, в Туркестан наблю-

дался из Полтавской губернии (328.970 человек), Черниговской (278.086), Курской (234.288), Воронежской (199.272), Киевской (182.045), Харьковской (167.419), Тамбовской (157.876), Орловской (152.491), Самарской (144.017) и Екатеринославской (141.725). Кроме того, переселилось на восток и значительное – по отношению к общей численности – количество белорусов, латышей, молдаван, армян.

Отлично понимая, что такой «антинациональный» подход к районированию неизбежно вызовет наибольшие возражения, Александров сделал своеобразную оговорку. «Логически развивая, – отметил он, – основную идею современного федерализма для Российской Республики, необходимо признать, что всё, к чему в общем ходе развития страны население уже привыкло как к программе государственного центра с одной стороны, и что не тормозит развития местной самостоятельности в полном её объёме – с другой (относя всё это лишь к экономической деятельности), должно быть оставлено в числе полномочий федеративной власти. Иными словами, для России следовало бы за центральной государственной властью сохранить:

1) иностранные сношения; 2) армию и флот; 3) таможенную политику; 4) денежное обращение и государственный кредит; 5) магистральную сеть железных дорог и внутренних водных путей, морские порты и организацию морских сообщений; 6) магистральную электрическую сеть и государственные электрические станции общественного пользования; 7) крупные промышленные предприятия и государственные предприятия более мелкого масштаба, но имеющие по своему характеру общегосударственное значение», а также владение незаселёнными землями, водами и мелиоративными системами, недрами земли, лесами. Кроме того, к ведению исключительно федеративного Центра Александров в своём проекте отнёс законодательство, внешнюю торговлю, почту и телеграф. Словом, перечислил практически всё, что уже и без того было объединено либо подлежало объединению.

На основе таких базисных положений проект и предлагал разделить всю страну – не только Россию, но и Украину, Белоруссию, Закавказье, Хорезм и Бухару, ДВР – на двадцать административных областей.

Европейская часть:

Северо-Западная – Петроградская, Новгородская, Псковская, Череповецкая, Вологодская, Олонецкая, Мурманская губернии, Карельская Трудовая Коммуна; **Северо-Восточная**

– части Архангельской и Вологодской губерний; **Западная** – Минская, Витебская, Могилёвская, Смоленская, Брянская; **Центральная** – Тверская, Ярославская, Костромская, Рыбинская, Иваново-Вознесенская, Владимирская, Московская, Нижегородская, часть Тульской и Рязанской губерний; **Ветлуго-Вятская** – Вятская губерния, Вотская и Марийская автономные области; **Уральская** – Пермская, Екатеринбургская, Уфимская губернии, Башкирская Автономная Республика; **Средне-Волжская** – Татарская Автономная Республика, Чувашская автономная область, Симбирская, Самарская, часть Пензенской губернии, Трудовая Коммуна Немцев Поволжья; **Центрально-Чернозёмная** – Орловская, Курская, Воронежская, части Тульской, Тамбовской и Рязанской губерний; **Юго-Западная** – Житомирская, Киевская, Черниговская, Подольская, часть Херсонской губернии; **Южная горнопромышленная** – Харьковская, Екатеринославская, Донецкая, части Херсонской и Донской губерний, Крымская Автономная Республика; **Юго-Восточная** – часть Воронежской, Саратовская, Царицинская, часть Донской губернии; **Кавказская** – Кубанская, Терская области, Горская и Дагестанская автономные республики, Азербайджанская, Армянская, Грузинская социалистические советские республики.

Азиатская часть:

Урало-Эмбинская – Астраханская губерния, бывшая Уральская область, часть Киргизской Автономной Республики; **Западно-Сибирская** – Акмолинская, Семипалатинская области, Тобольская губерния; **Кузнецко-Алтайская** – Томская губерния; **Енисейская** – Енисейская губерния; **Ленско-Ангарская** – Иркутская губерния; Якутская – Якутская область; **Степная или Восточно-Киргизская** – часть Киргизской Автономной Республики; **Туркестанская** – Закаспийская, Самаркандская, Семиреченская, Сыр-Дарьинская, Ферганская области (то есть Туркестанская Автономная Республика), Хорезмская и Бухарская народные советские республики; **Якутская** – Якутская область; **Дальневосточная** – Дальневосточная Республика.⁴⁵

Проведением данной реформы достигалась, помимо прочего, и ещё одна, далеко немаловажная, цель – значительное упрощение структуры управления и вместе с тем огромное сокращение административного аппарата, резко выросшего за всего четыре года Советской власти. Ведь к 1922 году в РСФСР и УССР вместо 64 губерний и областей с 567 уездами и 10.622

волостями уже имелось 93 губернии, области, автономных республики с 701 уездом и 15.064 волостями. Новое же районирование намечало всего 21 область со 140-150 округами, призванными заменить уезды, и примерно 13.000 районов взамен волостей на территории, включающей и Закавказье, и Белоруссию.

Тем должно было завершиться претворение в жизнь Конституции РСФСР, предусматривавшей административное деление страны на именно такие областные объединения. Тем должно было быть восстановлено прежнее единство страны, ибо все без исключения национально-территориальные образования, будь то договорные или автономные республики, трудовые коммуны или автономные области, поглощались новыми областями, хотя и сохраняли свои границы, уже созданные органы власти – «мелкие входят как подрайоны, более крупные образуют самостоятельные районы и самые обширные образуют в своём составе несколько районов».⁴⁶

Более того, за всеми национально-территориальными образованиями (как, впрочем, и за новыми областями) предусматривалось сохранение полномочий в области коммунального хозяйства, регулирования торговли, кустарной и мелкой промышленности, землепользования, мелиорации, местного транспорта, здравоохранения, социального обеспечения,⁴⁷ не говоря уже об образовании и культуре.

Во всём этом Александров видел только огромные достоинства. «Нет никакого сомнения, – писал он, – что те национальные распри прошлого, ключ к которым, в последнем счёте, всё же приходится искать в экономике, при правильном экономическом районировании будут изживаться с чрезвычайной быстротой. Раз только район явится надлежащим звеном народного хозяйства всей федерации, то само нащупывание моментов подъёма его энергетики будет превыше всего ставить интересы мирной созидательной работы, развёртывающей небывалые формы отношений людей в их трудовых процессах. И вместе с чертами отсталого провинциализма будут всё более и более отходить на задний план отпрыски националистического шовинизма, теряющего свою питательную среду».⁴⁸

Против плана административно-хозяйственного районирования, разработанного Александровым и поддержанного Госпланом, открыто никто не выступил. Да и не мог осмелиться на то – ведь большевики (как марксисты) всегда исходили из примата экономического базиса, который и

определял бытовые особенности как надстройку. И всё же, утверждать реформу власть страны не торопилась. Просто передавала проект из одной инстанции в другую, всякий раз одобряя, но требуя дальнейшей доработки. Ярчайшим примером такого отношения стало постановление, принятое 20 марта 1921 года, второй сессией ВЦИК восьмого созыва по докладу М.Ф.Владимирского. Одобренные «Административной комиссией общие положения установления границ административно-хозяйственных районов» утверждались, но сопровождалась поручением, опять же, «Административной комиссии разослать проект нового районирования губисполкомам, которые обязаны представить в возможно краткий срок заключения в Административную комиссию». ⁴⁹

Лишь 4 ноября (семь месяцев – действительно «краткий» срок для чиновников!) согласованный с губисполкомом проект рассмотрел Совет труда и обороны – орган Совнаркома под председательством главы правительства, в компетенцию которого входило осуществление хозяйственных и финансовых планов, а также и руководство Экономического Совета РСФСР. Одобрил, в свою очередь, но обратился в Президиум ВЦИК с просьбой образовать Особую комиссию для завершения разработки проекта. Требуемую комиссию, которую возглавил М.И.Калинин, создали незамедлительно, и очень скоро результатом её работы стали «Тезисы», являвшиеся всего-навсего кратким изложением уже изрядно обветшавшего проекта Александрова.

Очередной документ прежде всего отметил: «в основу районирования должен быть положен экономический принцип. В виде района /области – **Ю.Ж.**/ должна быть выделена своеобразная, по возможности экономически законченная территория страны, которая, благодаря комбинациям природных особенностей, культурных накоплений прошлого времени и населения с его подготовкой для производственной деятельности представляла бы одно из звеньев общей цепи народного хозяйства...

В соответствии с нашей Конституцией и с общими началами нашей национальной политики экономический принцип районирования должен быть выявлен в такой форме, чтобы он содействовал материальному и духовному развитию всех национальностей и племён РСФСР применительно к особенностям их быта, культуры и экономического состояния. Провозглашённый Советской властью принцип самоопределения должен быть сохранён, и экономическое районирование должно послужить базой для наивысшего расцвета автоном-

ных национальных объединений в хозяйственном отношении.

Далее в «Тезисах» перечислялась двадцать одна область, на которые предполагалось разделить все восемь независимых советских республик, а затем подчёркивалось: «Экономический принцип и вытекающее из него разделение на районы /области – Ю.Ж./ должны послужить основой для установления нового административного деления, соответствующего требованию достижения системы управления, обеспечивающего наивысшее развитие производительных сил страны». И тут же пояснялось: «при новой структуре область – округ – волость общее количество административных единиц значительно понизится относительно с существующими».

Признав, тем самым, и злободневность реформы, и её значительные выгоды, авторы «Тезисов» одновременно продемонстрировали явное нежелание осуществлять её. Необходим, мол, переходный период, в котором действовать в пределах намеченных областей будут областные экосо, на которые и следует возложить «выработку форм перехода к новой системе и установление внутреннего деления на районы /области – Ю.Ж./». Сочтя такую оговорку недостаточной, «Тезисы» пояснили ещё раз – новая административная структура подлежит «особой разработке на основе принятого комиссией ВЦИК примерного перечня и проведена в законодательном порядке».⁵⁰

Президиум ВЦИК утвердил «Тезисы» 13 апреля 1922 года, но предложил ещё раз вынести их на обсуждение. Теперь уже – XIII съезда РКП, который должен был состояться не ранее весны следующего года. Но такой срок партийное руководство не устроило. 16 мая, на очередном пленуме ЦК, заместителю главы правительства А.И.Рыкову поручили провести «частное», то есть неофициальное совещание членов ВЦИК, дабы всё-таки получить от них окончательное суждение по вопросу о районировании.

Однако Рыков не оправдал доверия. 8 июня, отчитываясь на заседании Политбюро, признал несомненный провал совещания. Причиной же тому послужили «непродуманность» его состава и отсутствие отзывов с мест. Поэтому Политбюро предложило Госплану «разослать выработанный проект на места», а местным органам «в месячный срок по получении проекта представить Госплану свой отзыв». Кроме того, было решено «в главнейших областях и районах /экономических – Ю.Ж./ считать необходимым создание специальных совещаний и съездов для обсуждения этого проекта».⁵¹

4. Сталин близок к победе

Слишком затянулось утверждение не только административно-хозяйственной реформы, разработанной Александровым. Столь же непозволительно долго никто в руководстве не вспоминал и о более значимом – о воссоединении советских республик. Правда, всему тому, вроде бы, имелись достаточно веские основания.

25 мая очень серьёзно и, как вскоре выяснилось, надолго заболел Ленин. Полностью утратил всякую возможность (как активно, так и хотя бы пассивно) работать, направляя деятельность партии и государства. К тому же и Сталин оказался перегружен сверх всякой меры. К должности наркома по делам национальностей ему добавили пост Генерального секретаря ЦК РКП, на который его единодушно назначили ещё 3 апреля. Правда, одновременно освободили от более чем хлопотного руководства Наркоматом Рабоче-крестьянской инспекции (до февраля 1920 года – Наркомат государственного контроля). Тем не менее, ответственность за весь партийный аппарат (включая подготовку съездов и пленумов ЦК, заседаний Политбюро, Оргбюро и секретариата) требовала от него слишком много времени.

Лишь 10 августа дело воссоединения вроде бы сдвинулось с места. Но вспомнили о нём только благодаря очередным настойчивым требованиям Раковского и солидаризировавшегося с ним (но по совершенно иной причине) Мануильского – оформить, наконец, юридически союз Украины и России в полном соответствии с нормами советского права. При этом Раковский надеялся сохранить хотя бы видимость суверенности УССР, и прежде всего возможность самостоятельно проводить собственную внешнюю политику, используя для того свой Наркомат по иностранным делам. Мануильский же стремился к противоположному – к полному, органическому слиянию двух братских республик.

Политбюро, рассмотрев 10 августа их обращение, осознало, наконец, необходимость окончательно решать, больше не откладывая в долгий ящик, задачу. Задачу, давно перезревшую, судя по поведению Раковского. Но всё же пока было принято как паллиатив промежуточное решение. Первым пунктом его указало «в партийном порядке тем Наркоматам /РСФСР – **Ю.Ж.**/, соглашения которых с Украиной было утверждено комиссией Политбюро ЦК, что они должны руководствоваться в своих действиях этим соглашением, но без оформления его в советском порядке», то есть в форме постановлений ЦИКов как РСФСР, так и УССР.

Второй же пункт оказался главным. «Предложить Оргбюро, – указывалось в нём, – образовать комиссию с поручением к следующему пленуму ЦК подготовить вопрос о взаимоотношениях РСФСР и независимых республик для оформления его в советском порядке». ⁵²

Вот тогда-то Сталину и пригодилась должность генсека. Уже на следующий день – невиданная прежде оперативность! – Оргбюро сформировало требуемую комиссию. Включило в её состав членов ЦК – Сталина, В.В.Куйбышева, Раковского, Орджоникидзе, Сокольникова, а также представителей республик: от Азербайджана – С.А.Агамали-оглы, председателя ЦИК АзССР; Армении – А.Ф.Мясникова (Мясникяна), члена Президиума Закавказского крайкома и председателя СНК АрССР; Грузии – председателя Президиума ЦК Компартии ССРГ П.Г.Мдивани; Украины – Г.И.Петровского, председателя ЦИК УССР; Белоруссии – А.Г.Червякова, председателя ЦИК и СНК БССР; Дальневосточной Республики – Я.Я.Янсона, министра иностранных дел ДВР; Бухары – Ф.Ходжаева, председателя СНК БНСР; Хорезма – А.Ходжаева. ⁵³

Хотя ответственность за созыв комиссии возложили на Куйбышева, всем было понятно – руководить её работой непременно станет Сталин. Только он, и никто иной, ибо всем была памятна высочайшая оценка, данная Иосифу Виссарионовичу Лениным в его заключительном слове на последнем, XI съезде партии:

«Что же мы можем сейчас сделать, чтобы было обеспечено существующее положение в Наркомнаце, чтобы разбираться со всеми туркестанскими, кавказскими и прочими вопросами? Ведь это всё политические вопросы! А разрешать эти вопросы необходимо, это – вопросы, которые сотни лет занимали европейские государства, которые в ничтожной доле разрешены в демократических республиках. Мы их разрешаем, и нам нужно, чтобы у нас был человек, к которому любой из представителей наций мог бы пойти и подробно рассказать, в чём дело. Где его разыскать? Я думаю, и Преображенский /тот говорил на съезде о кадрах, их нехватке – **Ю.Ж.**/ не мог бы назвать другой кандидатуры, кроме товарища Сталина».

И добавил, характеризуя Сталина: он «человек с авторитетом». ⁵⁴

Сталин отлично понимал, что наконец-то ему представился столь желанный, столь долго ожидаемый случай осуществить задуманное ещё весной 1917 года. Потому, не теряя времени, поспешил представить чётко и однозначно сформулированное

предложение. Проект постановления предстоящего пленума ЦК – «О взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками». Проект, как он полагал, будет одобрен не только на местах, но и членами ЦК, пусть даже с какими-либо коррективами:

«1. Признать целесообразным формальное вступление независимых советских республик Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и Армении в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДВР открытым и ограничившись принятием договора с ними по таможенному делу, внешней торговле, иностранным и военным делам и прочее.

Примечание: соответствующие изменения в конституциях упомянутых в 1-м пункте республик произвести по проведении вопроса в советском порядке.

2. Признать целесообразным формальное распространение компетенции ВЦИКа, СНК и СТО РСФСР на соответствующие центральные советские учреждения перечисленных в п. 1-м республик.

3. Внешние дела (Индел, Вшешторг), военные дела, железнодорожные, финансовые и почтель /почта и телеграф – **Ю.Ж.**/, упомянутых в п. 1-м независимых республик объединить с такими РСФСР.

4. Наркоматы продовольствия, труда и народного хозяйства формально подчинить директивам соответствующих Наркоматов РСФСР.

5. Остальные Наркоматы упомянутых в п. 1-м республик, как то: юстиции, просвещения, внутренних дел, земледелия, Рабоче-крестьянской инспекции, народного здоровья и социального обеспечения считать самостоятельными.

Примечание: органы борьбы с контрреволюцией в упомянутых выше республиках подчинить директивам ГПУ РСФСР.

6. Настоящее решение, если оно будет одобрено ЦК РКП, не публикуется, а передаётся национальным пока как циркулярная директива для его проведения в советском порядке через ЦИКи или съезды Советов упомянутых выше республик до созыва Всероссийского съезда Советов, на котором оно декларируется как пожелание этих республик».⁵⁵

Не составляет труда заметить, что все положения, сформулированные Сталиным, не были чем-то новым, неведомым. Всё то, о чём он написал в проекте, практически уже существовало, действовало. И разделение Наркоматов на три группы, и полная координация работы республиканских органов власти через ВЦИК, Совнарком и СТО РСФСР. Оставалось только закрепить всё это формально – юридически.

В случае принятия проекта Сталин наконец-то достигал заветной цели. Украина и Белоруссия, Грузия и Армения, Азербайджан возвращались в состав единой страны. Пусть ещё не как областные объединения, а автономии. Такие же, как Туркестан, Киргизия, Горская Республика, Дагестан. Многонациональные (для Сталина это было очень важно, ибо устраняло местный шовинизм), исторически сложившиеся территориально, со своим особым бытом, вызванном только уровнем развития и своеобразием экономики. А в относительно скором времени проведение административно-хозяйственной реформы по проекту Александра позволит устранить временные, без сомнения, преграды, естественно порождённые национализмом, достигшим невиданной силы в годы революции и Гражданской войны. Позволит достичь искомого подлинного единства. А вместе с ним – и отказаться от пока сохраняемых на данном этапе во всех автономиях без исключения собственных Наркоматов, необходимых лишь как надёжный инструмент для выравнивания экономического и культурного уровня различных народов. Такие Наркоматы отомрут за ненужностью сами по себе.

Проект Сталина тотчас одобрило руководство партийных организаций подавляющего большинства независимых республик. Первым же откликнулся секретарь ЦК Компартии Украины Мануильский. Правда, неофициально – направил 4 сентября генсеку письмо, в котором выразил и понимание планов, и полное принятие их.

«Опыт истекшего года, – писал Мануильский, – показал, что то положение, которое создалось на окраинах и, в частности, на Украине, приводящее к ряду конфликтов между ведомствами центра и мест, дальше длиться не может. Это положение, приводящее к тому, что ответственные товарищи должны тратить три четверти своего времени на урегулирование конфликтов, должно быть радикально пересмотрено, ибо оно не отвечает более объективной обстановке.

В каком направлении?

Я полагаю, что в направлении ликвидации самостоятельных республик и замены их широкой реальной автономией. Это значит, что в отношении вопросов внешней торговли и иностранных дел надлежит установить единое руководство из центра при соблюдении соответствующих гарантий, что интересы окраин при торговых операциях с границей не будут обойдены. То же самое приходится сказать и в отношении всего хозяйства. Нынешняя форма взаимоотношений изжила себя, и на место единого

руководства у нас создаётся несколько «хозяев», что не может не отражаться губительно на самом хозяйстве...

Помимо этих практических соображений есть соображения, если хотите, и марксистски теоретического характера. Образование на окраинах самостоятельных республик со своими ЦИК и Совнарками отвечало определённому этапу нашей революции, который было бы неточно называть «национальным» этапом, но в период которого пролетарской диктатуре пришлось развязывать национальный вопрос. Это была неизбежная уступка национальной стихии, приведённой революцией в движение, и которая, опираясь на недовольство крестьянской массы, могла превратиться в серьёзнейшую «Вандею». Изменение экономической политики внесло успокоение в деревню, выбив почву из-под ног политических сепаратистов, пытавшихся использовать экономику для своих низких целей.

Несомненно, что введение сейчас автономии там, где существовал режим «самостоятельности», отразится на темпе того перелома, который мы называем «сменовеховством». В наших окраинных республиках, в частности на Украине, «сменовеховство» запоздало в силу национальных моментов. Введение же автономии задержит ещё на некоторое время украинскую смену вех, но никакого серьёзного национального движения в смысле оппозиции к этому курсу не вызовет, ибо почвы у украинской интеллигенции нет. Украинский мужик «национальным» вопросом не интересуется и больше принимать участие в бандах политического характера не хочет.

Нужно только, я полагаю, провести реализацию этого мероприятия таким образом, чтобы инициатива исходила от национальных съездов Советов, получив своё законодательное завершение на Всероссийском съезде Советов в декабре». ⁵⁶

Так, не мудрствуя лукаво, поступил Мануильский. Просто-напросто собственными словами пересказал содержание проекта Сталина. Но зато (что было весьма существенно) развеял возможные опасения, связанные с проявлениями национализма и сепаратизма. Ведь нельзя было исключить их воздействие пусть даже и на несколько делегатов, выступивших бы в ходе работы съезда Советов при обсуждении преобразования суверенной Украины во всего лишь автономию. Иначе поступили в партийных организациях других независимых советских республик.

11 сентября пленум ЦК Компартии Азербайджана принял краткое постановление:

«1. Признать необходимым более тесное, чем это было до сих пор, объединение Советского Азербайджана с Россией и соз-

дание единой Советской Федерации с предоставлением национальным республикам наибольшей самостоятельности в вопросах просвещения, местного административного управления, суда и земельных;

2. Признать, что Азербайджан по своему промышленному состоянию и географическому положению и до сих пор фактически был объединён с Советской Россией и что сейчас момент требует формального закрепления единства Азербайджана с Россией на началах широкой автономии;

3. Широкой агиткампании по популяризации этого решения не проводить, но признать необходимым вести подготовительные работы с целью выяснения отношения к этой реформе широких слоёв рабочих и крестьян.

*Секретарь ЦК АКП С.Киров».*⁵⁷

Ещё короче оказалось сообщение секретаря Компартии Армении С.Л.Лукашина (Скрапионяна), отправленное в Москву 16 сентября:

«Пленум ЦК КПА и Э(риваньского) комитета Коммунистической партии А(рмении) и совещание ответственных работников единогласно высказались за тезисы по вопросу о политико-экономических взаимоотношениях совреспублик и вынесло определённую мотивированную резолюцию».⁵⁸

В тот же день прошёл и пленум ЦК Компартии Белоруссии, но его постановление оказалось весьма своеобразным. Прежде всего, Минск, полагая ситуацию крайне благоприятной для себя, решил поторговаться. Напомнил Москве о своём давнем желании: «В связи с обсуждением вопроса о взаимоотношениях между советскими республиками, считать целесообразным поставить вопрос с территории Белоруссии, исходя из политической целесообразности объединения последней с Витебской и Гомельской губерниями на основах экономического и культурного развития края».

Лишь затем, вторым пунктом постановления, было выражено суждение по той проблеме, которую и следовало обсуждать: «Считать целесообразным установление отношений между комиссариатами Белоруссии и комиссариатами РСФСР, аналогичных с отношениями, установленными между РСФСР и Украиной».⁵⁹ Иными словами, пленум практически поддержал сущность проекта Сталина.

Таковыми стали мнения четырёх партийных организаций, от которых в конечном счёте зависели постановления республиканских съездов Советов. Мнения положительные. Только

в Тифлисе документ Сталина восприняли неоднозначно, что, впрочем, можно было ожидать. Ведь совсем недавно, в июле, многие члены ЦК Компартии Грузии позволили себе фактически отменить постановление собственного Первого съезда, и избравшего их в состав высшего партийного органа. Постановление, вроде бы безоговорочно поддерживающее создание Закавказской Федерации.

«Федеративное объединение, – отмечало оно, – принятое нашей партией и так сочувственно встреченное трудящимися всех народов в советских республиках Закавказья, а в дальнейшем и со всей великой Советской Федерацией России, возродит на новой основе былую солидарность и братский союз трудящихся Закавказья для борьбы и победы, как на хозяйственном, так и на военном фронтах. А потому съезд подтверждает необходимость ускорения предварительной работы по федеративному объединению республик с тем, чтобы на съезде Советов Грузии это решение получило санкцию полномочного представительства всех народов Грузии».⁶⁰

Это постановление было принято 1 апреля 1922 года. А всего три месяца спустя один из семи членов Президиума ЦК Компартии Грузии П.Г.Мдивани подготовил собственные тезисы, в которых выступил против самой возможности создания Закавказской Федерации в том виде, в котором она была задумана, уже одобрена не только в Баку и Эривани, но и в Тифлисе.

«Имея в виду, – писал Мдивани, – что в пределах каждой из закавказских республик рабочие и крестьяне избирают свои отдельные Советы и имеют свои отдельные съезды Советов, ЦИК и Совнарокмы, нельзя не признать, что носителем суверенности является только каждая из этих республик в пределах своей территории, а выразителями её прав верховенства – лишь её высшие органы.

Поэтому в системе советского строя, не знающего... общих выборов, союз республик может образоваться только на почве соглашения или договора верховных органов отдельных республик, и притом в пределах, точно очерченных в договоре, а федеральные учреждения, являясь органами с производными правами и осуществляя только ту власть, которая им делегирована отдельными суверенными республиками по известному кругу общих дел, исполняют волю этих республик, а вовсе не конкурируют и не умаляют их суверенности».⁶¹

Такую же позицию отстаивания суверенности Грузии при любых возможных объединениях занял и А.Г.Сванидзе, член ЦК Компартии республики и её нарком – одновременно – по ино-

странным делам, финансов, просвещения. «Вступая между собою в союз, – настаивал он, – не отказываются от суверенитета и удерживают:

а) отдельные источники власти (съезды Советов), отдельные государственные центры, осуществляющие законодательную и исполнительную власть на местах (ЦИК и СНК). Они сохраняют за собой все права, кои ими же переданы союзной власти. Союзная власть... осуществляет свои задания, выработанные на основе соглашения, путём соглашения же (фактического или предполагаемого)...». ⁶²

Наконец, гораздо позже, в сентябре – когда повсеместно шло обсуждение проекта Сталина – высказался и Ф.И.Махарадзе, член ЦК КПК и председатель ЦИК Грузинской ССР. В письме, адресованном выздоравливающему Ленину, он выражал неприятие практически всего, связанного с отношениями между Тифлисом и Москвой.

«...К сожалению, внешние условия для нашей работы за это время /»последние семь-восемь месяцев» – **Ю.Ж.**/ несколько не улучшились. Наоборот, они ухудшились и продолжают всё более ухудшаться. Прежде всего, создалась у нас страшная путаница и неразбериха во взаимоотношениях между союзными органами /Закавказской Федерации – **Ю.Ж.**/ с одной стороны, и республиканскими – с другой. Закрайком, который должен был бы урегулировать эти взаимоотношения, не сумел это сделать, не смог взять правильный курс и своим вмешательством ещё больше запутал дело.

Беда заключается ещё в том, что некоторые из ответственных товарищей, которые пользуются исключительным влиянием, хотят во что бы то ни стало опередить естественный ход вещей и форсировать события, не считаясь ни с внутренней, ни с международной обстановкой...

Далее вопрос о Грузинской Красной Армии всё ещё остаётся неразрешённым: её нет, есть, правда, грузинские части, вливаемые в ОКА. Наркомвоенмор существует лишь на словах и ему решительно нечего делать. Существование Грузинской Красной Армии, подчинённой через наркомвоенмора Грузии ОКА, вся наша партия находила и находит необходимым в интересах Советской власти в Грузии, но, к сожалению, все усилия нашего ЦК добиться этого до сих пор пока ни к чему не привели...

Наконец, вопрос о независимости снова стал в порядке дня, причём в той плоскости, которая для нас является совершенно неожиданной /Махарадзе имел в виду проект, предложенный Сталиным – **Ю.Ж.**/. Мы думаем, что та политика, которая до сих

пор проводилась Москвой, является пока что единственно правильной, по крайней мере, в отношении Грузии она ещё не изжита. Ни внутренняя, ни международная обстановка, по моему глубокому убеждению, ещё не говорит о перемене этой политики. Должен откровенно сказать, что Грузию нельзя мерить ни азербайджанским, ни туркестанским аршином. Но есть левые коммунисты, для которых тут никакой разницы нет...»⁶³

Словом, по мнению трёх руководителей Грузии, республике следует в любом случае – будь то Закавказская Федерация или вступление в РСФСР, непременно, любой ценой следует сохранить суверенитет и вернуть её армию, пусть и называемую Красной. Ведь Грузия – это не какой-то там Азербайджан или Туркестан!

Извещённый о настроениях, захвативших ЦК КПГ, Сталин вынужден был 29 августа телеграфировать в Заккрайком: «Расшифрованную вручите Буду Мдивани. Копия – т.Орджоникидзе. Я совершенно согласен с Орджоникидзе и Кировым в том, что необходимо создание реальных политических и экономических условий для организации на деле единого хозяйственного организма на объединённой территории советских республик с руководящим центром в Москве. Для этого необходимо, по моему, объединить внешние сношения и хозяйственные органы в одно целое с распространением компетенции Совнаркома, Совета (труда и) обороны, ВЦИК Москвы на все советские республики».⁶⁴ И тем всего лишь повторил суть своего проекта резолюции будущего пленума ЦК РКП чуть ли не как личную просьбу. Но ей Мдивани, подвергнутый на Первом съезде КПГ и за свои взгляды, и за фактическое руководство национал-уклонистов, не внял.

15 сентября в Тифлисе открылся пленум ЦК Компартии Грузии. В его работе преднамеренно (дабы оказать по возможности сильное влияние на его ход и результаты) приняли участие грузины, представлявшие Центр: Г.К.Орджоникидзе – член ЦК РКП, секретарь Закавказского и Северо-Кавказского крайкомов, член ЦК Компартии Грузии; А.С.Енукидзе – секретарь Президиума ВЦИК; М.Г.Цхакая – один из старейших деятелей большевистской партии, полпред ССРГ в Москве. Кроме них – ещё и секретарь Компартии Азербайджана С.М.Киров и член ЦК РКП, нарком финансов РСФСР Г.Я.Сокольников. Однако им так и не удалось изменить намерения участников пленума. Его постановление вызывающе гласило:

«1. Предлагаемое на основе тезисов т.Сталина объединение в форме автономизации независимых республик считать пре-

ждевременным. Объединение хозяйственных целей и общей политики считаем необходимым, но с сохранением всех атрибутов независимости.

(голосовали: члены ЦК: пять – за, тов. Элиава – против; кандидаты: шесть голосов – за, против – нет; из присутствовавших: девятнадцать голосов – за, против – шесть – тт. Орджоникидзе, Енукидзе, Киров, Сокольников, Гогоберидзе /секретарь Тифлисского горкома – **Ю.Ж.**/, Кахиани /секретарь ЦК – **Ю.Ж.**/; воздержался – один – т.М.Цхакая).

Поручить секретариату ЦК опросить отсутствовавших членов ЦК, тт. Орахелашвили, Эшба, Торошелидзе, Каландадзе, Гогия, Гегечкори и поручить т.Мдивани опросить находящихся в Москве членов ЦК тт. Окуджава, Думбадзе, Цинцадзе.

2. Временно воздержаться от переноса означенного вопроса в широкие партийные массы». ⁶⁵

Разумеется, можно было бы признать такое постановление, пусть неприятной для Сталина, но всё же волей Компартии Грузии, если бы не очевидное нарушение процедуры голосования и его результата. Из двадцати шести членов ЦК присутствовало, согласно выписке из протокола заседания, всего семь человек, а отсутствовало – девять, хотя последних должно было быть девятнадцать. Также нельзя было понять и «исчезновение» одного кандидата в члены ЦК. Получалось, для проведения пленума кворум отсутствовал. Так что же произошло на самом деле? Самая заурядная подтасовка решения. Проект Сталина отклонил не пленум ЦК, а всего лишь его Президиум, находившийся под полным контролем «национал-уклониста», как его охарактеризовал съезд партии, Мдивани...

Итак, более чем за месяц комиссия Оргбюро получила формальное одобрение проекта от двух компартий – Азербайджана и Армении, уклончивое – Белоруссии и резко отрицательное – Грузии. Оценив сложившуюся, явно непростую ситуацию, Сталин 22 сентября счёл своим долгом уведомить обо всём Ленина. Вполне вероятно, надеялся если и не на поддержку, то хотя бы понимание проблемы в случае обращения к тому Мдивани либо Раковского.

«Мы, – писал Сталин, – пришли к такому положению, когда существующий порядок отношений между центром и окраинами, т.е. отсутствие всякого порядка и полный хаос, становятся непереносимыми, создают конфликты, обиды и раздражение, превращают в фикцию т.н. единое федеративное народное хозяйство, тормозят и парализуют всякую хозяйственную деятельность в общероссийском масштабе.

Одно из двух: либо действительная независимость и тогда невмешательство центра, свой НКВД, свой Внешторг, свой Концессионный комитет, свои железные дороги, причём вопросы общие решаются в порядке переговоров равного с равным, по соглашению, а постановления ВЦИК, СНК и СТО РСФСР не обязательны для независимых республик, либо действительное объединение советских республик в одно хозяйственное целое с формальным распространением власти СНК, СТО и ВЦИК РСФСР на СНК, ЦИК и эконосоветы независимых республик, т.е. замена фиктивной независимости действительной внутренней автономией республик в смысле языка, культуры, юстиции, вудел, земледелия и прочее». Вслед за тем пояснил: «Следует иметь в виду, что

«1. Формальное решение СНК, СТО и ВЦИК РСФСР необязательно для независимых республик...

2. Вмешательство ЦК РКП... происходит обычно после того как центральные учреждения окраин уже дали свои декреты, отменяемые потом центральными учреждениями Москвы...

3. За четыре года Гражданской войны... мы успели воспитать среди коммунистов, помимо своей воли, настоящих и последовательных социал-независимцев, требующих настоящей независимости во всех смыслах...

4. Мы переживаем такую полосу развития, когда... молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказывается понимать как игру,., требуя от нас проведения в жизнь буквы конституционной независимых республик.

5. Если мы теперь же не постараемся приспособить форму взаимоотношений между центром и окраинами к фактическим взаимоотношениям, в силу которых окраины во всём основном безусловно должны подчиняться центру,., то через год будет несравненно труднее отстоять фактическое единство советских республик».

Столь скупое, но предельно честно описав существующее положение и дав (оказавшийся провидческим) прогноз дальнейшего развития, Сталин изложил – не менее скупое – свой план:

«1. Вопрос о Бухаре, Хиве и ДВР (которая ещё не советизирована) оставить пока открытым, т.е. пока их не автономизировать.

2. В отношении остальных пяти независимых республик (Украина, Белоруссия, Грузия, Азербайджан и Армения) признать целесообразным автономизацию с тем, чтобы к Всероссийскому съезду Советов /он намечался на декабрь – **Ю.Ж.**/ ЦИКи этих республик сами, добровольно, изъявили своё жела-

ние вступить в более тесные хозяйственные отношения на началах автономии»,⁶⁶

Ленин на письмо никак не отреагировал. Поэтому Сталин, считая молчание за знак согласия, решил форсировать события. 23 сентября комиссия Оргбюро приступила к работе, хотя в столицу так и не успели приехать четверо её членов – Раковский, Мдивани, А.Ходжаев, Янсон.

На первом заседании единогласно была отклонена резолюция ЦК Компартии Грузии, вернее – первый её пункт: «объединение в форме автономизации независимых республик считать преждевременным», и за основу для обсуждения приняли проект Сталина. На следующий день, уже при участии опоздавшего Мдивани, приступили к постатейному разбору документа. Первый пункт утвердили восемью голосами «за» при одном (Мдивани) «против» и при одном (Петровский) воздержавшемся. Правда, по предложению Червякова дополнили его в общем малозначащим примечанием: «Соответствующие изменения в конституциях упомянутых в п. 1-м республик и РСФСР произвести по проведению вопроса в советском порядке». Практически единогласно одобрили и все остальные пять пунктов. При этом сняли с обсуждения предложения Мдивани «создать в республиках аппараты для организации национальных армий», и «просить ЦК РКП не вносить в пленум ЦК принятые комиссией решения до их обсуждения в верхушках парторганизаций республик». Отклонили и предложение Петровского «разрешить обсуждение принятых комиссией решений в бюро губкомов республик». Кроме того, просьбу Червякова изменить границы Белоруссии сочли выходящей за рамки компетенции комиссии и решили передать её в ЦК РКП.⁶⁷

Проект Сталина, таким образом, получил одобрение, и на следующий день (в соответствии с принятой процедурой) вместе со всеми материалами комиссии – решениями ЦК компартий Азербайджана, Армении, Грузии, Белоруссии – его разослали членам и кандидатам в члены ЦК РКП для обсуждения на пленуме, созыв которого был намечен на 5 октября.

5. Сталина вынуждают капитулировать

Получив все материалы комиссии Оргбюро, Ленин, наконец, весьма неожиданно отреагировал на них. Категорически отверг подготовленный проект решения предстоящего пленума. Так и не сумел понять, что Сталин заботился только о воссоединении страны ради её успешного экономического развития. Более

близкими главе партии и государства – интернационалисту – оказались взгляды явных националистов и сепаратистов, «воспитанных», по выражению Сталина, «среди коммунистов», «настоящих социал-независимцев» – Мдивани и Раковского.

Пойдя на поводу у них, Ленин пригласил к себе в «Горки», прежде всего, Сокольникова. И передавшего, судя по всему, весьма по-своему происходившее в комиссии Оргбюро. А лишь на следующий день – Сталина. В беседе с ним напрочь забыл о той лестной оценке, которую сам же и (всего полгода назад, на съезде) дал ему как специалисту по национальному вопросу. Весьма возможно, под влиянием беседы с Сокольниковым категорически отверг план автономизации. Заставил Сталина, используя свой непререкаемый авторитет, отказаться от не только давно продуманного, бережно лелеяемого, но и поддержанного очень многими видными деятелями партии. В тот же день, 26 сентября, обратился за практической поддержкой к Каменеву, изложив в письме к нему свои поправки к проекту автономизации.

«Вы, наверное, – писал Ленин, – получили уже от Сталина резолюцию его комиссии о вхождении независимых республик в РСФСР... По-моему, вопрос архиважный. Сталин немного имеет устремление торопиться. Надо Вам **/Вы когда-то имели намерение заняться этим делом и даже немного занимались** /выделено мной – Ю.Ж./ подумать хорошенько. Зиновьеву тоже.

Одну уступку Сталин уже согласился сделать. В §1 сказать вместо «вступление» в РСФСР – «Федеральное объединение вместе с РСФСР в Союз Советских Республик Европы и Азии». Дух этой уступки, надеюсь, понятен: мы признаём себя равными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию, «Союз советских республик Европы и Азии»».

Ленин, несомненно, лукавил. Не мог он, как юрист, не знать по прежним партийным дискуссиям, в которых участвовал и сам, что навязываемый им «союз» отнюдь не равнозначен «Федерации». Он – нечто иное – конфедерация.

«Конфедерация – союз государств, сохраняющих независимое существование, но объединённых одним или несколькими общими органами. Конфедерация обычно является переходом либо к союзному государству, федерации, либо к распаду на независимые страны». Так, во всяком случае, определяли понятие «конфедерация» советские правоведы всего семь лет спустя.⁶⁸

В полном соответствии со сделанной поправкой, в развитие и подкрепление её, Ленин потребовал изменить и пункт 2-й про-

екта Сталина. Отказаться от «распространения компетенции ВЦИК, СНК и СТО РСФСР на соответствующие центральные учреждения» терявших независимость республик, что и являлось выражением построения именно федерации. Вместо того Ленин указывал: наряду со ВЦИКом РСФСР нужно образовать «ЦИК Союза советских республик Европы и Азии... **Важно, чтобы мы не давали пищи «независимцам», не уничтожали их независимость** /выделено мной – Ю.Ж./, а создавали ещё новый этап, федерацию равноправных республик».

Только для того, чтобы скрыть, замаскировать несомненную конструкцию именно конфедерации, Ленин посчитал недостаточным объединение пяти Наркоматов – по иностранным, военным делам, путей сообщения, финансов, почт и телеграфа. Счёл необходимым поступить так с ещё тремя – продовольствия, труда, народного хозяйства. То есть с теми, которые и отражали специфику экономического развития каждой из республик.

Не ограничившись сделанными поправками, Ленин заключил: «Это мой предварительный проект. **На основании бесед с Мдивани и др. товарищами** /выделено мной – Ю.Ж./ буду добавлять и изменять. Очень прошу и Вас сделать то же и ответить мне».⁶⁹

Словом, Ленин как бы забыл или просто отверг всё, о чём не раз говорили на съездах, о чём сам неоднократно писал. Забыл о «Программе» РКП, подготовленной при его прямом участии и принятой три года назад, на VIII съезде – «как одну из переходных форм на пути к полному единству партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу». Заодно отверг Ленин и прежний стиль работы при подготовке решений – коллегиальность членов и кандидатов в члены Политбюро, членов Оргбюро, секретарей ЦК. Откровенно пренебрёг мнением члена Политбюро Сталина, кандидата в члены Политбюро Молотова, членов ЦК Орджоникидзе, Петровского, Сокольникова, сформулированным ими в ходе работы комиссии Оргбюро. Зато (без каких-либо оснований) решительно встал на сторону практически никому в Москве не известного Мдивани, не поинтересовавшись, что думают о том хорошо знающие Сталин, Орджоникидзе. В угоду Мдивани, и только ему, решил и далее крушить сущность проекта Сталина.

Что же это было? Следствие перенесённого тяжёлого заболевания (инсульта)? А может, нечто иное, кем-то (нельзя исключить Троцкого) навязанная воля? Ответа пока мы не имеем. Но знаем иное. Сталин, всегда послушный Ленину, никогда прежде не вступавший с ним в споры по принципиальным вопросам, на

этот раз изменил себе. Не сдержался. Направил уже 27 сентября и ему, и другим членам Политбюро решительное, полное нескрываемого раздражения послание. В нём подтвердил уже данное согласие отказаться от ключевой формулировки – «вступление республик в РСФСР», заменив её пресловутым «объединением в Союз Советских Социалистических Республик». Но не более того. Все остальные поправки встретил в штыки.

«По параграфу 2, – указывал Сталин, – поправку Ленина о создании наряду с ВЦИКом РСФСР ВЦИКа федерального, по-моему, не следует принимать. Существование двух ВЦИКов в Москве, из коих один будет представлять, видимо, «нижнюю палату», а другой – «верхнюю» – ничего, кроме конфликтов и трений не даст.

Предлагаю вместо поправки Ленина следующую поправку: «в соответствии с этим ЦИК РСФСР преобразуется в общесоюзный ЦИК, решения которого обязательны для центральных учреждений входящих в состав Союза республик».

Я думаю, что всякое иное решение в смысле поправки т.Ленина должно повести к обязательному созданию русского ЦИКа с исключением оттуда восьми автономных республик (Татреспублика, Туркеспублика и прочее), входящих в состав РСФСР, к объявлению последних независимыми наряду с Украиной и прочими независимыми республиками, к созданию двух палат в Москве (русской и федеральной), и вообще к глубоким перестройкам, что в данный момент не вызывается ни внутренней, ни внешней необходимостью, и что, на мой взгляд, при данных условиях нецелесообразно и, во всяком случае, преждевременно...

По параграфу 4, по-моему, товарищ Ленин «поторопился», потребовав слияния Наркоматов финансов, продовольствия, труда и народного хозяйства в федеральные Наркоматы. Едва ли можно сомневаться в том, что эта «торопливость» даст пищу «независимцам» в ущерб национальному либерализму т.Ленина».⁷⁰

Трудно представить, каким бы был тон послания Сталина, знай он о содержании ответа Каменева, посланного в тот же день Ленину.

«По-моему, – писал член Политбюро, один из двух заместителей председателя СНК, да ещё и член Президиума ВЦИК, следовательно, второй человек в государственных структурах РСФСР, – или не трогать совсем вопооса о «независимости» (что, видимо, уже невозможно), или провести Союз так, чтобы максимально сохранить формальную независимость... **Договор о Союзе**

должен заключать обязательно: а) пункт о праве одностороннего выхода из Союза /выделено мной – Ю.Ж./; б) точное распределение областей ведения».⁷¹

Вот так и появилась совершенно неоправданная и, вместе с тем, самая взрывоопасная формулировка, легшая в основание создаваемого Союза Советских Республик. Однако Каменев не удовольствовался только настойчивым предложением. Тут же поспешил снять с себя какую-либо ответственность за недобрый совет. На следующий день, 28 сентября, во время заседания Политбюро обменялся со Сталиным записками такого содержания:

«Каменев. Ильич собрался на войну в защиту независимости. Предлагает мне повидаться с грузинами. Отказывается даже от вчерашних поправок. Звонила Марья Ильинична /сестра Ленина, находившаяся в те дни в «Горках» – Ю.Ж./.

Сталин. Нужна, по-моему, твёрдость против Ильича. Если пара грузинских меньшевиков воздействуют на грузинских коммунистов, а последние – на Ильича, то, спрашивается – при чём тут «независимость»?

Каменев. Думаю, раз Владимир Ильич настаивает, хуже будет сопротивляться.

Сталин. Не знаю. Пусть делает по своему усмотрению».

⁷²

В последней фразе Сталина явственно ощущается отчаяние, желание махнуть на всё рукой и предоставить событиям развиваться так, как они пойдут. Сталин больше не спорил, не возражал. Соглашался со всем, что только ни требовал Ленин. Вернее, направлявшие его Мдивани, а также Раковский, решивший внести и свою лепту в дискредитацию проекта.

Так и не приехав в Москву из Гурзуфа, где поправлял пошатнувшееся здоровье, Раковский изложил свою резко отрицательную оценку автономизации (для начала) в письме к ЦК РКП. Попытался, прежде всего, уличить Сталина, а заодно и всю комиссию Оргбюро, в непродуманности проекта, и породившего его неприемлемые недостатки. Мол, и без того все перечисленные в пункте 3-м Наркоматы (кроме Наркоминдела) на Украине давно уже объединены с российскими. Более того, объединены и Наркоматы продовольствия, труда, народного хозяйства, которые проект предлагает сохранить самостоятельными, лишь подчинив директивам СНК и СТО РСФСР. Ехидно попенял на вопиющее отсутствие координации и взаимодействия центральных и республиканских ведомств, устранение чего проектом не предусмотрено. Только затем перешёл к тому, что назвал «существом вопроса».

«Необходимость, – замечал Раковский, – поставить на прочные начала отношения РСФСР с независимыми республиками не может быть оспариваема. Между доводами, говорящими в пользу этого, отметим следующее.

Первое – новая экономическая политика. Она освободила мелкобуржуазную капиталистическую стихию не только в окружающей среде, но и у самих наших государственных хозяйственных объединений. Они стали проявлять ту же жадность к наживе и то же стремление к захвату, которое характерно вообще для капитализма, безразлично, является ли он государственным или частным. Ясно выразилась борьба за захват предприятий между центральными органами и местными органами...

Второй довод – международное положение. В момент, когда мы вступаем в политические и хозяйственные отношения с капиталистическим миром, необходимо, больше, чем когда-либо, единство руководства.

Третий довод – необходимость довести до конца строительство нашей государственной формы и положить конец непрерывно повторяющимся попыткам в этом смысле, кончавшимся составлением коротких схематических договоров или коротких положений, частно отменяемых и пересматриваемых».

Но, начав вроде бы за здоровье, продолжил Раковский заупокой: «Всё это абсолютно бесспорно. Однако проект резолюции, принятый комиссией, является тоже одной из этих очередных попыток, которая, несмотря на решительный характер своих формул, будет нуждаться в ближайшее время в новом пересмотре».

Чтобы доказать столь пессимистический вывод, Раковский привёл доказательства, которые очень многие – и в центре, и на местах – рассматривали (как самые веские) в пользу сохранения независимости советских республик.

Первое: «Данный проект игнорирует, что Советская Федерация не является однородным национальным государством. В этом отношении проект резолюции является поворотным пунктом во всей национальной политике нашей партии. Его проведение, т.е. формальное упразднение независимых республик, явится источником затруднений как за границей, так и внутри федерации.

Он умаляет революционно-освободительную роль пролетарской России. Внутри страны на всех окраинах новая политика будет учтена, как НЭП, перенесённый в плоскость национальных отношений. Тем более что при страшной нищете, переживаемой республикой, все национальные расовые чувства обострились и сам пролетариат поддался общей мелкобуржуазной стихии».

Второе: «Проведение новой политики явится ударом по планам хозрасчётного возрождения республики. И в данный момент хозяйственная инициатива независимых республик чрезвычайно сужена. При отсутствии у них финансовых средств и права распоряжаться местными богатствами, они теперь не в состоянии работать как следует для поднятия местных производительных сил.

Суживание их инициативы, что явится следствием проведения данного проекта, ещё больше уменьшит их хозяйственную роль, и все эти «совнаркомы» и «цики» будут только вредным средостением между губерниями, которыми они управляют, и центральными органами РСФСР. Бессильные сами помочь своим губерниям, своим наличием эти «совнаркомы» будут только мешать центральным органам оказывать их губерниям должное внимание».

Третье: «За границей проведение этой резолюции укрепит положение наших противников из буржуазного и соглашательского лагерей. Форма независимых республик давала нам возможность **производить максимум революционного эффекта** на всех окраинах, а также за границей. Посредством независимого Азербайджана, Бухары, Хивы и пр. Советская Федерация получала возможность оказывать максимум мирного революционного проникновения на Восток.

Посредством независимой Советской Украины Советская Федерация имела возможность совершить такое же революционное проникновение в Галицию, Буковину, Бессарабию. Без всякой серьёзной надобности мы сами себя лишаем этого оружия и, наоборот, даём польской и румынской буржуазии новое оружие для борьбы с нами и усиления своей национальной политики. По отношению к Украине Польша выступит в роли защитницы её независимости, признанной Рижским договором».

Завершил Раковский свою критику предложением «считать заключение комиссии неокончательным. Вопрос должен быть поставлен снова и разрешён во всём его объёме согласно постановлений партийных съездов».⁷³

Раковский – впрочем, как и Каменев, и Ленин – вполне сознательно игнорировал всё противоречившее его стремлению любой ценой отстоять независимость Украины и для того ещё и остальных советских республик. Делал вид, что не существует его собственной записки о жизненно важной необходимости воссоединения УССР и РСФСР, решений о том Всеукраинских съездов Советов, постановлений ЦИКа. Наконец, нет и «Программы» РКП, требовавшей создания федерации, а не союза,

то есть осуществления именно проекта Сталина. Почему-то был уверен – все (или, во всяком случае, большинство членов ЦК, к которым и адресовался) забудут обо всём том. Наверное, полагал, что знает, на каких струнах их душ надо играть – скрытое недовольство НЭПом, мечта как можно скорее продолжить пролетарскую революцию в Европе.

Для достижения своей цели (той же, что и у самостийников, с которыми боролся на полях сражений Гражданской войны) решил заручиться поддержкой ещё и своей, украинской парторганизации. Для того на следующий день, 28 сентября, известил о своём категорическом неприятии проекта резолюции Мануильского, задержавшегося в Москве:

«На заседание пленума ЦК РКП не смогу приехать... Однако считаю своим партийным долгом реагировать против резолюции по взаимоотношениям РСФСР с независимыми республиками, находя её вредной для укрепления позиций Советской власти на всех окраинах. Я изложил своё мнение в письме к ЦК РКП, копию которого посылаю и Вам (также прошу отослать т.Сталину предлагаемый для него экземпляр).

Я не знаю, в каком дальнейшем порядке получит направление эта резолюция: в Политбюро ЦК или на пленуме 5 октября. Но если политбюро ЦК КП(б)У разделяет мою точку зрения, было бы целесообразно, чтобы тт. Петровский и Фрунзе /члены ЦК РКП – **Ю.Ж.**/, поехавши в Москву, **отстаивали бы нашу точку зрения**. Я думаю, что Украина в данном случае страдает, главным образом, из-за неблагоразумия и уклонов других независимых республик /Раковский имел в виду согласие с проектом Азербайджана, Армении и Белоруссии – **Ю.Ж.**/ . Между тем, более всего для нашего революционного воздействия на границу имеет значение сохранение независимости Украины. Около десяти миллионов украинцев Польши, Галиции /Раковский, видимо, забыл, что Галиция – часть Польши – **Ю.Ж.**/, Прикарпатской Руси, Буковины и Бессарабии ориентируются и будут ориентироваться больше и больше на Советскую Украину. Я не знаю, насколько это учитывается авторами резолюции».⁷⁴

И всё же, члены политбюро КП(б)У, обсуждавшие 3 октября вопоос об автономизации, уклонились от принятия однозначного решения. С одной стороны, пунктом «а» своего постановления, вроде бы поддержали позицию Раковского – «Категорически высказаться за принятую последним пленумом ЦК КПУ резолюцию о взаимоотношениях РСФСР и УССР /май 1922 года – **Ю.Ж.**/, признавшую необходимость сохранения независимости УССР... Фактическое централизованное руководство неза-

висимыми республиками может быть вполне достигнуто соответствующими директивами по партийной линии.

Так подтвердили справедливость слов Ленина, сказанных на последнем, XI съезде РКП: Украина «в партийном отношении... иногда берёт – как бы повежливее выразиться? – обход, и нам как-нибудь придётся до них добраться, потому что там сидит народ хитрый и ЦК – не скажу, что обманывает, но как-то немного отодвигается от нас».⁷⁵

Видимо, помятуя о такой характеристике, пунктом «б» члены украинского политбюро встали на сторону Мануильского: «В случае, если ЦК РКП признает, однако, необходимость вхождения УССР в состав РСФСР, не настаивать на сохранении формальных признаков политической самостоятельности УССР, а определить отношения на основе практической целесообразности».

Наконец, пункт «в» уже бесспорно свидетельствовал о том, что большинство членов политбюро КП(б)У отдавало предпочтение второму варианту: «внести на пленум ЦК РКП предложение о конструировании ВЦИКом и его Президиумом из представителей РСФСР и независимых республик, избираемых общедеративным съездом Советов и ЦИКов, но при том число представителей республик во ВЦИКе и Президиуме должно быть формально установлено, и должно быть введено постоянное представительство в Президиуме в Москве».⁷⁶

Пленум ЦК РКП, как и было установлено, открылся 5 октября. На нём из 27 членов ЦК присутствовало 19: В.И. Ленин; И.В. Сталин; Л.Б. Каменев; Г.Е. Зиновьев; М.И. Калинин; Ф.Э. Дзержинский – председатель ГПУ (до февраля 1922 года – ВЧК) и нарком внутренних дел путей сообщения РСФСР К.Б. Радек, секретарь Исполкома Коминтерна; М.П. Томский – генеральный секретарь ВЦСПС; В.М. Молотов – секретарь ЦК; А.А. Андреев – секретарь ВЦСПС; И.Н. Смирнов – член Президиума ВСНХ РСФСР; Г.К. Орджоникидзе – секретарь Кавказского бюро ЦК; К.Е. Ворошилов – командующий войсками Северо-Кавказского военного округа; Т.В. Сапронов – председатель ЦК Союза строителей; В.Я. Чубарь – председатель ВСНХ УССР; Н.И. Бухарин – редактор газеты «Правда»; Г.Я. Сокольников – замнаркома финансов РСФСР; И.И. Коротков – секретарь Иваново-Вознесенского губкома; А.И. Рыков – зампредседателя СНК и СТО РСФСР. Из 19 кандидатов в члены ЦК – пятеро: И.И. Лепсе – председатель ЦК Союза металлистов; А.С. Киселёв – председатель Малого СНК РСФСР; А.С. Бубнов – заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК; В.М. Михайлов – секретарь Московского губкома;

Г.Л.Пятаков – начальник Главного управления топливной промышленности ВСНХ РСФСР.⁷⁷

Вопрос о «взаимоотношениях между РСФСР и независимыми республиками» обсуждали на следующий день, 6 октября. Когда Ленин отсутствовал, прислав через Каменева своё мнение о проекте договора. «Великорусскому шовинизму, – писал снова почувствовавший себя нездоровым Владимир Ильич, – объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами. Надо абсолютно настоять, чтобы в союзном ЦИКе председательствовали по очереди русский, украинец, грузин и т.д. Абсолютно!»⁷⁸

Докладывая пленуму, Сталин, естественно, представил новый, скорректированный по требованиям Ленина и Каменева, проект резолюции:

«1. Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских республик и РСФСР об объединении их в Союз Социалистических Советских Республик с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза.

2. Высшим органом Союза считать Союзный ЦИК, состоящий из представителей ЦИКов РСФСР, Закавказской Федерации, Украины и Белоруссии пропорционально представляемого ими населения.

3. Исполнительным органом Союзного ЦИКа считать Союзный Совнарком, назначаемый Союзным ЦИКом.

4. Индел, Внешторг, Наркомвоен, НКПС и потель республик и федераций, входящих в состав Союза, слить с таковыми Союза сов. соц. республик с тем, чтобы у соответствующих Наркоматов Союза республик имелись в республиках и федерациях свои уполномоченные с небольшим аппаратом, назначаемые наркоматами Союза по соглашению с ЦИКаами федераций и республик.

Примечание: считать целесообразным привлечение представителей заинтересованных республик в соответственные заграничные представительства НКВД и НКВТ.

5. Наркоматы финансов, продовольствия, народного хозяйства, труда и инспекции республик и федераций, входящих в состав Союза, подчинить директивам соответствующих Наркоматов и постановлениям Совнаркома и СТО Союза республик.

6. Остальные Наркоматы входящих в состав Союза республик, как то: юстиции, просвещения, внудел, земледелия, народного здоровья и соц. обеспечения считать самостоятельными».⁷⁹

Различия между двумя вариантами проекта резолюции лежат на поверхности. Самое главное, принципиальное – вместо вхож-

дения независимых республик в состав РСФСР, с чем, вспомним, были согласны Белоруссия, Азербайджан, Армения и даже Украина, – объединение всех их в Союзе. Отсюда проистекали и образование бюрократической надстройки в виде союзных ЦИКа и СНК, переподчинение пяти Наркоматов, перечисленных в пункте 5-м, не соответствующих ведомствам РСФСР, а союзным и СНК, СТО нового государства. Но было и ещё одно отличие, не так бросающееся в глаза. В пункте 1-м проекта вместо Азербайджана, Грузии и Армении упоминалась Федерация Закавказских Республик. Нормально ещё не существующая, лишь создаваемая.

В силу того, что за новым вариантом проекта стоял авторитет уже трёх членов Политбюро (не только Сталина, но и Ленина, Каменева), при обсуждении, на котором присутствовали двое членов ЦК, представлявшие Украину: Г.И.Петровский и М.В.Фрунзе, а Грузию (но как всего лишь наблюдатель) – П.Г.Мдивани, не было высказано каких-либо принципиальных замечаний. Постановление пленума гласило:

«I. Доклад комиссии по вопросу о взаимоотношениях между РСФСР и независимыми республиками (т.Сталин).

а) Признать проект резолюции, предложенный членами комиссии тт. Сталиным, Орджоникидзе, Мясниковым и Молотовым, как директиву ЦК, с поправкой: в примечании к п.4-му слово «целесообразным» заменить «необходимым».

б) Для выработки советского законопроекта на основе этой директивы и проведения его через съезд Советов (с предварительным внесением на утверждение ЦК) создать комиссию в составе тт. Сталина, Каменева, Пятакова, Рыкова, Чичерина, Калинина и представителей Украины, Грузии, Азербайджана, Армении и Белоруссии.

Возложить на комиссию подготовку и проведение соответствующих постановлений через ЦИКи независимых республик». ⁸⁰

Информация о пленуме в газетах не появилась, почему данное решение и не получило широкого обсуждения. Но отклики партийных организаций Украины и Грузии, что было неизбежно, последовали. 11 октября политбюро ЦК КПУ, заслушав присутствовавших на заседании пленума 6 октября Г.И.Петровского и М.В.Фрунзе, с несомненным, хотя и не высказанным открыто удовлетворением – ещё бы, хоть и в несколько иной форме, но оказались выполненными оба противоречивых пункта решения от 3 октября! – постановило: «Принять информацию к сведению. Поручить тт. Петровскому и Фрунзе сделать на фракции /большевистской – **Ю.Ж.**/ ВуЦИК сообщение по этому вопросу». ⁸¹

Совершенно иначе отреагировали на результаты московского пленума в Тифлисе. Там о содержании утверждённого варианта резолюции узнали из письма Мдивани – его на всякий случай срочно отправили с малозначащим дипломатическим поручением в Турцию – посланного уже 8 октября члену ЦК КПГ и ЦИК ССРГ С.Кавтарадзе.

«Из приложенных документов (по моём возвращении ты их мне должен вручить), – писал Мдивани, – ты увидишь, какие фазы прошли наши вопросы. Сначала (без Ленина) нас били по-держимордовски, высмеивая нас, а затем, когда вмешался Ленин после нашего с ним свидания /27 сентября – **Ю.Ж.**/ и подробной информации, дела повернулись в сторону коммунистического разума /так Мдивани назвал свой сепаратизм – **Ю.Ж.**/...

По вопросу о взаимоотношениях – принят добровольный союз на началах равноправия, и в результате всего этого удушливая атмосфера против нас рассеялась. Напротив, в пленуме ЦК нападению подверглись великодержавники – так и говорили Бухарин, Зиновьев, Каменев и другие /правоту утверждения Мдивани проверить невозможно, так как ни стенограмму, ни протокольную запись заседания пленума ни 5, ни 6 октября не вели – **Ю.Ж.**/ Проект принадлежит, конечно, Ленину, но он внесён от имени Сталина, Орджоникидзе и др., которые сразу изменили фронт.

Я прилагаю собственноручное письмо Ленина, адресованное Каменеву, который все время писал больному зубом Ленину о ходе прений по вопросу о взаимоотношениях.

Я очень жалею, что лично не могу доложить о прениях по этому вопросу, но одно то интересно, что прения продолжались целых три часа – это нечто чудовищное на пленумах, где вопросы решаются с кинематографической быстротой. Прения показали, что известная часть ЦК прямо отрицает существование национального вопроса и целиком заражена великодержавническими тенденциями. Но эта часть получила такую оплеуху, что не скоро решится снова высунуться из норы, куда её загнал Ленин (о его настроениях узнай из его письма, которое было оглашено в конце заседания после решения вопроса).

Смотри, не теряй письма, я еле выпросил у Каменева. Да, **атмосфера** немного рассеялась, но она **может снова сгуститься, если не показать силу** /выделено мной – **Ю.Ж.**/ и если мы не сумеем поставить дело информации хорошо. Об этом мы с Коте /Цинцадзе, член ЦК КПГ – **Ю.Ж.**/ и Мишей /Окуджава, член ЦК КПГ – **Ю.Ж.**/ говорили много, наверное, они тебе уже гово-

рили, надо серьёзно готовиться и собрать все силы как для закавказского съезда, так и для общероссийского». ⁸²

Подготовка к продолжению борьбы у грузинских националистов заняла немного времени. Уже 19 октября, на расширенном заседании пленума Тифлисского комитета КПГ, они продемонстрировали свою силу. В ходе прений, последовавших после сообщения Орджоникидзе о постановлении ЦК РКП, принятом 6 октября, сразу же выступил Цинцадзе – первый из загодя подготовленных Мдивани. Он ничтоже сумняшеся заявил: мол, «постановление ЦК РКП совершенно не расходится с линией ЦК КПТ» потому, что в нём «восторжествовала наша точка зрения».

Затем слово взял Окуджава, второй клевет Мдивани. «Только гениальный ум Ленина, – пафосно заявил он, – верно отметил неправильное понимание вопроса пленумом ЦК. По национальному вопросу комиссия решила применить автономизацию, но т. Ленин настоял на союзе независимых республик. Мнение т. Ленина, несомненно, склоняется к федерации отдельными республиками, а не через Закавказскую Федерацию, ибо смысл последнего постановления ЦК РКП тоже таков, что там восторжествовала точка зрения строения по национально-республиканским признакам, а не по экономическим. Что же касается Закавказской Федерации, она не жизненна, в то время как отдельные республики – Грузия, Армения и Азербайджан – живые организмы, естественные образования».

Чтобы усилить воздействие на участников заседания, Кавтарадзе прочитал письмо, полученное от Мдивани, подчеркнув его призыв – «Мобилизуйте силы и готовьтесь к Закавказскому и Российскому съездам».

Вопрос о Закавказской Федерации стал камнем преткновения и для Ф. Махарадзе. «Мы не возражаем против объединения, – заявил он, – но нужно считаться с грузинским народом, перед которым мы ответственны. Всё дело в подходе, необходимо подходить осторожно, а не рубить с плеча, ибо мы не можем гарантировать спокойствие в случае форсированного проведения этого вопроса, а нас Заккрайком хочет вести галопом. Федерация Закавказских Республик – ЭТО ТРУП, ибо она создана искусственным путём, и вам не удастся гальванизировать его. Такая же история случилась с Закавказским комиссариатом, который распался по этой же причине. Создание Закфедерации – это создание бюрократического аппарата».

Неудивительно, что пленум постановил: заслушав сообщения о создании Союза Социалистических Советских Республик, пленум Тифлисского комитета «1) принимает их к сведению

и неуклонному проведению в жизнь; 2) постановляет открыть кампанию в партийных и беспартийных массах в духе этих решений». ⁸³

Последствия такого вызывающего поведения предугадать можно было без труда. По запросу Орджоникидзе, последовавшему в тот же день, Оргбюро (вот и опять Сталину весьма пригодился пост генсека) 20 октября подвергло ЦК КПГ основательной чистке. Из его состава удалили тех, кто более других проявил националистический уклон – М.Окуджаву, А.Сванидзе, Какабадзе, Квиркелия, Гамбарова.

Всерьёз обеспокоившись уже собственной судьбой, члены ЦК КПГ – К.Цинцадзе, Ф.Махарадзе, С.Кавтарадзе, Л.Думбадзе, П.Сабашвили и Е.Эшба – в ночь на 21 октября связались по прямому проводу с А.С.Енукидзе. Именно с ним, ибо полагались на него, как на грузина, на его понимание и сочувствие. Просили срочно передать Каменеву и Бухарину их послание, ставшее, по сути, открытым вызовом и Орджоникидзе, и Сталину.

Прежде всего, сообщили о высказанном на пленуме Тифлисского горкома желании войти в создаваемый Союз напрямую, а не через Закавказскую Федерацию. «Это, – продолжали жалобщики, – послужило поводом для самых недопустимых выступлений Орджоникидзе против ЦК КПГ и старых работников с площадной руганью и угрозами беспощадных репрессий...

Согласно громогласному заявлению Орджоникидзе на заседании Заккрайкома, ... он разгромит всю партию и создаст новую из молодых. Эти нападки, совершенно незаслуженные, делаются достоянием антисоветских элементов, авторитет Советской власти и престиж партии падает, товарищи сбиты с толку, начинается разброд и дезорганизация, что завтра и дальше примет ужасные формы и размеры. Мы поставлены в положение, когда ответственность уже не в состоянии нести. Поэтому, не находя другого выхода, решили завтра, 21-го, на пленуме ЦК КПГ заявить об этом.

Товарищей Каменева и Бухарина настоятельно просим принять самое активное участие в создавшемся здесь положении... Всё это создано Орджоникидзе, для которого травля и интриги – главные орудия против товарищей, не лакействующих перед ним. Стало невозможно жить и работать при его держимордовском режиме... Просим раз и навсегда положить конец той инквизиции, которой мы подвергаемся в продолжение полутора лет со стороны Орджоникидзе». ⁸⁴

И действительно, 21 октября был срочно созван внеочередной пленум ЦК КПП, так и не предложивший чего-либо нового. В своей резолюции он лишь повторил сказанное несколькими днями ранее:

«Постановление пленума ЦК РКП о федерации советских республик полностью принять к сведению и неуклонному руководству. Ходатайствовать перед ЦК РКП о непосредственном вхождении Грузии в Союз Социалистических Советских Республик. В случае удовлетворения со стороны ЦК РКП ходатайства ЦК КПП о непосредственном вхождении Грузии в Союз Социалистических Советских Республик существование Закавказского Союзного Совета считается излишним». Кроме того, пленум вынужденно – всё-таки ЦК КПП существовало на правах обкома! – добавил ещё один пункт: «Постановление ЦК РКП об отзывании тт. Сванидзе, Какабадзе, Квиркелия и Гамбарова принять к исполнению».⁸⁵

Однако надежды на поддержку Каменева, Бухарина, а может, и самого Ленина не оправдались. Ленин, которому Бухарин угоднически поспешил передать телеграфную жалобу из Тифлиса, неожиданно возмутился. «Я был убеждён, – писал он в ответе 21 октября, – что все разногласия исчерпаны резолюциями пленума ЦК при моём косвенном участии и прямом участии Мдивани. Поэтому я решительно осуждаю брань против Орджоникидзе и настаиваю на передаче вашего конфликта в приличном и лояльном тоне на разрешение секретариата ЦК РКП/ то есть Сталина – **Ю.Ж.**/».⁸⁶

ЦК КПП пришлось снова, 22 октября, собирать пленум, проявивший упрямую несговорчивость и выдвинувший новые претензии Орджоникидзе. Всего лишь поддерживавший заявление своего Президиума, обосновавшего... свою отставку:

«1. Констатируя наличие ряда тактических расхождений ЦК и Заккрайкома в течение почти всей работы ЦК Грузии в вопросах подхода к местным условиям; 2. Что ЦК Заккрайкомом фактически отстранён от руководства партийно-профсоюзной работы в Грузии (снятие ответственного секретаря ЦК /профсоюзов – **Ю.Ж.**/, назначение секретариата СПОГ /Совета профессиональных организаций Грузии – **Ю.Ж.**/, пересмотр личного состава профсоюзов и т.д.); 3. Фактическое недоверие Заккрайкома Центральному Комитету, усугублённое систематической травлей почти всех членов ЦК (официальное заявление Орджоникидзе, что верхушка партии шовинистична и представляет гниль, которую следует обновить – на заседании пленума Заккрайкома от 20 октября, и заявление его же о шовинизме и меньшевистском уклоне на заседании пленума ЦК от 22 октя-

бря). 4. В результате всего этого получается дезорганизация и разложение нижестоящих организаций, как партийных, так и профсоюзных, что, разумеется, отражается и на советской работе.

При создавшемся положении ЦК не может в дальнейшем нести ответственность за плодотворность работы и единственным выходом из этого положения считает сложить с себя полномочия, довести об этом до сведения Заккрайкома и ЦК РКП и просить санкции».

Столь резкое, ультимативное – или мы, или Орджоникидзе – заявление поддержали только девять из двенадцати участников пленума. Председатель Совнаркома Грузии И.Орахелашвили, его заместитель и нарком внутренних дел А.Гегечкори, очередной нарком по военным и морским делам Ш.Элиава открыто осудили заявление, что и зафиксировали как примечание.⁸⁷

Тем в действительности завершилось обсуждение вопроса о создании нового государства – Советского Союза.

6. Арьергардные бои

Казалось, сделано всё возможное, несмотря на весьма непростые обстоятельства, и цель, наконец, достигнута. Пусть независимые республики и не вошли в состав РСФСР, а образовали вместе с ним Союз (практически, конфедерацию, что подчёркивало их право свободного выхода из этого Союза), но, тем не менее, страна вновь становилась единой. Правда, по-настоящему скрепляла её лишь РКП. Ведь какие бы атрибуты суверенности не сохраняли отныне союзные республики, их ЦК для Москвы оставались всего-навсего областными комитетами, обязанными бесприкословно подчиняться постановлениям вышестоящих органов – не только пленумов, но и Политбюро, Оргбюро, секретариата.

И всё же, сопротивление принятому 6 октября решению, сопротивление Тифлиса, ещё не было сломлено. ЦК Компартии Грузии категорически не желало признавать вхождение своей республики в Союз через Закавказскую Федерацию, что, по их представлению, унижало Грузию. Ставило её ниже Украины и даже Белоруссии, низводило до административного уровня российских автономий. И тут не могли помочь никакие увещевания Сталина в телеграмме, направленной 17 октября, растолковывающие более чем очевидное:

«Пленумом принято без всяких изменений предложение членов комиссии – Сталина, Орджоникидзе, Мясникова и Моло-

това – о сохранении Закавказской Федерации и объединении последней с РСФСР, Украиной и Белоруссией в Союз Социалистических Советских Республик». ⁸⁸

Пришлось и Каменеву с Бухариным (тем, на поддержку которых так уповали в Тифлисе) разъяснить свою позицию. «Из нашего выступления, – объясняли они телеграммой, направленной 23 октября на имя Цинцадзе и Махарадзе, – против великорусского национализма отнюдь не следовала защита грузинского национализма. Вы должны знать, что постановление пленума о вхождении в Союз Закавказской Федерации должно быть точно выполнено, и может быть вновь рассмотрено лишь новым пленумом, если он того захочет. Тон вашей записки – грубое нарушение партийных нравов. Советуем прекращение склоки и работу на базисе цекистских решений». ⁸⁹

Но уже ничто не могло унять людей, теряющих власть. Они вновь обратились к Ленину, полагая его последней инстанцией, которая только и может спасти их. Начали своё послание Владимиру Ильичу от 25 октября с извинений за тон прежней телеграммы и уверений в своей готовности подчиниться постановлению пленума. Но тут же с маниакальным упорством вернулись к тому, что называли «незначительной поправкой» – к просьбе «о пересмотре вопроса о вхождении в Союз республик не через Закфедерацию, которая ещё не имеет своего ЦИКа и Совнаркома, а в отдельности». Объяснили необходимость подобного изменения решения пленума «как внутренним, так и международным положением Грузии», не пояснив, в чём же они заключаются. А затем, не сдержавшись, снова обрушились на Заккрайком и Орджоникидзе, которые, якобы, и заставили их сложить с себя полномочия членов ЦК. ⁹⁰

Не довольствуясь посланием на имя Ленина, те же Ф.Махарадзе, С.Кавтарадзе, К.Цинцадзе, Л.Думбадзе, П.Сабашвили, М. Окуджава, М.Торошелидзе, Е.Эшба и С.Тодрия (уже бывшие члены ЦК Компартии Грузии) снова попытались склонить ЦК РКП на свою сторону. Направили 9 ноября в Москву свой «доклад», пытаясь в нём доказать свою правоту и переложить всю ответственность за происшедшее исключительно на Орджоникидзе.

«С самого начала советизации Грузии здесь столкнулись две тактические линии: одна линия – это тактика военного коммунизма. Вдохновителем этой тактики явился у нас тов. С.Орджоникидзе... и Кавбюро ЦК РКП... Эти товарищи почему-то не считались с тем обстоятельством, что Советская Грузия была объявлена отдельной самостоятельной республикой, а

отрицание этого факта на деле поставило бы Советскую власть здесь в весьма и весьма невыгодное положение». А вслед за тем поспешили использовать старый, проверенный прием подмены понятий. Изобразили дело так, будто защищать независимость Грузии им «рекомендовалось ЦК РКП и, в частности, лично тов. Лениным в специальных обращениях к грузинским коммунистам». Ну, а противниками того выступили Орджоникидзе и послушный ему Заккрайком.

«Можно спросить, – продолжал «доклад», – нельзя ли было найти общую примирительную линию между этими двумя сторонами», под которыми подразумевали не Тифлис и Москву, а Ленина и Орджоникидзе. И сами же отвечали: «не только можно было, но это нужно было во что бы то ни стало, ибо это требовали интересы Советской власти». Да, именно так – не интересы грузинского народа, страдавшего от жесточайшего экономического кризиса, не интересы всех народов края, ради которых и создавалась Закавказская Федерация, а Советской власти в целом.

Бывшие члены ЦК КПГ больше не скрывали своего полного неприятия федерации трёх закавказских республик. И выдвинули следующие доказательства, якобы подтверждавшие только их правоту. Образование Закавказской Федерации «помимо лишней волокиты, лишнего бюрократического средостения потребует громадных средств на своё содержание и громадного штата людей». Помимо того, «постановлением пленума ЦК РКП... создана комиссия, в которую входят представители от отдельных республик Закавказья наравне с РСФСР, Украиной и Белоруссией, а не от Закфедерации». «Из постановления пленума не видно точно и ясно, какую форму примут отдельные закреспублики в том случае, если Закфедерация войдёт в этот Союз как государство». И последний аргумент – «Закфедерация отнюдь не является ещё оформившейся государственной единицей, в то время как закреспублики уже представляют более или менее оформившиеся живые государственные единицы».

Используя все доводы в пользу сохранения суверенности Грузии, даже вошедшей в состав СССР, авторы «доклада» резюмировали: «Наша позиция и тактика ясны и определённы. Настоящую подлинную объединительную политику проводил именно старый ЦК КПГ, а те, которые механически, сверху, сразу, одним взмахом старались уничтожить даже тень какой бы то ни было самостоятельности, лишь портили дело...

Мы полагаем, мы убеждены, что единственно срочное расследование всех обстоятельств этого конфликта выяснит истинное положение дела».⁹¹

В такой просьбе Москва отказать никак не могла. Поэтому 24 ноября секретариат ЦК КПР образовал «комиссию в составе т.Дзержинского (председатель) и членов тт. Сосновского / редактор газеты «Беднота» – **Ю.Ж.**/ и Мицкевича-Капсукаса /в недавнем прошлом глава правительства Литовско-Белорусской Республики – **Ю.Ж.**/ для срочного рассмотрения заявлений, поданных ушедшими в отставку членами ЦК Грузии».⁹² Спустя месяц комиссия завершила расследование и подготовила следующее заключение:

«1. Политическая линия, проводившаяся сначала Кавбюро ЦК РКП, а потом Заккрайкомом и, в частности, т.Орджоникидзе, вполне отвечала директивам ЦК РКП и была вполне правильной... 2. К тем грузинским коммунистам, которые возвели в принцип тактику уступок /мелкобуржуазному национализму – **Ю.Ж.**/, принадлежало и большинство членов ЦК КПГ старого состава... (Оно) неправильно истолковав директивы ЦК РКП и письма тов. Ленина, оказывало недостаточное сопротивление давлению той националистической стихии, которая в первый период революции находилась под идейным руководством меньшевизма /грузинского – **Ю.Ж.**/... Отсюда его сопротивление созданию Федерации Закавказских Республик... 3. Кавбюро и Заккрайком, признавая неоспоримое экономическое единство Закавказья, следуя директивам ЦК РКП, последовательно проводили экономическое объединение Закавказских республик, потом их федерацию... 4. Обвинение Заккрайкома, в частности, тов. Орджоникидзе, в том, что якобы он применял тактику военного коммунизма, скоропалительно, сверху, совершенно не считаясь с местными парторганизациями, не подготовив общественного мнения, проводил линию, часто не совпадавшую с линией ЦК РКП: или вовсе не имел линии, не соответствует действительности».⁹³

Однако Политбюро не стало торопиться с изучением заключения комиссии Дзержинского. Обратилось к нему лишь тогда, когда уже были образованы и Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика, и СССР – 18 января 1923 года. Но и в тот день обсуждение дела смутьянов из Тифлиса не состоялось. Его отложили на неделю, «предоставив тт. Мдивани и Кавтарадзе возможность ознакомиться с материалами комиссии». Только 25 января Политбюро (на заседании которого присутствовали его члены – Каменев, Троцкий, Томский, Сталин, Рыков; кандидаты в члены – Калинин, Бухарин, Молотов; а также приглашённые члены ЦК – Смирнов, Раковский и Сокольников) приняло следующее постановление:

«а) Смену состава ЦК и советских учреждений в Грузии, как вызванную обстоятельствами на Кавказе и ходом борьбы в грузинской компартии, утвердить. Равным образом утвердить решение Оргбюро от 21 декабря 1922 года о переводе на работу вне Грузии тт. Цицнадзе, Мдивани, Кавтарадзе и Махарадзе.

б) Смена эта ни в каком смысле не лишает доверия в глазах ЦК тех товарищей, которые вышли в отставку с ответственных постов в Грузии; в частности, и тех, которые переведены на работу вне Грузии.

в) Просить Заккрайком дать своё заключение по вопросу о целесообразности и размерах усиления грузинской армии».⁹⁴

Так был развязан тугой узел, завязанный противниками образования СССР в той форме, которая была утверждена 6 октября пленумом ЦК РКП.

В те же самые дни, когда комиссия Дзержинского занималась грузинским вопросом, из Владивостока и Читы, столицы ДВР, пришли долгожданные известия.

Почти за год перед тем, в Вашингтоне, на Конференции по ограничению морских вооружений, призванной, как и Генуэзская, разрешить политические и экономические противоречия (только на этот раз – тихоокеанских держав), произошло знаменательное событие. Делегаты США, Великобритании и Франции выразили явное недовольство чрезмерными территориальными претензиями Японии. Уже не желавшей довольствоваться только полученными по Версальскому договору германскими колониями в Тихом океане. Под любым предлогом пытавшейся закрепиться в Южной Манчжурии, в Приморье, на Северном Сахалине, даже на Камчатке и Чукотке.

Выступая 23 января 1922 года на пленарном заседании конференции, представитель Японии барон Шидехара вынужден был заявить о смягчении позиции Токио. Пообещать, что уже в текущем году японские войска будут выведены со всех земель России. Госсекретарь США Хьюз поспешил закрепить такое обещание: «Американская делегация выслушала сообщение барона Шидехары и приняла к сведению данные от имени японского правительства заверения об отзывании японских войск из Приморской губернии Сибири и из Сахалина».⁹⁵

Смену политики по отношению к Советской России и ДВР Токио выразило 24 июня – в официальной декларации Императорского Правительства, объявившего, что японские войска покинут Приморье не позже 1 ноября, и 19 июля – в ноте министерству иностранных дел ДВР, в которой был назван тот же срок прекращения оккупации.⁹⁶ Действительно, 25 октября (за шесть

дней до установленного срока) последний японский солдат покинул Владивосток, в который тут же вступили части Народно-революционной армии. 14 ноября Народное собрание (парламент) ДВР единодушно приняло историческое заявление:

«На всём русском Дальнем Востоке объявить Советскую власть. Демократическую Конституцию Дальневосточной Республики и её законы объявить отменёнными. Просить ВЦИК и съезд Советов России присоединить Дальний Восток к единой Российской Социалистической Республике, распространив на Дальний Восток действие советской Конституции и советских законов».

На следующий день ВЦИК удовлетворил эту выстраданную искреннюю просьбу.⁹⁷

Политика, проводимая Москвою по отношению к Японии на протяжении трёх лет, полностью оправдала себя. Возвращения далёкого края удалось добиться без тяжёлой, возможно – долгой войны, исход которой был непредсказуем.

...Когда напряжённость, порождённая претензиями Харькова и Тифлиса, спала, окончательно исчезла вероятность возникновения новых нежелательных случайностей и явственно обозначилась близость развязки событий. О том убедительно свидетельствовала опубликованная 18 ноября «Правдой» беседа со Сталиным. Его ответы на вопросы о том, что будет представлять собою Советский Союз. Беседа, которая, вне всякого сомнения, состоялась, по меньшей мере, за неделю до публикации – ведь в ней упоминалась, как существующая, ДВР.

Сталин использовал беседу исключительно ради пропаганды, почему и умолчал в ней о самом существенном. Начал, как обычно, с того, что считал наиболее важным – по чьей же инициативе создаётся Советский Союз.

«Инициатива движения, – подчеркивал он, – принадлежит республикам. Ещё месяца три назад руководящие круги закавказских республик поставили вопрос о создании единого хозяйственного фронта советских социалистических республик и об объединении их в одно союзное государство... Почти одновременно с этим был возбуждён вопрос об объединении на Украине и в Белоруссии, вызвавший там среди широких партийных кругов, так же как и в Закавказье, определённо восторженное отношение. Эти обстоятельства, несомненно, говорят о жизненности движения и о том, что вопрос об объединении республик безусловно назрел».

Так, представив «широким партийным кругам» («Правда» являлась органом ЦК РКП) реакцию на создание СССР в незави-

симых республиках, Сталин перешёл к объяснению целей создания нового государства, и тут уже больше не кривил душой. «Мотивы эти, – отмечал он, – главным образом, хозяйственные. Помощь крестьянскому хозяйству, поднятие промышленности, улучшение средств сообщения и связи, финансовые вопросы, вопросы о концессиях и прочих экономических договорах, совместное выступление на заграничных рынках в качестве покупателей или продавцов товаров – таковы вопросы, породившие движение за образование Союза республик». «Истощение внутренних хозяйственных ресурсов, – просто и доходчиво объяснял Сталин, – наших республик в результате Гражданской войны с одной стороны, и отсутствие сколько-нибудь серьёзного притока заграничного капитала – с другой стороны, создали такую обстановку, при которой ни одна из наших советских республик не в силах восстановить своё хозяйство своими собственными силами». Прежде всего, такое объяснение было адресовано Раковскому и его сторонникам, отстаивавшим противоположную позицию.

«Но для того, чтобы действительно соединить хозяйственные усилия, – продолжал растолковывать Сталин, – вплоть до объединения последних в единый хозяйственный союз, необходимо создать соответствующие союзные, постоянно действующие органы, могущие направлять хозяйственную жизнь этих республик по одному определённом пути. Вот почему старые хозяйственные и торговые договоры этих республик между собой оказались теперь недостаточными. Вот почему движение за Союз республик переросло эти договоры и поставило вопрос об объединении».

Затем Сталин перешёл к истории объединительной тенденции, охарактеризовав её следующим образом:

«Объединительное движение независимых республик не является чем-то неожиданным и «небывало» новым... В своём развитии оно... прошло уже две фазы... Первая фаза – это 1918 – 1921 годы, полоса интервенции и Гражданской войны... закончилась военным объединением, военным союзом советских республик. Вторая фаза – это конец 1921 и начало 1922 годов, полоса Генуи и Гааги, когда... единый дипломатический фронт советских республик явился тем неизбежным средством, без которого невозможно было устоять против натиска западных держав. На этой почве возникло известное соглашение независимых дружественных республик с РСФСР...

Ныне объединительное движение **национальных** /выделено мной – **Ю.Ж.**/ республик вступило в третью фазу, в фазу хозяй-

ственного объединения. Нетрудно понять, что третья фаза завершает две предыдущие фазы...

В завершение Сталин перешёл к характеристике создаваемого союза. Независимые республики, пояснил он, «возникли как естественный результат развития соответствующих национальностей, имея своей базой, главным образом, национальный признак». А потому «упразднение национальных республик явилось бы реакционным абсурдом, требующим упразднения нерусских национальностей, их обрусения... Национальные республики... не могут быть упразднены, не могут быть лишены своего ЦИКа и Совнаркома, своей национальной основы, пока существуют национальностей, их породившие, пока существуют национальный язык, национальная культура, быт, нравы, обычаи...»

И всё же, как ни старался Сталин в данном ответе, он так и не смог (или попросту не захотел?) объяснить, аргументированно, как он умел, доказать, почему же Украина или, скажем, Грузия не должны, сохраняя национальную самобытность (как Татарстан, Башкирия, Туркестан, Киргизия), войти как автономии в состав РСФСР, а образуют с ней некий союз равных. Преднамеренно уклонившись от этой проблемы, Сталин ограничился повторением решения пленума ЦК от 6 октября, не упоминая о нём, ибо не имел на то права.

«Характер объединения, – высказал он свою новую, вынужденную позицию, – должен быть добровольным, исключительно добровольным, с оставлением за каждой национальной республикой права выхода из Союза». И вполне сознательно, нанося превентивный удар по Мдивани и его сторонникам, добавил: «Договор об объединении заключают РСФСР (как целостное федеральное образование), Закавказская Федерация (тоже как целостное федеральное образование), Украина и Белоруссия. Бухара и Хорезм, как не социалистические, а только народные советские республики, возможно, останутся вне этого объединения».

Говорил Сталин о создании СССР, как о вполне очевидном, не вызывающим ни малейшего сомнения, факте. Более того, даже назвал приблизительную дату провозглашения нового государства – «Вполне возможно, .. совпадёт с предстоящим созывом X съезда Советов РСФСР».⁹⁸

Единственным (насколько известно), кто откликнулся на выступление Сталина в «Правде», оказался П.Солодуб, член ЦК Компартии Украины и Управляющий делами СНК УССР. Только он попытался признать придание СССР формы конфедерации, возникшей по настоянию Раковского и Мдивани, Каменева и

Ленина. Той самой формы, против которой очень долго и решительно возражал Сталин, пока ему не пришлось подчиниться воле пленума ЦК РКП. К сожалению, записка Солодуба не стала предметом обсуждения, ибо не пошла далее редакции газеты «Известия», куда он её и направил.

Начал Солодуб свою записку с того, что назвал «юридической природой СССР».

«До настоящего времени, – отмечал он, – РСФСР, имевшая в своём составе автономные области, автономные республики, представлявшие собой самостоятельные субъекты международного права /здесь автор глубоко заблуждался, приписывая автономиям то, чем они не обладали – **Ю.Ж.**/, и, наконец, народные республики – ДВР, Хорезм, Бухара, делали систему объединения крайне сложной и недостаточно ясной.

Нельзя было точно определить и уяснить природу отношений, т.к. здесь имели место признаки унитарного централизованного государства, признаки федерации и признаки конфедерации. Очевидно, что СССР должен будет избежать этой неясности отношений, которые усложняют и бюрократизируют управление, и вместо неё дать точное представление о юридической природе союза.

Т.т. Сталин /о его взглядах Солодуб судил лишь по публикации в «Правде» – **Ю.Ж.**/, Раковский, Петровский, Фрунзе и ряд других руководителей государственной жизни /Украины? – **Ю.Ж.**/ в своих выступлениях, не затрагивая по существу организационные формы, основным моментом союза считают право добровольного вступления в состав союза и выхода из него отдельных республик, являющихся субъектами союза государств.

Вторым моментом, с нашей точки зрения, не менее важным, является то, что субъекты союза сохраняют за собой все права суверенного государства вплоть до участия в органах технического руководства отраслями государственной жизни, которые они (члены союза) признают необходимым построить по принципу централизованного унитарного государства. Другими словами, передоверяя часть прав по управлению страной, субъекты союза принимают деятельное участие в практическом осуществлении, являясь как бы сами частью верховного органа союзного государства.

И, наконец, третье – это заявление тов. Раковского о том, что за союзными сторонами останется часть прав международной политики...

Все эти положения говорят о том, что будущий союз республик будет не чем иным, как конфедерацией стран, ибо субъ-

ектами союза являются не области и автономные республики, а суверенные государства, как Россия с её областями и автономными республиками, конфедерация закавказских республик, Украина и Белоруссия, т.е. – что в видах более мощного выявления воли народов будущего союза они передают часть своих суверенных прав конфедеративному органу, но с условием, если это кому-либо из субъектов будет невыгодно, права выхода из состава конфедерации».

Но тем Солодуб не ограничился. Продолжил правоведческий анализ того проекта союза, который он представлял по публикации в «Правде» беседы со Сталиным, по заявлениям руководителей УССР, коротко остановившись на будущих взаимоотношениях союзных республик.

«Предполагаемый союз государств, – писал Солодуб, – поставил своей задачей сконцентрировать управление некоторыми отраслями конфедеральной жизни, значительную массу функций хозяйственного управления и регулирования передать отдельным республикам.

При условиях принципа децентрализации, по которому должна и только может строиться конфедерация, и уточнения прав отдельных субъектов союза, будущее объединение в своих частях встретится с фактом овладения отдельными членами союза, правами, нарушающими интересы других стран /союзных республик – **Ю.Ж.**/».

Далее пояснил свою мысль: «Конечно, с тем, что конфедерация будет и должна иметь свои органы верховного управления, спорить не приходится. Тут должен встать вопрос о компетенции конфедеральных органов и органов отдельных республик, составляющих конфедерацию».

Счёл нужным Солодуб серьёзно остановиться и на соотношении двух уровней власти, которая, как он безосновательно считал, была заранее подготовлена создаваемому СССР. Полагаясь только на собственный, довольно ограниченный опыт – всего полуторалетняя работа в правительстве УССР – всё же осмелился высказать ряд серьёзных критических замечаний.

«Прежде всего, – отмечал Солодуб в записке, – нужно оговориться, что реальный результат от союза государств может быть лишь тогда, когда органы конфедерального уровня будут организационно совершенно изолированы от органов отдельных республик. То есть в интересах дела необходимо их сконструировать так, чтобы, скажем, функции российского или украинского Совнаркомов не возводились в конфедеральные, и наоборот. О том Раковский указывал в своём интервью в «Накануне» /«сме-

новеховская» газета, издававшаяся в Берлине с 1922 по 1925 годы и свободно продававшаяся в советских России и Украине – **Ю.Ж.**/, но нельзя с ним согласиться в той части, где он предполагает, что конфедеральные органы будут помещаться в столицах различных государств / союзных республиках – **Ю.Ж.**/, а председатели ЦИКов субъектов конфедерации будут поочередно председательствовать в ЦИКе Союза государств /советских республик – **Ю.Ж.**/.

С точки зрения практики работы и целесообразного её построения такая схема нам представляется неосуществимой».⁹⁹

Раскритиковав так не столько предложения Раковского, сколько одно из безапелляционных требований Ленина, заключительный раздел записки Солодуб посвятил рекомендациям, как именно, с его точки зрения, следует организовать два уровня власти Союза и их взаимодействие. Написал о том предельно подробно, даже не догадываясь, что все его усилия напрасны.

Записка оказалась гласом вопиющего в пустыне, ибо подготовил её Солодуб слишком поздно. Тогда, когда всё уже было решено. Окончательно и бесповоротно. Ещё 6 октября.

7. Неизбежный Финал

Беседу со Сталиным газета «Правда» опубликовала 18 ноября далеко не случайно. Со времени образования 6 октября пленумом комиссии «для выработки советского законопроекта» о создании союзного государства и «проведения его /законопроекта – **Ю.Ж.**/ через съезд Советов» миновало полтора месяца. Срок немалый, за который так ничего и не было сделано. И вот, газетной публикацией Сталин открыто заявил о своей полной капитуляции. Заявил о том, что вот теперь, скрепя сердце, начнёт готовить требуемый документ.

Комиссию для того наметили небольшую, всего в одиннадцать человек. Из них пятеро – сам Сталин, Каменев, Калинин, Рыков и Пятаков – практически постоянно находились в Москве. Шестерых же, должных представлять Украину, Грузию, Азербайджан, Армению и Белоруссию, только предстояло определить. Однако даже на первое заседание, состоявшееся 21 ноября, пришло лишь шестеро: Сталин, Каменев, Калинин, Пятаков, по собственной инициативе – Чичерин да от Украины – Раковский.¹⁰⁰

Происходившее далее показало, что Сталин никогда не был так связан в своих действиях, как возглавив обычную комиссию. Даже если бы он и попытался отступить хоть на йоту от дирек-

тивы 6 октября, в том ему непременно помешал бы постоянно находившийся рядом Каменев. Тот, кто и сделал всё возможное, чтобы, используя авторитет Ленина, в его отсутствие не только отклонить автономизацию, но и предоставить будущим союзным республикам «право свободного выхода из Союза».

И всё же, Сталину нужно было добиться любой ценою подготовки в обусловленный срок проекта того документа, призванного и составить основу Конституции СССР. А потому на первом же заседании, используя свои полномочия (право созыва), образовал подкомиссию – чисто рабочую группу. В неё пригласил наркомов РСФСР (по иностранным делам – Г.В.Чичерина и юстиции – Д.И.Курского), начальника главного топливного управления ВСНХ Г.Л.Пятакова. Тех, для кого предстоящее восстановление единства страны было органически связано с повседневной профессиональной деятельностью. Они-то, вместе со Сталиным, Калининым и Сапроновым, уже 25 ноября смогли приступить к обсуждению пока лишь тезисов Договора, представленных Чичериным и Курским.¹⁰¹

Несколько позже, 5 и 16 декабря, в заседания собственно комиссии пригласили столь же заинтересованных и компетентных: практика, секретаря Президиума ВЦИК А.С.Енукидзе, заместителей наркомов – по иностранным делам – М.М.Литвинова – и внутренних дел (в те годы в его функции входили руководство проведением в жизнь постановлений и распоряжений правительства, надзор за правильностью и целесообразностью обязательных постановлений местных органов власти, коммунальным хозяйством и т.п.) – М.Ф.Владимирского, прежде занимавшегося юридическим оформлением создания автономных республик и областей. Кроме того, участие в заседаниях комиссии приняли Х.Г.Раковский и Д.З.Мануильский – от Украины, М.Гусейнов – нарком по иностранным делам Азербайджана, М.Цхакая – полпред Грузии в Москве, С.М.Тер-Габриелян – в скором будущем председатель СНК Армении, А.Г.Червяков – председатель ЦИК и СНК Белоруссии.¹⁰²

Общая их заинтересованность позволила проделать работу в самые сжатые сроки. Первый вариант проекта Договора был представлен в Политбюро ЦК РКП 30 ноября. Затем последовали доработки, и 16 декабря текст документа практически был готов.

Как и требовала директива пленума от 6 октября, статьёй 1-й предусматривалось объединение в одно союзное государство – Союз Социалистических Советских Республик Европы и Азии – не шести, а четырёх республик – РСФСР, УССР, ССРБ и Закав-

казской Федерации. Также (сначала в статье 2-й, а в окончательном варианте – последней, 26-й) устанавливалось их «право свободного выхода из Союза». Остальные из двадцати шести статей Договора касались вопросов органов власти, как СССР, так и союзных республик. То, что и оказалось предметом сразу же разрешённых разногласий.

В первый раз большинство отвергло поправку Раковского, попытавшегося отстоять полную самостоятельность республиканских Наркоматов финансов, продовольствия, народного хозяйства, труда, Рабоче-крестьянской инспекции. Во второй раз – было отклонено предложение Сталина и Курского, пытавшихся добиться упразднения Наркомнацев. В третий – Каменева и Сапронова (неожиданно решивших сохранить для союзного государства наименование РСФСР). В четвёртый – Тер-Габриеляна (настаивавшего на упразднении ряда республиканских Наркоматов).¹⁰³

В итоге конструкция власти СССР выглядела следующим образом. Высший орган – съезд Советов Союза Социалистических Советских Республик. В промежутках между его сессиями – ЦИК Союза ССР и его Президиум, в котором, как требовал Ленин, председательствовали по очереди председатели ЦИКов союзных республик. Исполнительный орган – Совнарком с Наркоматами по иностранным делам, военным и морским делам, внешней торговли, почт и телеграфа, путей сообщения, ВСНХ, Рабоче-крестьянской инспекции, труда, продовольствия, финансов. Словом, все те, на которых настаивал Сталин ещё в сентябре.

Часть этих Наркоматов – ВСНХ, продовольствия, финансов, труда, Рабоче-крестьянской инспекции – в своей деятельности должны были руководствоваться распоряжениями соответствующих союзных Наркоматов. Остальные – земледелия, внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения и социального обеспечения – обладали полной самостоятельностью.

Для граждан союзных республик устанавливалось единое гражданство – СССР. Страна получала флаг и герб, а столицей объявлялась Москва.¹⁰⁴

Столь усложнённая структура власти, ставшая результатом далеко не неизбежного компромисса Сталина и Ленина в лице Каменева, структура конфедерации, вызвала ещё в процессе её разработки справедливые замечания Пятакова. Понимая причины появления трехуровневого построения (Наркоматы союзные, союзно-республиканские, республиканские), он всё же счёл должным высказать, но лишь Сталину, свои замечания.

«1. Получается, – писал он, – чрезвычайная громоздкость управления. Вводится новая инстанция /союзно-республиканские Наркоматы – **Ю.Ж.**/ и, по нашей практике, тем самым несомненно увеличивается и без того сверхмерная волокита... Вполне понятно, что при нашей привычке доводить дело всегда до последних инстанций, канитель будет чрезвычайная.

2. Увеличение государственного аппарата (дублирование Наркоматов ВСНХ, НКФ, НКТруда, НКПрода и НКРКИ). 3. Едва ли мы сумеем создать коллегии Наркоматов и РСФСР, и СССР – трудно найти и туда, и сюда людей при нашей бедности культурными силами. Отсюда получится либо сплошная система совместительства, либо недостаточная пригодность коллегий.

4. В РСФСР будет устанавливаться практика обхода своих Наркоматов и обращение прямо в учреждения СССР, что приведёт к хирению учреждений РСФСР. Если же взять твёрдый курс на соблюдение инстанций – будет чрезвычайная волокита.

Можно ещё привести целый ряд трудноразрешаемых вопросов, но и приведённых достаточно для того, чтобы подчеркнуть то обстоятельство, что мы совершенно не подошли к вопросу с административно-практической точки зрения, оставаясь всё время в сфере решения политических вопросов /выделено мной – **Ю.Ж.**/. Я не думаю, чтобы все эти вопросы были неразрешимы. Мне кажется лишь, что необходимо прежде, чем проводить намеченную реформу, проработать её с точки зрения правильного построения аппарата, для чего создать специальную комиссию из практиков-организаторов. Иначе мы рискуем внести большую сумятицу в работу государственного аппарата, которую будем потом стараться устранить спешно, непродуманно и несистематично».¹⁰⁵

Пятаков указывал на те же недостатки, о которых писал и Солодуб. Но что-либо изменить Сталин, даже при поддержке человека, вскоре утверждённого заместителем председателя ВСНХ Союза и председателем Главконцесскома, не мог. Действительно, вопрос являлся сугубо политическим – требовалось сохранить во что бы то ни стало внешние атрибуты и без того урезанной до предела суверенности независимых республик. Требовалось хотя бы так ублажить Раковского, Мдивани, их (всё ещё многочисленных, занимавших весьма высокие посты) сторонников.

К практически тем же заключениям вынужден был прийти и инициатор такой структуры власти. Только увидев, к чему же конкретно она привела, он поспешил за помощью к своей «палочке-выручалочке», Ленину. Писал ему:

«...Прошу обратить особое внимание на следующие пункты, вызывающие у меня сомнение. Во 1-х, в этих положениях нет разделения между компетенцией Союза республик и компетенцией отдельных республик... Второе моё сомнение касается следующего вопроса. Согласно проекту комиссии, у нас получаются троякого рода комиссариаты...» Но вслед за тем предложил ещё более чудовищное построение – «Не проще ли была система, при которой и Совнарком союзный, и Совнарком национальный включал бы всех наркомов, за исключением наркомов военного и иностранных дел». ¹⁰⁶

К счастью, Ленин то ли не получил послание Каменева, то ли не удосужился ответить на него по какой-то веской причине.

Но на том закулисные попытки хотя бы в последнюю минуту заменить уже сделанное не прекратились.

Проявилось то сразу после пленума ЦК РКП, состоявшегося 18 декабря, ровно через месяц после начала форсированных работ по созданию СССР.

Осознавая свою ответственность за предстоящий выбор – отклонить или одобрить проект Конституции – на нём присутствовали практически все члены ЦК (кроме всё ещё болевшего Ленина, отправленного в командировку Андреева и находившихся за границей Радека и Раковского), семь кандидатов в члены ЦК из девятнадцати, два члена Центральной контрольной комиссии. Выслушав Сталина, доложившего о подготовленном его комиссией тексте Договора, участники пленума приняли обнадеживающее решение:

«а) Союзный съезд должен открыться до окончания съезда Советов РСФСР /намеченного на конец декабря – **Ю.Ж.**/; б) Союзный съезд должен принять Декларацию об образовании Союза ССР, выбрать ЦИК, выработать /вернее, утвердить – **Ю.Ж.**/ текст Договора». И добавили (видимо, очень опасаясь любых неожиданностей, которые могли сорвать подготовленную акцию – либо сорвать создание СССР в целом, либо какая-либо республика откажется войти в Союз): «В основу работы съезда по выработке текста Договора положить директиву пленума ЦК от 6 октября».

Последним же пунктом решения в тех же целях уточнили: «Назначается комиссия для руководства работой Союзного съезда и для окончательной выработки имеющего быть предложенного съезду текста Договора и Декларации в следующем составе: тт. Фрунзе, Каменев, Сталин, Рыков, Орджоникидзе, Калинин, Сапронов, Сокольников, Петровский». ¹⁰⁷ Иными словами, включили в комиссию тех, кто уже занимался вопросами

воссоединения страны и имел известные другим взгляды на проблему.

Единственное (времени больше не было) заседание этой комиссии, точнее – своеобразного контрольного органа – состоялось 20 декабря. На нём и внесли в уже готовый текст последние поправки, свидетельствовавшие о всё ещё сохранявшихся разногласиях. Скорее всего, чисто рефлекторных возражениях со стороны представителей Украины, Фрунзе и Петровского.

Прежде всего, новая комиссия отклонила претензии на глобальность создаваемого государства, отражённую в последних словах названия – «Европы и Азии»: «I. Остановиться на старом решении о наименовании союзного государства – Союз Советских Социалистических Республик».

Затем удалось предельно усилить централизацию государства, используя для того поправки, связанные с финансово-бюджетной сферой: «II. 1) Сохранить.. Наркомфин в категории объединённых Наркоматов; 2) республики, входящие в состав Союза, имеют свои бюджеты, являющиеся составными элементами союзного бюджета, утверждаемого союзным ЦИКом; 3) бюджеты республик в их доходных и расходных частях устанавливаются союзным ЦИКом; 4) перечень доходов и размеры доходных отчислений, идущих на образование бюджета республик, определяются союзным ЦИКом».

Ту же роль призвана была сыграть и ещё одна поправка – «II. 5) наркомы объединённых Наркоматов утверждаются ЦИКАми республик по представлению соответствующего союзного наркома».

Разумеется, при этом нельзя было обойтись и без уступок республикам. Уступок малозначащих, мало что меняющих. Так, было установлено: «VI. Предоставить уполномоченным союзных Наркоматов в СНК республик лишь совещательный голос»; «IV. Декреты и постановления ЦИКа и Совнаркома Союза печатаются на языках, общеупотребительных в республиках (русском, украинском, белорусском, грузинском, армянском, тюркском). Но вместе с тем максимально усилена была роль РСФСР: «V. Определить количество членов союзного ЦИКа в 300, а Президиума – в 17 человек, распределив количество членов Президиума так: Украина – 4, Закавказье – 3, считая по одному на республику, Белоруссия – 1 и РСФСР – 9 мест».

Но два оказавшихся спорными положения – «III. об органах координации деятельности самостоятельных Наркоматов» и «VII. Вопрос об упразднении Наркомнаца» – члены комиссии разрешить так и не смогли, а потому передали на рассмотрение

Политбюро. Кроме того, они поручили Сталину, Каменеву, Рыкову, Курскому, Сапронову и Фрунзе завершить редактирование Договора, а Сталину, Рыкову и Фрунзе – подготовить текст Декларации, который до того ещё не рассматривался.¹⁰⁸

Директива пленума от 6 октября эффективно воздействовала на развитие событий не только в Москве. 16 ноября в Баку состоялось совещание председателей ЦИКов: Азербайджана – Н.Нариманова, Армении – А.Ф.Мясникова, и Грузии – Г.П.Мдивани. Оно, не встречая более противодействия ЦК КПГ старого состава, приняло постановление о созыве 10 декабря (в Баку же) I Закавказского съезда Советов. Уточнило при этом: «Нахичевань, Аджаристан и Южно-Осетинская область могут делегировать на съезд непосредственно от /своих – **Ю.Ж.**/ республиканских и областного съездов Советов».¹⁰⁹

В свою очередь, Заккрайком поручил 27 ноября «Элиаве и Михайлову в шестидневный, начиная с 27 ноября, срок выработать текст Конституции /Закавказской Федерации – **Ю.Ж.**/ и представить на рассмотрение».¹¹⁰ Поэтому собравшиеся в установленный день делегаты Закавказского съезда смогли 13 декабря утвердить эту Конституцию, прежде всего провозгласившую:

«Учитывая положение советских республик Закавказья, оказавшихся под экономическим бойкотом международной буржуазии и перед угрозой возможного вторжения империалистических держав, трудящиеся закавказских республик признали необходимым и своевременным дальнейшее политическое, хозяйственное и военное объединение. В этих целях полномочные представители всех республик Закавказья /почему-то оказалась обойдённой Абхазия – **Ю.Ж.**/... постановили образовать Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику (ЗСФСР)».

А далее, в статье 4-й той же первой главы первой части Основного закона (что явно не соответствовало его сути) было выражено стремление: ЗСФСР «находит неотложным образование Союза Социалистических Советских Республик – этого прообраза всемирного мощного союза всех советских стран».¹¹¹

Орджоникидзе с неимоверными усилиями всё же добился того, что замыслил более года назад вместе со Сталиным.

В те же самые дни аналогичные события происходили и в Харькове. Там 13 декабря на VII Всеукраинском съезде Советов с пространством докладом выступил Фрунзе, зарекомендовавший себя как соратник Раковского. Отстаивая перед делегатами необходимость создания СССР, затронул самый болезненный для Украины вопрос:

«Перед нами будет стоять опасность, с одной стороны, возрождения великодержавной российской тенденции, политики (подавления) отдельных национальностей, и, с другой стороны, опасность, возникающая на той же самой почве, опасность оживления настроений собственно националистических среди буржуазных кругов национальностей, которые в прежней России принадлежали к числу подавляемых...

Предел в отношении великодержавных тенденций и возрождения российских шовинистических чувств определяется тем, что вся область национального культурного творчества, всё то, что связано с языком и культурой, является абсолютно гарантированным от каких бы то ни было покушений с чьей бы то ни было стороны... С другой стороны, в отношении возможности противного фронта, мы должны сказать, что рабочий класс и трудовое крестьянство точно так же, раз и навсегда, заявляет, что всякие надежды на сепаратизм и пропасть между отдельными национальностями, между трудящимися массами разных народностей не имеют под собой никакой почвы, им должен быть положен конец созданием соответствующей новой Конституции».

Но вслед за тем Фрунзе добавил то, что сказал бы, скорее всего, на его месте Раковский: «Не должно быть ни малейшей разницы между нашей старшей сестрой, между самой сильной из советских республик – Российской Советской Республикой, между Украинской Республикой и такой республикой, как Белоруссия, как закавказские страны».

Вместе с тем Фрунзе, как и авторы Конституции ЗСФСР, открыл тайну столь решительного отказа от сталинского плана автономизации. «Когда мы будем строить Союз Советских Социалистических Республик, – пояснил он, – мы не должны упускать из виду, что **мы закладываем форму будущего разрешения взаимоотношений для всех народов. Именно по этому пути, именно по этому типу, по нашему твердому убеждению, будут строиться государственные отношения трудящихся масс всех других стран** /выделено мной – Ю.Ж./». Поэтому совершенно не случайным является выбор наш нового названия для того государственного образования, которое мы закладываем». ¹¹²

Тем и дал понять – восторжествовали утопические представления большевиков об очень близкой победе мировой революции. Разумеется, поначалу в Европе. А западные страны, исторически сложившиеся, с высокоразвитой промышленностью, огромным и хорошо организованным пролетариатом никак не могут стать автономными республиками в составе более отста-

лой РСФСР. Войдут в создаваемый Союз на равных и с Россией, и Украиной, и Закавказьем. И иного просто быть не может.

Завершая доклад, Фрунзе прочитал проект Декларации об образовании СССР. Тем как бы апробировал его не в узком кругу членов очередной комиссии, пусть и образованной пленумом ЦК РКП, а в массе трудящихся. Ну, а их одобрение должно было послужить самой высокой оценкой документа. В тот же день Всеукраинский съезд Советов единогласно принял декларацию, повторившую смысл четвёртой статьи Конституции ЗСФСР: «В полном согласии с желанием и волей трудящихся Украины / съезд – **Ю.Ж.**/ обращается к рабочим и крестьянам России, Украины, Белоруссии, Грузии, Азербайджана, Армении с братским предложением **немедленно приступить к оформлению уже ныне фактически существующего Союза Советских Республик** /выделено мной – **Ю.Ж.**/ и образованию этим путём единого социалистического рабоче-крестьянского фронта против фронта мировой буржуазии». ¹¹³

14 декабря точно такое же постановление принял и IV Всебелорусский съезд Советов: «Предложение Всеукраинского съезда Советов о немедленном оформлении уже фактически существующего Союза Советских Республик **на основе взаимного равенства** /выделено мной – **Ю.Ж.**/, тесной политической и хозяйственной связи, в то же время обеспечивая самостоятельное национально-культурное строительство и создавая необходимые гарантии для проявления хозяйственной инициативы каждого из членов, отвечает жизненным интересам Советской Белоруссии, и потому должно получить скорейшее осуществление на предстоящем съезде всех советских республик». ¹¹⁴

Формулируя именно так своё постановление, руководители съезда в Минске пошли в своих условиях дальше всех. Они потребовали не только полного равенства четырёх республик, образовывавших Союз, не только неприкосновенности национально-культурной сферы, но ещё и гарантий для экономической самостоятельности. Единственное, о чём забыл Червяков и его коллеги по руководству белорусской партийной организации, охватывавшей всего тринадцать уездов (то есть половину бывшей Минской губернии), откуда они возьмут необходимые на всё то средства.

Вот теперь и стала несомненной подоплёка принципиальных споров, приведших Сталина к поражению на пленуме 6 октября. Большевики Харькова и Минска за годы революции, интервенции и Гражданской войны действительно прониклись национализмом. Для сохранения квазисуверенности нашли велико-

лепное, никем не оспариваемое основание – необходимость свободного развития национальных языков и культур. Основание, которое принимал как должное и Сталин. Всегда. Только предлагал для того образование не союзных, равноправных с РСФСР, республик, а всего лишь автономных областных объединений. Таких, как Туркестан, Киргизия, иных.

Происшедшее Сталин встретил мужественно. Смирился с неизбежным. Но, выступая 26 декабря на X Всероссийском съезде Советов с докладом «Об объединении советских республик», всё же подчёркивал необходимость создания единого государства, а не его формы, которые в душе отвергал.

«Старые договорные отношения, – втолковывал он делегатам, – отношения конвенции между РСФСР и другими советскими республиками исчерпали себя, оказались недостаточными... От старых договорных отношений неизбежно приходится перейти к отношениям более тесного объединения. К отношениям, предполагающим создание **единого** /выделено мной – **Ю.Ж.**/ союзного государства с соответствующими союзными органами исполнительного и законодательного характера, с ЦИК и Совнаркомом Союза».

«Существуют, – продолжал излагать Сталин важнейшее для него, – три группы обстоятельств, определивших неизбежность объединения советских республик в одно союзное государство.

Первая группа обстоятельств – это факты, касающиеся нашего внутреннего хозяйственного состояния.

Во-первых, скудость наших хозяйственных ресурсов, оставшихся в распоряжении республик в результате семилетней войны. Скудость, которая заставляет нас объединить эти скудные средства для более рационального использования и развития главных отраслей хозяйства, составляющих стеновой хребет Советской власти во всех республиках.

Во-вторых, сложившееся исторически разделение труда, хозяйственное разделение труда между различными районами и республиками нашей Федерации...

В-третьих, единство основных средств сообщения по всей Федерации, составляющих нерв и фундамент всякого возможного объединения...

Наконец, скудость наших финансовых средств. Товарищи, надо сказать прямо, что наше финансовое положение теперь, на шестом году существования Советской власти, имеет гораздо меньше возможностей развития в большем масштабе, чем, например при старом режиме, у которого была водка, чего у нас

не будет, дававшая пятьсот миллионов рублей в год, у которого были обеспечены заграничные кредиты по несколько сот миллионов, чего у нас также не имеется...

Вторая группа обстоятельств, определивших объединение республик, – это факты, связанные с нашим внешним положением. Следует, товарищи, помнить, что несмотря на счастливый выход наших республик из состояния Гражданской войны, опасность нападения извне далеко не исключена. Эта опасность требует того, чтобы наша армия была, безусловно, единой...

Затем, кроме опасности военного характера, имеется ещё опасность экономического изолирования нашей федерации. Вы знаете, что после Генуи и Гааги и после Уркарта /английский промышленник, чьё стремление получить концессию на разработку полезных ископаемых на Урале и в Казахстане было отвергнуто СНК из-за крайне невыгодных для советской стороны условий – **Ю.Ж.**/ экономический бойкот нашей республики хотя и не удался, но большого наплыва капитала на нужды нашего хозяйства не наблюдается...

Наконец, наше дипломатическое положение... Организованный дипломатический бойкот, направленный против нашей федерации, был прорван. Антанта была вынуждена считаться с нашей федерацией и отойти, отступить несколько. Нет основания рассчитывать на то, что эти и подобные факты дипломатического изолирования нашей федерации не повторятся...

Наконец, третья группа фактов, также требующих объединения и связанных с характером строения Советской власти, с классовой природой Советской власти. Советская власть построена так, что она, интернациональная по своей внутренней сущности, всячески культивирует в массах идею объединения, сама толкает их на путь объединения...

На Западе, в мире буржуазной демократии, мы имеем дело с постепенным упадком и разложением многонациональных государств на составные части (вроде Великобритании, которая, не знаю, как она уладит дело с Индией, Египтом, Ирландией, или вроде Польши, которая, опять же, не знаю, как уладит дело со своими белорусами, украинцами), а здесь, в нашей федерации, объединяющей не менее 30 национальностей, здесь, наоборот, мы имеем дело с процессом укрепления государственных связей между независимыми республиками, с процессом, ведущим ко всё более тесному сближению независимых национальностей в одно независимое государство».

Только теперь Сталин, но весьма бегло, остановился на ином вопросе. Главном, для Харькова, Минска – «какова же должна

быть форма объединения республик?» Повторил уже общеизвестное: «Объединяются четыре республики: РСФСР – как целостное федеральное объединение, Закавказская Республика – тоже как целостное федеральное образование, Украина и Белоруссия. Две независимые советские республики, Хорезм и Бухара, являющиеся не социалистическими, а народными советскими республиками, пока остаются вне рамок этого объединения только потому, и исключительно потому, что эти республики не являются ещё социалистическими».

Затем опроверг бытовавшие вне Советской России предложения: «Может показаться, что целесообразнее было бы войти в Союз республик не РСФСР, как целостному федеральному образованию, а отдельными республиками, входящими в состав РСФСР, очевидно, разложив предварительно РСФСР на составные части. Я думаю, что этот путь нерационален, нецелесообразен и исключается самим ходом кампании.

Во-первых, он привёл бы к тому, что наряду с процессом, ведущим к объединению республик, мы имели бы процесс разъединения уже существующих федеральных образований. Процесс, опрокидывающий вверх дном начавшийся революционный процесс объединения республик. Во-вторых, идя по этому неправильному пути, мы пришли бы к такому положению, в силу которого нам пришлось бы, кроме восьми автономных республик, выделить ещё из РСФСР специальный русский ВЦИК и русский Совнарком, что повело бы к большой организационной перетряске, совершенно ненужной теперь и вредной, и что не требуется ни в какой мере ни внутренней, ни внешней обстановкой».

А далее бегло, явно мимоходом, охарактеризовал то, что более всего волновало Раковского и Фрунзе. Указал, предполагается три группы Наркоматов. «Внешней торговли, военно-морской, иностранных дел, НКПС и Наркомпочтель образуются лишь в Совнаркоме Союза. Наркоматы финансов, хозяйства, продовольствия, труда и инспекции остаются в составе договаривающихся республик, но с тем, чтобы они могли действовать по директивам соответствующих комиссариатов в союзном центре...

Наконец, остальные комиссариаты – внутренних дел, юстиции, просвещения, земледелия и пр. – их всего шесть – **имеющие прямое отношение к быту, нравам, особым формам землеустройства, особым формам судоустройства, к языку и культуре народов** /то есть всё то, что и составляло основание для национальной автономии – **Ю.Ж.**/, должны быть оставлены как самостоятельные, руководимые ЦИК и Совнаркомом договаривающихся республик».

Завершая доклад, Сталин предложил проект резолюции:

1. Признать своевременным объединение Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Украинской Социалистической Советской Республики, Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики и Белорусской Социалистической Советской Республики в Союз Советских Социалистических Республик.

2. В основу объединения положить принцип добровольности и равноправия республик с сохранением за каждой из них свободного выхода из Союза республик...» Вслед за тем, повторив приём, использованный Фрунзе, зачитал Декларацию, не не сказал, что это – проект одного из двух основополагающих документов.¹¹⁵

Нежелание Сталина подробно останавливаться на планируемых исполнительных органах СССР уже вечером того же дня привело к неизбежному. На заседании комфракции делегатов съезда именно этому вопросу уделили наибольшее внимание, высказывая взаимоисключающие предложения.

В.Н.ЗАТОНСКИЙ – нарком просвещения УССР, делегат от Украины: «Относительно необъединённых комиссариатов у наших товарищей, особенно от республик, настроение такое, что эти комиссариаты нужно иметь целиком необъединёнными... Почему же нас сознательно, искусственно разделять?» И тут же посоветовал создавать объединяющие их союзные комитеты «и по Наркомпросу, и по Наркомзему, и по другим комиссариатам и одновременно объединять их таким образом, чтобы представители этих Наркоматов входили в союзный Совнарком... Федеральные комитеты стихийно, уже фактически возникли в Наркомземе и ряде других комиссариатов возникают. Я совершенно не представляю себе, как это будет Наркомюст совершенно раздельный. А кто же будет кодифицировать общесоюзное законодательство?»

П.СОЛОДУБ, управделами СНК УССР, делегат от Украины: «Все эти Наркоматы, которые будут при союзном Совнаркоме, должны иметься и в каждой самостоятельной республике. Они могут не иметь права регулировать, я понимаю, но надо вам сказать, что наш Внешторг украинский торгует очень скверно, но он всё-таки торгует, и право торговли ему можно дать... Только тогда, когда каждая республика будет иметь у себя как можно больше оперативных прав распоряжаться всем, что ей подведомственно, только тогда каждая республика будет знать, на что она рассчитывает, только тогда мы быстро пойдём по линии восстановления государства и по линии закрепления Союза Социалистических Советских Республик».

М.И.ЛИСОВСКИЙ, секретарь Челябинской парторганизации: «Петлюровщина – не в смысле определённой точной программы, а в смысле национализма – далеко и далеко не изжита... Что скажут мелкобуржуазные элементы, когда мы начнём из Москвы непосредственно направлять дело народного образования, непосредственно будем держать его в своих руках, когда непосредственно судьбы украинской и грузинской школы будут в руках Москвы явно и открыто?.. Что скажут мелкобуржуазные элементы соседних с нами стран, которым тоже в скором времени придётся строить свои Совнаркомы?.. Сейчас именно промежуточные формы и хороши».

А.Н.УДАРОВ, делегат от ВЦСПС: «В наших лозунгах мы говорим о независимости, самоопределении и так далее, а между тем мы стремимся слопать это самоопределение... Необходимо на фракции зафиксировать, что объединение в данный союз с оторванием определённых комиссариатов от определённых автономных областей является преждевременным, выкидышем».

М.СУЛТАН-ГАЛИЕВ, член коллегии Наркомнаца РСФСР: «Мы, представители автономных республик и областей, считаем, что пора кончать игру в эту независимку, но, товарищи, надо всё-таки определить те организационные формы, в которые должна вылиться работа бывших независимых республик в союзе с Российской Федерацией».

В этом вопросе можно идти двумя путями. Первый путь, который определяется докладом тов. Сталина, – именно создание союзного ЦИКа и Совнаркома. Второй путь, который, по нашему мнению, являлся бы более правильным, это путь простого влияния или слияния независимых республик с Российской Федерацией. Мы находим, что форма слияния независимых республик с Российской Федерацией, которая выставляется в докладе тов. Сталина, создаёт только лишнюю проволочку, лишнюю инстанцию...

Для нас является неясным один вопрос – участие в союзном ЦИКе и союзном СНК автономных республик... Чем, скажите, пожалуйста, отличается Туркестанская Советская Республика от Грузинской Республики? Отличается тем, что там в несколько раз большее население, территория в несколько раз больше, чем территория Грузинской Республики и, кроме того, по своему стратегическому положению Туркестан занимает в отношении «независимости» – я беру в кавычки это слово – которая могла бы быть предоставлена Туркестану, гораздо более выгодное положение, чем Грузия.

Вот, ввиду этих двух положений, с одной стороны, при создании союзного ЦИКа создаётся совершенно ненужный, лиш-

ний орган, а с другой стороны – разделение национальностей советских республик на национальности, которые имеют право вхождения в союзный ЦИК, и на национальности, которые не имеют этого права. Разделение на пасынков и на настоящих сыновей... Мы высказываем пожелание, чтобы эти республики / УССР, ССРБ, ЗСФСР – **Ю.Ж.**/ входили как равноправные члены общей федерации в общую Российскую Федерацию без создания каких-либо союзных ЦИКов и союзных СНК».

К.Д.МУХТАРОВ, председатель СНК Татарской АССР: «Если мы не хотим лозунги самоопределения и самостоятельности превратить просто в национальную автономию, мы должны будем сказать о необходимости непосредственно, не через какую-нибудь инстанцию, а прямого участия национальных единиц, самоопределившихся в автономные национальные республики, автономные области, непосредственно в СССР».

С.Г.САИД-ГАЛИЕВ, председатель СНК Крымской АССР: «Чтобы упростить аппарат и сократить расходы, я бы предложил республикам, которые по числу населения и по географии /территории – **Ю.Ж.**/ своей не превышают размеров средней центральной губернии, самоупраздниться... Я полагаю, что в скором будущем все работники на местах в этих мелких окраинных республиках этот вопрос обдумают и решат».

БЕЙДИЛЬДИН (?): «В отдельных республиках мы скрутили шею сепаратистскому национализму. И, объединяя наши республики, мы с этим сепаратистским шовинизмом мелкой буржуазии и маленьких народностей кончаем. С этого дня мы приступаем ко второй задаче, и об этой задаче никто из товарищей не говорил. **Мы начинаем крутить шею русскому великодержавному шовинизму** /выделено мной – **Ю.Ж.**/».¹¹⁶

Сталин мог быть доволен. Члены комфракции делегатов съезда высказали те самые доводы, которые и заставили его полгода назад настаивать на автономизации. Выступая 26 декабря во второй раз, в узкой аудитории, он поспешил снять с себя ответственность за идею Ленина-Каменева, поддержанную пленумом ЦК 6 октября.

«Я не мог на общем собрании, – пояснил Сталин, – в присутствии беспартийных сказать, какая работа проделана в комиссии ЦК и когда она началась... Здесь я могу сказать о той предварительной работе, которая велась... Вопрос обсуждался первый раз 6 октября на пленуме ЦК, и второй раз, более решительно, на следующем пленуме ЦК. **Первая директива ЦК, которая питалась источниками, представленными в распоряжение ЦК отдельными республиками** /выделено мной – **Ю.Ж.**/, гла-

сит следующее: «Признать необходимым заключение договора между республиками Украиной, Белоруссией...»

«Второй пленум ЦК, – продолжал Сталин, – один за другим подтвердили основные директивы и проект резолюции, предложенный сегодня, этот сгусток, основные положения директив ЦК... На местах, в республиках Грузинской, Армянской, Азербайджанской, Белорусской, Украинской, основные директивы уже проведены. Общие контуры объединения и основные функции центральных союзных органов уже намечены. Вы, может быть, следили в печати за тем, что пишется от республик. Там сказано и сделано больше, чем у нас, работа проделана более конкретно».

Так Сталин честно объяснил – за изложенной им в докладе формой объединения, за структурой органов власти стоит ЦК, который, в свою очередь, исходил из мнения, если не сказать – настойчивых пожеланий независимых республик. Лишь затем перешёл к ответам на поставленные выступлениями вопросы. К тем ответам, в которых высказал собственный, а не ЦК, взгляд.

«Первое, – вполне искренне сказал он, – против чего я должен выступить решительным образом, это заявление Султан-Галиева о том, что мы будто бы играли комедию в независимость и теперь, слава богу, кончаем с этим. Я считаю это клеветой на нашу партию... Если эта партия в продолжение пяти лет говорит о праве национальности на отделение, о праве образования самостоятельных государств, говорила о независимости Азербайджана, Армении, Грузии, Белоруссии, Украины, это значит, что она говорила о фактах, которые присутствуют...

Затем я должен разъяснить одну крупную ошибку, которая сквозит в речах некоторых товарищей. Считают, что у нас союз фактически уже существовал, союз республик, что мы теперь, собственно, занимаемся только некоторым формальным исправлением некоторых формальных недочётов, и ничего особенного не происходит. Это неверно, товарищи...

Связь между республиками по линии партийной, то есть между партийными верхушками внутри республик по линии партийной эта связь тонкая и ненадёжная, потому что всего-то в партии у нас насчитывается 500 тысяч человек, а населения в республиках 140 миллионов. То, что проделывается в порядке партийной переписки между верхушкой центральной и между верхушками республиканскими, всё это известно лишь тесному кругу лиц из верхушки партийной и об этом обо всём широкие массы населения ничего абсолютно не знают.

Хорошо ли это? Конечно, нехорошо. Плохо ли это? Конечно, плохо, и опасно, вместе с тем, ибо держаться республикам в одном стане на тонкой линии надолго – это немыслимо. Вот почему мы от духовной связи по линии формальной теперь переходим к связи формальной государственной, которая становится понятной для широких масс населения, насчитывающего 140 миллионов».

Казалось бы, Сталин сказал всё, что хотел. Но нет, он снова возвращается к тому, что его задело сильнее всего. Что он никак не мог принять. «Второй вопрос, – продолжил он, – о котором я должен кое-что сказать, это вопрос, выдвинутый товарищами Мухтаровым, Хидыралиевым и Султан-Галиевым. Они очень осторожно и хитро ставят вопрос. Мы, говорят они, конечно за единство, но не лучше ли было так, чтобы сначала РСФСР разложить на составные части и каждой отдельной республике дать возможность самостоятельно войти в Союз. Они не говорят слово «разложить», но они хотели бы по-братски войти вместе с нами в состав Союза республик, сначала размежевавшись...

Разве не ясно, что эта операция, во-первых, подрывает в корне то по существу революционное объединительное движение, которое охватило широкие массы нашей республики и, во-вторых, такое положение требует, чтобы, разложив наши федеральные образования на части, вместе с тем и создавали русский ЦИК – не Российский, а русский ЦИК, русский Совнарком, потому что если войдет Автономная Республика Башкирия отдельно в Союз республик, Туркестанская – отдельно, Татарская – отдельно, и прочие, то как русским войти в состав Союза? Никак, ибо они останутся вне Союза, ибо им следует организоваться. Русский ЦИК, русский Совнарком – нужно ли это нам, товарищи? Какая в этом политическая необходимость – внутренняя или внешняя – требует от нас этой операции? Я не вижу никакого оправдания такого предложения, абсолютно никакого...».

И ещё один вопрос не оставил Сталин без ответа: «Я перехожу к Затонскому... Ему не нравится, что мы третью категорию Наркоматов, как то Наркомздрав, соцобес, юстиции, просвещения, внудел, земледелия, что мы эти комиссариаты оставляем, так сказать, без контроля в составе договаривающейся республики автономной, не организуя над этими комиссариатами какого-либо специального контроля...

Этот вопрос в комиссии ЦК стоял тоже несколько раз и обсуждался, причём некоторые товарищи из Украины согласились на этот план, а кавказцы решительно возражали. И комиссия пришла к тому, что если целесообразно оставлять в составе до-

говаривающихся республик Совнаркомы, если целесообразно – а это, конечно, целесообразно – сохранить собственный быт, язык, культуру и прочее, то отсюда уже, как дважды два четыре, следует, что необходимо соответствующее здесь сосредоточение, в соответствующих комиссариатах, отдать, оставить в договаривающихся республиках».

Последним, что вызвало категорическое неприятие Сталина, стало деление республик на «первый» и «второй» ранг. «Так, – пояснил Сталин своё отношение к таким утверждениям, – тов. Султан-Галиев говорит, что аргументирует наиболее осторожно тов. Мухтаров: чем отличается Туркестан от Азербайджана. Население больше, район важный и прочее.

Да отличается тем, что исторический Туркестан вошел в состав федерации с самого начала основания Советской Республики, а Азербайджан в продолжении нескольких лет составлял объект операций мусаватистов, Англии, Германии, турок и кого угодно. Разве это не факт?.. В результате, Азербайджан освобождается как независимая республика, не могущая сразу войти в состав союза в 1920 году, потому что слишком сильны были там националистические тенденции, которые насаждались там годами националистической партией Мусават...

Какая разница между Туркестаном и Грузией? Разница та, что из-за Грузии до сих пор воюет Антанта, а Второй Интернационал до сих пор ставит нам палки в колёса, Советская власть (в Туркестане) установлена давно, Коммунистическая партия окрепла, националисты изгнаны, и мы имеем дело с республикой, которая существует уже пять лет и которая ни разу не ставила вопроса о выходе из состава федерации». ¹¹⁷

Сталину удалось убедить участников совещания комфракции. За предложенную им резолюцию проголосовали единодушно. Все. А вечером эту резолюцию столь же единогласно одобрили и делегаты X Всероссийского съезда Советов.

Но какие бы бури не шумели в Баку и Харькове, Минске и Москве по поводу формирования Союза и его органов власти, никто ни разу не поднял вопрос о границах республик. А произошло так далеко не случайно. Для ЗСФСР такой проблемы просто уже не существовало. Её признанной границей с РСФСР не один год являлись бывшая административная граница Кавказского наместничества.

Белоруссия, ещё не получившая Витебскую и Могилёвскую губернии, тихо выжидала, не желая обострять отношений с Россией. Ну, а вопрос о том, следует ли оставлять в составе Украины Харьковскую, Донецкую, Екатеринославскую, Одесскую и Нико-

лаевскую губернии (год назад две последних являлись одной, Херсонской) в Москве явно не желали возбуждать. Ведь он сам по себе вполне мог привести к совершенно ненужным в данный момент спорам, разногласиям и, как результат – срыву подготовленного воссоединения. Ну, а когда Советский Союз будет создан, проблема перестанет играть какую-либо роль. Государственные границы, даже не согласованные обеими сторонами, превратятся во всего лишь административные...

Итак, к 26 декабря четыре республики одобрили тексты Декларации и Договора, приняли все необходимые официальные документы для воссоединения.

ЗСФСР. «Первый Закавказский съезд Советов считает необходимым созыв общего съезда социалистических советских республик. Закавказский съезд постановляет: делегировать на этот съезд своих представителей, снабдив их мандатами на право подписания договора о Союзе республик».

УССР. «Избрать из состава (IV Всеукраинского) съезда (Советов) делегатов на Учредительный съезд Советов союзных республик... Делегатов, избранных на Всероссийский съезд, облечь от имени УССР делегатскими полномочиями на разработку и окончательное утверждение Конституции Союза Советских Социалистических Республик».

ССРБ. «IV съезд Советов Советской Белоруссии... поручает своей делегации, избираемой для участия во Всероссийском съезде Советов, дать во время работы съезда торжественное обещание и совершить формальные акты, закрепляющие братский Союз Социалистических Советских Республик».

РСФСР. «Уполномочить делегацию на основе одобрения Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета условий объединения, заключить договор РСФСР с социалистическими советскими республиками Украины, Закавказья и Белоруссии об образовании Союза советских социалистических республик». ¹¹⁸

Оставалось одно: в торжественной обстановке провозгласить создание нового государства. Единого – на той части пространства бывшей Российской Империи, где возобладала, победила Советская власть.

Начало работы I съезда Советов СССР намечалось до завершения Всероссийского съезда, то есть 26 или 27 декабря – чтобы самой многочисленной российской делегации не пришлось покидать Москву, а потом возвращаться в неё. Но по чисто техническим причинам собрать всех делегатов удалось только 29 декабря. В тот день состоялась конференция уполномоченных

четырёх республик, договорившихся по процедурным вопросам. Сам же съезд открыли утром 30 декабря в Большом театре. Открыли докладом Сталина, который на этот раз не стал повторять уже сказанное четырьмя днями ранее. Был предельно краток, ограничившись истинной сутью события.

«Нас, коммунистов, – заявил он, – часто ругают, утверждая, что мы не способны строить. Пусть история Советской власти за пять лет послужит доказательством того, что коммунисты умеют также и строить. Пусть сегодняшний съезд Советов, призванный утвердить Декларацию и Договор о союзе республик, принятые вчера конференцией полномочных делегаций, пусть этот союзный съезд покажет всем тем, кто ещё не потерял способность понимать, что коммунисты умеют также хорошо строить новое, как они умеют хорошо разрушать старое». ¹¹⁹

Затем, как и было обговорено накануне, прочитал текст Декларации. Чисто пропагандистского документа, ставшего преамбулой Конституции СССР. Документа, призванного с помощью предельно ультралевого риторики служить хотя бы словесно лишь одной цели – всячески опровергнуть вполне возможные, даже уже раздававшиеся обвинения в адрес Москвы в восстановлении Российской Империи.

«Воля народов советских республик, – провозглашала Декларация, – собравшихся недавно на съезды своих Советов и единодушно принявших решение об образовании Союза Советских Социалистических Республик, служит надёжной порукой в том, что Союз этот является добровольным объединением равноправных народов, что за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных ещё в октябре 1917 года основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового империализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику. ¹²⁰

Прочитал Сталин и текст Договора, одобренного той же конференцией – основную часть Конституции СССР, детально обсуждавшуюся и не раз дорабатывавшуюся представителями Украины, Закавказья и Белоруссии. Однако Фрунзе, поспешивший взять слово, счёл нужным добавить:

«Делегации внимательно рассмотрели все пункты, и это, конечно, является дополнительной гарантией того, что всё

предложенное сейчас вашему вниманию обдумано и взвешено всесторонне. Тем не менее, делегации нашли необходимым ввести ещё новые, дополнительные, гарантии того, чтобы принимаемый нами акт был действительно актом, устанавливающим безошибочно основы новых прочных взаимоотношений, позволяющих каждому государству, входящему в Союз, выявить в интересах общего дела максимум энергии и самостоятельности.

В этих видах делегация считает необходимым не ограничиваться простым принятием этого, прочитанного сейчас товарищем Сталиным, текста, а проделать над ним дальнейшую работу. Самым лучшим способом проверить правильность принимаемых постановлений послужит практика. Поэтому, товарищи, делегации считают необходимым поступить следующим образом.

Сейчас утвердить и текст Декларации, и текст союзного Договора только в основном. Затем тому органу, который будет избран, Центральному Исполнительному Комитету Союза, поручить заняться его дальнейшей разработкой, его дальнейшим рассмотрением. Помимо этой работы ЦИКа Союза, к ней должны быть ещё раз привлечены правительства национальных государств, в лице их верховных органов...

Но это ещё не всё, товарищи. Мы предлагаем вам принять ещё одну гарантию, а именно, чтобы следующая сессия ЦИКа ввела бы в действие этот новый закон только временно. На основании этого закона она конституирует новое союзное правительство, создав Совнарком Союза ССР, создав и все остальные наши органы, регулирующие общесоюзную деятельность. Но окончательное утверждение, окончательная ратификация этого договора должна быть отложена до следующего, Второго съезда депутатов Советов СССР. Вот тот путь, который мы считаем наиболее гарантирующим со всех сторон правильность и соответствие жизненным интересам союзных народов заключаемого ими союзного договора.»¹²¹

Председательствовавшему Калинину не оставалось ничего иного, как сделать хорошую мину при плохой игре – поставить незапланированное предложение Фрунзе на голосование. Делегаты же, не разобравшись в происходящем и приняв выступление Фрунзе как должное, единодушно поддержали его весьма существенную поправку.

Всё дальнейшее больше не сопровождалось экспромтами. Быстро, без обсуждений, избрали ЦИК СССР в составе 371 человека: 270 – от РСФСР, 88 – от УССР, 26 – от ЗСФСР, 7 – от БССР,

то есть строго пропорционально численности населения республик. Именно они, собравшись на свою первую сессию, в свою очередь, избрали Президиум из девятнадцати членов и четырёх – как настаивал Ленин! – его председателей: М.И.Калинина, В.П.Петровского, Н.Нариманова и А.Г.Червякова.

Так, в канун 1923 года, завершился долгий и тернистый путь – от Российской Империи к Советскому Союзу.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Провозглашение СССР, как оказалось, так и не устранило полностью те противоречия, которые существовали между центром и национальными окраинами. Ни демонстративный отказ от сталинского плана автономизации, ни огромные уступки (прежде всего, Харьков) не принесли ожидаемого согласия и полного единства. И о том свидетельствовала не только неожиданная эскапада Фрунзе.

Уже в первых числах января нового, 1923 года, в адрес ЦК РКП поступило письмо, подписанное 426 коммунистами Грузии. Они, несмотря ни на какие решения высших инстанций (ни Тифлиса, ни Москвы) продолжали считать создание ЗСФСР серьезнейшей ошибкой и настаивали на непосредственном вхождении своей республики в состав Советского Союза. Нарком юстиции УССР, член ЦК КПУ Н.А.Скрыпник, несмотря на свою должность, требовавшую уважения к праву, потребовал внести поправку в уже всеми одобренную Декларацию. Обязательно дополнить её словами «суверенные республики» в том месте, где упоминались УССР, ЗСФСР и БССР. А Президиум ЦИК Белоруссии принял решение, согласно которому все законодательные акты СССР, затрагивающие деятельность необъединённых Наркоматов, подлежали переутверждению в Минске в обязательном порядке.¹

Обострившиеся с каждым днём события вынудили партийное руководство, готовившее очередной, XII съезд, предусмотреть в повестке дня его работы и (казалось бы, решённый два года назад) национальный вопрос. Подготовку тезисов, призванных лечь в основу проекта резолюции по нему, поручили Сталину. Тот же, достаточно хорошо понимавший не только важность, но и сложность поручения, 4 февраля направил членам Политбюро

записку, в которой неожиданно для них предложил два альтернативных варианта будущего съездовского документа. Один – неизвестно на что надеясь – свой прежний план, от которого до конца так и не отказался. Другой – всего лишь слегка корректирующий союзный договор, подправлявший его в соответствии с обнаружившимся недовольством в национальных республиках.

«Мне поручено Политбюро, – обстоятельно писал Сталин, – составить тезисы о национальных моментах в партийном и государственном строительстве. О партийном строительстве едва ли придётся сказать что-либо новое на партийном съезде, тут всё ясно... Что касается государственного строительства, тут, пожалуй, не всё ещё ясно, или, по крайней мере, не всё ещё приведено в ясность, и, возможно, придётся ввести в Конституцию о Союзе республик некоторые существенные изменения. Поэтому, раньше, чем составить тезисы, мне необходимо иметь определённое мнение Политбюро по некоторым вопросам союзного строительства, интересующим наших националов, как восточных, так и южных. Таких вопросов, по моим наблюдениям, имеется три.

ПЕРВЫЙ ВОПРОС: входят ли наши республики в состав Союза через существующие федеральные образования (РСФСР, Закфедерация), или самостоятельно, как отдельные государства (Украина, Грузия, Туркестан, Башкирия и пр.). Этот вопрос усиленно дебатировался среди восточных националов и отчасти среди грузин...

Вхождение отдельными республиками, а не через федеральные образования, имеет, несомненно, некоторый плюс: а) оно отвечает национальным стремлениям наших независимых и автономных республик, б) оно уничтожает среднюю ступеньку в строении союзного государства и вместо трёх ступеней (национальная республика – федеральное образование – союз) создаёт две ступени (национальная республика – союз)».

Сталин благоразумно не стал уточнять, что это – практически возвращение к его прежнему плану автономизации, только с двумя поправками. Государство именуется не РСФСР, а СССР, вошедшие же в него республики получают несколько иной, нежели он предлагал, более высокий, статус. Но тут же честно привёл и отрицательные доводы против такого решения.

«Оно имеет, – продолжал Сталин, – и существенные минусы: а) разрушая, например, РСФСР, оно обязывает нас создать новую русскую республику, что сопряжено с большой организационной перестройкой; б) создавая русскую республику, оно вынуждает нас выделить русское население из состава автономных республик в состав русской республики, причём такие

республики, как Башкирия, Киргизия, Татреспублика, Крым лишатся своих столиц (русские города) и, во всяком случае, вынуждены будут серьёзно перекроить свои территории...

Я думаю, что тут плюсы явно превышают минусы...»

Как второй вопрос, требующий предварительного согласования со всеми членами Политбюро, Сталин выдвинул идею создания нового государственного органа, «дающего выход стремлениям национальностей союза». «Целесообразно, – указывал он, – было бы создать такой модус, при котором: а) союзный ЦИК состоял бы из двух, скажем, палат, из Союзного Собрания (представительство рабочих и крестьян на началах пропорциональности) и Союзного Совета (представительство национальностей на началах равенства)».

Наконец, в качестве третьего вопроса Сталин предложил членам Политбюро обдумать: «не следует ли в составе Союзного Совнаркома кроме наркомов по объединённым комиссариатам иметь ещё наркомов по просвещению, внутренним делам, земледелию, юстиции, здравоохранению и социальному обеспечению». Сознывая двусмысленность таких изменений, сразу же оговорил:

«Нам, москвичам, взять на себя инициативу постановки этого вопроса не следует: могут обвинить в стремлении к умолению прав республик. Но если бы националы сами выдвинули этот вопрос и стали бы настаивать на его разрешении в положительном смысле (такая попытка имела место во время X съезда Советов со стороны украинцев), то мы могли бы иметь в резерве следующие предложения:

а) при Союзном Совнаркоме или Союзном Президиуме /ЦИК – **Ю.Ж.**/ создаются Советы по просвещению, здравоохранению, земледелию и проч.; б) в состав этих Советов входят представители соответствующих Наркоматов республик; в) председатели этих Советов входят в состав Союзного Совнаркома на правах наркомов; г) права и обязанности таких наркомов в отношении соответствующих Наркоматов республик исчерпываются контрольными функциями».²

Четыре дня спустя Политбюро рассмотрело предложения Сталина и одобрило два из них, менее всего менявших принятый Договор. Сохранило в неприкосновенности вхождение Грузии, Армении и Азербайджана в состав СССР – только через ЗСФСР, как и автономных республик России – через РСФСР. Кроме того, указало: «Впредь до окончательного решения общего вопроса о равном представительстве национальностей поручить тов. Сталина разработать свой проект детально».³

Новое поручение Сталин как всегда исполнил предельно точно. В первом, кратком варианте тезисов «О национальных моментах в партийном и государственном строительстве», представленном в Политбюро 19 февраля, сохранил только предложение о двухпалатном ЦИКе СССР. Точнее, о дополнительном избрании в состав уже существующего высшего органа власти страны делегатов, поровну представлявших все существующие национальные республики.

Вместе с тем, во втором разделе данного варианта тезисов Сталин, как и указывал в записке от 4 февраля, счёл нужным лишь повторить сущность постановления X съезда партии по национальному вопросу. Подчеркнул «вредность и опасность» обоих уклонов, причём на первое место поставил национализм (выражающийся в переоценке национальных особенностей), а на второе – русский шовинизм. Закljučая проект, Сталин предложил, в связи с образованием СССР, переименовать партию из РКП в Компартию Союза республик.⁴

Данный вариант тезисов пленум ЦК, собравшийся 21 февраля, сразу же принял «за основу», тем самым одоблив его. Однако вечером 24 февраля, перед самым закрытием пленума, с резкой критикой предложений Сталина выступил Фрунзе. Как и на I Всесоюзном съезде Советов, счёл права союзных республик слишком урезанными. Вновь потребовал создать такую конструкцию союзных органов, которая превратила бы единое государство, пусть и конфедеративного типа, в аморфное объединение фактически самостоятельных стран. Ведь к тому и вело то, на чём настаивал Фрунзе – полная самостоятельность в области финансов и формирования бюджета, заключения концессионных договоров. Более того, потребовал Фрунзе и немедленно создать комиссию ЦК, которая, по сути, должна была пересмотреть уже единодушно одобренный Договор об образовании СССР.

И пленуму пришлось пойти на уступки. С одной стороны, он установил: «Подтвердить в партийном порядке, что впредь до установления нормальных /то есть предусмотренных Договором – **Ю.Ж.**/ союзных органов, существующая система взаимоотношений советских органов остаётся без изменений». Но с другой стороны – удовлетворить законное требование выступившего от имени КПУ Фрунзе – образовать комиссию, на которой тот настаивал. В неё включили членов Политбюро Каменева, Сталина и Рыкова, кандидата в члены Оргбюро Я.Э.Рудзутака, членов ЦК Фрунзе, Раковского, Г.Я.Сокольников (наркома финансов РСФСР) и кандидата в члены ЦК, секретаря Бухарской Компартии А.Рахимбаева.⁵

К демаршу Фрунзе, значительно усилив его позиции, 6 марта присоединился и Троцкий, хранивший на пленуме полное молчание. Направил членам Политбюро свои замечания «К тезисам тов. Сталина по национальному вопросу». Обрушился прежде всего на ту их часть, которая касалась уклонов. Объявил самым опасным – русский, великодержавный, выражающийся в «невнимании к национальным особенностям окраин» у «значительной части партийных работников Московии /выделено мной – **Ю.Ж.**/». Заодно обвинил в том же уклоне и «некоторых центральных работников» – участников пленума, то есть членов ЦК.

«Надо ясно сказать, – продолжал Троцкий, – что национальный уклон коренится в традициях угнетённого национального состояния, великодержавный – в привычках угнетательного состояния». А потому предложил «вырвать почву из-под ног национальных уклонов... внимательнейшим, дружественным, заботливым отношением к нуждам и потребностям малых и отсталых национальностей, ещё не изживших своих исторических обид». Иными словами, предложил потворствовать во всём всем народам, кроме русского, сопровождая то «решительным и беспощадным отпором великодержавническим тенденциям».

Не довольствуясь столь тенденционными заявлениями, добавил: «Создание Союза Социалистических Республик было, несомненно, понято известной частью центральной советской бюрократии как начало ликвидации национальных /союзных – **Ю.Ж.**/ и автономных государственных организаций /республик – **Ю.Ж.**/ и областей». Не отделяя себя от жертв столь надуманных обвинений, Троцкий потребовал от ЦК «и всей вообще партии строго наблюдать за тем, чтобы под знаменем объединённых комиссариатов не делалось попыток игнорировать хозяйственные или культурные интересы национальных республик».⁶

Рисуя столь устрашающую картину измышленного им положения, Троцкий сознательно проигнорировал то, что Сталин писал в тезисах о том, что и заставило его предложить создание двухпалатного ЦИКа СССР: «правильный учёт нужд и потребностей, общих для всех народов федерации; правильный учёт особенностей, свойственных отдельным народам федерации».

Наконец, отказался Троцкий признать и чисто теоретическое утверждение Сталина: «Объединение народов в Союз Социалистических Советских Республик представляет заключительный этап в развитии сотрудничества народов на основе советского строя и определённую форму военно-хозяйственного и политического союза».⁷

Хотел Сталин того или не хотел, но учесть замечания Троцкого он был обязан. Другое дело – как именно он это сделал в окончательном, утвержденном Политбюро 27 марта, варианте документа. Том варианте, что был опубликован в «Правде» два дня спустя под рубрикой «К XII съезду партии» как одобренный ЦК.

Прежде всего Сталин согласился с Троцким, следующим образом охарактеризовав решение национального вопроса: Пролетариат нашёл в советском строе ключ к пониманию разрешения национального вопроса... Но найти ключ... – ещё не значит решить его полностью и окончательно». Внёс и своеобразную поправку, используя мысль Троцкого о великодержавном шовинизме. Однако отметил, что такие пережитки «живут ещё в головах наших **советских** /выделено мной – **Ю.Ж.**/ работников», исключив тем самым из числа обвиняемых «партийных работников Москвы».

Зато не преминул воспользоваться возможностью ещё раз, и более конкретно обрушиться на уклон национальный. Он заключается, писал Сталин, «в пережитках национализма в среде целого ряда народов... Практическим выражением этих пережитков является некоторая национальная отчуждённость и отсутствие полного доверия ранее угнетённых народов к мероприятиям, идущим от русских».

Однако, – сознательно подчеркнул Сталин, – в некоторых республиках, имеющих в своём составе несколько национальностей, этот оборонительный национализм превращается нередко в национализм наступательный, в завзятый шовинизм более сильной национальности, направленный против слабых национальностей этих республик. Шовинизм грузинский (в Грузии), направленный против армян, осетин, аджарцев и абхазцев; шовинизм азербайджанский (в Азербайджане), направленный против армян; шовинизм узбекский (в Бухаре и Хорезме), направленный против туркмен и киргизов. Все эти виды шовинизма, поощряемые, к тому же, условиями нашего НЭПа и конкуренции, являются величайшим злом, грозящим превратить некоторые национальные республики в арену грызми и склоки».

Так ответил Сталин на обвинения Троцкого в русском шовинизме части руководства партии и ЦК. Вместе с тем он внёс в окончательные тезисы значительный раздел, в котором подверг критике то, что сам готов был всегда уничтожать. «Одним из ярких выражений старого наследия, – отметил он, – следует считать тот факт, что Союз республик расценивается значительной частью советских чиновников в центре и на местах /здесь

Сталин преднамеренно употребил прилагательное «советских», а не «русских» – **Ю.Ж.**/ не как союз равноправных государственных единиц, призванный обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик, как начало образования так называемого «единого-неделимого».

Осуждая такое понимание как антипролетарское и реакционное, съезд призывает членов партии зорко следить за тем, чтобы объединение республик и слияние комиссариатов не было использовано шовинистически настроенными советскими чиновниками как прикрытие их попыток игнорировать хозяйственные и культурные нужды национальных республик».

Завершил же Сталин тезисы рекомендациями, обращёнными к делегатам съезда: «Добиться того, чтобы: а) в системе высших органов Союза был учреждён специальный орган представительства всех без исключения национальных республик и национальных областей на началах равенства; б) комиссариаты Союза были сконструированы на началах, обеспечивающих удовлетворение нужд и потребностей народов Союза». ⁸ То есть ни на шаг не отступил в главном. От того, что изложил в первоначальном варианте тезисов.

И всё же, самый весомый, самый убедительный ответ могли дать только сами союзные республики. И Фрунзе, и Троцкому, который счёл записку в Политбюро недостаточной и опубликовал её публицистический вариант, столь же русофобский по существу, 20 марта в «Правде» под названием «Мысли о партии. Национальный вопрос и воспитание партийной молодёжи». И союзные республики, (вернее, их партийные организации) ответили – скорее всего, не без подсказки из Москвы – поддержав именно Сталина.

Резолюция II съезда коммунистических организаций Закавказья, принятая 18 марта, гласила: «Съезд считает правильной политику Заккрайкома в национальном вопросе, приведшую к созданию ЗСФСР как необходимой и единственно возможной форме установления национального мира в Закавказье и подъёма хозяйства».

О том же говорила и резолюция XII Всебелорусской конференции КПБ от 25 марта. «Имея в виду, – отмечалось в ней, – необходимость предупреждения каких-либо недоразумений на почве определения прав и полномочий национальных советских государств, необходимо стремиться к созданию такой системы отношений между советскими государствами, при которой все советские государства должны иметь единое руководство в вопросах внешней и внутренней политики, с привлечением в то же

время каждого национального советского государства к активному участию в едином руководстве Союза Советских Социалистических Республик». Правда, в Минске не забыли упомянуть и о своей давней просьбе – «Быстро возродить Советскую Белоруссию можно, лишь включив в территорию Белоруссии родственные ей соседние районы», то есть Витебскую и Могилёвскую губернии.

Наконец, то же мнение высказала и VII конференция КПУ в самый канун съезда, 10 апреля. «Полное равноправие национальностей, – указывала её резолюция «Национальные моменты в советском и партийном строительстве», – и устранение всяких национальных привилегий, с одной стороны, и предпочтительность крупных государственных объединений, основанных на добровольном союзе равноправных национальностей, – с другой, являются для партии руководящими при решении национального вопроса...

Являясь новой формой сожителства народов в рамках единого государства, Советский Союз в своей структуре и деятельности должен сочетать два момента: 1) учёт и обслуживание интересов, общих для всей федерации и 2) учёт и обслуживание особых потребностей отдельных её членов... Наиболее действенной формой гарантии этих интересов явилось бы создание в системе органов верховного управления Союза особого органа, составленного из представителей отдельных республик – членов Союза, на основе принципа равенства».⁹

Не могло возникнуть и тени сомнения в том, что битву за Украинскую Компартию выиграл Мануильский, а Раковский и Фрунзе её проиграли.

Но, как бы то ни было, последнее сражение по самым важным вопросам – о правах и полномочиях, остававшихся у союзных республик, и, соответственно, о структуре союзного правительства – разыгралось уже на самом (XII) съезде РКП, открывшемся 17 апреля 1923 года. Правда, несмотря на всю важность национально-государственной проблемы, приступили к её обсуждению лишь 23 апреля, на двенадцатом заседании. Но начали его, что стало весьма показательным, с доклада Рыкова о районировании.

«Управлять страной, – поделился своими трудностями замглавы СНК, – которая насчитывает более 130 миллионов жителей, управлять страной, которая охватывает одну шестую часть суши, управлять ею из Москвы на основе бюрократического централизма невозможно». Потом, чтобы усилить впечатление, остановился на вопиющих недостатках власти гу-

бернского, уездного и волостного уровней. И заключил: «Всё хозяйственное развитие нашей республики и будущая система административно-хозяйственной организации советского государства будут покоиться на организации областей». ¹⁰

Однако резолюцию почему-то предложил более чем умеренную. Её-то без обсуждения и приняли 25 апреля:

«XII съезд РКП

1. Признает прежнее административно-хозяйственное деление республики не соответствующим новым политическим и экономическим потребностям страны, но, вместе с тем, находит, что введение новой системы административно-хозяйственного деления требует осторожного подхода и большого срока для своего окончательного проведения.

2. Поручает ЦК партии принять меры к внесению большей планомерности в работе по изменению административного деления республики, считая разработанный Госпланом и Административной комиссией Президиума ЦИК план нового административно-хозяйственного деления лишь предварительной рабочей гипотезой, нуждающейся в дополнении, проверке и разработке на основании опыта.

3. Поручает ЦК партии новый план административно-хозяйственного деления республики провести для начала, кроме производящихся в этом направлении работ на Украине, в двух районах – промышленном и сельскохозяйственном, с организацией в них областных исполкомов.

4. По отношению к остальным областям, национальным республикам и губерниям поручает ЦК партии ограничиться продолжением разработки плана районирования, не допуская его фактического проведения в жизнь до учёта опыта в названных двух областях, и за отдельными исключениями с разрешения ЦК РКП». ¹¹

Тем самым, суть реформы – практическая ликвидация, пусть чисто административных, но всё же, границ союзных республик – была отвергнута навсегда. Выразилось резко отрицательное отношение к административно-хозяйственной реформе и в ином. В дезинтеграции, проведённой вскоре, в 1924 году, на Северном Кавказе и в Средней Азии. В ликвидации 7 июля Горской Республики, разделённой на шесть автономных областей, а 14 октября – в «национально-государственном размежевании» Средней Азии. В создании взамен Туркестанской АССР Хорезмской и Бухарской советских республик, ставших из народных социалистическими, Туркменской и Узбекской ССР, Таджикской АССР, Кара-Калпакской и Кара-Киргизской АО.

...Только после вопроса районирования съезд перешёл к национальному. В пространном, детальном докладе Сталин не мог, не имел права сказать ничего иного, нежели содержащееся в опубликованных «Правдой» тезисах. Начал он с обычного для него исторического вступления, после которого перешёл к более важному, с его точки зрения, – к проблеме шовинизма. Удовлетворив замечание Троцкого, прежде всего сказал о шовинизме великорусском, но значительно большее внимание уделил грузинскому, азербайджанскому и узбекскому.

Не удовлетворившись тем, более подробно осветил положение в Закавказье с его многовековой межнациональной враждой. Дал резко отрицательную оценку «группе грузин-коммунистов, которая не возражает против того, чтобы Грузия объединилась с Союзом республик, но возражает против того, чтобы это объединение прошло через Закавказскую Федерацию». Вроде бы покончив с темой шовинизма, Сталин подвёл сказанному итог: «Конкретные формы национального вопроса в нашей обстановке в данный момент свелись к вопросу об установлении сотрудничества народов – хозяйственного, внешнеполитического, военного. Мы должны объединить эти республики по этим линиям в единый союз, называемый СССР». Но вслед за тем вернулся к уже обговорённому. «В нашей обстановке, – заметил Сталин, – мы имеем целый ряд факторов, не только содействующих объединению народов в одно государство, но и тормозящих это объединение».

Среди факторов тормозящих вновь назвал великорусский шовинизм, порождающий ответный местный, и более трудное для полного искоренения – «неравенство, которое мы унаследовали от периода царизма». «Беда в том, – продолжал Сталин, – что **некоторые национальности** не имеют своих пролетариев, промышленного развития не прошли, даже не начинали, в культурном отношении страшно отстали и совершенно **не в силах использовать те права, которые им предоставлены революцией** /выделено мной – Ю.Ж./...

Тут некоторые наши товарищи думают, что выпятив на первое место вопрос о школе и языке, этим самым можно разрубить узел. Неверно, товарищи, на школах тут далеко не уедешь. Они, эти самые школы, развиваются, язык тоже развивается, но фактическое неравенство остаётся основой всех недовольств и всех трений... Необходимо, чтобы, кроме школы и языка, российский пролетариат принял все меры к тому, чтобы на окраинах, в отсталых в культурном отношении республиках... были установлены очаги промышленности».

Как бы идя по спирали, Сталин затем вернулся к тому, что на съезде называлось национальным вопросом, а для него – важнейшей проблемой создания СССР. Напомнил о грузинском шовинизме группы Мдивани, о комиссиях Дзержинского и Каменева-Куйбышева. И назвал те средства, которые помогут преодолеть торможение: Советская власть, которая в республиках должна «стать понятной и родной»; «такая конструкция комиссариатов в Союзе республик, которая бы дала возможность, по крайней мере, основным национальностям иметь своих людей в составе коллегий»; двухпалатный ЦИК Союза.¹²

Слишком конфронтационный доклад Сталина не мог не вызвать резких выступлений тех, кто стал объектом его жёсткой критики. Выступлений – и на обоих пленарных заседаниях съезда, и в ходе работы секции, обсуждавшей проект резолюции по национальному вопросу.

П.Г.МДИВАНИ, последние дни занимавший пост председателя СНК ССРГ. «Да, мы за Всесоветское объединение /СССР – **Ю.Ж.**/. Дайте в это Всесоветское объединение самые главные комиссариаты, определяющие нашу внешнюю политику, защиту нашей республики. Вот это – объединение здесь во Всесоветском масштабе. Отдайте отдельным национальностям /союзным республикам – **Ю.Ж.**/ другие комиссариаты, где они могут провести свою волю, своё умение хозяйничать, своё умение творить новую жизнь. К чему вы создаёте эти посредствующие звенья, которые не служат устранению национальных трений?.. Чем сильнее будут развиваться наши отдельные республики, тем сильнее будет наш Союз республик».

Г.Ф.ГРИНЬКО, председатель Госплана УССР. «Я начну со справки, как проходил национальный вопрос на последней Всеукраинской партийной конференции. После доклада тов. Фрунзе и оживлённых прений один из старейших членов нашей партии, т.Скрыпник, знающий и чувствующий партию хорошо, сказал, что несмотря на то, что вся обстановка конференции гарантирует единогласное принятие тезисов ЦК, у него есть все-таки пессимистическое настроение насчёт того, чтобы и на этот раз тезисы не остались «пропавшей грамотой». Тов. Фрунзе также подчеркнул в своём заключительном слове, что и у него есть некоторая доля пессимизма, вызываемая уверенностью, что в зале находится большое количество товарищей, которые могли бы возражать, но не возражали, которые не усваивают нынешнего курса национальной политики...

Ни для кого не секрет, что не только в нашем советском аппарате, о котором мы достаточно много плохого говорили в по-

следнее время, но и внутри нашей партии есть глубочайшая централизаторская инерция. И эта глубочайшая централизаторская инерция давит, гнёт часто очень ответственных руководящих наших и является одной из крупнейших преград для налаживания государственных взаимоотношений внутри Союза...

Перехожу к вопросу национально-культурному... Ответственные товарищи из Украины говорят так: я всю Украину изъездил вдоль и поперёк, я разговаривал с крестьянами, и я вынес впечатление, что они не хотят украинского языка. Вместо того, чтобы анализировать крупнейшие общественные движения, эпоху Центральной Рады, петлюровщины, национальных восстаний и т.д., довольствуются некритическими методами личных впечатлений и на этом строят политику в национальном вопросе... Именно эта психология есть основное и крупнейшее препятствие при проведении нового курса национальной политики».

Ф.Н.МАХАРАДЗЕ, председатель Президиума ЦИК ССРГ. «Все товарищи хорошо знают, кто первый сказал о великорусском шовинизме. Это был товарищ Ильич. Вы все хорошо это знаете. Теперь я вас спрашиваю: похоже ли то, что здесь провозглашается, на то, что говорил Владимир Ильич? Похоже ли то, что говорил Владимир Ильич, на то, что здесь провозглашается? Похоже ли это на ученье, на тот дух разрешения национального вопроса, которое здесь предлагает вам тов. Орджоникидзе? Я надеюсь, что настоящий съезд, среди которого сейчас здесь отсутствует Владимир Ильич, но который витает здесь, среди нас, что съезд этот вынесет такое постановление и примет такие меры, которые действительно обеспечили бы проведение в жизнь именно той программы, отцом и творцом которой он был».

Н.А.СКРЫПНИК, нарком юстиции УССР. «Украинцы в Советском Союзе занимают не только территорию Украинской Советской Социалистической Республики, но размещены и по территории остальных республик, достигают в РСФСР численности свыше семи миллионов человек... На эти семь миллионов населения во всей РСФСР и других входящих в неё республик, как Кирреспублика и Татреспублика, всего пятьсот школ на украинском языке и затем всего два техникума... Уже закрылось триста школ, и оба техникума находятся под вопросом... Армия до сих пор остаётся орудием русификации украинского населения и всего инородного населения.

Товарищи, в чём причина такого отношения, в чём причина того, что наша линия, давным-давно намеченная, так искажается при проведении? Разве что-нибудь новое предлагается в

тезисах тов. Сталина? Ничего... Имеются ли противники тезисов тов. Сталина, или их нет? Имеются ли в нашей партии товарищи, которые являются принципиальными великодержавниками, русотяпами? Так почему же они здесь не выступают, а только на практике искажают партийную линию?»

Х.Г.РАКОВСКИЙ, последние недели занимающий пост председателя СНК УССР. Национальный вопрос – «один из тех вопросов, который – это нам нужно на партийном съезде открыто и честно сказать – сулит гражданскую войну, если мы по отношению к нему не проявим необходимой чуткости и необходимого понимания. Это есть вопрос смычки революционного российского пролетариата и шестидесяти миллионов крестьян-инородцев, которые под национальным флагом выдвигают свои требования на участие в экономической и политической жизни Советского Союза... Я начинаю тревожиться за Советскую власть». ¹³

М.В.ФРУНЗЕ, зампред СНК УССР. «Я считаю нужным исходить при создании второй палаты из идеи представительства тех республик, которые являются независимыми... Я считаю единственно правильным путём увеличение прав хозяйственных и административных отдельных членов Союза... Третий момент – это момент равенства отдельных республик». ¹⁴

Всё же – не без категорической поддержки Зиновьевым, Бухариным, Радеком предложенного Сталиным проекта резолюции – в последний день работы съезда, 25 апреля, она была единогласно принята. Только потому заключения Договора (второго раздела Конституции СССР) завершились благополучно.

6 июля вторая сессия ЦИК Советского Союза первого созыва на основании имевшихся у неё полномочий, постановила:

«Основной закон (Конституцию) Союза Советских Социалистических Республик утвердить и немедленно ввести в действие».

Новое государство обрело, наконец, законные органы власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава I

- [1] Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991, с.477.
- [2] Вестник Временного правительства (далее - ВВП). 1917, 7(20) марта.
- [3] Красный архив. 1928, №5 (30), с.44-45.
- [4] Набоков В. Временное правительство и большевистский переворот. Лондон, 1988, с.107.
- [5] ВВП. 21 марта (3 апреля).
- [6] Там же, 7 (20) марта.
- [7] Там же, 8 (21) марта.
- [8] Там же.
- [9] Там же, 5 (18) мая.
- [10] Там же, 6 (19) мая.
- [11] Там же, 17 (30) марта.
- [12] Рижское обозрение. 1917, 16 (29) марта.
- [13] Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957, с.445.
- [14] Революция и национальный вопрос. Т.3. М., 1930, с.230-231.
- [15] ВВП. 27 мая (9 июня).
- [16] Там же, 13 (26) июля; Речь. 1917, 14 июля.
- [17] Речь. 1917, 1 апреля.
- [18] Исхаков С. Российские мусульмане и революция. 1917-1918. М., 2004, с.153.
- [19] Киевская мысль. 1917, 6 марта.
- [20] Там же, 21 марта.
- [21] Речь. 1917, 8 апреля.
- [22] Там же, 20 апреля.
- [23] Гунчак Т. Украина. Первая половина XX столетия (на укр. яз.). Киев, 1993, с.86.
- [24] Киевская мысль. 1917, 9 апреля.
- [25] Речь. 1917, 23 апреля.
- [26] ВВП. 28 марта (10 апреля).
- [27] Российская коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях её съездов и конференций. М., 1922, с.155-156.
- [28] ВВП. 22 марта (4 апреля).
- [29] Сталин И.В. Собрание сочинений (далее – Сталин), т.3. с.18-19.
- [30] Там же, с.23-28.
- [31] Ленин В.И. Полное собрание сочинений (далее – Ленин), т.31, с.167-168.

- [32] Там же, с.277.
- [33] Петроградская общегородская и Всероссийская конференции РСДРП(б) в апреле 1917года. М.-Л., 1925, с.52-57, 73-75.
- [34] Сталин. Т.3, с.51-57.
- [35] Петроградская общегородская... , с.163-164.
- [36] Там же, с.132-133.
- [37] Там же, с.133-134.
- [38] Там же, с.134-143.
- [39]] Исторический архив. 1997, №2, с.37-42.
- [40] Киевская мысль. 1917, 9 мая.
- [41] Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ), ф.71, оп.34, д.104, лл.12-13.
- [42] Революция и национальный вопрос, с.341.
- [43] Там же, с.294.
- [44] Меньшевики в 1917 г. Т.1. М., 1994, с.446-447.
- [45] Партия социалистов-революционеров. Т.3, ч.1. М., 2000, с.604.
- [46] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т.3, кн.1. М., 2000, с.498.
- [47] Там же, с.551-569.
- [48] Там же, с.581-582.
- [49] Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. М., 2005, с.525.
- [50] Речь. 1917, 7 июня; Новая жизнь. 1917, 9 июня.
- [51] Революционное движение... , с.746.
- [52] ВВП. 6 (19) мая.
- [53] Там же, 9 (22) мая.
- [54] Там же.
- [55] Там же.
- [56] Манилов В. 1917 год на Киевщине. Харьков, 1928, с.81.
- [57] ВВП. 8 (21) мая.
- [58] РГАСПИ. ф.71, оп.34, д.104, лл.27-29.
- [59] Киевская мысль. 1917, 3 июня.
- [60] ВВП. 2 (15) июня.
- [61] Киевская мысль. 1917, 6 июня.
- [62] Там же, 3 июня.
- [63] Там же, 4 июня.
- [64] Там же, 3 июня.
- [65] Там же, 11 июня.
- [66] Там же, 12 июня.
- [67] Красный архив. 1928, №5(30), с.51-55; Киевская мысль. 1917, 15 июня.
- [68] ВВП. 17 (30) июня.

- [69] Ленин. Т.32, с.270.
- [70] Первый Всероссийский съезд Советов. Т.1. М., 1930, с.78-79.
- [71] ВВП. 15 (28) июня.
- [72] Первый Всероссийский... Т.1, с.101.
- [73] Новая жизнь. 1917, 9 июня.
- [74] Ленин. Т.32, с.286.
- [75] Первый Всероссийский... Т.1, с.330-331.
- [76] Там же, т.2, с.168-169.
- [77] Петроградская городская... , с.163.
- [78] Первый Всероссийский... Т.2., с.177.
- [79] Там же, с.182.
- [80] Там же, с.237-238.
- [81] Рада была сформирована из ряда общественных организаций, в том числе и из Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов различных губерний, считавшихся украинскими.
- [82] Сталин. Т.3, с.97.
- [83] Красная летопись. 1930, №5 (38), с.129-130.
- [84] Манилов, Указ. соч., с.143, 140.
- [85] Там же, с.143-148.
- [86] Там же, с.150.
- [87] Киевская мысль. 1917, 4 июля.
- [88] ВВП. 5 (18) августа.
- [89] Киевская мысль. 1917, 4 июля.
- [90] ВВП. 16 (29) июня.
- [91] Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917, 8 и 9 июля.
- [92] Речь. 1917, 15 июля
- [93] Там же.
- [94] ВВП. 1917, 16 июля
- [95] Речь. 1917, 5 августа.
- [96] Русское слово. 1917, 18 августа.
- [97] Съезды и конференции конституционно-демократической партии.
Т.3, кн.1, с.690-691.
- [98] Там же, с.676-680.
- [99] Там же, с.683.
- [100] Там же, с.723.
- [101] Государственное совещание. М.-Л., 1930, с.12.
- [102] Там же, с.49.
- [103] Там же, с.164.
- [104] Там же, с.106.
- [105] Там же, с.85.

- [106] Там же, с.95-96.
- [107] Там же, с.76.
- [108] Социал-демократ. 1917, 10 августа.
- [109] Там же, 18 августа.
- [110] Сталин. Т.3, с.207-209.

Глава II

- [1] Соколов К.Н. Проблема власти. Нива. 1917, №41-43, с.642.
- [2] Руднева С.Е. Демократическое совещание. Сентябрь 1917. М., 2000, с.105, 123-127, 148.
- [3] Там же, с.140-141.
- [4] Там же, с.141.
- [5] РГАСПИ. ф.71, оп.34, д.104, лл.41-44,50.
- [6] Руднева, с.149.
- [7] Там же, с.161-162.
- [8] Там же, с.131.
- [9] Симоненко Р.Г. Национально-культурная автономия на Украине в 1917-1918 гг. – Вопросы истории. 1997, №1, с.56-57.
- [10] Гунчак. Указ. соч., с.98.
- [11] Исхаков. Указ. соч., с.296.
- [12] Там же, с.301.
- [13] Там же, с.316.
- [14] ВВП. № 26.
- [15] Там же, 24 октября.
- [16] Революция и национальный вопрос... , с.330-336.
- [17] Исхаков. Указ. соч., с.337.
- [18] Лайпанов К.Т. Октябрь в Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987, с.43-44.
- [19] Исхаков. Указ. соч., с.310-313.
- [20] ВВП. 29 июля (11 августа).
- [21] Руднева С.Е. Предпарламент. Октябрь 1917 года. М., 2006, с.128.
- [22] Там же, с.130
- [23] Там же, с.134.
- [24] Там же, с.148-149, 239-241.
- [25] Там же, с.154.
- [26] Там же, с.333-334.
- [27] Там же, с.136.
- [28] Там же, с.183.
- [29] Там же, с.188.
- [30] Там же, с.191.
- [31] Там же, с.193.
- [32] Набоков, Указ. соч., с.81-82.

- [33] Там же, с.146-150.
- [34] Руднева С.Е. Предпарламент... , с.208-212.
- [35] Пролетарская революция. 1922, №10, с.101.
- [36] Декреты советской власти (далее - ДСВ). Т.1, с.40.
- [37] Там же, с.113-115.
- [38] Сталин. Т.4, с.3-4.
- [39] Сюкияйнен И.И. Революционные события 1917-1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1964, с.111-128.
- [40] Сталин. Т.4, с.23-24.
- [41] Рубльов О.С., Реент О.П. Українські визвольні змагання. 1917-1921 рр. Киев, 1999, с.61.
- [42] Гунчак Т. Указ. соч., с.111.
- [43] Манилов В. Указ. соч., с.525.
- [44] Там же, с.526.
- [45] Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР, ноябрь 1917 - март 1918. М., 2006. с.28.
- [46] ДСВ. т.1, с.169-170.
- [47] Манилов В. Указ. соч., с.531-534.
- [48] РГАСПИ. ф.5, оп.1, д.2447, лл.9-11.
- [49] Там же. ф.71, оп.34, д.104, лл.53-56.
- [50] ДСВ. т.1, с.128.
- [51] РГАСПИ. ф.71, оп.34, д.104, лл.58-60.
- [52] Михутина И. Украинский Брестский мир. М., 2007, с.61.
- [53] Протоколы заседаний..., с.72.
- [54] РГАСПИ. ф.5, оп.1, д.2447, лл.46-52.
- [55] ДСВ. т.1, с.178-179.
- [56] РГАСПИ. ф.558, оп.11, д.1186, лл.674-677.
- [57] Там же. ф.71, оп.11, д.1186, лл.674-677.
- [58] Михутина И. Указ. соч., с.83.
- [59] Протоколы заседаний..., с.84.
- [60] РГАСПИ. ф.2, оп.34, д.25622, л.1.
- [61] ДСВ. т.1, с.185-186.
- [62] Протоколы заседаний..., с.90.
- [63] ДСВ. т.1, с.190-192.
- [64] Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т.1. М., 1924, с.25-26.
- [65] Сталин. Т.4, с.6-14.
- [66] Рубльов О.С., Реент О.П. Указ. соч., с.70.
- [67] Образование СССР. Сборник документов. М., 1949, с.70-72.
- [68] Там же, с.74-75.
- [69] Там же, с.73.
- [70] Там же, с.74.
- [71] ДСВ. т.1, с.245.

- [72] Протоколы заседаний..., с.89.
- [73] Там же.
- [74] Рупасов А., Чистиков А. Советско-финляндская граница. СПб, 2007, с.12.
- [75] Протоколы заседаний..., с.120, 124-125.
- [76] ДСВ. т.1, с.250.
- [77] Там же, с.542.
- [78] Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ), ф.393, оп.2, д.27, л.95.
- [79] Борьба за советскую власть в Прибалтике. М., 1967, с.140.
- [80] Серебрякова З.Л. Региональные Советы национальных районов. М., 1984, с.98.
- [81] Борьба за советскую власть в Прибалтике..., с.140.
- [82] Там же, с.151.
- [83] История Эстонской ССР. Т.3. Таллин, 1974, с.105.
- [84] Очерки истории коммунистической партии Латвии, т.1. Рига, с.410..
- [85] Там же, с.413.
- [86] История Латвийской ССР, т.3. Рига, 1958, с.102.
- [87] Людендорф Э. Указ. соч., с.63-66.
- [88] Федюшин О. Украинская революция. 1917-1918. М., 2007, с.66.
- [89] Борьба за советскую власть в Прибалтике, с.474-475.
- [90] Людендорф Э. Указ. соч., с.525.
- [91] Мирные переговоры в Брест-Литовске. Т.1. М., 1920, с.7.
- [92] Там же, с.7-8.
- [93] Там же, с.9-10.
- [94] Там же, с.28-29.
- [95] Там же, с.31.
- [96] Там же, с.32.
- [97] Там же, с.49-51.
- [98] Там же, с.52.
- [99] Ленин, т.35, с.180-181.
- [100] ДСВ. т.1, с.264-265.
- [101] Там же, с.258-259.
- [102] Мирные переговоры..., с.52, 74-75.
- [103] Там же, с. 52-53.
- [104] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т.2. М., 1990, с.103.
- [105] ГАРФ. ф.139, оп.1, д.89, лл.68-68 об.
- [106] Протоколы заседаний..., с.172.
- [107] Ленин, т.35, с.211-212.
- [108] РГАСПИ. ф.558, оп.1, д.4548, л.1 об.
- [109] Мирные переговоры..., с.98-100.

- [110] Чернин О. В дни мировой войны. М.2005, с.247
- [111] Там же, с.254-257
- [112] Мирные переговоры..., с.126.
- [113] Ленин. т.35, с.258.
- [114] Третий Всероссийский съезд Советов. П., 1918, с.5.
- [115] Там же, с.81.
- [116] Там же, с.15.
- [117] Там же, с.50-55.
- [118] Там же, с.58.
- [119] Там же, с.60.
- [120] Там же, с.98-99.
- [121] ДСВ. Т.1, с.349.
- [122] Сталин. Т.4, с.27.
- [123] Правда. 1918, 30 января.
- [124] Сталин. Т.4, с.31-32.
- [125] ДСВ. Т.1, с.343.
- [126] Сталин. Т.4, с.32-33.
- [127] Третий Всероссийский..., с.74-78.
- [128] Сталин. Т.4, с.33-35.
- [129] Третий Всероссийский..., с.81-82.
- [130] Сталин. Т.4, с.21-32.
- [131] ДСВ. Т.1. с.350-351.
- [132] Сталин. Т.4. с.32-35.
- [133] Третий Всероссийский..., с.74-78.
- [134] Сталин. Т.4, с.33-35.
- [135] Третий Всероссийский..., с.81-82.

Глава III

- [1] Людендорф Э. Указ. соч., с.545-550.
- [2] Там же, с.560.
- [3] Мирные переговоры..., с.135-137.
- [4] Там же, с.145-146.
- [5] Федюшин О. Указ. соч., с.300-301.
- [6] Мирные переговоры..., с.147.
- [7] Там же, с.148.
- [8] Там же, с.150-151, 153
- [9] Там же, с.156, 183.
- [10] Там же, с.184.
- [11] Федюшин О. Указ. соч., с.304-315; Чернин О. Указ. соч., с.272.
- [12] РГАСПИ. ф.558, оп.1, д.120, лл.1-4.
- [13] Советско-германские отношения. Т.1. М., 1968, с.312.
- [14] Мирные переговоры..., с.189-190.

- [15] Там же, с.191, 193.
- [16] Там же, с.195-196.
- [17] Там же, с.201.
- [18] Там же, с.202-203, 205.
- [19] Там же, с.208.
- [20] ДСВ. т.1, с.462.
- [21] Там же, с.488.
- [22] Михутина И. Указ. соч., с.261-262.
- [23] Протоколы заседаний..., с.335-337.
- [24] Ленин. т.35, с.342.
- [25] Там же, с.348-349, 351.
- [26] Документы внешней политики СССР (далее – ДВП). Т.1, с. 112-113.
- [27] Ленин. т.35, с.355.
- [28] Сталин. т.4, с.42-43.
- [29] ДВП. т.1, с.112.
- [30] Там же, с.116.
- [31] Там же, с.117.
- [32] Там же, с.121-123.
- [33] Там же, с.206.
- [34] Там же, с.114-115, 206-207.
- [35] Ленин, т.35, с.410, 420.
- [36] ДВП. Т.1, с.532, 535.
- [37] Образование СССР..., с.76-78.
- [38] Борьба за советскую власть в Прибалтике, с.152.
- [39] Известия. 1918, 23 апреля.
- [40] Федюшин О. Указ. соч., с.114.
- [41] Сюкияйнен И.И. Указ. соч., с.161.
- [42] Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. ч.II. М., 1926, с.120-121.
- [43] Шаумян С. Политика Временного правительства и национальности. – Бакинский рабочий. 1917, 23 августа.
- [44] Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии. Тифлис, 1919, с.6-7.
- [45] Там же, с.7-8.
- [46] Там же, с.9.
- [47] Там же, с.11-12.
- [48] Там же, с.17.
- [49] Там же, с.21.
- [50] Шаумян С. Русская революция и закавказская власть. – Бакинский рабочий. 1917, 3 декабря.
- [51] Шаумян С. Национализм на Кавказе и оголение фронта. –

Бакинский рабочий. 1917, 24 декабря.

[52] Сеф С.Е. Борьба за Октябрь в Закавказье. Тифлис, 1934, с.74.

[53] Закавказье и Грузия. Тифлис, 1919, с.24.

[54] Там же, с.31.

[55] Там же, с.35-36.

[56] Там же, с.84.

[57] ДСВ. т.1, с.298.

[58] ДВП. т.1, с.121.

[59] Закавказье и Грузия, с.87-89.

[60] Там же, с.136.

[61] Там же, с.157.

[62] Бакинский рабочий. 1918, 1 мая.

[63] Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927, с.61-62; Сталин. Т.4, с.106.

[64] Сталин. Т.4, с.35.

[65] Там же, с.33.

[66] ДСВ. Т.1, с.66.

[67] РГАСПИ. ф.558, оп.11, д.1186, л.662.

[68] Сталин. Т.4, с.66-73.

[69] Деятели СССР и революционной России. М., 1989, ст.708.

[70] Известия. 1918, 4 апреля.

[71] Там же, 12 апреля.

[72] Сталин. Т.4, с.74-77.

[73] ДВП. Т.1, с.252-254; Известия. 1918, 12 и 14 апреля.

[74] Известия. 1918, 16 мая.

[75] Сталин. Т.4, с.83.

[76] Известия. 1918, 5 и 16 июня.

[77] Там же, 4 июня.

[78] Там же, 28 мая.

[79] Образование СССР, с.76-78.

[80] Известия. 1918, 16 июня.

[81] Там же, 2 апреля.

[82] Там же, 21 июня.

[83] Там же, 6 июля.

[84] Там же, 1 июля.

[85] Там же, 28 мая.

[86] Там же, 13 июля.

[87] Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов и конференций. Т.1. Киев, 1976, с.20-21.

[88] ДВП. Т.1, с.437-445.

[89] Там же, с.502-504.

[90] Сталин. Т.4, с.85-89.

- [91] Известия. 1918, 21, 22 и 23 мая.
- [92] Сталин. Т.4, с.91-92.
- [93] Известия. 1918, 21 мая.
- [94] Там же.
- [95] Там же, 5 июля.
- [96] Там же.
- [97] ДВП. Т.1, с.565-567.
- [98] Федюшин О. Указ. соч., с.321.
- [99] Рубльов О.С., Реент О.П. Указ. соч., с.246.
- [100] Известия. 1918, 14 мая.
- [101] Лозинский М. Украинская революция (на укр. яз.). Т.V, Вена, 1922, с.68-69.
- [102] Образование СССР., с.81.
- [103] Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины. 1919, №19, с.276.
- [104] Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсидский. М., 1990, с.97-98.
- [105] Ллойд Джордж. Правда о мирных договорах. М., 1957, т.2, с.181.
- [106] Там же, с.195-196.
- [107] Там же, т.1, с.268-270.
- [108] ДВП. Т.XXII, кн.2, с.104.
- [109] Образование СССР., с.98.
- [110] Там же, с.114-115.
- [111] Там же, с.121.
- [112] ДВП. Т.II, с.73-74.
- [113] Образование СССР., с.120.
- [114] Там же, с.121.
- [115] Образование Социалистической Советской Республики Латвии и социалистическое строительство в 1919 г. Рига, 1959, с.140-143.
- [116] Там же, с.184-185.
- [117] Там же, с.253.
- [118] Там же, с.230.
- [119] Там же, с.253.
- [120] Там же, с.230.
- [121] Сталин. Т.4, с.228-229.
- [122] Маттизен Э. Война, за независимость. – Советская Эстония. 1989, 2 и 4 июля.
- [123] Известия социалистического советского правительства Латвии 1919. №59 – 2 мая, с.1.

Глава IV

- [1] Первый конгресс Коминтерна. М., 1933, с. 152.
- [2] Там же, с.30.
- [3] Там же, с.254.
- [4] Там же, с.217.
- [5] Там же, с.206.
- [6] Правда. 1919, 23 марта.
- [7] Там же.
- [8] Восьмой съезд ВКП(б). М., 1959, с.444.
- [9] Там же, с. 397-398.
- [10] Там же, с.37, 41-42.
- [11] Там же, с.47.
- [12] Сталин. Т.4, с.31-32.
- [13] Восьмой съезд ВКП(б), с.48.
- [14] Там же, с.52-57.
- [15] Там же, с.67-68.
- [16] Там же, с.68-69.
- [17] Там же, с.78-81.
- [18] Там же, с.82.
- [19] Там же, с.89-92.
- [20] Там же, с.95-97.
- [21] Там же, с.105-107.
- [22] Там же, с.107-112.
- [23] Там же, с.495.
- [24] Там же, с.53, 106, 96.
- [25] Известия. 1919, 23 марта.
- [26] Исхаков С. Указ. соч., с. 418.
- [27] Жизнь национальностей. 1919, №5(13), 16 февраля; Ленин. Т.52, с.252.
- [28] РГАСПИ. ф.558, оп.11, д. 1186, лл.656-658.
- [29] Там же, ф.17, оп.2, д.11, л.2.
- [30] Там же, д.12, л.1.
- [31] Известия. 1919, 6 апреля.
- [32] РГАСПИ. ф.2, оп.1, д.9186, лл.1-2.
- [33] Там же; Ленин. Т.54, с.413.
- [34] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.3, лл.1-1 об.
- [35] Там же, оп.2, д.8, лл.1-1 об.
- [36] Ленин. Т.54, с.287.
- [37] Там же, т.38, с.400-401.
- [38] РГАСПИ. ф.2, д.17, лл.15-17.
- [39] Коммунист. Киев, 1919, 20 мая.
- [40] Образование СССР..., с.125.
- [41] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.4, л.3.

- [42] Правда. 1919, 24 мая.
- [43] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.4, л.3.
- [44] Там же, ф.2, оп.8, л.1 об.
- [45] ЦГА РФ. ф.1235, оп.21, д.17, лл.21-27.
- [46] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.3, л.1 об.; д.4, л.1.
- [47] Собрание узаконений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (далее – СУ). 1919, №21, ст.264.
- [48] ЦГА РФ. ф.1235, оп.21, д.17, л.38.
- [49] Там же, лл.27-33.
- [50] Известия. 1919, 3 июня.
- [51] Правда. 1919, 11 мая.
- [52] Революция, гражданская война и интервенция в Эстонии. Таллин, 1988, с.568-574.
- [53] Версальский мирный договор. М. 1925, с. 40.
- [54] ДВП. Т.II, с.219-220.
- [55] Там же, с.242.
- [56] Черчилль.У. Мировой кризис. М., 2007, с.158-159.
- [57] Известия Петроградского Совета. 1919, 2 сентября.
- [58] Правда. 1919, 3 сентября.
- [59] Там же, 5 сентября.
- [60] ДВП. т.II, с.243.
- [61] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.7, л.6.
- [62] Там же, л.2 об.
- [63] Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ),ф.04 59,, оп.59, портф.56814, папка 416-а, лл.38-38 об.
- [64] Марушевский В.В. Год на Севере. – Белый Север, в.1. Архангельск, 1993, 1993, с.291, 310.
- [65] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.8, лл.1-1 об.
- [66] Там же, оп.2, д.23, л.1.
- [67] ДВП. Т.II, с.244-245.
- [68] Маннергейм К.Г. Мемуары. М., 1999, с.178.
- [69] Троцкий Л. Моя жизнь. М., 1990, кн.2, с.158.
- [70] Ленин. Т.51, с.390.
- [71] Там же, с.69.
- [72] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.17, л.1.
- [73] Там же, д.18, л.2.
- [74] Директивы главного командования Красной Армии. М., 1969, с.399.
- [75] Революция, гражданская война и иностранная интервенция в Эстонии, с.687.
- [76] Там же.
- [77] ДВП. Т.II, с.339-354.

- [78] Врангель П.Н. Воспоминания. Ч. I. М., 1992, с.373.
- [79-80] Там же, с. 477-478.
- [81] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.86, л.7.
- [82] Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. Уфа, 1959, с.305-306.
- [83] Там же, с.304.
- [84] Жизнь национальностей. 1919, №36 - 21 сентября.
- [85]] Образование СССР., с.311-312.
- [86] Там же, с.313.
- [87] Там же, с.316.
- [88] Там же, с.320-321.
- [89] Там же, с.317.
- [90] Известия. 1919, 17 сентября.
- [91] РГАСПИ. ф.17, оп.2, д.23, лл.1-1 об.
- [92] Там же, оп.163, д.13, л.3.
- [93] Там же, д.15, лл.1-2 об.
- [94] Образование СССР., с.277.
- [95] Там же, с.419-420.
- [96] Сталин. Т.4, с.280.
- [97] Образование СССР., с.421-422.
- [98] Там же, с.424-427.
- [99] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.22, л.1 об.
- [100] Там же, д.23, л.1.
- [101] Образование Татарской Автономной Советской Социалистической Республики. Казань, 1963, с.171-172.
- [102] Образование СССР., с.898.
- [103] Там же, с.432.
- [104] Там же, с.433-434.
- [105] Там же, с.436-438.
- [106] Там же, с.444, 899.
- [107] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.29, л.1.
- [108] Там же, д.31, л.4.
- [109] Там же, д.32, л.1.
- [110] Там же, д.56, лл.3-3 об.
- [111] Там же, д.32, л.1.
- [112] Там же, л.3.
- [113] Образование СССР., с.469.
- [114] РГАСПИ. Ф.17, оп.163, д.40, л.1 об.
- [115] Образование СССР., с.368-375.
- [116]] РГАСПИ. Ф.17, оп. 163, д.56, лл.10-10 об.
- [117] Там же, д.58, л.3 об.
- [118] ДСВ. Т.III, с.220-221.
- [119] СУ. 1920, №74, ст.341.

[120] Известия. 1920, 17 июня.

[121] ДСВ. Т.III, с.252-253.

Глава V

[1] Ленин. Т.40, с.90.

[2] Там же, с.92.

[3] Там же, с.98.

[4] Из истории иностранной интервенции и гражданской войны в Азербайджане. Баку, 1957, с. 118.

[5] Азербайджанская Демократическая Республика (1918-1920). Внешняя политика (документы и материалы). Баку, 1998, с.40.

[6] Там же, с.226-228.

[7] Там же, с.233.

[8] Там же, с.232.

[9] Там же, с.254-255.

[10] Там же, с.269-270.

[11] Там же, С.369-370.

[12] Там же, с.443.

[13] Там же, с.457-490.

[14] Мустафа-заде Р. Две республики. Азербайджано-российские отношения в 1918-1922 гг. М., 2006, с.76.

[15] Азербайджанская Демократическая Республика..., с.502.

[16] Там же, с.507.

[17-18] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.29, л.1.; Ленин, т.40, с.52.

[19] Мустафа-заде Р., Указ. соч., с.79.

[20] Азербайджанская Демократическая Республика..., с.541-542.

[21] Там же, с.545.

[22] РГАСПИ. ф.80, оп.3, д.1, лл.106-107; оп.23, д.29, л.1.

[23] Мустафа-заде, Указ. соч., с.83.

[24] Там же, с.86.

[25] Азербайджанская Демократическая Республика, с.524.

[26] Мустафа-заде Р. Указ. соч., с.90.

[27] Там же, с.86.

[28] Ленин. Т.51, с.157-158.

[29] Там же, с.163-164.

[30] ДВП. Т.II, с.384-395, 413.

[31] Известия. 1920, 29 апреля.

[32] Там же, 7 мая; СУ, 1920, №64, ст.252.

[33] Гунчак Т. (ред.) Украина и Польша в документах (на англ.яз.). Нью Йорк, 1983, с.31-35.

[34] Гунчак Т. Украина. Первая половина XX столетия (на укр. яз.). Киев, 1993, с.267.

[35] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.29, л.2 об.

- [36] Там же, ф.2, оп.1, д.12727, лл.2-4.
- [37] Жизнь национальностей. 1920, №6 - 15 Февраля.
- [38] Собрание узаконений УССР. 1920, №12, ст.245.
- [39] Постановления и резолюции сессий ВЦИК VII созыва. М., 1920, с.65.
- [40] Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов и конференций и пленумов ЦК. Т.1. Киев, 1976, с.158.
- [41] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.68, лл.20-21.
- [42] Там же, д.66, л.23; д.71, лл.3, 18.
- [43] Там же, д.38, л.12 об.
- [44] ДВП. Т.II, с.438-439.
- [45] Там же, с. 438.
- [46] Там же, с.656.
- [47] Там же, с.29-31.
- [48] Там же, с.41.
- [49] Там же, с.54-55.
- [50] Там же, с.60.
- [51] Там же, с.47-53.
- [52] Ленин. Т.41, с.161-168.
- [53] Там же, с.243.
- [54] РГАСПИ. ф.2, оп.1. д.24248, лл.1-2; Образование Башкирской автономной,., с.485-486.
- [55] Второй конгресс Коминтерна. М., 1934, с.492-493.
- [56] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.72, лл.18, 40 об.; д.75, л.9.
- [57] Сталин. Т.4, с.67.
- [58] ДСВ. Т.V, с.379.
- [59] РГАСДИ. ф.17, оп.163, д.32, л.1 об.
- [60] Там же, д.36, л.1 об.
- [61] ГАРФ. ф.1235, оп.37, д.2, лл.49-50.
- [62] СУ РСФСР. 1920, 176, ст.359.
- [63] РГАСПИ. ф.159, оп.2, д.8, л.36.
- [64] Там же, л.37.
- [65] Там же, ф.17, оп.163, д.68, лл.17-18.
- [66] Образование СССР., с.153-155.
- [67] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.75, л.28.
- [68] Там же, л.17.
- [69] Там же.
- [70] Там же, д.24, л.1.
- [71] Там же, л.27.
- [72] ДВП. Т.II, с.321.
- [73] Там же, с.322.
- [74] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.65, л.20.
- [75] ДВП. т.II, с.100-101.

- [76] Политбюро ЦК РКП(б) и Коминтерн. М., 2004, с.53-54.
- [77] Хаткевич А.Ф. Польские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Белоруссии. Минск, 1967, с.128.
- [78] ДВП. Т.11, с.137-138.
- [79] Черчилль У. Мировой кризис, с.181.
- [80] ДВП. Т.11, с.204-206.
- [81] Там же, с.247-248.
- [82] Там же, с.309.
- [83] Там же, с.497-498.
- [84] Грицкевич А.П. Западный фронт РСФСР. 1918-1920. Минск, 2008, с.415.
- [85] Там же, с.428.
- [86] ДВП. Т.11, с.244.
- [87-88] Там же, с.265-282.
- [89] Там же, с.376.
- [90] Сталин. Т.4, с.351-355.
- [91] ДБП. Т.11, с.222.
- [92] Сталин. Т.4, с.356-367.
- [93] Там же, с.372.
- [94] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.38, л.12.
- [95] Там же, д.91, лл.6-6 об.
- [96] Ленин. Т.52, с.9.
- [97] РГАСПИ. ф.2, оп.1, д.16244, лл.1-1 об.
- [98] Сталин. Т.4, с.394-397.
- [99] Там же, с.399-406.
- [100] ДСВ. Т.11, с.167,
- [101] Там же, с.262-263.
- [102] Там же, с.167-169.
- [103] Там же, с.264-265.
- [104] ДСВ. Т.11, с.140-141.
- [105] Там же, с.193-199.
- [106] Шесть лет национальной политики советской власти и Наркомнац. М., 1924, с.66.
- [107] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.104, лл.11-12, 15-16.
- [108] Там же, д. 108, л.23.
- [109] Там же, ф.159, оп.2, д.8, л.30.
- [110] Там же, л.31.
- [111] Известия. 1920, 19 декабря.
- [112] РГАСПИ. ф.5, оп.1, д.1306, лл.8-13 об.
- [113] Там же, ф.558, оп.1, д.2479, л.1.
- [114] ДВП. Т.11, с.433-435.
- [115] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.103, л.6.
- [116] Там же, ф.159, оп.2, д.30, л.40.

- [117] Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т.III. М., 1965, с.286.
- [118] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.105, л.7.
- [119] По воле народа. Из истории образования Белорусской ССР и создания Коммунистической партии Белоруссии. Минск, с.187-188.
- [120] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.118, л.22.
- [121] Там же, л.21.
- [122] ДБП. Т.III, с.475-477.
- [123] Там же, с.178-185.
- [124] Там же, с.563.
- [125] Там же, с.185-187.
- [126] Там же, с.565.
- [127] Там же, с.552.

Глава VI

- [1] РГАСПИ. ф.2, оп.1, д.16244, лл. 2-1 об., 2.
- [2] Мустафа-Заде Р. Указ. соч., с.215.
- [3] Там же, с.296.
- [4] ДВП. Т.II, с.726-727.
- [5] Мустафа-Заде Р. Указ. соч., с.254.
- [6] Там же, с.255.
- [7] Великая Октябрьская социалистическая революция и победа советской власти в Армении (далее – Великая...). Ереван, 1957, с.373.
- [8] Имранлы К. Создание армянского государства на Кавказе. М., 2006, с.140-141.
- [9] Великая..., с.360.
- [10] Там же, с.385.
- [11] Севрский мирный договор. М., 1927; ст.27 - с.16; ст.31-32 - с.88-93.
- [12] Мустафа-Заде Р. Указ. соч., с.264.
- [13] Там же, с.267.
- [14] Там же, с.265.
- [15] Там же, с.268.
- [16] РГАСПИ. ф.64, оп.1, д.21, л.216.
- [17] Там же, л.220.
- [18] ДВП. Т.III, с.325.
- [19] РГАСПИ. ф.2, оп.1, д.16244, л.1.
- [20] ДВП. т.III, с.347-348.
- [21] Великая..., с.437.
- [22] Там же, с.491.
- [23] Там же, с.438-439.
- [24] Киров С.М. Статьи, речи, документы. М., 1936, с.230-231.

- [25] ДВП. Т.III, с.397.
- [26] Там же, с.393.
- [27] Там же, с.453-454.
- [28] Борьба за победу советской власти в Грузии. Тбилиси, 1958, с.563
- [29] Там же, с.564.
- [30] Там же, с.572.
- [31] РГАСПИ. ф.159, оп.2, д.II, лл.65-66.
- [32] ДВП. Т.III, с.330.
- [33] РГАСПИ. ф.159, оп.2, д.11, л.105.
- [34] Ленин. Т.52, с.71.
- [35] Там же.
- [36] РГАСПИ. ф.159, оп.2, д.II, л.64.
- [37] Там же, д.56, л.50.
- [38] Там же, д.57, л.9.
- [39] Там же, л.10.
- [40] ДВП. Т.III, с.578-599.
- [41] Сталин. Т.4, с.414.
- [42] Сталин. Т.5, с.15-29.
- [43] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.112, л.5.
- [44] Сталин. Т.5, с.1-3.
- [45] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.112, л.5.
- [46] ДВП. Т.III, с.29, 124-129, 137, 246, 270, 518, 552.
- [47] РГАСПИ. ф.159, оп.2, д.8, л.30.
- [48] Правда. 1921, 6 марта.
- [49] Там же, 8 марта.
- [50] Там же.
- [51] Там же.
- [52] Там же, 9 марта.
- [53] Сталин. Т.5, с.33-34.
- [54] Правда. 1921, 10 марта.
- [55] Протоколы X съезда РКП(б). М., 1933, с.192-205.
- [56] Там же, с.205-206.
- [57] Там же, с.209-219.
- [58] Там же, с.212-214.
- [59] Там же, с.214-217; Сталин. Т.5, с.45-49.
- [60] Протоколы X съезда..., с.749.
- [61] Там же, с.495-496; Сталин. Т.5, с.45-49.
- [62] Протоколы X съезда..., с.573-583.
- [63] Сталин. Т.5, с.52-59.
- [64] Ленин. Т.52, с.135-136.
- [65] Образование СССР., с.270.
- [66] Там же, с.271.

- [67] РГАСПИ. ф.64, оп.1, д.14, л.3.
- [68] Там же, д.1, л.64.
- [69] Образование СССР., с.272.
- [70] Компартия Грузии в резолюциях и решениях съездов и конференций. Тбилиси, 1979, с.16.
- [71] РГАСПИ, ф.64, оп.1, д.61, лл1-5.
- [72] Там же, д.1, лл.1 об, 77.
- [73] Имранлы К. Указ. соч., с.154.
- [74] РГАСПИ. ф.64, оп.1, д.8, л.73.
- [75] Там же, л.74.
- [76] Там же, л.75.
- [77] Там же, д.1, л.220.
- [78] Там же, л.74.
- [79] Там же, лл.220-224.
- [80] Там же, лл.83-95.
- [81] Образование СССР., с.273; без купюр - РГАСПИ. ф.85, оп.18, д.331, лл.1-3.
- [82] РГАСПИ. ф.64, оп.1, д.1, л.95.
- [83] Там же, л.112.
- [84] Там же, л.114.
- [85] Там же, л.121.
- [86] Там же, л.126.
- [87] Там же, л.121 об.
- [88] Там же, лл.113-113 об.
- [89] Сталин. Т.5, с.88-100.
- [90] РГАСПИ. ф.64, оп.1, д.6, лл.7-8.
- [91] Там же, д.1, л.142.
- [92] Там же, ф.17, оп.163, д.176, л14.
- [93] Там же, ф.85, оп.1, д.326, л.1.
- [94] Там же, ф.64, оп.1, д.1, л.148.
- [95] Там же, л.154.
- [96] Там же, л.138 об.
- [97] Там же, д.2, л.80.
- [98] Там же, л.80 об.
- [99] Там же, д.1, лл.84, 94, 121 об.; ф.25, оп.18, д.334, лл.1-2
- [100] Там же, ф.84, оп.1, д.1, л.105.
- [101] Там же, л.182.
- [102] Там же, ф.85, оп.18, д.328, л.5.
- [103] Там же, л.1; ф.17, оп.163, д.214, лл.7-8.
- [104] Образование СССР., с.280.
- [105] Там же, с.284 частично; полностью - РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.220, лл.10-10 об.
- [106] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.220, л.11.

- [107] Там же, ф.64, оп.1, д.2, лл.88-88 об., 110.
- [108] Компартия Грузии, с.23.
- [109] Образование СССР, с.283; РГАСПИ. ф.85, оп.18, д.328, лл.3-4.
- [110] РГАСПИ. ф.64, оп.1, д.6, л.13.
- [111] Там же, ф.17, оп.163, д.232, л.12 об.
- [112] Известия. 1921, 29 октября.
- [113] Там же, 1922, II января.
- [114] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.265, л.15.
- [115] Там же, ф.5, оп.1, д.1952, л.2.
- [116] Несостоявшийся юбилей. М., 1992, с.88.
- [117] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.274, л.20.
- [118] ДВП. Т.III, с.552.
- [119] Несостоявшийся юбилей, с.87.
- [120] РГАСПИ. ф.5, оп.1, д.1952, л.6.
- [121] Там же, ф.159, оп.2, д.8, л.31.
- [122] Там же, ф.17, оп.163, д.234, л.29 об.
- [123] Несостоявшийся юбилей, с.88.
- [124] РГАСПИ. ф.159, оп.2, д.8, л.40.
- [125] Несостоявшийся юбилей, с.88.
- [126] Там же, с.88-89; РГАСПИ. ф.5, оп.1, д.1954, л.1.
- [127] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.235, л.25.
- [128] Там же, л.22.
- [129] Там же, д.236, л.4.
- [130] Нежинский Л.Н. У истоков большевистско-унитарной внешней политики. – Отечественная история. 1994, №1, с.97-98.
- [131] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.255, л.2.
- [132] Там же, ф.5, оп.1, д.1952, л.18.
- [133] Там же, л.19.
- [104] Там же, л.20.
- [135] ЦК РКП(б) - ВКП(б) и национальный вопрос. М., 2005, с.64-65
- [136] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.265, л.13.
- [137] Там же, ф.17, оп.163, д.225, л.13.
- [138] Одиннадцатый съезд РКП(б). М., 1961, с.37.
- [139] Там же, с.73-75.
- [140] Там же, с.116.

Глава VII

- [1] ДВП. Т.V, о.110-111.
- [2] Коммунист. Харьков, 1920, №30-3 июня, с.6-10.
- [3] Раковский Х.Г. Отношения между советскими республиками. – Коммунист. Харьков, 1920, №30, с.10-12.
- [4] РГАСПИ. ф.2, оп.1, д.11782, лл.2 об. - 3.

- [5] Там же, ф.17, оп.163, д.18, л.1.
- [6] Там же, ф.2, оп.1, д.11782, лл.14-16.
- [7] Коммунистическая партия Украины в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. т.1. Киев, 1976, с.70-74.
- [8] РГАСПИ. ф.2, оп.1, д.1306, лл.8-9.
- [9] Коммунистическая партия Украины..., с.158-159.
- [11] Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Украины. 1919, №6, ст.73; №8, ст.102.
- [12] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.62, л.2.
- [13] Там же, д.95, л.6.
- [14] Там же, д.95, л.1.
- [15] Там же, д.232, л.3.
- [16] Там же, д.261, л.24.
- [17] Несостоявшийся юбилей..., с.88-91.
- [18] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.225, лл.11-12.
- [19] Несостоявшийся юбилей..., с.88-91.
- [20] Там же, с.91-92.
- [21] Там же, с.92.
- [22] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.265, л.13.
- [23] Там же, д.272, л.9.
- [24] Там же, д.273, лл.5-5 об.
- [25] Нежинский Л.Н. Указ. соч., с.90.
- [26] Компартия Грузии..., т.1, с.27-28.
- [27] Ленин. Т.44, с.388-389.
- [28] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.255, л.11.
- [29] Там же, д.256, л.3.
- [30] Там же, д.241, л.14.
- [31] Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т.1. М., 1990, с.224.
- [32] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.271, л.40.
- [33] Там же, л.9 об.
- [34] Там же, д.282, лл.9-10.
- [35] Там же, д.290, л.13.
- [36] Там же, д.274, л.3.
- [37] Там же, д.275, л.40.
- [38] Там же, лл. 5-7; частично – Несостоявшийся..., с.94.
- [39] Там же, ф.558, оп.1, д.2479, л.13.
- [40] Несостоявшийся юбилей, с.96.
- [41] РГАСПИ. ф.17, ОП.112, д.360, л.3.
- [42] Ленин. т.45, с.115.
- [43] СУ РСФСР. 1919, №64, ст.578.
- [44] Там же, 1921, Ж, ст.1.
- [45] Александров И.Г. Экономическое районирование России.

- О районировании. - Вопросы экономического районирования СССР. (1917-1929). М., 1957, с.66-96.
- [46] Тезисы, выработанные комиссией ВЦИК. – Там же, с.103-104.
- [47] Александров И.Г. Экономическое районирование России. – Там же, с.77-78.
- [48] Там же, с.96.
- [49] Известия. 1921, 22 марта.
- [50] Тезисы. – Вопросы экономического районирования СССР. (1917-1929). М., 1957, с. 102-107.
- [51] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.279, л.20.
- [52] Несостоявшийся юбилей..., с.102.
- [53] РГАСПИ. ф.17, оп.112, д.360, л.5.
- [54] Ленин. Т.45, с.112.
- [55] Известия ЦК КПСС. 1989, №9, с.192-193.
- [56] Там же, с.193-195.
- [57] Там же, с.195.
- [58] Там же, с.197.
- [59] Там же.
- [60] Коммунистическая партия Грузии..., с.29.
- [61] Несостоявшийся юбилей..., с.97-98.
- [62] Там же, с.99.
- [63] Там же, с.106-107.
- [64] Там же, с.104.
- [65] Известия ЦК КПСС. 1989, №9, с.176.
- [66] Там же, с.198-200.
- [67] Там же, с.200-203.
- [68] Малая советская энциклопедия. Т.4. М., 1929, кол.186.
- [69] Ленин. Т.45, с.111-112.
- [70] Известия ЦК КПСС. 1989, №9, с.208.
- [71] Там же, с.206.
- [72] Там же, с.208-209.
- [73] Там же, с.209-212.
- [74] Там же, с.213.
- [75] Ленин. Т.45, с.106.
- [76] Известия ЦК КПСС. 1989, №9, с.214.
- [77] РГАСПИ. ф.17, оп.2, д.83, л.1; порядок фамилий даётся по протоколу пленума.
- [78] Ленин. Т.45, с.214.
- [79] Известия ЦК КПСС. 1989, №9, с.206.
- [80] Там же, с.214-215.
- [81] РГАСПИ. ф.17, оп.84, д.358, л.48.
- [82] Несостоявшийся юбилей..., с.212-213.

- [83] Там же, с.124-125.
- [84] Там же, с.126-128.
- [85] РГАСПИ. ф.17, оп.84, д.341, л.75.
- [86] Ленин. Т.45, с.299-300.
- [87] РГАСПИ. ф.17, оп.84, д.341, л.76.
- [88] Несостоявшийся юбилей..., с.123.
- [89] Там же, с.130.
- [90] Там же, с.130-131.
- [91] Там же, с.133-139.
- [92] Там же, с.140.
- [93] Там же, с.140-142.
- [94] РГАСПИ. ф.17, оп.163, д.313, л.13; д.314, лл.8 - 8 об.
- [95] Вашингтонская конференция. М., 1924, с.112-113.
- [96] ДВП. Т.V, с.753, 530-531.
- [97] Известия. 1922, 21 ноября.
- [98] Сталин. Т.5, с.138-144.
- [99] Несостоявшийся юбилей..., с.144-145.
- [100] На пути к «социалистическому унитаризму». – Отечественная история. 1992, №4, с.91.
- [101] Там же, с.93.
- [102] Там же, с.99, 105.
- [103] Там же, с.92-93, 99.
- [104] Там же, сс.100-101, 103-105, 112-114.
- [105] Там же, с.98-99.
- [106] Там же, с.99-100.
- [107] Там же, с.106.
- [108] РГАСПИ. ф.558, оп.1, д.2479, л.65.
- [109] Образование СССР..., с.305.
- [110] На пути к «социалистическому унитаризму»..., с.107.
- [111] История советской Конституции (в документах). М., 1957, с.375.
- [112] Образование СССР..., с.296-297.
- [113] Там же, с.299.
- [114] Там же, с.304.
- [115] Сталин. Т.5, с.145-155.
- [116] Несостоявшийся юбилей..., с.151-161.
- [117] Там же, с.161-171.
- [118] История советской Конституции..., с.383-391.
- [119] Сталин. Т.5, с.158-159.
- [120] История советской Конституции..., с.393.
- [121] 1-й съезд Советов Союза Советских Социалистических Республик. М., 1923, с.11-12.

Оглавление

Вступление	7
Часть I. Ящик Пандоры	13
глава I. Новая власть – старые проблемы	15
глава II. Три фронта борьбы	103
глава III Нет худа без добра	193
Часть II. Рука судьбы	283
глава IV Самоопределение - неизбежное зло	285
глава V В поисках федерации	373
глава VI Диктует геополитика	453
глава VII Последняя схватка: поражение	539
Послесловие	633
Примечания	647

ЖУКОВ
Юрий Николаевич

Массово-политическое издание

Компьютерная верстка – М. Тихонова
Корректор – Т. Вахнюк

www.atbooks.ru
Издательский Центр «Аква-Терм»

Подписано в печать 17.05.2011.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага писчая.
Усл. печ. л. 35,28.
Тираж 5000 экз. Заказ № 380.

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: sales@uralprint.ru